

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДАГЕСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ
ДАГЕСТАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
НАУКИ**

**СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ:
понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация,
практика, профилактика и противодействие**

**Махачкала
2009**

Руководители авторского коллектива:

*Дибиров А.-Н.З. – отв. редактор
Сафаралиев Г.К.*

Авторский коллектив:

Дибиров А.-Н.З., Сафаралиев Г.К., Пронский Л.М., Ханбабаев К.М., Яхьяев М.Я., Баранов М.В., Барис В.В., Барис Е.В., Билалов Б.А., Бобков А.Н., Дибиров З.А., Еремин Б., Моисеенко Т.В., Народницкий Ю.О., Саидов А.А., Федоров В.В., Шаряпов Р.А., Шнирельман В.А.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие. Рук. авт. колл. Дибиров А.-Н.З., Сафаралиев Г.К. Махачкала. 2009. С.

ISBN

(с) Дибиров А.-Н.З., Сафаралиев Г.К. и др.

(с) Федеральное агентство по образованию

(с) Дагестанский государственный университет

(с) Дагестанский институт экономики и политики

(с) Дагестанское отделение РАПН

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. Понятие и сущность политического экстремизма и терроризма с государственно-политической точки зрения	17
1.1. Феноменологический анализ политического экстремизма как негативно- го социального явления	17
1.2. Социально-философский анализ политического экстремизма. Основные этапы формирования экстремистской деятельности	27
1.3. Понятие идеологии. Идеология и наука	31
1.4. Консервативные и реформистские идеологии. Радикализм и экстремизм	39
1.5. Политический экстремизм и терроризм	49
1.6. Политический экстремизм и легитимная власть	53
1.7. Научно-практические выводы	71
ГЛАВА 2. Духовное развитие общества и основные мировые идеологии со- временности	79
2.1. Периодизация духовного развития общества	79
2.2. О сущности религии	87
2.3. Мифологическое и языческое сознание	106
2.4. Религиозное сознание и основные мировые религии в современном об- ществе	122
2.4.1. Буддизм	123
2.4.2. Иудаизм	125

2.4.3. Ислам	131
2.4.4. Христианство	134
2.4.5. Протестантская этика и дух Запада	142
2.4.6. Исламская этика и дух Корана	156
2.5. Основные просвещенческие идеологии в современном обществе ..	168
2.5.1. Развитие конфликта между наукой и религией в западном сознании	168
2.5.2. Либерализм	180
2.5.3. Социализм	188
2.5.4. Национализм	192
а) Расово-культурная концепция Ж. Гобино	196
б) Этнокультурная евроцентристская концепция Г. Рюккерта	197
в) Этнокультурная концепция Н.Я. Данилевского	199
г) Культурно-государственная концепция К.Н. Леонтьева	204
д) Классово-элитарная концепция А.Дж. Тойнби	205
е) Пассионарная концепция Л.Н. Гумилева	206
2.6. Развитие основных идеологических конфликтов в Новой и Новейшей истории западного общества	208
2.6.1. Борьба религиозных и просвещенческих идеологий	208
2.6.2. Борьба националистических и наднациональных (универсалистских) идеологий	225
2.6.3. Борьба либералистских и социалистских идеологий	228
2.7. Научно-практические выводы	241
ГЛАВА 3. Основные виды и формы современного политического экстремизма	254

3.1. Научная классификация видов и форм экстремизма	254
3.1.1. Понятие социально-политического конфликта	255
3.1.2. Субъекты социально-политического конфликта	259
3.1.3. Содержание социально-политического конфликта	262
3.1.4. Стратегии разрешения конфликта	274
3.1.5. Основные виды и формы экстремизма	279
3.2. Внутригосударственный экстремизм	282
3.2.1. Основные виды внутригосударственного экстремизма	282
3.2.2. Классово-политический экстремизм	284
3.2.3. Этнополитический и межэтнический экстремизм	297
3.2.4. Религиозно-политический экстремизм	316
3.2.5. Молодежный, гендерный и экологический экстремизм	319
3.4. Межгосударственный (международный) политический экстремизм и терроризм	327
3.5. Научно-практические выводы	336
ГЛАВА 4. Истоки и причины существования политического экстремизма как негативного социального явления	348
4.1. Философско-идеологические корни экстремизма	348
4.2. Культурно-этнические корни экстремизма	364
4.3. Социально-экономические корни экстремизма	385
4.4. Личностно-психологические корни экстремизма	394
4.5. Специфика экстремистского поведения	413
4.6. Научно-практические выводы	424
ГЛАВА 5. Политический экстремизм в современной России	434

5.1. Исторические особенности формирования и развития российской государственности	434
5.2. Политический экстремизм и терроризм в современной России: общее и особенное	465
5.3. Многообразие видов и форм экстремизма и терроризма в России и странах СНГ	486
5.4. Исламский религиозно-политический экстремизм	501
5.5. Политический экстремизм на Северном Кавказе	517
5.6. Взаимодействие этнических и культурно-конфессиональных противоречий на Северном Кавказе и формы их разрешения (на примере республики Дагестан)	522
5.7. Русский этнополитический экстремизм	534
5.8. Научно-практические выводы	542
ГЛАВА 6. Система профилактики и противодействия политическому экстремизму и терроризму	550
6.1. Государственная система профилактики и противодействия политическому экстремизму и терроризму	550
6.2. Зарубежный опыт политико-правового регулирования системы противодействия экстремизму и терроризму	556
6.3. Российский опыт политико-правового регулирования системы противодействия экстремизму и терроризму	570
6.4. Социально-политические проблемы современного российского общества и профилактика обострения политических конфликтов ...	583
6.5. Социально-экономические проблемы современного российского общества и профилактика обострения социально-экономических конфликтов	601
6.6. Проблемы аграрных регионов России и обеспечение продовольственной безопасности российского общества	641
6.7. Проблемы борьбы с коррупцией в системе противодействия экстремизму и терроризму	662

6.8. Проблемы образования, воспитания и трудоустройства молодежи в системе противодействия экстремизму и терроризму	682
6.9. Роль СМИ и массовой культуры в системе противодействия экстремизму и терроризму	691
6.10. Экстремизм и новейшие информационные технологии	701
6.11. Научно-практические выводы и рекомендации по совершенствованию и укреплению системы профилактики и противодействия политическому экстремизму и терроризму	707
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	727
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Рекомендации Всероссийской научно-практической конференции. «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму». Махачкала. Ноябрь 2009	795
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Угроза террористического акта: модели и механизмы защиты (памятка населению)	806
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Примерный план мероприятий по обеспечению ежегодного охвата сетевой системой непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий	848
БИБЛИОГРАФИЯ	918

ВВЕДЕНИЕ

В наше время особенно поучительно и актуально для российской политической и духовной элиты звучит одно из знаменитых высказываний Н. Макиавелли. «Римляне, — писал он, — поступали так, как надлежит поступать всем мудрым правителям, то есть думали не только о сегодняшнем дне, но и о завтрашнем, и старались всеми силами предотвратить возможные беды, что не трудно сделать, если вовремя принять необходимые меры, но если дожидаться, пока беда грянет, то никакие меры не помогут, ибо недуг станет неизлечимым. Здесь происходит то же самое, что с чахоткой: врачи говорят, что в начале эту болезнь трудно распознать, но легко излечить; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно. Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет. ... Римлянам не по душе была поговорка, которая не сходит с уст теперешних мудрецов: полагайтесь на благодетельное время, — они считали благодетельным лишь собственную доблесть и дальновидность. Промедление же может обернуться чем угодно, ибо время приносит с собой как зло, так и добро, как добро, так и зло»¹.

Многие тяжелые проблемы, которые приходится сейчас преодолевать с таким трудом и жертвами нынешней России, являются следствием именно **запущенности** тяжелых социальных и духовных недугов, поразивших наше общество не вчера, а в гораздо более отдаленное время. И к числу таких тяжелейших проблем относится **политический экстремизм** и **терроризм** (как его самое крайнее и острое проявление), поразившие уже не только отдельные местности и регионы нашей страны, но и всю страну в целом, включая и ее крупные города и столицы. При этом экстремизм вышел уже за узкие круги оп-

¹ Макиавелли Н. Государь. М., 1998. С. 100.

позиционной политической и духовной элиты и проник в самые широкие массы российского населения, включая и молодежь, и даже подростков. Шокирующим примером последнего рода стало совсем недавнее дело семи подростков из банды Артура Рыно и Павла Скачевского, под предводительством которых в Москве совершались преступления на почве национальной вражды. По данным следствия, преступная группировка, в которую входили 9 человек, в период с августа 2006 г. по октябрь 2007 г. убила 20 человек, еще 12-ти причинила телесные повреждения различной степени тяжести. При этом большинству обвиняемых на момент совершения преступлений не было и 18 лет. В Мосгорсуде присяжные вынесли обвинительный вердикт в отношении участников банды, которые приговорены к различным срокам заключения¹.

К сожалению, этот пример является далеко не единственным, и число жертв таких насильственных действий в России быстро растет. Если в 2004 г. правозащитники зафиксировали 268 нападений, повлекших гибель 50 чел., то в 2007 г. эти цифры составили уже соответственно 676 и 85. Наконец, только за пять месяцев 2008 г. от рук скинхедов погибли 59 чел. При этом главным центром их активности остается Москва, а среди жертв в последние два года преобладают узбеки, таджики и киргизы. Кроме того, сегодня скинхеды все чаще обращают свою агрессию против чуждых им по духу молодежных групп, которые они обвиняют в непозволительном «космополитизме»².

Между тем, социологические опросы показывают, что если в начале 1990-х гг. молодежь (18-24 года) в меньшей степени, чем представители старших поколений, была подвержена ксенофобии, то начиная с середины 1990-х

¹ Скинхедов из банды А. Рыно признали виновными в 20 убийствах // Бизнес-газета РБК-Daily. 02 декабря 2008 // <http://top.rbc.ru/society/02/12/2008/265057.shtml>.

² Авдеев Ю.И. О некоторых современных тенденциях этнонационального экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Ло-

гг. она оказалась весьма восприимчивой к радикальным настроениям. А к началу 2000-х гг. по уровню ксенофобии молодежь превзошла практически все остальные возрастные категории, включая пожилых людей, традиционно отличавшихся ее высоким уровнем. Согласно социологическим исследованиям Центра Ю. Левады, ксенофобия особенно характерна для тех социальных слоев, положение которых ухудшилось в последние годы или неустойчиво. Она сильно выражена у учащихся ПТУ, рабочей молодежи и школьников, проживающих в малых, кризисных городах, но также и в мегаполисах. Ее культивируют экстремистские ультранационалистические группы, организации **скинхедов** и т.п., причем за спонтанным молодежным экстремизмом часто стоят определенные политические силы. Однако с 1991 по 1997 гг. почти удвоилась доля ксенофобских настроений и среди респондентов с **высшим образованием**. «Поэтому неверно думать, — подчеркивает В.А. Шнирельман, — что скинхеды — это исключительно примитивные, малообразованные подростки. В Москве основную массу скинхедов составляют дети, во-первых, бывшего советского среднего класса (квалифицированных рабочих, инженеров, работников НИИ), чье благосостояние в 1990-е гг. резко ухудшилось, а во-вторых, представителей мелкого и среднего бизнеса»¹.

В основе ненависти этих молодежных группировок к «чужакам» лежат уже не просто бытовые проблемы и конфликты, но и определенная **идеологическая база**.

Еще более это очевидно в случае с **религиозно-политическим** и **этнополитическим** экстремизмом и терроризмом, поразившем южные регионы России и СНГ, в особенности, — Северный Кавказ. где происходит непосред-

тос», 2008. Т. 1. С. 87.

¹ Шнирельман В.А. Движение скинхедов — эскалация молодежного насилия // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 476.

ственное взаимодействие совместно проживающих разных народов, принадлежащих традиционно к разным конфессиям, иначе говоря, — в том регионе, где среди российского населения отмечается наибольшее **этноконфессиональное многообразие**. И точно такой же зоной — с повышенным этноконфессиональным и даже расовым многообразием — являются в современной России ее **крупные города** и, особенно, ее **мегаполисы** — Москва и Санкт-Петербург.

При этом, если основными особенностями политического экстремизма и терроризма на Северном Кавказе являются его **религиозно-политический** (в основном **исламский**) и **националистический** характер, во многом стимулируемый и подпитываемый из **зарубежных** источников (хотя истоки и корни его носят в основном **внутренний** характер), то основными особенностями **городского** и **мегаполисного** российского экстремизма являются, во-первых, то, что наиболее активную роль здесь играют представители **русского — государствообразующего — народа**; во-вторых, то, что этот экстремизм носит не только этнополитический, но и **расовополитический** характер; в-третьих, то, что он опирается не на религиозную (православно-христианскую) идеологию, а на некоторую смесь архаических **языческих** (древнеславянских) верований и обычаев и ультрасовременных **фашистских** (национал-социалистских) идеологических доктрин, заимствуемых в основном на Западе; наконец, в-четвертых, — этот экстремизм носит по преимуществу **молодежный** характер, выражаясь в основном в деятельности так называемых **скинхедов**.

Таким образом, российский политический экстремизм характеризуется необычайной **сложностью** и **многообразием** его идеологических основ — от религиозно-средневековых (ваххабиты и язычники) до ультрасовременных (неофашисты и небольшевики). При этом в российском политическом экстремизме традиционно и причудливо переплетаются восточные и западные духовно-политические влияния, лежащие, кроме того, и на собственную, своеобразную российскую экстремистскую духовно-политическую почву. Все это

требует от исследователя данного негативного социального феномена широчайшего научно-теоретического и духовно-практического кругозора, исторического подхода и философской глубины анализа. Эффективная борьба с этими негативными социальными явлениями и система мер профилактики и противодействия им должны опираться на глубокое научное понимание их сущности, истоков и причин формирования, законов их развития.

Между тем, основным недостатком современной литературы, посвященной анализу и осмыслению феноменов экстремизма и терроризма, является, по мнению авторов настоящей монографии, поверхностный, неглубокий, чисто **криминологический** характер научного подхода. Российские исследователи описывают и анализируют в основном **внешнюю**, наиболее заметную — насильственно-криминальную — сторону этих феноменов, не переходя к углубленному анализу **социальной и духовной основы** экстремистских действий и деятельности. В лучшем случае дело ограничивается анализом **социально-экономической** основы экстремизма и терроризма. Однако не меньшую роль в этих явлениях играет и их **социально-психологическая, идеологическая, морально-нравственная и морально-религиозная** основы. Именно этой глубинной основой и определяется в конечном итоге то, что проявляется затем на поверхности в остро криминализованной форме. Ограничиваясь только внешним анализом самих негативных социальных феноменов, нельзя добраться до их подлинных причин, а, следовательно, — предложить политикам-практикам эффективные способы профилактики, противодействия и борьбы с экстремизмом и терроризмом. В пользу этого вывода свидетельствует и весь опыт практической борьбы с ними в последние годы, которая, не приводит пока к стойким позитивным результатам. Создается даже впечатление, что положение дел в этой сфере еще и ухудшается год от года.

Другим недостатком основной массы литературы по экстремизму и терроризму является, по мнению авторов данного исследования, недостаточно

внимание в ней к **процессам развития** этих негативных социальных феноменов. При этом развитие их необходимо исследовать в двойном плане. С одной стороны — это глубокие **исторические корни** экстремизма и терроризма (их филогенез), а, с другой — «**онтогенетическое**» развитие самих этих явлений, возникающих не в одночасье, а формирующихся в течение относительно длительного периода времени и проходящих в своем развитии ряд закономерных этапов и стадий. Чем раньше в процессе такого формирования принимаются профилактические и антиэкстремистские меры, тем с меньшими усилиями и негативными последствиями можно преодолеть зарождающуюся болезнь.

Российское общество в настоящее время в сильнейшей степени озабочено и напугано размахом экстремистской и террористической активности, развившейся у нас с началом реформ 1990-х годов. Социологи давно уже констатируют нарастание в российском обществе настроений, характеризующихся состоянием страха, тревоги, неуверенности, незащищенности и т.д. В частности, социологический опрос 1500 респондентов, проведенный в ноябре 2001 г. Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), показал, что из 25 понятий 33% опрошенных признали приоритетным «безопасность», а 32% опрошенных — «мир»¹, что свидетельствует о широкой неудовлетворенности современного российского общественного сознания состоянием безопасности личности, общества и государства.

Правительство РФ давно уже осознало тяжесть положения в этой сфере. Поэтому в Концепции национальной безопасности РФ «криминализация общественных отношений, рост организованной преступности и увеличение масштабов терроризма» были названы в числе основных факторов, «создающих широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны»². И в настоящее время борьбе с этими негативными социальными яв-

¹ Коммерсантъ-Власть. 2001. 4 декабря.

² Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента

лениями отдается приоритет во внутренней политике российского государства. «В числе первостепенных задач, — указывает в этой связи президент Российской Федерации Д.А. Медведев, — остается и жесткое противодействие национализму и экстремизму. Любая пропаганда сепаратизма, национализма, религиозной нетерпимости — это, безусловно, вызов стабильности и единству нашего многонационального государства. Здесь уже нужна не только работа по последствиям, но и эффективная профилактическая деятельность, самое тесное взаимодействие с институтами гражданского общества»¹.

Настоящая монография ставит своей целью способствовать всестороннему и углубленному исследованию феномена политического экстремизма и выработке точных научно-теоретических и практических выводов, направленных на успешное преодоление и эффективное противодействие этим негативным социальным явлениям. При этом авторы стремились избежать отмеченных выше недостатков отечественных и зарубежных исследований, посвященных политическому экстремизму и терроризму, а также максимально приблизить свое исследование к специфике именно **российских** проблем и особенностей их современного развития (учитывая в то же время и богатый зарубежный опыт, как исторический, так и самый современный).

Предлагаемая монография содержит в себе шесть глав, в каждой из которых последовательно освещаются и решаются основные научно-практические проблемы, связанные с феноменом политического экстремизма и терроризма.

В **Первой главе** содержится общий **теоретико-методологический** анализ различных подходов к определению сущности экстремизма и терроризма и вырабатывается авторский подход, особенностью которого является повышенное значение, придаваемое **идеологическому** (в широком смысле) фактору,

РФ от 17 дек. 1997 г. (в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г.) // Российская газета 2000. 18 января.

¹ Медведев Д.А. Выступление на расширенном заседании коллегии Федеральной службы безопасности. 29 января 2009 года // Официальный сайт Президента РФ //

включающему в себя как религиозно-нравственную, так и светскую идеологическую основу различных проявлений экстремизма и терроризма. Второй особенностью предлагаемого подхода является концентрация авторского внимания лишь на тех проявлениях экстремизма, которые несут в себе повышенную угрозу для безопасности личности, общества и государства. То есть, экстремизм исследуется авторами не с абстрактно-теоретической, а с **государственно-политической** точки зрения.

Поэтому **Вторая глава** монографии посвящена всестороннему исследованию **идеологических основ** общества. Исследуются основные доктрины как современных мировых религий, так и современных мировых светских (просвещенческих) идеологий (либералистских, социалистских и националистических). При этом исследование их ведется в историческом ракурсе, отражающем как формирование самих основных духовно-нравственных доктрин, так и их историческую борьбу между собой.

Третья глава посвящена теоретическому анализу различных видов и форм современного политического экстремизма. Исследуется их взаимосвязь, оценивается степень социально-политической опасности, формулируются общие подходы по профилактике и противодействию этим негативным социальным явлениям.

В **Четвертой главе** анализируются основные причины и истоки формирования экстремистской деятельности. При этом повышенное внимание уделяется духовно-нравственным, социально-психологическим и личностным аспектам экстремистской деятельности и экстремистского поведения в целом.

Пятая глава посвящена исследованию различных аспектов, видов и форм **российского** политического экстремизма и терроризма. Особое внимание при этом уделяется, во-первых, исламскому религиозно-политическому экстремизму, во-вторых, экстремизму на Северном Кавказе как наиболее про-

блемном в этом отношении регионе, и, в-третьих, — экстремизму городскому и мегаполисному, носящему в основном молодежный и русско-этнический характер.

Шестая глава посвящена детальному анализу, во-первых, российской системы профилактики и противодействию политическому экстремизму и терроризму и ее основных проблем, а, во-вторых, — основным современным проблемам формирования нового российского общества, к числу которых авторы относят: 1) формирование новой политической системы, 2) формирование справедливого социального государства, 3) развитие аграрных регионов России и обеспечение продовольственной безопасности нашего общества, 4) проблему преодоления коррупции в среде современной российской политической элиты, 5) молодежную проблему и 6) проблему саморегулирования и регулирования деятельности российских СМИ (включая и виртуальную коммуникативную среду) и российской индустрии массовой культуры. Все эти основные проблемы, по мнению авторов, либо непосредственно **сопряжены** с проблемами современного российского политического экстремизма и терроризма, либо даже являются их социально-политической **питательной средой**. В этой главе содержатся также и обобщенные научно-практические рекомендации по совершенствованию российской системы профилактики и противодействия политическому экстремизму и терроризму.

В **Заключении** кратко суммируются все основные теоретические положения и научно-практические выводы данного исследования.

В **Библиографии** дается обзор основной современной отечественной и зарубежной литературы по проблемам политического экстремизма и терроризма.

В трех **Приложениях** приведены некоторые дополнительные материалы, имеющие важное практическое значение для дальнейшего исследования проблем политического экстремизма и терроризма, развития системы массового

антиэкстремистского образования и воспитания населения, а также для практической подготовки его к жизни в условиях постоянной террористической опасности.

Практическое значение работы заключается в том, что ее материалы, положения и выводы могут быть использованы в преподавании политологических, политико-правовых и государственно-правовых дисциплин; в организации и проведении массового антиэкстремистского и антитеррористического образования населения; в регулировании и саморегулировании деятельности современных СМИ; а также при разработке законопроектов и практических программ и мер по профилактике и противодействию экстремизму и терроризму в условиях современной России.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА С ГОСУДАРСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

1.1. Феноменологический анализ политического экстремизма как негативного социального явления

Разработка эффективной и всеобъемлющей системы государственно-политических мер профилактики и противодействия экстремизму требует выработки достаточно корректного и глубокого **общего определения** экстремизма, рассматриваемого именно с государственно-политической точки зрения. Однако некоторые исследователи, например С.А. Эфиров¹, полагают, что не следует стремиться к выработке общего определение терроризма и экстремизма, и можно ограничиться лишь некоторыми важнейшими признаками, достаточно полно их характеризующими. При этом, к таким признакам (применительно к терроризму) сам С.А. Эфиров относит:

- политическую мотивацию насильственных действий;
- направленность насилия на дестабилизацию положения в обществе и запугивание различных социальных групп;
- отсутствие обязательной связи терактов с последующими вооруженными конфликтами;
- наличие определенной идеологии экстремистской направленности, оправдывающей террористические действия.

При всей прагматической ценности подобного подхода, его, как и любое эмпирическое обобщение, все же нельзя принять в качестве полноценного методологического инструмента в силу его недостаточной общности и системности. Четкое определение экстремизма необходимо не только для выработки

¹ Эфиров С.А. Политический радикализм: возможность реставрации и его предотвращения. М., 1998.

адекватных правовых формулировок, но и для широкой просветительской работы с населением, у которого в настоящее время в отношении этого негативного социального феномена практически отсутствует его четкое понимание. В 1999 году Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) был проведен социологический опрос¹ с целью выяснения массовых представлений об экстремистских организациях России. Респондентам был задан открытый (предполагающий ответ в свободной форме) вопрос: «Какие экстремистские организации Вы знаете?». Ответили на него только 20% опрошенных, остальные затруднились с ответом. При этом ответы распределились следующим образом (в % от числа опрошенных):

РНЕ	10
Исламисты, ваххабиты, талибы, «Хезболла»	5
Фашисты, нацисты, националисты	4
Чеченцы, чеченские боевики	3
ЛДПР	1
«Трудовая Россия», «Союз офицеров»	1
«Память»	1

Семь человек назвали христианские религиозные секты (чаще всего — «Свидетелей Иеговы»), четверо — «сионистов», трое — «лимоновцев», еще трое — «Союз революционных писателей»².

Таким образом, в массовом общественном сознании нет в настоящее время

¹ Материалы Всероссийского опроса городского и сельского населения. ФОМ. 11 сентября 1999 года. 1500 респондентов (См. http://bd.fom.ru/report/cat/policy/political_party/of19994005).

² Опрос проводился вскоре после взрыва на Манежной площади в Москве, в связи с которым последняя из названных организаций упоминалась в СМИ.

достаточной ясности с квалификацией экстремистских негативных явлений. Поэтому здесь, на наш взгляд, как и во многих других областях общественной практики, следует придерживаться принципа, гласящего, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория. А это значит, что в выработке полноценного определения экстремизма необходимо все же последовательно двигаться от общего к частному и конкретному.

Самое общее и «тощее» определение экстремизма содержится в обычно энциклопедических словарях, где экстремизм (от *лат.* *extremus* — крайний) определяется как «... приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)»¹. В свою очередь, приверженец, согласно словарю С.И. Ожегова, — это «... убежденный сторонник, последователь кого-нибудь, чего-нибудь»². Таким образом, с самой общей точки зрения, экстремисты — это убежденные сторонники крайних взглядов и мер, обычно, в сфере политической деятельности.

Однако для государственно-политического подхода такого, предельно широкого понимания экстремизма очевидно недостаточно. Оно должно быть сужено введением в него дополнительных признаков, каковым, с нашей точки зрения, прежде всего должен быть признак **общественной опасности**. Только те сторонники крайних взглядов и мер могут быть признаны экстремистами, с государственно-политической точки зрения, приверженность которых своим убеждениям угрожает прямо или косвенно безопасности личности, общества и государства. Если же такой опасности они не представляют, то и отнесение их к экстремистам может носить только чисто формальный, казуистический характер.

Так, например, убежденные сторонники взгляда, согласно которому американцы, на самом деле, никогда не высаживались на Луне и все свои «доказа-

¹ Большой энциклопедический словарь. М.-СПб., 1997.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

тельства» пребывания там сняли в павильонах Голливуда, — приверженцы таких крайних взглядов, очевидно, никакой серьезной опасности ни для кого не представляют (по крайней мере, в России). В то же время, сторонники, например, полного запрещения аборт, представляют определенную опасность для некоторых женщин, которым аборт может оказаться необходимым по медицинским показаниям. Однако и сторонники крайней свободы абортов также представляют определенную общественную опасность, как с точки зрения морали и здоровья общества, так и с точки зрения его демографической безопасности. Наконец, сторонники, например, доктрины анархизма, призывающей к полному упразднению государства, представляют для общества самую серьезную опасность, причем, — тем большую, чем шире движение сторонников таких идей и чем более насильственными методами они борются с противниками подобных взглядов и программ.

Приведенные примеры должны были продемонстрировать существование **разной степени опасности** экстремизма различных видов и форм. Поэтому, даже и с добавлением признака общественной опасности, мы еще не получаем основание для квалификации экстремизма с государственно-политической точки зрения. Государство и общество должны интересоваться, главным образом, опасные, очень опасные и крайне опасные формы экстремизма. Экстремизм же незначительной общественной опасности не заслуживает серьезного государственного и общественного внимания и должен восприниматься с определенной долей терпимости. Иначе говоря, экстремизм выделяется в особую государственно-политическую категорию (и проблему) не столько потому, что он представляет собой некую **крайность**, сколько потому, что такая крайность несет с собой высокую или **крайнюю опасность** для личности, общества и государства.

Вторым явным недостатком рассматриваемого общего определения экс-

тремизма является некоторое **уравнивание** в нем феномена **взглядов** с феноменом **«мер»**. Что касается слова «меры», то оно в языке относится обычно к действиям и деятельности **официальных** органов и организаций, уполномоченных от лица общества или государства на принятие соответствующих санкций и их исполнение («правительство приняло меры», «меры пресечения» и т.д.). Тогда как слово экстремизм употребляется в основном в отношении **неофициальных** и даже **нелегальных** действий организаций и лиц. Поэтому слово «меры» в рассматриваемом определении не вполне уместно и должно быть заменено более общими терминами — **экстремистская деятельность, экстремистские действия.**

При этом, по отношению к деятельности и действиям их квалификация как экстремистских обычно не вызывает особых затруднений, так как все они выражаются обычно в тех или иных формах физического или иного **насилия**. Именно насилие и представляет в цивилизованном обществе нечто **крайнее**, в нормальных условиях недопустимое и неприемлемое. Более того, любое насилие и принуждение в цивилизованном обществе допускается только государству. Все остальные лица и социальные группы **легитимных** прав на насилие не имеют.

Однако по отношению к тому, что называется в обществе **«взглядами»**, применение определения **экстремистских** далеко не столь просто и однозначно. Прежде всего, это вступает в противоречие с провозглашенными в современном обществе принципами **свободы слова** и **свободы мысли**. Любое запрещение и официальное осуждение каких-либо взглядов и мыслей как крайних, экстремистских является **нарушением** этих фундаментальных принципов и потому не может осуществляться на тех же самых основаниях, что и запрещение крайних, экстремистских **действий**. Кроме того, крайние взгляды могут носить и вообще чисто теоретический, **научный** характер. Запрещение или преследование таких взглядов чревато уже и застоєм в **исследовании** обще-

ственных явлений.

Следовательно, с государственно-политической точки зрения, определение степени общественной опасности любых **взглядов и высказываний** должно вырабатываться не кулуарно-экспертным, а **демократическим** путем — в ходе широких и свободных общественных, научных и парламентских дискуссий, с окончательной опорой на широкое общественное мнение конкретной страны.

При этом следует иметь в виду еще и то, что одни и те же формы экстремизма для **разных стран** представляют неодинаковую опасность. Так, например, расизм и крайний национализм (этноцентризм) не актуальны и не опасны в настоящее время в условиях Японии или Кореи, но очень опасны для таких стран, как Россия (или бывшая Югославия). Соответственно, и степень **противодействия** этим формам экстремизма в разных обществах должна быть различной. Какого-то единого международного стандарта, пригодного для всех стран и народов в данном случае не существует, хотя международная практика борьбы с экстремизмом должна изучаться и использоваться во всех странах.

Итак, экстремизмом, с государственно-политической точки зрения, следует признавать приверженность частных лиц или организаций к крайним взглядам и действиям, несущим в себе высокую степень опасности (потенциальной или актуальной) для личности, общества и государства. Степень такой опасности должна определяться на основе широкого общественного мнения, в ходе научных, общественных и парламентских дискуссий. Соответственно, и меры, принимаемые для профилактики и противодействия конкретным формам экстремизма, должны соответствовать степени их общественной опасности в конкретной стране.

Однако и это, более конкретное, определение экстремизма все еще недостаточно для полноценного проникновения в его суть. Дальнейшая конкретизация данного определения требует обращения к **социальным и духовно-**

культурным причинам и условиям, порождающим опасные формы экстремизма.

В качестве таких причин и условий в самом общем виде выступают общественные противоречия. Социально-государственная ткань современного высокоразвитого общества с достаточно богатой культурой и историей пронизана множеством самых разных противоречий, среди которых особое значение для понимания сути экстремизма имеют противоречия между большими и сверх-большими группами людей, в числе которых следует выделить прежде всего следующие.

1. Межрелигиозные и межконфессиональные противоречия.
2. Межэтнические и культурно-этнические противоречия.
3. Межрасовые противоречия.
4. Политические противоречия (между силами, борющимися за власть в государстве).
5. Межнациональные (межгосударственные, международные) противоречия.
6. Межклассовые противоречия.
7. Рыночно-экономические противоречия (между представителями различных отраслей современной экономики и различными глобальными игроками современного рынка).
8. Идеологические противоречия (между приверженцами различных идеологических течений и доктрин, предлагающих различные формы и способы разрешения всех социальных противоречий).

Указанные основные противоречия существуют в обществе объективно, независимо от воли и желаний людей, и в общественной жизни они проявляются в виде межличностных и межгрупповых конфликтов.

В ходе этих конфликтов и их осмысления противоборствующие стороны вырабатывают те или иные **идеологии и программы**, направленные на прин-

ципиальное разрешение этих конфликтов. И как раз в специфике этих принципиальных разрешений и может заключаться общественно опасный экстремизм.

С этой точки зрения суть экстремизма заключается в том, что одна из сторон социального конфликта (или обе стороны) избирают такой способ его разрешения, который сводится к моральному, правовому или даже физическому подавлению и уничтожению одной из сторон конфликта. Вместо цивилизованного и социально плодотворного способа **разрешения** объективных противоречий (а жизнь общества и состоит из такого повседневного разрешения этих противоречий) избирается способ **непримиримый, антагонистический**, основанный на представлениях о принципиальной неразрешимости противоречия без морального, правового или физического подавления или уничтожения одной из сторон.

Именно с избранием сторонами конфликта такого подхода и с реализацией его на практике социальные конфликты максимально обостряются и нормальной жизни общества начинает угрожать повышенная опасность. Общественная опасность экстремизма, таким образом, состоит в избрании им **непримиримой, антагонистической** позиции по отношению к своему оппоненту (или противнику) в том или ином **нормальном**¹ социальном конфликте, существующем в рамках объективных социальных противоречий.

Так, например, марксизм как глобальная экстремистская идеология объявляет неразрешимыми противоречия между собственниками и наемными работниками, конфликт которых должен разрешиться, по мнению марксистов, лишь морально-правовым (а отчасти и физическим) уничтожением одной из сторон. Вторым неразрешимым противоречием марксизм объявляет идеологический конфликт между верующими и атеистами, который тоже должен разрешиться полным уничтожением религиозной веры и организаций верующих. Других

¹ Под словом «нормальный» здесь понимается то, что рассматриваемый конфликт не носит уголовно-правового характера. Конфликты между преступниками и обществом не относятся

неразрешимых конфликтов марксизм не устанавливает.

В то же время фашизм и национал-социализм как формы экстремистской идеологии устанавливают целый «букет» неразрешимых противоречий. Прежде всего — это расизм как противоречие между «арийской» расой господ и всеми остальными «неполноценными» народами, подлежащими арийскому порабощению и подчинению. В рамках этого конфликта германский фашизм особое значение придает конфликту с еврейским народом как самым «зловредным», подлежащим полному устранению. Столь же непримиримо фашизм относится и к своим идеологическим противникам — либерализму и коммунизму (социализму). Менее радикально, но достаточно жестко фашизм относится к крупной буржуазии, к церкви, к рыночным формам регулирования экономики к сторонникам свободе мысли и т.д.

Таким образом, наиболее общественно опасными, с государственно-политической точки зрения, являются такие экстремистские доктрины, программы и формы социально-политического действия, которые отрицают за одной из сторон объективного социального противоречия и социального конфликта равное право на существование, объявляя сосуществование сторон конфликта в той или иной форме невозможным и призывая к моральному, правовому или даже физическому насилию над своим противником, его имуществом, ценностями, святынями и т.д.

Наконец, мы должны определиться и с пониманием того, какие именно формы экстремизма следует относить к **политическим**. В разрешении этого вопроса в настоящее время также нет необходимой четкости и ясности. Так, например, в Словаре-справочнике по политологии сказано: «Экстремизм — это приверженность к крайностям в политике. Чаще всего экстремизм проявляется в отрицании существующих политических норм, ценностей, процедур, основополагающих принципов организации политических систем, стремлении к

подрыву политической стабильности и низвержению существующей власти. Для экстремизма характерна нетерпимость к инакомыслию, плюрализму, поиску консенсуса»¹.

В целом такая характеристика согласуется с анализом, проведенным нами выше, однако она представляется слишком узкой. Поэтому мы предлагаем говорить о политическом экстремизме в **узком** и **широком** смыслах. В узком смысле политический экстремизм — это негативный феномен, проявляющийся в сфере борьбы за власть. В широком же смысле к политическому экстремизму следует относить любые негативные социальные феномены, угрожающие в современном обществе безопасности личности, общества и государства. Поскольку основной функцией государственной власти является обеспечение безопасности и защита прав личности, общества и государства, то и любые негативные **социальные феномены**, достигающие высокой степени социальной опасности, неизбежно попадают в сферу действия политики и, следовательно, приобретают **политический** характер. В узком же смысле политический экстремизм — это взгляды и деятельность только собственно политических сил, ведущих в обществе борьбу за власть.

Именно такое общее понимание и определение сути экстремизма является, с нашей точки зрения, теоретически необходимым и методологически достаточным для выработки полноценной системы профилактических и противодействующих мер в интересах обеспечения безопасности общества, личности и государства и их нормального развития.

Однако для развития полноценных и всесторонних теоретических концепций экстремизма и экстремистской деятельности требуется и более глубокий и разносторонний **теоретический анализ** рассматриваемого феномена и более детальное выяснение его отношений с такими смежными и родственными явлениями, как радикализм, терроризм и т.д.

¹ Политология: словарь-справочник / М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. М., 2001.

1.2. Социально-философский анализ политического экстремизма. Основные этапы формирования экстремистской деятельности

Проведенные в 2007 и 2008 гг. Всероссийские научно-практические конференции, посвященные проблемам экстремизма и терроризма¹, показали, что в среде российских ученых сохраняется все еще значительный разброс мнений в отношении **теоретико-методологических** (социально-философских и философско-исторических) подходов к исследованию феноменов экстремизма и терроризма (что характерно, впрочем, и для мирового научного сообщества в целом).

Наиболее четкая и глубокая методологическая позиция в рассматриваемом вопросе в настоящее время высказывается, на наш взгляд, доктором философских наук, профессором М.Я. Яхьяевым, который считает, что главной существенной чертой экстремизма является наличие в его основе **идеологии**. «Экстремистская идеология, — указывает он, — является **базисом**, основой экстремистской деятельности. При определении экстремизма в литературе обычно акцент делается именно на характеристику экстремистской **деятельности**. При определении экстремистской деятельности, главное внимание уделяется перечислению основных видов **экстремистских действий**. При этом **мотивы** этих действий раскрываются достаточно абстрактно и расплывчато. Нередко можно встретить фактическое отождествление экстремистской деятельности с терроризмом. Нам же кажется, что главным при определении экстремистской деятельности является не простое перечисление разновидностей кон-

¹ См.: Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2007; Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008.

кретных действий экстремистов, а четкое указание на ее **идеологическую основу**. Экстремистской является деятельность, обусловленная и мотивированная **экстремистской идеологией**¹.

Предлагаемое М.Я. Яхьяевым уточнение сущности экстремизма нам представляются в целом правильными и фактически обоснованным. Действительно, любой экстремизм отличается от простой уголовной преступности (в том числе организованной), прежде всего своими **мотивами**. Экстремисты действуют не в целях личного или группового обогащения, а ради достижения более «высоких» целей, которым ими часто приносятся в жертву и чужие, и собственные материальные интересы, а нередко и сами жизни. Такими целями могут быть: «освобождение» каких-либо угнетаемых или притесняемых (по оценке самих экстремистов) социальных групп или народов, завоевание суверенной политической власти (полной или частичной), обретение независимости от каких-либо социальных групп или народов; утверждение в обществе нового, «более справедливого» государственного порядка и т.д. Однако экстремизм, в отличие от простого терроризма, предполагает, кроме того, еще и определенную **идеологическую** основу. К террору могут прибегать и обычные уголовные преступники. Экстремисты же всегда руководствуются некоторыми «идейными» соображениями. Более того, экстремизм может и не выражаться (особенно в начальной стадии его развития) ни в каких социальных **действиях**, и может ограничиваться одной только **идеологической и пропагандистской** (или проповеднической) деятельностью. Именно в этом и состоит своеобразие рассматриваемого феномена по сравнению с другими, родственными ему негативными социальными явлениями. Образно говоря, экстремизм — это всегда идеологически нагруженная негативная социальная деятельность.

¹ Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 403.

Окончательное общее определение экстремизма, предлагаемое М.Я. Яхьяевым, выглядит следующим образом: «Экстремизм есть сложное социальное явление, включающее в себя три основных ... элемента: экстремистскую идеологию, являющуюся базисом экстремизма; экстремистскую деятельность, являющуюся осуществлением, воплощением в жизнь экстремистской идеологии; экстремистскую организацию, являющуюся формой социальной организации экстремистской деятельности»¹.

В целом такое выделение нам представляется удовлетворительным. Однако необходимо дополнить его и **историческим** (динамическим) ракурсом анализа. Экстремистская организация и ее деятельность — это не просто один из элементов экстремизма как сложного социального феномена, а **завершающий этап** его закономерного исторического развития (формирования). Аналогично, и экстремистская идеология — это не просто основной, базисный элемент экстремизма, а его **начальный** этап. В целом же развитие феномена экстремизма в том или ином обществе можно представить в виде следующих основных последовательных этапов его развития.

На **первом**, самом начальном этапе его формирования в обществе возникает определенная **идеология**, представляющая собой некоторую систему крайних взглядов на формы и способы разрешения какого-либо актуального социального противоречия (или всех основных противоречий). На этом этапе «экстремисты» (которых еще очень трудно идентифицировать в качестве таковых) — это просто идеологи, мыслители-одиночки, развивающие соответствующие идеи. Они еще очень немногочисленны, их буквально **единицы**.

На **втором** этапе зародившаяся новая идеология начинает **расширять** круг своего влияния, то есть, приобретать себе более или менее обширные кру-

¹ Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 403.

ги своих сторонников, приверженцев, которые усваивают новые взгляды идеологов-основоположников и начинают отстаивать и пропагандировать их в кругу людей, озабоченных морально-теоретическими проблемами общества. На этом этапе «экстремисты» — это уже достаточно широкие круги (десятки и сотни людей), интенсивно обсуждающие и проповедующие новые идеи. Но развитие здесь все еще ограничивается кругами «интеллектуалов», не имеющих выходов к широкой, массовой аудитории.

На **третьем** этапе новые идеи начинают овладевать уже и **массами** (не десятками и сотнями, а уже тысячами людей), чему способствует деятельность **популяризаторов** и **проповедников** новых идей. Если на первом и втором этапах обсуждение новой идеологии происходит в достаточно узких кругах, в специальных журналах для специалистов, то теперь обсуждение этих идей выносится уже в широкие массы — «на улицу», «на площадь», «на рынок», в массовую **литературу** и в средства **массовой информации**. Перед революцией 1905 года в России, как отмечал В.И. Ленин, «купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала базарным продуктом»¹.

На **четвертом** этапе новая идеология воспринимается уже не идеологами только, но и **практическими деятелями**, создающими на ее основе соответствующие конкретные **планы** и **программы** переустройства общества в соответствии с новыми идеями. Под эти планы и программы они начинают вербовать уже не просто сторонников и приверженцев новых взглядов, а реальных **исполнителей**, готовых посвятить себя делу **реализации** этих планов и программ. Разрабатывается **стратегия** и **тактика** достижения поставленных целей. Из идеологической и теоретической областей экстремистские взгляды переносятся уже на **практическую почву**.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 22. С. 83.

Наконец, на последнем, **пятом** этапе формирования феномена экстремизма сформировавшиеся уже **практические организации**, набравшие достаточное число **активистов** и «**боевиков**», переходят теперь и к конкретным экстремистским **действиям**. Их деятельность протекает уже в **изменившейся социальной среде**, в которой они находят достаточное число сочувствующих и способствующих реализации их планов. При этом решающую роль здесь начинает играть поддержка сформировавшейся организации **финансовыми** и вообще **материальными** средствами. Ни одна организация не может **развиваться** без соответствующей материальной поддержки¹. Идеология и широкое сочувствие в обществе представляют лишь **моральную** основу ее деятельности, необходимую для поддержания личного энтузиазма ее членов, но только **материальная** поддержка обеспечивает достаточный размах и эффективность действий сколько-нибудь значительной экстремистской организации.

Таким образом, от зарождения идей в головах мыслителей-одиночек, через приобретение ими широкого и затем массового влияния в конкретном обществе и к формированию действующей организации, имеющей материальную поддержку — таков основной путь развития феномена экстремизма, путь последовательного формирования его **основных элементов**. Далее мы рассмотрим эту основную схему более детально и конкретно.

1.3. Понятие идеологии. Идеология и наука

Однако в ходе конкретизации рассматриваемой концепции мы неизбежно сталкиваемся и с еще одной фундаментальной для современной науки труд-

¹ Так, например, рост и международное распространение экстремистских ваххабитских организаций не в последнюю очередь обусловлены финансовыми вливаниями, исходящими из Саудовской Аравии и Кувейта. «Для поддержания экстремизма в форме ваххабизма и его деятельности в мировом масштабе эти страны расходуют миллиардные суммы» (См. Наматов Н. Религиозный экстремизм в Центральной Азии // CA&CC Press®AB (Central Asia & Central Caucasus Press AB/) // <http://www.ca-c.org/datarus/namatov.shtml>).

ностью, которая выражается в еще более неопределенном понимании феномена и сущности **идеологии**, чем даже и понимание самого экстремизма. И в основе проблем с адекватным пониманием идеологии лежат известные положения, высказанные еще К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые квалифицировали идеологию как **ложную форму сознания**.

К сожалению, это некорректное понимание идеологии сохраняется во многом и до сих пор. В «Большом энциклопедическом словаре», например, идеология определяется следующим образом: «Идеология, — система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности. Термин «идеология» нередко употребляется также для обозначения ложного, иллюзорного, оторванного от действительности сознания»¹.

В этом определении, как мы видим, нет даже и попытки указания на то, **чем же отличается** идеологическая форма сознания, например, от научной его формы, а вместо этого просто перечисляются различные конкретные виды идеологических форм сознания. Но зато здесь приведено указание на «ложный», «иллюзорный», «оторванный от действительности» характер идеологического сознания. Именно из такого, некорректного понимания идеологии и возникают периодически попытки заменить идеологию «истинным» — **научным** — сознанием. И самой первой такой попыткой как раз и является сам **марксизм**, претендующий на то, что быть «научной теорией», а вовсе не идеологией. Однако марксизм — это не только наука (и даже не столько наука), сколько определенная идеология. Но при этом он сам не осознает себя в качестве таковой, относясь негативно даже и к самому слову «идеология».

Определение идеологии, даваемое в «Философском энциклопедическом словаре» гораздо более теоретично: «Идеология, — указано там, — система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к дей-

¹ Большой энциклопедический словарь. М.-СПб., 1997.

ствительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение (развитие) данных общественных отношений»¹.

В этом определении содержится весьма ценное указание на **целеполагающий** характер идеологии, но вместе с тем в нем присутствует и стремление **затушевать различие** между идеологией и наукой. Четче всего проявляется это в определении тем же словарем того, что такое идея: «Идея — форма постижения в мысли явлений объективной реальности, включающая в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира»².

Поскольку наука есть тоже «форма постижения явлений объективной действительности» в мысли, то непонятно, чем же принципиально отличается от нее идеология. Однако любые рассуждения об идеологии бесперспективны, если в их основе не лежит четкий ответ на вопрос о ее принципиальном отличии от науки.

Современная философия, между тем, давно уже (еще до Маркса) дала общее решение этого вопроса. Кратко оно сводится к следующему. Наука есть знание **о сущем**. Идеология — это представление **о должном**. Наука стремится постичь то, **что есть**. Идеология стремится обосновать то, что **должно быть**. В этом и состоит их принципиальное различие. Обе эти формы сознания необходимы человеку, и при этом ни одна из них не может заменить собой другую.

Дело в том, что в обществе (впрочем, как и в природе) то, **что есть**, может быть также еще **и иным**, — **не таким**, каким мы его находим. Оно может быть **изменено** и **сделано** другим. Вот на то, каким его **следует** сделать и указывает обществу идеология. И в этом наука ей ничем помочь не может. Из того, что нечто является таким, а не иным, невозможно логически вывести, каким

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

² Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

оно **должно быть**. Наука не может указать человеку, **куда именно** ему следует направлять изменение мира. «Философы, — восклицал в свое время Маркс, — лишь различным образом **объясняли** мир, но дело заключается в том, чтобы **изменить** его»¹. При этом он полагал, что нашел именно **научное**, а не идеологическое решение вопроса о том, как именно следует изменить мир.

На чем же основывалась вера самого Маркса в научность идеологии коммунизма? Если говорить кратко, — на том, что общество (**западноевропейское** общество XIX века), согласно его **научным** выводам, уже **само собой** двигалось к коммунизму. Именно об открытии этого движения и возвестили в 1848 году миру К. Маркс и Ф. Энгельс в своем знаменитом Манифесте. «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма», — писали они. «О «Коммунистическом Манифесте», — писал М. Вебер, сам не одобрявший социалистов, — не задумываясь, можно сказать вот что: по крайней мере, по замыслу, хотя и не всегда по оформлению, он воздерживается от морализаторства. Авторам «Коммунистического Манифеста», по крайней мере, судя по их утверждениям ... вообще не приходит в голову сетовать на гнусность и подлость мира. Они также не придерживаются мнения, что их задача состоит в том, чтобы сказать: то-то и то-то в мире устроено так-то, а должно быть устроенным иначе, а именно — так-то и так-то. Нет, «Коммунистический Манифест» — это пророческий документ; он пророчит закат частнохозяйственной, как принято говорить — капиталистической, организации общества и предрекает замену этого общества первоначально — на переходной стадии — диктатурой пролетариата. ... И какие же основания, — вопрошал М. Вебер, — приводятся в пользу предрешенной законами природы и неизбежной гибели современного общества? Ибо она свершится строго по законам природы: таким был второй основной тезис этого патетического пророчества ... Энгельс как-то раз воспользовался таким образом: подобно тому, как в отдаленном будущем планета Земля рухнет

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. , Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3. С. 4.

на Солнце, так и нынешнее капиталистическое общество обречено на гибель. Какие же основания в пользу этого приводятся?»¹.

И далее М. Вебер опровергает всю марксистскую аргументацию в пользу этого тезиса. Однако для нас важен здесь только **сам метод** обоснования идеологии коммунизма. Логика **научного** убеждения в марксизме выстроена таким образом, что к коммунизму приверженцам этой идеологии следует стремиться не потому, что коммунизм — это благо, а капитализм — зло, а потому, что капитализм уже **и сам собой** движется к коммунизму с неизбежностью естественноисторического процесса. Сама природа якобы (или сам Бог, если бы коммунисты верили в Бога) играет на стороне коммунистов. Последним остается, следовательно, только **помогать** этому движению, **ускорять** его, **облегчать** «муки родов» нового общества. Но, в принципе, уже и сама природа капитализма все это делает и без них. Именно так они и воспринимали свою миссию. Поэтому коммунистов-марксистов в XIX веке иронически называли «партией восхода Луны».

Однако М. Вебер все же был не прав в том, что в Манифесте якобы не содержится совсем никакого «морализаторства». Напротив, Манифест — это в первую очередь **морально-идеологический призыв**, а не научно-теоретический трактат. Он обращен к массам, а массы не воспринимают логических рассуждений. Они не вдохновляются ими. Поэтому Манифест содержит в себе не столько научную философию, сколько яркую, образную обличительную инвективу против капитализма как **бездуховного, бесчеловечного, уродливого** социального строя, который должен быть уничтожен не потому, что он и сам по себе уже идет к гибели, а потому, что он **аморален**. «Буржуазия, — писали авторы «Манифеста», — повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естествен-

¹ Вебер М. Политические работы (1895-1919). М., 2003. С. 320-321.

ным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на месте бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. ... Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников. Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям»¹.

Вот это и есть подлинное, **идеологическое** обоснование необходимости разрушения капитализма и замены его более гуманным и благородным обществом. Но, конечно, в марксизме при этом содержится и очень значительный **научный, теоретический** элемент, представляющий собой ценность независимо от его идеологической составляющей. Только эта теория в марксизме поставлена на службу его идеологии — идеологии коммунизма.

В этом отношении мы должны заметить также, что вообще ни одна идеология не лишена и своей **научной, теоретической** составляющей. Если в марксизме такой составляющей являются положения, почерпнутые в основном из экономических теорий, то в либерализме, например, они заимствованы из философско-правовых теорий (особую роль здесь сыграла морально-этическая философия И. Канта с его категорическим императивом, а также и учение Ч. Дарвина о борьбе за существование и выживании наиболее приспособленных). В основе фашистских и нацистских доктрин лежат антропологические и культурологические теории, описывающие реальные особенности рас, культур и

¹ Маркс К. Фридрих Э. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2 изд. Т. 4. С. 425.

народов и т.д. Поэтому всякая современная серьезная идеология представляет собой лишь морально-этическую **переработку научных истин** и приспособление их в идеологических целях. «Всякая теория, — писал по этому поводу Р. Арон, — стремящаяся стать идеологией политического движения или официальной доктриной государства, должна поддаваться упрощению, для проставков, и усложнению, для снобов. Вне всякого сомнения, учение Маркса в высшей степени обнаруживает эти добродетели. Каждый может найти в нем то, что он хочет»¹.

Таким образом, идеология, в отличие от науки, — это учение не о том, каков есть этот мир (и прежде всего — общество, общественный порядок), а о том, **каким он должен быть** (и, следовательно, — **каким он быть не должен**). Идеология — это та же **религия**, только отказавшаяся от идеи бога. При этом, в марксизме на место бога поставлен «естественноисторический закон», в либерализме — рациональная «природа человека» с его «прирожденными правами», в нацизме — мистическая «душа нации» («кровь и почва») и т.д. Но общее у всех этих учений в том, что они говорят нам **о должном**, а не о существе, хотя и опираются в своих идеях на положения и выводы соответствующих **научных** теорий.

В то же время необходимо подчеркнуть, что никакая **деидеологизация** общества невозможна. Идеология лежит в основе любого общества, и с разрушением этой идеологии рушится и само общество, как это случилось, например, с Советским Союзом. Более того, сама всеобщая система норм права, нравственности и морали является продуктом именно идеологического, а не научного сознания. «Не убий!», «Не укради!» — это именно идеология, а не наука. Наука может лишь констатировать, что в действительности люди и крадут, и убивают, и лжесвидетельствуют, но все люди в то же время знают, что этого **не должно быть**. В сознании любого человека с самого раннего детства

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992. С. 152.

закладывается его обществом определенная идеология (нравственность), которая и позволяет ему затем отличать **хорошее** от **плохого**. Наука же не различает ни хорошего, ни плохого — в ней есть только сущее или не сущее.

Итак, в любом обществе идеология есть **основа всего его общественно-го порядка**, и именно через привитие этой идеологии все новым и новым поколениям людей общество и имеет возможность сохранять свой порядок, а вместе с ним и само свое существование. Вместе с тем, идеология, как и все в этом мире, не стоит на месте, а постоянно развивается вместе с развитием самого общества. При этом вопрос о том, что первично в этом процессе — развитие самого общества или развитие его идей — напоминает проблему курицы и яйца. Марксисты полагают, что первично развитие самого общества, а развитие идей является лишь **отражением** этого процесса (эпифеноменом). Противники же марксизма исходят из противоположного решения этого вопроса. «История человечества, — пишет, например, Л. фон. Мизес, — это история идей. Именно идеи, теории и доктрины направляют действия людей, определяют конечные цели человека и выбор средств для достижения этих целей. Сенсационные события, возбуждающие страсти и приковывающие к себе внимание поверхностных наблюдателей, — есть, в сущности, только лишь завершение идеологических изменений. Не бывает резкого и внезапного преобразования всей жизни. То, что называют, вполне запутывающим образом, «поворотной точкой истории», есть просто момент выхода на сцену сил, которые уже задолго работали подспудно. Новые идеологии, которые уже задолго до этого скрытно вытесняли старые, сбрасывают последнюю оболочку и даже самые непроницательные оказываются лицом к лицу с новизной, прежде ими не замечавшейся. В этом смысле захват Лениным власти в октябре 1917 года был, конечно, поворотной точкой. Но значение этого события вовсе не то, какое ему обычно приписывают коммунисты»¹.

¹ Мизес Л. Запланированный хаос // Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталисти-

Как бы то ни было, но **на практике** можно исходить как из той, так и из другой точки зрения — обе они достаточно обоснованы и ведут к одному и тому же результату.

1.4. Консервативные и реформистские идеологии. Радикализм и экстремизм

Развитие идей происходит первоначально в головах **отдельных личностей** — наиболее приспособленных к осмыслению происходящих процессов и к постановке назревших проблем в виде соответствующих теорий и идей. При этом наиболее остро эти процессы протекают в сознании **молодых** людей, которым поневоле однажды приходится **впервые** и **самостоятельно** выработать **свою личную** жизненную философию и сопоставлять ее с тем социальным порядком, который уже господствует в обществе.

«До юноши, — писал Гегель, — подросток созревает тогда, когда при наступлении половой зрелости в нем начинает пробуждаться и искать себе удовлетворения жизнь **рода**. Юноша обращается вообще к субстанциальному всеобщему; его идеал представляется ему уже не в личности зрелого мужа, как мальчику, но понимается им как нечто всеобщее, от такой единичности независимое. Но этот идеал имеет у юноши все еще более или менее субъективный вид, все равно живет ли он в нем как идеал любви и дружбы, или как идеал некоторого всеобщего миропорядка. В субъективности субстанциального содержания этого идеала заключается не только его противоположность по отношению к существующему миру, но также и стремление снять эту противоположность посредством осуществления идеала. Содержание идеала наполняет юношу чувством деятельной силы, он воображает себя поэтому призванным и способным переделать мир или, по крайней мере, привести в связь мир, который кажется ему распавшимся. Того обстоятельства, что содержащееся в его идеале

субстанциальное всеобщее по своей сущности уже получило в мире свое развитие и осуществление, мечтательный дух юноши постичь не в состоянии. Для него осуществление этого всеобщего кажется отступничеством от его идеала. Он чувствует поэтому, что как его идеал, так и его собственная личность не признаны миром. Так то состояние гармонии с миром, в котором ребенок живет, нарушается юношей. Вследствие этой направленности на идеальное юность производит впечатление большего благородства ума и большего бескорыстия, чем эти качества проявляются в зрелом муже, заботящемся о своих частных, преходящих интересах»¹.

Именно поэтому молодые люди вообще более всего склонны к революционной деятельности и податливы к соответствующей пропаганде². По достижении определенного возраста молодой человек приобретает не только способность, но и потребность **критически** осмысливать социальную действительность с точки зрения его официальной идеологии и своих личных жизненных идеалов. Он начинает сравнивать то, что содержится в этой идеологии (в его идеалах), с тем, что он находит в самой реальной действительности. Иначе говоря, он сравнивает то, что **должно быть** (согласно его убеждениям), с тем, что **фактически есть**. И в результате такого сравнения он может прийти, вообще говоря, прежде всего к двум следующим **крайним противоположным выводам**.

Во-первых, человек может прийти к выводу о том, что в реальной действительности все обстоит вполне хорошо или удовлетворительно, и, что, следовательно, в ней ничего менять и не нужно. На политическом языке такая установка называется позицией **консерватора**. Вполне понятно, что к такой

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т. 3. М., 1977. С. 88.

² По различным данным, от 50 до 80 процентов экстремистских организаций на Ближнем Востоке составляет молодежь в возрасте от 17 до 28 лет (Наматов Н. Религиозный экстремизм в Центральной Азии // CA&CC Press®AB (Central Asia & Central Caucasus Press AB/) // <http://www.ca-c.org/datarus/namatov.shtml>).

точки зрения естественным образом склоняются люди, которые **преуспели** уже в этой жизни или благодаря собственным усилиям, или (что случается чаще), благодаря положению, завоеванному для них их **родителями**. Консерватизм, таким образом, — это, по преимуществу, религия верхов.

Но, во-вторых, человек может прийти и к **противоположному** выводу, сводящемуся к тому, что в реальной действительности все плохо или очень плохо и, что, следовательно, все нужно переделать, изменить к лучшему. «Так жить нельзя!» — вот лозунг этой позиции. С политической точки зрения, — это позиция **реформатора**. Вполне естественно, что на такую позицию чаще всего встают люди, которым не удалось преуспеть в этой жизни по различным причинам. Если они не видят возможности выигрывать по действующим в обществе правилам, они приходят рано или поздно к мысли о необходимости изменить **сами эти правила**. Поэтому реформизм — это, по преимуществу, религия низов и средних слоев.

При этом реформаторская позиция может выражаться у человека в двух основных формах — **ретроградской** и **модернистской**.

Реформатор-ретроград видит идеальный порядок **в прошлом**. История, по его мнению, с некоторых пор пошла (или ее направили) **не тем путем**, и потому реализация социального идеала для него находится **уже позади**. Впервые наиболее ярко такую позицию по отношению к обществу выразил знаменитый древнегреческий поэт и мыслитель Гесиод¹ (VIII-VII вв. до н.э.), который высказал мысль о том, что история любого общества закономерно движется от наилучшего («золотого») века к наихудшему («железному») веку. Свой век и его будущее Гесиод описывал, в частности, следующим образом.

Землю теперь населяют железные люди. Не будет
Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя,

¹ Весьма примечательно при этом то, что лично сам Гесиод чувствовал себя обиженным своим веком — его брат Перс отсудил у него (по мнению Гесиода, несправедливо) львиную долю отцовского наследства, отчего Гесиоду пришлось весьма несладко.

И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им.
 Дети — с отцами, с детьми — их отцы сговориться не смогут.
 Чуждыми станут товарищ товарищу, гостю — хозяин.
 Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то.
 Старых родителей скоро совсем почитать перестанут;
 Будут их яро и зло поносить нечестивые дети
 Тяжкою бранью, не зная возмездья богов; не захочет
 Больше никто доставлять пропитанья родителям старым.
 Правду заменит кулак. Города подпадут разграбленью.
 И не возбудит ни в ком уваженья ни клятвохранитель,
 Ни справедливый, ни добрый. Скорей наглецу и элодею
 Станет почет воздаваться. Где сила, там будет и право.
 Стыд пропадет. Человеку хорошему люди худые
 Лживыми станут вредить показаньями, ложно кляняся.
 Следом за каждым из смертных несчастных пойдет неотвязно
 Зависть злорадная и злоязычная, с ликом ужасным.
 Скорбно с широкодорожной земли на Олимп многоглавый,
 Крепко плащом белоснежным закутав прекрасное тело,
 К вечным богам вознесутся тогда, отлетевши от смертных,
 Совесть и Стыд. Лишь одни жесточайшие, тяжкие беды
 Людям останутся в жизни. От зла избавленья не будет.

Перевод В.В. Вересаева

Однако неудовлетворенный действительностью человек может увидеть реализацию своего идеала не в известном ему прошлом, а в неизвестном еще **будущем**. Хотя история, по его мнению, идет (или зашла уже) и «не туда», но назад все равно возвращаться не следует, так как там было тоже нехорошо или даже еще хуже. Надо просто идти **в другую сторону**. Поэтому такой человек будет склонен к созданию совершенно новой идеологии, новой системы ценностей, отличающейся как от прошлого, так и от настоящего.

Однако, если в прошлое ведет лишь одна-единственная и притом уже известная всем дорога, то в будущее ведут нас **множество** самых разных и неизведанных путей, и поэтому мнения различных **реформаторов-модернистов**

неизбежно расходятся. Применительно, например, к России начала XX века, разные пути движения указывали ей большевики и меньшевики среди социал-демократов, а также — эсеры, анархисты, либералы и т.д. Причем последние имели перед остальными то преимущество (или тот недостаток), что их идеал был в какой-то мере уже **реализован** в государствах Западной Европы, идеалы же остальных реформаторов-модернистов носили во многом **утопический** характер. Впрочем, победили, как мы знаем, как раз большевики-утописты.

Таким образом, все идеологии по их отношению к действительности мы можем разделить на **консервативные** и **реформистские**. Первые, по существу совпадают с господствующей на данный момент идеологией (то есть с **официальной** ее версией), а вторые стремятся заменить ее в обществе другой идеологией, — либо той, что уже господствовала **в прошлом (ретрограды)**, либо совершенно новой для данного общества идеологией (**модернисты**), уже апробированной где-то в другом обществе или еще только предлагаемой к апробации. Последнего рода идеологии всегда несут на себе печать **утопичности**.

Однако реформистские идеологии могут различаться между собой не только по содержанию (качественно), но и **по той степени** социальных изменений, которые они предусматривают. Эти изменения могут относиться либо только к одной из каких-либо сфер общественной жизни (например, к отношению между полами или к проблеме запрета абортов) — такие идеологии можно определить как **частные**, — либо же они могут затрагивать самые **глубинные** вопросы общественной жизни (например, существование частной собственности, устройство государственной власти) и предлагать их **радикальное** изменение — такие идеологии можно определить как **радикальные**, или **революционные**.

В сложившейся к настоящему времени терминологии только названных нами частными (и частичными) реформистов принято называть собственно **реформистами**, или **умеренными**. А реформистов, посягающих на самые ко-

ренные устои государства и общества принято называть **революционерами** или **радикалами**. При этом в термине «радикал» акцент делается на **количественной** оценке предлагаемых изменений (радикал тот, кто хочет зайти в своих реформах слишком далеко, предлагает действовать быстро, решительно и т.д.), а в слове «революционер» акцент делается на **качественной** стороне предлагаемых преобразований (революционер тот, кто хочет изменить самые важные устои общества, изменить саму его основу, а не что-то второстепенное и незначительное). Так, например, В.И. Ленин еще в 1905 году определял программу своей партии как радикальную. «Мы, — писал он, — стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути ... Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации, — крестьянина вообще против помещика, а потом (и даже не потом, а в то же самое время) мы поддерживаем пролетариат против крестьянина вообще ... Мы не обещаем никакой гармонии, никакой уравнительности, никакой «социализации» из победы теперешнего крестьянского восстания, — напротив, мы «обещаем» новую борьбу, новое неравенство, новую революцию, к которой мы и стремимся»¹.

Это позиция не только радикальная, но и революционная. Впрочем, различия между этими терминами слишком тонки и потому не имеют большого значения.

При этом реформистами, радикалами и революционерами могут быть одинаково как модернисты так и ретрограды. Радикальным ретроградом, например, был в свое время знаменитый вождь старообрядцев протопоп Аввакум, пошедший за свои убеждения и в Сибирь, и в острог, и на костер. Близок к радикализму был и такой известный ретроград царской России, как К.П. Победоносцев.

Однако все определенные нами выше термины относятся главным образом к **идеологам** или **приверженцам** той или иной идеологии, то есть к людям,

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 11. С. 223.

лишь **развивающим в своем сознании** определенный идеал, к которому, по их мнению, обществу следует стремиться. В лучшем случае такие люди могут лишь **пропагандировать** свою идеологию, лишь **полемизировать** с ее противниками, но никаких **практических** действий по установлению в обществе этих новых для него порядков они еще не предпринимают. К. Маркс и Ф. Энгельс, в свое время, были по существу лишь такими идеологами, «теоретиками» коммунизма, хотя они и делали уже самые первые попытки стать и его **практическими** бойцами (создали, например, Первый Интернационал).

Тем не менее, отличие идеологии от научной теории в том и состоит, что она создается в качестве **идеального образа, конечной цели, к которой следует стремиться**. И если сами идеологи еще и не находят в себе силы или способности к **практическим действиям** по воплощению своего идеала в жизнь (или не видят такой возможности), то за ними **неизбежно** приходят те, кто переводит вопрос с разделяемой ими новой системой ценностей уже и в **практическую** плоскость. Говорят, О. Бисмарк, ознакомившись с некоторыми сочинениями К. Маркса, прозорливо заметил, что «с этим бухгалтером Европа еще наплачется». И, разумеется, оказался прав — на смену чистым идеологам пришли вскоре уже и **практические революционные деятели** — Лассаль (с которым пришлось иметь дело уже и самому Бисмарку), Плеханов, Ленин и другие (все они считали себя учениками Маркса).

Именно на этом, **переломном** этапе развития новой идеологии — на этапе ее перехода в руки **практических деятелей** — и возникает впервые **определенное основание** для введения понятия **экстремизма**. Сама по себе идеология, даже и обладая свойством выражать некую **крайнюю, радикальную** позицию (как, например, марксизм, расизм и т.д.) еще не может быть названа экстремистской в полном смысле этого слова, так как она не содержит, как правило, призыва использовать для своего воплощения в жизнь **крайние средства**. Она есть всего лишь идеал, лишь мечтание о некоторой новой (или старой) си-

стеме ценностей, которую **желательно** установить в обществе, в отношениях между людьми. О **средствах** же ее воплощения сами идеологи, как правило, еще не задумываются, так как они в большинстве своем люди непрактичные, кабинетные мыслители. Даже и Маркс с Энгельсом, при всей их любви к революциям и революционной фразеологии вообще, вполне допускали еще и **мирное** осуществление их идеалов, а практически сумели создать лишь беззубое Международное товарищество рабочих — разношерстный дискуссионный клуб, говорильню, с которой, к тому же и сами не смогли справиться.

О таких деятелях В.И. Ленин — человек уже не идеологический, а практический — говорил и писал так: «Комичные педанты! ... Они не поняли, что вообще не голосованиями, а гражданской войной решаются все серьезные вопросы политики ...»¹. Даже о своих соратниках, большевиках, подбираемых им по совершенно другим качествам, он иногда выражался следующим образом: «Право, я часто думаю, что из большевиков 9/10 действительно жалкие формалисты, которые абсолютно не способны воевать. Я бы их всех отдал Мартову»².

Таким образом, хотя основой экстремистской организации и ее деятельности, действительно, является соответствующая идеология, тем не менее, собственно экстремизм их проявляется вовсе не в идеологии самой по себе, а в **тех практических средствах**, которые избирают для ее воплощения в жизнь **практики**, вставшие под знамена данной идеологии. В самой идеологии может содержаться лишь **зародыш** будущего экстремизма, но самого экстремизма в ней **явно** обнаружить, как правило, не удастся даже и тем, кто является потенциальной **жертвой** ее дальнейшего развития. Сказанное относится в полной мере и к такой религиозной идеологии, как ислам, в котором многие современные аналитики вдруг увидели экстремизм, до того и не замечавшийся. При желании можно разглядеть экстремизм и в еврейском Танахе (Ветхом завете) и

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 39. С. 108.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 9. С. 246.

вообще в любой религиозной или идеологической доктрине. Но такое «прозрение» обычно наступает лишь после того, когда ту или иную религию или светскую идеологию берут на вооружение **практические деятели**, избирающие экстремистскую стратегию и тактику.

Это хорошо видно на примере всех великих революций (а великими их делает именно **новая идеология**, которую они утверждают). «Почти все умеренные лидеры Великой революции, — отмечает историк С.Ю. Данилов, — Мирабо, Лафайет, Кондорсе, герцог Орлеанский и др. в конце 1780-х годов публично высмеивали сословные предрассудки, церковь, монархию, афишировали безбожие, неуважение к авторитетам, отказывались подчиняться исторически сложившимся институтам власти, в том числе распоряжениям, исходившим непосредственно от суверена. Без их смелых инициатив не было бы первого периода революции ...»¹. «Никакой революции ни мирной, ни кровавой, — писал о том же П.А. Кропоткин, — не может совершиться без того, чтобы новые идеалы глубоко не проникли в тот самый класс, которого экономические и политические привилегии предстоит разрушить»². Хотя, как показывает пример с Бисмарком, самые опытные политики способны все же разглядеть все опасные последствия новой идеологии уже и на самой первой стадии ее развития.

Теоретически же, у любой новой идеологии есть два **крайних** способа превратиться в официальную (господствующую) доктрину того или иного общества — 1) **мирный** и 2) **насильственный**. Сторонники мирного пути развития новой идеологии избирают в качестве практических планов по ее осуществлению лишь методы **пропаганды** и **проповеди**, а также — **легальный** путь борьбы за власть в мирном состязании со всеми другими политическими силами и общественными движениями. Сторонники же второго пути, не отка-

¹ Данилов С.Ю. Правовые демократические государства: очерки истории. М., 1999. С. 50-51.

² Кропоткин П.А. Записки революционера. М.-Л., 1933. С. 179.

зываясь и от мирных путей к цели, основной упор все же делают на **насильственные** методы претворения своей идеологии в жизнь (как правило, через приход ее сторонников к власти), и создают для этого соответствующие **боевые** структуры. Не случайно, поэтому, что в документах Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), экстремизм определяется как «такая форма политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии и стремится изменить ее правила прихода к власти».

Однако, как и в любом логическом делении подобного рода между двумя указанными крайностями всегда есть место и для представителей «золотой середины» — то есть для сторонников **в основном мирных** действий, не исключаяющих в то же время (при определенных обстоятельствах) и **насильственных** или **полунасильственных** действий. В современных российских условиях именно такую позицию, по-видимому, занимают в исламских республиках так называемые ваххабиты. Президент Дагестана Муху Алиев в своей беседе с членами Общественной палаты республики говорил о сторонниках этого фундаменталистского толка: «Хотя в республике действует закон о запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности, ни одного ваххабита никто не трогает, если только тот не становится на путь экстремизма. Никто их не преследует, если они ограничиваются идеологией, но если они берут в руки оружие — власть должна реагировать соответствующим образом. Мы не ставим знак равенства между ваххабитами и экстремистами. Но почему-то ни один ваххабит ни в печати, ни по телевидению не выступил и не заявил: экстремисты — и наши враги. Мы почитаем Коран, но также почитаем и Конституцию страны, в которой живем. Нам не нужны ни исламское государство, ни халифат, и мы будем защищать это государство, а не бороться с ним»¹.

¹ Цит. по: Муслимов С.Ш., Нурилова А.З. Мировоззренческая толерантность как фактор преодоления религиозно-политического экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Мурта-

Если же обратиться за иллюстрациями к истории русской революции, то среди реформаторов-модернистов исключительную ставку на мирную пропаганду и агитацию делали, например, российские **либералы**, объединившиеся в партию кадетов; основную же ставку на насильственные методы прихода к власти делали **эсеры, анархисты и большевики**; а меньшевики в этом отношении занимали позицию мудрой «золотой середины». С другой стороны, среди **консерваторов-ретроградов** в России того времени ставку на мирные методы борьбы делали, например, **октябристы**, а на насильственные методы — **черносотенцы**.

1.5. Политический экстремизм и терроризм

Терроризм обычно определяется как крайняя форма экстремизма. Слово террор происходит от латинского terror — страх, ужас. Словарь иностранных слов определяет террор как «политику устрашения, подавления политических противников насильственными методами»¹. Российский энциклопедический словарь характеризует его как «насильственные действия (преследования, разрушения, захват заложников, убийства и др.) с целью устранения, подавления политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения»². Таким образом, терроризм, в самом общем смысле слова, — это наведения страха и ужаса с помощью применения насилия **в самых крайних его формах**.

В то же время террор и терроризм не обязательно связаны с политикой, хотя именно в политической сфере они находят сегодня свое самое заметное воплощение. Террор представляет собой некое **универсальное** «средство преступного давления на общественное мнение, на политику принятия государ-

залиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 403.

¹ Словарь иностранных слов. М., 2003. С. 485.

² Российский энциклопедический словарь. Книга 2. М., 2001. С. 1568.

ственных решений, является способом запугивания людей, создания обстановки нервозности, паники, ощущения непредсказуемой опасности и бессилия в борьбе со злом»¹. И к этому средству могут прибегать как различные группы и организации (включая и само государство), так и отдельные лица, в том числе обычные уголовники², психопаты, маньяки и другие субъекты с отклонениями в психике.

При этом терроризм как особая, крайняя форма применения насилия отличается от других аналогичных форм и своими **специфическими** признаками. Ю.В. Ващенко провел специальный анализ зарубежных работ, изданных в США, Великобритании и некоторых других странах Запада, и обнаружил согласие большинства авторов в отношении следующих ключевых признаков терроризма: 1) терроризм заключается в использовании **крайних форм** насилия или в угрозе таким насилием; 2) **цели** террористического акта **выходят за пределы** причиняемого им разрушения, причинения телесных повреждений, смерти; 3) цели террористического акта достигаются путем **психологического воздействия** на лиц, **не являющихся непосредственными жертвами насилия**; 4) жертвы терроризма избираются больше по их **символическому**, нежели действительному значению³.

¹ Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М., 2002. С. 7.

² По мнению криминолога М.В. Назаркина, терроризм — это условное, несколько отличающееся от чисто уголовно-правового понятие, под которым следует понимать деятельность организованных криминальных структур, преступную по содержанию, террористическую по форме: взрывы, поджоги, перестрелки с применением автоматического оружия, заказные убийства, захваты заложников с целью получения выкупа и т.п. (См. Назаркин М.В. Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма. М., 1998).

³ Цит. по: Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 596-597. Такое понимание терроризма отражено и в законодательстве США. Так, в ст. 1801 Закона о наблюдении за деятельностью иностранных разведок от 25 октября 1978 г. говорится: «Международный терроризм» означает деятельность, которая — (1) включает в себя преступные действия или опасные для жизни человека действия, которые являются нарушением уголовного законодательства Соединенных Штатов или какого-либо штата, или могли являться преступлением, если совершены на территории юрисдикции Соединенных Штатов или какого-либо штата; (2) вероятно осуществляется с намерением — (А) устрасить или принудить

Таким образом, террористическое насилие — это насилие, применяемое террористами к своим противникам не непосредственно, а **косвенно** — через уничтожение имущества и жизней третьих лиц, как правило, не причастных к самому конфликту между террористами и их противниками. «Исследования приводят к выводу, — отмечают в этой связи российские криминологи, — что главная, отличительная особенность терроризма заключается в следующем: **терроризм — это совершение общественно опасных, уголовно наказуемых деяний в отношении жизни, здоровья людей, прав и законных интересов различных субъектов ради принуждения третьей стороны к принятию требуемых террористами решений**»¹.

Однако и такое определение, достаточное, по-видимому, для точной **криминологической** характеристики этого феномена, не отражает, на наш взгляд, существо терроризма полностью. Дело в том, что террористы стремятся не просто к крайним формам и актам насилия, к жестоким и ужасающим преступлениям, но и обязательно к «**громким**» насильственным актам, имеющим **символическое** значение. Последнее означает, что целью терроризма является не просто посеять страх и ужас в сознании своих **противников**, но он стремится породить настоящую **атмосферу страха и ужаса**, то есть привести в это состояние **все общественное сознание в целом**. Объектом воздействия террористов является сознание **всего общества** или максимально широких слоев населения. В силу этого, любой терроризм, а не только собственно политический, имеет и **политическое** содержание.

гражданское население; (В) оказать влияние на политику правительства путем устрашения и принуждения; или (С) воздействовать на поведение правительства путем убийств или похищения людей; и (3) осуществляется в целом за пределами Соединенных Штатов или пересекает национальные границы в смысле способов, которыми они совершаются, лиц, вероятно намеревающихся устрашить или принудить, или мест, в которых их сообщники действуют или ищут убежище» (Цит. по: Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 597-598).

¹ Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 597.

«Адресатами требований террористов, — отмечают криминологи, — могут выступать не только органы власти определенного государства, но и международные организации, политические партии, общественные объединения, иные негосударственные, в том числе коммерческие, структуры, должностные лица и иные субъекты»¹. Однако к этому следует обязательно добавить, что адресатом террористических актов является и **все население** того или иного региона, той или иной страны или даже группы стран, в общественном сознании которых террористы стремятся посеять чувство страха и ужаса, паники и иррациональной нервозности.

Хотя, в общем, и любой терроризм адресует свои действия широким слоям населения (их сознанию), но политический терроризм воздействует на сознание населения наиболее продуманно и целенаправленно. Политический терроризм, следовательно, есть не просто крайнее средство политической борьбы, но и средство **морально-психологического воздействия на массовое сознание**.

Следует отметить при этом, что **эффективными средствами** (посредниками) в таком воздействии выступают для терроризма в этом отношении **современные СМИ**, с их оголтелой погоней за сенсациями и леденящими душу репортажами, поднимающими рейтинги теле- и радиоканалов, пичкающих обывателей такого рода «духовной пищей». «Средства информации, — пишет американский экономист и политолог Лестер Туроу, — наживают деньги, продавая возбуждение. Нарушение существующих общественных норм вызывает возбуждение. Можно даже сказать, что средства информации должны нарушать все больше фундаментальных норм, чтобы вызывать возбуждение, потому что нарушение любого кодекса поведения становится скучным, если повторяется слишком часто. Первый раз, может быть, вызывает возбуждение, когда видят на экране, как крадут автомобиль и как его затем преследует полиция.

¹ Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 598.

Может быть, это вызывает возбуждение и в сотый раз, но в конце концов это перестает быть интересным, и для возбуждения надо увидеть какое-нибудь более серьезное нарушение общественным норм. Возбуждение продается. А подчинение существующим или новым общественным нормам не возбуждает и не продается»¹.

Практика современных СМИ показывает, что громкие террористические акты являются для них «наиболее продаваемыми» «возбуждениями». И терроризм эффективно использует эту природу современных СМИ.

Рассмотрим теперь более подробно отношение политического экстремизма к государственной власти вообще и к **легитимной** власти, в особенности.

1.6. Политический экстремизм и легитимная власть

Политический экстремизм (в узком смысле слова) проявляется в сфере борьбы за государственную власть. И обычно он мотивирует (и морально оправдывает) свои действия убеждениями и доказательствами **нелегитимности** существующей власти. Именно это убеждение и дает ему **моральное право** на применение крайних методов борьбы с государственной властью (или со своими политическими противниками). Сам себя экстремизм обычно рассматривает не как уголовный феномен, а как морально оправданный путь борьбы с морально недостойным противником. И действительно, в истории, как известно, постоянно возникали и такие коллизии, когда именно политическая **оппозиция**, а не официальная власть обладали в глазах современников (или потомков) моральным правом на **легитимное насилие**. Никто, например, сегодня не осуждает заговор офицеров вермахта, осуществивших в 1944 году покушение на А. Гитлера. Не ведется сегодня горячих споров по поводу насильственного

¹ Туроу Л.К. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999. С. 328.

отстранения от власти последнего русского царя Николая II и т.д. Иначе говоря, не всякий политический экстремизм подлежит безусловному осуждению, а только тот, который направлен против **легитимной** государственной власти или **легитимных** политических противников.

Заметим также в этой связи, что и современная **либеральная демократия** вовсе не отказывается совсем от насильственных действий по утверждению своей идеологии. Она не осуждает исторически тех насильственных (и весьма кровавых) переворотов, в результате которых либерально-демократический порядок утвердился в конце концов в современном западном обществе. Более того, и сегодня развитые западные страны считают **морально оправданным** насаждение своей идеологии **насильственными методами** в других — «плохих» — странах (последние примеры — Югославия, Ирак, Афганистан). Их официальные доктрины не исключают также и насильственных методов по «восстановлению демократии» и у себя дома в тех случаях, если власть у них будет захвачена «недемократическим» путем. Перефразируя известное выражение В.И. Ленина, эту позицию можно выразить следующим образом: всякая демократия лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться (и нападать).

Поэтому и вопрос о **природе государственной власти** (и власти вообще) в рамках теории политического экстремизма нуждается в особом и углубленном анализе.

Большинство ученых согласны сегодня в том, что понятие власти в социальных науках играет столь же фундаментальную роль, как и, например, понятие энергии в физике. Однако, во взглядах на природу и сущность власти все еще не достигнута та степень согласия, которая необходима для устойчивого основания теории власти на своей собственной понятийной основе.

Тем не менее, в настоящий момент уже достаточно четко обозначились два основных подхода к пониманию власти. Согласно первому из них, идущее-

му от Т. Гоббса, власть есть некоторое индивидуальное свойство, — способность одних **ИНДИВИДОВ** добиваться своих целей, воздействуя специфическим образом на других **ИНДИВИДОВ**. По классическому определению, например, М. Вебера власть представляет собой «возможность индивида проводить внутри данных общественных отношений свою волю, даже вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем такая возможность основывается». В.Г. Ледяев называет такой подход «каузальным»¹, хотя вернее всего его следовало бы назвать **персоналистическим**.

Согласно второму, набирающему сейчас все большую популярность, подходу, который можно назвать «**системным**» (Т. Парсонс, Х. Арендт, М. Фуко и др.), власть является свойством (атрибутом) отдельных индивидов. Она представляет собой некое **системное свойство**, существующее лишь внутри группы или общества в целом и существующее в них лишь до тех пор, «пока эта группа действует согласованно». То есть, до тех пор, пока в ней господствует **единомыслие и согласие**.

Сторонники первого подхода подчеркивают несущественность для определения власти тех средств, с помощью которых она достигается, и, естественно, наиболее эффективным из таких средств они считают **физическую силу, насилие**. Сторонники второго подхода, напротив, противопоставляют власть силе. Там, где прибегают к насилию, к силе, подчеркивают они, там расписываются в **отсутствии власти**. Такой подход, в частности, приводит, например, к следующим парадоксальным выводам: «Тирания ... является наиболее насильственной и наименее властной формой правления» (Х. Арендт)².

Наиболее полный и обстоятельный на данный момент в отечественной литературе анализ основных западных концепций власти представлен моно-

¹ Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.

² Цит. по: Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 53.

графией В.Г. Ледяева «Власть: концептуальный анализ». Убедительно¹ критикуя «системный» подход за неадекватность существующим в области теории и здравого смысла общим представлениям о власти, автор выбирает первую, «каузальную» концепцию власти, в рамках которой, после тщательного анализа всех наиболее обоснованных точек зрения, формулирует свое определение власти. Оно выглядит следующим образом: «Власть есть способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями»².

В целом соглашаясь как с самим подходом В.Г. Ледяева, так и с основным корпусом его аргументации против оспариваемых им концепций, мы, тем не менее, считаем, что сам автор допускает некоторое необоснованное ограничение в самом начале своего анализа феномена власти. А именно. Анализируя семантическое поле слова «власть», В.Г. Ледяев справедливо заключает, что во всех смыслах власть понимается как некоторое каузальное отношение между субъектом и объектом. Затем он переходит к критическому «отсеиванию» в рамках этого поля тех видов причинной связи, которые «не могут быть отнесены к власти», и сразу же допускает, на наш взгляд, серьезную ошибку. «Во-первых, — замечает он, — власть не существует в природном мире, это вид человеческих отношений — отношений между людьми и группами людей»³. Действительно, власть не существует в природном мире. Действительно, — это вид человеческих отношений. Но не верно, что это исключительно отношения «между людьми и группами людей». Семантическое поле слова «власть» не допускает такого сужения этого понятия.

Язык явственно говорит нам о «власти природы над человеком», «власти вещей над людьми», «власти идей» над ними, с одной стороны, а, с другой — о

¹ Справедливости ради, надо заметить, что сторонники «системного» подхода неявно понимают под властью только политическую власть, тогда как сторонники «каузального» подхода понимают под властью нечто более простое и общее.

² Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 58.

³ Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 266.

«власти человека над природой», «власти человека над вещами» (но не над идеями!) и т.д. Следовательно, в каузальном отношении власти не необходимо, чтобы и субъект, и объект были обязательно людьми, — достаточно, чтобы хотя бы один из членов этого отношения был человеком (или группой людей). То есть, отношение власти — обязательно человеческое, но не обязательно межчеловеческое.

Отсюда следует второй важнейший вывод: до и независимо от всякой человеческой власти человек оказывается уже **во власти** (вещей, природы, идей и т.д.). Нечеловеческая власть первична для людей. Следовательно, самым общим и самым абстрактным определением власти может быть только определение ее как **зависимости человека** от чего-либо (или зависимости чего-либо **от человека**). Власть над людьми — это отношение зависимости человека от чего-либо внешнего ему. Иными словами можно сказать и так: власть над людьми имеет то, что способно определять их поведение.

Отношение зависимости человека (и, следовательно, власти над человеком) может быть либо **положительным** (когда человек нуждается в чем-то, желает чего-то), либо **отрицательным** (когда он страшится чего-то, не желает чего-то). То есть, мы можем говорить о двух формах — позитивной и негативной — власти над человеком. Любовь и страх (в самом широком смысле этих слов) представляют собой две таких наиболее общих формы власти над человеком.

Зависимость, а следовательно, и власть могут быть также либо непосредственными (когда, например, А прямо зависит от В) и опосредованными (когда, например, А зависит от В, посредством того, что зависит от С, над которым властвует В).

Все сущее в мире суть: либо вещи (включая и животных), либо люди, либо идеи. Чтобы не усложнять дальнейший анализ, допустим, что существуют только субъективные (то есть, обитающие только «в головах» людей) идеи.

Платоновско-гегелевские идеи рассматривать не будем.

В таком случае, по субъекту власти, над человеком может быть только три принципиально различных типа власти: **власть вещей**, **власть людей** и **власть идей**. По объекту же, может быть только два типа власти: власть **над вещами** (включая и животных) и власть **над людьми**. Власти же над идеями быть не может. Человек может пытаться выдавать ложь за истину, и на какой-то срок ему это может даже удаваться, но превратить ложное в истинное он не может, и рано или поздно его обман будет раскрыт и отвергнут. Говоря словами Вольтера, мы так же не властны в течении наших мыслей, как и в обращении нашей крови.

Власть вещей над человеком проявляется просто: человек либо страшится их, либо желает. Проявление такой власти вещей над человеком называется потребностью.

Власть человека над человеком более сложна. Она проявляется в двух планах: **физическом** и **психическом**. Во-первых, человек может страшиться или желать (вожделеть) другого человека как физическое существо; во-вторых, он может страшиться или желать его как индивида, обладающего определенными знаниями, умениями и чувствами (отношением к нему). Такова, например, власть родителей над детьми, старших над младшими, опытных над неискушенными, умных над глупыми, талантливых над бездарными, профессионалов над профанами и т.д. Однако, все такого рода межличностные властвования-зависимости находятся, очевидно, целиком еще в рамках природного, или естественного отношения между людьми. Ничего специфически политического в них еще нет.

Третий вид власти над человеком — это власть идей. О. Тоффлер развивает свою теорию трех типов власти — власти силы, власти богатства и власти знаний («информации»). Все эти три типа власти Тоффлера относятся к вышеуказанным природным зависимостям людей. Власть силы — это физическая

зависимость людей от более сильных, лучше вооруженных или более многочисленных и организованных других людей. Власть богатства — это власть вещей, контролируемых другими людьми. И власть знаний — это также природная власть более сведущих, более умелых и т.д. Все это укладывается в обобщающую формулу А. Гелена: «Властью обладает тот, кто может либо эффективно удовлетворить интересы и потребности, либо серьезно угрожать им»¹.

Но, власть идей — это нечто совсем иное.

Как уже отмечалось выше, нам следует, прежде всего, отличать идеи от знаний. Последние суть **отражения** реальности. Идеи же не являются отражениями. Знания **открываются** человеком, идеи — **изобретаются**. Как отражения, знания могут быть верными (истинными) или неверными (ложными). Идеи же не истинны и не ложны. В знаниях человек стремится понять то, что уже есть (или было, или будет, или может быть и т.д.) и потому **реальность** является критерием верности или неверности его понимания. В идеях же человек мыслит то, что **должно быть**, то, что следует воплотить, потому что оно прекрасно, или справедливо, или добро, или выгодно, или разумно и т.д. В любом случае, здесь не вещи являются судьями идей, как в познании, а, наоборот, — **идеи судят реальность и толкают** человека к переустройству ее в соответствии с этими идеями. Если про знания можно сказать, что **мы обладаем, владеем** ими, то про идеи этого не скажешь. Это, скорее, **они владеют нами**, чем мы ими. Именно идеи порождают те социальные (а отнюдь не биологические) феномены, которые Л.Н. Гумилев описал как взрывы «пассионарности» народов и индивидов.

Вообще, все, что создано человеком в этом мире — от орудий труда до государственных устройств и политических режимов — это воплощенные (че-

¹ Гелен А. Социология власти. Перевод Н.А. Головина // [http:// www. soc.pu.ru: 8101/persons/golovin/reader/gehlen/r_gehlen1.html](http://www.soc.pu.ru:8101/persons/golovin/reader/gehlen/r_gehlen1.html)

ловеческие) идеи. Цивилизация, в отличие от дикости, — это мир воплощенных идей. Знаменитое рассуждение К. Маркса об отличии архитектора от пчелы — о том же. Пчелами движет инстинкт, архитекторами — замыслы (идеи). Без знаний, правда, цивилизации не могли быть созданы, но знания сами по себе ни к чему **не принуждают** и **не зовут**, они всего лишь средства и сами по себе они «мертвы». Только идеи способны привести в движение человека с его знаниями и направить их к определенной цели (другое дело — к реальной или утопической).

Непосредственная власть вещей над людьми является властью **природной** (а если с помощью этих вещей нами управляют другие люди — властью **экономической**). Непосредственная власть людей над людьми — власть **физическая** или **интеллектуальная**. Власть идей над людьми является властью **духовной**.

Идеи, овладевающие сознанием людей, могут быть религиозными, моральными, эстетическими, техническими, экономическими и т.д., но также и **политическими**. Специфика политических идей состоит в том, что они выражают некоторое устройство, некоторый порядок общественной жизни и прежде всего тот, который касается осуществления членами общества своей физической, интеллектуальной и экономической власти над вещами и другими людьми. Иначе говоря, все формы природной власти в обществе являются **материей** для идеи политической власти, которая их переформирует по своему.

Зараженные политическими идеями люди, становятся единомышленниками, соратниками. Подобно металлическим опилкам в магнитном поле такие люди четко сориентированы вдоль «силовых линий» воспринятой ими политической идеи и начинают действовать и мыслить синхронно. В силу самого (политического) содержания этих идей, они становятся политической организацией, — партией. Всякая организация людей, объединившихся ради практиче-

ских целей, требует **единства воли**, а, следовательно, — определенного разделения на управляющих и управляемых, отдающих приказы и исполняющих их и т.д. Воплощенная в политической организации власть идей, таким образом, подчиняет людей друг другу, но не как природным индивидам и личностям, а как **служителям** их общей идеи так, что служа друг другу, они служат тем самым только объединяющей их идее. Политическая власть, следовательно, есть власть духовная, точнее, — в основе своей духовная, а не физическая или интеллектуальная. Политическая власть существует только в рамках и, так сказать, **«под эгидой»** соответствующих идей. Там, где нет одухотворяющей общей политической идеи, там нет и политической власти.

Сторонники «системной» концепции власти (Х. Арендт, Ю. Хабермас, М. Фуко, Э. Гиденс и др.) очень близко подходят к такой точке зрения. Тем не менее, в их определениях политической власти (а только это они и называют «властью») нет необходимой четкости и ясности. Очень часто они иллюстрируют свое понимание одним и тем же примером — сценой с регулировщиком, управляющим уличным движением. Полицейский своими свистками, жестами отдает приказы (именно приказы, а не просьбы) водителям, которые беспрекословно ему повинуются. Этим примером указанные авторы хотят подчеркнуть две вещи: во-первых, ненасильственный характер «настоящей» власти (если бы регулировщик управлял водителями с помощью табельного оружия, например, то тем самым он продемонстрировал бы, что у него нет власти, а есть только голая сила); во-вторых, этим примером они хотят подчеркнуть особую, «коммуникативную» природу власти (регулировщик властвует над водителями в рамках некоего общего им всем «языка», на котором можно отдавать общепонятные приказы, и вне этого языка нет проявления «настоящей» власти).

С нашей точки зрения против этих рассуждений нужно возразить следующее. Во-первых, сила — это тоже власть, хотя и неполитическая. Более того, сила — важнейшая «материя» политической власти. Сама суть любой полити-

ческой идеи в том и состоит, как должна быть организована сила (и вообще природная власть) в обществе и сила же служит гарантом поддержания этой организации. И сами политические идеи побеждают только тогда, когда они овладевают достаточным количеством людей — массой, становясь тем самым непреодолимой силой.

Во-вторых, в случае с политической властью дело вовсе не в какой-то особой роли коммуникации, общения и т.д. Регулировщика в этом, ставшим уже классическим, примере вполне можно заменить обычным столбом, светофором, «приказам» которого водители будут «подчиняться» столь же беспрерывно, как и приказам полицейского. Дело вовсе не в «общении» с этим столбом, а в том, что всеми водителями управляет один и тот же, принятый ими всеми порядок поведения на дорогах. Они подчиняются не полицейскому как человеку, а общему для них всех (в том числе и для полицейского) порядку. Власть на самом деле «сидит» не в полицейском, а в сознании водителей в виде управляющих ими всеми общими правилами.

Политической властью в обществе обладают все те субъекты, которым **добровольно** подчиняются другие люди, объединенные некоторой общей им всем (политической) идеей. Политическая идея может быть и не быть принятой всем обществом, то есть может иметь или не иметь форму (официальной) государственной идеи.

Воплощением государственной идеи является вся совокупность политических законов и институтов, официально признанных и действующих в данном обществе. Власть, которой располагают конкретные субъекты, действующие в рамках этих законов и институтов, есть государственная власть. Власть же субъектов, идея которых не стала государственной и не воплотилась в официально признанные институты данного общества, есть власть политическая просто, и не более. Например, большевики в России до октября 1917 года обладали просто политической властью (причем весьма ограниченной), а после

Октября они стали властью государственной.

Выше мы уже приводили общее определение власти В.Г. Ледяева как «способности субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями». Политическая власть определяется им, соответственно, как «способность субъекта обеспечить подчинение объекта в сфере политики»¹. Следовательно, чтобы понять, что такое политическая власть, по В.Г. Ледяеву, надо прежде понять, что такое политика. Очевидно, в таком случае, в самом определении политики не должны присутствовать ссылки на политическое, иначе мы будем иметь определение по принципу «то же через то же», или «масляное масло». Посмотрим, как это ему удастся.

Итак, что же такое «сфера политики»? «Политика, — формулирует В.Г. Ледяев, — включает в себя все социальные отношения и события, которые оказывают существенное влияние на жизнь социальной общности, она выражается в любых действиях людей, направленных на изменение или сохранения условий их жизнедеятельности»². В такой формулировке, очевидно, политика неотличима, например, от экономики, да и вообще от любых форм деятельности людей, направленных на «изменение и сохранение условий их жизнедеятельности». Такое понимание политики просто совпадает с жизнедеятельностью общества вообще.

Видимо, понимая это, В.Г. Ледяев добавляет и еще один «критерий политического». Это — «связанность с процессом государственного управления и функционированием государственных (публичных) институтов»¹. Но, ведь, государство — это политический институт. Вводя этот «критерий политического», мы «контрабандой» проносим политическое в определение самого политического. Сказать, что политическое — это все, что связано так или иначе с государством, значит сказать, что политическое это — связанное некоторым

¹ Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 342.

² Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 339.

образом с политическим.

Мы определяем политическую власть как власть, основанную на определенной политической идее и осуществляемую только в рамках этой идеи. Политическую же идею мы отличаем от всех прочих тем, что она выражает некоторый **порядок общественной жизни** и главным образом тот, который касается осуществления членами общества своей физической, интеллектуальной и экономической власти над вещами и другими людьми. Иначе говоря, политическая власть — это **мета-физическая** власть, власть, **надстраиваемая** над природной (физической, экономической, интеллектуальной) властью и регулирующая использование последней в обществе.

Становясь государственной властью, политики получают **монопольное право** на использование физического насилия, но не в своих собственных интересах, а в интересах того порядка, который выражен в их идее, приведшей их к власти. У В.Г. Ледяева же получается, что политическая власть — это способность некоторых субъектов добиваться подчинения других субъектов «в своих интересах» в сфере политики. Но там, где начинаются «свои интересы» — кончается политика и начинается коррупция, деспотизм, разбой и т.д.

Фундаментальные политические идеи могут возникать как в догосударственных человеческих общностях, и тогда они сразу становятся государствообразующими идеями (монголы Чингисхана, арабы Мухаммеда и т.д.), так и в рамках уже сложившегося государственного устройства (чаще всего уже «загнивающего»), и тогда они образуют новое «(прото)государство в государстве» (якобинцы и другие политические клубы во Франции XVIII века, марксисты в Европе XIX века и т.д.). Новая власть, как говорил В.И. Ленин, «не с неба сваливается, а вырастает, возникает наряду со старой, против старой власти, в борьбе против нее».

Отвоевавшая у старой власти **умы** ее подданных (или ее граждан), такая

¹ Там же.

новая власть превращается рано или поздно, мирно (как при распаде СССР) или немирно (как при его создании) во власть **государственную**. Ее легитимность обеспечивается именно тем, что ее идея становится (все)народной. И ее легитимность, а следовательно, и сама (политическая) власть как таковая исчезает, когда ее идея «выдыхается», перестает властвовать над умами всего (или большинства) народа. Именно так, например, утратила власть КПСС в созданном ею государстве.

Даже самые «дикие», деспотические формы абсолютной монархии не являются теми «машинами» голого произвола и насилия, которыми их стало модно изображать в последнее время. В основе таких «машин» всегда лежит некоторая идея, которой деспот служит так же, как и последний из его подданных. В этом можно убедиться, прочитав, например, переписку Ивана Грозного с Курбским, в которой этот, один из самых деспотичных, правитель подробнейшим образом излагает идеи, которым он служит. В этом его служении — разгадка той народной любви к тирану, которая ставит в тупик сегодня многих и многих историков.

Применительно к другому российскому тирану к аналогичному выводу приходят многие исследователи. «В этой связи следует отметить, — пишет, например, В.И. Спиридонова, — что главное, что легитимировало власть И. Сталина в глазах народа, была та специфическая «кадровая политика» вождя, которая заставляла высшее чиновничество служить «общей идее», пусть даже из страха, но служить. Именно это составляет основу позитивной оценки сталинской эпохи в народном сознании, определяющейся словом «порядок»¹. С прекращением, с постепенной «коррозией» этого порядка естественным образом исчезала и (политическая) власть советской элиты. Она делалась все более и более формальной, нелегитимной. «Внутренняя готовность коллективного сознания русского народа к событиям 1991 года, — отмечает в этой связи В.И.

¹ Спиридонова В.И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). М., 1997. С. 52.

Спиридонова, — имеет те же основания — народ ощущал неправду и несправедность правителей, потому что высшая власть КПСС из декларированной повсюду идеи служения народу превратилась в привилегию, стала своекорыстной. Именно это последнее обстоятельство более всего возмущало коллективное сознание. Профанируя идею служения, политическая элита подрывала саму возможность доверия властям и таким образом воспроизводила почву для смуты, революции, народного бунта»¹.

Таким образом, и государственная власть в основе своей власть — **духовная, морально-нравственная**, а не физическая, экономическая, интеллектуальная и т.д.

Вместе с политической, в обществе, безусловно, действуют и простая физическая власть людей и вещей над людьми и вещами, и простая психическая и интеллектуальная власть людей над людьми, и экономическая власть людей над людьми. Последняя, в частности, состоит в том, что имущие пользуются экономической властью над неимущими, зависимыми в силу своей бедности от тех вещей, которыми владеют и распоряжаются богатые и, следовательно, опосредованно — от самих богатых. Последние имеют власть над бедными, но не прямую, а **опосредованную** властью вещей, которыми они владеют.

Однако, в основе самого этого положения вещей (неравномерного распределения материальных благ в обществе) лежит та или иная идея — идея собственности, экономического рыночного порядка, принятого в данном обществе и т.д. То есть, бедные подчиняются богатым не в силу природных отношений между ними и вещами, а в силу господствующей над их сознанием идеи социально-экономического порядка, принятого в данном сообществе. Если будет уничтожена (в головах бедных) идея этого порядка, будет уничтожена и эта власть, как мы можем то наблюдать в странах, доведенных до социалистической революции. Физическая власть людей над людьми также осуществляется

¹ Там же.

лишь в рамках того или иного общественного порядка, и только это и придает ей политический, а не чисто природный характер.

М. Вебер ввел в научный оборот понятие харизмы как «внеобыденного личного дара» некоторых индивидов, вызывающего в окружающих его людях желание подчиняться такому индивиду. «Харизмой», — писал он, — следует называть качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, особыми силами и свойствами, не доступными другим людям. Оно рассматривается как посланное богом или как образец. (Первоначально это качество обусловлено магически и присуще как прорицателям, так и мудрецам-исцелителям, толкователям законов, предводителям охотников, военным героям)»¹.

Как видим, сам Вебер описывает понятие харизмы достаточно обще и неопределенно. На современном языке это понятие лучше всего передается словами «выдающийся человек», или «человек, превосходящий других в каком-либо отношении».

Признание превосходства над нами любого человека в любом отношении невольно ставит нас в подчиненное к нему положение. Сам факт признания превосходства в том, ведь, и состоит, что мы ставим этого человека **выше себя**. Но это и есть факт признания **власти** данного человека над нами в каком-то определенном отношении. Харизма, следовательно, есть просто другое название для феномена **естественной** власти человека над человеком. Властвует всегда тот, кто более силен, более отважен, более умен, обаятелен, образован, богат и т.д. И, следовательно, сколько существует различных способов превосходства одних индивидов над другими, столько существует и видов харизмы.

¹ Вебер М. Хозяйство и общество. Часть 1. «Экономика, общественное устройство и власть», глава III. «Типы господства и их отношение к экономике». Сокращенный и адаптированный перевод с нем. Е. Ляпуновой / под ред. Н. Головина. // http://www.soc.pu.ru:8101/persons/golovin/r_weber2.html.

Однако, М. Вебер своим введением этого понятия хотел показать, что харизма может быть **причиной** именно **политической** власти. Объединяя единым признаком «внеобыденного личного дара» различные по своей природе виды власти людей над людьми, он вольно или невольно сводит политическую власть к чисто природным феноменам, что, на наш взгляд, недопустимо.

Вебер, как известно, даже вводит особый вид легитимности — харизматическую легитимность. К какой власти может прилагаться определение «легитимная»? Может ли быть легитимной или нелегитимной власть вообще? Очевидно, — нет, поскольку власть вообще — это просто человеческая зависимость от чего-либо внешнего, без дальнейших определений. Природная и интеллектуальная власть людей над людьми также не может быть легитимной или нелегитимной — она просто есть или ее нет.

Поэтому не может быть легитимной или нелегитимной и харизма как чисто **природное** свойство некоторых индивидов. У того или иного политического деятеля она просто есть или ее нет. Харизма помогает ему добиваться подчинения окружающих его людей, но не является **источником** его **политической** власти, каковым может быть только **политическая идея**, которой он служит вместе с теми, кто следует за ним.

Тот же Мухаммед, например, приводимый Вебером в качестве примера харизматического вождя, не имел политической власти в Мекке, где его идеи не встречали сочувствия, и приобрел такую власть в Медине, где нашел множество последователей. Хотя харизмой, надо полагать, он обладал независимо от своего местонахождения. Следовательно, Мухаммед не был харизматическим политиком в смысле Вебера. Он был «орудием» провозглашенной им идеи, основателем и вождем нового социально-политического порядка. Вдобавок он имел, несомненно, и определенную харизму — автор Корана (произведения выдающегося даже и в художественном отношении), без сомнения обладал

«внеобыденным» личным даром, тем более, — для людей VII века.

С другой стороны, например, Робеспьер, судя по тому, что о нем сообщают современники, был начисто лишен какой-нибудь харизмы и вместе с тем власть его речей приближалась к тиранической. Эту власть давали ему не его личные качества, а зараженность его слушателей определенными идеями, от имени которых он выступал. То же самое можно сказать и о Марксе, Ленине, Савонароле и о многих других служителях политических идей своего времени. Когда «дурман» этих идей проходит, исчезает и харизма таких личностей. Сегодня о Ленине сочиняют пошлые анекдоты, а всевозможные ряженые кривляются в его образе, вызывая смех недалекой публики. А в 1920-х годах русские крестьяне сочиняли о нем легенды и сказки¹.

Таким образом, Идея, а не личные качества ее носителя — источник политической власти тех или иных вождей в этой сфере. Хотя, и **индивидуальность**, которую неизбежно получает идея от личности, наиболее талантливо ее выражающей, безусловно, имеет немалое значение.

Власть политическая как **организованная зависимость** одних людей от других в рамках признаваемой ими общей политической идеи может быть как легитимной, так и нелегитимной (внутри самой организации). Критерием легитимности здесь, очевидно, служит **сама идея**, объединившая данных людей, а точнее, — ее содержание.

Если, например, политическая партия, объединившись под эгидой **демократической** идеи, вводит внутри себя диктаторскую форму правления, то в

¹ Вот, например, сказка, сочиненная владимирскими крестьянами: «Был у Ленина товарищ-друг что ни на есть первейший — разверстки комиссар. И вот сказали Ленину, что друг-то его этот обижает мужиков да живет несправедливо, добро народное не бережет. Призвал его Ленин и говорит:

— Друг ты мой, верно это?.. Тот молчит, голову опустил. А Ленин ему:

— Мужика теснить ты права не имеешь. Потому мужик — большая сила в государстве, от него и хлеб идет. Значит, как друга своего я наказывать тебя должен примерно.

Поцеловал тут Ленин друга-то, попрощался с ним, отвернулся и велел расстрелять его.

Вот он Ленин-то, какой ... Справедливость любил».

рамках ее идеи такая организация власти будет нелегитимной, тогда как, например, в фашистской партии она была бы вполне законной и соответствующей идее фашизма. Тот же Робеспьер, с его **тиранической** формой правления, был свергнут в конце концов как правитель нелегитимный в рамках той идеи, за которую боролись французские революционеры, хотя Робеспьер и оправдывал перед ними свои жестокости обстоятельствами исторического момента. С другой стороны, вожди большевиков — Ленин и Сталин — не потеряли своей легитимности в глазах партийной массы, несмотря ни на какие репрессии именно потому, что диктатура была «в крови» у этой партии, включалась в само содержание их социально-политической идеи.

Одной из первых, как показывают этнографические данные, а, вероятнее всего, и **самой первой** социально-политической идеей, овладевающей человеком, является идея бога (богов). Первой властной иерархией в первобытном обществе является та, на вершине которой стоит бог данного народа. Первые правители — это, как правило, либо «сыновья бога», либо его «посланники», либо его верховные жрецы, либо, наконец, сами «боги» (как, например, фараоны в Древнем Египте и цари в Древней Месопотамии). Власть этих людей в обществе — это, по существу, власть **религиозных (религиозно-политических) идей**, воплощением которых они являлись

Подчинение этим лицам есть подчинение этим идеям, или, вернее, — **в рамках** этих идей, овладевавших древними, а не непосредственно самим людям. Вне идеи бога первобытные цари, фараоны, жрецы — ничто. В лучшем случае, — это колдуны, шаманы, волхвы и т.д., которые, хоть, и связаны каким-то образом со сверхъестественными силами, но не олицетворяют никакой социальной или политической идеи, способной внести какой-то порядок в общество. Идея же бога обязательно сопряжена таким порядком. Таким образом, религия оказывается изначально не надстройкой, а базисом (**фундаментом**) госу-

дарственной власти. С разрушением этого фундамента падает и сама государственная власть.

Только под влиянием Просвещения идея **чисто светского** государства начинает постепенно брать верх над идеей религиозно-политической организации общества, однако, главным образом, — на Западе. Под влиянием критики религии и духовенства здесь зарождается и новый, чисто светский принцип легитимности государственной власти. Таким принципом становится идея **служения народу** как единственному «земному богу» и источнику верховной власти. Тем не менее, и здесь именно **демократическая идеология** оказывается основой государственной власти. Более подробно эти положения будут рассмотрены нами в следующей главе нашей работы.

Здесь же отметим в качестве основного вывода, что в понятии политического экстремизма, несущем в себе явственную **отрицательную** коннотацию, имплицитно заложено и понятие **легитимности**¹ государственной власти. Следовательно, только тот политический экстремизм соответствует своему понятию в полном смысле этого термина, который направляется против **легитимной** государственной власти (или против **легитимных** политических противников и иных социальных групп). В свою очередь, и **законное** насилие, применяемое **законной** властью против своих политических оппонентов и противников, также может приобрести черты **государственного экстремизма** в том случае, когда эта, формально законная, власть в обществе начинает утрачивать свою **легитимность**.

1.7. Научно-практические выводы

¹ См. подробнее о легитимности власти: Дибиров А.-Н. 3. Теория политической легитимности: Курс лекций для вузов. М., 2007.

Подводя итог нашему анализу сущности феномена экстремизма, сформулируем еще раз кратко основные положения и выводы, полученные на данном этапе исследования.

Основным и существенным отличием экстремизма от аналогичных негативных социальных явлений является его **идеологическая обусловленность**. В основе любой экстремистской деятельности любых субъектов такой деятельности (частных лиц, групп и организаций) лежит определенная идеология и **идеологический конфликт** с обществом.

Идеология представляет собой одну из двух основных и **несводимых друг к другу** противоположных форм сознания и отличается от своей противоположности (теории, науки) тем, что учит человека не тому, каков есть этот мир (и прежде всего — общество, общественный порядок), а тому, **каким он должен быть** (и, следовательно, — **каким он быть не должен**).

Религия представляет собой частную и исторически обусловленную форму идеологии. Современной же формой идеологии являются философские (светские) нормативные учения — либерализм, марксизм и т.д. Философские идеологии — это религии, не прибегающие к идее бога и заменяющие ее другими «сверхценными» идеями — свободой личности, общественным благом, благом нации, расы, этноса, пролетариата и т.д.

В любом обществе идеология есть **основа всего его общественного порядка**, и именно через привитие этой идеологии все новым и новым поколениям людей общество и имеет возможность сохранять свой порядок, а вместе с ним и само свое существование.

Вместе с тем, идеология, как и все в этом мире, не стоит на месте, а постоянно **развивается** вместе с развитием самого общества. При этом вопрос о том, что первично в этом процессе — развитие самого общества или развитие его идей — не имеет принципиального значения. Марксисты полагают, что первично развитие самого общества, а развитие идей является лишь отражени-

ем этого процесса. Противники марксизма исходят из противоположного положения. Но на практике можно исходить как из той, так и из другой точек зрения; вернее, **необходимо** принимать как ту, так и другую, ибо обе они достаточно обоснованы и ведут, по существу, к одному и тому же результату.

Основные идеологические направления общественной мысли возникают в результате противоречия между **официальной** (господствующей, общепринятой) **идеологией** и **реальностью**, понимаемой как ее (идеологии) воплощение. В ходе сопоставления идеологических идеалов и норм с реальностью человек приходит к различной **оценке** соответствия этой реальности нормам идеологии (как официальной, так и его собственной, выработанной в нем **воспитанием** или его собственными **размышлениями**).

В результате такого сопоставления и оценки реальности человек может прийти к следующим основным выводам (убеждениям).

Во-первых, он может найти соответствие идеалов и реальности вполне удовлетворительным, и, следовательно, прийти к выводу, что в реальности совсем ничего не нужно менять — это позиция **консерватора**. Во-вторых, он может прийти к выводу о несоответствии реальности его идеалам, и, следовательно, — о необходимости изменить реальность — это позиция **реформиста**.

По степени удовлетворенности-неудовлетворенности реальностью реформисты и консерваторы могут быть **радикальными** или **умеренными**.

Реформистская позиция при этом может выражаться в двух основных формах — **ретроградской** и **модернистской**.

В зависимости от того, в каком направлении **реформисты** полагают необходимым изменять общество, ими вырабатывается и соответствующая идеология — модернистская или ретроградная, радикальная или умеренная. При этом реформистские идеологии могут различаться между собой не только по содержанию (качественно), но и **по той степени** социальных изменений, которые они предусматривают. Эти изменения могут относиться либо только к од-

ной из каких-либо сфер общественной жизни (например, к отношению между полами или к проблеме запрета аборт) — такие идеологии можно определить как **частные**, — либо же они могут затрагивать самые **глубинные** вопросы общественной жизни (например, существование частной собственности, устройство государственной власти) и предлагать их **радикальное** изменение — такие идеологии можно определить как **революционные**.

Однако идеологии и идеологический процесс являются только **начальной основой** экстремизма как целостного **развивающегося** явления. И лишь на достаточно **поздних** этапах его развития появляется возможность уверенной квалификации его именно в качестве экстремизма, а не чего-либо иного. В целом же в развитии этого негативного социального феномена можно выделить следующие пять основных этапов.

На **первом**, самом начальном этапе его формирования в обществе возникает определенная новая **идеология**, представляющая собой некоторую систему крайних взглядов на формы и способы разрешения какого-либо актуального социального противоречия (или всех основных противоречий). На этом этапе «экстремисты» — это еще просто идеологи, мыслители-одиночки, развивающие соответствующие идеи. Они еще очень немногочисленны, их буквально **единицы**.

На **втором** этапе зародившаяся новая идеология начинает **расширять** круг своего влияния, приобретает себе новых сторонников и приверженцев, которые усваивают новые взгляды идеологов-основоположников и начинают отстаивать и **пропагандировать** их в кругу людей, интересующихся морально-теоретическими проблемами общества. На этом этапе «экстремисты» — это уже достаточно широкие круги (десятки и сотни людей), интенсивно **обсуждающие** и **проповедующие** новые идеи.

На **третьем** этапе новые идеи начинают овладевать уже и **массами** (не десятками и сотнями, а уже тысячами людей), чему способствует деятельность

популяризаторов и проповедников новых идей. Идеологический экстремизм получает более или менее массовый характер.

На **четвертом** этапе новая идеология воспринимается уже не идеологами только, а и **практическими деятелями**, создающими на ее основе соответствующие конкретные **планы и программы** переустройства общества в соответствии с новыми идеями. Под эти планы и программы они начинают вербовать уже не просто сторонников и приверженцев новых взглядов, а реальных **исполнителей**, готовых взять на себя дело **реализации** этих планов и программ. Разрабатывается **стратегия и тактика** достижения поставленных целей. Из идеологической и теоретической областей экстремистские взгляды переносятся уже на **практическую почву**. Экстремизм приобретает уже явный характер.

Наконец, на последнем, **пятом** этапе формирования феномена экстремизма сформировавшиеся уже **практические организации**, набравшие достаточное число **активистов** и «**боевиков**», переходят теперь и к конкретным экстремистским **действиям**. Их деятельность протекает уже в **изменившейся социальной среде**, в которой они находят достаточное число сочувствующих и способствующих реализации их планов и готовых осуществлять их **материальную** поддержку.

Таким образом, от зарождения новых идей в головах мыслителей-одиночек, через приобретение ими широкого и затем массового влияния в конкретном обществе и к формированию действующих организаций, имеющих материальную поддержку — таков основной путь развития феномена экстремизма, путь последовательного формирования его **основных элементов**.

Чем дальше зашло развитие конкретного экстремистского явления, тем легче его распознать, но тем труднее излечить. И наоборот, чем на более ранней стадии развития оно находится, тем легче от него излечиться, но труднее его распознать в качестве именно экстремизма.

Хотя основой любой экстремистской организации и ее деятельности, действительно, является соответствующая идеология, тем не менее, собственно экстремизм их **проявляется** вовсе не в идеологии самой по себе, а в тех **практических средствах**, которые избирают для ее воплощение в жизнь **практики**, вставшие под знамена данной идеологии.

Теоретически же, у любой новой идеологии есть два **крайних** способа превратиться в официальную (господствующую) доктрину того или иного общества — 1) **мирный** и 2) **насильственный**. Сторонники мирного пути развития новой идеологии избирают в качестве практических планов по ее осуществлению лишь методы **пропаганды** и **проповеди**, а также — **легальный** путь борьбы за власть в мирном состязании со всеми другими политическими партиями и общественными движениями. Сторонники же второго пути, не отказываясь и от мирных путей к цели, основной упор все же делают на **насильственные** методы претворения своей идеологии в жизнь (как правило, — через приход ее сторонников к власти), и создают для этого соответствующие **боевые структуры**. Именно эти организации и их деятельность и могут квалифицироваться уже как **полностью экстремистские**.

Таким образом, экстремистскими являются такие идеологизированные лица, группы и организации, которые избирают в качестве **основных средств** продвижения своих идей в обществе любые насильственные действия, которые пропагандируют такие **средства** (не идеи), агитируют за них, готовятся к ним и осуществляют сами такие насильственные действия.

Однако, как и в любом логическом делении подобного рода, между двумя указанными крайностями всегда есть место и для представителей «золотой середины» — то есть для сторонников **в основном мирных** (неэкстремистских) действий, но не исключаяющих в то же время (при определенных обстоятельствах) и **насильственных** или **полунасильственных** действий. Такие организации и деятельность можно отнести к **полуэкстремистским**. Одна-

ко, и среди экстремистских организаций обычно выделяют, в качестве **крайних** их типов, организации **террористические**.

Террористическое насилие — это насилие, применяемое экстремистами к своим противникам не непосредственно, а **косвенно** — через уничтожение имущества и жизней третьих лиц, как правило, не причастных к самому конфликту между террористами и их противниками. С криминологической точки зрения, главная, отличительная особенность терроризма заключается в том, что — это совершение **общественно опасных, уголовно наказуемых деяний в отношении жизни, здоровья людей, прав и законных интересов различных субъектов ради принуждения третьей стороны к принятию требуемых террористами решений**.

Однако такое определение, достаточное, по-видимому, для точной **криминологической** характеристики этого феномена, не отражает существо терроризма полностью. Террористы стремятся не просто к крайним формам и актам насилия, к жестоким и ужасающим преступлениям, но и обязательно к **«громким»** насильственным актам, имеющим **символическое** значение. Последнее означает, что целью терроризма является не просто посеять страх и ужас в сознании своих **противников**, но и породить настоящую **атмосферу страха и ужаса**, то есть привести в это состояние **все общественное сознание в целом**. Объектом воздействия террористов является **сознание всего общества** или максимально широких слоев населения. В силу этого, любой терроризм, а не только собственно политический, имеет и **политическое** содержание.

Хотя, в общем, и любой терроризм адресует свои действия широким слоям населения (их сознанию), но политический терроризм воздействует на сознание населения наиболее продуманно и целенаправленно. Политический терроризм, следовательно, есть не просто крайнее средство политической

борьбы, но и средство **морально-психологического воздействия на массовое сознание**.

В понятии политического экстремизма, несущем в себе явственную **отрицательную** коннотацию, имплицитно заложено и понятие **легитимности** государственной власти. Поэтому, только тот политический экстремизм соответствует своему понятию в полном смысле этого термина, который направляется против **легитимной** государственной власти (или против **легитимных** политических противников и иных социальных групп). В свою очередь, и **законное** насилие, применяемое **законной** властью против своих политических оппонентов и противников, также может приобрести черты **государственного экстремизма** в том случае, когда эта, формально законная, власть в обществе начинает утрачивать свою **легитимность**.

Государственная власть в основе своей власть — **духовная, морально-нравственная**, а не физическая, экономическая, интеллектуальная и т.д. И в качестве таковой она может и утрачивать свою легитимность, которая может при этом переходить к **оппозиции**, избирающей в таком случае часто и нелегальные, насильственные методы свержения утратившей легитимность старой власти. В таком случае определения экстремизма по существу приложимы к обеим сторонам конфликта — и к официальной власти, и к вооруженной оппозиции. Но историческая и моральная правота оказывается уже на стороне оппозиции, а не власти. Следовательно, именно в таких случаях экстремизм может приобретать и морально оправданный, исторически легитимный характер.

В следующей главе будет исследовано кратко развитие и современное состояние идеологической ситуации в мире, являющейся основой расстановки политических сил и современной политической борьбы в мире, в том числе и ее экстремистских форм.

ГЛАВА 2. ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА И ОСНОВНЫЕ МИРОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОСТИ

2.1. Периодизация духовного развития общества

В философии истории было предложено множество различных периодизаций развития общества, среди которых в настоящее время наибольшим признанием пользуется схема, разработанная в рамках **марксистской** концепции. Согласно этой периодизации, в человеческой истории выделяется первоначальный период первобытнообщинного строя и последующие периоды рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического общества. Основой деления здесь выступают формы **производственных отношений** (формы собственности) и формы **эксплуатации** низов верхами. Согласно Марксу, первоначальной формой организации общества является первобытная **коллективная собственность**, которая на определенном этапе ее развития **отрицается** организацией, основанной на различных, последовательно **прогрессивных** формах **собственности частной** — рабовладельческой, феодально-крепостнической и буржуазно-пролетарской. В конце этого процесса, по Марксу, «бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹. Общество возвращается к коллективной (**общественной**) форме собственности, но уже на основе мощных **производительных сил**, созданных предшествующим историческим развитием. Эта периодизация носит, таким образом, сложный, **социально-экономический** характер.

Деполитизированная модификация этого подхода, получившая широкое признание в последнее время², делит всю историю на периоды первобытного

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1969. Т. 1. С. 773.

² См., напр.: Анурин В.Ф. Динамическая социология. М., 2003.

(охотничье-собирательского), аграрного, индустриального и постиндустриального общества (формирующегося в настоящее время). Эта периодизация носит **производственно-экономический** характер, и в основе ее лежит уровень и характер развития **производительных сил** общества. Наиболее нейтральная и объективистская, она в наибольшей степени приемлема в качестве **основы** для любых теоретических построений.

При этом обе эти периодизации исходят из постулата **первичности материальных** процессов и отношений в обществе.

Однако в философии истории сохраняется до сих пор и **противоположная** точка зрения на историческое развитие, согласно которой первичными являются не материальные условия жизни, а форма и уровень **духовного развития** общества. Наиболее известной из периодизаций, основанных на таком подходе, является схема, предложенная основателем социологии О. Контом (1798-1857). Согласно Конту, человечество проходит в истории через три следующих необходимых стадии своего развития — **теологическую, метафизическую и позитивную**.

Этот «закон трех стадий» сам Конт считал своим **главным открытием**. Однако ранее него ту же мысль уже высказывал выдающийся государственный деятель, философ-просветитель и экономист А.Р.Ж. Тюрго (1727-1781), который различал религиозную, спекулятивную и научную стадии духовного развития общества. Вслед за Тюрго эту же схему предлагал и учитель Конта К.А. Сен-Симон (1760-1825)¹. Но раньше всех аналогичную трехчленную культурную периодизацию истории предложил итальянский ученый Джамбаттиста Вико (1668-1744), автор сочинения «Основания новой науки»¹ (1725). Именно он впервые разработал оригинальную теорию «трех стадий», согласно которой каждое **конкретное общество** (а не человечество вообще, как у писателей эпо-

¹ Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: Учеб. пособие для вузов. — 5-е изд., испр. М.: Университет, 2001. С. 54.

хи Просвещения и О. Конта) совершает **эволюционный цикл**, состоящий из трех последовательно сменяющих друг друга периодов: **«века богов»**, который выражается в мифологическом сознании общества; **«века героев»**, который представлен в героическом эпосе; и **«века людей»**, который выражается в господстве «приземленного», прагматического сознания. Каждый цикл развития данного конкретного общества завершается его **кризисом и крушением**². И таких циклов, по мнению Вико, в Западной истории было уже два — первый цикл прожит был древним (греко-римским) обществом, а второй переживается германо-романской Западной Европой после гибели античного мира. Германские варвары, указывал Вико, тоже начинали со своей **мифологии**, потом пережили свою **героическую**, «гомеровскую» эпоху (Песнь о Роланде и др.), и в настоящее время (XVII-XVIII вв.) переживают свою **«человеческую»** («позитивную» стадию).

Скорее всего, именно от Вико и следует вести отсчет различных духовно-культурных периодизаций человеческой истории. Однако, несомненно, именно у О. Конта этот подход был разработан наиболее широко и детально. Поэтому, рассмотрим его «закон трех стадий» более подробно. «Согласно этому закону, — излагает его А.Б. Гофман, — индивидуальный человек, общество и человечество в целом в своем развитии неизбежно и последовательно проходят три стадии.

1) На **теологической**, или **фиктивной**, стадии человеческий разум стремится найти либо начальные, либо конечные причины явлений, он «стремится к абсолютному знанию». Теологическое мышление, в свою очередь, проходит три фазы развития: **фетишизм**, **политеизм**, **монотеизм**. Эта стадия была необходимой для своего времени, так как обеспечивала предварительное развитие человеческой социальности и рост умственных сил. Но притязания теологии

¹ См. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940.

² Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: Учеб. пособие для вузов. — 5-е изд.,

проникать в предначертания Провидения безрассудны и подобны предположению о том, что у низших животных существует способность предвидеть желания человека или других высших животных.

2) На **метафизической**, или **абстрактной**, стадии человеческое мышление также пытается объяснить внутреннюю природу явлений, их начало и предназначение, главный способ их образования. Но в отличие от теологии метафизика объясняет явления не посредством сверхъестественных факторов, а посредством **сущностей** или **абстракций**. На этой стадии спекулятивная, умозрительная часть очень велика «вследствие упорного стремления аргументировать вместо того, чтобы наблюдать». Метафизическое мышление, составляя, как и теологическое, неизбежный этап, по своей природе является критическим, разрушительным. Его черты в значительной мере сохраняются и в современную эпоху.

3) Основной признак **позитивной**, или **реальной**, или **научной** стадии состоит в том, что здесь действует закон постоянного подчинения воображения наблюдению. На этой стадии ум отказывается от недоступного определения конечных причин и сущностей и вместо этого обращается к **простому исследованию законов**, т. е. «постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями». ...

Согласно закону трех стадий, все науки и все общества неизбежно завершают свою эволюцию на позитивной стадии. Именно на третьей стадии формируется истинная, т. е. позитивная наука, цель которой — познание не фактов (они составляют для нее лишь необходимый сырой материал), а **законов**. Существование **неизменных естественных законов** — условие существования науки; их познание с целью рационального предвидения — ее предназначение»¹.

испр. М.: Университет, 2001. С. 52.

¹ Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: Учеб. пособие для вузов. — 5-е изд.,

Нетрудно заметить, что в своем описании стадий духовного развития человечества О. Конт выдвигает на первый план его **научную (теоретическую)** составляющую. Однако при этом он говорит об общественном сознании так, как будто рассматривает его **во всей его полноте**, то есть — совместно и с его **идеологической** составляющей. Иначе говоря, Конт берет **лишь одну** сторону противоположности, но думает при этом, что он рассматривает всю ее целиком. Это заметно, в частности, из того, что в его самой первой («теологической») стадии религиозное сознание смешивается с теоретическим. **Фетишизм, политеизм и монотеизм** — это стадии, скорее **религиозного**, чем научного развития общественного сознания. Однако Конт просто путает и не различает эти противоположные формы. В этом он повторяет ошибку своих французских предшественников и, в частности, — Ж.А. Кондорсе, впервые представившего всю историю человечества как борьбу **науки (начала разумного)** с **религией** (воплощением «суеверия»), в которой наука у него в конце концов одерживает верх. Однако наука, хотя и борется в действительности с религией, но не способна победить в этой борьбе, так как ее построения принципиально не способны заменить человеку то духовное (морально-нравственное) содержание, которое дается ему религией. Математика не может заменить собою музыку.

Если же принять точку зрения позитивистов и представить всю историю духовного развития человечества (точнее, его западной цивилизации) как историю развития только его **теоретического сознания**, то такая периодизация, в ее наиболее последовательной форме, должна будет выглядеть следующим образом. **Первый период** духовно-теоретического развития — это период до возникновения мифологии, представляющей собой самую первую попытку осмысления мира. Его можно назвать периодом **первобытного сознания**. **Второй период** начинается с создания самых первых мифов, авторов которых мы,

естественно, не знаем (у греков существовало смутное предание, приписывавшее многие космогонические мифы легендарному древнему певцу Орфею). Этот период можно назвать **мифологическим**. **Третий период** начинается с создания первых, уже собственно теоретических, **натурфилософских** систем, то есть, — систем Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра (VI в. до н.э.) и др. Этот период духовно-теоретического развития представляет собой эпоху возникновения, расцвета и господства в теоретическом сознании Запада греческой, и особенно, **платоновско-аристотелевской** метафизики, и его можно назвать **метафизическим**. **Четвертый период** духовно-теоретического развития начинается с философских систем Ф. Бэкона (1561-1626) и Р. Декарта (1596-1650), предлагающих впервые совершенно новую теоретическую парадигму, приводящую вскоре к таким выдающимся научным достижениям, как теории Н. Коперника, Г. Галилея, И. Ньютона и др. Этот, четвертый период развивается под знаком господства **эмпирического, экспериментального естествознания**, на которое равняются и которому подражают сейчас и все гуманитарные науки. Его, действительно, можно назвать **позитивистским** (или **эмпиристским**) периодом.

Таким образом, **первобытный, мифологический, метафизический и позитивистский** — четыре основных периода духовно-теоретического развития «человечества» (западной цивилизации).

Однако духовно-теоретическое развитие общества, которому уделяется преимущественное внимание западными мыслителями, не играло в предшествующей истории человечества той выдающейся роли, которая приписывается ему современным западным сознанием. А во многом оно не играет такой роли и в настоящее время. Гораздо большее влияние на жизнь общества оказывало (и оказывает) не его теоретическое развитие, а его развитие **религиозно-духовное** (идеологическое).

И если мы посмотрим на историю западной цивилизации с этой точки зрения, то должны будем выделить в ней совсем другие основные этапы и периоды. Прежде всего, всю ее историю мы должны будем разделить на периоды **до рождения Христа**, и периоды — **после рождения Христа**. Фактически, именно так она и разделена в современном западном летоисчислении. Период до рождения Христа самими христианами назван **периодом язычества**. Однако и в нем нам необходимо выделить и еще более древний и первоначальный период, в котором не приходится говорить даже и о языческом сознании. Этот, **самый первый** период можно условно назвать периодом **первобытного** (до-языческого) сознания. **Второй период** — это эпоха возникновения, расцвета и господства языческой формы идеологического сознания. Он начинается с создания героических и теогонических поэм Гомера (IX-VIII вв. до н.э.) и Гесиода (VIII-VII вв. до н.э.), которые и создали, по замечанию одного древнего автора, грекам их богов, и завершается в эпоху рождения и деятельности Христа. **Третий период** — это эпоха возникновения, развития и господства христианской религиозной доктрины. Наконец, **четвертый период**, началом которого служит эпоха Просвещения и Великой французской революции, — это период возникновения, развития и господства постхристианской, секулярной, **просвещенческой** идеологической доктрины, которая и составляет собой религию современного Запада (точнее, — ее доминирующее духовное ядро).

Таким образом, основные этапы **духовно-религиозного** развития западной цивилизации — это **первобытная, языческая, христианская и просвещенческая** (постхристианская) эры, или эпохи.

Однако, если мы обратимся к другим, **незападным** цивилизациям, то там аналогичные эры или эпохи связаны с появлением совсем других, своих собственных учителей и пророков, предложивших и развивших там иные оригинальные духовно-религиозные доктрины и учения. В Китае, в частности (и вообще на Дальнем Востоке), мы должны будем делить всю историю на периоды

до и после **Конфуция** (551-479 до н.э.); в Индии — на периоды до и после **Будды** (623-544 до н.э.); на Ближнем Востоке — на периоды до и после **Заратустры** (греч. Зороастр, X-VI вв. до н.э.), до и после **Моисея** (предп. XIV в. до н.э.) и до и после **Мухаммеда** (570-632).

При этом периоды до появления указанных учителей и пророков относятся там к первобытным и языческим эрам, а периоды после господства их учения либо еще и не начинались, либо находятся на самом первоначальном этапе их развития. Так, своеобразным аналогом европейского Просвещения, видимо, можно признать так называемую революцию (секуляризацию) Кемала Ататюрка (1881-1938), проведенную однако с достаточной полнотой и последовательностью пока лишь в одной только Турции (и, на других началах, — в некоторых бывших советских мусульманских республиках). В других же мусульманских странах подобных преобразований либо еще вообще не проводилось, либо осуществлены даже и некоторые **контрреформы** (как, например, в ваххабитской Саудовской Аравии). Что же касается некоторых стран Африки, например, то там и вообще господствуют еще, по существу, **языческие** и даже **первобытные** формы духовно-религиозного сознания.

Таким образом, разные регионы, народы и страны нашей планеты в духовно-религиозном отношении не только значительно отличаются от цивилизации Запада **по содержанию** своих религиозных доктрин, но и находятся по отношению к нему **на разных ступенях духовного развития**. При этом в **материально-экономическом** отношении они могут принадлежать в то же время к одному и тому же — аграрно-индустриальному или даже индустриальному типу.

Последнее замечание указывает на то, что материальное и духовное развитие общества не имеет, по-видимому, той жесткой связи, на которой настаивает марксистская теория. С другой же стороны, между **теоретическим** и **ре-**

лигиозным развитием общественного сознания, по-видимому, существует достаточно прочная взаимосвязь.

Поэтому далее мы рассмотрим более подробно именно эту — духовно-религиозную историю развития общества и современное состояние именно этой стороны его духовной культуры. Однако прежде всего мы должны рассмотреть более глубоко и детально вопрос о том, что же представляет собой в духовном отношении сама религия.

2.2. О сущности религии

В эпоху Просвещения, как мы знаем, под влиянием успехов естественных наук в западных странах зарождается нечто вроде культа научного (теоретического) разума, которому показалось в тот момент возможным отныне и навсегда изгнать религию из человеческого общества. Такие грандиозные попытки предпринимали в свое время и М. Робеспьер, и О. Конт и Л. Фейербах и, наконец, К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин вместе со своими соратниками и последователями. Однако, все эти попытки привели не к изгнанию религии из общественного сознания просвещенных стран, а к некоторому **примирению** научного и религиозного сознания, за каждым из которых была признана своя социально-духовная функция.

Решающей причиной неудачи всех этих попыток науки «разобраться» с религией является, на наш взгляд, неправильность самой исходной посылки, с которой наука подходит к религии. А именно, научному сознанию кажется, что религия — это **тоже** какая-то **наука**, но только «допотопная» и потому **неистинная**, «неправильная», противоречащая данным и выводам современной, **настоящей** науки. Однако, многовековая теперь уже, критика религии с этих позиций не привела, как мы знаем, к полному исчезновению верующих, хотя, кое-какие успехи на этом пути были, несомненно, достигнуты.

Казалось бы, если наука уже убедилась в том, что она не в силах полностью «побороть» и вытеснить религию, то, наверное, ей следовало бы уже прийти к выводу, что и религия представляет собой **тоже нечто истинное**, но только истинность ее, видимо, какого-то совсем **другого рода**, непохожая на истинность **научную**. И если это так, то ученым, наверное, следовало бы уже перестать удивляться бессилию науки перед «иррациональными» религиозными догмами, перестать смеяться над неразумием верующих, и попытаться, наконец, понять, а в чем же может быть суть этого другого рода истинности. Однако, большинство ученых-религиоведов пока все-таки не принимают всерьез такую позицию, а выход из своих затруднений они находят, по большей части, в теории так называемых «земных корней» религии — гносеологических, социальных, психологических и т.д. С помощью ссылок на эти корни ученые и объясняют сейчас (прежде всего самим себе) свои неудачи в борьбе религией.

Одними из наиболее важных таких земных корней религии издавна признаются, в частности, **страх и невежество**. «Первых на свете богов создал страх», — утверждал еще в I-ом веке нашей эры римский поэт Стаций. «Страх перед невидимой силой, — вторил ему Т. Гоббс, — придуманный умом или воображаемый на основе выдумок, допущенных государством, называется религией, не допущенных — суеверием»¹.

Одно из наиболее древних, это понимание сущности и происхождения религии все еще остается и наиболее **популярным** и в наше время. Автор фундаментальной «Религии в истории народов мира», С.А. Токарев, например, в одном из параграфов своего труда, так и озаглавленном: «Страх — корень религии», пишет, в частности, следующее. «Интересно, как один довольно умный эскимос — шаман Ауа — объяснял исследователю Кнуту Расмуссену, почему эскимосы придерживаются своих старых обычаев и запретов. Он произнес по

¹ Гоббс Т. Левиафан ... // Сочинения. В 2-х тт. М., 1991. Т. 2. С. 43.

этому поводу целый монолог, в котором отразилась психология древнего охотника, бессильного перед суровой природой и боящегося хоть в чем-нибудь нарушить традицию, чтобы не навлечь на себя гнев невидимой силы.

Когда К. Расмуссен спросил шамана, откуда эти запреты и почему следует их соблюдать, Ауа сказал:

«И ты не можешь указать причин, когда мы спрашиваем тебя: почему жизнь такова, какова она есть? Так оно есть, и так должно быть. И все наши обычаи ведут свое начало от жизни и входят в жизнь; мы ничего не объясняем, ничего не думаем, но в том, что я показал тебе (...), заключаются все наши ответы: мы боимся!

Мы боимся непогоды, с которой должны бороться, вырывая пищу от земли и от моря. Мы боимся нужды и голода в холодных снежных хижинах. Мы боимся болезней, которые ежедневно видим около себя. Не смерти боимся, но страданий. Мы боимся мертвых людей и душ зверей, убитых на лове. Мы боимся духов земли и воздуха.

Вот почему предки наши вооружались всеми старыми житейскими правилами, выработанными опытом и мудростью поколений.

Мы не знаем, не догадываемся почему, но следуем этим правилам, чтобы нам дано было жить спокойно. И мы столь несведущи, несмотря на всех наших заклинателей, что боимся всего, чего не знаем. Боимся того, что видим вокруг себя, и боимся того, о чем говорят предания и сказания. Поэтому мы держимся своих обычаев и соблюдаем наши табу».

Это очень характерная, — заключает С.А. Токарев, — психология верующего человека, который не размышляет, не задает вопросов, но боится переступить традиции, потому что боится сверхъестественного наказания, то есть в конце концов боится голода, страданий, смерти»¹.

¹ Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 119-120.

Однако, во-первых, у дикарей, на которых ссылаются обычно сторонники такого объяснения сущности религии, мы видим еще не саму религию как таковую, а лишь ее зачатки. А, во-вторых, можем ли мы приложить это объяснение, например, к Христу? Разве он из страха перед «сверхъестественным наказанием» или перед «голодом, страданием, смертью» создал и проповедовал свое учение? Не правильнее ли утверждать как раз обратное, — что он **преодоле**л все эти страхи и сознательно пошел на страдания и смерть **из любви** к людям? Все его ученики (кроме Иуды), ставшие после распятия своего Учителя апостолами христианской веры, также повторили его подвиг — все они были распяты или казнены другими способами за свою проповедническую деятельность. Затем во времена массовых гонений на христиан в Римской империи многие простые верующие также отдали свои жизни за свою веру и т.д.

Не правильнее ли, поэтому, было бы утверждать, что, наоборот, бесстрашие — корень религиозной веры? Ведь, все то же самое, как мы знаем, повторилось затем и в случае с возникновением исламской религии. Разве из страха Мухаммед и его «воины Аллаха» завоевали и обратили в свою веру чуть ли не половину мира? И где тут в обоих случаях «боязнь переступить традиции»? Разве не крайне **революционными** для своего времени были оба этих учения?

Несомненно, в современном научном понимании сущности религии содержится определенная доля истины. Однако, в целом, современный научный подход к ней сильно напоминает позицию того математика, который, прослушав симфонию Моцарта, пожал плечами и сказал: «Ну и что она доказывает?». А почему она должна что-то **доказывать**? Чтобы понять симфонию, надо (хотя бы на время) перестать быть математиком и стать просто живым человеком. Та же самая **перемена позиции** необходима, на наш взгляд, и ученому-религиоведу, желающему правильно понять сущность религии.

Поэтому, не претендуя на полное и окончательное решение поставленных выше вопросов, попробуем все же предложить такую другую **научную**

точку зрения на религию, с которой она открывается, на наш взгляд, в наиболее ясном и адекватном для ее правильного понимания свете.

Прежде всего, необходимо осознать, что кроме **интеллекта** (ума, теоретического разума, или способности **отражения**, познания мира) разум человека проявляется еще и в форме **воли** — столь же фундаментальной, как и интеллект, но **противоположной** ему по своей сущности, способности **желания** (хотения). Интеллект позволяет человеку видеть мир таким, каков он есть **сам по себе**, безотносительно к тому, кто его созерцает. Воля же делит этот мир **на плохое и хорошее, на доброе и злое, полезное и вредное** и т.д. При этом, к первому она **стремится** или любит его, а второго **избегает** и ненавидит. Интеллект просто и бесстрастно **регистрирует** и **констатирует** происходящее в мире, воля же его **принимает** или **отвергает** (правда, она может быть и **безразличной**, нейтральной к некоторым сторонам и явлениям действительности). «В то время как интеллект, — отмечает Гегель, — старается брать мир лишь так, как он **есть**, воля, напротив, стремится к тому, чтобы сделать мир тем, чем он **должен** быть ... Благо должно быть реализовано; мы должны работать над его осуществлением, и воля есть лишь деятельное благо»¹.

Однако эта способность желания, или воля, в свою очередь, **противоречива**. Она может проявляться у человека в двух противоположных, **всеобщих** отношениях ее к окружающему миру.

А именно, в **одном** случае человек рассматривает **себя самого** как **цель** всего сущего и творящегося в мире (в том числе, — и своих собственных усилий), а все окружающее его он рассматривает как **средство**, существующее исключительно для этой цели (для самого этого человека). С такой точки зрения добро и благо — это то, что служит **пользе данного человека**. Когда человек, например, собирает плоды с деревьев, трав и кустарников, когда он охотится на

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 418.

животных (или людей), когда, наконец, он принуждает других людей исполнять его личную волю, прихоти и желания — он находится именно на такой точке зрения, на такой позиции, или в таком отношении к миру и населяющим его существам и предметам.

Как назвать это отношение? Его можно назвать **потребительским**, или **эгоистическим**, или **эксплуататорским**, или **утилитаристским**, или **корыстным**, или **паразитическим**, или еще как-нибудь — все эти слова одинаково хорошо передают суть **такого** отношения человека к миру.

Забегая вперед, можно заметить, что именно на такой точке зрения стоит преимущественно сознание **первобытного** человека и, во многом еще, сознание **языческое**, предшествующее возникновению подлинной религии.

Однако, человек может встать и на **противоположную** позицию, с которой он, наоборот, именно себя самого рассматривает уже как **средство**, а **целью** для себя полагает нечто или некоего **другого**, которому он, **поэтому**, и должен служить. С **этой** точки зрения добро и благо уже не то, что служит пользе самого данного человека, а то, что служит пользе некоторого **другого**, которому и сам данный человек тоже — слуга. Когда человек, например, ухаживает за детьми, престарелыми, слабыми, больными, когда он бескорыстно помогает своим друзьям, соратникам, единоверцам, соплеменникам и т.д., когда он спасает с риском для собственной жизни тонущего в воде человека (или даже кошку, воробья), и даже когда он просто с любовью трудится (возделывает сад, поле, кормит животных и чистит их стойла, лечит их и т.д.), когда, наконец, он ищет истину ради самой истины или выступает против могущественной и торжествующей лжи или несправедливости, когда он пишет для потомков правдивую хронику своего времени, сочиняет прекрасную симфонию или, наконец, бросается со связкой гранат под танк, идущий уничтожать лежащий за его спиной город, — во всех этих случаях человек находится именно **в таком** отношении к миру, именно на такой позиции, с которой он **жертвует**

своими силами, своим благополучием, своим покоем или даже самой своей жизнью в интересах чего-то или кого-то **другого**, которого (которое) он ставит **выше** своих собственных интересов или даже выше самого своего существования. Человек именно **его** — это высшее — считает своей **целью**, а себя самого рассматривает всего лишь как **средство**, которое должно **служить** этой цели.

Как назвать такую позицию человеческой воли и такое ее отношение к миру? Его можно назвать **альтруистическим**, или **жертвенным**, или **моральным**, или **нравственным**, или еще как-нибудь — все эти слова одинаково хорошо передают суть **такого** отношения человека к миру, отношения, **противоположного** и **противоречащего** первому.

Таким образом, человек в его волевом отношении к миру может стоять на двух противоположных и противоречащих друг другу позициях — позиции **эгоистической**, паразитической и эксплуататорской по отношению к нему, и позиции жертвенной, **нравственной**, «служительной». В первом случае человек как бы полагает, что это мир ему что-то должен, а сам он только **имеет право**; во втором же случае, наоборот, человек считает, что именно **он сам что-то должен миру**, а мир имеет на это право. В первом случае человек думает только о своих правах, во втором — **о своем долге**. Эту вторую позицию мы и называем обычно собственно **чувством долга**.

Первое отношение к миру нам непосредственным образом понятно — оно логично, естественно, рационально, «разумно» и т.д. Мы рождаемся с этим отношением к миру и без него мы просто не сумели бы выжить в нем. Эгоистически-потребительское отношение к миру нам непосредственно врождено. Едва родившийся на свет младенец уже энергично ищет и требует от мира, в который он пришел, пищи, тепла, безопасности, удовольствия и т.д. Тем не менее, во взрослом человеке мы уже осуждаем такую позицию и признаем ее чем-то низменным, недостойным. Человек не должен думать только о самом себе и жить только ради самого себя.

Второе же отношение, напротив, нам (особенно, многим современным, «просвещенным» Адамом Смитом, европейцам и американцам) непосредственно уже непонятно — оно противоречит первому (естественному и рациональному), оно «нелогично», «иррационально», «неестественно». В то же время, когда человек живет и трудится не ради самого себя, а ради чего-то, почитаемого им выше самого себя и своих собственных интересов, мы все же не можем не одобрять и не восхищаться таким отношением к жизни в любом человеке.

То, что заставляет нас осуждать первое отношение воли к миру и восхищаться вторым, собственно, и называется **совестью**.

Таким образом, добро и зло могут пониматься по-разному, в зависимости от того, что берется за точку отсчета, за критерий — существование и личные интересы самого оценивающего мир индивида, или существование и интересы чего-то или кого-то другого, которому и сам этот индивид подчиняется как чему-то более значимому, чем он сам. И в том, и в другом случае вещи могут оцениваться как добро или зло, однако эти оценки одной и той же вещи могут оказаться при этом разными, и даже противоположными. Так, с эгоистической позиции высшим благом и добром является само существование оценивающего мир таким образом индивида. А с противоположной позиции, наоборот, сама такая установка и сам такой индивид являются злом, против которого следует бороться. Эта, вторая установка и лежит в основе человеческой **нравственности и морали**. Поэтому, первую (эгоистическую) позицию воли, когда она стремится все подчинить себе, достаточно адекватно и обобщенно можно назвать **злой волей**; а ее вторую позицию, когда она сама подчиняется и служит чему-то высшему по отношению к ней, можно назвать **волей доброй**.

Однако, воля у человека, при всей ее противоречивости, все-таки одна, и быть ей доброй или злой решает (в целом и в каждом конкретном случае) она

сама, в чем и заключается у человека его (нравственная) свобода и процесс его нравственного выбора.

Таким образом, с предлагаемой нами точки зрения становится почти очевидным, что религия — это, прежде всего, некоторое предельное выражение того, что мы называли выше доброй волей и нравственностью. Тайна религии заключается в ответе на вопрос, почему наша воля выбирает не зло, а добро; почему она стремится служить **не себе самой**, а чему-то другому; почему она ищет **высший смысл жизни**, а не удовлетворяется самой жизнью. Религия не случайным, а самым существенным образом связана с человеческой волей. И, следовательно, противоречие между наукой и религией проходит вовсе не по линии «истина-заблуждение» и не по линии «**знание-вера**», а по линии «**интеллект-воля**».

Самый минимум религии — это отказ от природной (естественной) злой воли, отказ от изначального эгоистически-потребительского отношения к миру, осуждение такой позиции и переход воли на позицию служения добру. Минимум религии — это отказ от «естественной» жизни для самого себя и поиск того, **ради чего** (другого) **должен жить человек**; это — тоска по (высшему, «сверхъестественному») смыслу жизни, возникающая в результате отрицания и осуждения жизни для самого себя и отказа от такой жизни. Человек не должен жить для самого себя! Выражением такой позиции воли, ее развитием и оформлением и является, по существу, религия¹.

Можно, однако, сказать (и это, действительно, утверждалось и доказывалось многими ведущими философами и мыслителями эпохи Просвещения), что описанное нами выше отношение — это никакая не религия, а просто мораль, нравственность, к которой религия просто «примазалась», незаконно присвоив

¹ Строго говоря, злая, эгоистическая воля тоже может быть оформлена человеческим разумом в продуманное учение и, следовательно, тоже может стать религией, однако, подобные учения не принято называть этим словом, хотя формально они тоже — религия, а не наука. Например, экономическое учение А. Смита, во многом, является именно такой религией —

себе исключительное право быть «источником морали». С этой, **просвещенческой**, точки зрения получается, что возможна религия и без всякой морали. Например, — как простая вера в сверхъестественных существ: богов (духов и т.д.) без какого бы то ни было отношения этой веры к моральным и нравственным законам.

Действительно, если мы обратимся в прошлое, то увидим, что именно такой (или почти такой) и была так называемая первобытная, и во многом еще, **языческая религия**. «Если сравнивать эти верования, — пишет о первобытной «религии» Л.Е. Гринин, — с такими поздними религиями как буддизм, христианство, ислам, то бросится в глаза, помимо прочего, слабая связь первобытной религии и морали. Это еще достаточно видно и в языческих религиях (у тех же греков). И, возможно, что такая слабая связь двух форм общественного сознания и определяет то, что у диких народов почти нет истинной душевной религиозности, а скорее, и прежде всего — строгая ритуальность»¹.

Дело, однако, в том, что язычество еще и нельзя признать религией в полном смысле слова. Языческая религия была, скорее, (архаической) наукой, или суеверием. Именно так ее и определяло тогда (и определяет до сих пор), например, христианство, что полностью соответствует действительному смыслу язычества.

Хотя в обоих случаях — в язычестве и христианстве, например, — мы имеем дело с верой в существование богов (Бога), но нравственное содержание и **значение** этой веры в обоих случаях глубоко различно. Вообще, любые утверждения (или теории) о существовании-несуществовании чего-либо (или кого-либо) сами по себе — это наука, а не религия, потому что их истинность или ложность подлежат (в силу самого понятия таких утверждений) объективной проверке. Любые утверждения о сущем, чтобы быть истинными, должны

религией эгоизма.

¹ Гринин Л.Е. Философия, социология и теория истории. Волгоград, 2000. С. 271.

быть подтверждены самим этим сущим, а до такого подтверждения они остаются просто (научными) гипотезами. Неподтверждаемым научно утверждениям о сущем вообще нет (настоящей) веры. Это в полной мере относится и к вопросу о существовании бога (богов, духов и т.д.). Само по себе существование или несуществование бога (богов) — это чисто научный, а не религиозный вопрос.

Напротив, мораль, нравственность есть учение не о сущем, но о должном, о том, что должно быть, несмотря даже на то, что его еще нет, или уже нет, или вообще никогда не было. Моральные утверждения, чтобы быть истинными, не нуждаются в подтверждении их самим сущим, самой (эмпирической) действительностью, ибо в ней-то как раз их предмета может и не быть. Оттого, что в наблюдаемом нами мире исчезла (или еще не родилась) бескорыстная любовь к ближнему, сам призыв «возлюбить ближнего, как самого себя» еще не делается ложным (скорее, даже, наоборот). Оттого, что в мире люди безжалостно истребляют друг друга, заповедь «Не убий!» еще не делается неистинной и т.д. Поэтому вера в истинность таких утверждений — это совсем **другая вера**, нежели та, что представляет собой веру в существование или несуществование чего-либо или кого-либо в этом мире. **Вера в существование и вера в должное** — это две **разных веры**. Первая есть вера научная, теоретическая (вера ума), подлежащая эмпирической проверке; а вторая — вера моральная, нравственная, **вера воли** (часто говорят «сердца»), которая называется также и **убеждением** и которая эмпирической проверке не подлежит.

Однако, если вера в существование чего-либо или кого-либо, например, в существование Бога, оказывается каким-нибудь существенным образом связанной с такой (моральной) верой, то она перестает быть чисто научным вопросом, потому что становится уже частью самой нравственности, которая науке (теоретическому разуму) принципиально неподсудна. «Сын Божий распят, — писал просвещенный римлянин Тертуллиан, — мы не стыдимся этого,

потому что этого надо стыдиться. И умер Сын Божий — это вполне вероятно, ибо абсурдно. И после смерти воскрес — это достоверно, ибо невозможно»¹. «Мы не нуждаемся, — добавлял он, — ни в любопытстве после Иисуса Христа, ни в изысканиях после Евангелия»². Все это означает просто одно — **вопросы нравственности не подлежат ведению науки** и не могут быть научным образом ни доказаны, ни опровергнуты. Принявший **христианскую нравственность** (веру), принимает и **Христа**, и разубедить его в нем уже невозможно.

Конечно, можно считать религией просто одну голую веру в существование богов, но тогда это и будет просто научной гипотезой, которую должны подтвердить или опровергнуть наблюдения и эксперименты. Можно также и нравственность считать просто совокупностью норм и правил, изобретенных древними («робкими и невежественными») людьми, но тогда как объяснить сильнейшую власть этих наивных изобретений над нашей (уже «дерзкой и просвещенной») волей?

Если же обратиться к реальным религии и нравственности, то необходимо заметить, что ни религия, ни нравственность не оставались всегда равными самим себе на протяжении всей человеческой истории. Они развивались и превращались из чего-то одного во что-то другое, так же, как развивается и любое живое существо. Нельзя определять сущность, например, человека, глядя на ребенка или на дряхлого старца — первый еще не стал настоящим человеком, а второй уже утратил многое из того, чем является человек в своем настоящем виде (в своем расцвете). Но то же самое справедливо и в отношении нравственности и религии.

В эпоху возникновения и расцвета христианства нравственность и религия совпали — нравственность стала религией, а религия — нравственностью. Однако, языческие религии, действительно, еще были практически безнрав-

¹ Тертуллиан. О плоти Христа // Тертуллиан. Апология. М., 2004. С. 322.

² Тертуллиан. Об отводе дела против еретиков // Тертуллиан. Апология. М., 2004. С. 361.

ственными, а, современная (западная) нравственность, действительно, уже (начиная с эпохи Просвещения), старается быть безрелигиозной. Тем не менее, ни то, ни другое не выражает сущности ни религии, ни нравственности в их классической, совершенной форме.

Эпоха Просвещения, в пылу борьбы с церковью (точнее, с ее клиром) стремилась оторвать нравственность от бога, предлагая в замену ему (человеческий) разум. Однако, далеко не случайно, что один из самых глубоких и систематичных исследователей этого разума (и завершитель этой эпохи) — И. Кант, — отвергнув все **теоретические** доказательства бытия божия, пришел все же к необходимости принять доказательство его бытия «из практического (нравственного) разума». Существование бога, по Канту, необходимо все же принять в силу необходимости, вытекающей из признания человеческой волей абсолютного верховенства над нею **нравственного закона**. Религия и нравственность, таким образом, даже и с точки зрения самих просветителей, оказываются все же нераздельными и неразделимыми. Несколько перефразируя Ф.М. Достоевского, это можно было бы выразить и так: «Если бы бога не было, то было бы все позволено».

Эмпирически, мы сегодня, конечно, можем уже встретить атеистов, утверждающих, что они не верят в бога, но просто верят в саму нравственность (принимают ее без доказательств) и потому могут оставаться вполне моральными и нравственными людьми, даже и отрицая существование бога. Такие люди сегодня уже, действительно, есть, такая позиция воли уже возможна. Однако, хотя психологически она сегодня уже и возможна, но логически, — нет. Поэтому и в самой реальной истории такие люди не могли возникнуть сразу в том виде, в котором мы сегодня их уже можем эмпирически наблюдать. Общество исторически не могло сразу перейти к современному мировоззрению, при котором такая — безрелигиозная — нравственность оказывается возможной.

Кроме того, исторический опыт утверждения такой нравственности (в западной цивилизации) еще не закончен, и к чему он приведет, пока еще можно только предполагать. Судя по многим признакам, не исключено, что финал его будет печален.

С другой стороны, следует признать и то, что у самых своих истоков нравственность была и дорелигиозной. Более того, видимо, вообще было бы неправильно думать, что до нравственного отношения к жизни впервые доходит только человек. Чрезвычайно интересную и до сих пор недостаточно оцененную, на наш взгляд, теорию происхождения нравственности предложил в свое время русский ученый и революционер князь П.А. Кропоткин. Как истинный сын своего времени он отвергал авторитет церкви и религиозного учения вообще («оно, — по его мнению, — плод страха и незнания первобытного человека»¹) и верил в могущество человеческого разума (который он отождествлял, впрочем, с разумом научным, теоретическим). Вместе с тем, П.А. Кропоткин с необычайной силой призывал обратить внимание на то, что в мире животных, где, по мнению большинства поклонников Т. Мальтуса и Т. Гексли, царит якобы беспросветная и жуткая эгоистическая борьба за жизнь, мы обнаруживаем и столь же повсеместную взаимопомощь и даже взаимопожертвование живых существ, особенно, у так называемых общественных животных, каковых в нашем мире подавляющее большинство (только самые примитивные животные обнаруживают слабое влечение к общественному образу жизни).

Точку зрения на природу, против которой восставал П.А. Кропоткин, можно проиллюстрировать следующим знаменитым художественным образом, созданным другим нашим замечательным соотечественником — поэтом Н.А. Заболоцким в его поэме «Людейников»:

Так вот она, гармония природы,

¹ Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма // Кропоткин П.А. Анархия. М., 2002. С. 504.

Так вот они, ночные голоса!
 Так вот о чем шумят во мраке воды,
 О чем, вздыхая, шепчутся леса!
 Лодейников прислушался. Над садом
 Шел смутный шорох тысячи смертей.
 Природа, обернувшись адом,
 Свои дела вершила без затей.
 Жук ел траву, жука клевала птица,
 Хорек пил мозг из птичьей головы,
 И страхом перекошенные лица
 Ночных существ смотрели из травы.
 Природы вековечная давящая
 Соединяла смерть и бытие
 В один клубок, но мысль была бессильна
 Соединить два таинства ее.

В этом потрясающем образе все, конечно, — правда, и однако, это не вся правда. Животные, в частности, заботятся, ведь, не только о самих себе, но и своих детенышах, и о своих «друзьях-подругах», и о своих «соплеменниках». Некоторые несомненные факты дают даже основание утверждать, что животные могут кое-что делать и для существ совсем другого биологического вида (неоднократно по телевидению показывали, например, сценку нападения гиппопотама на крокодила, пытавшегося утащить неосторожную антилопу, пришедшую к водопою).

Собранные П.А. Кропоткиным наблюдения натуралистов (и его собственные наблюдения, так как он и сам в молодости был натуралистом), несомненно, доказывают его основной тезис — нравственное (точнее, самоотрицающее) поведение имеет место уже у животных. «Данных в доказательство этого утверждения, — пишет он, — мы теперь имеем очень много. Так, например, Дарвин в очерке происхождения нравственности, в книге «Происхождение человека», привел описание известным натуралистом Бремом схватки двух собак его каравана со стадом обезьян павианов в Египте. Обезьяны при приближении каравана поднимались по скалистому скату горы в верхнюю ее часть, но старые

самцы, когда увидели собак, хотя они уже были в скалах вне опасности, спустились вниз сомкнутой группой и с такой свирепостью шли на собак, что они, испуганные, вернулись к своим хозяевам. Не сразу удалось снова натравить их на обезьян, и они напали тогда на молоденькую, полугодовую обезьянку, которая отстала от своих и засела в скале. Тогда старый самец в одиночку, медленным шагом спустился к обезьянке, отпугнул собак, погладил детеныша по спине и не спеша вернулся с ним к своему стаду.

Старые самцы, — продолжает П.А. Кропоткин, — не спрашивали себя в данном случае, во имя какого принципа или веления они должны были так поступить. Они шли спасать своих в силу симпатии, по чувству стадности, общительности, выработанному тысячелетиями у всех стадных животных, и, наконец, в силу сознания своей собственной силы и своего мужества.

Другой случай, — продолжает он, — был описан таким же надежным естествоиспытателем, Сэнтсбери. Он нашел однажды старого слепого пеликана, которого прилетали кормить другие пеликаны, принося ему рыбу, и Дарвин подтвердил этот факт. Но фактов самопожертвования животных на пользу своего рода известно теперь так много — у муравьев, среди альпийских коз, у лошадей в степях, у всех птиц и т. д.; их так много дали наши лучшие естествоиспытатели, что в изучении природы мы находим теперь наконец твердую основу для своих суждений о появлении и развитии нравственных чувств и понятий»¹.

Таким образом, самоотрицающее поведение, несомненно, обнаруживается уже и у животных, и оно столь же врождено им, как и поведение эгоистическое. Не только инстинкт самосохранения, но и инстинкт сохранения (продолжения) рода, и инстинкт сохранения своего сообщества руководят поведением живых существ, в особенности, общественных. Поэтому, и у человека (если только не предполагать его каким-то исключительным уродом в этом отноше-

¹ Кропоткин П.А. Справедливость и нравственность // Кропоткин П.А. Анархия. М., 2002. С. 470-471.

нии) основа такого поведения также врожденная. Ведь, человек, по своему происхождению, тоже общественное существо и, скорее всего, даже, самое общественное из всех, когда-либо живших на земле (в пользу чего говорит, в частности, и необычайное развитие у него языка — этого орудия общения). Следовательно, человек ведет себя нравственным образом не потому, что его кто-то (или он сам) обучил так себя вести (Кропоткин иногда говорит, что человек учился этому поведению, глядя на животных и подражая им), а потому, что его толкает к этому его собственная природа. Самый глубокий источник (корень) человеческой нравственности находится, следовательно, внутри, а не вне человеческой души. Доброе начало так же врождено человеку, как и начало злое¹. Априорность морального закона, установленная И. Кантом, с этой точки зрения, есть простое выражение (регистрация, констатация) этого факта.

Таким образом, нравственное начало не изобретено человеческой волей, а дано ей и заложено в ней изначально. Однако, человек, в отличие от животных, существо еще **и разумное**. Он не может просто слепо следовать своим природным побуждениям, пусть даже и прекрасным. Рано или поздно он должен был подвергнуть их рефлексии и поставить вопрос — «почему?». Почему я должен выбрать добро, а не зло? Почему я должен жить не для самого себя, а для кого-то или чего-то другого? Что или кто является этим другим? И почему я должен отказаться от того, к чему так властно влечет меня моя же собственная природа?

Тем более неизбежны для человека эти вопросы, что его воля (равно как и воля животных) противоречива, то есть несет в себе равно как начало добра,

¹ «Я полагаю, — пишет основоположник социобиологии Эдвард Осборн Уилсон, — что глубоко лежащая эмоция альтруизма, которая мощно выражает себя потенциально во всех человеческих обществах, есть следствие генетического вклада» (Wilson A. Sociobiology: a New Approach to Understanding the Basis of Human Nature // New Scientist. 1976. Vol. 70, № 1000, P. 343).

так и начало зла. В момент выбора между злом и добром она и обращается к поиску **разумных оснований** в пользу того или иного.

Религия как оформленное и систематическое учение и является таким наиболее общим **разумным обоснованием**, адресованным воле человека. По отношению к его воле она играет ту же роль, какую по отношению к его интеллекту играет наука (научная теория).

Первые разумно оформленные религиозные учения сложились в те еще времена, когда сугубо научные (в их первоначальных наивных формулировках) представления еще не отличались в умах древних от собственно религиозных и, как правило, излагались вперемешку друг с другом (синкретично). Впоследствии, когда наука достаточно обособилась от религии и окрепла, она стала нападать на эти (научные) вкрапления в религиозных писаниях, уже канонизированных к тому времени в полном объеме. Так, например, в христианстве оказалось канонизированным сугубо научное геоцентрическое представление об устройстве солнечной системы, не имеющее к собственно религиозному учению Христа никакого отношения. Однако, опровержением этих наивных научных представлений христиан (в умах ученых прежде всего) создавалась видимость опровержения и дискредитации и самой их религии.

Однако, религия представляет собой не сборник рассказов о чудесах и тайнах мира сего (или о его законах), а некоторое **руководство и программу воспитания** и укрепления человеческой воли в ее **нравственной** (жертвенной) позиции и подавления в ней позиции эгоистически-паразитарной, подавления злого отношения к миру. Сущность религии не в рассказах о том, как Бог сотворил этот мир, как он его устроил, и что в нем происходило потом (это — задача науки), а в **заповедях**, которые Он (как в иудаизме, христианстве, исламе) или Мудрец (как в буддизме и конфуцианстве) дал человеку. Религия адресована вовсе не нашему интеллекту (как наука), а нашей воле. И она учит нас не

истине как знанию, а добру (то есть, истине моральной, не познавательной). Но сами древние еще не понимали разницы между этими двумя формами истины.

На вопрос своего ученика о том, что такое знание, Конфуций, например, ответил так: «Употреблять все свои силы к исполнению того, что справедливо и прилично человеку; чтить духов и гениев и держаться в почтительном от них отдалении — вот что называется знанием»¹. То есть, знанием Конфуций считал **знание своего долга, морального предписания** воле. При этом на собственно познавательный вопрос одного из своих учеников, сознают ли умершие, что им приносят жертвы и поклоняются, Конфуций ответил так: «Если я скажу, что сознают, то можно бояться, что те, которые исполнены сыновнего благочестия, пренебрегут всеми земными интересами, чтобы служить усопшим родителям так же, как служили живым; если я скажу, что не сознают, то можно опасаться, что дети будут оставлять умерших родителей без погребения. Для тебя не представляется необходимости в непременном решении вопроса, а придет время — сам все узнаешь»². В этом ответе выражается одновременно как убежденность в приоритете **истины моральной** над **истиной теоретической**, характерная для любой религии, так и приземленный **прагматизм**, свойственный преимущественно религии **китайцев**. Последнее показывает нам относительность и несовершенство **конкретных исторических форм**, в которых достигается на каждом данном этапе и у каждого данного народа осознание моральной истины общечеловеческой.

Итак, сформулируем в заключение основные тезисы, обоснованию которых посвящен был этот параграф.

Наука адресована нашему **интеллекту**; религиозное же учение адресовано нашей **воле**. Религия отвечает в наиболее общей форме на вопросы: «что есть Добро» и «что есть Зло». Она образовывает и воспитывает не наш ум, но

¹ Цит. по: Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 255.

² Цит. по: Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 255.

нашу волю, делая ее истинно человеческой. Наука же отвечает только на вопросы «что есть» и «чего не существует» — она только **просвещает** наш ум. Поэтому никакое научное знание не способно заменить собой религию.

Критерий истинности научных утверждений лежит во внешней действительности. Критерий истинности религиозных заповедей лежит в самой нашей воле, которая от природы (априори) знает (чувствует), что есть добро, и что есть зло (подчинена нравственному закону). Религия не создает нравственности, но только **осознает ее**, формулирует и выражает.

Нравственный характер нашей воли состоит в ее стремлении и тяготении к самоотрицающему, «служительному» отношению к миру, в поиске **смысла жизни**, высшей и **самой возвышенной формой** выражения которого и является религия. Она выражает нравственность в форме божественных заповедей, которые наша воля и признает своими именно потому, что они и действительно — ее собственные (изначально заложенные в ней). В религии она просто узнает самое себя.

В то же время, совершается этот процесс не одномоментно, а в ходе длительного и противоречивого развития, составляющего содержание человеческой истории. Кроме того, у каждого исторического народа этот процесс протекает **по-своему**.

Рассмотрим далее (на примере в основном древнегреческого сознания, как наиболее изученного) процесс выделения (дифференциации) собственно религии и собственно науки из первоначального, **недифференцированного** (синкретического) **мифологического** сознания.

2.3. Мифологическое и языческое сознание

Выше мы уже определили самую первую (после первобытной) стадию развития общественного сознания как **мифологическую** и **языческую**. В

настоящее время эта точка зрения в науке о развитии сознания является общепризнанной. Однако, вопрос о том, как следует понимать мифологию остается до сих пор дискуссионным. Еще более дискуссионным и неясным является вопрос о том, как относится мифология к двум другим историческим формам мировоззрения — **науке (философии) и религии**. В частности, совпадает ли мифология с религией или последняя является более поздней формой мировоззрения? А также — сменяет ли наука непосредственно мифологию или уже религию?

Впервые наиболее глубокую теорию мифа создал, как уже отмечено выше, итальянский ученый Дж. Вико. Древнейшая эпоха представлялась ему как **поэтическая** по преимуществу. Вико называет мифологию «божественной поэзией» и связывает ее своеобразие с **неразвитыми и специфическими** формами мышления, сравнимыми с **детской психологией**. Его теория мифа содержала в зародыше почти все основные последующие направления в объяснении мифологии.

Линия, намеченная Вико получила затем развитие у немецкого философа И.Г. Гердера¹, а затем и у Ф.В. Шеллинга, трактовавшего миф преимущественно как **эстетический** феномен, признавая его **высшей** формой человеческого сознания. В отличие от Шеллинга, его современник Гегель, хотя и дает высокую оценку искусству (а вместе с ним и мифологической форме мышления вообще), но считает его все же самой **низшей** формой общественного сознания. Гегель выстраивает три основных исторических стадии развития общественного сознания в следующем порядке: **искусство — религия — философия**. Предмет у этих трех форм сознания, по Гегелю, один и тот же — Бог, Абсолютная Идея, Мировой Дух и т.д., — но **способы** (формы) его постижения у всех этих трех форм общественного сознания — разные. В частности, искусство (мифология), по Гегелю, постигает Абсолютную Идею в самой простой

форме **чувственных** конкретных образов, религия — в форме общих **представлений**, а философия (высшая форма постижения) — в **понятиях**².

Если под искусством в этой гегелевской схеме разуместь мифологию, то мы получим примерно то же, что хотели бы видеть в исторической реальности и современные авторы сциентистского (позитивистского) направления, считающие философию (науку) высшим историческим типом сознания, заменяющим и вытесняющим своим развитием и мифологию, и религию. В этом они следуют также и за мыслителями эпохи Просвещения, чье понимание донаучных форм мировоззрения было все же гораздо ниже того, что проявилось уже у Дж. Вико.

Однако, такое, позитивистское, по существу, представление плохо согласуется с **историческими фактами**.

Во-первых, мы видим, что в Древней Греции наука, действительно, идет на смену мифу и **конфликтует** с ним (хотя и не отказывается от него полностью). Этот конфликт фиксируется в широко популярной сейчас в научных кругах формуле, согласно которой у греков мы видим всемирно-исторический переход от Мифа к Логосу.

Но, **во-вторых**, признается также и то, что и религия существует до Логоса (уже у самых первобытных народов). Причем, вопрос о том, что же древнее — религия или мифология — остается все еще до конца не ясным. Но, допустим, наука отрицает сразу и вместе обе предшествующие ей формы сознания — и религию, и мифологию, не разбираясь в том, какая из них возникла раньше другой.

Но, как быть тогда, **в-третьих**, с тем несомненным историческим фактом, что религия (в форме христианства) фактически (и на много веков) **вы-**

¹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

² См. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. М., 1977. Т. 1. С. 65., Т. 3. С. 382-408.

тесняет (и отрицает) затем уже и философию (и всю античную науку в целом) и по существу вплоть до эпохи Возрождения является **господствующим** типом мировоззрения. Получается, что не только философия сменяет религию, но затем и религия снова сменяет философию.

В современных учебниках по истории философии (равно как и в гегелевской истории философии) этот факт практически **игнорируется** и все средневековое мировоззрение излагается, как правило, в форме **философии**, но только «придавленной», «угнетенной» церковью. Однако, если у Гегеля **параллельно** с его историей философии излагается еще и история **религии**, и история **мифологии** (в рамках его «Лекций по эстетике»¹), то у современных последователей такого подхода все сводится к развитию, практически, одной только философии (и науки). Господствующее положение религии в эпоху средневековья при этом, конечно, признается, но признается, опять-таки, как нечто нелогичное, «неправильное», искусственное, объясняемое стечением **внешних** исторических обстоятельств. Тем самым рисуется картина **прямолинейного** развития философии (и научной формы мировоззрения вообще) от Фалеса до Поппера с некоторыми только **внешними затруднениями**, возникшими «случайно» (на целых 1000 лет!) в эпоху «мрачного средневековья».

Игнорируется, по существу, **в-четвертых**, и тот факт, что наука (и философия), в той форме, в которой она возникла у древних греков, нигде больше сама по себе не возникла — ни у китайцев, ни у индийцев, чьи весьма скудные и расплывчатые философские представления только с большой натяжкой можно уподоблять текстам Демокрита, Платона, Аристотеля и других греческих философов, выразивших **теоретическое** сознание почти с современной отчетливостью.

Источником этой, сциентистской, **позитивистской**, по существу, парадигмы развития общественного сознания является, как известно, эпоха Про-

свещения, выработавшая свое (полемическое) представление об однолинейном **прогрессе**, объясняющем нам не только прошлое, но и будущее течение истории. По сравнению даже с теорией Дж. Вико взгляд на мифологию, религию и науку у деятелей французского Просвещения, рассматривавших донаучные формы мировоззрения как продукт **невежества** и **обмана**, как суеверие (Б. Фонтенель, Вольтер, Д. Дидро, Ш. Монтескье и др.), был огромным шагом назад.

С особой прямолинейностью эта концепция была выражена в знаменитом «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (1794) Ж.А. Кондорсе². Это, забытое ныне, сочинение стало в XIX веке настоящим Манифестом партии бесконечного прогресса. Главной идеей Кондорсе в нем является представление о всемирной истории как процессе тысячелетней борьбы **разума** (науки) с **суеверием** (религией). Окончательная победа разума в этой борьбе, которую Кондорсе считал уже **свершившейся**, автоматически приведет, по его мнению, к прогрессу и во всех остальных сферах общественной жизни, ибо разум способен только к **добру** (в отличие от «суеверия»). Однако наука и добро — это совершенно разные вещи, и ни одно из них не можем заменить собой другого.

Религию современное позитивистское сознание определяет чаще как «веру в сверхъестественное», ложность которой якобы разоблачает современная наука. Перегруженность этим «сверхъестественным» рассматривается позитивизмом и как отличительная черта мифологического сознания. «Неспособность провести различие между естественным и сверхъестественным, — пишут, в частности, С.А. Токарев и Е.М. Мелетинский, — безразличие к противоречию, слабое развитие абстрактных понятий, чувственно-конкретный характер, метафоричность, эмоциональность — эти и другие особенности первобыт-

¹ См.: Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4-х т. М., 1968.

² Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.

ного мышления превращают мифологии в очень своеобразную символическую (знаковую) систему, в терминах которой воспринимался и описывался весь мир»¹.

С нашей точки зрения, правильнее было бы говорить не о «**неспособности**» мифологического мышления провести грань между естественным и сверхъестественным, а **об отсутствии** в этом мышлении вообще такого различия. Оно еще не возникло. Человек еще не имеет **критериев** естественного и сверхъестественного — для него все естественно и равным образом все сверхъестественно (как в **сновидениях**, где реальность и фантастичность перемешаны и воспринимаются просто как ситуация, в которую мы попали, без всякой критической оценки ее).

В рамках нашей концепции решение вопроса об историческом отношении науки и религии к мифологии можно сформулировать следующим образом. На первоначальной стадии общественное сознание, **во-первых**, по своей форме носит еще **конкретно-чувственный**, как бы художественный характер, осмысляя мир еще в виде особого рода образов и историй, или событий (то есть, в форме не общего, а единичного, «вот этого», но не простого, а имеющего некий символический смысл общезначимого); а, **во-вторых**, по своему содержанию — характер недифференцированного и нерелексированного, **синкретического** смешения теоретического и практического (морально-нравственного, которое только и есть первобытно-религиозное). Иначе говоря, в мифологическом мировоззрении научное и религиозное еще **не отделены** друг от друга и не осознаются как что-то отличное (тем более, противоположное), хотя первобытным сознанием (особенно поздним) это уже явственно **чувствуется**. Еще грубее, но и афористичнее, это можно выразить так: первобытное сознание еще не отделяет **желаемого** от **действительного** и постоянно

¹ Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х

изображает одно в форме другого¹. Это вообще является **основным определением** эстетического, определением произведения искусства, в котором **одновременно** поражает и его соответствие действительности (как в жизни!) и его соответствие нашей **воле** (прекрасное или безобразное). Именно этим **совпадением**, например, картина художника отличается от простой фотографии. В художнике ученый и идеолог **совпадают**. Но в первобытных «художниках» они совпадали еще не в силу их **искусства**, а в силу их **неискусности**.

Итак, на основании данных современной науки, исследующей роль мифологии в жизни общества, мы можем утверждать, что мифология есть **изначальная** и, в определенном смысле, **вечная** форма мировоззрения. Мифология есть та **почва** или, точнее, тот **духовный субстрат**, или, еще лучше, **духовное образование**, которое претерпевает развитие. Как таковое, она никуда не исчезает и не заменяется чем-то другим, а лишь **преобразуется** в процессе своего развития из формы начальной, **неудовлетворительной и несовершенной**, в форму все более и более совершенную (притом, что его несовершенная, предыдущая форма дольше господствует в **низших** — «простонародных» — слоях населения, а его более совершенная форма первоначально вырабатывается в **высших** — «интеллектуальных» — слоях народа). Ее **теоретической** формой является форма **единичного** (чувственно-конкретного, мир как «вот этот», имеющий начало и конец во времени и определенные границы и форму в пространстве); а ее практической формой — **ценностная осмысленность** мира вообще и человеческого общества в нем (представление о **смысле** мира и человеческой жизни).

т. Минск-Смоленск. 1994. Т. 1. С. 12

¹ Известный американский антрополог Э. Сервис саркастически писал в этой связи: «Как приятно сознавать, что боги нашей общности — величайшие в мире, что их представители на земле священны и что тем самым мы избранный народ! И сколь очевидно удобны такие представления для правящей группы!» (Цит. по: Васильев Л.С. История Востока: В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 73).

Если говорить о мировоззрении древних греков (а оно наиболее изучено и представляет в своем роде **исключительный** феномен), то первый шаг в **развитии** их мифологического сознания может быть определен (в рамках нашей парадигмы) как самоопределение в нем **теоретического** разума и противопоставления им себя всей предшествующей (чисто мифологической) форме сознания.

Обычно этот первый шаг видят в учении первого греческого философа Фалеса (а затем и всей Милетской школы натурфилософов — Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена). Соглашаясь, в принципе, с этим представлением, мы считаем, в то же время, что акценты при рассмотрении этой проблемы должны быть расставлены, все-таки, иначе. А именно, главное и существенное отличие научного, теоретического сознания от мифологического состоит в том, что научное сознание уже осознает такую ценность, как **истина** (причем, считает ее для себя **единственным** критерием ценности любых представлений — образов, историй, утверждений и т.д.). Мифологическое сознание еще не осознает, **почему** оно одобряет и хранит те или иные представления (какая в них ценность?). А эта ценность может быть назидательной, **нравоучительной**, эстетической и т.д., **в том числе** и познавательной, **теоретической**. В частности, космогонические мифы, из которых вырастают первые философские концепции, имели, в основном, для древнего сознания именно **познавательное** (а не моральное, например) значение.

В понятии же истины заключено, что это — **представление, соответствующее своему предмету**. С полной и осознанной ясностью это понимание было изложено у греков только Аристотелем. Но уже у первых греческих ученых, каковыми, несомненно, были именно натурфилософы Милетской школы, это понимание должно было уже присутствовать в качестве руководящего начала, хотя бы и на заднем плане их сознания. Иначе невозможно объяснить, почему они перестали удовлетворяться мифологической формой сознания. По-

этому свои теории они должны были бы **противопоставлять** мифам как нечто **истинное** или, хотя бы более **правдоподобное**, или **доказанное**, или **обоснованное** — чему-то совсем неистинному, недоказанному, необоснованному и т.д., то есть чему-то просто выдуманному и принятому непонятно на каком основании (просто, возможно, по глупости и легковерию древних).

На наш взгляд, подтверждением этому может служить то, что нам сообщают о другом знаменитом милетце — Гекатее (ок. 546 — 480 до н.э.), первом логографе и географе. В своей «Генеалогии» (от которой сохранились лишь незначительные фрагменты), представлявшей собой записи греческих мифов и преданий он, по свидетельству Деметрия, заявлял так: «Я пишу это так, как мне представляется **истинным**; ибо рассказы эллинов многообразны и, как мне кажется, смехотворны»¹. В этом поразительном высказывании земляка и современника знаменитых первых философов уже с несомненной ясностью виден **теоретический** ум, уже поставивший под сомнение почти все из мифологии, что ему кажется ничем не обоснованным (и даже смехотворным).

В своей «Генеалогии» Гекатей, в частности, останавливается на известном мифе о Геракле, спустившемся якобы в подземное царство к его страшному повелителю Аиду и захватившем там чудовищного сторожевого пса Цербера. Гекатей считает, что весь этот миф **сочинен** древними и ему нет никаких оснований верить. Более того, Гекатей исследовал пещеру, о которой говорится в мифе и через которую Геракл будто бы проник в подземное царство. Гекатей находит, что она не так уж и глубока и, следовательно, через нее никуда нельзя проникнуть. Но он не отбрасывает вовсе мифа, а дает ему более **правдоподобное** толкование. По его мнению, Геракл действительно существовал, но он убил в пещере не адского пса, а ядовитую змею. Народная молва создала сказку об адском псе потому, что укус ядовитой змеи неизбежно приводил всякого в

¹ Там же. С. 136.

ад. В другом месте Гекатей добавляет, что эта змея была «не такая уж большая и огромная, а просто пострашнее других змей»¹.

Все это ясно показывает нам, насколько сознание милетцев того времени уже было подготовлено к пересмотру всего мифологического теоретического «багажа», доставшегося им от предков, и оставлению из него лишь того, что было хотя бы более или менее **правдоподобно**. Это сознание уже имело **критерий** отбора различных представлений (как старых, так и возникающих вновь), а именно, — их соответствие своему предмету (истинность). Но **именно это** и есть **рождение** науки.

Таким образом, первый шаг к развитию (к саморефлексии) мифологического сознания был сделан в Древней Греции, начало которому положили представители милетской школы натурфилософов (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен и, впоследствии, Гекатей, Гераклит и др.). Ими были сформулированы понятия о **всеобщем** (в форме прежде всего **чувственно** всеобщего — геометрические аксиомы; и затем в форме **понятийно** всеобщего — Логос Гераклита) и **особенном** (в форме четырех особых материй — воды, воздуха, земли и огня). У них же впервые происходит и осознание отличия **теоретической истинности** от **практической желаемости**. Тем самым, в Древней Греции впервые было положено начало развитию Науки как таковой (вершины это сознание достигает у Аристотеля).

В то же время, это явление оказалось и **уникальным** в своем роде — нигде больше такой ясности самосознания теоретический разум так и не достиг (в Китае и Индии преобразование мифологического сознания началось с самоосознания разума **практического** в форме морально-этических и правовых доктрин, а не науки).

Однако, наука древних греков, как показала ее последующая история и ее тупиковый финал, обладала одним серьезнейшим недостатком, который са-

¹ Там же. С. 137.

ми античные ученые так и не смогли преодолеть. Таким недостатком была **умозрительность** их концепции истины. Хотя они и понимали, что истинно лишь то, что подтверждается самим предметом, о котором говорится в наших высказываниях о нем, они, тем не менее, и не пытались активно «допрашивать» саму природу об истинности или ложности их теорий. Они пытались решить этот вопрос чисто умозрительно (то есть на основании только чистой логики и тех случайных эмпирических сведений, которые получаются спонтанно в ходе повседневного и нецеленаправленного наблюдения за поведением вещей).

В рамках чистого умозрения грекам удалось развить, в основном, абстрактно-теоретические науки — математику, логику, философию (метафизику) и некоторые приложения математики, в основном, к астрономии. Их физика не вышла за рамки противоречивых объяснений наблюдаемых обыденных явлений. Многочисленные физические и биологические теории (часто замечательные) из-за отсутствия экспериментальных методов отбраковки тех из них, которые были ошибочны, вносили в умы, скорее, скепсис и разочарование в способностях разума (умозрения), чем энтузиазм и стремление к дальнейшему познанию глубинной природы вещей. Поэтому концом всей греческой умозрительной парадигмы познания закономерно стала **скептическая философия** с ее учением о **невозможности** установить истинность наших представлений о мире.

Однако, прежде чем испустить дух, греческий теоретический разум раздвоился в самом себе так, что одно его направление занялось изучением природы вещей самих по себе так, как они существуют и являются нам, то есть, собственно, теорией; а, второе поставило себе целью определить своими средствами то, **как должно жить человеку на Земле**. Начало этому направлению положил, как известно, Сократ (ок. 470 — 399 до н.э.), признавший натурфилософию полностью бесполезным или маловажным занятием. Хотя его ученик Платон (и, в особенности, Аристотель) все же не последовали полностью при-

зыву Сократа отказаться от чисто теоретического познания и создали в этой области ценности непреходящего значения, все же, после них это направление греческого мышления оказалось на вторых ролях и, во всяком случае, ничего даже равного достижениям Платона и Аристотеля больше уже так и не появилось.

Зато появилось огромное множество **морально-этических** школ и направлений, из которых к концу античной эпохи остались только два — **эпикуреизм** и **стоицизм**. Оба этих учения были уже не чисто этическими, но **синтетическими**, то есть объединившими в себе и физику, и этику, но примат в них отдавался все-таки **этике**, а не физике (хотя оба и пытались выводить этику из физики). И стоицизм, и эпикуреизм были прежде всего учениями **о смысле жизни человека**, о том, к чему следует ему стремиться в этом мире, а представления о том, как устроен этот мир сам по себе, играли в них подсобную и **второстепенную** роль. У поздних стоиков — Сенеки (ок. 4 до н.э. — 65 н.э.), Эпиктета (ок. 50 — ок. 140) и Марка Аврелия (121-180) учение о природе уже не вызывает совершенно никакого интереса. Этика полностью отрывается от физики. С другой стороны, преимущественно **теоретическим** (но при этом максимально умозрительным) учением оставался лишь **неоплатонизм**, который у Прокла (412-485) вырождается уже в полную схоластику.

Символично при этом, что концом всего античного умозрения стал всеобщий спор всех школ **о критериях истины**, в котором победу и одержал **скептицизм**. Вместе со скептицизмом, вообще «закрывающим» вопрос о любых притязаниях разума на то, чтобы обладать истиной, эти четыре учения и стали последними плодами античного мировоззрения. Хронологически его история занимает период примерно в 1200 лет (от Фалеса до Боэция).

Греческая теоретическая мысль очистила мифологическое сознание древности от многих его элементов, поддающихся чисто теоретической критике (как неистинных, недоказанных, необоснованных и недостоверных), но она,

во-первых, в конце концов, дискредитировала и саму себя в качестве эффективного инструмента совершенствования мировоззрения; а, **во-вторых**, она, что называется, «выплеснула с водой и ребенка». Поскольку не все в древней мифологии имело лишь чисто **познавательную** ценность, но многое в ней являлось и опорой **нравственного** сознания, то, выбив эти опоры, античная рациональная мысль не смогла заменить их ничем столь же эффективным — ни эпикуреизм, ни стоицизм (бывшие, по существу, глубоко индивидуалистическими, **эгоистическими** этическими доктринами) так и не смогли стать такими опорами (тем более, что они и ориентировали нравственное сознание в разные стороны).

Вообще, для античной натурфилософской и языческой мысли, исходившей из **эгоистического** принципа блага отдельного индивида, нравственность оказалась вещью **принципиально недоказуемой**. Уже в платоновских диалогах Сократ пытался всем доказать, что **справедливость** каждому человеку лично **очень выгодна**. Но именно в этом-то как раз он и не мог никого убедить, потому что все его собеседники ясно видели и понимали, что справедливым, может быть, и выгодно было бы быть, но только в **обществе, устроенном справедливо**, а в том обществе, в котором они **в действительности** живут, выгоднее как раз было быть **несправедливым**, о чем с полной ясностью высказался уже и Гесиод:

Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал бы,
 Да заказал бы и сыну; ну, как же тут быть справедливым,
 Если чем кто неправее, тем легче управу находит?

Перевод В.В. Вересаева

Не находя достаточно убедительных аргументов против таких возражений, Сократ в конце концов сообщал собеседникам, что, если не в этом мире, то уж точно **за гробом** их все равно ждет-таки справедливый суд, который непременно справедливых отправит в рай, а несправедливых — в ад; и его со-

беседники могут сколько угодно считать все это «старушечьими сказками», но лично он, Сократ, считает все это истинной правдой (и он даже знает, что судьями там, за гробом, Зевс назначил Радаманта, Миноса и Эака).

Тем не менее, не Сократ, но уже Платон, все-таки, со временем дошел до мысли, что справедливость прежде всего нужно водворить не в душах и характерах отдельных людей, большинство из которых сами по себе не способны отказаться от преследования во всем лишь своей **личной выгоды**, а в **законах**, по которым устроено и живет **государство**, — в его **Конституции**. И до самого конца своих дней Платон работал над такой конституцией, впечатление от которой, однако, у большинства людей оказалось **удручающим**. Не смогли предложить удовлетворительной конституции древнему обществу ни эпикурейцы со стоиками, ни перипатетики с неоплатониками, которые все тоже исходили из принципа **блага отдельного человека** (его личного счастья).

Поэтому **христианство** следует рассматривать как **закономерную** реакцию **морально-нравственного сознания** древних и на само наступление теоретического разума в области мировоззрения, и на его фиаско. В результате **христианской революции** в античном мире появляются не **научные теории**, а новые **моральные, правовые и политические нормы общежития**.

Уже Христос создал вместе со своими учениками первую «ячейку общества» нового типа. Первые христианские общины, создаваемые затем апостолами, развивали в своем кругу далее эти новые нормы, которыми они отгораживались от языческих общин. «Более всего, — пишет историк религии С.В. Санников, — язычников поражала деятельная любовь христиан. Каждая церковь содержала многочисленных вдов, сирот, больных; облегчала удел заключенных и где возможно содействовала их освобождению; посылала щедрую помощь в районы эпидемий, бедствий; производила сборы с целью выкупа пленных и т. д. Система одобрительных писем, которые брал христианин, отправляясь в чужую местность позволяла любому христианину войти в другую

поместную церковь (в другой провинции) и пользоваться ее дарами (хотя это, безусловно, приводило к появлению недостойных обращенцев, ждущих только материальной помощи).

Посещение языческих театров, борьба гладиаторов и зверей и подобные им развлечения среди христиан были запрещены. Считалось, что позволительно удовлетворять только необходимые потребности. Порицались украшения, драгоценности, серьги, подведение глаз и бровей, окрашивание волос и стрижка бороды. Даже украшение гробниц венками считалось греховным, так как венки обычно плелись в честь каких-либо языческих божеств»¹.

По мере утверждения христианства эта деятельность набирает все больший размах. Возникают первые **монастыри**, уставы для которых разрабатывают первые христианские морально-религиозные мыслители-практики, названные впоследствии великими — Павел Фивский (ум. 347), Пахомий Великий (290-346), Антоний Великий (250-356), Василий Великий (ум. 379), Макарий Великий (ок. 300 — ок. 390) и др.². Все их «величие» (непонятное уже нынешним поколениям) заключается в организации этой новой, **монастырской формы общежития людей** и в утверждении новых **нравственных норм** как среди самих монахов, так и в их отношениях с мирянами. Уже ко второй половине XII в. в Западной Европе одной только клюнийской конгрегации (ордена бенедиктинцев) принадлежало около 2000 монастырей в Италии, Испании, Англии, Германии, Польше, но больше всего во Франции.

Таким образом, если воспользоваться терминологией Гегеля, то развитие античной рациональной философии было **первым отрицанием** в лоне древнего **мифологического** сознания, первой попыткой **теоретического** сознания стать **абсолютным** (закрывающим в себе все мировоззрение); а последовавшее

¹ Санников С.В. Общая история христианства // <http://www.odessasem.com/>. Материал взят с сайта Одесской Богословской семинарии.

² См. Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992.

затем «контрнаступление» **морально-религиозного** сознания (в форме христианской религии) — есть второе отрицание, или **отрицание отрицания**.

При этом понятно, почему эта новая религия опиралась на чуждую и грекам, и римлянам мифологию — потому что своя мифология у них была полностью **дискредитирована** своим же рациональным сознанием (античной философией и наукой). В то же время, дискредитированная в высших слоях античного общества, эта мифология сохранила надолго свое влияние в его низших слоях, и христианство не вытеснило ее полностью, а лишь преобразовало в свои собственные формы, и в таком компромиссном виде позволило ему существовать в рамках своего мировоззрения. «И в XIV, и в XV веке, — отмечает в связи с этим Э.Ю. Соловьев, — высокое богословие часто жалуется на то, что во многих районах католического мира Христос просто исчезает из поля зрения страждущих мирян. Их молитвы и жертвенные усилия адресуются исключительно Богородице и святым. Почитание последних приобретает при этом откровенно языческий характер. Святых, как когда-то римских богов, распределяют по отраслям и ведомствам небесного попечения: св. Анна делается главной заступницей горняков; св. Иосиф — ремесленников; св. Рурх — спасает от чумы; св. Себастьяну молятся при водянке, поскольку его пытали водой; св. Апполонию вспоминают при зубной боли, так как известно, что в мученичестве ей выдрали зубы. Обихаживание святых сплошь и рядом принимает наивно-варварские формы. Перед их деревянными скульптурами в часовнях ставят посуду с едой и обувь, поскольку святые босы. Духовный и нравственный облик святых как образцов для подражания совершенно выпадает из сознания простолюдина. Когда на приход распространяется эпидемия чумы, говорят, что это следствие обиды и гнева св. Рурха, который давно не получал подношений: кроткий мученик прямо уподобляется примитивным и эгоистичным языческим духам. Со святыми торгуются, к ним обращают фамильярные,

подчас чудовищные по смыслу молитвы, где требуют оплаченного содействия очевидно безнравственным и даже преступным предприятиям»¹.

И ту же самую картину мы наблюдаем во многом и в православных странах. При этом у славянских народов (подключившихся к христианской культуре позже греков и римлян) их мифология была подавлена затем искусственно более мощной и развитой антично-христианской (хотя следы их исконного мифологического сознания и сохранились в сознании низших слоев этих народов, так же, как и у народов греко-романских).

Другим пережитком языческих и даже еще более древних — первобытных представлений, возрожденным в конце концов в христианских странах, было явление так называемых колдунов и ведьм. «В связи с этим, — пишет Гегель, — находится ... изумительное явление, общее католическому и протестантскому миру. ... Эта вера [в ведьм] представляет параллель отпущению грехов: как можно было за деньги купить вечное блаженство, так верили, что можно посредством договора с дьяволом купить мирские богатства и могущество для удовлетворения своих желаний и страстей. ... Это была как бы ужасная чума, охватившая народы преимущественно в XVI веке. ... Эти преследования распространились, как эпидемическая болезнь в Италии, Франции, Испании и Германии. ... Все это явление ... чрезвычайно странно, — заключает Гегель, — если мы заметим, как недавно мы избавились от этого ужасного варварства (еще в 1780 в Гларусе, в Швейцарии, одна ведьма была публично сожжена). У католиков преследование было направлено как против еретиков, так и против ведьм; те и другие причислялись к одной категории»².

Но у **восточных** народов, как уже отмечено выше, аналогичные процессы развития духовного сознания протекали на своей собственной основе, име-

¹ Соловьев Э.Ю. Основные паттерны новоевропейской цивилизации: «трудоголик», «профессионал», «предприниматель», «правозащитник» // http://ethicscenter.ru/biblio/solov_1.html.

² Гегель Г. В.Ф. Философия истории. Соч., Т.8. М.-Л., 1935. С. 76.

ли **другую форму** и другую историческую периодизацию, которую мы детально рассматривать не будем.

В следующем разделе мы обратимся только к рассмотрению сущности основных мировых религиозных учений, оказывающих глубинное влияние в разных регионах планеты и в настоящее время.

2.4. Религиозное сознание и основные мировые религии в современном обществе

В анализе сущности основных мировых религий мы исходим из того, что любая религия представляет собой обожествление **нравственного отношения к миру**. Нравственное отношение к миру есть такая позиция человеческой воли, которая заключается, во-первых, в отрицании ею врожденного (животного) эгоизма, то есть в отрицании **жизни для самого себя**; и, во-вторых, в утверждении позиции **служения**, то есть в утверждении жизни **для чего-то или кого-то другого**. Специфическим выражением такой позиции человеческой воли и является религия.

Религия адресована не нашему интеллекту, а нашей воле. Она дает нам не знание о том, что есть в мире (это — задача науки), а знание о том, что в нем должно быть и к чему мы, как существа, обладающие разумной волей, должны стремиться. Религия предлагает нам определенный **смысл и правила жизни**. Но, поскольку она адресована не просто воле, но воле **разумной** и, следовательно, свободной, то она и должна не просто указывать нам (как мы просто указываем неразумным животным или детям), но и убеждать нас в **истинности** своих предписаний. Наша воля должна сама **принять** предлагаемое ей учение, она должна сама **согласиться** с ним и **добровольно** сделать его своим руководством в жизни.

Поэтому, всякая религия как разумное учение, адресованное нашей воле, должна содержать в себе следующие три необходимых элемента (три стороны):

во-первых, она должна указывать человеку цели или **Цель** (смысл) его жизни, то есть, то, ради чего человек должен жить в этом мире; **во-вторых**, она должна указывать ему и **средства** достижения этой цели, а именно, — тот путь (образ) жизни, идя которым (следуя которому) человек достигает указанной цели (или максимально приближается к ней); и, **в-третьих**, религиозное учение должно содержать также и некоторое разумное **обоснование** самих этих целей и этих средств.

Рассмотрим кратко с этой точки зрения (в их основных моментах) следующие четыре основные всемирно-исторические религии — буддизм, иудаизм, христианство и ислам.

2.4.1. Буддизм

Все четыре религии отрицают как неистинную жизнь для самого себя. Однако, в качестве Цели, или высшего смысла жизни человека, только три из этих четырех религий указывают **служение Богу**. Буддизм же предлагает иную цель, а именно — достижение **вечного покоя** («погружения в нирвану»), избавление от всяких желаний, то есть, по существу, полное самоотрицание — **самоумерщвление** — самой воли к жизни.

Если иудаизм, христианство и ислам отрицают в той или иной форме только злую (эгоистическую) волю, убеждая ее стать доброй, то буддизм отрицает волю как таковую, не видя в ней ничего, кроме зла. Такой ее впервые увидел Будда¹, которому (в результате просветления) впервые открылось, что жизнь человека (и вообще всякого живого существа вообще) есть одно только страдание. «Сущность жизни есть страдание» — гласит самая первая из четы-

¹ Через много веков уже в западной цивилизации философское обоснование такого взгляда на жизнь дал уже в середине XIX века А. Шопенгауэр (см. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Шопенгауэр А. О четверояком корне ... Мир как воля и представление. В 2-х тт. М., 1993.)

рех «благородных истин» и самая великая истина буддизма. «Рождение — страдание, старость — страдание, болезнь — страдание, смерть — страдание, соединение с неприятным — страдание, разлука с приятным — страдание, не-получение чего-либо желаемого — страдание; короче говоря, пятеричная привязанность к существованию есть страдание»¹.

Рассматривая эту величайшую истину буддизма в качестве научного положения, мы должны будем признать, что оно ложно. Жизнь не есть только страдание, но она есть также и радость во всех своих проявлениях. И, в то же время, она, конечно, есть также и страдание. Поэтому частично Будда, несомненно, прав, хотя и частично. Но это-то и дает ему основание выстроить свое, достаточно логичное, последовательное и обоснованное учение.

Принятие «истины», что жизнь есть страдание, побуждает волю на этом основании отвергнуть саму жизнь (и самое себя) и стремиться к не-жизни, то есть к смерти. Относись к жизни как к страданию, и тогда тебе не захочется жить, а захочется умереть, ибо смерть есть освобождение от страдания. К этому, собственно, и сводится весь смысл жизни буддиста. Если бы не индуизм, составляющий в буддизме его, так сказать, «Ветхий Завет» (подобно иудаизму в христианстве), то религия Будды была бы настоящей религией самоубийц, от чего ее только и спасает присущая ей **нечистота** (смешанность с индуизмом), **некатегоричность** (сам Будда уже внес в свое учение множество компромиссов) и **непоследовательность** (многое в буддизме логически никак не вытекает из его основного положения, — например, буддист должен был бы скорее умерщвлять все живое — раз смерть есть освобождение от страданий, — чем остерегаться проглотить или раздавить какое-нибудь живое существо и т.д.).

Характерно, что в Китае, Корее и Японии, где буддизм укрепился в качестве дополнительной (к местным) религии, буддистские монахи считаются особенно сведущими в **погребальном культе** и в отправлении именно погреб-

¹ Типитака // Антология мировой философии: В 4 т. М., 1969. Т. 1, ч. 1. С.118.

бальных обрядов. Верующие других конфессий в этих странах в случае нужды обращаются за этим именно к буддистским монахам.

2.4.2. Иудаизм

Напротив, иудаизм, христианство и ислам не отвергают саму жизнь и призывают человека отказаться только от любви к жизни ради самой жизни. Человек не должен жить ради самого себя, напротив, сама жизнь его дана ему ради другой — более высокой — цели. Эта цель — служение Богу и выполнение Его, а не своей собственной воли. Человек должен не отказываться от жизни (это даже **запрещено**), но использовать ее на борьбу за утверждение в мире воли божьей. Человек сотворен Богом для Его целей, и потому человек должен посвятить себя служению этим целям. Жизнь есть божий дар, и она божественна и прекрасна, но только тогда, когда она посвящена выполнению воли божьей.

В чем же состоит эта воля? И чего хочет Бог в этом мире? В общем и целом, все три указанных религии полагают, что цель Бога состоит в том, чтобы утвердить среди людей начала **добра, милосердия и справедливости**. Бог хочет, чтобы люди (пере)устроили свою жизнь на этих началах и положили все свои силы на воплощение и утверждение их в своей действительности (в своей реальной, земной общественной жизни). Ничего иррационального или фантастического (если не считать таковыми сами нравственные идеалы) бог не хочет и от людей не требует. Живите по правде, по справедливости, любите друг друга и помогайте друг другу, не делайте друг другу зла и боритесь за эти идеалы — вот и все, чего хочет, в общем, бог любой из этих трех мировых религий.

Все эти требования сводятся к выполнению людьми тех нравственных и моральных норм и достижению тех нравственных идеалов, которые, по большей части, несомненно, были осознаны уже и до Моисея, Христа или Мухам-

меда (так же, как и большая часть буддистских моральных положений была развита уже в индуизме, а еще раньше — в Ведах), но отчасти они были все-таки **впервые** сформулированы (и, главное, конкретизированы) и самими пророками, что составляло **революционную** для их времени и специфическую для каждого пророка часть их доктрин.

В частности, как ислам, так и христианство представляют собой религиозные учения, **революционные** по отношению к **иудаизму**, на котором они, вместе с тем, и основываются. В свою очередь, сам иудаизм (который тоже многое заимствовал у египтян, шумеров, персов и других народов) есть не что иное как определенный **моральный (нравственный) кодекс** и **нравственный идеал**, обоснованием которого является ссылка на его божественное происхождение, на то, что этот кодекс и этот идеал есть творение ума не человеческого, но божественного.

И в самом деле, ведь, мораль и нравственность не являются, конечно, в своей основе, ни произведением какого-то великого мудреца, ни даже произведением какого-то великого народа. Утверждение, что они — мораль и нравственность — божественной (космической) природы не может быть оспорено никакой наукой и никакими научными методами (равно как не может наука ответить, например, и на вопросы о происхождении гравитации, электричества или магнитной силы, да и самого нашего мира в целом — все это, ведь, и для нее тайна «природы»). П.А. Кропоткин своим доказательством существования нравственного поведения уже у животных стремился, по всей видимости, опровергнуть утверждение о его божественном происхождении, но, на самом деле, с точки зрения верующего, он просто расширил круг благодати божьей, обнаружив, что она дарована не только разумной, но и любой живой душе. Открытие нравственности в самой природе не только не подрывает веры в ее сверхчеловеческий характер, но даже еще и усиливает ее.

Главную заслугу иудаизма религиоведы обычно видят в том, что он явился первой **монотеистической** религией в мире, где все религии были сплошь **политеистическими**. Однако, впервые единобожие было введено, как известно, в Египте (примерно в то время, когда евреи, по их преданиям, находились там же, но еще без Моисея) фараоном Эхнатонам. Правда, египтяне после смерти Эхнатона вернулись к своим старым представлениям, а евреи все же удержали у себя единобожие. Но дело даже не в этом. У всех древних народов их мораль, нравственность не имела божественного авторитета, который она впервые приобретает именно у евреев (правда, скорее всего, и тут первым был все же древнеиранский пророк Зороастр (Заратуштра), тоже получивший свои нравственные законы непосредственно от Бога Добра и Света — Ахурамазды).

Поскольку суть религии не в представлениях о мире самом по себе (это суть науки), а в представлениях **о смысле жизни**, то есть, в учении, определяющем волю человека, а не его интеллект, то и религиозную заслугу иудаизма мы должны видеть не во введении им представления о едином Боге (это можно признать **научной** заслугой евреев), а в придании нравственности **божественного авторитета**.

Древние народы до евреев много всего приписывали своим богам, но больше всего они ценили их все же за полезные, **утилитарные** услуги, оказанные ими людям. В частности, греки, например, почитали своих богов за то, что они подарили им огонь (Прометей), научили их охоте и земледелию (Артемиды, Деметры), бытовым ремеслам (Прометей, Гефест), воинскому искусству (Арес), музыке и врачеванию (Аполлон, Асклепий), мудрости и справедливости (Афина), колдовству (Геката), торговле и скотоводству (Гермес) и т.д. Отношение древних к своим многочисленным богам было вполне **утилитарным** и **эгоистическим**. При этом богам у них не только не ставилось в особую заслугу дарование людям также и законов и нравственности, но и сами боги древних — египетские, шумерские, греческие и др. (у римлян не было собственной мифо-

логии) — являли людям пример, можно сказать, вопиющей **безнравственностью**. «Все, что есть у людей бесчестного и позорного, приписали богам Гомер и Гесиод: воровство, прелюбодеяние и взаимный обман ...»¹, — сокрушался уже в VI в. до н.э., то есть задолго до знакомства греков с иудаизмом, древнегреческий философ Ксенофан.

И только евреи впервые получили от своего бога одну только **нравственность** и ничего, кроме нравственности. Правда, в их священном писании бог дал им и множество чрезвычайно конкретных, можно даже сказать мелочных предписаний, затрагивающих буквально все сферы человеческого быта — от способов приготовления пищи до правил личной гигиены и приемов изготовления одежды, жилища, причесок и т.д., но и все это дано им было не в форме утилитарно полезного, но в форме нравственно предписанного. Это было не даром, но **заповедью**. Почти весь **быт** евреев тем самым был превращен в религиозно-нравственное служение воле божьей. В этом, конечно, таилась и та опасность, что **сам их быт** мог сделаться религией.

Таким образом, именно в этом — в обожествление нравственности, — а не во введении монотеизма следует, на наш взгляд, видеть истинное достижение древних евреев. «Бог есть одна только нравственность, и одна только нравственность и есть бог» — вот чем впервые обогатили евреи сознание древнего мира. Они, конечно, не изобрели нравственности, но они впервые обожествили ее. Можно сказать и так: они впервые поняли, что **бог есть нравственность**.

Религия вообще не создает нравственности, но она впервые начинает **культивировать** ее (и в смысле возведения ее в сознательный культ, и в смысле превращения интереса к проблемам нравственности в особую сферу сознательных усилий человеческого ума и воли, а также и в предмет особых занятий особого класса людей, каковыми опять-таки впервые именно у евреев² стали

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 171.

² Египетские, шумерские, греческие, римские и т.д. жрецы не были священниками — они

все мужчины из рода левитов, специально избранного и назначенного на то (на священство) самим Моисеем, который, впрочем, и сам был из этого рода).

Вместе с тем, нравственность евреев обладала и целым рядом недостатков, с точки зрения общечеловеческого разума. Главный из них состоял в том, что бог, будучи всемирно-космической силой, правящей всем в мире без исключения, в то же время, непонятно почему, сделал целый ряд неоправданных исключений для одного из мировых племен, а именно, — для **самих евреев**.

Во-первых, он поставил их выше всех земных народов и обрек последних в подчинение и даже в жертву евреям как народу богоизбранному.

Во-вторых, бог допустил и даже предписал в отношении всех не-евреев («гоев») многое такое, чего он не допустил в отношениях между самими евреями. Безнравственно, например, с точки зрения иудаизма, держать в пожизненном рабстве еврея-соплеменника, и каждые семь лет евреи должны были освобождать всех таких рабов. Но не-евреев держать в пожизненном рабстве не запрещалось. («А чтобы раб или рабыня были у тебя, то покупайте себе раба и рабыню у народов, которые вокруг вас ... вечно владейте ими как рабами. А над братьями вашими, сынами Израилевыми, друг над другом не господствуйте с жестокостью» [Лев., 25:44-46]). Поэтому рабами у евреев, как правило, были иноплеменники. Безнравственно давать деньги в рост своим соплеменникам, но ростовщичество по отношению к не-евреям не только не запрещалось, но даже и предписывалось («Ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать» [Второз. 15, 6]); через каждые семь лет евреи должны были прощать все долги своим соплеменникам, но иноземцам долги не прощались и т.д.

были, скорее, колдунами, то есть специалистами по связи с богами и духами, которые ни в коей мере не были ни источником нравственности этих народов, ни ее образцами. Индийские брахманы и буддистские монахи в большей степени приближаются к статусу священников, но они жили в другом мире.

Иудаизм, таким образом, отрицая паразитический эгоизм внутри самого племени евреев, вместе с тем поощрял и даже предписывал его в отношении иноплеменников, то есть, в отношении всех остальных, небогоизбранных народов. Вытесняемый из сердца еврея как индивида, этот эгоизм культивировался в нем же как в представителе своего племени. Тем самым иудаизм представлял собою, в общем, **шовинистическую** религию национального (племенного) эгоизма и даже паразитизма. Это была религия, так сказать, **двойной морали**.

Но, самое главное, иудейская нравственность преподносилась не как самоценность, а **как средство** для **материального** преуспевания еврейского народа и для «умножения» его на земле, «шире всех других народов земных». За соблюдение нравственных законов евреям назначалась **награда**, причем награда не на том свете (представления об аде и рае у них долгое время, почти до XIII века, полностью отсутствовали, да и до сих пор не сложились в скольконибудь отчетливые формы), а награда **уже здесь**, на земле, и, более того, эта награда была, по современным представлениям, полностью **безнравственной**. Еврейский бог Яхве, обещал своему народу «землю ... с большими и хорошими городами, которые ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезьями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не сажал, и будешь есть и насыщаться ... [Второзак. 6, 10-12]». Создавших же все это материальное богатство Яхве предписывал полностью истребить, причем с самой крайней жестокостью (не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей), что евреи, судя по сообщению Ветхого Завета, и сделали. Подобные жестокость и бесчеловечность были не редкостью в древнем мире, но, видимо, ни у одного другого народа они не были приняты в качестве **нравственного долга** и не освящались в качестве воли и предписания самого бога.

Иначе говоря, в иудаизме сохранялся еще сильнейший элемент **узко племенного язычества**.

Разумеется, такая религия должна была рано или поздно подвергнуться **революционному отрицанию**, что и было осуществлено, с одной стороны, извне (Мухаммедом, основавшем ислам), а, с другой стороны, и изнутри — Христом, положившем начало христианству.

2.4.3. Ислам

Хотя ислам возник позже христианства и воспринял некоторые моральные заповеди Христа, он, тем не менее, во многих отношениях стоит еще ближе к иудаизму, чем христианство. Мораль ислама гораздо чище и возвышеннее иудаистской — в ней нет племенного высокомерия и шовинизма; нет преклонения перед материальным богатством (в частности, полностью запрещено ростовщичество, хотя и неумеренная щедрость тоже осуждается); в исламе намного меньше бессмысленных и мелочных предписаний, буквально опутывающих каждый шаг правоверного иудея. Ежедневная пятикратная молитва, один месяц в году — дневной пост, ежегодный налог в пользу бедных и паломничество в Мекку хотя бы раз в жизни — вот и все главные культовые обязанности праведного мусульманина.

В то же время исламская мораль сохраняет в себе и «образ врага», и образ низшего, презренного человека, над которым должен властвовать мусульманин (в лице теперь уже не иноплеменников, но иноверцев — «неверных»). Этим неверным мусульманин обязан не просто презирать и ненавидеть, но он обязан вести против них «священную войну» (джихад). Аллах, так же, как и Яхве, — это **бог воинства**. Хотя война мусульман провозглашается и не ради ограбления врагов, и не с целью присвоения материальных плодов их труда (как у иудеев), а за торжество мусульманской веры, тем не менее, и мотив гра-

бежа все же играет в ней значительную роль (особенно, у ранних мусульман), но, главное, этот призыв культивирует в сердцах верующих чувства высокомерия, ненависти, презрения и любви к насилию. Ислам в значительной мере унаследовал все это от иудаизма.

В этой религии, освящающей войну, к тому же, нет разделения между войной справедливой (оборонительной) и войной неспровоцированной — агрессивной. Особенно на первых порах, джихад имел форму войны именно агрессивной, наступательной (и во многом просто грабительской). Сам Пророк положил начало таким войнам, называя их войною за веру. А его наследники энергично продолжили этот джихад, сначала против своих еще непокоренных арабских племен, а затем и против всех других окрестных народов, и так они воевали до тех пор, пока монголы не разгромили их самих и не стерли с лица земли их столицу — Багдад.

«В представлении ранних мусульман, — пишет Д.Е. Еремеев, — весь мир делился на две части: мир ислама — дар-уль-ислам, где живут и господствуют приверженцы Мухаммада, и мир войны — дар-уль-харб, где живут неверные, которые должны быть завоеваны, покорены и обращены в ислам. Само слово «харб» — «война» — происходит от глагола «хараба», что значит не только «воевать», но и «грабить», «отнимать имущество».

Данническую эксплуатацию, — продолжает Д.Е. Еремеев, — Коран также направил в сторону иноверцев — иудеев и христиан: «Сражайтесь с теми, кто не верует в Аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил Аллах и Его посланник, и не подчиняется религии истины — из тех, которым ниспослано писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» (9:29). Впоследствии дань, взимаемая с немусульман, признавших над собой власть халифа, превратилась в регулярную подушную подать — джизью, которую платили взрослые мужчины покоренного немусульманского населения. За это оно сохраняло право исповедовать прежнюю религию. Сам термин

«джизья», или «джизйа», происходит от глагола «джаза» — «возмещать». Жители, обложенные этой податью, назывались зиммиями (арабское «зиммий»), то есть «людьми, находящимися под покровительством мусульман». Зимма — защита, прикрытие. Территория зиммиев именовалась «дар-ус-сульх» (область примирения) или «дар-уль-ахд» (область договора). Так, уже в масштабах всего мусульманского государства — Халифата — получила свое дальнейшее развитие, юридическое оформление идея данничества, отношения подчинения-господства»¹.

Павшие в войне за веру (шахиды) почитаются в исламе выше всех других праведников и следуют непосредственно за Мухаммедом, а гибель в войне за веру — это самый надежный и самый **прямой путь** в мусульманский рай. Сам этот рай, являющийся наградой за нравственное поведение, выглядит наградой более **телесной и физической**, нежели духовной (в мусульманском раю для мужчин даже предусмотрены прекрасные «черноглазки» — гурии). Изощренно **физическими же** страданиями переполнен и мусульманский ад.

Ислам не менее, а, скорее, более, чем иудаизм, **догматичен**. В нем совсем мало места для собственного размышления и убеждения верующего — почти все вопросы предполагаются в нем уже **решенными**, раз и навсегда. В то же время, в отличие от иудаизма, в исламе нет никакого восхищения (человеческой) мудростью, как нет места в нем и чистой любознательности. В Коране уже даны ответы на все вопросы, которые имеют хоть какой-нибудь смысл. Все остальное — суемудрие. Хотя (ранние) мусульмане и восприняли в средние века, например, греческую философию, они отнеслись к ней все же столь же догматично, как и к Корану, и практически ничего в ней не изменили и не усовершенствовали — какой они ее приняли, такой и передали затем европейцам.

¹ Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990. С. 72-73.

Так же, как и в иудаизме, религия в исламе не отделена от права — последнее (в форме шариата) есть продолжение религиозной морали. «Кесарево» в исламе не отделено от божьего.

Наконец, исламская мораль наследует от язычества и иудаизма и духовную дискриминацию и сегрегацию по отношению к **женщинам**.

Поэтому христианство является гораздо более радикальным отрицанием иудаизма, чем ислам. Оно выражает позицию не только и не просто древнего иудейского народа, но позицию уже новой, **эллинистической** эпохи и эллинизированного мира в целом.

2.4.4. Христианство

До Александра Македонского (356-323 гг. до н.э.) эллины были носителями почти столь же шовинистической и паразитической по отношению к прочим народам идеи, что и древние евреи. По мнению даже лучших из них (того же Аристотеля, например), все народы, кроме эллинов, суть варвары и прирожденные рабы. Только эллины от природы свободные, и потому именно они и должны не только властвовать над всеми варварами, но и владеть накопленными ими богатствами.

Впервые в законченной и практической форме эта идея была оформлена в начале IV в. до н.э. в сочинениях и речах Исократ (436-338 гг. до н. э.) — выдающегося оратора, публициста и идеолога, жившего в Афинах. Азиаты, по утверждению Исократ, прирожденные варвары и рабы, тогда как европейцы (и особенно эллины) в культурном отношении бесконечно выше азиатов. Поэтому для эллинов несправедливо и позорно, что азиатские варвары богаче их. Греки должны покорить азиатов и обратить их всех в илотов (полурабы-полукрепостные в Спарте)¹. С этой-то «святой верой» (подогреваемой еще и

¹ См. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 11.

идеей мести персам за их вторжение в Элладу во главе с Ксерксом в конце V в. до н.э.) греки и вторглись в Азию во главе с Александром.

Однако, покорив Восток, Александр оказался и сам в чем-то покорен Востоком. «Он не последовал, — пишет о нем Плутарх, — совету Аристотеля обращаться с греками как предводитель, заботясь о них как о друзьях и близких, а с варварами как господин, относясь к ним как к животным или растениям, что преисполнило бы его царство войнами, бегством и тайно назревающими восстаниями. Видя в себе поставленного богами всеобщего устроителя и примирителя, он применял силу оружия к тем, на кого не удавалось воздействовать словом, и сводил воедино различные племена, смешивая, как бы в некоем сосуде дружбы, жизненные уклады, обычаи, брачные отношения и заставляя всех считать родиной вселенную, крепостью — лагерь, единоплеменными — добрых, иноплеменными — злых; различать между греком и варваром не по щиту, мечу, одежде, а видеть признак грека в доблести и признак варвара — в порочности; считать общими одежду, стол, брачные обычаи, все получившее смешение в крови и потомстве»¹.

Первое провозглашение подобной морали в самой Греции Плутарх приписывал стоику Зенону (между 336 и 332 — между 264 и 262 до н.э.), происшедшему из города Китиона (или Кития) с острова Крит, на котором проживало смешанное греко-финикийское население, и сам Зенон, возможно, был смешанных кровей.

Как бы то ни было, но нравственная норма гласящая, что нет «несть ни эллина, ни иудея», а есть только добрые и злые — эта норма в той или иной форме была уже высказана и даже утверждена на эллинистическом Востоке и в самой Греции **задолго до Христа и апостола Павла**. В ней выражался новый дух той эпохи. Иудаизм же со своей родоплеменной и слишком материалистической моралью резко противоречил этому новому духу, что и выразилось в

¹ Плутарх. О судьбе и доблести Александра // Плутарх. Сочинения. М., 1983. С. 416.

конце концов в **духовном перевороте**, совершенном против него христианством.

Основными революционными положениями этой новой религиозно-нравственной доктрины являются, на наш взгляд, следующие.

Во-первых, — полное отрицание всякой ненависти и всякого насилия в каких бы то ни было формах («Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду ... [Мтф. 5, 38-40]. «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» [Мтф. 5, 43-44.]).

Во-вторых, — снисхождение к человеческим слабостям, терпимое, гуманное отношение к людям вообще и к согрешившим, в частности, отношение, требующее, скорее, **понимать и прощать** людей, чем жестоко их преследовать и казнить («Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» [Мтф. 6, 14-15]. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших [Мтф. 6, 14-15]).

В-третьих, — полное отрицание какого бы то ни было господства одного человека над другим и утверждение духа абсолютного **равенства**, и даже **братства** и взаимного служения друг другу («Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет

так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом; так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» [Мтф. 20, 25-28]).

В-четвертых, — утверждение духовного, нравственного богатства как несовместимого со стремлением к богатству материальному («Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. ... Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? ... Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» [Мтф. 6, 19-33]).

В-пятых, — запрещение любой иной (земной) награды за нравственный поступок, кроме него самого («Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю

вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. ... Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою [Мтф. 6, 1-16]).

В-шестых, — отрицание всякого значения внешней обрядности и сосредоточение только на умонастроении и помыслах человека («Слушайте и разумеите! не то, что входит в уста оскверняет человека, но то, что выходит из уст оскверняет человека ... ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления — это оскверняет человека; а есть неумытыми руками — не оскверняет человека [Мтф. 12, 13]).

В-седьмых, — полное отрицание родоплеменной морали и провозглашение равного отношения абсолютно ко всем людям, в том числе и к иноверцам («Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» [Мтф. 5, 45-48]).

В-восьмых, — превознесение духа (смысла) над буквой учения, — полное отрицание догматизма и бессмысленной регламентации («Ибо Сын Человеческий есть господин и субботы» [Мтф. 12, 8]; «Итак можно и в субботы делать добро» [Мтф. 12, 13]).

Наконец, в-девятых, — призыв к установлению Царства Божия на Земле («Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;

да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе ...» [Мтф. 6, 9-10]).

Многие моральные истины (идеалы) были выражены Христом в крайней, недостижимой для простого смертного (а, тем более, смертного той эпохи) форме. «Ведь учение Христа так возвышенно, — пишет Гегель, — что все обязанности и нравственные связи становятся безразличными по сравнению с ним. Юноше, который еще хочет похоронить своего отца, он говорит: «Иди за мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов». «Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня». Он сказал: «Кто мать моя и кто братья мои?». И, указав рукою своею на учеников своих, сказал: «Вот мать моя и братья мои. Ибо кто будет исполнять волю отца моего небесного, тот мне брат, и сестра, и мать». И даже сказано: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч. Ибо я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью, и невестку со свекровью ее». Здесь выражается отрешение от всего того, что существует в действительности, даже от нравственных связей.

Можно сказать, — заключает Гегель, — что нигде не произносилось столь революционных речей, как в евангелиях, потому что все прежде общепризнанное принимается за безразличное, не заслуживающее уважения»¹.

На другую важнейшую сторону учения Христа указывает А.А. Гусейнов: «Дело в том, — пишет он, — что христианство обладает одной странной особенностью: оно не предписывает никаких поступков (на наш взгляд, точнее было бы сказать никаких правил, предписаний, ритуалов — *авторы*). Иисус не запрещает, как до него Моисей, есть свинину, не говорит, как после него Мухаммед, сколько раз и как надо молиться. Он ограничивается формулированием закона любви, который можно рассматривать как общее направление, вектор пути. А о самом пути, конкретных человеческих качествах, нормах и по-

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VIII. М.-Л. 1935. С. 309.

ступках, из которых он складывается, — Иисус ничего не говорит. Он сосредоточен на внутреннем смысле поведения, по отношению к которому все конкретные предписания являются лишь частными случаями, имеющими значение для определенных обстоятельств. Они не могут претендовать на безусловность. Это означает, что учение Христа и живые действующие индивиды отделены друг от друга открытым пространством конкретных норм, без наполнения которого не может состояться их встреча между собой. Именно таким наполнением стали античные представления о добродетелях и добродетельной жизни»¹.

В учении Христа не содержалось никаких конкретных и детальных предписаний, относящихся к данной эпохе, к данной стране, к данному народу, к данной сфере деятельности человека и т.д. В нем содержались только общие и общечеловеческие идеалы и принципы морали. Только сам дух морали и ничего больше. Все эти принципы изложены фактически в одной только Нагорной проповеди. А все остальное содержание Евангелий — это рассказ о событиях жизни Христа.

Конкретизация же христианского учения была осуществлена, во-первых, **апостолами** (в особенности, Петром и, еще более, Павлом); во-вторых, — греко-римскими интеллектуалами (апологетами и отцами церкви), о чем говорит А.А. Гусейнов; и, в-третьих, — Вселенскими Соборами и выдающимися деятелями самой христианской церкви (впоследствии расколовшейся). В определенной мере эта конкретизация продолжается и в настоящее время, так же, как, впрочем, и во всех остальных мировых религиях — все они развиваются, хотя и не так быстро, как теоретическое познание.

Нравственный идеал христианства, таким образом, является наиболее полным и радикальным разрывом с иудаизмом и с древним моральным поряд-

¹ Гусейнов А.А. Мораль и разум. Доклад на симпозиуме «Научные и вненаучные формы мышления» (Москва, 4-9 апреля 1995 г.) // <http://www.philosophy.ru/iphras/library/ruspaper/>

ком вообще. Этот новый идеал в наибольшей степени приближается к морали **общечеловеческой**, то есть к такой, которая может быть одобрена **любым человеком**, независимо от его происхождения и исповедания им тех или иных норм родной для него культуры и нравственности. Ведь, в христианстве почти нет ничего специфического для какой-либо конкретно-исторической системы нравственности — в нем содержатся только общие и абстрактные моральные положения человеческой нравственной воли вообще.

Однако, в этом была и историческая **слабость христианства**. Общечеловеческая мораль возможна только в качестве путеводной звезды, в качестве конечной перспективы, мгновенное достижение которой невозможно. Поэтому христианская церковь и вынуждена была в качестве «Ветхого завета» сохранить в новой религии **нравственную связь с иудаизмом**. Постепенное преодоление этой связи стало исторической задачей новорожденной Западной цивилизации.

Эта новая цивилизация, достигающая своего расцвета в так называемые Средние века, была подвергнута затем **духовному отрицанию** частично в эпохи Реформации и Возрождения, а затем более радикально — в эпоху Просвещения. Особого внимания при этом заслуживает **протестантизм**, входящий и сегодня в качестве важнейшего элемента в духовную культуру **наиболее развитых западных стран**.

2.4.5. Протестантская этика и дух Запада

Средневековое христианское мировоззрение, так же как и античное на определенном этапе своего развития, к началу XVI века испытало глубочайший духовный кризис, возникший в результате обострения его собственных, внутренних противоречий. По мере развития Западной Европы христианские монастыри (даже и нищенствующих орденов) стремительно **обогащались** за счет

расширения своих земельных владений и эксплуатации крестьян; католическая церковь в лице папы Римского претендовала на функции «кесаря», плела **политические интриги** и явилась организатором и вдохновителем многих войн (в том числе и крестовых походов); из любви к ближнему в конце концов возникло стремление к подавлению всякого инакомыслия и введение такого **репрессивного** органа, как **инквизиция**, жестоко преследовавшего еретиков и свободомыслящих. Таким образом, католическая **церковная практика** вступила в самое острое противоречие с официальной христианской **доктриной**.

Г. Гегель (сам протестант-лютеранин), выясняя причины возникновения движения Реформации, указывает, кроме того, и на следующие три основные противоречия практики средневековой церкви с **общечеловеческими** нравственными принципами: «А именно, — пишет он, — одним из проявлений нравственности является любовь, чувство, выражающееся в брачном отношении. Не следует говорить, что безбрачие противоестественно, но оно противоречит нравственности. Хотя церковь причисляла брак к таинствам, но несмотря на то, что она стояла на этой точке зрения, она унижала его, так как безбрачие считалось более святым.

Другим проявлением нравственности является деятельность, труд человека для своего пропитания. Честь человека заключается в том, чтобы в отношении удовлетворения своих потребностей он зависел только от своего трудолюбия, от своего поведения и от своего ума. В противоположность этому бедность, лень и бездеятельность ставились выше труда, и таким образом освящалось безнравственное.

Третьим моментом нравственного является то, что повиновение относится к нравственному и разумному как повиновение законам, о которых я знаю, что они справедливы, а не является слепым и безусловным повиновением, при котором не ведают, что творят, и действуют наугад, бессознательно и без знания. Но именно этот последний род повиновения считался наиболее угодным

богу, так что благодаря этому повиновение, обусловливаемое несвободой, устанавливаемой произволом церкви, ставится выше истинно свободного повиновения.

Итак, три обета: целомудрия, бедности и повиновения оказываются полною противоположностью того, чем они должны были бы быть, и в них унижена всякая нравственность. Церковь представляла собой уже не духовную власть, а власть духовенства, отношение мирян к ней было бездушно, безвольно и бессмысленно. Вследствие этого мы всюду находим порочность, бессовестность, бесстыдство и разлад, подробную картину которых рисует вся история того времени. Из всего сказанного вытекает, что средневековая церковь была полна противоречий»¹.

Разрешением этих противоречий и занимались в основном проповедники обновленного христианства, прежде всего, — М. Лютер (1483-1546), Ж. Кальвин (1509-1564) и другие. Именно их учения станут основой широкого европейского религиозно-политического движения, направленного против католической церкви и получившего название Реформации. «Реформация, — пишет Э.Ю. Соловьев, — начинается проповедью Лютера (1517) и проходит затем через такие фазы, как формирование лютеранской церкви в Германии; крестьянская война 1524-1525 годов; утверждение кальвинизма в Швейцарии; распространение протестантизма в Нидерландах, Скандинавии, Англии, Франции; борьба Нидерландов за независимость в 1568-1572 годах; чудовищные религиозные войны первой половины XVII века (в итоге они привели к идее веротерпимости и отделения церкви от государства); появление второго поколения протестантских конфессий (таких, как социниане, пиетисты, гернгутеры, квакеры); утверждение английского пуританства; Английская революция 1642-1653 годов»².

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VIII. М.-Л. 1935. С. 357-358.

² Соловьев Э.А. Реформация и становление новоевропейской цивилизации // Библиотека

В основе новой христианской доктрины, утверждавшейся в ходе этих войн и революций, должны были лежать, согласно Гегелю, **культ семьи, культ трудолюбия и культ разумно-критического отношения** верующего-протестанта **к любой догматике**. И эти три нравственных качества, действительно, стали отличительной чертой протестантов. Однако созданная Лютером и, особенно Кальвином, новая версия христианской доктрины содержала в себе и новые внутренние противоречия, основную суть которых мы и рассмотрим ниже.

Современное западное общество, глубоко усвоившее протестантские религиозные догматы, характеризует себя как общество **правовое**. И в нем, действительно (в отличие от общества **восточного**), именно **право** играет доминирующую роль. Восток не доверяет праву и основная роль в нем отводится **нравственности и морали**, а право играет там **подчиненную** роль.

При этом однако мы должны ясно понимать, что такое право. Согласно общепризнанному пониманию, право представляет собой **только минимум морали**. Если мораль не только запрещает, но и **предписывает** человеку определенные цели жизни и способы его поведения и вменяет ему их в долг и в обязанность, то право (как **минимум морали**) прямо ничего человеку **не предписывает**, а только **запрещает** некоторые действия. «Не убий!», «не укради!» и т.д.; вообще — «не делай другому того, чего себе не желаешь» — это самые общие **нормы права**, но отнюдь не морали. Это, так называемое «золотое правило нравственности», на самом деле, есть всего лишь, **основное правило (принцип) права**. Правило только **минимума** нравственности. Что должен делать человек в этой жизни, к чему должен стремиться¹ — этого право не уста-

Якова Кротова: <http://www.krotov.info/history/16/soloviov.html>

¹ «Сферу философии, — говорит И. Кант, — ... можно подвести под следующие вопросы:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я смею надеяться?
4. Что такое человек?

навливает. Оно знает только то, чего человек **не должен делать** ни при каких обстоятельствах. А все остальное право оставляет **на усмотрение морали**. Право, в частности, не принуждает **любить** ближнего, но оно запрещает **причинять ему вред**, делать что-нибудь против воли человека. Это понимание издавна содержится и в религиозных доктринах. Так, в Социальной концепции Русской православной церкви говорится следующее: «Право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества. Задача светского закона не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад»¹. Именно поэтому оно и представляет собой только **минимум морали**. Вся же мораль (нравственность) содержится только в совокупности всех морально-религиозных норм конкретного общества.

Как же формировалась исторически правовая система норм в современном западном обществе? Она сформировалась в результате **отрицания** предшествовавшей ей (средневековой) **христианской** нравственной парадигмы. В свою очередь христианство, как мы знаем, исторически утверждалось в ходе отрицания предшествовавшей ему ценностно-нормативной парадигмы античного (**языческого** греко-римского) общества; и для того, чтобы понять суть этих исторических культурных процессов, мы должны попытаться четко сформулировать, в чем же именно (в главных чертах) заключались эти отрицания, приводившие к смене ценностно-нормативных парадигм западного общества.

В этом отношении мы можем установить, что христианство отрицало в качестве цели жизни **материалистическое** стремление к обретению индиви-

На первый вопрос отвечает метафизика, на второй — мораль, на третий — религия и на четвертый — антропология. Но в сущности, — подытоживает И. Кант, — все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему» (Кант И. Логика. Пособие к лекциям 1800 // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 332).

¹ Социальная концепция РПЦ. Гл. 4: «Христианская этика и светское право». Цит. по: Религиоведение. Учебное пособие. 4-е издание, испр. и доп. / Научный редактор А.В. Солдатов. СПб. 2003. С. 761.

дом посюстороннего (мирского) счастья (четче всего выраженное в античном **эпикуреизме** и аристотелевском **эвдемонизме**), и вместо этого выдвигало новую цель (смысл) жизни христианина — **спасение души**. В борьбе с язычеством (и иудаизмом) христианство сформулировало новый идеал духовного, **нравственного богатства**, противопоставив эту цель античному (и иудаистскому) стремлению к богатству **материальному, мирскому**.

В соответствии с этой новой заповедью средневековый христианский мир пренебрегал материальными удобствами и радостями жизни, и сфера его материального производства (его экономика) долгие века находилась в **убогом и жалком состоянии**, даже и по сравнению с античной экономикой. «Средневековый Запад, — пишет известный французский историк-медиевист Ж. Ле Гофф, — бедно оснащенный мир. Хочется сказать «технически отсталый». ... Конечно, Раннее Средневековье знало даже определенный регресс в этой (технической и технологической — *авторы.*) области по сравнению с Римской империей. Лишь с XI в. появляются и распространяются важные технологические достижения. Однако в период между V и XIV вв. изобретательство проявлялось слабо»¹.

Слабой и упадочной была и вся экономика средневековья, которое постоянно балансировало, как показывает Ле Гофф, **на грани голода**. И это вполне объяснимо из того именно обстоятельства, что христианская ценностно-нормативная парадигма **осуждала** влечение индивидов к материальным ценностям и прямо **препятствовала** экономическому прогрессу, как то и показывает тот же Ле Гофф. «Экономика средневекового Запада, — пишет он, — имела целью обеспечить людям средства существования. Дальше этого она не шла. ... труд не имел целью экономический прогресс — ни индивидуальный, ни коллективный. Он предполагал, помимо религиозных и моральных устремлений (избежать праздности, которая прямым образом ведет к дьяволу; искупить, тру-

дьясь в поте лица, первородный грех; смирить плоть), в качестве экономических целей обеспечить как свое собственное существование, так и поддержать тех бедняков, которые не способны сами позаботиться о себе. Еще св. Фома Аквинский сформулировал эту мысль в «Своде богословия»: «Груд имеет четыре цели. Прежде всего и главным образом он должен дать пропитание; во-вторых, должен изгонять праздность, источник многих зол; в-третьих, должен обуздывать похоть, умерщвляя плоть; в-четвертых, он позволяет творить милостыни». Экономическая цель средневекового Запада, — заключает Ле Гофф, — создавать необходимое, *necessitas*»².

Таким образом, христианская нравственная парадигма ориентировала средневекового западного человека главным образом на **спасение души** и не допускала увлечения накоплением **материальных** богатств в этой жизни.

Вторая составляющая мотивирующей части христианской нравственной парадигмы указывала **и средства** (способы), которыми индивид должен достигнуть провозглашаемую ею конечную цель. И в качестве такого средства выступала в ней **любовь к ближнему** и **служение** ему так же истово и верно, как самому себе. Христианство провозглашало между людьми отношения **братства** и **взаимопомощи**, противопоставляя этот идеал античной установке на **соперничество, конкуренцию** и **эгоизм** индивидов, стремившихся только к **личному, индивидуальному**, а не коллективному счастью. И стоики, и эпикурейцы искали только **личного, индивидуального счастья** индивида (мудреца). Христианин же мог быть счастлив только в **коллективе**, вместе со своей **общинной** (церковью), а индивидуальное счастье на фоне несчастья других (тем более, **за счет** несчастья других) христианством сурово осуждалось.

Христианство, таким образом, утверждало идеал морального равенства людей всех наций, классов и сословий, идеал **всеобщего братства**. Первые

¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 184.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 208-209.

христиане, как известно, практиковали даже коммунистическое **обобществление имущества** и распределение его среди своих собратьев по потребности (по нужде). В дальнейшем от обобществления имущества они отказались, но принципы милостыни, милосердия, христианской помощи нуждающимся братьям и сестрам оставались неизменными вплоть до окончательной утраты христианской доктриной ведущего положения в западном обществе¹.

Эгоистическое употребление материальных богатств, накапливаемых отдельными индивидами, церковью неизменно осуждалось². Осуждалось и языческое требование **возмездности** за оказываемые благодеяния³ — добро должно твориться христианином абсолютно **бескорыстно**. Только **безвозмездная** благотворительность ближнему является для христианина настоящим средством к спасению души и достижению вечной жизни за гробом.

¹ В современной «Социальной концепции Русской православной церкви» высказано следующее отношение к собственности: «Люди получают все земные блага от Бога, Который ими владеет, и церковь призывает воспринимать собственность как дар Божий, данный для использования во благо себе и ближним. Церковь не отдает предпочтения ни одной из форм собственности, признает право человека на собственность и осуждает посягательство на нее (Социальная концепция РПЦ. Гл. 7: «Собственность». Цит. по: Религиоведение. Учебное пособие. 4-е издание, испр. и доп. / Научный редактор А.В. Солдатов. СПб. 2003. С. 765).

² В «Социальной концепции Русской православной церкви» сказано: «Труд не богоугоден, если он направлен на служение эгоистическим интересам, а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти. Церковь благословляет всякий труд, направленный на благо людей» (Социальная концепция РПЦ. Гл. 6: «Труд и его плоды». Цит. по: Религиоведение. Учебное пособие. 4-е издание, испр. и доп. / Научный редактор А.В. Солдатов. СПб. 2003. С. 765).

³ Особенно резко осуждалось при этом взимание процентов, ростовщичество. Вот что писал о ростовщиках М. Лютер: «... на земле нет для человека врага большего (после дьявола), чем скряга и ростовщик, так как он хочет быть богом над всеми людьми. Турки, воители, тираны — все это люди также злые, но они все-таки должны давать людям жить и должны признаться, что они злые люди и враги, и могут, даже должны, иногда смилостивиться над некоторыми. Ростовщик же или скряга хочет, чтобы весь мир для него голодал и томился жаждой, погибал в нищете и печали, чтобы только у него одного было все и чтобы каждый получал от него, как от бога, и сделался бы навеки его крепостным ... Он носит мантию, золотые цепи, кольца, моет рожу, напускает на себя вид человека верного, набожного, хвалится ... Ростовщик — это громадное и ужасное чудовище, это зверь, все опустошающий ... И если колесуют и обезглавливают разбойников и убийц, то во сколько раз больше должно колесовать и четвертовать ... изгонять, проклинать, обезглавливать всех ростовщиков» (Цит. по: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1969. Т. I. С. 43).

Такова была **христианская** ценностно-нормативная парадигма в эпоху Средневековья — она была полностью **противоположна** языческой и иудаистской доктринам. Цель последних была **материалистической** и **мирской** (богатство, счастье и успех в этой жизни); цель христианской доктрины была **идеалистической** и **трансцендентной** (спасение души и посмертная вечная жизнь); методы язычества были **индивидуалистическими** и **эгоистическими** (достижение счастья только для себя, в соперничестве и конкуренции с другими индивидами), методы христианства были **коллективистскими** и **альтруистическими** (достижения счастья только совместно со своими братьями и сестрами во Христе и только путем служения им, а не одному себе).

При этом легко видеть, что современная западная капиталистическая (буржуазная) ценностно-нормативная парадигма является, в этом отношении, **отрицанием отрицания** и серьезным возвратом к отвергнутой ранее **античной** (и иудаистской) нравственности. Не случайно эпоху первоначального отрицания христианской морали назвали эпохой Возрождения — возрождался именно античный моральный подход к жизни. Западное общество после эпохи Просвещения и окончательного освобождения от господства христианского учения в его жизни вернулось к возрожденной им античной ценностно-нормативной парадигме, восстановленной полностью — как в ее цели, так и в ее средствах.

Рассмотрим подробнее основные этапы этого отрицания.

Первым принципиальным шагом к отрицанию средневековой христианской доктрины стала на Западе Реформация. Учение М. Лютера, но, в особенности, Ж. Кальвина, еще не отвергало идеалистической трансцендентной **цели** в жизни западного человека, но оно отвергло **альтруистическую солидарность** индивидов в качестве **средства** достижения этой цели. Ж. Кальвин, в частности, провозгласил, что спасения души человек в этой жизни заслужить не может никакими средствами (равно как и утратить его), ибо Бог уже до рождения predetermined одних людей — **избранных** — к вечной жизни за гро-

бом, а других — **отверженных и проклятых** — к вечной смерти¹. И никакими своими делами в этом мире — ни добрыми, ни злыми — христианин не может изменить этого решения Творца.

Единственное, что еще доступно протестанту в этом мире — это **удостовериться** по некоторым внешним и косвенным признакам, к какой именно группе (касте) — избранных или отверженных — отнесен Богом он еще до своего рождения. Своим избранныкам, по мысли Кальвина, Бог **помогает** в этом мире, а тем, кого он осудил на вечную смерть, он дает возможность испытать полной чашей всяческих невзгод, пороков, неудач и страданий уже в этом мире. Поэтому благочестивый протестант мог видеть теперь только один смысл в своей посюсторонней жизни — достижение успеха **в мирских делах** (в том числе **и в накоплении имущества**), ибо только это, согласно протестантскому учению, могло дать ему уверенность в его **избранности** и предопределенности к спасению и вечной жизни за гробом.

Чрезвычайно важно понять при этом, что протестантское учение уничтожило норму **братского равенства** между христианами, относя одних из них с самого рождения к **избранным и спасенным**, а других — к **проклятым** Богом и **отверженным**, к моральным изгоям. По существу, протестантизм возродил **иудаистскую** (ветхозаветную) идею богоизбранности, только применил ее теперь не к отдельному народу (евреям), а к отдельным **индивидам**. В христианский мир тем самым был привнесён элемент **человеконенавистничества**.

¹ Кальвин указывал: «Бог решением своим и для прославления величия своего предопределил одних людей к вечной жизни, других присудил к вечной смерти». «Тех людей, которые предопределены к жизни, Бог еще до основания мира избрал для спасения во Христе и вечного блаженства (...) из чистой свободной милости и любви, а не потому, что это имеет причину или предпосылку в вере, добрых делах и любви ...». «И угодно было Богу по неисповедимому решению и воле его (...) для возвышения власти своей над творениями своими, лишить остальных людей милости своей и предопределить их к бесчестию и гневу за грехи их, во славу своей высокой справедливости» (Цит. по: Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1990. С. 140).

Пуритане и прочие приверженцы этой ереси принесли в христианское общество страшнейший внутренний раскол, рознь и ненависть. Кровавейшая Тридцатилетняя война (1618-1648) между католическим и протестантским блоками европейских государств, Нидерландская (1572) и Английская (1641) революции под предводительством **протестантов** во многом были следствиями и плодами этого морального раскола западноевропейского общества. При этом экстремизм в отстаивании своей точки зрения господствовал с обеих сторон — с католической не в меньшей степени, чем с протестантской. Воистину, не мир, но меч принесли Лютер и Кальвин в Европу в конце ее христианского периода.

Именно в этом реформатском учении М. Вебер и увидел зарождение «духа капитализма». «Это учение, — писал он, — в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего **одиночества отдельного индивида**. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме — вечном блаженстве — он был обречен одиноко брести своим путем навстречу от века предначертанной ему судьбе. Никто не может ему помочь. Ни проповедник — ибо только избранный способен *spiritualiter* (духовно — *авт.*) понять слово Божье. Ни таинства — ибо установленные Богом для умножения силы его и потому незыблемые таинства не являются средством к спасению, и субъективно они — лишь *extrema subsidia* (последнее прибежище) веры. Ни церковь — ибо, хотя требование *extra ecclesiam nulla salus* (вне церкви нет спасения) и действительно в том смысле, что стоящий вне истинной церкви не может принадлежать к числу избранных Божьих, тем не менее и отвергнутые Богом принадлежат к (видимой) церкви; более того, они **должны** принадлежать к ней и подчиняться ее дисциплинарному воздействию, но не для того, чтобы обрести блаженство — ибо это невозможно, — а потому, что и они должны выполнять заветы Всевышнего, приумножая славу Его. Ни Бог, наконец, — ибо Христос умер лишь

для спасения избранных, и только их грехи Бог от века решил искупить смертью Христа. Это абсолютное устранение веры в спасение души с помощью церкви и **таинств** (с последовательностью, еще неведомой лютеранству) было той решающей идеей, которая отличала кальвинизм от католичества»¹.

Реформированное христианство, таким образом, **вырывало** западного индивида из коллективной духовной жизни церковной общины, ставило его в отношении **конкуренции** и **подозрительности** к другим индивидам и заставляло его искать смысла жизни **в одиночку, индивидуально**, никому не жалуясь, ни от кого не ожидая помощи и утешения и никому не доверяя. «Вместе с тем эта отъединенность, — говорит М. Вебер, — является одним из корней того лишнего каких-либо иллюзий пессимистически окрашенного индивидуализма, который мы наблюдаем по сей день в «национальном характере» и в институтах народов с пуританским прошлым ... Примером может служить хотя бы поразительно часто повторяющееся, прежде всего в английской пуританской литературе, предостережение не полагаться ни на помощь людей, ни на их дружбу. Даже кроткий Бакстер призывает к глубокому недоверию по отношению к самому близкому другу, а Бейли прямо советует никому не доверять и никому не сообщать ничего компрометирующего о себе: доверять следует одному Богу. ... Каждый, кто хочет ощутить специфическое воздействие этой своеобразной атмосферы, может обратиться к книге Беньяна. «Pilgrim's progress», получившей едва ли не самое широкое распространение из всех произведений пуританской литературы. В ней описывается, как некий «христианин», осознав, что он находится в «городе, осужденном на гибель», услышал голос, призывающий его немедленно совершить паломничество в град небесный. Жена и дети цеплялись за него, но он мчался, зажав уши, не разбирая дороги и восклицая: «Life, eternal life!» («Жизнь! Вечная жизнь!»). ... И только после того, как паломник почувствовал себя в безопасности, у него возникла

¹ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1990. С. 142-143.

мысль, что неплохо бы соединиться со своей семьей»¹.

Таким образом, даже и семья в протестантском обществе оказывается внутренне расколотовой на эгоистических индивидов, каждый из которых может принадлежать либо к избранным, либо к отверженным. Между женой и мужем поэтому допустим брачный **контракт**, как в любых имущественных операциях. Браки теперь совершаются не на небесах, а на брачном рынке. Характерный **эгоистический индивидуализм** западного человека-жителя протестантских стран, как показывает М. Вебер, проистекает именно из этого источника — морально-религиозной доктрины, разработанной протестантскими теологами, главным образом, Ж. Кальвином и его последователями.

Весьма показательно при этом, что самые высокие коэффициенты преступности отмечаются на протяжении последнего столетия именно в странах **западной культуры**, а наименьшие коэффициенты преступности отмечаются в странах с **конфуцианскими** духовно-культурными традициями. Так, по данным последнего мирового обзора ООН (1994 г.), если в Швеции ежегодно фиксируется 12 620,3 преступлений на 100 тыс. населения, в Дании — 10 524,6; в Канаде — 10 351,6 и т.д., то в Китае, например, в тот же период отмечалось всего только 127,7 учтенных преступлений на 100 тыс. населения (меньше почти в 100 раз!); в Японии — 1 490,3 (меньше на порядок!)². При этом по **социально-экономическим** и **политическим** характеристикам Япония, например, относится к той же группе высокоразвитых стран с рыночной экономикой и демократической политической системой, что и западноевропейские страны. Отличие между ними только в духовно-культурной сфере — в сфере ценностно-нормативного сознания европейцев и японцев.

«Японцы, — отмечается в одном из исследований, посвященных специально этому феномену, — мыслят, живут и ведут себя, прежде всего, как члены

¹ Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1990. С. 142-143.

² Все данные приведены по: Лунеев В.В. Преступность // Криминология / под ред. В.Н. Куд-

той или иной группы: семьи, рабочего коллектива, группы профессионалов. Их основная цель — в отличие, к примеру, от граждан США или ФРГ — не в индивидуальном самовыражении, а в том, чтобы соответствовать группе, взаимоотношениям в ней. Индивид достигает социального статуса только через статус группы, к которой он принадлежит. У японца сильно развита культура стыда, и он не совершает правонарушение, чтобы не испортить репутацию группы, не причинить вред своей семье, коллегам. Структура японского общества является иерархической, что способствует развитию стабильных социальных отношений. Целью индивида является не самоутверждение, а взаимозависимость, терпение. Целью индивида является не самоутверждение, а взаимозависимость, терпение. Между руководителем и подчиненным развиваются нормальные человеческие отношения, возникают чувства солидарности, взаимных обязательств. В итоге современное японское индустриальное общество заменяет традиционную крестьянскую общину»¹.

Характерно и весьма показательна также и то, что в группе самих западных стран наиболее высокие коэффициенты преступности отмечаются в странах с преобладающей **протестантской** культурной традицией — в США (16 123,2 учтенных преступлений на 100 тыс. населения); Финляндии (14 798,6), Швеции (12 620,3), Дании (10 524,6) и Канаде (10 351, 6); в то время как в странах с **католической** и **православной** духовно-культурной традицией этот коэффициент в несколько раз ниже — Италия (3 828,0), Греция (2 956,3), Испания (2 286), Болгария (2 522,4), Россия (1 778,9), Румыния (1 039,0), Португалия (988,8)² и т.д.

При всем несовершенстве методов сбора и обнародования статистиче-

рвяцева и В.Е. Эминова. М., 2004. С. 80, 93.

¹ Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1997. С. 137.

² Лунеев В.В. Преступность // Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2004. С. 93.

ских данных, присущем, между прочим, всем странам, в том числе и США¹, объяснить такое сильное расхождение между приведенными показателями одними только **техническими** особенностями сбора и подачи статистических данных в разных странах невозможно. Приведенное распределение убедительно указывает, на наш взгляд, именно на различие в **духовно-культурной** сфере рассматриваемых обществ. Западное и особенно протестантское общество обладает гораздо более высоким **экстремистским межличностным потенциалом**, чем общество восточное и традиционно-христианское (католическое и православное).

Однако на Реформации духовное развитие западного общества, как мы знаем, не закончилось. Вторым грандиозным историческим шагом по реформированию западной духовной культуры было развитие в ней совокупности **антирелигиозных** материалистических учений эпохи Просвещения, дискредитировавших идеал спасения души, посмертного воскресения и вечной жизни, обещаемой христианством.

2.4.6. Исламская этика и дух Корана

Ислам обладает особой морально-правовой системой, несущей в себе некоторые неповторимые черты и свойства. К числу таких его свойств относится прежде всего его тотальность — нормы ислама распространяются не только на сферу морали, повседневного быта и семейных отношений, но и на сферу права, политики внешней и внутренней и т.д. Основными источниками нравственных норм в исламе считаются священная книга Коран, Сунна и шариат, вместе образующие довольно четкую систему религиозных, нравственных, правовых норм и требований, регулирующих и, в какой-то степени, определяющих не только сознание, быт и жизнь простого мусульманина от рождения до смерти,

¹ США, в частности, предоставляют в ООН сведения не по всей регистрируемой в этой

но и сознание всех политиков и государственных деятелей в исламском обществе.

Основы моральной системы ислама изложены в Коране. Здесь определены основные принципы и нормы нравственной жизни мусульманина. Они абсолютно непререкаемы, ибо определены самим Аллахом, продиктовавшим Коран Пророку Мухаммеду через архангела Джабраила. Поэтому источником исламской морали является сам Аллах. Только он знает, что есть добро и зло. Он — воплощение высшей справедливости, всемогущества и милосердия. Он — нравственная вершина и идеал, достичь которого человек не в силах, поэтому идея богоподобия и богосовершенства для ислама — это кощунственная и греховная идея.

Мусульманская доктрина нравственности исходит из абсолютного значения норм морали, установленных Кораном. Она отрывает эти нормы от конкретно-исторических условий общественного развития и потребностей людей и объявляет их вечными и неизменными. Аллах, создавший, по утверждениям религиозных деятелей, исламскую мораль, является абсолютным совершенством. Отсюда выводят они и учение об абсолютной истинности, вечности и неизменности исламской морали, которая, по их мнению, пригодна «для всех времен и народов».

Наряду с принципом этического абсолютизма исламское учение утверждает принцип морального догматизма. Оно требует от приверженцев религии безусловного исполнения коранических моральных норм как данных богом.

Ислам утверждает вечность, неизменность и универсальность мусульманской нравственности, пригодность ее норм для всех времен и народов, в каком бы обществе они не жили.

Исламская концепция нравственности утверждает, что только бог может создать мораль, человек же не в состоянии выработать моральные понятия, что

стране преступности, а только по 12 так называемым индексным видам преступлений.

только неуклонное следование предписаниям Аллаха делает индивида нравственным, попытка же человека действовать по своему усмотрению ведет его к пороку. Низменная природа человека тянет его ко греху, и только страх божьего наказания понуждает его быть добродетельным.

Согласно исламской морали, нравственность возможна только в рамках религии, всякая же человеческая мораль признается неистинной. В Коране довольно часто ставится знак равенства между неверными и несправедливыми. Только верующие могут творить добро, неверующим этого не дано.

Высший нравственный долг, первоочередная жизненная задача человека в соответствии с исламским вероучением — это служение богу, его восхваление. Все остальное является второстепенным, малозначительным, несущественным.

Жизнь, по учению ислама, дается человеку для того, чтобы он поклонениями, смирением и терпением стремился заслужить милость Аллаха, а вместе с нею — надежду на вечное блаженство в раю, жизнь — лишь испытание на пути в потусторонний мир. Коран предупреждает: «Здесьняя жизнь — только игра и забава ...»¹. Кто же хочет пользоваться ее благами, тому «нет в будущей жизни ничего, кроме огня, и тщетно то, что они совершили здесь, и пусто то, что они творили»¹.

Мусульманская этика утверждает, что человек, желающий достичь высшего нравственного совершенства, прежде всего, должен руководствоваться учением ислама о добрых и злых поступках: совершать предусмотренные этим учением добрые поступки и отстраняться от злых. Приближение к совершенству предполагает постоянное очищение от грехов. К освобождению же от грехов ведут молитвы, обряды и пост, предписанные учением ислама.

Согласно исламскому представлению, истинной возвышенной целью че-

¹ Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 6:32. Примечание: Первая цифра указывает номер суры (главы) — вторая аята (стиха) — автор.

ловека является его стремление к лику Аллаха и получение его благосклонности. Эта цель должна стать пределом усилий и устремлений человека в этом мире. Именно по этому критерию этическая система ислама оценивает все действия человека как «добро» или «зло». Ислам дает стабильный основополагающий авторитетный источник этического учения, который является руководством к действию во всех случаях жизни, начиная от простейших бытовых вопросов вплоть до глобальных и сложных проблем мировой политики. Эта религия стремится создать в обществе и в общественном мнении такую обстановку, которая бы побуждала отдельных людей и социальные группы твердо следовать определенным моральным нормам, но в то же время опирается не столько на силовые методы воздействия, сколько на психологические стимулы, сутью которых является идейная вера в Аллаха и судный день. Ислам утверждает это кредо в сердце человека, проникает глубоко в его душу и наставляет на истинный путь. Это своеобразный «внутренний страж», «стражник из полиции нравов», который побуждает его трудиться и выполнять повеления Аллаха, где бы он ни находился. Для мусульманина нормы, правила и требования исламской морали выступают как его собственные взгляды и убеждения, как привычные формы поведения. Мораль становится внутренним регулятором, в качестве побудительных сил которого выступают ее здоровые общественные потребности и связанные с ними моральные знания, взгляды, убеждения, качества и идеалы. Это психологический мотив поведения, способствующий исполнению морального кодекса ислама. Мусульмане убеждены, что для создания у человека стойкого морального духа, укрепления доброго нрава не существует более возвышенного и действенного способа кроме ислама².

Учение ислама проникнуто справедливостью и заботой о человеке. Моральные нормы Корана предостерегают человека от дурных поступков, от его

¹ Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 11:19.

² Панова В. Ф., Вахтин Ю. Б. Жизнь Мухаммеда. М.: Политиздат, 1991. С. 112-115, 146-147.

деградации и саморазрушения. Благодеяние и искренность, великодушие и терпимость, скромность и целомудрие, бескорыстие и радушие, смирение, терпение и мужество, ответственность и смелость — вот наиважнейшие качества истинного верующего¹. Важным качеством человека в исламе признается скромность, включающая в себя стыдливость и сдержанность, простоту и отсутствие стремления к роскоши во всем.

Ислам порицает лицемерие, плутовство, злословие и подозрительность, лживость, гордыню, зависть, гневливость, разобщенность, невоздержанность². Мусульманам следует также воздерживаться от лицемерия, от сплетен, клеветы, обидных шуток, нелюбезных замечаний, чванства и порицаний. Безусловно, эти этические ценности являются, по сути своей, универсальными и принимаются всеми последователями многих религий. Однако, в исламе неукоснительная приверженность положительным ценностям и полное отвержение отрицательных — долг каждого мусульманина.

Поведение мусульманина определяется пятью категориями: *фард* или *ваджиб* (подлежащее обязательному и беспрекословному исполнению); *харам* (нечто абсолютно запретное); *мандуб* или *мустахаб* (рекомендованные, но не обязательные действия); *макрух* (не запрещенные, но и не поощряемые действия); *муба* (действия, оставленные на суд совести и здравого смысла каждого мусульманина). Большинство проблем современной жизни подпадает под категорию *муба*. Все, что не запрещено, в исламе является разрешенным в разумных пределах и в гармонии с исламскими принципами и личной совестью¹.

Этика ислама учит, что верующий человек должен радоваться своим добрым деяниям и огорчаться злым, что истинно верующий человек не может совершить дурной поступок, потому что он защищен верой в своего создателя. В Коране добро называется «известным», а зло — «неизвестным». «Известное»

¹ Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 3:133-134.

² Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 107:4-6; 49:12; 31:17-18; 6:154; 5:81

— это то, что люди хорошо знают и к чему стремятся. «Неизвестное» отвергается людьми, вызывает у них отвращение и неприязнь. Добро — это нормы, обеспечивающие благополучную жизнь отдельной личности и общества в целом, а приносящие обществу вред поступки причисляются к аморальным — ко злу. Ислам утверждает равенство людей друг перед другом и категорически отвергает любые проявления расизма по признакам цвета кожи или языка, сословную, родовую, национальную дискриминацию и различает людей только по степени их добропорядочности, их веры и моральной чистоты.

В исламе хорошо развит институт семьи. Мусульманские браки основываются на законах Корана, на общечеловеческих ценностях и убеждениях. Брак для мусульман — это не таинство, а прежде всего социальный договор, налагающий на обычных мужчин и женщин равные обязательства и представляющий им равные права. Основой, фундаментом супружеской семьи является, по Корану, принцип духовности. Исламская семейная система принимает как единое целое супруга и супругу, мать и отца, детей и родственников и защищает их интересы. Коран отразил важные социальные проблемы, истолкование которых и до наших дней не безразлично для многих миллионов людей. Ислам не призывает к активному социальному переустройству. Напротив, он учит активному смирению, послушанию. Частная собственность священна — указания Корана строги и недвусмысленны, а законы шариата строго карают преступников. Хотя перед Аллахом все равны, в реальной жизни такого равенства нет, и правоверные должны соблюдать ту иерархию социальной структуры, которая существует. Коран обязывает каждого человека честно трудиться и категорически запрещает попрошайничество, обман, мошенничество, ростовщичество и т.д., проводит резкую грань между достойным и недостойным способами зарабатывания на жизнь. Ислам заботится и о физическом здоровье человека: мусульманам запрещено употреблять всякое одурманивающее средство (*хамр*) и

¹ Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в исламе. М., 2004. С. 10-45.

использование алкоголя даже в лечебных целях.

Религиозные запреты в исламе направлены на физическое и духовное оздоровление личности и общества. Они касаются тех слов и поступков, которые пагубны и могут навредить людям, и в Коране по этому поводу сказано: «Он запрещает мерзости, предосудительные деяния и бесчинства»¹.

Мерзостью здесь названы грехи, которые человек совершает, уступая природному влечению и соблазну. Прелюбодеяние — один из таких грехов. Ислам запрещает половую близость между людьми, не состоящими в законном браке, поскольку этот грех унижает человеческое достоинство, влечет за собой неверное установление родства, разрушает основы нравственности, приводит к потере стыда и распущенности, способствует распространению венерических заболеваний и т.д. Коран гласит: «Не приближайтесь к прелюбодеянию, ибо оно является мерзостью и скверным путем»².

Не менее опасными считаются грехи, которые человек совершает из корыстных побуждений. Пророк Мухаммад сказал: «Сторонитесь семи пагубных грехов». Его спросили: «Что это за грехи?» Он ответил: «Приобщение сотоварищей к Аллаху, колдовство, убийство человека, которого Аллах запретил убивать иначе как по праву, пожирание лихвы, пожирание имущества сироты, бегство с поля боя и обвинение в прелюбодеянии целомудренных верующих женщин, которые даже не помышляют о таком»³.

Ислам запрещает убийство невинных людей, самоубийство. В одном из хадисов говорится: «Кто убьет себя железным оружием, тот вечно пребудет в адском огне с куском железа в руках, протыкая им свой живот. Кто выпьет яд и отравит себя, тот вечно пребудет в адском огне, выпивая яд глотками. А кто убьет себя, бросившись со скалы, тот вечно пребудет в адском огне, бросаясь

¹ Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 16:10.

² Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 17:12.

³ Цит. по: Исламоведение : Пособие для преподавателя. М., Изд-во Моск. исламского ун-та, 2008. С. 269.

вниз со скалы»¹.

Особое внимание в исламе уделяется законности заработка. Считается, что душа человека оскверняется, когда он вкушает то, что приобретено нечестным путем. Пророк сказал: «Любое тело, которое возвращено на том, что заработано незаконным путем, более всего заслуживает оказаться в аду». Поэтому праведный верующий старается избегать ростовщичества и мошенничества, не обманывать в торговле и не присваивать чужого имущества, даже если нашел его лежащим на дороге. Согласно шариату, если найденная вещь представляет собой ценность, то нашедшему ее полагается в течение целого года искать хозяина, и только после этого, если хозяин не найдется, он может оставить ее себе. К запрещенным поступкам относится **взяточничество**, причем тяжесть этого греха в равной степени ложится на того, кто берет взятку, и на того, кто пытается таким путем получить то, на что не имеет права. В хадисе говорится: «Тот, кто дает взятку, и тот, кто берет ее, попадут в ад».

Верующий, придерживающийся законов Аллаха, оберегает от греха не только душу, но и каждый орган своего тела. Он старается не смотреть на то, что не угодно богу, и не слушает скверные речи и праздные беседы. Он берет только то, на что имеет право. Он ест и пьет лишь то, что дозволено, и блюдет целомудрие, воздерживаясь от соблазнов.

Для исламской культуры характерен высокий экологизм: люди Земли обязаны проявлять заботу об окружающей среде, о благосостоянии всей планеты. Мусульмане должны всесторонне заботиться о своей земле, не наносить ей ущерба, не загрязнять ее, не разрушать и не расточать понапрасну ее богатства, должны стремиться к рачительному использованию природных ресурсов и ратовать за сохранение чистоты окружающей среды. Мусульманам запрещено проявлять жестокость, пренебрежение к животным, обитающим рядом с ними,

¹ Там же. С. 270.

охотиться ради забавы и развлечений¹.

В целом же истинная значимость исламской этики прекрасно может быть выражена в следующих словах: «Не равны доброе и злое. Отклоняй же тем, что лучше, и вот — тот, с которым у тебя вражда, точно он горячий друг»².

Ислам выдвигает критерий определения зла и добра, является источником морали, содержит в себе необходимые меры воздействия на людей. В этом плане ислам выбирает путь, отличный от путей других этических систем в мире. С помощью тех же самых факторов ислам упорядочивает известные этические принципы на основе своих собственных норм, устанавливая их во всех сферах жизни. Основная задача исламской этики направлена на создание личности, обладающей высокими морально-волевыми качествами. Цель ислама состоит в сознательном продвижении определенно положительных качеств и умышленном подавлении отрицательных. В поддержании и укреплении нравственных устоев общества мусульмане видят одно из важнейших предназначений религии. В одном из хадисов Пророка Мухаммада говорится: «Я был послан для того, чтобы довести до совершенства нравы»³.

Благонравие и порядочность считаются в исламе одними из самых достойных качеств. Считается, что человек с превосходным нравом достигает степени тех, кто усердно молится по ночам и постится днем. Однажды сподвижники спросили Пророка Мухаммада: «Что более всего помогает людям попасть в рай?». Он ответил: «Богобоязненность и благонравие». В другом хадисе говорится: «Нет ничего, что в День Воскресения окажется на Весах верующего весомее благонравия. Воистину, Аллах ненавидит грубых и бесстыдных людей»⁴.

¹ Максуд Р. Ислам. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. С. 156-242.

² Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 41:34.

³ Цит. по: Исламоведение : Пособие для преподавателя. М., Изд-во Моск. исламского ун-та, 2008. С. 256.

⁴ Там же.

Ислам не просто связал мораль и нравственность с религиозными убеждениями и поступками, но сделал благонравие важным требованием веры и ее критерием. Пророк говорил: «Самой совершенной верой обладает тот, кто имеет самую высокую нравственность, а самый лучший из вас — тот, кто лучше других относится к своей жене»¹.

Мораль арабо-мусульманской культуры своеобразна: она элементарна и доступна для верующих. В ней нет абстрактных, невыполнимых указаний, как в других этических системах. Благодаря убежденной вере в Аллаха и Судный день, ислам формирует в душе человека движущую силу, устрашающую человека и одновременно понуждающую его к добровольному труду в соответствии с моральным кодексом. Ислам своей пропагандистской деятельностью не формирует и не создает какую-то неизвестную мораль и этикет. Ислам пытается принизить одни хорошие моральные качества человека и возвысить другие, приспособливает каждый принцип морали к человеческой жизни, указывает ему подобающее место и максимально расширяет сферу его применения в жизни людей. Ни одна из сторон жизни и ее аспектов, будь то действия отдельной личности, быт, общественные отношения, политика, экономика, рынок, школа, суд, полиция, лагерь, военные действия, мирные переговоры и т.д., не должна оставаться неохваченной исламской моралью. Ислам делает мораль господствующей и определяющей во всех сферах культуры. Цель этого заключается в том, чтобы человеческой культурой управляли не страсти или амбиции, эгоизм или личные интересы, а возвышенная и чистая мораль в сочетании с добропорядочностью.

Моральная система ислама особенно убедительно показывает силу и важность нравственного момента в религии, ибо в исламе именно духовно-нравственный фактор обеспечивает его статичность и динамизм развития. На первый взгляд может показаться, что какой-то строгой моральной доктрины в

¹ Там же.

исламе и нет. В отличие от буддизма, в исламе нет священной книги по нравственности, нет и нравственного богословия или моральных заповедей, как в иудаизме и христианстве.

Тем не менее, моральная система в исламе, как и в других религиях, существует и занимает в нем достойное и очень важное место. Моральные требования к верующему в исламе объединены с требованиями веры и правовыми нормами. Они как бы разлиты по всем вероучительным источникам, прежде всего в Коране и вплетены в повседневную жизнь и быт верующих.

Критерием нравственности является непоколебимая вера в Аллаха. Во имя верности и послушания воле Аллаха человек должен быть готов пойти на любые жертвы, в том числе и на самопожертвование. Это и есть высший нравственный долг мусульманина, моральный закон его жизни.

Коран фактически отождествляет духовность с моралью, не допускает рассмотрения морального вне духовного, поскольку все духовное и праведное (истинное, доброе, нравственное) в конечном итоге концентрируется в Аллахе, а все неправедное — в человеке.

Ислам видит идеал человеческого совершенства в Пророке Мухаммаде. Коран подчеркивает полноту его духовного мира и нравственных качеств, и поэтому каждому мусульманину предписано следовать его примеру: «В Посланнике Аллаха был прекрасный пример для вас, для тех, кто надеется на Аллаха и последний день и премного поминает Аллаха»¹. Мусульмане считают, что именно за высокие нравственные достоинства, великий ум и духовную одаренность Аллах сделал Мухаммеда своим пророком.

В своих проповедях он призывал к соблюдению справедливости при разрешении споров и конфликтов, вынесении судебных решений и даче свидетельских показаний: «О те, которые уверовали! Свидетельствуя перед Аллахом, отстаивайте справедливость, если даже свидетельство будет против вас

¹ Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 33:11.

самих, или против родителей, или против близких родственников»¹.

Сунна — второй после Корана источник исламской морали, отмечает те высокие нравственные качества, которые характеризовали Мухаммеда с юности и до конца жизни. Он был трудолюбив, скромн, честен, надежен в любом деле, предан в дружбе. Он всегда был готов придти на помощь другому человеку и поделиться с ним последним. Он не пил, не курил, не уличался в прелюбодеяниях, был примерным мужем и отцом. Перед смертью он роздал все свое имущество бедным, а своих рабов отпустил на волю. Поэтому авторитет Пророка в глазах мусульман непререкаем и можно утверждать, что крепость моральных устоев ислама держится в значительной мере именно на нравственном примере Мухаммеда.

Более или менее концентрированное выражение моральных требований ислама получили выражение в шариате. В ней определены основные нормы взаимоотношений человека в семье и обществе. Они служат неким гарантом одинаковости поведения верующих в той или иной жизненной ситуации, дисциплинируют их. Закон шариата суров, наказания за безнравственность строги и бескомпромиссны.

В отличие от морали других мировых религий, моральная система ислама обращена, прежде всего, на практическую сторону, моральную практику, поэтому ее с полным правом можно назвать моралью нормы, которая при определенных условиях легко превращается в формализм. Но если этих условий нет, то простота и понятность нравственных требований (норм), их заземленность, вплетенность в повседневную жизнь и быт верующих дает положительные результаты, порождает веру в их силу и жизненность. Эта вера и сознание нравственных норм ислама надежно охраняют мусульманина от влияния на него иных моральных систем, аморализма современной западной цивилизации и укрепляют их религиозное единство.

¹ Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990. 4:135.

Моральные заповеди ислама дают общую, идеализированную формулировку принципов поведения, расширяющую, переосмысляющую, а подчас и отменяющую в каком-то отношении те нормы, которые были приняты на предыдущем уровне социальной организации. Универсальные этические предписания получают высшую духовную санкцию, наделяются непререкаемой силой для верующего, потому что изложены в Коране, Сунне, шариате, введены в ткань культовых действий.

2.5. Основные просвещенческие идеологии в современном обществе

Основной формой, в которой протекала духовная борьба в Европе в эпоху Просвещения, когда там зарождалась впервые новая, чисто светская (секулярная) морально-нравственная доктрина, была конфронтация между **наукой** и **религией**. Рассмотрим вначале кратко историю и развитие этого конфликта в западном сознании.

2.5.1. Развитие конфликта между наукой и религией в западном сознании

После превращения христианства в официальную, государственную морально-нравственную доктрину, благодаря признанию ее в этом качестве императором Константином Великим (285-337), христианские духовные лидеры повели планомерное наступление на античную культуру. В числе прочего была подвергнута почти полному отрицанию и забвению также и **античная наука**. Не только античные верования и нравственные нормы были преданы осуждению и искоренению, но и достижения чисто **теоретического** греко-римского сознания.

В правление Феодосия Великого (346-395), получившего этот титул как раз за суровость в отношении язычников и их культуры (а также и в отношении еретиков-ариан), христианами была разгромлена знаменитая Александрийская

библиотека, вокруг которой долгие годы процветала знаменитая школа античных ученых. Погромщики уничтожили остатки сохранившихся там древних рукописей (многие из которых были ими стерты, а поверх них на пергаменте они писали собственные сочинения). В государстве были осуждены математика и астрономия (последнюю не отличали тогда от астрологии). Закон против математиков (изданный еще в 370 г.) гласил, что: «Если кто-либо днем или ночью будет задержан в момент занятий (в частном порядке или в школе) этой запрещенной ложной дисциплиной, то оба [учитель и ученик] должны быть преданы смертной казни. Ибо изучение запрещенного предмета есть такое же преступление, как и его преподавание»¹. Феодосий отменил также и традицию проведения Олимпийских игр (последние игры состоялись в 393). Однако прославленную афинскую философскую школу он не тронул; она продолжала существовать еще до 529 года, когда ее закрыл император Юстиниан (482-565), запретивший окончательно вообще всякую языческую философию. При этом, только в Константинополе при нем процветало около 100 монастырей. С этих пор Афины окончательно утратили свое бывшее значение культурной столицы и превратились в глухой провинциальный город. Слово эллин постепенно делается синонимом язычника, слово грек становится выражением оскорбительным или презрительным.

Средневековое европейское монашество в отношении греческой философии проявляло уже глубочайшее невежество. Один благочестивый монах того времени писал, например, так: «Каин был человек злой, сие известно; следовательно, исповедовал и учил Епикуреизму; но кого, когда и как, сего никто сказать не в состоянии»¹. Однако и самые выдающиеся умы того времени проявляли не меньшее пренебрежение к «эллинской мудрости». До какой степени христианские богословы утратили в конце концов понимание ценности науки и

¹ Васильев А.А. История Византийской империи: Время до Крестовых походов (до 1081 г.). СПб., 1998.

теоретического мышления вообще, можно видеть из следующего красноречивого поучения одного из самых выдающихся умов византийского средневековья, Григория Паламы (1296-1359). «Надо больше всего заботиться о том, — писал он, — чтобы оставить грех, на деле исполнять закон заповедей, держаться всех добродетелей и через молитву и истинное созерцание восходить к Богу. Потому что хоть изучи естественную философию от Адама до самого конца, без чистоты ты будешь с не меньшим, а то и с большим успехом глупцом, чем мудрецом; наоборот, даже без философии, очистившись и избавив душу от дурных нравов и учений, ты приобретешь победившую мир Божию мудрость и в веселии навеки приобщись к Единому Премудрому Богу (Рим. 1, 26-27). Пусть твоими учениями будут учения веры, а не знания о величине и движении неба и небесных тел и обо всем, что от них происходит, не знания о земле, спрятанных в ней металлах и самоцветах и о том, что случается в воздухе от сугубого испарения. Отдавать все силы и старания познанию подобных вещей есть эллинская ересь; недаром все стойки считают целью созерцания науку. ...

Почему Сущий прежде всех век, Явившийся после Иоанна и ради того Пришедший в мир, чтобы свидетельствовать об истине, обновить Божественный образ в человеке и возвести его к небесному прообразу, почему Он не показал путь восхождения через приемы и методы внешней философии? Почему Он не сказал: «Если хочешь быть совершен, займись внешней философией, старайся об изучении наук, накопи в себе знание сущего», а сказал: «Имение продай, раздай нищим, возьми крест, решишь следовать за Мной»? Почему это Он не разъяснил нам аналогии, фигуры, количества, непостоянные отстояния и схождения планет и не разрешил загадок природы, чтобы изгнать из наших душ мрак незнания всего этого? Что же Он и в ученики-то призвал рыбаков, неграмотных, простых поселян, а не мудрецов, да еще и для того, «чтобы посрамить внешних мудрецов», как говорит Павел? Зачем это Он посрамляет тех,

¹ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С. 92.

кто, если иных послушать, идет к Нему? Почему Он даже «их мудрость превратил в безумие»? Из-за чего «безумством проповеди соблаговолил спасти верующих»? Не из-за того ли, что «своей мудростью мир не познал Бога»? Так почему ученые, о которых ты рассказываешь, когда Слово Бога уже приходило во плоти, сделавшись для нас «премудростью от Бога», когда возшел Свет, «просвещающий всякого человека, приходящего в мир», когда, согласно главе апостолов, «воссиял день и возшла утренняя звезда в наших сердцах» (2 Пет. 1, 19), сердцах верующих, — почему они и сами еще нуждаются в рукотворном свете, науке внешних философов, которая вела бы их к богопознанию, и других, решившихся в молчании через овладение помыслами очищать самих себя и через непрестанное моление прилепляться к Богу, склоняют к тому, чтобы состариться напрасно, сидя перед чадным светильником? <...>

Но лукавый, вечно стремясь лукаво отвлечь нас от добра, тклет чары для наших душ и почти нерасторжимо связывает их путами, желанными для глупцов, внушает видеть в этом знании великую глубину и обширность, как иным кажется богатство или бесславную славу и плотские наслаждения, чтобы, потратив всю жизнь в погоне за ними, мы не смогли крепко прилепиться к очищающей душу науке, начало которой — страх Божий, рождающий непрестанную умиленную молитву к Богу и соблюдение евангельских заповедей, вслед за чем приходит примирение с Богом, когда страх преобразуется в любовь и мучительность молитвы, превратившись в сладость, возвращает цветок просвещения, от которого, словно благоухание, разливающееся на несущего этот цветок, приходит познание Божиих тайн. Вот истинные наука и познание; и даже начала его, то есть страха Божия, не может вместить никто из страстных любителей суетной философии, опутанных и закруженных ее кружениями и умозрениями. Потому что, как страх Божий сможет вообще войти в душу, а войдя пребывать в ней, раз она заранее уже занята, околдована и как бы сужена всевозможными и многообразными рассуждениями, если только, распрощавшись с ними всеми,

она не посвятит себя Богу и не наполнится любовью к Нему по заповеди? Недаром начало Божией мудрости и созерцания есть страх Божий: не уживаясь с иными богами, избавив от всякой скверны и как бы разгладив ее молитвою, он делает ее, словно дощечку для письма, пригодной для запечатления дарования Духа. <...>

Вот и теперь, как говоришь, есть люди, с невероятным бесстыдством объявляющие, что заниматься всю жизнь эллинской наукой вовсе не помеха для совершенства жизни, и не слышанию обращенных прямо к ним слов Господа: «Лицемеры! Замечать небесные знамения вы умеете, а время Царства Божия почему не замечаете?» <...> И неужели знание, найденное внешней мудростью, изгонит все зло, порожденное в душе якобы незнанием, когда этого не может простое знание даже евангельских наставлений? Ведь Павел предупреждает, что «спасутся не знатоки закона, а исполнители его»; знающий же волю Бога и не исполняющий ее «бит будет много», говорит Господь, притом больше, чем не знающий ее (Рим. 2, 13; Лк. 12, 47-48). Видишь, что нет никакой пользы от простого знания?»¹.

Таким образом, в официальном сознании нравственность резко противопоставлялась науке, которая признавалась, в лучшем случае бесполезной (если не вредной). В 1351 году философия Григория Паламы была принята в качестве официальной религиозно-философской доктрины Восточной христианской церкви. В западной же католической церкви официальной доктриной было провозглашено учение Фомы Аквинского (1225-1274) — величайшего поклонника Аристотеля, чью философию Фома сумел аккуратно и искусно вписать в католическую религиозную доктрину. Но в целом и католическая церковь к теоретическим достижениям античности относилась отрицательно.

¹ Палама Г. Триады в защиту священо-безмолвствующих // История средневековой философии. Хрестоматия. В 2-х ч. Ч. 1. Патристика. Мн. 2002. С. 458.

Отвергнутую в Средние века христианами античную культуру с энтузиазмом подхватили **арабы**. Первые **университеты** были созданы арабами уже в VIII-IX вв.: в Кордове (755), в Багдаде (795), в Каире (972). А Караунский университет (859) в г. Фесе (Марокко) — самый древний из ныне действующих. В IX в. возникает «Дом мудрости» в Багдаде; в нач. XI в. — «Академии Мамуна» в Хорезме; в нач. XI в. — «Дом знания» в Каире.

На Западе же в IX веке епископ Кордовы Альваро жаловался в одной из своих проповедей: «Многие из моих единоверцев читают стихи и волшебные сказки арабов, изучают сочинения исламских философов и теологов не для того, чтобы опровергать их, однако для того, чтобы научиться самим выражаться по-арабски правильнее и элегантнее. Кто из них изучает Евангелия, Пророков и Апостолов? Увы! Все способные молодые христиане знают только язык и литературу арабов, читают и с усердием изучают арабские книги ... Если кто-либо заговаривает о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают какого-либо внимания. Горе! Христиане забыли свой собственный язык и едва ли можно найти одного на тысячу, кто был бы способен написать другу приличное поздравительное письмо по-латински. Однако неисчислимо множество тех, кто выражается весьма элегантно по-арабски и сочиняет стихи с большей красотой и изяществом, чем сами арабы»¹.

Арабская исламская культура, таким образом, превосходила в этот период культуру христианскую, западноевропейскую. «Если мы заглянем в эпоху так называемого «высокого средневековья» (в XI-XII века), — пишет Э.Ю. Соловьев, — то к удивлению своему обнаружим, что арабо-мусульманская культура стран Ближнего Востока гораздо более подобна (аналогична) новоевропейской цивилизации, нежели тогдашняя культура самой Западной Европы. Ближний Восток опережает последнюю по уровню развития торговли и реме-

¹ Васильев А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.). СПб., 1998.

сел, по масштабу торговых центров, по технике политического управления, по правопониманию (шариат содержит в себе, например, идею примата права над государством с его силовой законностью), по зрелости науки (особенно математики, химии и медицины), по интенсивности философского рационализма и степени освоения античного (прежде всего аристотелевского) философского наследия. Даже по критерию мистико-пантеистического философствования ближневосточная религиозность (суфии) идет впереди западного христианства. Не случайно поэтому в XIII веке наблюдается цивилизующее воздействие арабо-мусульманского мира на католическую Западную Европу (через Марокко и Испанию). Не случайно новый интерес к античности (который позже будет выдан за исключительную примету Возрождения) пробуждается благодаря Ибн-Рушду (Аверроэсу) и Ибн-Араби, а высокие (не имеющие языческого прообраза) формы европейской богословской мистики ищут авторитетной поддержки у «восточной мудрости». Феодальная средневековая Западная Европа — всего лишь традиционное общество, принципиально не отличающееся от славянского мира, каким он был до ордынского нашествия, и отсталое по сравнению с арабо-мусульманским социокультурным порядком»¹.

В конце XI века (1096 г.) католическая церковь организует первый Крестовый поход на Восток с целью освобождения Иерусалима от захвативших его в 1078 г. турок. К 1099 году эта цель была достигнута. Попутно крестоносцы захватили и разграбили еще несколько богатейших ближневосточных городов, наглядно убедившись при этом в своей глубокой отсталости во всех отношениях и от мусульманского мира.

Видимо, под влиянием этого сознания постепенно наука начинает возрождаться и в Западной Европе, хотя и в роли схоластической «служанки богословия». Появление первых университетов в Европе (кроме университета в

¹ Соловьев Э.Ю. Основные паттерны новоевропейской цивилизации: «трудоголик», «про-

Парме, 1065) относится к XII-XIII векам: Болонья (1119), Кембридж (1209), Оксфорд (1214), Париж (1215), Неаполь (1224). В XIII в. число учащихся в Болонском университете (где учили в основном римскому праву) доходило уже до 10 тыс. В 1204 году, во время четвертого Крестового похода западные рыцари вместе с венецианцами захватили, наконец, и разграбили и сам Константинополь, вывезя оттуда несметные материальные, культурные, научно-технические и церковные ценности. Однако даже и в 1500 г. в Европе было всего только 65 университетов, монастырей же на два порядка больше. При этом вплоть до конца XVI века во многих университетах всем докторам (кроме медиков) приходилось давать **обет безбрачия**, так как обладание знанием считалось сходным с принадлежностью к духовному сословию.

Однако к XVI веку развитие окрепшей европейской философской мысли приводит к **обострению конфликта** между учеными и богословами. Под влиянием идей Ф. Бэкона (1561-1626) и Г. Галилея (1564-1642) европейская наука находит **новую форму** своего развития — **экспериментальное математизированное естествознание**. Обычно эту новую эру начинают с Н. Коперника (1473-1543), чья теория о центральном положении Солнца, а не Земли, вступила в противоречие со Священным Писанием, считавшимся в то время не только нравственной, но и теоретической основой мировоззрения. Однако, теория Коперника сама по себе была воспринята церковью достаточно спокойно. Его книга была запрещена только через 73 года после публикации — в 1616 году (запрет снят в 1828). Однако этот запрет совпал со временем, когда, благодаря открытиям Кеплера, теория Коперника оказалась впервые достаточно убедительно **подтвержденной**. Тем самым, церковь вступила в противоречие со всем ходом и направлением развития **новой науки**, оказавшейся **на подъеме** и выдававшей одно крупное достижение за другим (Галилей, Гюйгенс, Декарт, Ньютон и т.д.).

Поэтому писатели эпохи Просвещения имели уже достаточно оснований видеть в церкви не только **нравственно дискредитировавший** себя институт (каким его признала уже Реформация), но и институт **реакционный**, тормозящий духовное развитие в целом. Наибольшую роль в создании и распространении секулярной идеологии Просвещения сыграла философия **французских материалистов** — Ламетри (1709-1751), Гельвеция (1715-1771), Вольтера (1694-1778), Дидро (1713-1784), Гольбаха (1723-1789), Кондорсе (1743-1794) и их последователей, готовивших духовно величайшую европейскую революцию конца XVIII века.

К этому времени первый удар официальной доктрине средневекового общества **в политической сфере** был нанесен английским философом, основателем доктрины либерализма Дж. Локком (1632-1704), раскритиковавшим теорию божественного или патриархального происхождения монархической власти и предложившим ей новую основу — **общественный договор и выборную легитимацию** верховной власти вообще. А для защиты общества от избираемой им же власти Дж. Локк предложил и специальную систему **разделения властей** с преобладающим положением в ней не исполнительной (монархической), а представительной (законодательной) власти¹. Эта теория была усовершенствована затем французским писателем Ш. Монтескье² (1689-1755) и доведена до революционного накала в сочинениях Ж.-Ж. Руссо³ (1712-1778). Ознакомленный в Англии с идеями Локка Вольтер (1694-1778), принявший на вооружение философскую теорию **деизма**, развернул, по возвращении во Францию, настоящую войну против католической церкви (под лозунгом «Раздавите гадину!») и против авторитета Священного писания в целом. «Христи-

¹ См. Локк Дж. Два трактата о правлении ... // Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М., 1988.

² См. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.

³ См. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты М., 1998.

анство и разум не могут существовать одновременно», — доказывал он. При этом почти все монархи Европы с сочувствием воспринимали его проповеди.

К середине XVIII века, таким образом, западноевропейское общество уже полностью созрело и для тотальной **социально-политической революции**, полностью заменяющей все старые общественные основы совершенно новыми, выработанными за предыдущее столетие. Наиболее дальновидные и чуткие люди той эпохи констатировали это со всей определенностью. «18 августа 1770 г., — пишет Ю.И. Семенов, — парижский парламент (верховный суд — *авт.*) после обвинительной речи генерального адвоката Сегье приговорил к сожжению книги Гольбаха «Система природы», «Священная зараза», «Разоблаченное христианство», а также ряд других произведений гольбаховского кружка. Вот что сказал при этом Сегье: «Философы сделались наставниками рода человеческого. Свобода мыслить — вот их лозунг, и этот лозунг слышится с одного края мира до другого. Одной рукой они стремятся пошатнуть престол, а другой — хотят опрокинуть алтарь. Цель их — дать иное направление умов относительно гражданских и религиозных учреждений, таким образом, ими как бы совершена революция¹. Государства почувствовали, что их старые основы колеблются, а народы, пораженные уничтожением их принципов, спрашивают себя: каким роком они приведены к такому необычайному положению?.. Красноречие, поэзия, история, романы, даже словари все было заражено. Едва эти сочинения появляются в столице, как с силой потока они распространяются по всем провинциям. Зараза проникла в мастерские и даже хижины!.. Этот дух мятежа ныне распространился повсюду. Он не успокоится теперь, пока законодательная и исполнительная власть не перейдет в руки народа, пока он не уничтожит необходимого неравенства сословий и состояний, пока величие королей не будет повержено в прах, а их власть не подчинится капризам слепой

¹ Ср. высказывание В.И. Ленина: «Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 9. С. 159).

толпы». Королевский прокурор, — замечает Ю.И. Семенов, — оказался провидцем. Ровно через 19 лет разразилась Великая Французская революция»¹.

Великая французская революция однако освободила в духовном отношении большинство французов не только от религиозной цели их жизни, но и от католической **альтруистической солидарности** между верующими, заменив ее полным материалистическим **индивидуализмом**. Эта новая ценностно-нормативная парадигма была закреплена, с одной стороны, в новой Конституции Франции (1789), включившей в себя знаменитую **Декларацию прав человека** (индивидуалиста-собственника), а с другой стороны, — в знаменитом **Гражданском Кодексе** Наполеона (1804), также исходившем из суверенитета индивида. Этот Кодекс поразил воображение современников-европейцев не меньше, чем «Декларация прав человека и гражданина» 1789 года. «Все те, — пишет французский социолог Ж. Карбонье, — кто издалека следил за положением дел во Франции, — эмигранты, иностранцы — даже не подозревали, какие прочные позиции завоевали за десять лет эти революционные новшества. То, что уже стало политической реальностью, они считали всего лишь философской доктриной. Гражданский Кодекс клеймили как олицетворение индивидуализма. Борьба с индивидуализмом требовала восстановления и прославления таких «коллективных ценностей», как страна, церковь, семья — особенно семья»².

Однако эта новая западная морально-правовая парадигма ставила в центр своих понятий именно **материалистического индивида**, а не страну, государство, церковь и даже не семью. Отдельный индивид со своими материальными потребностями и страстями и права этого автономного индивида, защищаемые от государства, церкви и даже от семьи — вот в чем видели суть нового обще-

¹ Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 281-282.

² Карбонье Ж. Юридическая социология: Пер. с франц. / Пер. и вступ. ст. В.А. Туманова. М. 1986. С. 89.

ства те, кто разрушил во имя этих новых ценностей общество старое, средневековое, христианское. После этого у просвещенного нового западного человека могла остаться лишь одна жизненная цель — **материалистическая**, сводящаяся к достижению материального успеха (богатства, почестей и власти) в этом, посястороннем мире. Законченный новый западный человек — индивидуалист, эгоист и материалист.

Окончательное утверждение идеала такого человека в западном обществе происходит после распространения **социал-дарвинистских** учений Т. Мальтуса (1766-1834), Г. Спенсера (1820-1903) и Ч. Дарвина (1809-1882), в которых содержалось не только доказательство естественного происхождения человека от его обезьяноподобных предков, но и распространение на человеческое общество биологических законов конкурентной борьбы за жизнь и процветания наиболее приспособленных. Эти теории хорошо соответствовали протестантскому учению о **богоизбранности** отдельных индивидов, и поэтому они получили наибольшее признание именно в протестантских странах, и особенно в США, где учение Г. Спенсера и социал-дарвинизм вообще нашли наиболее благодатную духовную почву. Не случайно, классическую форму социал-дарвинизму придал один из основателей американской социологии У. Самнер (1840-1910).

Таким образом, если Реформация дискредитировала альтруистическую солидарность как **средство спасения** в христианской ценностно-нормативной парадигме, то материалистические учения эпохи Просвещения и социал-дарвинистские концепции Нового Времени дискредитировали и саму идеалистическую и трансцендентную **цель жизни** христианина — спасение души и вечную жизнь за гробом. Новая ценностно-нормативная парадигма западного общества предлагала теперь своим членам чисто **материалистическую цель** жизни — улучшение своего положения в этом мире, и универсальным **средством** к достижению этой цели предлагала **тотальную конкуренцию** индиви-

дов в борьбе за материальные блага. В этом и состоит суть духовной культуры классического рыночного, капиталистического общества. С особой последовательностью все эти новые идеи воплотились в философско-политической доктрине либерализма.

2.5.2. Либерализм

Основным лозунгом французских революционеров конца XVIII — начала XIX века была, как известно, знаменитая триада: «Свобода. Равенство. Братство». Под «свободой» при этом понимались в основном **свобода мысли, слова и совести**, которые ограничивались в Средние века католическая церковь, а также и **свобода коммерческой деятельности**, которой препятствовала в тот период цеховая организация ремесел, феодальные таможенные границы, возведенные дворянами вокруг своих имений, и жесткая регламентация бизнеса в целом, осуществлявшаяся королевским двором и министрами.

Под «равенством» революционерами понималось в основном **устранение сословных политических привилегий**, которыми обладали во Франции дворяне и священники. По мнению одного из главных идеологов этой революции, аббата Э.Ж. Сиейса (1748-1836), третье сословие (непривилегированные классы) перед революцией уже выполняло «девятнадцать двадцатых» всей общественно полезной этой деятельности. «Одни только доходные и почетные места, — восклицал Сийес, — заняты членами привилегированного сословия. Должны ли мы ставить им это в заслугу? Разве третье сословие отказывается от этих мест или неспособно занимать их? Ответ ясен сам собою; однако властвующая партия осмелилась наложить запрет на эти должности для третьего сословия. Ему заявили: «каковы бы ни были твои заслуги и таланты, ты дойдешь только вот до этого пункта; за него не перешагнешь. Почетные должности существуют не для тебя». Редкие исключения из этого правила, если их понять

как следует, служат только насмешкой; а выражения, которыми позволяют себе объяснять подобные исключительные случаи, прямо оскорбительны»¹.

Итак, **равенство** — это равное право на занятие «доходных и почетных должностей» в государстве. Впоследствии это понятие распространится также и на **право голосовать** за претендентов на занятие таких мест.

Наконец, под «**братством**» понималось нечто неопределенное. Считалось, по-видимому, что с установлением свободы и равенства братство автоматически станет **естественным отношением** между всеми свободными и равными людьми. Однако, как мы знаем, из истории этой революции попытки установить свободу и равенство во Франции привели к разгулу самых низменных и свирепых страстей, к террору, анархии, диктатуре и к последующим длительными революционными войнам по всей Европе. «Слова «Республика», «Свобода», «Равенство», «Братство», — вспоминал Талейран, — были написаны на всех стенах, но того, что соответствовало этим понятиям, нельзя было найти нигде»².

Тем не менее, Великая Французская революция (1789-1815) насильственным путем достигла заявленных целей. Она показала для западноевропейского обывателя возможность и успешность общества, построенного на совершенно новых началах. Вместо Священного писания и корпорации священников она поставила «Декларацию прав человека и гражданина» и отделение церкви от государства; вместо средневековой схоластической учености — культ свободного Разума и Академию наук; вместо Монарха, помазанника Божьего, — Парламент, избираемый всеобщими, прямыми и тайными выборами и правящий согласно установленной Конституции; а вместо Дворянства с его врожденными привилегиями и наследственными поместьями — уничтожение всех привиле-

¹ Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / Состав., пер., вступ. ст. М.Б. Певзнера. СПб., 2003.

² Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М., 1959. С. 133.

гий, уравнение в политических и экономических правах представителей всех сословий и свободную конкуренцию всех талантов.

При этом она опиралась в своих преобразованиях на социально-политические идеи Дж. Локка, Ш. Монтескье, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, считающихся основателями морально-политической доктрины **либерализма**. Однако государственный и социальный опыт, проделанный этой революцией, потребовал внесения в предреволюционные идеи и новых, уточняющих и развивающих их положений. Наиболее значительным идеологом либерализма постреволюционного периода во Франции и Европе в целом был Бенжамен Констан (1767-1830). Именно он конкретизировал либеральный идеал свободы, определив его как **свободу отдельной личности от вмешательства в ее частную жизнь общества и государства**.

Констан заострил либерализм до тотального **индивидуализма**. Локковское разделение властей он признал для свободы личности недостаточным и призвал к ограничению суверенитета государства не только суверенитетом народа (гражданского общества), но и суверенитетом отдельной личности, поставив последнюю выше и самого государства и общества в целом. По существу, Б. Констан провозгласил **суверенитет личности** перед государством и обществом вообще. «До тех пор, пока суверенитет (народа — *авт.*) не ограничен, — писал он, — нет никакого средства дать индивидам защиту от правления. ... Никакая политическая организация не способна устранить эту опасность. Напрасно будете вы разделять власти: если общая сумма власти не ограничена, разделенным властям остается лишь создать коалицию — и деспотизм будет неизлечим. Для нас важно не то, чтобы наши права не могли быть нарушены какой-либо властью без одобрения другой, но чтобы такое нарушение было запрещено для любой из властей. Нам недостаточно, чтобы исполнители испрашивали дозволения законодателя, нам нужно, чтобы законодатель мог разрешить им совершить действие лишь в законной для них сфере. Нам мало,

если исполнительная власть не имеет права действовать без опоры на закон, если мы не установим границ этой опоры, если не провозгласим, что она относится к тем вещам, в отношении которых законодатель не имеет права издавать закон, либо, другими словами, что суверенитет ограничен и что существуют волеизъявления, которые ни народ, ни его представители не имеют права иметь.

Вот что следует декларировать, — указывал далее Б. Констан, — это — важнейшая истина, вечный принцип, который необходимо установить. Никакая власть на земле не является безграничной — ни власть народа, ни власть людей, называющих себя его представителями, ни власть королей, под каким бы именем они ни правили, ни власть закона, который, в зависимости от формы правления являясь лишь выражением воли народа или государя, должен быть вписан в те же границы, что и власть, из которой он проистекает. Граждане обладают индивидуальными правами, не зависящими от любой социальной или политической власти, и всякая власть, нарушающая эти права, становится незаконной. Правами граждан являются индивидуальная свобода, религиозная свобода, свобода мнения, в которую включена и гласность, пользование собственностью, гарантии против любого произвола. Никакая власть не может посягнуть на эти права, не нарушив при этом своих собственных оснований»¹.

Таким образом, Б. Констан переместил центр тяжести либеральной доктрины с вопроса о способе формирования верховной власти в государстве и ее устройстве к вопросу о способе ее **пользования** своими правами, признав необходимость ограничить последние правами отдельной личности, свободного индивида. Права последнего он провозгласил **наивысшими**, подчиняющимися себе и права государства, и права общества в целом (его большинства). «Под свободой, — писал он, — я разумею торжество личности над властью,

¹ Констан Б. Принципы политики // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 32-33.

желающей управлять посредством насилия, и над массами, предъявляющими со стороны большинства право на подчинение себе меньшинства»¹.

Опираясь на рыночную теорию организации общества, развитую А. Смитом (1723-1790), Б. Констан отстаивал также и принцип свободы предпринимательства и невмешательства государства в свободную игру рыночных сил. Любое вмешательство правительства в действия рынка, по его мнению, либо неэффективно, либо бесполезно, либо порождает коррупцию и несправедливое распределение налогов, собираемых со всего общества². При этом Констан возражал и против законодательной регламентации заработной платы рабочих, называя такую регламентацию возмутительным насилием, бесполезным к тому же, ибо конкуренция все равно низводит цены труда на самый низкий уровень: «К чему же все эти регламентации, когда сама природа вещей создает закон, свободный от притеснения и насилия?», — вопрошал он³. В разряд законов природы тем самым возводилась **минимальная заработная плата** для основной массы населения.

Теория Б. Констана долгое время была общепризнанной доктриной либеральных политиков Франции и ряда других европейских стран. По существу, она граничила с **анархизмом**, и может считаться одним из теоретических источников последнего.

Другой выдающийся идеолог либерализма той эпохи, англичанин И. Бентам (1748-1832), приходя на практике к тем же выводам, что и Б. Констан, полностью отвергал вместе с тем доктрину прав человека. Он находил эту доктрину в высшей степени подозрительной. «Бентам, — пишет Б. Рассел, — ... глубоко презирал учение о правах человека. Права человека, говорил он, — это

¹ История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000. С. 422.

² См. Констан Б. Принципы политики // Классический французский либерализм. М., 2000. С. 223-238.

³ Там же. С. 223-238.

явная чепуха, неотъемлемые права человека — чепуха на ходулях. Когда французские революционеры разработали свою Декларацию прав человека, Бентам назвал ее «метафизическим произведением» — «*nes plus ultra* (т.е. крайним выражением — *авт.*) метафизики». Ее пункты, говорил он, можно разделить на три класса: 1) невразумительные, 2) ложные, 3) как невразумительные, так и ложные»¹.

Однако И. Бентам отвергал не сами права человека, а лишь **способ их обоснования**, их простое постулирование в качестве неких высших естественных («метафизических» в его терминологии) начал, в качестве неких недоказуемых и непровержимых самоочевидных аксиом **естественного права**. Вместо этого И. Бентам предлагал в качестве философского основания либеральной общественно-политической доктрины представление об **общем благе**, общественной **пользе**. Наилучшее законодательство и формы правления, по его мнению, те, которые приносят «наибольшее счастье наибольшему числу людей». При этом каждый человек, согласно его философским взглядам, от природы всегда стремится только к своему личному счастью и избегает своих личных зол (в гедонистической терминологии самого Бентама — личных «удовольствий» и «страданий»).

Из теории Бентама также следовал вывод, что законодательство не должно вмешиваться в деятельность предпринимателей и в их отношения с рабочими, так как эти договаривающиеся стороны сами, руководствуясь «моральной арифметикой» своих удовольствий и страданий, свободно определяют условия договора, исходя из «собственной пользы». Таким образом, он также оправдывал любые условия договора, продиктованные капиталистом наемному рабочему, и отвергал любые попытки законодателя взять последнего под свою защиту².

¹ Рассел Б. История западной философии. В 2-х тт. М., 1993. Т. 2. С. 290.

² История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000. С.

Наиболее выдающимися идеологами либерализма после Б. Констана и И. Бентама были англичане Дж. Ст. Милль (1806-1873) и Г. Спенсер (1820-1903), снискавший особую популярность в Северной Америке, но они уже не внесли в эту доктрину ничего принципиально нового. Милль развивал утилитаристский подход И. Бентама, а Спенсер склонялся к точке зрения Б. Констана. Оба они сочувствовали рабочему движению и выступали за расширение политических прав рабочих, но социализм принципиально отвергали.

Самой существенной чертой либерализма (являющейся одновременно и главным его достоинством, и главным его недостатком) является **абстрактный** (предельно общий и абсолютный, **вневременный**) подход к человеку. Либерализм выступает в защиту человека вообще, вневременного и внесоциального человека, которого в действительности не существует. В каждую данную эпоху и в каждом конкретном обществе любой человек является не только человеком вообще, но и мужчиной или женщиной, молодым или старым, здоровым или инвалидом, богатым или бедным, правящим или подчиненным и т.д. И поэтому свобода личности, которую ставит во главу угла либерализм, оборачивается ко всем этим конкретным людям своими **различными сторонами**, в зависимости от того, что они собой в действительности представляют, какое **реальное** положение они занимают в том или ином обществе.

Еще до решающей победы либерализма над старым порядком, на эту его основную слабость указывал французский публицист и ученый Н. Ленге (1736-1794), впервые осознавший и выделивший пролетариат как особый новый класс нарождающегося общества. В вышедшей в 1767 г. книге «Теория гражданских законов, или фундаментальных принципов общества»¹ он изложил свои представления о характере общественного развития. Ленге считал, что первой формой эксплуатации человека человеком было рабство (которое он не

424.

¹ См. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и кон-

отличал от крепостничества). Современный рабочий, по его мнению, есть прямой преемник раба. «Отменяя рабство, — писал Ленге, — вовсе не имели в виду уничтожить ни богатство, ни его преимущества ... А поэтому все, кроме названия, должно было остаться по-прежнему. Наибольшая часть людей всегда должна была жить на заработную плату, находясь в зависимости от ничтожного меньшинства, присвоившего себе все блага. Таким образом, рабство было увековечено на земле, но под более мягким названием»¹.

Положение наемных рабочих, по мнению Н. Ленге, не только не лучше положения рабов, а гораздо хуже. «У них, говорят, нет господ, — писал он, — ... Но это явное злоупотребление словом. Что это означает: у них нет господ? У них есть господин, и притом самый ужасный, самый деспотичный из всех господ: нужда. Он ввергает их в самое жесткое рабство. Им приходится повиноваться не какому-либо отдельному человеку, а всем вообще. Над ними властвует не какой-нибудь единственный тиран, капризам которого должны угождать и благоволения которого должны добиваться, — это поставило бы известные границы их рабству и сделало бы его более сносным. Они становятся слугами всякого, у кого есть деньги, и в силу этого их рабство приобретает неограниченный характер и неумолимую суровость»². «Необходимо выяснить, — подчеркивал Ленге, — какова в действительности та выгода, которое принесло им уничтожение рабства. Говорю с горечью и вполне откровенно: вся выгода состоит для них в том, что их вечно преследует страх голодной смерти, — несчастье от которого, по крайней мере, их предшественники в этом низшем общественном слое были избавлены»³.

цепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 286.

¹ Linguct N. Theorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la societe. T. 2. London, 1767. P. 462.

² Idem. P. 470.

³ Idem. P. 464.

По мере развития либерального западного общества на новых принципах и промышленной революции, развивавшейся в условиях свободного рынка, в западноевропейских странах формировался и обширный рабочий класс, положение которого в ту эпоху полностью соответствовало описанию Н. Ленге. «В начале XIX-го века, — пишет У. Бек, — около двух третей европейского населения, так называемые низшие классы, не имели регулярных и стабильных источников дохода. Поденщики не получали доходов примерно за половину своего потенциального времени. До одной пятой трудоспособного населения была вынуждена нищенствовать и бродяжничать или даже воровать и разбойничать, чтобы добыть себе средства к существованию»¹.

Поэтому у либеральной доктрины множилось число ее оппонентов и критиков, развивавших **противоположный** подход к обществу, получивший название коммунизма (социализма).

2.5.3. Социализм

Разочарование низов французского общества в результатах Великой революции наступило довольно быстро. Уже в период правления Директории против нее созрел обширный заговор сил, объединившихся вокруг Гракха Бабефа² (1760-1797), призывавшего продолжить революционные преобразования общества, доведя их **до самого конца**. Бабеф готовил свержение Директории с помощью массового восстания парижских окраин. Для этого он создал глубоко заговорившую организацию («Заговор равных»), однако накануне восстания (в мае 1796 г.) был схвачен и казнен. Остальные заговорщики были приговорены к ссылке.

¹ Бек У. Прекрасный новый мир труда. Проект всемирного гражданского общества // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Beck1.htm>

² Настоящее имя его — Франсуа Ноэм.

Программным документом заговорщиков стал «Анализ доктрины Бабефа, народного трибуна, преследуемого Исполнительной директорией за то, что он высказывает правду»¹. Бабеф и его единомышленники писали, что **богачи** завладели государством «и в роли хозяев диктуют тиранические законы бедняку, скованному нуждой, униженному невежеством и обманутому религией». Бабувисты ясно выражали мысль, что при сохранении частной собственности «для множества людей пользование их правами будет оставаться почти иллюзорным», поэтому равенство перед законом является «условным равенством», «красивой и бесплодной фикцией закона»². Вместо этого они предлагали **отмену частной собственности** и преобразование всего общества на **коммунистических** началах.

Так уже в самом начале существования нового общества обнаружилось его основное противоречие — противоречие между **свободой личности** и **социальной справедливостью**. Первое начало было положено в основу различных доктрин **либерализма**, а второе — в основу доктрин **коммунизма** и **социализма**. В борьбе между этими двумя идеологиями пройдут затем весь XIX век и почти весь XX век.

Начало развитию **социалистической** идеологии в европейском сознании положили Клод Анри де Сен-Симон (1760-1825), Шарль Фурье (1772-1837) и Роберт Оуэн (1771-1858), основные труды которых были изданы в 20–30-е гг. XIX в. Тогда же (в 1828 г.) Буонаротти опубликовал книгу «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа». В 1841 г. был переиздан «Кодекс природы» Морелли. Центром разработки и обсуждения социалистических и коммунистических доктрин в тот период стал Париж. При этом республиканское

¹ См. Документы истории Великой французской революции. Т. 2. / Отв. ред. А.В. Адо. М., 1990.

² История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000. С. 345.

движение во Франции приобретало все более **социалистическую** окраску. А в 1848 году в Европе был опубликован Коммунистический Манифест К. Маркса и Ф. Энгельса, оформивший социализм в стройную социально-философскую доктрину с четкими революционными выводами.

В отличие от либерализма, социализм исходит не из представлений о человеке вообще, а из анализа положения реального человека, живущего в конкретном, **капиталистическом** обществе, разделенном в имущественном отношении на два основных класса — класс собственников и класс пролетариев. Другим принципиальным отличием социализма от либерализма является то, что первый рассматривает человека не только и не столько как **духовное** существо, нуждающееся прежде всего в **свободе**, сколько существо **материальное**, нуждающееся прежде всего в **пище, одежде, жилище** и т.д. Социализм объявляет либеральную общественную доктрину либо ошибочной, либо недобросовестной, призванной отвлечь человека от его реальных, **материальных** интересов и заговорить его красивыми словами о свободе, демократии и т.п., оторванных от жизни призрачных, иллюзорных ценностей¹. Особенно фальшивым при этом социализму кажется либеральный **идеал свободы**. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»² — таков основной вывод (или постулат) социализма.

Вместе с тем, социализм полностью принимает либеральную точку зрения на **социальное равенство** всех людей, и именно с этой точки зрения он осуждает вопиющее **материальное неравенство**, допускаемое в условиях капитализма. Однако социализм в своей крайней (марксистской) формулировке видит свою миссию в том, чтобы выражать интересы не всего общества и не человека вообще, а интересы только **угнетенного неимущего класса**, состав-

¹ «А наша программа заявляет: свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 38. С. 346).

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 12. С. 104.

ляющего большинство населения, и единственное полноценное средство его освобождения он усматривает в **революционном** (насильственном) упразднении института частной собственности на средства производства и передаче последних в собственность и управление всему обществу (поначалу — только революционному рабочему классу). Более мягкие течения социализма выступают за **ненасильственный** и «естественный» (эволюционный) характер перехода средств производства в общественную собственность.

В 1917 году в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, решившая вопрос о переходе к социализму самым радикальным, **насильственным** путем. В результате, противоречие между либерализмом и социализмом в европейской цивилизации перешло из плоскости одних только идеологических споров в плоскость еще и реальных, **политических противоречий** между государствами, избравшими разные социально-политические пути развития. Победа СССР во Второй мировой войне и переход в его лагерь многих восточноевропейских государств до предела обострили противоречия между «старым» миром (называвшим себя «свободным» и «демократическим») и новым, социалистическим миром во главе с СССР, объявленным на Западе «миром тоталитаризма».

Тем не менее, Западные страны вынуждены были все же признать огромные успехи и **частичную правоту** социалистических режимов, лежавших в основе их **привлекательности** для населения самих западных стран, и вынуждены были приступить к социалистическим (по содержанию) **реформам** своих обществ. Именно обоснованием этих послевоенных реформы и является по существу современная концепция **социального государства**. Она представляет собой своеобразный **синтез** либеральных и социалистических идей и доктрин, **их примирение, но на либеральной точке зрения**.

Современную доктрину социального государства, поэтому, следует рассматривать как исторический синтез либеральных и социалистических идей и

доктрин, как их примирение, в котором делается попытка сохранить сильные и правомерные положения обеих доктрин, дополняющих, а не отрицающих друг друга.

Однако и либерализм и социализм в XX веке обрели себе нового идеологического противника в лице национализма, отрицавшего некоторые общие посылки, лежавшие в основе обеих великих просвещенческих идеологических доктрин.

2.5.4. Национализм

И теоретические, и идеологические концепции эпохи Просвещения, включая и марксизм, разрабатывались на основе **только западноевропейского** исторического материала. Но при этом их авторы считали, что они описывают некоторое **общество вообще**¹, которое они именовали «человечеством». Следует заметить при этом, что сама идея **человечества** как единого субъекта исторического процесса становится центральной впервые только у европейцев эпохи Просвещения. Ни греки, ни римляне, ни китайцы, ни христиане еще не руководствовались этой идеей в своем мышлении, хотя все мировые религии **уже и содержат ее в себе** в качестве **основополагающего принципа**. Все народы до европейцев Нового времени делили в своем сознании весь обитаемый мир на эллинов (ханьцев) и варваров, христиан и язычников, правоверных и неверных и т.д. И никакого **целого** из этих двух половин они никогда не составляли, и не рассуждали о таком целом. Одна половина для них всегда **исключала** другую. И только европейцы эпохи Просвещения, отбросившие, наконец, в своем понятии человека все **культурно-исторические** определения людей как **несущественные** и принявшие в качестве **единственного** суще-

¹ Наиболее полно это утверждение обосновано в работе известного российского ученого Ю.И. Семенова. См. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003.

ственного определения человека его **разумность**, приобретаемую «от природы», смогли таким образом составить себе представление о **человеке вообще** (не эллине, не иудее, не христианине, а просто — человеке вообще). Тем самым они смогли теперь мыслить и всю совокупность людей, живущих на Земле, как некое целое — **человечество**.

Рассуждения о «человечестве вообще» появляются уже у Ж. Бодена, они постоянно присутствуют в сочинениях Монтескье (1689-1755), Вольтера, Гельвеция (1715-1771), Руссо и других идеологов Просвещения, которые уже с явным интересом и вниманием относятся к обычаям, нравам и достижениям неевропейских народов — китайцев, персов, даже негров и дикарей. Ничего подобного **до этого** у западноевропейцев еще не было. Католические священники эпохи Великих географических открытий всерьез еще занимались вопросами о том, есть ли у африканских и американских дикарей душа и можно ли их считать людьми. Испанский епископ Юкатана Д. Ланда (1524-1579) сжег почти все рукописи цивилизации майя. «Мы нашли у них, — писал он, — большое количество книг этими буквами. И так как у них не было ничего, в чем не имелось бы суеверия и лжи демона, мы их все сожгли»¹. Таким образом, только в эпоху Просвещения в Новой Европе начинает вырабатываться представление о **человечестве вообще**.

В итоге и самих себя эти новые европейцы стали впервые понимать уже не в качестве христиан, французов, европейцев или народов Запада, а в качестве некой **части всего человечества**, правда, — в качестве «**самого передового и прогрессивного**» его отряда. 26 августа 1789 г. депутаты французского революционного Учредительного Собрания принимали новую Конституцию Франции. В качестве Преамбулы к этой Конституции ими была принята знаме-

¹ Однако впоследствии в своей книге «Сообщения о делах в Юкатане» он привел много сведений о культуре и истории майя, описал элементы их письменности, привел несколько иероглифов и дал их перевод. Труды Ланды теперь — один из основных источников для изучения культуры майя.

нитая «Декларация прав человека и гражданина», которая, по убеждению депутатов, относилась не только к Франции и французам, но и **ко всему человечеству**. «Наша задача не ограничивается одной Францией, — говорил депутат Петион (мэр Парижа), — мы должны объявить, какие права составляют общее достояние всех людей и всех времен». «Задачи Декларации, — вторил ему один из ведущих депутатов собрания, Дюпор, — заключаются в том, чтобы выразить истины для всех времен и народов». Именно так (неисторически, впрочем) мыслили тогда эти люди, что для всех предшествующих эпох и народов было просто **немыслимо**. Даже американцы, принявшие свою революционную Конституцию еще раньше французов, принимали ее только **для самих себя**, для американцев (к которым они не относили еще даже своих негров), а не для всего человечества в целом.

Однако уже к концу XIX века историки под влиянием накопленного ими фактического материала, не укладывавшегося в общие схемы эпохи Просвещения, начинают постепенно отходить от представлений о едином человечестве и универсальном пути прогресса, по которому движутся якобы все страны и все народы. «Нам кажется, — писал, например, русский медиевист Д.М. Петрушевский (1863-1942), — что пора совсем оставить всемирно-исторические иллюзии, раз навсегда признав их уже отошедшим в прошлое культурным фактом, и центр тяжести научных интересов окончательно перенести на изучение именно этих внутренних процессов, развивавшихся и развивающихся в человеческих обществах, на их социологическое изучение; пора окончательно расстаться с идеей единого и единственного процесса, какой будто бы представляет собой история обществ древнего и нового мира, и окончательно утвердиться в мысли, что здесь мы имеем дело не с единым и единственным процессом, а с целым множеством аналогичных процессов, сравнительное изучение которых, щепетильно внимательное к индивидуальным особенностям каждого из них, и

составляет содержание науки **всеобщей** истории, ставящей себе чисто социологические цели выяснения механики общественного процесса, как такового, и законов, по которым он развивается. Пока традиции **всемирной** истории сами окончательно не станут достоянием истории, пока они будут сохранять свое в исторической науке, до тех пор этой последней трудно будет окончательно стать на чисто научную почву»¹.

Поэтому именно **цивилизационные** концепции истории и пришли в Европе на смену **общечеловеческим** концепциям эпохи Просвещения. Характерно при этом, что эти цивилизационные **теории** зародились в Европе одновременно с расистскими и националистическими **идеологиями** и первоначально сочинения на эту тему представляли собой некоторый нерасчлененный синкретический сплав того и другого.

а) Расово-культурная концепция Ж. Гобино

Основоположителем цивилизационных **теорий** и одновременно — расистских и националистических **идеологий** можно считать французского писателя Ж. Гобино (1816-1882). Именно он явился основателем теории и идеологии расово-культурной «белоцентристской» цивилизационной концепции истории. В своей книге «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853-1855), вышедшей на четыре года раньше книги другого основателя цивилизационной концепции, — немецкого историка Г. Рюккерта (1823-1875), — Гобино впервые изложил расистское понимание исторического развития. Всю историю человечества он рассматривал как **борьбу между расами**, обусловленную их **биологической** природой. В этой борьбе побеждают наиболее приспособленные, наиболее совершенные расы.

¹ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907. С. 35.

Расы произошли, по мнению Гобино, скорее всего, от **разных прародителей** и потому не равны по своим культуротворческим способностям. Самой низшей расой является черная. Несколько более развитой оказывается желтая. Высшей и единственной способной к культурному прогрессу оказывается белая раса, среди которой особо выделяется арийская, а элиту арийцев составляют германцы.

Гобино впервые выделил 10 следующих самостоятельных **цивилизаций**: индийскую, египетскую, ассирийскую, эллинскую, китайскую, италийскую, германскую, аллеганскую, мексиканскую и андскую. Каждая из них была создана, по его мнению, представителями белой расы. Однако все цивилизации рождаются, достигают расцвета, клонятся к упадку и затем умирают. Умрет и европейская (германская) цивилизация.

Учение Гобино основывалось на многих фактических подтасовках и домыслах и потому не может еще рассматриваться как вполне научная концепция. Однако этих недостатков была во многом уже лишена концепция немца Г. Рюккерта.

б) Этнокультурная евроцентристская концепция Г. Рюккерта

Историческая концепция Г. Рюккерта была изложена в его сочинении «Учебник всемирной истории в органическом изложении» (1857). «По существу, — пишет Ю.И. Семенов, — он одним из первых, если не первым попытался теоретически поставить и решить проблему субъекта исторического процесса ... Социальные единицы, на которые распадается человечество, Г. Рюккерт именует историческими или культурно-историческими организмами, историческими или культурно-историческими индивидами (индивидуальностями), а также культурными типами. В качестве таких индивидов у него выступают то государства, то народы, то группы государств и народов. Сам он гово-

рит, что историко-культурные индивиды могут иметь сложное строение: один крупный индивид может состоять из нескольких меньших. Сколько-нибудь четкого перечня культурно-исторических организмов Г. Рюккерт не дает. Из ныне существующих он выделяет пять высших «культурных типов»: германо-христианский (западноевропейский), восточно-христианский (славянский), арабский (исламский), индийский и китайский.

Каждый культурно-исторический индивид имеет свою собственную историю. Он возникает, развивается и рано или поздно исчезает. Потому история человечества — это не единый процесс, а сумма параллельно протекающих процессов развития культурно-исторических организмов, или индивидов, которые невозможно расположить на одной линии. Существует не одна линия, не одна нить исторического развития, а множество линий, множество нитей. Человечество есть не реальное, а лишь мыслимое единство.

В целом, — констатирует Ю.И. Семенов, — Г. Рюккерт явно склонялся к выводу, что не существует ни человечества как единого целого, ни мировой истории как единого процесса. И в то же время он не решался довести свою мысль до логического конца. Противореча себе, он одновременно говорит о человеческом прогрессе, о всеобщих стадиях культуры. В результате он размещает культурные типы вообще, высшие культурные типы, в частности, на разных ступенях развития. Наименее развит из числа последних индийский тип, более прогрессивен китайский тип, еще выше стоит арабский, следующий — восточно-христианский, а самый высокий — германо-христианский.

Как утверждает Г. Рюккерт, хотя существует несколько нитей исторического развития, но одна из них выделяется, преобладает над другими. Это — линия развития Западной Европы в новое время. Западноевропейский тип больше соответствует общей идее человечества, в большей мере воплощает в

себе общечеловеческое. В связи с этим он ставит вопрос о приобщении неевропейских народов к западноевропейской культуре, об их европеизации»¹.

Против этой европеизации и выступил вслед за тем русский ученый, сторонник **славянофильского** течения российской политико-исторической мысли, Н.Я. Данилевский (1822-1885).

в) Этнокультурная концепция Н.Я. Данилевского

В своей крупной историко-политической работе «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому» (1869), Данилевский изложил наиболее последовательную и богатую версию этнокультурной цивилизационной теории, в которой были преодолены многие, отмеченные выше недостатки исторической концепции Г. Рюккерта. «В его работе, — пишет Ю.И. Семенов, — в отличие от труда Г. Рюккерта были поставлены все точки над i»².

По мнению Данилевского, не существует ни высших, ни низших культурно-исторических типов — все они совершенно **равноценны**. При этом он выделяет следующее множество основных культурно-исторических типов: египетскую, китайскую, ассирийско-вавилонско-финикийскую (халдейскую, или древнесемитическую), индийскую, иранскую, еврейскую, греческую, римскую, ново-семитическую (аравийскую) и германо-романскую (западную). Кроме этого, Данилевский выделил еще и две американские цивилизации, погибшие насильственной смертью: мексиканскую и перуанскую.

Главным же объектом его внимания является **славянская цивилизация**,

¹ Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 152.

² Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 158.

которой, по его мнению, только еще предстоит расцвести.

Однако, в противоречии со своим основным положением, Данилевский выделяет все же еще и некоторые **не вполне полноценные** и, так сказать, **отрицательные** культурно-исторические типы. Роль последних в истории сводилась, по его мнению, лишь к **разрушению** того, что уже и так отжило. Добив загнивавшие цивилизации, эти отрицательные исторические типы и сами погружались затем в ничтожество чисто «этнографической» жизни. Таковы были, как он считает, гунны, монголы, турки.

Наконец, многие народы у Данилевского вообще не способны ни к творческой, ни к разрушительной исторической жизни. Они составляют лишь «этнографический материал», входящий в состав тех или иных культурно-исторических типов. Таковы, как он полагает, финские и некоторые другие народы.

Кроме такого, **природного** неравенства культурно-исторических типов, Данилевский формулирует еще и другое. Он выделяет следующие четыре «ряда» культурной деятельности (четыре составляющие человеческой культуры): деятельность **религиозную**, деятельность **«культурную»** (научно-художественную), деятельность **политическую** и деятельность **хозяйственно-экономическую**. В самых первых, по времени их возникновения, цивилизациях (египетской, китайской, древнесемитической, индийской и иранской) ни один из этих видов деятельности еще не получал преобладания. Они были культурами **«подготовительными»**. В еврейском народе впервые получила преобладание и преимущественное развитие деятельность **религиозная**, в греческом — **научно-художественная**, а в римском — **политическая**. Эти культурные типы были, таким образом, «одноосновными». Германо-романский (западный) тип — «двухосновной». В нем очень сильно развиты политическая и культурная (научно-художественная) стороны. В славянском же мире, по мнению Данилевского, будут сильно развиты **все четыре** вида деятельности. Он

будет «четырехосновным», то есть наиболее **полно и гармонично развитым** культурным типом.

Хотя все цивилизации, по утверждению Данилевского, развиваются вполне самостоятельно и на своей собственной основе, последнее не исключает в то же время и некоторого **взаимовлияния** между ними. При этом китайскую и индийскую цивилизации он называет «уединенными», так как они, по мнению Данилевского, почти не испытывали влияния других цивилизаций. Цивилизации же египетскую, древнесемитическую, греческую, римскую, еврейскую и германо-романскую он относит к цивилизациям «преемственным», так как они перенимали многое у своих предшественников. «Самые богатые, самые полные цивилизации изо всех доселе на земле существовавших, — пишет он, — принадлежат, конечно, мирам греческому и европейскому»¹. К этому же типу он относит и славянскую цивилизацию.

При этом Данилевский подчеркивает, что сущность («душа») цивилизации не может быть передана от одного культурно-историческому типу к другому. Эта душа формируется на самом первом, «этнографическом» этапе развития народов, и в дальнейшем только раскрывается и обогащается. Поэтому в истории может иметь место не передача, а лишь **влияние** одного культурного типа на другой. Существует при этом только три формы такого влияния: 1) «пересадка путем колонизации», 2) «прививка» и 3) такое влияние, которое можно уподобить воздействию «почвенного удобрения на растительный организм».

Примером первой формы распространения цивилизации он называет передачу ее от финикийцев в Карфаген, от греков — в Южную Италию и от западноевропейцев — в Америку и Австралию. Однако, очевидно, что речь здесь идет не о передаче чего-либо, а лишь о **переселении** уже готовых представителей какой-то цивилизации в другую местность.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 101.

Примером второй формы («прививки») Данилевский называет деятельность Александра Македонского, строившего греческие города в гуще покоренных им восточных народов, и деятельность Цезаря, возводившего римские поселения в покоренных им Галлии и Британии. Этот способ Данилевский считает «не приносящим пользы» тому народу, к которому прививается таким образом чужая культура.

Наконец, третьей, самой полезной и плодотворной формой передачи культурного влияния Данилевский считает форму свободного добровольного **заимствования** одним народом плодов и достижений культуры другого народа. Именно так, по его мнению, Египет воздействовал на греков, греки — на римлян, а последние на Европу в эпоху Возрождения.

Каждый **полноценный** культурно-исторический тип, по Данилевскому, проходит в своем развитии три основных этапа: **древний**, или **этнографический**, на котором «собирается запас сил» для будущей сознательной деятельности; **средний**, или **государственный** этап, на котором утверждается и упрочивается независимое политическое существование самобытного народа; и, наконец, — завершающий этап **цивилизации**, который является временем «растраты сил», а тем самым и их **истощения**.

В результате реализации всех этих трех этапов, исчерпавшие себя народы (цивилизации) впадают либо в «апатию **самодовольства**» («как, например, Китай»), либо в «апатию **отчаяния**» («как то было в римском мире во время распространения христианства»). Византия, по мнению Данилевского, нашла выход из апатии отчаяния в том, что впала в апатию самодовольства (по типу Китая). Другой же выход для таких отживших цивилизаций может состоять в **возвращении** их к **первобытной**, «этнографической» форме жизни, из которой снова может возникнуть затем культурно-историческая жизнь.

«Таким образом, — оценивает эту концепцию Ю.И. Семенов, — будучи гораздо более последовательным, чем Г. Рюккерт, русский мыслитель в то же

время допускает немалое число отступлений от своей концепции. Непоследовательность он проявляет и во взглядах на мировую историю. Доказывая на протяжении чуть ли не всей книги, что никакой единой всемирной истории не существует и существовать не может, на самой последней ее странице он вдруг говорит о «главном потоке всемирной истории», который подразделяется на несколько русел, которым суждено слиться «на обширных равнинах Славянства» в «один обширный водоем»¹.

Выход из этих противоречий сам Ю.И. Семенов видит в возврате к **эстафетной** гегелевской концепции всемирной истории, понимаемой, однако, не в гегелевском, а в марксовском, **хозяйственно-материалистическом** духе. На наш же взгляд, никакого противоречия между двумя этими точками зрения на исторический процесс нет, и развиваться они могут и **должны** во взаимной связи друг с другом. Причем, для историков более адекватна и плодотворна именно **цивилизационная** теория, так как только в ее рамках возможно изучение **полного цикла** существования исторического субъекта вообще. А **человечество** в качестве такого субъекта — неподходящий предмет для историков.

Что же касается противоречия между марксовской и гегелевской точками зрения на историю, то предпочтение здесь должно быть отдано, скорее Гегелю, чем Марксу. Конечно, Маркс существенно дополняет и уточняет Гегеля в том, что касается понимания **непосредственных причин и мотивов**, движущих поведением отдельных индивидов и целых стран и народов (значение этих, **материальных** причин и мотивов не отрицает и Гегель), однако рассматривать исторический процесс как прогресс преимущественно в **экономических** формах организации общества было бы слишком неадекватно природе самого человеческого общества. Последнее, конечно, живет **за счет** своей хозяйственно-экономической деятельности, но **не для** такой деятельности. Другие, говорил

¹ Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 158.

еще Сократ, живут для того, чтобы есть, я же ем, чтобы жить. Но то же самое может сказать о себе и любое человеческое общество. Экономическая деятельность его является только **средством**, обеспечивающим его существование, но — **не целью** самого существования. Даже животные живут не для того, чтобы есть, а для того, чтобы продолжить и упрочить существование своего вида и рода. Тем более это справедливо для людей.

Цивилизационную концепцию, вслед за Г. Рюккертом и Н.Я. Данилевским, развивали затем К.Н. Леонтьев (1831-1891), О. Шпенглер (1880-1936), П.А. Сорокин (1889-1968), А. Тойнби (1889-1975), Л.Н. Гумилев (1912-1992) и другие ученые. Из них только в концепциях К.Н. Леонтьева, А.Дж. Тойнби и Л.Н. Гумилева содержатся некоторые оригинальные моменты.

г) Культурно-государственная концепция К.Н. Леонтьева

Отталкиваясь от концепции Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьев весьма скептически относился к **славянофильским** убеждениям своего предшественника. В своей основной работе «Византизм и славянство» (1875) он стремился показать, что у русских, кроме языка, очень мало сходства с остальными славянскими народами. Чехи, например, по его определению, — это те же «немцы, переведенные на славянский язык» («на кой прах нам эти чехи!»¹), болгары — это «греки, переведенные на славянский язык» и т.д. И вообще, он находит у русских больше общего даже с турками, чем с остальными славянами.

Далее К.Н. Леонтьев отличает культуру от **государственности**. Культура у него порождается в недрах государств, но **переживает** их и входит затем своими отдельными частями в культуры других государств и народов. Так, например, византийская культура частично и по-разному перешла в культуры

¹ Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993. С. 44.

западноевропейцев, русских и турок. Историческими субъектами у Леонтьева являются именно и только **государства** (или государственные народы), а не народы или культуры сами по себе. Продолжительность жизни государств Леонтьев определяет приблизительно в 1200 лет.

В своей исторической жизни государства проходят, согласно Леонтьеву, три основных периода: 1) **первичной простоты**, 2) **цветущей сложности** и 3) **вторичного упрощения**, за которым следует смерть государственности. Русскую государственность он ведет от Рюрика (862) или от Владимира (988). Европейскую государственность — от Карла Великого (742-814).

д) **Классово-культурная концепция А.Дж. Тойнби**

Концепция английского историка А.Дж. Тойнби (1889-1975) изложена в его многотомном труде «Постижение истории», выходявшем в течение 27 лет, начиная с 1934 г. (последний 12-ый том появился в 1961). В качестве **причины** возникновения цивилизаций Тойнби указывает **внешнюю среду**, под которой понимается им вся совокупность **геофизических** и **внешнеполитических** условий, в которых приходится жить и действовать конкретному обществу. Эта среда ставит перед каждым обществом серьезные проблемы — бросает ему **«вызов»**. И на этот «вызов» общество, чтобы не погибнуть, должно найти **адекватный «ответ»**.

Само общество у Тойнби разделено при этом на небольшое число **творческих личностей** (элиты) и **пассивную массу**. Творческие личности составляют **правлящее меньшинство**, которое, в норме, и находит очередной ответ на очередной вызов. Способность находить адекватные ответы на реальные вызовы лежит в основе **легитимности власти** правящего меньшинства — власть **способной** элиты признается обществом **добровольно**.

Таким образом, возникновение и рост цивилизаций есть «дело рук твор-

ческих личностей или творческих меньшинств»¹.

Но рано или поздно творческое меньшинство **утрачивает** свою «творческую силу и энергию», оно вырождается. Однако при этом правители обычно не желают уступать свою власть более достойным. Поэтому они идут на «нарушение общественного договора» и начинают удерживать власть голой силой. В обществе развивается **отчуждение** большинства от правящего меньшинства, что и означает **надлом** цивилизации. Цивилизация вступает затем в фазу **распада** и, в конце концов, **погибает**.

В начальный период своего творчества Тойнби выделял всего 8 мировых цивилизаций — египетскую, индийскую, вавилонскую, китайскую, «аполлоновскую» (греко-римскую), «магическую» (византийско-арабскую), «фаустовскую» (западноевропейскую) и цивилизацию майя. Впоследствии он довел их число до 21-ой и более.

е) Пассионарная концепция Л.Н. Гумилева

Основная книга Л.Н. Гумилева (1912-1992) «Этногенез и биосфера земли»² (1989) в целом производит впечатление настоящего первобытного хаоса идей, фактов, сведений, почерпнутых из самых разных стран, времен и наук³. В этом отношении Лев Николаевич напоминает Сен-Симона, и, по-видимому, его

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 259.

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.

³ Л.С. Клейн свое впечатление от книги Л.Н. Гумилева передает следующим образом: «Изложение яркое, увлекательное, но клочковатое и совершенно непоследовательное, даже местами противоречивое ... Автор блещет эрудицией, книга изобилует фактами. Горы фактов, факты самые разнообразные, это изумляет и подавляет, но ... не убеждает (или убеждает лишь легковверного). Потому что факты нагромождены именно горами, навалом, беспорядочно. Нет, это не методика естествознания. Л.Н. Гумилев не естествоиспытатель. Он мифотворец. Причем лукавый мифотворец — рядящийся в халат естествоиспытателя ... Безоглядая смелость идей, громогласные проповеди, упование исключительно на примеры и эрудицию — ведь это оружие дилетантов. Странно видеть профессионального ученого, столь подверженного дилетантскому образу мышления» (Клейн Л.С. Горькие мысли «привередливого

духовное наследие ждет аналогичная судьба — его идеями будут питаться множество самых разных «учеников», как это, кажется, уже и происходит в данное время.

В своей книге Л.Н. Гумилеву удалось до конца запутать и без того туманный термин «этнос», который он применял, по выражению Ю.И. Семенова, «как ему заблагорассудится». Этнос, в переводе с древнегреческого означает **народ**, и больше ничего. Примерно так (неопределенно) его понимает и сам Л.Н. Гумилев, однако у него этносами (суперэтносами) одновременно называются и христиане, и все подданные римской империи, и западноевропейцы, и первобытные племена, и русские казаки (субэтносы), и староверы и т.д.

Этносы, по мнению Гумилева, в своей жизни переживают следующие основные периоды («фазы») — они однажды **рождаются**, потом проходят фазы «подъема», **расцвета** («акматическая фаза»), «надлома», «инерции», «обскурации», «мемориальную» фазу, после чего они превращаются в «**реликты**». Живут они от рождения до мемориальной фазы примерно по 1200 лет (столько же, как и государства у К.Н. Леонтьева).

Самый интересный и оригинальный момент в концепции Л.Н. Гумилева (и одновременно самый фантастический) — это понимание причин рождения этноса (или суперэтноса). Такой причиной он считает появление в этносе (или вне его) некоторого количества так называемых «**пассионариев**» — людей особого душевного склада и душевного порыва, охваченных своего рода **священным безумием** («безумством храбрых»). Тяга к историческим свершениям у таких личностей пересиливает **инстинкт самосохранения**. Появление в народе таких людей Л.Н. Гумилев называет «**пассионарным толчком**», и эти пассионарии, по его определению, действительно, **не ведут** народ за собой, а именно **толкают** его «на подвиги». Так происходит **рождение** этноса.

Хотя пассионарность, как ее описывает сам Л.Н. Гумилев, обусловлена

генетически (именно — **мутациями**), но она в то же время еще и психологически «заразительна» — небольшое число врожденных пассионариев способны «заразить» своим отношением к жизни значительное число нормальных, «гармоничных» субъектов, отчего в народе возникает «**пассионарное напряжение**». В результате этнос (или суперэтнос) начинает переживать **подъем** и совершать «великие дела».

Однако пассионарный толчок имеет **ограниченное** действие во времени. Достигнув под его влиянием состояния **расцвета**, этнос затем переживает **остановку** в дальнейшем движении (фаза **надлома**), некоторое время держится на достигнутом уровне по **инерции**, и затем начинает скользить к своему упадку (**обскурации**) и исторической **смерти**. Все это сопровождается неуклонным сокращением числа пассионариев в этносе и ростом числа «субпассионариев». Вся жизнь этноса, таким образом, есть длительное **угасание** («затухание») энергии, полученной им в период пассионарной точки. Наиболее вероятной **причиной** возникновения этого толчка Л.Н. Гумилев считал некую **космическую энергию**, проливающуюся на Землю в виде каких-то таинственных лучей.

Все представители этноса делятся у него на **пассионариев, нормальных** (гармоничных людей) и «**субпассионариев**», представляющих собой «пассионариев наоборот». Причем, для появления и размножения последних никаких «субпассионарных» толчков не требуется, они рождаются сами собой, как и «гармоничные», что, конечно, непоследовательно.

При всей фантастичности концепции пассионарности в представлении Л.Н. Гумилева, в ней все же можно, на наш взгляд, обнаружить и рациональное зерно. В жизни народов и государств, действительно, легко выделяются периоды, описываемые этой концепцией.

В следующей параграфе мы рассмотрим процесс взаимодействия основных религиозных и социально-философских идеологий современного мира в реальной социально-политической жизни.

2.6. Развитие основных идеологических конфликтов в Новой и Новейшей истории западного общества

Идеологическая борьба в Средневековом европейском обществе носила в основном **внутриконфессиональный** и **межконфессиональный** характер. В первом случае это была борьба ортодоксального официального учения с различными **еретическими** движениями, а во втором — борьбой с остатками **языческих** верований (колдовство, ведьмы и т.п.), с **исламом** (который католики первоначально причисляли к особому еретическому учению), **иудаизмом**, **православием** и впоследствии — с **протестантизмом**.

Однако с появлением на духовно-культурной арене Европы (в XVIII веке) **антирелигиозных** философско-рационалистических доктрин Просвещения идеологическая борьба осложняется еще и противостоянием религиозного сознания в целом с различными антирелигиозными и безрелигиозными социальными учениями.

В свою очередь, и эти последние раскалываются вскоре на различные социально-философские направления, относящиеся по-разному как к религии, так и к друг другу, и вступают в напряженную борьбу между собой.

В результате, идеологическая борьба на Западе в XVIII-XX веках приобретает сложнейший **религиозно-философский** характер. Однако на самом первом этапе этого процесса основное внимание духовной элиты западного общества сосредоточено на борьбе за освобождение общественной жизни от традиционных религиозно-клерикальных традиций и установок. Основная борьба идет за **свободу мысли и совести**. Затем — за свободу общественной и политической жизни от догматов религии и против вмешательства в нее церкви

и духовенства. Этот процесс получил название **секуляризации** общественной жизни.

2.6.1. Борьба религиозных и просвещенческих идеологий

Чтобы понять смысл духовной борьбы, развернувшейся в Европе в конце христианской эры и приведшей общественное сознание Западной цивилизации к ее нынешнему состоянию, необходимо исходить из самых общих мировоззренческих вопросов, лежащих в основе этой борьбы. И прежде всего — это **основной вопрос всякого мировоззрения**, вопрос о том, «есть ли в мире Бог?». «В самом общем виде, — формулируют современные религиоведы, — можно выделить три возможных отношения к Богу. Во-первых, человек может быть абсолютно уверен, что Бог есть. Людей, обладающих подобной уверенностью, обычно называют верующими (...). Во втором случае человек может сомневаться в том, есть ли Бог. Такие люди известны как агностики (от греч. *agnosticos* — «незнающий»). Наконец, в-третьих, человек может быть абсолютно уверен в том, что Бога нет. Таких людей называют атеистами»¹.

В целом, представленные варианты решения основного мировоззренческого вопроса представляются правильными и исчерпывающими. Однако позиция **сомневающихся** описана недостаточно четко. Более точно, она состоит в том, что на вопрос, требующий альтернативного ответа — да или нет? — сомневающийся может дать только **противоречивый** ответ: «и да, и нет». Поэтому сомневающегося правильнее определять как **скептика** (от греч. *skeptikos* — разглядывающий, расследующий), а не как **агностика**. Древнегреческий философ-софист Протагор (480-410 до н.э.) в своей книге «О богах» писал следующее: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком

¹ Религиоведение: Учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. / Научный редактор д. ф. н., проф. А.В. Солдатов. СПб., 2003. С. 666.

многое препятствует такому знанию, — и вопрос темен, и людская жизнь коротка»¹. Его книга была публично сожжена, а сам Протагор был изгнан из Афин как «безбожник». Однако, строго говоря, он выразил в данном случае лишь **скептическую** («вопрос темен, и жизнь коротка»), а не агностическую позицию. Протагор знал многое о богах, но был при этом **не уверен** в своих знаниях, и потому не мог прийти ни к какому определенному выводу. Его позиция оставалась **колеблющейся** между «да» и «нет».

Агностики же («неведающие») — это те, которые либо **еще** ничего знают о боге (как, например, младенцы или дикари), либо **уже** ничего не хотят слышать о нем, отвергают сам основной мировоззренческий вопрос, потому что он им вовсе не интересен. Последняя позиция есть позиция тупого и крайне ограниченного человека, граничащая со скотством (ее иногда определяют как **индифферентизм**, безразличие). Именно такую позицию выразил, например, Понтий Пилат, который в ответ на слова Христа о том, что он пришел сообщить людям Истину, пожав плечами отвечал: «Что есть истина?..». Вопрос Пилата уже не требует никакого ответа, он для себя все уже решил — «истина» есть бессмысленное слово, о котором не стоит и говорить. При этом, если атеист **уверен**, что Бога нет, а верующий **уверен** в обратном, то индифферентист уверен лишь в том, что сам их спор между собой не имеет никакого смысла и никакого значения. Сам основной мировоззренческий вопрос его не интересует. Ребенок и дикарь **еще не интересуются** этим вопросом, а индифферентист **уже не интересуется** им. Правильнее всего, именно такого человека и следовало бы называть **атеистом** (безбожником), а тех, кого сегодня называют этим словом, правильнее было бы называть «антибожниками», убежденными **богоборцами**. Но, к сожалению, терминология уже сложилась так, как сложилась.

¹ Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.

Таким образом, **верующий, атеист, скептик и индифферентист** — таковы основные **сознательные** позиции в решении основного мировоззренческого вопроса, вопроса о том, «есть ли в мире Бог».

Однако, чтобы **сознательно** ответить на этот вопрос, человек должен **понимать, что такое Бог**. Иначе говоря, ему должно быть представлено какое-то **понятие** Бога, дано какое-то ясное **определение** этого слова.

И если мы попытаемся углубиться в **исследование** понятия Бога, то увидим, во-первых, что оно **разное** у разных народов и в разных религиях, а, во-вторых, — что оно **развивается** в ходе человеческой истории. У самых отсталых народов понятие бога (богов, божеств) практически совпадает с понятием природных стихий — огня, воды, бури, ветра, грозы и т.д. У более развитых народов божества носят уже **зооморфный** характер (пережитки таких представлений представлены особенно ярко в древнеегипетском пантеоне и в египетской религии в целом). У древних греков боги уже **антропоморфны** — это просто сверхмогущественные, божественно прекрасные, всезнающие и бессмертные **люди**, которые и ведут себя подобно обычным смертным («Все, что есть у людей бесчестного и позорного, приписали богам Гомер и Гесиод: воровство, прелюбодеяние и взаимный обман ...»), — сокрушался уже первый критик языческих представлений о божественном, древнегреческий мудрец Ксенофан (570-478 до н.э.). Древнееврейский **космический** бог подобен людям уже только своей разумностью и проявлением воли, а антропоморфной телесной оболочки уже не имеет. Этот бог — единственный создатель, творец и правитель всего сущего, ревностно следящий за всем, что происходит в мире. Этот бог — руководящая и направляющая сила всего космоса, но особенно — избранного им **еврейского** народа, его грозный судия. Таков же бог и в **исламе**, но уже без особого отношения к какому-то одному народу. В христианстве же этот бог воплощается в своем сыне — Христе, — который нисходит к людям, чтобы указать им путь к спасению, живет с ними, подавая им нравствен-

ный пример, страдает, умирает и воскресает, чтобы вернуться к своему отцу небесному, куда призовет потом и всех праведников, избравших указанный им путь спасения. В христианстве, таким образом, происходит некоторый возврат в греческому антропоморфному представлению о божественном. Бог снова сближается с людьми.

Каждое новое историческое **углубление** понимания бога (богов) **отрицало** предшествующее его понимание, было по отношению к нему **революционным**, и это отрицание сопровождалось всегда **трагическими** социальными последствиями. Христиан, в частности, преследовали и репрессировали в Древнем Риме как **безбожников**, так как они отказывались чтить греко-римских богов и приносить им жертвы. При этом римляне не отрицали Христа и не запрещали христианам поклоняться ему, ибо для них он был просто одним из множества прочих национальных богов, чтимых у разных народов империи. Признавая этого бога, римляне только требовали от христиан, чтобы и те почитали и имперских (греко-римских) богов. Христиане же считали всех прочих богов — демонами и идолами, и отказывались поклоняться им как чему-то **неистинному**. Для них старые боги были **уже** неистинными. Они обрели понятие истинного бога.

Победив в конце концов в этой борьбе, христиане отплатили затем язычникам той же монетой — их преследовали за непочитание Христа, и силой, и угрозами принуждали всех к вере в истинного бога. Так **пацифистская** по своей внутренней этике, христианская религия после превращения ее в официальную государственную этику стала прибегать к насилию и к принуждению как в отношении язычников, с которыми у них были давние счеты, так и в отношении своих собственных раскольников — **еретиков**, пытавшихся отклониться в толковании различных догматов от «генеральной линии», определявшейся, начиная с 325 года Вселенскими Соборами епископов.

В этом отношении следует иметь в виду, что в любом религиозном учении содержатся две стороны (две части) — **теоретическая** и **практическая**. Основной вопрос теоретической части — это вопрос о том, **что такое Бог**. На этот вопрос ищет и дает ответ **теология** (она же и религиозная **философия**). Основной же вопрос практической части религиозного учения — вопрос о том, **как следует жить, как следует вести себя** адепту той или иной веры, какими принципами руководствоваться и какие обряды исполнять. Собственно, только в этой, практической части и видят обычно все содержание религии. И действительно, основные **массы верующих** интересуются только этими вопросами. Вопросы же о сущности бога исследуются лишь теологами, высшими интеллектуальными кругами верующих.

При этом расколы (еретические движения) возможны при решении любых вопросов вероучения, как теоретических, так и практических. Первые еретики в христианстве — ариане, монофизиты, монофилиты и другие — это инакомыслящие в **теоретическом** определении сущности христианского Бога. Арий (ум. в 336), например, пришел к выводу (в 338 г.), что Христос не был един с Творцом; скорее он был Логосом — первым и высшим существом в иерархии тварного мира. Последовавшие затем события Вил Дюрант описывает так: «Епископ Александр протестовал, Арий стоял на своем. Если, доказывал он, Сын порожден Отцом, это событие должно было произойти во времени; вследствие этого Сын не мог быть совечен Отцу. Кроме того, если Христос был сотворен, то из ничего, а не из субстанции Отца; Христос не был «единосущен» Отцу. Дух Святой порожден Логосом и является Богом в еще меньшей мере, чем Логос. ... Епископ Александр был шокирован не только самими взглядами, но и стремительностью, с какой они распространялись даже среди духовенства. Он созвал в Александрии собор египетских епископов, убедил их лишиться духовного сана Ария и его последователей и отослать сообщение о результатах совещания другим епископам. Некоторые из них возражали; многие священни-

ки симпатизировали Арию; во всех азиатских провинциях духовенство, как и миряне, разошлись во мнениях по этому вопросу и произвели в городах такую «суматоху и беспорядки ... что христианская религия, — пишет Евсевий, — стала предметом нечестивой потехи для язычников, даже в их театрах».

Император Константин, явившийся в Никомедию после победы над Лицинием, услышал рассказ о смуте от ее епископа. Он обратился лично к Александру и Арию с призывом подражать кротости философов, мирно уладить свои разногласия или, по крайней мере, не выносить их на публичное обсуждение.

«Я предложил, — писал он им, — свести к единому виду те представления, которые связаны в сознании людей с Божеством, потому что я вполне осознаю, что, если бы мне удалось привести людей к единому мнению в этом вопросе, руководить общественными делами было бы намного легче. Но увы! Я узнаю, что среди вас еще больше споров, чем недавно в Африке. Повод представляется мне совершенно пустяковым и не стоящим таких яростных схваток. Ты, Александр, желал узнать мысли своих священников о некотором пункте закона, даже о ничтожной части вопроса, который сам по себе совершенно не важен, а ты, Арий, если у тебя были такие мысли, должен был бы помалкивать ... Не было никакой необходимости предавать эти споры гласности ... потому что в основе их — проблемы, порождаемые одним бездельем, а единственная польза от них в том, что они оттачивают человеческую сообразительность ... Такие неразумные поступки достойны неопытных детей, а не священников или людей рассудительных».

Письмо не подействовало. Для Церкви вопрос об «единосущии» (homoousia) в противовес «подобосущию» (homoiousia) Сына Отцу был жизненно важен одновременно с теологической и политической точек зрения. Если Христос не был Богом, то вся структура христианского учения дала бы трещину; если бы по этому вопросу была допущена свобода мнений, хаос верований мог разрушить единство и авторитет Церкви, подорвав тем самым ее значение по-

мощницы государства»¹. Поэтому учение Ария — арианство — было осуждено как еретическое первым вселенским Никейским (325) собором. Арий был проклят и отправлен в ссылку, однако затем его возвратили из ссылки и отправили туда его противника — Афанасия. Окончательно арианство было признано ересью Константинопольским собором (381).

Средневековые же ереси носили уже не столько теоретический, сколько практический (этико-моральный, обрядовый и социальный) характер, каковой преимущественно носило и **протестантское** еретическое движение, добившееся к концу средневековья на Западе наибольшего успеха. Именно оно положило начало процессу **секуляризации** Западного общества, протекавшему в XIX — начале XX вв.

Протестантские религиозные учения отличались **рационализмом** и **антиклерикальной** направленностью. Протестанты сократили влияние клира в государственной и церковной жизни, максимально упростили обрядность, провозгласили принцип «дешевой церкви». Под влиянием протестантских идей в Европе начинается процесс секуляризации огромного имущества, накопленного к тому времени церковью. С 1760 г. начала ограничиваться деятельность религиозных орденов во Франции, где в 1766 г. была проведена монастырская реформа, в ходе которой было ликвидировано 386 монастырей и сокращены монастырские городские владения; в 1760-1780-е годы были проведены реформы в Австрийской империи, в результате которых было закрыто около 600 монастырей; с 1764 г. Екатериной II проводилась секуляризационная реформа в России, обернувшаяся конфискацией монастырского землевладения (в пределах Великороссии упразднялось почти 500 обителей; 53% мужских и 67% женских монастырей прекратили свое существование). Видимым символом этого процесса была ликвидация Ордена иезуитов. В 1756 г. начались гонения на иезуитов в Португалии, подхваченные с 1760 г. Францией, где в 1764 г. дея-

¹ Дюрант В. Цезарь и Христос. М., 1995.

тельность иезуитов была запрещена королевским декретом; в 1765-1767 гг. развернулась антииезуитская кампания в Испании — это вынудило, наконец, в 1773 г. (в разгар эпохи «просвещенного абсолютизма») папу Клементя XIV упразднить своей буллой Орден иезуитов¹.

Дальнейшее развитие процессов секуляризации происходит уже в безрелигиозных и антирелигиозных **просвещенческих социально-философских учениях**, и особенно в наиболее влиятельном и радикальном из них — учении **французских** просветителей. В период Великой французской революции это направление умов нашло себе выражение в **тотальной секуляризации** бытия и сознания французского общества.

«В современной социологии на эмпирическом уровне **секуляризация** описывается как процесс, при котором подвергаются сомнению верования в сверхъестественное и связанные с ним ритуалы, и институт религии утрачивает свое социальное влияние»². Впервые сам термин «секуляризация» был использован еще в 1646 году французским посланником Лонгвилем на переговорах по заключению Вестфальского мира, и подразумевал удовлетворение интересов победивших держав за счет конфискации монастырских владений. Однако впоследствии ему было придано и более широкое значение, отражающее снижение влияние религии и церкви **во всех областях** общественной жизни. В результате, **секуляризация** (от *позднелат.* saecularis — мирской, светский), в ее современном понимании — это устранение божественного авторитета, таинственного и святого начала из **духовной жизни** общества и замена его началом эмпирическим и рациональным — **Разумом**. В секулярном обществе из государственной и общественной жизни вытесняется духовенство, которому отводится скромная роль пастырей частной и личной жизни верующих. На политическом же уровне происходит отказ от официального признания какой бы то ни было

¹ Петрухинцев Н.Н. XX лекций по истории мировой культуры. М., 2001. С. 304-305.

² Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М., 2004. С. 19.

государственной религии, и государству вменяется в обязанность поддержание **одного только права** как некоторого **минимума морали**. Таким образом, из морально-религиозного западное государство превращается в **чисто правовое**, светское государство.

Однако борьба **религиозного и секулярного, просвещенческого** мировоззрений протекала в XIX веке сначала во Франции, а затем и во всей Европе, **с переменным успехом**, — с частичными **возвратами** к изгоняемым религиозным идеям и нормам, и закончилась в конце концов не полной победой одной из сторон, а некоторым их **примирением**, но на условиях продиктованных теперь уже новой, просвещенческой идеологией (то есть, так же, как в свое время и спор христианства с язычеством). Старая, религиозная идеология при этом сохранила значительную часть своего влияния на умы новых европейцев, но это влияние не было уже господствующим и не доминирующим. Ее прежнее положение заняла идеология **просвещенческая**, а религиозные доктрины были оттеснены на периферию европейского сознания. Вместе с тем, освобождение от влияния христианского учения привело к освобождению и многих **языческих** и даже **первобытных** представлений и верований (астрологии, магии, ворожбы, колдовства и т.п.), захвативших свою нишу на рынке свободы совести.

«Происходящие в Европе на рубеже XVIII-XIX вв. процессы, — пишет А.Б. Гофман, — ослабление роли традиционных институтов, секуляризация общественной жизни, политические катаклизмы — заставляли видеть в «обществе» ту высшую силу, благотворительную или губительную, которая соединяет людей, управляет ими и вместе с тем несет ответственность за то, что происходит с людьми. К «обществу» обращают те просьбы, требования, жалобы и даже молитвы, которые раньше были адресованы Богу, церкви, сюзерену или монарху. Тем самым идея общества выдвигается на первый план не только в теоретических системах: философских, правовых, экономических и т. д., — но и в повседневной жизни, и в социальной практике ... Идея общества, социальности

была призвана заполнить пустоту, образовавшуюся в результате политических катаклизмов рубежа XVIII-XIX вв. В «обществе» видели ту «естественную силу», которая способна вновь объединить людей, т. е. осуществить то, что раньше обеспечивали традиционные религиозные верования, церковь и монархическая власть»¹.

Под влиянием успехов критики религии со стороны новых социально-философских учений во всех европейских странах с разной скоростью шел процесс **отделения Церкви от государства**. Причем процесс этот был сложным, принятые законы о секуляризации то отменялись, то издавались новые, в зависимости от того, кто находился у власти. В Австрии впервые в 1867 году был введен гражданский брак, светскость обучения и равноправность всех религий. Во Франции только в 1905 году радикальная буржуазия отменой наполеоновского конкордата dokonчила реформу, которую проводили Л. Гамбетта (1838-1882) и Ж. Ферри (1832-93). В Германии борьба О. Бисмарка (1815-1898) с влиянием католической церкви шла с переменным успехом, но сам Бисмарк говорил о том, что это борьба, обусловленная политическими интересами. Вильгельм II (1859-1941), ездил на поклонение к папе, собирался отдать школы в руки духовенства, отменил закон против иезуитов. К началу XX века во многих европейских странах церковь сумела сохранить свое влияние на образование.

Народные массы в основном остались чужды просветительскому движению, в то время как больших успехов просветители добились в деле распространения новых идей в кругах **интеллектуалов** и среди **передовой буржуазии** Европы того времени. А **организационными** средствами для распространения этих идей, стали различные **академии, масонские ложи, светские салоны**, знаменитая французская «**Энциклопедия**», возглавлявшаяся Д. Дидро, а

¹ Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: Учеб. пособие для вузов. — 5-е изд., испр. М.: Университет, 2001. С. 35-36.

также — переписка, газеты и журналы. **Печатный станок**, по выражению А. Ривароля, стал «артиллерией мысли» той эпохи.

Однако не все просветители в критике религии доходили до крайнего рационализма и деизма. Известно, например, что Ж.Ж. Руссо разошелся со многими из них в религиозном вопросе и это выразилось в его отказе от дальнейшего участия в издании «Энциклопедии». В то же время Руссо относился критически к традиционным религиозным догматам. Догмат казался ему искажением естественного религиозного чувства и, пользуясь деистической критикой, он старался представить его бесполезным и вредным. Христианская доктрина, по мнению Руссо, была одной из причин разложения общественной жизни. Христианство породило такой тип общества, в котором процветали всяческие формы **эгоизма** и **тирании**. С христианством, отделяющим теологию от политики, человека от гражданина, частную внутреннюю жизнь от общественной следует бороться, поскольку оно препятствует совершенствованию общественной жизни. Нужна религия, которая подтверждала бы священный характер общественно-политических учреждений и обеспечивала их стабильность, — религия **гражданская**. В виде такой религии Руссо проповедовал **религию чувства**. Религия, по мнению Руссо, находится не в голове, а в сердце, и наука не смеет касаться священного содержания чувства. Его «Вероисповедание савойского викария» посвящено изложению этой **религии**¹.

Между тем европейское общество, освобожденное от традиционной христианской догматики, охватило горячее стремление познать **тайны** духа и физического мира. Преклонение перед **ищущим разумом** достигло в тот период наивысшего напряжения и разрешилось мистически порывом, который захватил даже ученых. Э. Сведенборг (1688-1772) — знаменитый шведский математик и астроном — превращается в **духовидца**, разговаривающего с духами

¹ Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М., 2004. С. 57.

умерших, и по их рассказам и собственным наблюдениям, описывает тайны неба и земли с точностью рационалиста-испытателя.

Его учение — смесь рационализма, мистицизма и дохристианских языческих представлений. Многие интеллектуалы той эпохи обращаются к теософии — мистическому «богопознанию», основывающемуся на собственном субъективном опыте. В Европе изучается каббала, практикуется изощренное толкование символов. Возникают идеи переделать человека, воспитать новое нравственное чувство, отыскать точную формулировку непостижимого Божества. Теософы делают попытки приподнять завесу, скрывающую мировые загадки и тайны. Возникает множество самозванных мудрецов и целителей, которых считают обладателями алхимической мудрости — «философского камня» и «жизненного эликсира» (Сен-Жермен, Калиостро и др.). Большой популярностью пользовался «животный магнетизм» Месмера. Его ученики пропагандировали сомнамбулизм и ясновидение. Общество жаждало веры в чудесное и верило¹.

Во многих случаях мистические искания единения с Богом переходили в прямое чародейство, а стремление к сверхчувственному знанию и вера в таинственное наитие приводили к настоящему **чернокнижничеству, колдовству и духовидению**. В это время было большое количество алхимиков, ищущих философский камень, астрологов и провидцев, предсказывающих будущую судьбу людей и всего человечества, магов, изобретающих жизненный эликсир, духовидцев, и т. д. В довольно широких кругах немецкого общества слова «тайна» и «таинственность» стали настоящими лозунгами, принципами мировоззрения.

Отвращение к ужасам Французской революции вызвало после нее и отвращение к тем идеям, во имя которых она осуществлялась. Вместо прежнего увлечения материалистическими теориями, враждебно относившимися к хри-

¹ Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М., 2004. С. 58

стианству, повсюду стало замечаться возрождение религиозности, а также увлечение мистицизмом. Протестантизм был слишком сух и рационалистичен, чтобы отвечать этим стремлениям, поэтому в Западной Европе снова восстанавливается **авторитет католической церкви**, который усилился в связи с **преследованием** ее во время революции. Католическое духовенство принялось за религиозную пропаганду среди неверующих. Это новое настроение общества отразилось и во французской литературе. Ф. Шатобриан в своей книге «Гений христианства» доказывал, что христианство наиболее благотворно действует на развитие наук и искусств, что именно ему цивилизация обязана всеми своими благами. Получило распространение новое литературное направление — **романтизм**, выдвигавшее на первый план **свободу поэтического чувства** и воображения и воспевавшее родную старину. Идеалом становились средние века как эпоха веры, воинственного рыцарства, крепкого патриархального строя¹.

Первое место среди французских писателей, враждебных революции и ее принципам, принадлежит французскому политическому деятелю, публицисту, философу, основоположнику традиционалистского, консервативного течения в европейской политической мысли. Он доказывал, что основа незыблемого строя общества — религия; но религия — не есть дело **личной совести** каждого отдельного человека. Это грозный всеобщий закон. Он утверждал, что на земле должен быть высший безапелляционный авторитет, который бы говорил людям: «Вы заблуждаетесь»².

Огромное значение для развития общеевропейской философской и общественной мысли имели метафизические системы немецких философов-идеалистов — И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинга, Г.В. Гегеля. Усвоив научные достижения предшествующего периода, они создавали системы, в кото-

¹ Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М., 2004. С. 59.

² Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М., 2004. С. 59.

рых, тем не менее, предусматривалось существование некоего Высшего начала. Формируется стремление уже не к разложению религии, а к ее «трансцендентальному» обоснованию и, соответственно, трансцендентальному углублению. Каждый из них по-разному определял в философских терминах идею Бога, устанавливал его познаваемость или непознаваемость. Можно сказать, что они пытались на новом уровне обосновать существование Высшего Разума, найти место идеи Бога в изменившемся мире. Последователи Гегеля разделились на две группы. Правое крыло (К.Ф. Гешель и Г.Ф. Хинрихс) стремилось истолковать гегелевское учение в духе протестантской ортодоксии. Религия уравнивалась в правах с философией, абсолютную идею рассматривали в качестве господа Бога, вместо триады предпочитали говорить о Троице. Д. Штраус в «Жизни Иисуса», распространив на христианство понятие мифологии, сломал официальную гегелевскую традицию. Эта работа положила начало движению «левых» гегельянцев, «младогегельянцев» — открытых атеистов и республиканцев. Б. Бауэр пошел в критике христианства значительно дальше Штрауса, назвав евангельские сказания сознательным преднамеренным обманом.

Но эти философские споры шли в пределах идеализма, пока не появилась «Сущность христианства» Л. Фейербаха (1841), восстановившая материализм как философское учение. Фейербах принимает единство конечного и бесконечного. Однако это единство реализуется не в Боге и не в абсолютной Идее, а в **человеке**. Человек создает Бога, а не Бог творит человека. Главное в учении Фейербаха — **атеизм**. Он сводит религиозный мир к его земной основе, сущность религии к сущности человека. Фейербах усвоил исторический взгляд на религию. Он ратует за религию без Бога, религию **любви человека к человеку**. Раскрытие внутренней противоречивости предшествующей спекулятивной философии и устранение ее — результат деятельности Фейербаха.

Вскоре после выхода «Сущности христианства» К. Маркс в своей статье «К критике гегелевской философии права. Введение» констатировал, что «для

Германии **критика религии по существу закончена**». Ближайшая задача философии состоит в том, чтобы критику неба превратить в **критику земли**, критику религии и теологии — в критику **права и политики**, которую он и решал, перевернув гегелевскую диалектику «с головы на ноги». Однако в конце XIX — начале XX века поднимается новая мистическая волна. Окультиные учения, тайные верования, которые существовали на духовной окраине позитивистского XIX века, вновь, как и столетие назад, вышли на авансцену, приобрели множество сторонников. Мистицизм стал все больше окрашиваться в **восточные тона**. В Европе распространялись учения русских теософов и мистиков (Е.П. Блаватская, П.Д. Успенский), росло влияние идей Д. Кришнамурти, получил распространение суфизм, большой популярностью пользовалась антропософия Р. Штайнера.

В результате описанных духовных процессов западное общественное сознание приобрело необычайно сложный характер, в котором сплетаются и переплетаются сегодня множество мировоззренческих позиций — от крайней религиозной до крайней атеистической, скептической и индифферентистской.

Ю.Ю. Синелина, исследовавшая этот процесс, выделяет в современном западном общественном сознании следующие основные мировоззренческие позиции¹.

1. Религиозное мировоззрение, которое распространено в трех видах.

А. Традиционная церковная религиозность, представленная в Западной Европе католичеством и протестантизмом. Этому направлению свойственен консерватизм (особенно католицизму), стремление сохранить максимальное влияние Церкви на общественную жизнь. Большинство населения находилось в рамках традиционных конфессий.

¹ См. Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М., 2004. С. 70-77.

Б. Либеральное неортодоксальное направление в христианстве. Его можно определить как усиление либерализма и субъективизма в теологии. Ф. Шлейермахер, находившийся под влиянием идей Канта, Фихте и Шеллинга является основоположником этого направления религиозной мысли. Другим представителем «нового христианства» является С. Кьеркегор.

В. Третьим типом религиозного мировоззрения следует назвать получившие распространение религиозные мистические течения (квиеизм, пие-тизм), возникшие как реакция на формализм лютеранского богословия и как антитеза рационализму и деизму.

2. Свободомыслие (просвещенческие светские доктрины).

Во-первых, — это позитивизм и марксизм.

Во-вторых, — это философский мистицизм и иррационализм, часто основанные на пантеизме. Основателями можно считать Шопенгауэра, Ницше и других нетрадиционных философов.

3. Наконец, как известное смешение религиозных и философских доктрин можно рассматривать многочисленные учения, исходящие из **незападных** или еще дохристианских, **языческих** верований. **Религиозный синкретизм** (как его определяет Ю.Ю. Синелина) — это «смешение, соединение разнородных вероучительных и культовых положений в процессе взаимовлияния религий в их историческом развитии». Религиозный синкретизм XIX-XX века включает в себя, кроме языческих представлений, элементы восточных религий **индуизма и буддизма.**

Все эти мировоззренческие позиции уживаются в современном западном общественном сознании в некотором плюралистическом **примиренном** единстве, однако при доминирующем положении просвещенческих **атеистических** и **индифферентистских** доктрин. **Толерантность**, терпимость к любым точкам зрения, проповедуемая **либеральной** идеологией, позволяет мирно сосуществовать этой эклектической духовной мешанине.

В то же время традиционные для каждого западного народа религиозные верования имеют и некоторые привилегии, исходящие от самого государства и поддерживаемые им. Так, в частности, отвергнутая современным западным обществом средневековая христианская ценностно-нормативная парадигма (как традиционная, так и протестантская) отнюдь не исчезла из сознания нового общества. Она перестала быть **доминирующей**, уступив эту роль новой эгоистической и материалистической парадигме Просвещения и Нового времени, но она продолжает оказывать влияние на значительную часть западного общества как в католических странах, так и протестантских. В США, например, отделивших церковь от государства с самого начала установления своей государственности, на деле вовсе не отказались от поддержки религии (и ее исповедания). Каждый президент этой страны до сих пор приносит клятву на Библии. Официальным девизом США является лозунг: «Мы полагаемся на Бога». Правительство США содержит капелланов в Конгрессе, в армии и на флоте, а также в тюрьмах. Церковная собственность в этой стране освобождена от налогов. Многие церковные программы субсидируются государством. Поэтому опросы в США показывают, что 98% респондентов на вопрос: «Верите ли вы в бога?», неизменно отвечают положительно. Еженедельно церковь посещают около 40% населения, официально членами церковных общин числятся 68% американцев, но отождествляют себя с той или иной конфессией 91% граждан США. При этом господствующими конфессиями в Америке являются протестантизм (57% населения), католицизм (28% населения) и иудаизм (2% населения)¹.

Точно так же и марксизм в России (в СССР), заняв место доминирующей официальной ценностно-нормативной парадигмы, не смог уничтожить полностью влияние православной и мусульманской ценностно-нормативных парадигм, сохранившихся в сознании значительной части советского общества и во многом восстановивших свои позиции в настоящее время. В свою очередь, и

¹ См. Современные США. Энциклопедический справочник. М., 1988. С. 133-135.

марксистская ценностно-нормативная парадигма, вытесненная официально с позиций доминирующей морали в современной России, отнюдь не утратила своего влияния на умы российского населения и продолжает оказывать свое действие.

Поэтому, анализируя ценностно-нормативную систему того или иного современного общества, мы должны четко выделять, во-первых, ее центральную, **доминирующую** парадигму, и, во-вторых, ее периферийные, недоминирующие парадигмы, расцвет которых или уже в прошлом (как это произошло с христианской или советской ценностно-нормативными парадигмами), или еще только в будущем (как это может произойти с некоторыми новыми ценностно-нормативными парадигмами, конкурирующими с нынешней доминирующей). Недоминирующие ценностно-нормативные парадигмы также оказывают более или менее сильное влияние на членов конкретного общества.

2.6.2. Борьба националистических и наднациональных идеологий

Просвещенческая мировоззренческая доктрина носит, как уже отмечалось выше, **наднациональный, надрелигиозный и надэтничный**, мировой (глобальный) характер. Она адресуется некоторому обществу вообще и человеку вообще, в которых, кроме их **природной разумности**, не признаются и не принимаются в расчет никакие их особенные, исторически обусловленные качества. И само западное общество, в котором и возникла подобная идеология, рассматривает себя при этом как общество вообще, как некое нормальное, **образцовое** общество, на которое должны равняться и за которым должны следовать все другие общества, либо еще не достигшие уровня западного развития, либо почему-то уклонившиеся от магистрального направления развития, воплощенного именно в западном обществе.

С одной стороны, в такой позиции отражается, конечно, свойственный любому народу **этноцентризм**. Любой народ склонен считать именно себя нормой и образцом, а все другие народы рассматривать в качестве некоторых отклонений от этого образца. Но, с другой стороны, если в истории человечества и существует какой-либо магистральный путь развития, то он, и действительно, вначале может быть найден только каким-либо одним народом, а все другие вынуждены будут потом следовать уже найденному другими пути. Вся проблема, следовательно, сводится только к тому, что у этого передового народа относится к действительно **общечеловеческим** достижениям, а что выражает только особенности данного конкретного народа, которым другие народы вовсе и не должны следовать или подражать.

Вопрос этот с наибольшей силой проявился в начале XX века в споре между самими европейскими народами. Часть из них, в основном, — народы Центральной и Восточной Европы, во главе с **Германией** и **Италией** отказались следовать в фарватере Англии, США и Франции, наиболее последовательно воплощавших путь развития, намеченный идеологами Просвещения, и провозгласили примат национальных идеалов и интересов перед общечеловеческими. На вооружение были взяты расовые и этнические концепции и доктрины развития, ставившие идеал общества (нации) выше ценности отдельной личности и подчинявшие ее в этом отношении народу.

Фашистские и национал-социалистские идеологии являются по существу **националистическими**, отрицающими космополитизм либеральных идеологий. Ключевыми идеями национализма признаются обычно: «1) национальная самоидентификация, осознание единства со своей нацией; 2) понимание нации как высшей ценности; 3) утверждение идеи исключительности своей нации»¹.

¹ Чистяков Д.И. Этнический национализм и проблемы нацистроительства в контексте предотвращения экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. —

В отличие же от социалистических доктрин, также отрицающих либералистский индивидуализм в пользу коллективизма, в националистических учениях высшей ценностью провозглашаются интересы не отдельного класса, а всей нации в целом. Классовые конфликты в рамках национализма рассматриваются в качестве подчиненных и разрешаются в рамках конфликтов межнациональных (межгосударственных). Поэтому национализм, как правило, ведет к обострению межгосударственных отношений и чреват вооруженными конфликтами. Вторая мировая война как раз и явилась таким гигантским столкновением народов, в котором агрессивной стороной выступили националистические государства, в первую очередь, — Германия, Италия, Япония и др.

Поражением блока националистических держав во Второй мировой войне исторический спор между **национализмом** и **наднационализмом** (в его либералистской **индивидуалистической** и коммунистической **интернационалисткой** формах) был решен в пользу последнего. Расистские, этнократические и националистические идеи были осуждены мировым сообществом и подвергнуты всесторонней критике.

Однако противоречия между самими двумя основными формами наднационализма привели к затяжной Холодной войне между послевоенными блоками буржуазных и социалистических государств.

2.6.3. Борьба либералистских и социалистских идеологий

Освобожденные от религиозного контроля светские социальные доктрины — либеральные и социалистические — вели на протяжении всего XIX века напряженную духовную (и не только) борьбу между собой. Однако результатом и этой борьбы на Западе стало некоторое примирение их в более сложном противоречивом единстве, получившем свое выражение в концепции социаль-

ного государства. В этой концепции западный либерализм приобретает социальный характер, а социализм становится либеральным. Непримириемые ранее противники усваивают и признают основные положения друг друга и превращаются в нечто третье, включающее в себя и примиряющее внутри **противоположные принципы**.

Термин «социальное государство» впервые был введен в научно-политический обиход в 1850 году немецким государствоведом, историком и экономистом Лоренцом фон Штейном (1815-1890), чьи взгляды на государство сложились под влиянием философии Гегеля, французских социалистических доктрин и в результате собственного осмысления развития капитализма и классовой борьбы в Германии. Л. фон Штейн понимал, что социалистическое движение связано с капиталистическим развитием общества и имеет общеевропейское значение; он предвидел неизбежность социальных революций. Именно для того, чтобы избежать грядущих социальных потрясений, Штейн и разработал свой проект реформы государства. Вслед за Гегелем он выделял гражданское общество, которое считал основанным на разделении труда, которое в свою очередь зависит, по мнению Штейна, от формы собственности. Он признавал также, что общество делится на классы, каждый из которых стремится овладеть государственной властью и использовать ее в своих интересах.

Однако, по мнению Штейна, в классовом обществе государство должно носить **надклассовый** характер, что он считал вполне возможным и даже необходимым, так как победа любого из классов грозит обществу либо застоєм (в случае захвата власти капиталистами), либо развалом производства и диктатурой (в случае победы пролетариата). Поэтому Штейн в принципе осуждал республику как форму правления, при которой, по его мнению, государство только формально подчинено обществу, а на деле — одному из его классов. Если в республике имеется высокий имущественный ценз (как то и фактически было в период раннего капитализма), она, по мнению Штейна, становится орудием

власти **капиталистов**; наделение же политическими правами **большинства** населения подчинит республику пролетариату. Поэтому единственной формой государства, независимой от классов, Штейн признавал **конституционную монархию**. Монарх, утверждал он, занимает столь высокое и недостижимое положение, что ему чужды интересы какого-либо класса. Поэтому только прирожденный монарх способен осознать интересы общества в целом. Штейн утверждал также, что стоящий выше всех частных интересов монарх склонен по своему положению защищать притесненных, т.е. пролетариев, от чрезмерного угнетения капиталистами¹.

Подобно другим идеологам либерализма, Штейн поддерживал идеалы законности, правопорядка, незыблемости всех прав граждан, понимаемых им как равные возможности всех членов общества добиваться улучшения своего положения законными средствами. При этом он считал, что государство должно «осуществлять экономический и общественный прогресс всех его членов, так как развитие одного является условием и следствием развития другого и в этом смысле, — подчеркивал он, — мы говорим об общественном или социальном государстве»². Но гарантией всех этих прав и гармоничного развития общества в целом должно быть, по мнению Штейна, только социальное **монархическое** государство, ограниченное либеральной конституцией.

Именно эти идеи Штейна были использованы в конце XIX века прусским канцлером О. фон Бисмарком (1815-1898) для апологии Германской империи как «социальной монархии», стоящей выше классовых противоречий. При этом именно правительством Бисмарка, и действительно, были проведены в 1881-1889 гг. первые социальные законы в Европе. В имперскую конституцию 1871

¹ История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000. С. 432.

² Цит. по: Милецкий В.П. Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении. СПб., 1997. С. 82.

года вошло положение о заботе государства «о благе немецкого народа». А в 1878 году в целях смягчения социальных противоречий и ослабления накала социальных движений пролетариата и других наемных работников Бисмарк начал формирование законодательства по социальным вопросам. В этот период в Германской империи впервые в мире вводятся пособия по болезни (1883), страхование от несчастных случаев на производстве (1884), элементы пенсионного обеспечения (1889) и др. Именно этим правительством социальная политика впервые была возведена в ранг **официальной государственной доктрины** Германии, а впоследствии она получила закрепление и в Веймарской конституции 1919 года — первой европейской конституции, наделившей граждан социальными правами: правами на объединение в профсоюзы, на защиту от безработицы, охрану здоровья и трудоспособности и т.д. Примеру Германии затем, в начале XX века последовали Великобритания, Швеция, Италия, в которых также были введены аналогичные социальные гарантии.

Второй исторической формой развития доктрины социального государства стала доктрина **солидаризма**, основные идеи которой сформулировал французский мыслитель, основатель позитивистской социологии О. Конт (1798-1857), отвергавший в своем учении как чистый либерализм, так и чистый социализм. Последователем О. Конта в этом отношении был и выдающийся французский социолог Э. Дюркгейм (1858-1917), углубивший и обосновавший в своих работах¹ понятие **общественной солидарности**. В противоположность либерализму солидаристы скептически относились к правам отдельных личностей, которые, по их мнению, только разобщают членов общества, придают ему **атомарный** характер. В отличие же от социалистов, солидаристы настаивали на том, что оба основных класса — и капиталисты, и наемные работники — необходимы, так как они взаимосвязаны и только в своем гармоничном **един-**

¹ См. Дюркгейм Э. Общественное разделение труда. Метод социологии. М., 1991.

стве могут обеспечивать полноценное развитие общественного производства¹. Однако это единство должно быть действительно **гармонизировано**. Эти идеи развивались, в частности, в книге «Солидарность» (1897) французского политического деятеля Л. Буржуа, который считал необходимым дополнить знаменитую Декларацию прав «Декларацией обязанностей»². В 1900 г. в Париже под лозунгами идей солидарности собрался даже первый европейский «Конгресс социального воспитания».

Однако наиболее полную и логически последовательную социально-государственную доктрину солидаристской гармонизации классовых отношений изложил в своих работах французский правовед Л. Дюги (1859-1928). В книге «Государство, объективное право и положительный закон» (1901), а также в последующих работах Дюги писал, что основой общества является неравенство людей, что приводит к разделению общества на классы, каждый из которых выполняет свою необходимую функцию. Будучи осознанным, факт солидарности порождает и соответствующую социальную норму, которую Дюги формулировал следующим образом: «Ничего не делать, что уменьшает солидарность по сходству и солидарность через разделение труда; делать все, что в материальных силах личности, чтобы увеличить социальную солидарность в обеих этих формах». Эта норма солидарности стоит, по мнению Л. Дюги, выше государства и положительных законов, которые лишь служат ее осуществлению: «Норма права возлагает на всех обязанности не делать ничего, что противоречит общественной солидарности, и делать все для развития этой солидарности»³. В то же время Л. Дюги враждебно относился к социализму: «Если бы восторжествовала коллективистская доктрина, — писал он, — она бы даровала

¹ История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000. С. 578.

² Там же. С. 594.

³ История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000. С. 595.

государству власть еще более могущественную, чем та, которой одарила его революция (1789 года — *авт.*); это было бы равносильно уничтожению личности и возврату к варварству»¹. Вместе с тем Л. Дюги признавал и одобрял мирное, ненасильственное **синдикалистское** движение, имеющее целью обуздание эгоизма частных предпринимателей и ставящее разумные границы требованиям наемных рабочих.

Выступая против либеральных доктрин, Дюги особенно остро критиковал идеи равенства и естественных прав человека, закрепленные в Декларации прав человека и гражданина. Люди не равны от природы, занимают соответственно этому разные положения в обществе и должны иметь разное, а не одинаковое юридическое состояние. Что же касается прав личности, то Дюги вообще отрицал это понятие. Постоянно ссылаясь на Огюста Конта, он призывал заменить понятие субъективного права понятием социальной функции, тождественной обязанности «исполнять ту работу, к которой обязывает социальная норма». «По солидаристской доктрине, — рассуждал Дюги, — индивид не имеет никакого права, он имеет лишь социальные обязанности». Эти взгляды Дюги развивал особенно обстоятельно применительно к собственности, которая, оставаясь частной, рассматривается им не как субъективное право индивида, а как его обязанность «свободно, полно и совершенно выполнять социальную функцию собственника»². Дюги стремился доказать необходимость и полезность частной собственности. «Существует и, вероятно, долго будет существовать исключительно капиталистический класс, — писал он, — и я в этом не вижу ничего дурного ... Капиталистическому классу отводится особая роль: собирать капиталы и отдавать их в распоряжение предприятий. Капиталист-собственник исполняет особенную социальную функцию; я отрицаю его субъективное право собственности, но признаю его социальный долг. Покуда капи-

¹ Там же. С. 596.

² Там же. С. 597.

талистический класс будет выполнять предназначенную ему функцию — он будет существовать»¹. Правда, под капиталистами-собственниками, как это видно из его слов, он понимал не предпринимателей, а собственников **финансового капитала, рантье** (что объясняется особым расцветом этой прослойки в тогдашней Франции, достигавшей 15% населения).

Дюги уделял большое внимание и социальным обязанностям государства. Он считал, что оно должно заботиться о всеобщем образовании, здравоохранении, социальном обеспечении граждан, об охране труда и т.д.

Идеи Дюги произвели большое впечатление на современников, влияние его теории на идеологию и практику своего времени было глубоким и долговременным. В России его взгляды нашли отражение в концепции М.М. Ковалевского, на идеи Дюги о «социальных функциях» права благожелательно ссылались А.Г. Гойхбарг и другие советские юристы 1918-1920 гг.

В то же время, доктрина синдикалистского (корпоративного) государства была воспринята в Италии **фашистской партией**, пришедшей к власти в результате октябрьской революции 1922 г. «Хартия труда» (1927) провозглашала единство нации в корпоративном государстве. Частное предпринимательство провозглашалось социальным долгом; солидарность классов обеспечивалась системой синдикатов, включенных в структуру высших органов государства. Использование идей Дюги фашистским, франкистским и другими аналогичными режимами дискредитировало идею синдикалистского представительства.

Другой основополагающей тенденцией западноевропейской социально-государственной мысли конца XIX века был постепенный отказ социалистических идеологов от крайностей радикальной марксистской доктрины. Наиболее ярко и полно эта тенденция выразилась в работах немецкого социал-демократа, одного из лидеров германской социал-демократии и 2-го Интернационала,

¹ История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000. С. 597.

идеолога реформизма Э. Бернштейна (1850-1932). В свое время Бернштейн участвовал в разработке Готской программы Социал-демократической партии Германии. Однако в конце 90-х годов XIX в. он опубликовал в партийной печати серию статей, изданных затем отдельной книгой «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899). Опираясь на положения Маркса (в частности о том, что ни одна общественно-экономическая формация не погибает раньше, чем разовьются полностью все производительные силы, для которых она дает простор), Э. Бернштейн приходил к выводу, что капитализм еще не исчерпал всех своих возможностей. «Если победа социализма является имманентной необходимостью, — писал он, — то в основание ее должно быть положено доказательство неизбежности экономического краха современного общества. Это доказательство еще не дано, оно не может быть дано».

Бернштейн доказывал, что практика не подтвердила ни вывода о «крушении капитализма», ни предсказания неизбежного «обнищания пролетариата» (опираясь на данные статистики, он показал, в частности, что происходит не обнищание пролетариата, как следовало из теории Маркса, а неуклонный подъем уровня его жизни). С другой стороны, указывал он, растущее профсоюзное и социал-демократическое движение вынуждает буржуазию к ряду уступок, способных заметно улучшить положение рабочего класса. Идея социализма, по мнению Э. Бернштейна, как идея далекого будущего **отвлекает** рабочее движение от борьбы за улучшение настоящего. В конце концов, он отверг научное обоснование социализма, считая его **этическим идеалом**, отверг учение о неизбежности краха капитализма, о революции и диктатуре пролетариата, и выдвинул программу преобразования капитализма реформистским путем («Конечная цель движения ... для меня ничто, а само движение — все»)¹.

¹ История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000. С. 579.

Впрочем, вывод, к которому Бернштейн пришел в своем докладе 1913 года под названием «Непреходящее в марксизме», в целом не так уж и радикален: «Да, все три основные части учения Маркса — философия истории, анализ капиталистического общества и теория классовой борьбы рабочих в этом обществе были в частности модифицированы новыми исследованиями и самим ходом произошедшего развития общества. Но в своих основополагающих понятиях учение лишь укрепилось. Развитие подтвердило его глубочайшие идеи»¹.

Таким образом, к началу XX века оба противоположных течения социально-политической мысли в Западной Европе уже двигались **навстречу** друг другу — крайний **либерализм** переходил постепенно в **солидаризм**, признававший правомерность некоторых требований социалистических доктрин, а крайний (марксистский) социализм переходил постепенно в умеренный **социал-демократический реформизм**, признававший правомерность некоторых требований либерализма и эффективность его экономических механизмов. Не случайно, поэтому, что все основные лидеры германской социал-демократии отнеслись резко отрицательно к тем методам, которые применялись большевиками в ходе революции 1917 года и формирования основ нового, социалистического общества в России и СССР.

Однако решительное сближение и примирение между этими двумя основными направлениями социально-политической мысли на Западе произошло только перед началом Второй мировой войны, когда весь Западный мир оказался охваченным **Великой депрессией** (1930-е годы), прерванной еще большим социально-политическим катаклизмом — самой разрушительной в человеческой истории мировой войной, и особенно после этой войны, когда многие западные страны были вынуждены и на практике перейти к реализации многих **социальных лозунгов**, ставших уже широко популярными в предшествующий

¹ Там же. С. 581.

период. Не случайно, что только события Великой депрессии вынудили перейти к принятию социального законодательства даже и правящие круги США, дольше всех державшиеся за идеи чистого либерализма (называемого там «консерватизмом»).

Начало принятию такого законодательства было положено правительством Ф.Д. Рузвельта (1882-1945) в 1930-х и в начале 1940-х годов в ходе проведения его политики «Нового курса». Сам Рузвельт в 1941 году сформулировал основные принципы этой политики следующим образом: «Четыре свободы, без которых невозможно сохранение мира: «свобода слова и самовыражения», «свобода вероисповедания», «свобода от нужды», «свобода от страха». А в 1944 г. он же предложил и «Экономический билль о правах» в дополнение к знаменитому американскому «Биллю о правах», защищавшему только духовно-политические права и свободы американских граждан¹.

В русле этих реформ, пенсионное обеспечение было введено в Канаде (1927) и США (1935); страхование от безработицы ввели в Швеции (1934), Канаде (1940) и т.д. В первых послевоенных Конституциях (Франции 1946 г., Италии 1947 г., ФРГ 1949 г.), наряду с основными политическими правами граждан провозглашается и ряд важных социальных прав (право на труд, отдых, социальное обеспечение, образование и др.). Возрастает социальная роль государства в результате значительной активизации его экономических и социальных функций. Государство начинает во все возрастающей степени обслуживать **социальные потребности** развития, достигнутые в результате научно-технического прогресса. Объектом государственной защиты и поддержки становится **большинство населения**. Следует в то же время отметить, что перечисленные социальные гарантии вводились на Западе не только под давлением внутривнутриполитических обстоятельств, но и под влиянием успехов социализма в СССР.

¹ См. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 140.

Теоретическим обоснованием необходимости перехода к такой политике стала прежде всего новая экономическая теория Дж.М. Кейнса (1883-1946), исходившая уже из **аксиомы**, что рыночная экономика сама по себе не только лишена каких бы то ни было внутренних механизмов, противодействующих длительной безработице и стагнации экономики, но и прямо предполагает такую безработицу в качестве своего рода «платы за рынок»¹. Великая депрессия, согласно этой теории, явилась не случайностью, а неизбежным следствием свободного, нерегулируемого капиталистического рынка, который просто должен быть **взят под контроль** западного общества, если оно не хочет погибнуть. В сложившейся ситуации, писал Кейнс, политики обязаны найти «новые средства, которые позволили бы спасти капитализм от того, что именуют большевизмом». Таким средством и предлагалась активная государственная политика, направленная на защиту населения от крайностей и несовершенств нерегулируемого рынка.

Другой важной теоретической основой построения современного социального государства стала концепция «социальной рыночной экономики», разработанная послевоенными немецкими экономистами во главе с А. Мюллером-Армаком (предложившим и сам этот термин) и с успехом реализованная на практике Л. Эрхардом (1897-1977), сумевшим восстановить немецкую экономику и обеспечить экономическое процветание и социальный мир в Германии в тяжелейших условиях послевоенной разрухи. Основные принципы социальной рыночной экономики были изложены самим А. Мюллер-Армаком в его статье «Социальная рыночная экономика», написанной для толкового словаря социальных наук. В этой статье он дал объяснение социальной рыночной экономике или, точнее говоря, объяснил ее первую и изначальную концепцию², в

¹ См. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. В 2-х т. Т. 2. М., 1993.

² См. Нелль-Бройнинг О. фон. Насколько социальной является «социальная рыночная экономика»? // *politiconom*. Российско-германский журнал по экономической теории и практи-

которой были соединены две основные идеи — **либеральная идея рынка и конкуренции** как наиболее эффективных механизмов роста и развития материального производства, и идея **социально-государственного перераспределения доходов** в пользу тех слоев населения, которые нуждаются в социальной защите и не способны (уже или еще) к полноценной конкуренции на рынке труда. Кроме того, подчеркивалась необходимость сознательной экономической политики государства, направленной как на поддержание условий свободной конкуренции, так и на обеспечение общего экономического роста, являющегося необходимой основой для улучшения жизни всех слоев общества¹.

В послевоенной Федеративной Германии произошло возвращение к идее и ценностям социального государства на конституционном уровне. Началось становление основных компонентов системы социального государства. В итоге эта страна стала своеобразным лидером Запада в политической практике формирования первой модели современного социального государства. Опыту Германии последовали вскоре и другие западные страны.

«Экономическое чудо» Германии, достигнутое ею после войны в условиях политики социальной рыночной экономики, а также успехи других западных стран, проводивших аналогичную политику, привели к активизации и теоретических дискуссий по проблемам сущности, типологии и моделей социального государства. В англоязычной политической социологии в качестве синонима немецкого выражения «Sozialstaat» У. Темпл в 1941 году ввел в научный оборот категорию «Welfare State»². При всех терминологических различиях между названными категориями их содержание в целом не слишком различается.

ке. 2000. № 2 (13). С. 53.

¹ См. также: Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991. С. 14-15.

² Волков Ю.Е. Социальное управление как вид управленческой деятельности в общественных системах // Социально-политический журнал. 1997, № 3.

Наиболее полно основные принципы устройства и функционирования социального государства были отражены в концепции, сформулированной шведским экономистом и идеологом социального государства Г. Мюрдалем (1898-1987), чья концепция общества «всеобщего благоденствия» является в настоящее время наиболее авторитетной и общепризнанной. Суть этой теории, как ее формулировал Мюрдаль, заключается в том, чтобы «мирно и без революции — а фактически взамен революции — проводить в капиталистическом государстве скоординированную публичную политику, и притом с такой эффективностью, которая постепенно привела бы экономику страны в соответствие с интересами большинства граждан»¹. Согласно концепции Г. Мюрдаля, государства всеобщего благоденствия, обладают рядом общих признаков, в числе которых он особенно выделял **смешанную экономику** (т.е. сочетания предприятий с частной и государственной собственностью) и мощную **систему социальной защиты** населения от несовершенств рынка. Возражая Ф. фон Хайеку и другим идеологам крайнего рыночного либерализма, Мюрдаль доказывал, что планирование в современном капиталистическом обществе вызвано объективными причинами, и прежде всего образованием **монополий**. Современные страны Запада, писал он, «бесконечно далеки от либеральной модели свободного рынка». Государственное вмешательство необходимо для поддержания равновесия и стабильного роста экономики. Планирование призвано урегулировать деятельность крупных экономических объединений и не затрагивает, следовательно, индивидуальной свободы. В то же время, политический процесс в наиболее развитых государствах благоденствия (к ним Мюрдаль относил Швецию и Великобританию) поставлен под «расширяющийся народный контроль»².

¹ История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000. С. 628.

² История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000. С. 628.

Таким образом, в заключение нашего анализа становления и развития теоретических и политических основ современного социального государства мы можем сделать следующие основные выводы.

Формирование идеи и концепции социального государства происходило на Западе в условиях борьбы двух основных доктринальных направлений общественно-политической мысли, отстаивавших приоритеты разных сторон социального бытия современного человека. Идеалы духовно-политической свободы личности ставил во главу угла **либерализм**, допускавший вместе с тем и полную свободу нерегулируемых рыночных отношений, подрывавшую материальные основы этой свободы. Идеалы достойного обеспечения материальных потребностей современного человека ставил во главу угла **социализм**, требовавший вместе с тем ликвидации свободы распоряжения частной собственностью, что также подрывало материальные основы духовной и политической свободы отдельных личностей, попадавших в полную зависимость от государства.

Постепенное **взаимное признание** частичной правомерности и обоснованности притязаний обеих основных идеологических доктрин привело уже к началу XX века к их сближению в рамках концепции социального государства, старающейся примирить обе противоположности и обеспечить в современном обществе как духовную, политическую и экономическую свободу граждан, так и достойный уровень материального обеспечения их большинства населения. В этом взаимном **примирении** и заключается, на наш взгляд, общая теоретическая суть доктрины современного социального государства.

2.7. Научно-практические выводы

В философии истории было предложено множество различных периодизаций развития общества, среди которых в настоящее время наибольшим при-

знанием пользуется схема, разработанная в рамках **марксистской** концепции. Согласно этой периодизации, в человеческой истории выделяется первоначальный период первобытнообщинного строя и последующие периоды рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического общества. Основой деления здесь выступают формы **производственных отношений** (формы собственности) и формы **эксплуатации** низов верхами.

Деполитизированная модификация этого подхода, получившая широкое признание в последнее время, делит всю историю на периоды первобытного (охотничье-собираательского), аграрного, индустриального и постиндустриального общества (формирующегося в настоящее время). Эта периодизация носит **производственно-экономический** характер, и в основе ее лежит уровень и характер развития **производительных сил** общества. Наиболее нейтральная и объективистская, она в наибольшей степени приемлема в качестве **основы** для любых теоретических построений.

При этом обе эти периодизации исходят из постулата **первичности материальных** процессов и отношений в обществе.

Однако в философии истории сохраняется до сих пор и **противоположная** точка зрения на историческое развитие, согласно которой первичными являются не материальные условия жизни, а форма и уровень **духовного развития** общества. Наиболее известной из периодизаций, основанных на таком подходе, является схема, предложенная основателем социологии О. Контом (1798-1857). Согласно Конту, человечество проходит в истории через три следующих необходимых стадии своего развития — **теологическую, метафизическую и позитивную**.

Однако в этой концепции не различаются и смешиваются две **противоположные** формы общественного сознания — **теоретическая** (научная) и **практическая** (религиозно-духовная, идеологическая).

Периодизация **теоретического** развития общественного сознания может быть представлена следующим образом. **Первый период** духовно-теоретического развития — это период до возникновения мифологии, представляющей собой самую первую попытку осмысления мира. Его можно назвать периодом **первобытного сознания**. **Второй период** начинается с создания самых первых мифов, авторов которых мы, естественно, не знаем. Этот период можно назвать **мифологическим**. **Третий период** начинается с создания первых, уже собственно теоретических, **натурфилософских** систем, то есть, — систем Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра (VI в. до н.э.) и др. Этот период духовно-теоретического развития представляет собой эпоху возникновения, расцвета и господства в теоретическом сознании Запада греческой, и особенно, **платоновско-аристотелевской** метафизики, и его можно назвать **метафизическим**. **Четвертый период** духовно-теоретического развития начинается с философских систем Ф. Бэкона (1561-1626) и Р. Декарта (1596-1650), предлагающих впервые совершенно новую теоретическую парадигму, приводящую вскоре к таким выдающимся научным достижениям, как теории Н. Коперника, Г. Галилея, И. Ньютона и др. Этот, четвертый период развития теоретического сознания протекает под знаком господства **эмпирического, экспериментального естествознания**, на которое равняются и которому подражают сейчас и все гуманитарные науки. Его, действительно, можно назвать **позитивистским** (или **эмпиристским**) периодом.

Таким образом, **первобытный, мифологический, метафизический и позитивистский** — четыре основных периода духовно-теоретического развития «человечества» (западной цивилизации).

Однако духовно-теоретическое развитие общества, которому уделяется преимущественное внимание западными мыслителями, не играло в предшествующей истории человечества той выдающейся роли, которая приписывается ему современным западным сознанием. А во многом оно не играет такой роли

и в настоящее время. Гораздо большее влияние на жизнь общества оказывало (и оказывает) не его теоретическое развитие, а его развитие **религиозно-духовное** (идеологическое).

И если мы посмотрим на историю западной цивилизации **с этой точки зрения**, то должны будем выделить в ней совсем другие основные этапы и периоды. Прежде всего, всю ее историю мы должны будем разделить на периоды **до рождения Христа**, и периоды — **после рождения Христа**. Фактически, именно так она и разделена в современном западном летоисчислении. Период до рождения Христа самими христианами назван **периодом язычества**. Однако и в нем нам необходимо выделить и еще более древний и первоначальный период, в котором не приходится говорить даже и о языческом сознании. Этот, **самый первый** период можно условно назвать периодом **первобытного** (до-языческого) сознания. **Второй период** — это эпоха возникновения, расцвета и господства языческой формы идеологического сознания. Он начинается с создания героических и теогонических поэм Гомера (IX-VIII вв. до н.э.) и Гесиода (VIII-VII вв. до н.э.), которые и создали, по замечанию одного древнего автора, грекам их богов, и завершается в эпоху рождения и деятельности Христа. **Третий период** — это эпоха возникновения, развития и господства христианской религиозной доктрины. Наконец, **четвертый период**, началом которого служит эпоха Просвещения и Великой французской революции, — это период возникновения, развития и господства постхристианской, секулярной, **просвещенческой** идеологической доктрины, которая и составляет собой религию современного Запада (точнее, — ее доминирующее духовное ядро).

Таким образом, основные этапы **духовно-религиозного** развития западной цивилизации — это **первобытная, языческая, христианская и просвещенческая** (постхристианская) эры, или эпохи.

Однако, если мы обратимся к другим, **незападным** цивилизациям, то там аналогичные эры или эпохи связаны с появлением совсем других, своих соб-

ственных учителей и пророков, предложивших и развивших там иные оригинальные духовно-религиозные доктрины и учения. В Китае, в частности (и вообще на Дальнем Востоке), мы должны будем делить всю историю на периоды до и после **Конфуция** (551-479 до н.э.); в Индии — на периоды до и после **Будды** (623-544 до н.э.); на Ближнем Востоке — на периоды до и после **Заратустры** (греч. Зороастр, X-VI вв. до н.э.), до и после **Моисея** (предп. XIV в. до н.э.) и до и после **Мухаммеда** (570-632).

При этом периоды до появления указанных учителей и пророков относятся там к первобытным и языческим эрам, а периоды после господства их учения либо еще и **не начинались**, либо находятся на самом первоначальном этапе их развития. Так, своеобразным аналогом европейского Просвещения, видимо, можно признать так называемую революцию (секуляризацию) Кемаля Ататюрка (1881-1938), проведенную однако с достаточной полнотой и последовательностью пока лишь в одной только Турции (и, на других началах, — в некоторых бывших советских мусульманских республиках). В других же мусульманских странах подобных преобразований либо еще вообще не проводилось, либо осуществлены даже и некоторые **контрреформы** (как, например, в ваххабитской Саудовской Аравии). Что же касается некоторых стран Африки, например, то там и вообще господствуют еще, по существу, **языческие** и даже **первобытные** формы духовно-религиозного сознания.

Таким образом, разные регионы, народы и страны нашей планеты в духовно-религиозном отношении не только значительно отличаются от цивилизации Запада **по содержанию** своих религиозных доктрин, но и находятся по отношению к нему **на разных ступенях духовного развития**. При этом в **материально-экономическом** отношении они могут принадлежать в то же время к одному и тому же — аграрно-индустриальному или даже индустриальному типу.

Последнее замечание указывает на то, что материальное и духовное развитие общества не имеет, по-видимому, той жесткой связи, на которой настаивает марксистская теория. С другой же стороны, между **теоретическим** и **религиозным** развитием общественного сознания, по-видимому, существует достаточно прочная взаимосвязь.

Однако при этом мы должны правильно понимать сущность религии и законы ее формирования и развития в человеческом обществе. И прежде всего мы должны четко отличать теоретическое сознание (науку) от религии. Наука адресована нашему **интеллекту**; религиозное же учение адресовано нашей **воле**. Религия отвечает в наиболее общей форме на вопросы: «что есть Добро» и «что есть Зло». Она образовывает и воспитывает не наш ум, но нашу волю, делая ее истинно человеческой. Наука же отвечает только на вопросы «что есть» и «чего не существует» — она только **просвещает** наш ум. Поэтому никакое научное знание не способно заменить собой религию.

Критерий истинности научных утверждений лежит во внешней действительности. Критерий истинности религиозных заповедей лежит в самой нашей воле, которая от природы (априори) знает (чувствует), что есть добро, и что есть зло (подчинена нравственному закону). Религия не создает нравственности, но только **осознает ее**, формулирует и выражает.

Нравственный характер нашей воли состоит в ее стремлении и тяготении к самоотрицающему, «служительному» отношению к миру, в поиске **смысла жизни**, высшей и **самой возвышенной формой** выражения которого и является религия. Она выражает нравственность в форме божественных заповедей, которые наша воля и признает своими именно потому, что они и действительно — ее собственные (изначально заложенные в ней). В религии она просто узнает самое себя.

В то же время, совершается этот процесс не одномоментно, а в ходе длительного и противоречивого развития, составляющего содержание челове-

ской истории. Кроме того, у каждого исторического народа этот процесс протекает **по-своему**.

Если воспользоваться терминологией Гегеля, то развитие античной (наиболее изученной) рациональной философии было **первым отрицанием** в лоне древнего **мифологического** сознания, первой попыткой **теоретического** сознания стать **абсолютным** (закрывающим в себе все мировоззрение); а последовавшее затем «контрнаступление» **морально-религиозного** сознания (в форме христианской религии) — есть второе отрицание, или **отрицание отрицания**.

Но у **восточных** народов, как уже отмечено выше, аналогичные процессы развития духовного сознания протекали на своей собственной основе, имели **другую форму** и другую историческую периодизацию, которая требует специального исследования. Каждая из четырех (пяти) современных мировых религий имеет свою собственную оригинальную историю и свое собственное духовно-нравственное содержание, в чем-то отличающееся от остальных мировых религий, имея, вместе с тем, с ними и много общего. Конкретное исследование каждой из них не должно игнорировать ни этого общего, ни специфического, так как и то и другое **на практике** имеет очень большое значение.

В особенности такого углубленного исследования заслуживают сегодня две мировых религии — христианство (в его протестантской версии) и ислам как две духовно-религиозных доктрины, оказывающих на современную мировую политику наибольшее влияние (в рамках противостояния Восточной и Западной цивилизаций).

В то же время относительно Западной цивилизации необходимо исходить из того, что ее духовно-религиозное развитие, начиная с XIX века, осложнилось еще и противоборством **религиозных** и **светских** идеологических доктрин, не получивших пока столь же мощного развития на Востоке (или не принявшего там столь острых форм).

Идеологическая борьба в Средневековом европейском обществе носила в основном **внутриконфессиональный** и **межконфессиональный** характер. В первом случае это была борьба ортодоксального официального учения с различными **еретическими** движениями, а во втором — борьбой с остатками **языческих** верований (колдовство, ведьмы и т.п.), с **исламом** (который христиане первоначально причисляли к особому еретическому учению), **иудаизмом**, **православием** и впоследствии — с **протестантизмом**. Однако с появлением на духовно-культурной арене Европы (в XVIII веке) **антирелигиозных** философско-рационалистических доктрин Просвещения идеологическая борьба осложняется еще и противостоянием религиозного сознания в целом с различными антирелигиозными и безрелигиозными социальными учениями. В свою очередь, и эти последние раскалываются вскоре на различные социально-философские направления, относящиеся по-разному как к религии, так и к друг другу, и вступают в напряженную борьбу между собой.

В результате, идеологическая борьба на Западе в XVIII-XX веках приобретает сложнейший **религиозно-философский** характер. Основной формой, в которой протекала духовная борьба в Европе в эпоху Просвещения, когда там зарождалась впервые новая, чисто светская (**секулярная**) морально-нравственная доктрина, была конфронтация между **наукой** и **религией**. Борьба **религиозного** и **секулярного, просвещенческого** мировоззрений протекала в XIX веке сначала во Франции, а затем и во всей Европе, с **переменным успехом**, — с частичными **возвратами** к изгоняемым религиозным идеям и нормам, и закончилась в конце концов не полной победой одной из сторон, а некоторым их **примирением**, но на условиях продиктованных теперь уже новой, **просвещенческой** идеологией (то есть, так же, как в свое время и спор христианства с язычеством). Старая, религиозная идеология при этом сохранила значительную часть своего влияния на умы новых европейцев, но это влияние не было уже господствующим и доминирующим. Ее прежнее положение заняла

идеология **просвещенческая**, а религиозные доктрины были оттеснены на периферию европейского сознания. Вместе с тем, освобождение от влияния христианского учения привело к освобождению и многих **языческих** и даже **первобытных** представлений и верований (астрологии, магии, ворожбы, колдовства и т.п.), захвативших свою нишу на западном рынке свободы совести.

На смену же религиозной духовной борьбе в Европе пришла борьба различных **светских** мировоззрений, возросших уже на почве просвещенного европейского сознания. При этом, если Реформация дискредитировала в Западном мире альтруистическую солидарность индивидов как **средство спасения** в христианской ценностно-нормативной парадигме, то материалистические учения эпохи Просвещения и социал-дарвинистские концепции Нового Времени дискредитировали и саму идеалистическую и трансцендентную **цель жизни** христианина — спасение души и вечную жизнь за гробом. Новая ценностно-нормативная парадигма западного общества предлагала теперь своим членам чисто **материалистическую цель** жизни — улучшение своего положения в этом мире, и универсальным **средством** к достижению этой цели предлагала **тотальную конкуренцию** индивидов в борьбе за материальные блага. В этом и состоит суть духовной культуры классического рыночного, капиталистического общества. С особой последовательностью все эти новые идеи воплотились в философско-политической доктрине **либерализма**.

Самой существенной чертой либерализма (являющейся одновременно и главным его достоинством, и главным его недостатком) является **абстрактный** (предельно общий и абсолютный, **вневременный**) подход к человеку. Либерализм выступает в защиту человека вообще, вневременного и внесоциального человека, которого в действительности не существует. В каждую данную эпоху и в каждом конкретном обществе любой человек является не только человеком вообще, но и мужчиной или женщиной, молодым или старым, здоровым или инвалидом, богатым или бедным, правящим или подчиненным и т.д. И поэтому

свобода личности, которую ставит во главу угла либерализм, оборачивается ко всем этим конкретным людям своими **различными сторонами**, в зависимости от того, что они собой в действительности представляют, какое **реальное** положение они занимают в том или ином обществе.

Поэтому у либеральной доктрины, по мере воплощения в жизнь ее основных принципов, множилось число ее оппонентов и критиков, развивавших **противоположный** подход к обществу, получивший название коммунизма (**социализма**). Так уже в самом начале существования нового общества обнаружилось его основное противоречие — противоречие между **свободой личности** и **социальной справедливостью**. Первое начало было положено в основу различных доктрин **либерализма**, а второе — в основу доктрин **коммунизма** и **социализма**. В борьбе между этими двумя идеологиями прошли затем весь XIX век и почти весь XX век.

В отличие от либерализма, социализм исходит не из представлений о человеке вообще, а из анализа положения реального человека, живущего в конкретном, **капиталистическом** обществе, разделенном в имущественном отношении на два основных класса — класс собственников и класс пролетариев. Другим принципиальным отличием социализма от либерализма является то, что первый рассматривает человека не только и не столько как **духовное** существо, нуждающееся прежде всего в **свободе**, сколько существо **материальное**, нуждающееся прежде всего в **пище, одежде, жилище** и т.д. Социализм объявляет либеральную общественную доктрину либо ошибочной, либо недобросовестной, призванной отвлечь человека от его реальных, **материальных** интересов и заговорить его красивыми словами о свободе, демократии и т.п., оторванных от жизни призрачных, иллюзорных ценностей. Особенно фальшивым при этом социализму кажется либеральный **идеал свободы**. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» — таков основной вывод (или постулат) социализма.

Вместе с тем, социализм полностью принимает либеральную точку зрения на **социальное равенство** всех людей, и именно с этой точки зрения он и осуждает вопиющее **материальное неравенство**, допускаемое в условиях капитализма. Однако социализм в своей крайней (марксистской) формулировке видит свою миссию в том, чтобы выражать интересы не всего общества и не человека вообще, а интересы только **угнетенного неимущего класса**, составляющего большинство населения, и единственное полноценное средство его освобождения он усматривает в **революционном** (насильственном) упразднении института частной собственности на средства производства и передаче последних в собственность и управление всему обществу (поначалу — только революционному рабочему классу). Более мягкие течения социализма выступают за **ненасильственный** и «естественный» (эволюционный) характер перехода средств производства в общественную собственность.

Под влиянием русской революции 1917 года, Западные страны вынуждены были все же признать огромные успехи и **частичную правоту** социалистических режимов, лежавших в основе их **привлекательности** для населения самих западных стран, и вынуждены были приступить к социалистическим (по содержанию) **реформам** своих обществ. Именно обоснованием этих послевоенных реформы и является по существу современная концепция **социального государства**. Она представляет собой своеобразный **синтез** либеральных и социалистических идей и доктрин, **их примирение, но на либеральной основе**.

Современную доктрину социального государства, поэтому, следует рассматривать как **исторический синтез** либеральных и социалистических идей и доктрин, как их **примирение**, в котором делается попытка сохранить сильные и правомерные положения обеих доктрин, дополняющих, а не отрицающих друг друга.

Однако и либерализм, и социализм в XX веке обрели себе нового идеологического противника в лице **национализма**, отрицавшего некоторые общие

посылки, лежавшие в основе обеих великих просвещенческих идеологических доктрин.

И теоретические, и идеологические концепции эпохи Просвещения, включая и марксизм, разрабатывались на основе **только западноевропейского** исторического материала. Но при этом их авторы считали, что они описывают некоторое **общество вообще**, которое они именовали «человечеством». В итоге и самих себя новые европейцы стали впервые понимать уже не в качестве христиан, французов, европейцев или народов Запада, а в качестве некой **части всего человечества**, правда, — в качестве «**самого передового и прогрессивного**» его отряда. В качестве реакции на это **космополитическое** воззрение и появляются на Западе первые расовые и этнополитические доктрины. Теоретической основой их является так называемая **цивилизационная** концепция истории, в настоящее время конкурирующая в социальной философии с марксистской **формационной** теорией.

В результате дальнейшего развития трех указанных направлений в светском мировоззрении Западной цивилизации и сформировались основные духовно-идеологические противоречия, определившие собой и основные политические конфликты в XX веке.

Фашистские и национал-социалистские идеологии являются по существу **националистическими**, отрицающими космополитизм либеральных идеологий. Ключевыми идеями национализма признаются обычно: «1) национальная самоидентификация, осознание единства со своей нацией; 2) понимание нации как высшей ценности; 3) утверждение идеи исключительности своей нации». В отличие же от социалистических доктрин, также отрицающих либералистский индивидуализм в пользу коллективизма, в националистических учениях высшей ценностью провозглашаются интересы не отдельного класса, а **всей нации в целом**. Классовые конфликты в рамках национализма рассматриваются в качестве подчиненных и разрешаются в рамках конфликтов межнациональных

(межгосударственных). Поэтому национализм, как правило, ведет к обострению межгосударственных отношений и чреват вооруженными конфликтами. Вторая мировая война как раз и явилась таким гигантским столкновением народов, в котором агрессивной стороной выступили националистические государства, в первую очередь, — Германия, Италия, Япония и др.

Поражением блока националистических держав во Второй мировой войне исторический спор между **национализмом** и **наднационализмом** (в его либералистской **индивидуалистической** и коммунистической **интернационалисткой** формах) был решен в пользу последнего. Расистские, этнократические и националистические идеи были осуждены мировым сообществом и подвергнуты всесторонней критике.

Однако противоречия между самими двумя основными формами наднационализма привели затем к затяжной Холодной войне между послевоенными блоками буржуазных и социалистических государств. Постепенное **взаимное признание** частичной правомерности и обоснованности притязаний обеих основных идеологических доктрин привело уже к началу XX века к их сближению в рамках концепции социального государства, старающейся примирить обе противоположности и обеспечить в современном обществе как духовную, политическую и экономическую свободу граждан, так и достойный уровень материального обеспечения их большинства населения. В этом взаимном **примирении** и заключается, на наш взгляд, общая теоретическая суть доктрины современного социального государства.

В целом же можно сказать, что, анализируя ценностно-нормативную систему того или иного современного общества, мы должны четко выделять, во-первых, ее центральную, **доминирующую** парадигму, и, во-вторых, ее периферийные, недоминирующие парадигмы, расцвет которых или уже в **прошлом** (как это произошло с христианской или советской ценностно-нормативными парадигмами), или еще только в **будущем** (как это может произойти с некото-

рыми новыми ценностно-нормативными парадигмами, конкурирующими с нынешней доминирующей). Недоминирующие ценностно-нормативные парадигмы также оказывают более или менее сильное влияние на членов конкретного общества.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И ФОРМЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

3.1. Научная классификация видов и форм экстремизма

В научной литературе¹ различается множество видов и форм экстремизма — религиозный экстремизм, этнический экстремизм, политический экстремизм, экологический экстремизм и т.д. Но, поскольку современные формы экстремизма обычно не укладываются в простые определения, то исследователи прибегают чаще всего к сложным (смешанным) их определениям — религиозно-политический экстремизм, этнополитический экстремизм, этноконфессиональный экстремизм и т.д. Однако во всех подобного рода определениях обычно отсутствует **теоретическая система**, позволяющая выделить все основные формы экстремизма и соотнести их между собой в рамках единого понимания.

Между тем, теоретический анализ показывает, что в основе выделения различных видов и форм экстремизма лежит понятие **социально-политического конфликта**. Именно это понятие позволяет нам выделить и описать различные виды и формы экстремизма с максимальной полнотой и конкретностью. И действительно, экстремизм, согласно развиваемому подходу, — это определенная линия политического поведения, направленная на разрешение (устранение) какого-либо социально-политического конфликта. Вне конфликта говорить об экстремистских действиях бессмысленно, ибо сами такие действия теряют социально-политический смысл и переходят в разряд обычной психопатологии.

¹ См., напр.: Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2007; Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махач-

3.1.1. Понятие социально-политического конфликта

Между двумя любыми субъектами социально-политической деятельности, теоретически, могут существовать следующие три типа отношений.

(1) Отношение **безразличия** (индифферентности), при котором интересы одного из субъектов ни в чем ни противоречат, ни совпадают с интересами другого субъекта. Так, например, сторонники запрещения абортосов совершенно индифферентны к защитникам окружающей среды.

(2) Отношение **противоречия**, при котором реализация интересов одного субъекта ведет к ущемлению интересов другого. Так, например, увеличение доли прибыли в выручке компании или в совокупном валовом продукте нации ущемляет интересы наемных работников, доля которых (заработная плата) при этом автоматически уменьшается.

(3) Отношение **совпадения** интересов, при котором реализация интересов одного из субъектов ведет к реализации также и интересов другого субъекта. Так, например, усиление эксплуатации населения какой-либо колонии или полукolonии капиталистами колониальной державы ведет к улучшению положения и всех остальных классов и слоев страны-эксплуататора, в том числе и ее рабочих.

В зависимости от того, какого рода отношения существуют между двумя любыми субъектами в рамках той или иной социально-политической системы, между ними будут развиваться и соответствующие формы **взаимодействия**. В случае совпадения их интересов будут развиваться отношения **согласия**, взаимной поддержки и помощи. В случае же противоречия их интересов будут развиваться отношения **конфликта**, конфронтации, соперничества.

Таким образом, **конфликт** — это форма социального взаимодействия любых социально-политических субъектов, интересы которых вступают в противоречие друг с другом.

Понятие интереса впервые поставил в центр социально-философской науки французский мыслитель К.А. Гельвеций (1715-1771). «Если физический мир, — писал он, — подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса. На земле интерес есть всесильный волшебник, изменяющий в глазах всех существ вид всякого предмета»¹. «Люди не дурны, — говорил он, — а только следуют своим интересам»².

Что же понимал он под интересом? «В обычном употреблении, — пояснял Гельвеций, — смысл слова **интерес** суживается до значения: любовь к деньгам; просвещенный читатель поймет, что я беру это слово в более широком смысле и что я применяю его вообще ко всему, что может доставить нам удовольствие или избавить от страдания»³. Такое разъяснение призвано было притупить жало его знаменитого сочинения «Об уме» (1758), в котором он развил эти положения в стройную теоретическую систему. Однако многочисленные примеры, которыми Гельвеций наполнил свое сочинение, свидетельствовали, скорее, в пользу **узкого** понимания им слова интерес. Под интересом он чаще всего понимал именно **материальный интерес**, материальную выгоду, а не что-либо иное. Не случайно, поэтому, его книга «Об уме» была немедленно осуждена Сорбонной, предана анафеме Церковью и лично Папой римским Климентом XIII и сожжена на костре по приговору Парижского парламента. При этом ее осудили не только духовные и светские власти Франции, но и единомышленники Гельвеция — Вольтер, Руссо, Даламбер, Тюрго, Мопертюи, а

¹ Гельвеций К.А. Об уме. Сочинения в 2-х т. М., 1973. Т. 1. С. 186-187.

² Там же. С. 203.

³ Там же. С. 183.

Дидро (сам последовательный материалист) даже посвятил ее систематическому опровержению специальную работу¹.

Несомненно, материальный интерес является **одним из сильнейших** двигателей социально-политических и межличностных отношений, в том числе и конфликтов. Тем не менее, мы не должны сводить все только к этому интересу, так как кроме него людьми движут также и другие интересы, которые мы подробнее рассмотрим ниже.

Здесь же мы должны обратить внимание еще и на то, что у любых двух субъектов, находящихся в состоянии конфликта, кроме их частных (личных) интересов, всегда есть еще и их **общий интерес**, в отношении которого их позиции совпадают. В частности, обе конфликтующие стороны хотят **жить и выжить** в результате разрешения конфликта. И даже, если одна из сторон готова **принести себя в жертву** достижению своих целей в конфликте, она заинтересована в том, чтобы жил и выжил какой-то другой субъект, связанный с ним **социальными узами** (его семья, дети, потомки, соплеменники, соратники и т.д.). В противном случае сама жертва оказывается бессмысленной и ничьи интересы не реализуются. Именно **общий интерес** делает возможным удовлетворительное для **обеих сторон** разрешение острых конфликтов.

Этот обстоятельство подчеркивал и сам Гельвеций. Более того, именно **общий интерес** всех жителей той или иной страны он считал **главным ориентиром** для законодателей. «Я утверждаю, — писал он, — что все люди стремятся только к счастью², что невозможно отклонить их от этого стремления, что было бы бесполезно пытаться это сделать и было бы опасно достигнуть

¹ Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Дидро Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1991.

² Сравни со знаменитой строкой из Декларации независимости, составленной Т. Джефферсоном: «Мы считаем самоочевидными истины: что все люди созданы равными и наделены Творцом определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью ...» (Американские просветители: Избранные произведения. М., 1969).

этого и что, следовательно, сделать их добродетельными можно, только объединя личную выгоду с общей. Установив этот принцип, мы ясно видим, что этика есть пустая наука, если она не связана с политикой и законодательством; из этого я заключаю, что, для того чтобы быть полезными для мира, философы должны рассматривать предметы с той точки зрения, с которой на них смотрят законодатели. И, не будучи вооружены той же властью, они должны быть воодушевлены тем же духом. Дело моралиста указать законы, исполнение которых обеспечивает законодатель, налагая на них печать своей власти»¹.

При этом в конфликте любых личных и частных интересов с общими Гельвеций предлагал становиться на сторону именно **общего интереса**. «Этому принципу, — писал он, — следует жертвовать всеми своими чувствами, даже чувством гуманности. Общественная гуманность бывает иногда безжалостной по отношению к отдельным лицам. Когда корабль застигнут продолжительным штилем и властный голос голода заставляет решить жребием, кто должен послужить пищей для остальных спутников, тогда несчастную жертву убивают без угрызений совести. Этот корабль может служить эмблемой каждого народа: все, что имеет в виду благо народа, законно и даже добродетельно. Из сказанного мной следует, что в вопросе о добродетели надо считаться не с теми частными сообществами, в которых мы живем, а только с интересом общества в целом. Тот, кто станет действовать таким образом, будет всегда совершать поступки или непосредственно полезные обществу в целом, или выгодные частным лицам без вреда для государства»².

Великая Французская революция явилась грандиозным экспериментом по проверке социально-политических идей, развитых мыслителями эпохи Просвещения. И этот эксперимент показал, что интересы всего общества (или большинства народа), как бы их ни определять на практике, могут вступить в

¹ Гельвеций К.А. Об уме. Сочинения в 2-х т. М., 1973. Т. 1. С. 262-263.

² Гельвеций К.А. Об уме. Сочинения в 2-х т. М., 1973. Т. 1. С. 206.

самое жестокое противоречие с интересами отдельных личностей, и даже целых сословий и слоев народа. Принцип примата общественной пользы (общественного блага), выраженный в экстремистской форме и проведенный затем **якобинцами** с железной последовательностью, привел к разгулу революционного террора во Франции и был, таким образом, дискредитирован. В настоящее время ориентиром законодателей является уже не абсолютный примат интересов государства над интересами личности и общества, а некоторый **баланс их интересов**.

Это заставляет нас рассмотреть и основные **виды субъектов** — носителей социальных частных и общих интересов и потенциальных участников социально-политического конфликта.

3.1.2. Субъекты социально-политического конфликта

Основной формой существования общества в настоящее время является **государство**. Догосударственные же формы общества — это отдельные родовые и территориальные общины, роды (кланы) и их различные объединения — племена, союзы и конфедерации племен и т.д. В рамках современного государства эти, **догосударственные** формы объединения людей оказываются **внутригосударственными** субъектами социально-политической жизни и деятельности. С образованием государства они никуда не исчезают, но **подчиняются** более высокой и обширной форме организации человеческой жизнедеятельности — форме **государственной**. Однако их совместное с государством существование приводит к тому, что между их интересами и интересами самого государства возможен социально-политический конфликт.

Такого рода конфликты следует определять как **внутригосударственные**. К ним относятся также конфликты не только между самим государством и его различными **частными**, догосударственными субъектами, но и конфлик-

ты этих последних **между собой**. Так, например, конфликт между кабардинцами и балкарцами в Российской Федерации или конфликт между осетинами и ингушами представляют собой именно такого рода конфликты. Их обычно определяют как **межэтнические**. Конфликты же этих субъектов с самим государством в целом (как, например, конфликт между чеченским народом и федеральным центром) называются обычно **этнополитическими** (или **этногосударственными**).

Однако внутригосударственные конфликты возможны не только на этнической (племенной) почве (хотя именно такая основа порождает **наиболее острые** формы их), но и на различных других основах. В частности, конфликт может возникнуть и на идеологической почве, каковым был, например, конфликт между советским (марксистским) государством и православной церковью, а также и всеми иными религиями и верованиями народов СССР. Внутри государства может возникнуть также и **межконфессиональный** конфликт (например, между православием и иными конфессиями или сектами). Возможен также и внутригосударственный конфликт на **региональной** основе — по линии регионы-столица (периферия-центр). Так, в настоящее время в Российской Федерации тлеет явное недовольство многих регионов остальной России ее столицей — Москвой и москвичами, которые, по мнению провинциальных жителей, присваивают себе непропорционально большое количество финансовых ресурсов, обескровливая тем самым регионы. Конфликт этот не носит этнического или конфессионального характера и возникает полностью на региональной основе. К числу внутригосударственных относятся также и **социальные** конфликты (например, между пенсионерами и остальным населением, между бюджетниками и остальным населением, между молодежью и остальным населением и т.д.), и конфликты **отраслевые** (например, между финансовым, промышленным и сельскохозяйственным секторами экономики), и конфликты **территориальные** (между городами и областными (районными) территория-

ми), и многие другие, менее значимые конфликты, которые мы рассмотрим детальнее ниже.

Однако, наряду с внутригосударственными, в современном мире существуют еще и **межгосударственные** (международные) конфликты, в рамках которых все население одного государства (**вся нация** в общегражданском смысле) противостоит всеми своими интересами населению другого (других) государств со всеми их интересами. В рамках межгосударственного конфликта затрагиваются и конфликтуют именно **все интересы всех граждан** всего государства. Это — гораздо более мощная и грозная форма социально-политического конфликта, в рамках которой все частные (внутригосударственные) конфликты обычно отступают на второй план и затихают перед лицом более грандиозного и опасного конфликта.

Еще более мощную и опасную форму имеют конфликты между **союзами** различных государств, возникающими на политической, религиозно-культурной (цивилизационной) или геополитической основе. Мировые войны, представляющие собой силовое разрешение подобного рода конфликтов, являются нам пример самых мощных и разрушительных социально-политических катаклизмов.

Таким образом, **по субъектам** социально-политического конфликта, мы можем различать прежде всего **межгосударственные** (международные) и **внутригосударственные** конфликты. А среди последних мы можем различать, во-первых, конфликты различных **частных** социально-политических субъектов с государством в целом (их можно называть **государственно-политическими** конфликтами), и, во-вторых, — конфликты частных социально-политических субъектов между собой (их можно называть **частно-политическими** конфликтами).

Однако выявление субъектов социально-политического конфликта еще не раскрывает нам **сути самого конфликта**, так как не указывает на то, **какого**

рода интересы этих субъектов являются основой того или иного конфликта. Выявление такого рода интересов позволило бы нам определить и **содержание** (суть) самого конфликта.

3.1.3. Содержание социально-политического конфликта

В основе понятия интереса лежит понятие **ценности**. Ценностью является то, что необходимо для существования, процветания или развития того или иного социально-политического субъекта. Интерес — это **осознанное стремление** субъекта к той или иной **ценности**. Самые серьезные ценности, при этом, конечно, те, которые необходимы для **физического выживания** субъекта. А таковы — **материальные ценности**. К ним обычно относят пищу, одежду, жилище и т.д., но этот традиционный («марксистский») список принципиально неполон, так как с самых ранних времен существования общества к ним принадлежит еще и **оружие**. Для государства в целом оно **столь же необходимо** для выживания в этом мире, как и предметы удовлетворения витальных человеческих потребностей.

В рамках государства материальные ценности обеспечиваются прежде всего землей — всей **территорией** государства, являющейся основой развития его экономики. И потому наиболее важной причиной межгосударственных конфликтов издавна является спор за **территорию и ее недра**. Но и внутригосударственные конфликты во многом представляют собой борьбу за материальные ценности и их **распределение** между различными частными и индивидуальными субъектами.

Однако одними материальными интересами невозможно объяснить все виды и формы конфликтов, существующих как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической сферах. Для уточнения современных представлений о других видах интересов можно обратиться к наиболее признанной в настоящее

время в социальных науках иерархической классификации различных **потребностей**, предложенной американским психологом А. Маслоу. Он выстроил все потребности в определенную иерархию — от низших к высшим, — и указывал при этом, что по мере удовлетворения одной (низшей) потребности индивидуум переходит к удовлетворению другой (более высокой). Конкретнее, он выделил следующие виды потребностей, расположив их в иерархическом порядке от низших к высшим:

1. Физиологические потребности (пища, вода, воздух, отдых, сон).
2. Потребности в безопасности.
3. Потребности в любви и принадлежности.
4. Потребности в уважении.
5. Потребность в самоактуализации.
6. Потребность в знании и понимании.
7. Эстетические потребности.

При этом Маслоу утверждает, что удовлетворение низших потребностей приводит к **актуализации** (обострению) потребностей более высокого уровня. Например, обеспечив себе пропитание, человек начинает заботиться о своей безопасности; обеспечив безопасность, начинает искать любви и общения в группах; обеспечив любовь и уважение, начинает думать о самореализации (например, в творчестве) и т.д. Таким образом, полное удовлетворение всех потребностей человека невозможно. Человеку всегда есть к чему стремиться и за что бороться.

Однако теория Маслоу не содержит никаких обоснований его иерархии. Почему он выделяет у человека именно такие и именно столько видов различных потребностей — этого он не объясняет. Он просто излагает свой перечень в том виде, который **ему кажется** наиболее адекватным. Не дает он и никакого общего определения потребности и часто вообще смешивает потребность с мотивом. Поэтому его теорию сегодня следует считать, скорее неким («философ-

ским») **учением о потребностях**, чем экспериментально подтвержденной научной теорией. Да и сам А. Маслоу именно так ее и понимает.

Примерно той же схемы в понимании человеческих потребностей и их иерархии придерживаются и современные российские психологи, которые в большинстве своем принимают следующую их классификацию¹.

1. Материальные потребности (в пище, одежде, жилище).
2. Духовные потребности (в знании и понимании, в эстетическом наслаждении, в творчестве).
3. Социальные потребности (в общении, в труде, в признании и т.д.).

Никакого обоснования и этой схемы нет и у российских ученых. Это тоже всего лишь **учение**, основанное на более или менее верной **интуиции** и не подкрепленное ничем, кроме интуиции.

В западной психологической литературе большим авторитетом, кроме того, пользуется и оригинальная **теории мотивов**, предложенная американским психологом Д. Макклелландом, развивающим концепцию «естественных мотивов»², в которой у него в качестве таковых выделяются: 1) «мотив достижения», 2) «мотив власти», 3) «аффилиативные мотивы» (куда у него входят, наряду с сексуальным мотивом, потребности в общении, признании и т.д.), и 4) «мотив избегания». Однако, по мнению многочисленных критиков этой теории³, у человека не существует никакой «потребности в достижении» и, следовательно, — никакого «мотива достижения». Но стремление к достижению цели (к **успеху**) присутствует при актуализации **любой потребности** и сопровождает поведение, движимое любым мотивом. Д. Макклелланд (и все сторонники этой теории), по-видимому, просто смешивают, с одной стороны, понятие по-

¹ См. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2008. С. 21-45.

² См. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб. 2007.

³ См. Ильин Е.П. Предисловие научного редактора к книге Д. Макклелланда // Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007. С. 14-17.

требности с понятием мотива, а, с другой, — различные **реальные мотивы** с их общей стороной, свойством любой мотивации.

Таким образом, можно констатировать, что рассматриваемые понятия — потребности, ценности и мотивы — представляют для современных психологов значительные трудности. Существующие у них теории во многом основаны еще на **интуитивном** понимании, и могут считаться лишь современными **учениями**, но не завершенными теориями. Среди психологов отмечается также и очень большая разногласия в определении понятия мотивов и потребности, иерархии потребностей и т.д.

Поэтому есть смысл обратиться за разъяснением рассматриваемых понятий к самым истокам социальной мысли, то есть, к социально-этическим концепциям древности и прежде всего — к Аристотелю (384-322 до н.э.). Этот мыслитель далекого прошлого понимал многие вещи в рассматриваемой области намного лучше и глубже, «чем тьма ученых ныне».

Согласно выработанной еще в платоновской Академии и воспринятой также и Аристотелем точке зрения, все земные блага можно разделить на **внешние** и **внутренние**. Последние неотделимы от самого человека и его личности, тогда как внешние блага существуют отдельно и независимо от человека. Внутренние блага, в свою очередь делятся на: 1) **телесные** (здоровье, рост, сила, внешняя красота и т.д.) и 2) **душевные** и **духовные** (мудрость, мужество, благоразумие и все другие античные добродетели). Именно душевные и духовные блага Аристотель (а вместе с ним и весь античный мир) считал **высшими благами** для человека. Без них невозможно его счастье. Однако столь же необходимыми для счастья античность признавала и блага **внешние**. К последним и относятся прежде всего **материальные блага**, составляющие **богатство**. Кроме богатства, к внешним благам Аристотель относил также еще **власть**, и **«почести»**, которые в его теории теснейшим образом связывались с обладанием душевными благами — добродетелями.

Дело в том, что одного только **обладания** добродетелями недостаточно для счастья, иначе мы могли бы быть счастливы и во сне. Следовательно, необходимо еще и какое-то **практическое применение** их в реальной и повседневной жизни¹. Но где же их можно применять? Отвечая на этот вопрос, Аристотель делил все образы жизни как формы и способы **практического применения добродетелей** на следующие три: «созерцательный», «государственный» и «скотский», который, собственно, и не является добродетельным. Первый из них состоит в накоплении **мудрости**, в познании, то есть, в погоне за **знаниями**. Второй образ жизни состоит в занятии **государственными делами**. Этот путь Аристотель считает «погоней за **почестями**». «Люди достойные и деятельные (*praktikoi*), — пишет он, — [понимают под благом и счастьем] **почет**, а цель государственного образа жизни почти это и есть»². Наконец, третий путь жизни состоит в погоне за чувственными **наслаждениями**, которые и доставляются в основном материальным богатством. «И вот, — говорит Аристотель, — большинство, сознательно избирая скотский образ жизни, полностью обнаруживают свою низменность»¹.

Однако в этом его рассуждении обнаруживается, вместе с тем, что самито по себе, **без применения**, добродетели ничего не стоят. Все зависит именно от того **применения**, которое дает им человек. Ведь, и «скотский» образ жизни требует от человека и определенной мудрости, и определенного мужества, и благоразумия и т.д., вместе с тем, подчиняя человека накапливаемому им вещному богатству. Следовательно, не в самом по себе **обладании** добродетелями заключено достоинство и счастье человека, а в тех **целях**, которые он перед ними

¹ Цицерон же еще более акцентирует эту мысль: «Но отличаться доблестью, — пишет он, — словно это какая-то наука, недостаточно, если не станешь ее применять. Ведь науку, хотя ее и не применяешь, все же возможно сохранить благодаря самому знанию ее; но доблесть зиждется всецело на том, что она находит себе применение, а ее важнейшее применение — управление государством и совершение на деле, а не на словах всего того, о чем кое-кто твердит в своих углях» (Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966. С. 8-9).

² Аристотель. Никомахова этика // Сочинения. В 4-х т. Т. 4. М., 1983. С. 58.

ставит, в том **применении**, которое он им находит, и в тех **результатах**, которых он с их помощью добивается. Ведь тот, кто совсем ничего не совершил — ни плохого, ни хорошего, — тот совсем ничего и не имеет, да и не достоин иметь, будь он, по своим **способностям**, равен, хоть, и Гомеру. В то же время, человек самых выдающихся достоинств, вроде Алкивиада, может и не иметь ничего, кроме злосчастья, и не заслуживать ничего, кроме проклятий именно из-за того, **на какое дело** он обратил свои выдающиеся способности.

Иначе говоря, достоинство человека заключается, прежде всего, в том деле, **которому он служит** и в тех **результатах**, которых он **добивается**, и только затем — в том, **чем и как он им служит**, какими располагает для этого внутренними (добродетели) и внешними **средствами**. Добродетели сами по себе — не цель, а **средство**. Античные же мудрецы склонны были обращать внимание преимущественно только на сами по себе **способности** (таланты, одаренность, достоинства и т.д.) и на сами по себе похвальные качества характера.

Исправляя в этом отношении их точку зрения на человеческое благо и его различные виды, мы можем утверждать, что в обществе существует только **четыре вида** основных **внешних благ**, внешних **ценностей**, за которые только и может вестись в обществе индивидуальная и коллективная борьба. Это ценности: 1) **материальные** (богатство), 2) ценности **политические** (власть), 3) ценности **социальные**, или, лучше сказать, **социально-психологические** (любовь, уважение, почет, слава, репутация, доброе имя и т.д.) и 4) ценности **духовные**, или **духовно-культурные** (научные, эстетические и идеологические, включая и религиозные). Именно за эти ценности в основном и идет в современном мире социально-политическая борьба как внутри государств и народов, так и между ними.

Ценности же «внутренние», то есть телесные и душевные качества самого человека тоже могут стать предметом борьбы за обладание ими, но при этом

¹ Там же.

сам обладатель этих ценностей в такой борьбе не участвует — не он борется с другими за обладание этими ценностями, а другие люди могут бороться между собой за «обладание» этим человеком со всеми его достоинствами. Такая борьба, впрочем, идет в основном в сфере **межличностных** отношений, и на социально-политический уровень она, как правило не выходит (только в древности Троянская война могла разразиться из-за похищения прекрасной Елены, если, конечно, именно она явилась тогда яблоком раздора).

Таким образом, мы можем выделить только четыре вида борьбы и, соответственно, — четыре вида социально-политических **конфликтов**, которые можно обозначить как **экономические, политические, социально-психологические** и **духовные** (духовно-культурные) конфликты. При этом, если общий смысл первых трех более или менее ясен сам собой, то в понимании духовных конфликтов существуют издавна большие разногласия.

Духовные ценности — это научные, художественные и идеологические (в том числе и религиозные) **идеи, творения и учения**. В научных идеях и теориях человек различает **истинное** и **ложное** (заблуждение); в эстетических идеях и творениях он различает **прекрасное** и **безобразное**; в идеологических идеях и учениях он различает **правду** (праведное) и **ложное**. Наиболее трудное для понимания — последнее. Русское слово «правда», как свидетельствуют филологи¹, с большим трудом переводится на иностранные (в том числе и ев-

¹ Вот что пишет об этом один из узников ГУЛАГа в своих мемуарах: «Споры о правде и истине в лагерях и тюрьмах шли бесконечно. Так как русский не мой родной язык, я сначала не мог понять разницы. Потом мне ее объяснил один филолог. Истина — это выражение факта объективной реальности, тогда как правда — чисто русское понятие, включающее в себя элемент более высокого, чем объективная истина, порядка. <...> Русский, который стоит за правду, стоит за такую истину, которой следует еще добиться, за правду, включающую в себя жизненный идеал, правду, в которой поступки отдельного человека находятся в соответствии с требованиями этики ... В кабинетах НКВД, на партсобраниях истина была ничем, она была относительна, ее можно было менять по усмотрению. И только правда была абсолютна. Сначала мне, как и многим другим, не прошедшим такой школы, трудно было уловить, каким образом такая «филологическая тонкость», могла оказывать влияние на судьбы и жизни тысяч и тысяч людей. На практике же из этого филологического нюанса возникла тирания правды над истиной. Он-то, этот нюанс, и оказался тем рычагом, с помощью которого белое

ропейские) языки. Ему трудно подобрать иноязычный эквивалент. Но и в самом русском языке это понятие трудно определимо. **Правда** — это некоторый синтез, сплав истины, красоты и справедливости. Это понятие духовно-нравственное¹.

Однако правда, истина и красота как **внешние** духовные блага (ценности) имеют между собой, с социально-политической точки зрения, **то общее**, что человек не может обладать ими так же, как он обладает остальными внешними благами. Богатством, властью, любовью и славой человек обладает и пользуется ими сам (хотя и с участием в этом других людей, от которых в конечном счете он и получает все эти ценности), но истиной, красотой и правдой он не может владеть и пользоваться аналогичным образом. Более того, это, скорее, **они овладевают им и подчиняют его себе**. Человек, обретший истину, красоту и правду принадлежит им, и они буквально **заставляют его служить себе**. Он не может **сопротивляться** их власти. Знающий, что $2 \times 2 = 4$, не может думать, что оно равно пяти. Восхищенный Сикстинской мадонной, не может не любоваться ею. И точно так же уверовавший, например, в несправедливость эксплуатации человека человеком, не может одобрять несправедливых порядков.

Приведем для иллюстрации последнего утверждения только один знаменитый человеческий документ — это письмо К. Маркса к З. Мейеру от 1867 года. «Итак, почему же я Вам не отвечал? — Пишет 49-летний Маркс. — По-

обращалось в черное. Такой диалектики не изобретала даже инквизиция» (Бергер И. Крушение поколения: Воспоминания / пер. с англ. Я. Бергер. Edizioni Aurora. Firenze, 1973. С. 66-67).

¹ «Всякий раз, как приходит мне в голову слово «правда», — писал Н.К. Михайловский он, — я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски правда–истина и правда–справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое... Безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению в правде–истине, правде объективной, и в то же время охранять и правду–справедливость, правду субъективную, — такова задача всей моей жизни ...» (Михайловский К.М. Сочинения. М., 1906. Т. 4. С. 451).

тому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать **каждый** момент, когда я бывал в состоянии работать, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине **непрактичным**, если бы подох, не закончив своей книги, хотя бы только в рукописи»¹.

Понятно, что не только Маркс, но и все другие великие учителя человечества — Конфуций, Будда, Христос, Мухаммед, Ленин и т.д., равно как и множество их учеников и последователей — являют нам примеры именно такой **подчиненности** человека своей вере, пример **одержимости** захватившими их нравственными идеями. «Истина, — говорил Г. Гегель, — есть великое слово и еще более великое дело. Если дух и душа человека еще здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь»². Следует однако признать, что не менее великое слово и дело — **правда**, имеющее над умами и душами людей еще более могущественную власть. Все войны, все насилия и вообще все поступки и деяния людей, которые творились, творятся и, надо полагать, еще будут твориться в будущем, всегда оценивались, оцениваются и будут оцениваться людьми неизбежно как справедливые, либо несправедливые. Все величайшие раздоры и революции, изменявшие жизнь общества на долгие годы, десятилетия и даже века, происходили всегда из стремления утвердить или восстановить в этом мире **правду и справедливость**; и, пока люди вообще живут и дышат на нашей планете, они, видимо, никогда не перестанут желать и искать правды и бороться за нее.

С «технической» же стороны необходимо отметить, что рассматривае-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948. С. 185.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. Т. 1. М., 1974. С. 108.

мые в данном случае духовные блага, будучи по происхождению своему **внешними** каждому отдельному человеку (кроме их творцов), после их **усвоения** от последних превращаются уже в блага **внутренние**, неотделимые от самой личности человека, и именно этим и объясняется их власть над ним. Одержимый ими человек думает, чувствует и поступает теперь так, а не иначе именно потому, что такой стала теперь его природа. Человек превращается в **орудие идей**. Этот процесс можно сравнить с программированием компьютера, который представляет собой мертвое «железо» до тех пор, пока на нем не установлена ни одна программа. Но после установки такой программы он превращается уже в **орудие**, подчиняющееся вложенной в него программе. Можно этот процесс сравнить также и с заражением вирусом тела человека, которое после инфекции начинает выполнять вирусную программу.

Практический же общий вывод состоит в том, что против людей, «зараженных» идеями можно бороться только **идейными** же средствами (если они вообще могут быть побеждены другими идеями). Никакими материальными средствами от духовной одержимости излечить невозможно. Именно поэтому в обществе издавна идет напряженная борьба **за духовное влияние** на отдельных людей, их социальных группы и слои, на население тех или иных государств и их групп и на все человечество в целом. В ходе этой борьбы любой человек или группа людей, любое государство стремятся сохранить или расширить масштабы своего духовного влияния на них, поставив тем самым их **зависимость** от тех идей, которые разделяются борющимися сторонами. Так называемая «холодная война» между «всем прогрессивным человечеством» и «свободным миром», в котором на данный момент празднует победу последний, является наиболее ярким примером именно такой, в основе своей **идеологической, духовной** борьбы.

Эта борьба принципиально отличается от экономической, политической

и даже социально-психологической их форм, так как в последних субъекты борются лишь **за присвоение** соответствующих ценностей, за то, чтобы **самим владеть** ими (или получить большую и лучшую их долю). В идеологической же, **нравственной** борьбе субъекты борются не за себя, а «**за идею**» — за то, чтобы **их правда** утвердилась в мире, получила в нем распространение и торжество. Они борются за свое, но не за себя. И именно поэтому они готовы и свои личные интересы и даже самих себя приносить **в жертву**.

Таким образом, **по содержанию** все социально-политические конфликты мы должны разделить прежде всего на конфликты духовные, **мировоззренческие** (среди которых основной — нравственный, идеологический) и конфликты остальные — **экономические, политические и социально-психологические**. В экономических конфликтах борьба идет за материальные ценности (**богатство**) и их распределение в обществе или в мире в целом; в политических конфликтах борьба идет **за власть** (за то, кто именно будет издавать законы и отдавать приказы, а кто будет им подчиняться); в социально-психологических конфликтах борьба идет за уважение, честь и **признание достоинства** того или иного субъекта. Все эти три вида конфликтов можно определить как **просто социальные** (не мировоззренческие). В мировоззренческих же конфликтах борьба идет за то, **чьи именно и какие духовные ценности** будут торжествовать в мире и в умах людей (а, следовательно, — и в их поступках, в их **поведении**).

В то же время необходимо отметить и подчеркнуть, что все виды ценностей в обществе теснейшим образом взаимосвязаны. И поэтому, хотя людей, ведущих, например, политическую или духовную борьбу, невозможно удовлетворить материальными ценностями (например, просто подкупив их), тем не менее, их победа в борьбе несет с собой одновременно и определенную долю политической власти и улучшение их материального положения. И, наоборот, — улучшение материального или политического положения каких-либо субъ-

ектов и их групп оборачивается для них и усилением их духовного влияния на остальные слои общества. Тем не менее, какая-то одна из четырех выделенных нами сторон — материальная, политическая, социально-психологическая или духовная — в любом социально-политическом конфликте является **определяющей**, а остальные носят **подчиненный** характер.

Совершенно неправильно, поэтому, сводить все только к экономическим или только к политическим или только к психологическим **своекорыстным** мотивам, как неправильно и вовсе не учитывать их. «Мы утверждаем, — писал по этому поводу Гегель, — что вообще ничто не осуществлялось в мире без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью, и так как мы называем интерес страстью ... то мы должны вообще сказать, что ничто великое в мире не совершалось без страсти. ... К числу таких людей принадлежит [например] Цезарь, которому грозила опасность быть побежденным теми, которые готовились стать его врагами, и лишиться достигнутого им положения, занимая которое, он был если не выше других лиц, стоявших во главе государства, то по крайней мере равен им. На стороне этих врагов Цезаря, которые вместе с тем преследовали свои личные цели, были формальная конституция и сила юридических формальностей. Цезарь боролся в своих интересах, чтобы сохранить свое положение, честь и безопасность, и его победа над врагами означала вместе с тем завоевание целого государства, так как их могущество состояло в господстве над провинциями римского государства; таким образом он, сохранив форму конституции, стал единоличным властелином в государстве. Но то, что ему таким образом принесло осуществление его прежде всего отрицательной цели, а именно единоличная власть над Римом, оказалось вместе с тем само по себе необходимым определением в римской и всемирной истории, оно явилось, таким образом, не только его личным достижением, но инстинктом, который осуществил то, что в себе и для себя было своевременным. ...

Итак, — заключает Гегель, — частный интерес страсти неразрывно свя-

зан с обнаружением всеобщего, потому что всеобщее является результатом частных и определенных интересов и их отрицания. Частные интересы вступают в борьбу между собой, и некоторые из них оказываются совершенно несостоятельными. Не всеобщая идея противопоставляется чему-либо и борется с чем-либо; не она подвергается опасности; она остается недостижимой и неведимой на заднем плане. Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред. ... Хотя мы и примиряемся с тем, что индивидуальности, их цели и их удовлетворение приносятся в жертву, что их счастье вообще предоставляется случайности, к царству которой оно относится, и индивидуумы вообще подводятся под категорию средств, однако в них есть такая сторона, которую мы не решаемся рассматривать только с этой точки зрения даже и по отношению к высшему началу, потому что она есть нечто безусловно независимое, само по себе вечное, в них. Это моральность, нравственность, религиозность»¹.

Иначе говоря, даже и мировоззренческая борьба в реальности **неотделима** от борьбы своекорыстных интересов — за власть, за богатство, за почести и славу, но было бы большой ошибкой сводить все только к этим, частным и личным интересам, равно как было бы ошибкой и видеть мировоззренческую борьбу там, где речь идет только о частных и личных («шкурных») интересах. В каждом конкретном случае, следовательно, необходим полный и глубокий анализ **подлинного содержания** того или иного конфликта, и только на такой основе можно выработать и действенную **стратегию разрешения** данного конфликта.

3.1.4. Стратегии разрешения конфликта

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. Сочинения. М.-Л., 1935. Т. VIII. С. 80-85.

Поскольку то или иное общество продолжает существовать и не переходит в состоянии **полной разорванности** внутренними противоречиями, постольку все конфликты в нем так или иначе **разрешены** и постоянно **разрешаются**. Последнее не означает, однако, что все конфликтующие субъекты в нем полностью **удовлетворены** сложившимся положением вещей. Наоборот, как правило, многие из них **недовольны** тем, как реализуются их интересы при сложившемся порядке и ищут способы **поправить** свое положение. В этом и состоит, по существу, то, что называется социально-политической **жизнью общества**. Полное неудовлетворение интересов, равно как и полное удовлетворение их есть смерть общества. В то время как жизнь его состоит в **постоянной борьбе** субъектов за улучшение своего положения¹.

Осознавая себя в состоянии конфликта с другими субъектами, которые **ущемляют** те или иные его интересы, любой социально-политический субъект вынужден выработать и определенную **линию своего поведения** по отношению к своим противникам (оппонентам). Теоретически, таких **нормальных** общих линий поведения у него может быть всего только две: 1) **путь борьбы** за улучшение своего положения и 2) **путь смирения** со своим положением, путь ухода от борьбы. Соответственно, и идеологий, освящающих тот или иной путь, может быть тоже только две — идеология, **оправдывающая** существующее положение вещей, и идеология, **осуждающая** его, зовущая к изменениям и переустройству сложившегося порядка. Однако возможен, конечно, еще и такой **парадоксальный** способ поведения, при котором человек не только смиряется со своим ущемленным положением, но даже и находит в нем, так сказать, «глубокое удовлетворение»².

¹ «История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший или худший мир» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 36. С. 23).

² В заостренном виде эти основные линии поведения выражены в следующем знаменитом высказывании В.И. Ленина. «Раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против

Очевидно, что экстремизм как способ разрешения социально-политических конфликтов проявляется только в тех идеологиях и в действиях тех субъектов, которые выбирают **путь борьбы** за улучшение своего положения в обществе. Однако **средства**, которыми они могут надеяться достичь своих целей, могут быть тоже только следующих трех видов.

Во-первых, — это **бескомпромиссная** борьба, решительное **насилие** над своими противниками и оппонентами, призванное или вовсе **уничтожить** их и тем самым устранить **саму основу конфликта**, или же — полностью **подавить** их, лишить их самой возможности борьбы за свои интересы. В последнем случае противники как бы меняются ролями (кто был «ничем», становится «всем», и наоборот), но сам конфликт не исчезает. Известной и древнейшей формой такого разрешения конфликтов является **война**.

Во-вторых, — это **компромиссная**¹ форма борьбы с использованием **полумирных-полунасильственных** средств, которая не может, конечно, ни устранить самого конфликта, ни доставить полного торжества слабейшей стороне, но может в то же время более или менее **улучшить ее положение** в рамках существующей формы разрешения конфликта. Такой вид борьбы называется обычно **протестом**, протестными выступлениями.

Наконец, **в-третьих**, — это борьба **исключительно мирными**, ненасильственными, «моральными» средствами, то есть, — апелляция **к сознанию**, **к совести** сильнейшей стороны и сводящаяся к призывам добровольно признать **несправедливость** (необоснованность, негуманность и т.д.) сложившегося положения вещей и **добровольно пойти на уступки** ущемленной стороне,

него, есть революционер. Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, есть просто раб. Раб, у которого слюнки текут, когда он самодовольно описывает прелести рабской жизни и восторгается добрым и хорошим господином, есть холоп, хам» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 16. С. 40).

¹ «Компромиссом, — определял В.И. Ленин, — называется в политике уступка некоторых требований, отказ отчасти своих требований в силу соглашения с другой партией» (Ленин

отказавшись в ее пользу от части своих благ. Последний путь (в случае его успеха) также ведет лишь к **частичному** улучшению положения ущемленной стороны, не устраняя ни самого конфликта, ни сложившейся формы его разрешения.

Экстремистскими, очевидно, могут быть признаны только первый способ борьбы, и отчасти также — второй, но не третий. Так, например, долгое время в Европе и США даже и забастовки, стачки (**полумирные** способы борьбы) и даже само объединение рабочих в профсоюзы считались экстремистскими формами борьбы и запрещались законом. В Америке, в частности, профсоюзы были разрешены только при Ф.Д. Рузвельте в период Великой Депрессии.

В этих условиях одни — **коммунисты и анархисты** — призывали перейти к первому способу борьбы рабочих за свои интересы, то есть — к вступлению на путь бескомпромиссной борьбы с собственниками капитала и защищавшим их интересы государством, к **уничтожению** их «как класса» и к подавлению всех их защитников. Такой путь, как мы знаем, и был в конце концов избран и проведен в жизнь в России. Однако другие — **социал-демократы** — призывали рабочих лишь к компромиссным, **полумирным** формам борьбы за свои интересы, не отрицавшим радикально самой сложившейся в Европе (рыночной) системы распределения материальных благ, а лишь исправлявшим ее в некоторых отношениях. Этот путь был избран европейскими борцами за интересы трудящихся.

Если же обратиться к самому началу социалистического движения, то в момент своего зарождения идеология рабочего класса еще предусматривала только третий — **исключительно мирный** — путь борьбы. Сен-Симон, Фурье, Оуэн и другие социалисты-«утописты» надеялись только на **моральное** торжество своих учений. Так, основатель этого учения, Сен-Симон, называвший его «Новым христианством», категорически отвергал путь насильственных дей-

ствий. Подобно Оуэну, он признавал только один путь социальных преобразований — путь **мирной пропаганды** новых идей. «Новое христианство», по его мнению, достигнет господства так же, как и старое, — «силой внутренней правды и высшей красоты его учения». «Новые христиане могут стать мучениками, но они никогда не будут палачами», — писал он. — Богатые классы сами придут к убеждению, что их интересы не пострадают от преобразования общества на началах новой заповеди — «улучшения участи беднейшего класса», так как при новом общественном устройстве, благодаря общему росту богатства и нравственному улучшению человечества, выиграют все классы населения. И до самой своей смерти он верил в мирное торжество своей новой религии. Последние слова Сен-Симона были обращены к его любимому ученику Родригу: «Яблоко зрело, — сказал он, — вы его сорвете. Мой последний труд «Новое христианство» не будет понят немедленно. Думали, что религия должна исчезнуть, потому что католицизм одряхлел. Это ошибка: религия не может исчезнуть из мира; она только преобразуется ... Родриг, не забывайте этого! И помните, чтобы совершать великие дела, нужно быть вдохновенным ... Вся моя жизнь резюмируется одной мыслью: обеспечить всем людям наиболее свободное развитие их способностей». Затем наступило короткое молчание и умирающий прибавил: «Через двое суток после нашей второй публикации партия рабочих образуется. Будущее принадлежит нам». С этими словами он положил руку на голову и умер»¹.

Однако на Западе, как мы знаем, социалистические идеи завоевали себе признание не мирным, а, если и не насильственным, то, во всяком случае, полумирным-полунасиленным путем. В то же время на социальные уступки низшим классам буржуазное общество пошло лишь имея перед глазами пример России, в которой господство буржуазии было уничтожено самими крайними,

¹ Цит. по: Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. М., 1996.

насильственными средствами, причем с особой жестокостью¹. Поэтому, на вопрос о том, какой путь борьбы является наиболее эффективным и предпочтительным, история не дает однозначного ответа. Истина здесь, как и во всех подобных случаях, лежит где-то посередине.

3.1.5. Основные виды и формы экстремизма

Проведенный выше анализ основных видов и форм экстремизма показывает, что наиболее значимым основанием для их научной классификации является различие **основных субъектов** социально-политических конфликтов. Именно субъектами конфликта задается конкретный набор ценностей и интересов, присущих деятелям, избирающим экстремистские формы действий, а, следовательно, — и основные формы разрешения конфликтов, равно как и способы их профилактики и противодействия экстремизму.

Исходя из этого понимания мы можем установить, что основные и самые общие виды (роды) экстремизма — это **межгосударственный** (международный) и **внутригосударственный** экстремизм. А в рамках последнего мы можем различать, во-первых, экстремизм **частных** социально-политических субъектов, конфликтующих **с государством в целом** (его можно называть **государственно-политическим** экстремизмом), и, во-вторых, — экстремизм частных социально-политических субъектов, конфликтующих **между собой** (его можно называть **частнополитическим** экстремизмом). Наиболее опасны государственно-политические виды и формы экстремизма.

При этом следует подчеркнуть, что при определении того или иного вида экстремизма недостаточно указывать лишь на **одного** субъекта, избирающего экстремистские формы борьбы, так как конфликты всегда носят, минимум,

¹ «Великие исторические вопросы, — убежден был В.И. Ленин, — решаются в последнем счете только силой» (Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т.

двусторонний характер. Экстремизм не является каким-то вечным атрибутом, присущим от природы тому или иному субъекту и направленным **против всех** остальных субъектов. Он всегда представляет собой **конкретный выбор** субъекта, осуществляемый в рамках **конкретного конфликта** и направленный против **конкретного противника** или оппонента. В частности, например, так называемый чеченский (или исламский) экстремизм в России — это не природная черта чеченского народа (или мусульман в целом), а конкретно-исторический выбор некоторых политических и духовных лидеров в рамках их борьбы против «федерального центра», ущемляющего, по их мнению, какие-то насущные интересы чеченского народа (или мусульман России). Поэтому более правильной квалификацией их действий будет определение их как внутригосударственного этнополитического (или религиозно-политического) экстремизма.

Следующим по важности признаком для научной классификации экстремизма является признак, указывающий на **содержание** конфликта. В этом отношении все основные **виды** экстремизма мы можем разделить на его **основные формы**, среди которых необходимо прежде всего выделить формы, определяемые духовными, **мировоззренческими** конфликтами (среди которых основной — нравственный, идеологический), и затем — формы, определяемые остальными типами конфликтов — **экономическими, политическими и социально-психологическими**. Соответственно, и основными общими формами экстремизма будут — **мировоззренческий** и (просто) **социальный** экстремизм. В первом случае (самом глубоком и принципиальном) целью экстремистских действий является утверждение в мире или в отдельном его регионе, в отдельном государстве или в отдельной республике некоего **нового** (или старого) **социально-политического порядка** (например, — торжество норм шариата и политики, направляемой исламскими духовными лидерами). Во втором

же случае речь идет лишь о **перераспределении** между конфликтующими субъектами материальных, властных и социально-психологических ценностей **в рамках существующего социально-политического порядка.**

Хотя, как показывает практика, чистые (простые) формы экстремизма встречаются довольно редко (чисто экономический экстремизм, чисто политический экстремизм и т.д.), и все они, как правило, отягощены еще и остальными формами, все же одна из них является обычно **определяющей**, а остальные носят побочный и **подчиненный** характер. Так, например, хотя борьба пролетариата за свои интересы и приобрела на определенном историческом этапе характер **мировоззренческой** экстремистской борьбы с существующим порядком, но, поскольку в основе ее лежали в основном **экономические** интересы наемных работников, то и частичное удовлетворение экономических и социальных требований их в западных странах позволило притушить накал этого конфликта и сделать его неопасным для самих основ существующей там системы. Из мировоззренческого конфликта борьба пролетариата превратилась в обычный социально-экономический конфликт, разрешаемый в рамках существующей социально-политической системы.

Поэтому, выяснение **основной, определяющей** формы того или иного социально-политического конфликта между конкретными субъектами имеет чрезвычайно важное значение для выработки адекватных практических мер по его разрешению.

Наконец, последний по значению признак, играющий роль в научной классификации экстремизма — это **стратегия** разрешения конфликта, избранная тем или иным социально-политическим субъектом. В этом отношении может различаться только **крайний** (радикальный) экстремизм, направленный на полное уничтожение или подавление своих оппонентов и противников, и экстремизм **компромиссный, умеренный**, прибегающий только к полумирным-полунасильственным действиям, направленным лишь на улучшение положения

одной из сторон в рамках **существующей** формы разрешения конфликта.

В следующих разделах этой главы мы рассмотрим основные виды и формы современного экстремизма более детально.

3.2. Внутригосударственный экстремизм

Наиболее важным интегративным признаком классификации различных форм экстремизма вообще является, как показано выше, **субъект** экстремистской деятельности. Этот же признак должен лежать и в основе выделения различных видов и форм экстремизма **внутригосударственного**.

3.2.1. Основные виды внутригосударственного экстремизма

Внутригосударственный экстремизм может проявляться в деятельности: 1) отдельных **индивидов**, 2) более или менее крупных социальных **групп**, и 3) в действиях больших и сверхбольших **масс** людей. Соответственно, по **количественной характеристике** субъектов экстремистской деятельности, мы можем различать экстремизм **индивидуальный, групповой и массовый**.

Групповой и массовый экстремизм, кроме того, может носить как спонтанный, **неорганизованный** характер (например, действия возбужденной уличной толпы), так и характер частично или полностью организованный. Частично организованные (**направляемые**) действия осуществляются, например, толпой, возбуждаемой и направляемой отдельными лицами или специально организованными группами, которые, в то же время, не могут отдавать прямые приказы и распоряжения, принимаемые к исполнению толпой. Полностью же организованные действия осуществляются сплоченными и дисциплинированными профессиональными группами и массами, типа армии, в которых имеется не только управляющий центр, но и жесткая управленческая связь между ним и

исполнителями. Соответственно, по степени организованности экстремистской деятельности мы можем различать экстремизм: 1) **неуправляемый** (стихийный), 2) **направляемый** (управляемый частично), и 3) полностью управляемый (**организованный**).

Наконец, по форме социально-политических конфликтов, лежащих в основе экстремистской деятельности, мы можем различать экстремизм **идеологический** (мировоззренческий), **экономический**, **политический** и **социальный**.

Проведенное выше разделение полезно представить в виде следующей таблицы (См. Табл. 1).

Таблица 1

Основные виды внутригосударственного экстремизма

		Экономический	Социальный	Политический	Идеологический
Индивидуальный	Спонтанный	Ситуативные эксцессы отдельных лиц			
	Сознательный	Устойчивая экстремистская деятельность одиночек			
	Стихийный	Очаговые стихийные волнения, беспорядки, забастовки и т.д.			
Групповой	Направляемый	Очаговые волнения, беспорядки, забастовки, направляемые спонтанно возникающими лидерами и центрами управления			
	Организованный	Организованные профессиональные действия разрозненных кружков, групп, объединений			

	Стихийный	Массовые стихийные беспорядки, волнения, погромы			
Массовый	Направляемый	Массовые беспорядки, волнения, погромы, вызываемые призывами организованных групп и направляемые профессиональными лидерами и руководителями			
	Организованный	Действия профсоюзов	Действия организованных социальных движений (экологов, пенсионеров, женских и молодежных организаций и т.д.)	Действия политических партий, движений и союзов	Действия церквей, сект, политизированных идеологических движений

Однако в представленную нами классификацию не укладывается так называемый **этнический** (этнополитический) экстремизм. Причина этого заключается в том, что его, с одной стороны, нельзя отнести полностью ни к индивидуальному, ни к групповому, ни к массовому экстремизму (хотя более всего он относится к последнему), а, с другой, — в нем нельзя указать и какой-то одной преимущественной формы его проявления, так как народ (этнос) является носителем одновременно **всех основных интересов** — экономических, политических, социальных и духовных, и поэтому может вступать в конфликты на почве любого из этих интересов и всех этих интересов сразу.

Поэтому этнический экстремизм должен быть выделен в особый его тип

и вид, являющийся одним из самых важных и сложных случаев внутригосударственного экстремизма.

3.2.2. Классово-политический экстремизм

Важнейшая плоскость внутригосударственной жизни — **классово-политическая**. Индивиды в современном обществе разделены не только по национальному и религиозному, но также и по классовому признаку.

Феодальное общество (название впервые предложено Ш. Монтескье) было обществом **сословным**. Каждый индивид в нем **по рождению** принадлежал к одному из трех сословий — дворянству, духовенству или «третьему» (низшему) сословию, составлявшему основную массу народа. Первые два сословия были **привилегированными** в политическом, духовном и экономическом отношении. Только их представители могли входить в органы политического и духовного **управления** обществом (нацией), и только они могли владеть землей — главной производительной силой того общества. Третье же сословие составляли в основном **крестьяне**, но, по мере развития и усложнения национального хозяйства все большую и большую роль в нем начинали играть **горожане** (бюргеры, буржуазия) — ремесленники, торговцы, ростовщики, рабочие-поденщики, моряки-рыбаки, юристы, светская интеллигенция и всякого рода прислуга (служащие).

Буржуазные революции на Западе отменили сословные привилегии, а во Франции, кроме того, и лишили дворян и священников большей части их земель и другой собственности. Все граждане получили теперь **равное право** занимать в государстве любые должности в сфере **политического** (военного и гражданского) и **духовного** (религиозного и светского) **управления**, а также — право **владеть** землей и другими средствами производства. В результате этих реформ политическая и духовная власть были **отделены** от власти экономиче-

ской. Обладание высшей политической и духовной властью теперь не связывалось с обладанием земельной и другой собственностью, равно как и обладание крупной собственностью не гарантировало ее владельцам обладание политической и духовной властью. Однако сами эти три власти — политическая, экономическая и духовная — никуда не исчезли. В состав элитарных классов вошли теперь **другие люди**, но сами эти классы сохранились и в буржуазном обществе. Изменился только принцип (порядок) их формирования.

Каков же этот порядок? Официальная идеология буржуазного общества провозглашает **примат личных достоинств, способностей и талантов** правящих индивидов. Обществом должны управлять самые способные и достойные, которые должны приходить к власти в честной конкурентной борьбе, и в этой борьбе **всем** гражданам должны быть представлены **равные возможности**. Побеждать должны лучшие. Однако марксистская теория (и социалистические учения вообще) утверждают, что в буржуазном обществе правят не самые лучшие, а самые богатые. Фактически, во всех сферах (и особенно в политической) правят те, кто сосредоточил в своих руках основную массу материального богатства нации, а неимущие, в силу этого, вынуждены занимать в нем положение управляемых. Поэтому марксисты призывают уравнивать всех индивидов не только в их правах, но и в их реальном отношении к национальному богатству — к основным средствам производства, которые должны быть обобществлены (национализированы). Только таким путем, по их мнению, в обществе может быть окончательно уничтожено всякое классовое неравенство и сами классы.

Однако авторы так называемой теории элит (Г. Моска, В. Парето и др.) указывают в ответ на это, что деление общества на верхи (элиту) и низы (массы) неустранимо никакими манипуляциями с собственностью. Даже и при полном коммунизме, утверждают они, избранное меньшинство будет составлять круг правящих, а серое большинство — массы управляемых. «Многие думают, — писал В. Парето, — что, если бы можно было найти рецепт устранения

«конфликта между трудом и капиталом», исчезла бы и классовая борьба. Эту иллюзию разделяет многочисленный класс тех, кто путает форму с содержанием. Классовая борьба — лишь форма борьбы за жизнь, а то, что именуют «конфликтом между трудом и капиталом», — лишь форма классовой борьбы. В средние века можно было думать, будто с исчезновением религиозных конфликтов в обществе наступит мир. Религиозные конфликты были только формой классовой борьбы; они исчезли, по крайней мере отчасти, и их заменили социальные конфликты. Представьте себе, что утвердился коллективизм, что «капитала» больше нет; ясно, что в таком случае больше не будет конфликта с трудом, но это будет означать, что исчезла только одна форма классовой борьбы; ее заменят другие. Возникнут конфликты между разными слоями трудящихся социалистического государства, между «интеллектуалами» и «неинтеллектуалами», между разными типами политиков, между ними и их подчиненными, между новаторами и консерваторами. Действительно ли есть люди, не шутя полагающие, будто с наступлением социализма полностью иссякнет источник общественных новшеств? Будто фантазия людей не породит уже новых проектов, будто интерес не побудит некоторых принять эти проекты в надежде занять более весомое место в обществе?»¹.

В этом, несколько путанном пассаже, просматривается все же та справедливая мысль, что борьба **экономических** классов в обществе есть только **частный случай** классовой борьбы вообще. Общество неустранимо разделено на **высшие** и **низшие** классы, и **экономическая** форма их разделения есть только **одна из форм**. Но, кроме нее есть еще деление на **политическую** элиту и массы, деление на **духовную** элиту и массы, деление на другие элиты и другие массы. Имущественная элита — это только одна из элит. А кроме того, конфликт интересов и классовая борьба существует не только между высшими

¹ Цит. по: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 456-457.

и низшими классами (то есть, не только «по вертикали»), но и **внутри** самих высших и низших классов (то есть, и «по горизонтали»).

Однако, при всей справедливости этого тезиса элитистов, дело все-таки заключается в том, **по какому принципу** формирует (отбирает) буржуазное общество свои правящие элиты. Одно дело, если конкурирующие индивиды в нем могут рассчитывать только на свои личные достоинства, полученные ими отчасти от природы, отчасти — от собственных усилий по самовоспитанию и самообразованию; и другое дело, если таким принципом является **унаследованное** элитарными индивидами от родителей и предков **материальное богатство**, дающее им заведомые преимущества в конкуренции с индивидами из низов. В буржуазном обществе законным и справедливым (согласно официальной идеологии) признается только первый принцип отбора элит. Однако на практике в нем господствует в основном второй. Деление на элиту и массы неустраимо, но дело в том, как именно формируется элита в современном буржуазном обществе.

Социалистическая революция в России была попыткой устранить в обществе преимущества, даваемые **от рождения** индивидам из имущих классов, и освободить конкуренцию граждан от влияния этого **несправедливого** фактора. И на первых порах коммунисты достигли в этом неоспоримых и впечатляющих успехов. Советская политическая и культурная элита 1930-1950-х годов демонстрировала явное превосходство над элитами буржуазными. Именно усилиями и достижениями этой новой элиты Советский Союз в кратчайший исторический срок был поднят до уровня мировой сверхдержавы. Однако и в условиях общественной (государственной) собственности на основные средства производства добиться справедливого **равенства возможностей** граждан не удалось, так как это противоречит самому принципу неравного вознаграждения победителей и проигравших. Ограничиться здесь одними только **моральными** (морально-психологическими) благами — уважением, славой, почетом, признани-

ем и т.д. — не удалось. И советское общество было вынуждено прибегнуть также и к неравному **материальному** вознаграждению элитарных слоев. А вместе с этим в обществе возродилось и имущественное неравенство, передаваемое **по наследству**, которое стало играть в конкурентной борьбе советских граждан ту же самую роль, что и в обществе буржуазном. Новая советская элита довольно быстро «обуржуазилась». Посетивший в 1920 году Россию Б. Рассел писал о большевиках так: «Жизнь в современной России, как и в пуританской Англии, во многих проявлениях противна человеческой природе. Если большевики все-таки потерпят поражение, причина этого будет та же, что и у пуритан: начиная с какого-то момента люди не выдержат суровой жизни, они возжаждут наслаждений и покоя больше всех других благ вместе взятых»¹. Так оно и случилось. В итоге советская элита деградировала столь же быстро, как и расцвела. Хватило всего двух-трех ее поколений. А вместе с перерождением этой элиты утратила свою жизненность и социалистическая идеология, место которой вновь заняла идеология буржуазная.

Какова же классовая структура современного буржуазного общества? В современной западной социологии в качестве основы классовой стратификации чаще всего используется не размер принадлежащей индивидам **собственности** (как предлагается в марксистской теории), а **уровень их доходов**. В соответствии с этим, американское общество, например, делится сегодня на **высший класс** (5% населения), **средний класс** (40-45%), **рабочий класс** (30%) и **низший класс** (20% населения)². При этом примерно половина населения в США имеет сегодня доходы **выше среднего** уровня, а другая половина — **ниже среднего** уровня. И действительно, даже и с марксистской точки зрения, было бы грубым упрощением делить буржуазное общество только на два класса — имущих и неимущих, потому что и сами «имущие» делятся на малоиму-

¹ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 17.

² Масионис Дж. Социология. СПб. 2004. С. 374-378.

щих, «среднеимущих», «многоимущих» и сверхбогачей («олигархов»). По справедливому замечанию М. Вебера, имущественное деление общества — это не дихотомический раскол индивидов на два основных класса (как казалось Марксу и Энгельсу¹), а некоторая их **градация**, более или менее **плавный переход** от одного имущественного состояния в другое, от низшего — к высшему.

Однако одного этого, чисто **количественного** показателя, несомненно, недостаточно. Даже оставаясь и в рамках чисто хозяйственного, экономического подхода, мы можем отметить, что важнейшее значение в данном отношении имеет еще и **вид деятельности**, с помощью которой обеспечивается индивидам тот или иной уровень дохода. Одно дело — престижный и необременительный, **интеллектуальный** труд (пусть и не приносящий в данный момент сверхвысоких доходов), и другое дело — тяжелый, опасный и вредный **физический труд**, пусть и высокооплачиваемый на данном этапе. Первый вид деятельности носит достаточно стабильный и перспективный для его субъектов характер, второй же — бесперспективен и готовит работникам быструю и плохо обеспеченную старость. Поэтому даже и в рамках такого, узко экономического подхода, к высшим, средним и низшим классам общества следует относить индивидов если и не по размерам их собственности, то с непременным учетом той **формы деятельности**, которой они вынуждены обеспечивать свое материальное существование. Этот факт отражается отчасти в практикуемом в современной социологии делении всех работников еще и на так называемых «белых воротничков» (интеллектуализированный труд) и «синих воротничков» (физический труд).

¹ «Наша эпоха, эпоха буржуазии, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в 1848 году, — отличается ... тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат» (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. С. 124-125).

Однако и самого этого ограниченного — экономического — подхода, как уже сказано, недостаточно. В этом отношении следует обратить внимание на концепцию **классов**, представленную в свое время М. Вебером, который к марксистскому (экономическому) делению общества на классы добавил еще и деление индивидов на **политические** классы (страты), обладающие различной степенью **власти** (политики высшего уровня — политики и чиновники среднего и низшего звена — безвластная политическая масса), а также еще и деление на «**престижные статусные группы**». Однако концепция классов М. Вебера (как и все остальные его теории) выражена слишком тяжелым и туманным языком. «Как и Маркс, — отмечают известные российские социологи, — Вебер не дал точного определения классов, хотя посвятил вопросам статуса, класса и партии несколько статей и глав в разных книгах. Сложный концептуальный язык и отсутствие дефиниций в общепринятом смысле слова затрудняют специалистам понимание его учения. То он разводит понятия «класс» и «статусная группа», то объединяет их, получая «классовый статус». То применяет те же термины, что и Маркс, а именно «аристократия», «крестьянство», «буржуазия», «пролетариат», при этом четко не различая их, то настаивает на употреблении других, вновь введенных терминов типа «позитивно привилегированный класс», «негативно привилегированный класс», «стяжательный класс, находящийся в негативно привилегированной ситуации» (речь идет о рабочем классе) и др. Возможно, что по этой причине в различных публикациях о Вебере можно найти самые разные трактовки веберовского учения, которые порой противоречат друг другу. По мнению английского социолога Ф. Паркина, Вебер так и не сформулировал ясной и систематической теории классов. С Паркином солидаризируются В.В. Радаев и О.И. Шкаратан: «У Вебера нет четкой классовой структуры капиталистического общества, поэтому разные интерпретаторы его работ дают несовпадающие перечни классов»¹.

¹ Добренев В.И., Кравченко А.И. Социология. В 3-х тт. Т. 2. М., 2000. С. 129.

Если же говорить о теории стратификации Вебера в самых общих чертах, то, по мнению большинства исследователей его творчества, в основании деления лежат у него три фактора, или три измерения: «(1) Экономический статус, или богатство, как совокупность всех материальных ценностей, принадлежащих человеку, включая его доход, землю и прочие виды собственности. (2) Власть как возможность подчинять своей воле других людей, поступать лишь по собственному усмотрению — основа политического статуса. (3) Престиж — основа социального статуса — как признание и уважение достоинств субъекта, высокая оценка его поступков, являющихся образцом для подражания»¹.

Самое трудное для понимания и самое туманное по выражению у М. Вебера — это его третье, «статусное» деление. Размеры имущества или власти, которыми наделены индивиды, поддаются более или менее точному объективному измерению. Степень же **престижа** статусной группы такому измерению и определению поддается с гораздо большим трудом, хотя современные социологи и умудряются измерять ее с помощью опросов². Однако при этом трудноуловимым остается само **понятие престижа** и статуса. «Вебер, — отмечают исследователи его концепции, — мыслил статусную группу как вид социальной общности. Она выступает агентом коллективного действия. Если социальный класс — гетерогенное, внутренне раздробленное статистическое образование, то статусная группа — внутренне однородная и морально сплоченная общность. Именно с ней, а не с классом, чаще всего идентифицирует себя индивид. К статусным могут относиться также расовые, этнические и религиозные группы. Они чутко реагируют на нарушение своих границ, быстрее организуются для защиты общеколлективных ценностей и целей. По мнению Ф. Паркина, Вебер подразделял статусные группы на два вида: 1) статусные группы, возникшие внутри социального класса благодаря разделению труда и част-

¹ Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология. В 3-х тт. Т. 2. М., 2000. С. 129.

² См., напр.: Мационис Дж. Социология. СПб. 2004. С. 369-370.

ной собственности. О них писал еще Маркс, выделяя, в частности, внутри класса капиталистов финансовую и промышленную буржуазию, различая рабочий класс и люмпен-пролетариев, занятых производительным и непроизводительным трудом; 2) статусные группы, возникающие вне социальных классов, на их пересечении. К внутриклассовым статусным группам следует отнести те страты, которые называются также средними классами современного капиталистического общества.

Межклассовые статусные группы не создаются разделением труда или производственной системой. Главные среди них — так называемые коммунальные группы, или общины. Они существуют во всех обществах. К межклассовым следует относить сословия, касты, религиозные и этнические группы. Каждая статусная группа культивирует чувство солидарности и сплоченности, внутреннего достоинства и превосходства над другими. Понятие «национальная гордость», например, описывает чувство этнического самоуважения и морального превосходства.

Ярким примером статусной группы выступает у Вебера бюрократия, которая, как любая другая коллективность, борется за сохранение внутригрупповых ценностей, целей и интересов, проявляет солидарные действия с себе подобными и т.д. В отличие от партии она не борется за политическую власть и установление своего господства революционным или легитимным, на основе выборов, путем. Бюрократия располагается по всей управленческой пирамиде и незримо контролирует распределение ресурсов. Необходимая для сохранения своей жизнедеятельности власть у нее имеется в силу должностного положения. Специальный этос бюрократии заключается в культивировании секретности и профессионального мастерства. Она не является исполнительным комитетом другого класса, но скорее организованной статусной группой. В техническом смысле бюрократия не является классом и не может на равных с ним участвовать в борьбе за власть. Бюрократия — самая мощная и влиятельная из

всех статусных групп. Она контролирует служебную карьеру других, распределение ресурсов общества, не обладая при этом привилегиями собственника и преимуществами рыночной монополии.

Если классы различались друг от друга жизненными шансами, то статусные группы — стилем жизни. Стил жизни выступает у Вебера понятием, конкретизирующим статусные почести, т.е. дарованными, узурпированными или достигнутыми привилегиями, а также уважением, каким пользуется данная группа в общественном мнении. Стил жизни выражается в особой субкультуре и манерах поведения людей»¹.

Из этого описания видно, что М. Вебер, с одной стороны, действительно, выделяет в обществе нечто очень важное, не улавливаемое грубой и односторонней марксистской теорией, но, с другой стороны, и не может дать этому четкого концептуального выражения, спутывая и смешивая разные плоскости анализа². На наш взгляд, адекватное выражение всему этому можно придать на основе введенного нами выше основного разделения внешних ценностей, за которые борются в обществе и конфликтуют индивиды. Таких основных видов ценностей мы выделили четыре — материальные ценности (богатство), поли-

¹ Добренев В.И., Кравченко А.И. Социология. В 3-х тт. Т. 2. М., 2000. С. 139.

² В частности, под «статусными группами» он понимает в основном то, что выше определено нами как формы деятельности, обеспечивающие существования индивидов. «Решающая роль «стиля жизни» в статусных «почестях», — пишет М. Вебер, — означает, что статусные группы выступают специфическими носителями всякого рода «условностей». ... Говоря достаточно общо, среди привилегированных статусных групп существует статусная дисквалификация, направленная против выполнения физического труда. Дисквалификацией можно назвать переоценку нынешними американцами традиционного подхода к физическому труду. Очень часто занятие рациональной экономической деятельностью, особенно «предпринимательской деятельностью», выглядит как дисквалификация статуса. Артистическая и литературная деятельность, если они нацелены на получение дохода, или просто связаны с тяжелыми физическими усилиями, также рассматриваются как унижительная работа. Примером является работа скульптора, если он трудится в своей пыльной мастерской, подобно каменщику, одетый в пыльный халат. Напротив, деятельность художника в студии-салоне и все формы музицирования более подходят образу данной статусной группы» (Вебер М. Основные понятия стратификации // Кравченко А.И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М., 1997. С. 173).

тические ценности (власть), духовные ценности (религия и идеология) и социально-психологические ценности (почет, уважение, слава, поклонение и т.д.).

Именно обладание последнего вида ценностями и выделяет в обществе то, что можно назвать социальной (не экономической, не политической и не религиозно-духовной) элитой. К ней относятся люди, получившие в обществе наивысшее признание, славу, почет и уважение (а также — поклонение, обожание и т.д.). Это — ученые, писатели, моралисты, общественные деятели (в том числе так называемые «правозащитники»), а также выдающиеся спортсмены, звезды шоу-бизнеса, журналисты, комментаторы, аналитики и т.д., то есть люди, стяжавшие национальную или мировую славу и признание вне бизнеса, вне политики и вне религиозно-духовной сферы. Бизнесмены входят в круги высшей экономической элиты при накоплении ими достаточных капиталов, что позволяет им контролировать значительные сферы материальной жизни общества. Политики входят в круги высшей политической элиты при достижении ими высших государственных или партийных постов. Религиозно-духовные деятели достигают высших кругов в своей сфере при достижении ими высших постов в церковной организации (митрополит, патриарх, высшие улемы в исламе и т.д.). А социальной элитой общества становятся те, кто достигает высшего признания в обществе, высшей славы, почета и уважения (обожания). И во всех этих сферах есть также и средние и низшие слои, обладающие указанными социальными ценностями в гораздо меньших размерах или почти совсем не обладающие ими.

Таким образом, в обществе существуют и переплетаются три вида классов — экономические, политические, духовно-религиозные и социальные. Любой индивид входит одновременно во все эти классы, но при этом он может занимать в них разное положение. Какой-нибудь олигарх, занимая высшее положение в экономической сфере, может одновременно быть лишен политической власти и влияния (как, например, Дж. Сорос), принадлежать к самым низам ре-

лигиозно-духовной пирамиды (к простым мирянам) и совсем не обладать социальным уважением и почетом (или обладать даже негативной славой, как, например, в свое время Рокфеллер в США или современные олигархи в России). И, наоборот, человек, обладающий, например, высшей степенью народного признания, может в экономической сфере принадлежать к классу малоимущих и не иметь никакого ни политического, ни религиозно-духовного влияния. Но, как правило, высшие статусы в одной сфере более или менее коррелируют с относительно высоким положением и в других сферах. Войти же одновременно в самые высшие круги во всех сферах удастся только единицам и то сравнительно редко.

Соответственно, и классовая борьба (вертикальная и горизонтальная) идет во многом параллельно и отдельно во всех основных сферах общества — экономической, политической, духовно-религиозной и социальной, — в которых соответствующие элиты, завоевавшие свое высокое положение, отстаивают ее, с одной стороны, против новых претендентов на их место, поднимающихся из нижних страт, а, с другой, — против конкурирующих группировок, с которыми они делят свое высокое положение, обладая в нем большей или меньшей долей. Так, например, общенациональные политические партии, поделившие рынок голосов избирателей, борются, с одной стороны, с новыми партиями, стремящимися отобрать у них часть голосов, а, с другой — с конкурирующими партиями, контролирующими симпатии других частей национального электората. Аналогичная борьба идет и во всех остальных сферах.

И в этой борьбе, естественно, могут возникать и соответствующие формы экстремистской деятельности, избираемые политическими, экономическими, религиозными или социальными субъектами, лидерами или организациями.

Однако и сам, рассмотренный нами выше **классовый** подход к структуризации общества (и его конфликтов) является **односторонним** и недостаточным. Дело в том, что он исходит из представления о некоем современном бур-

жуазном обществе вообще, отвлекаясь от его **этнической** (этнокультурной) природы. С некоторым приближением этот подход может адекватно применяться для анализа социальных конфликтов в обществе моноэтническом (и монорасовом). Однако таких обществ (государств) в современном мире совсем немного (Япония, Корея и некоторые другие), большинство же остальных государств обладают, кроме социальной, и сложной **этнической** и **этноконфессиональной** структурой. Последнее обстоятельство вносит в палитру социальных внутригосударственных конфликтов дополнительный и очень важный элемент, к рассмотрению которого мы и переходим.

3.2.3. Этнополитический и межэтнический экстремизм

Этнический внутригосударственный экстремизм может проявляться, как уже отмечено выше, в двух основных формах — **межэтнического** экстремизма и **этногосударственного** (этнополитического) экстремизма. Для более глубокого понимания сущности и причин этого рода экстремизма важное значение имеет научное понимание этноса. Однако современная наука об этносах (этнология) при попытке выработать такое понимание сталкивается со значительными трудностями.

«В литературе, — пишет известный этнолог и социальный философ Ю.И. Семенов, — этнос нередко отождествляется с обществом подменяется обществом. Это в частности выражается в том, что те или иные авторы говорят о социально-экономической и политической структурах этноса, о хозяйстве этноса. В результате некоторые из них рассматривают этнос как некую самостоятельно развивающуюся по особым законам единицу исторического развития. И в большинстве случаев, когда этносы, или народы, объявляются субъектами ис-

тории, практически имеются в виду не собственно этносы, а социоисторические организмы»¹.

При этом, под социоисторическими организмами («социорами») Ю.И. Семенов понимает, по существу **государство**, то есть, общество, обретшее **государственную форму** своего существования². И действительно, основной формой существования **современного** общества является государство. Государством при этом называется и определенный **политический институт** (государство **в узком смысле**, или — совокупность органов государственной власти) и одновременно — **особый тип общества**, идущий на смену обществу, организованному на **догосударственной, общинно-родовой и племенной** основе. В государственном типе общества общинно-родовые и племенные отношения перестают **признаваться** главными и заменяются в этой роли отношениями **гражданскими**. Все индивиды в таком обществе являются равноправными гражданами (или подданными), независимо от их этнической (национальной в узком смысле) или религиозной принадлежности.

В этом отношении важнейшей чертой этносов является их **догосударственная** природа. Но именно эта, **определяющая** их черта и ускользает до сих пор от внимания большинства этнологов. Причиной этого является, скорее всего, то, что в современных условиях в мире уже нет (почти нет) этносов, существующих вне рамок государственной жизни. Даже и самые отсталые племена и народы сегодня включены уже так или иначе в жизнь обществ, поднявшихся до государственной формы существования.

¹ Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 41.

² «Каждый социально-исторический организм, — пишет он, — составляют люди, подчиненные одной публичной власти. Границы социально-исторического организма есть границы публичной власти. В применении к классовому обществу социорные границы, как правило, совпадают с государственными границами» (Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003. С. 21).

Однако, поскольку при этом сами различные этносы («национальности») никуда не исчезают, а лишь переходят из разряда главных и самостоятельных политических субъектов в разряд **частных** субъектов внутригосударственной жизни, то и их взаимоотношения между собой и с государством в целом (в том числе и с органами государственной власти) может приобретать конфликтный характер. Последнее имеет особо важное значение для таких многонациональных (многоэтнических) государственных обществ, каким является общество российское.

Поэтому следует рассмотреть с особой тщательностью, что же такое этнос (национальность).

Первым теоретическим подходом к пониманию этносов была у нас, как известно, знаменитая концепция **нации** И.В. Сталина, созданная им в 1913 году: «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹. В этой концепции (во многом заимствованной у немецкого теоретика О. Бауэра) не проводилось однако различия между собственно нацией и этносом. Нации, как известно, могут быть, как моноэтничными, так и полиэтничными. И ко всем нациям, равно как и к этносам, одинаково приложимо определение И.В. Сталина.

Хороша ли, плоха была эта концепция, но после того, как она получила безусловное одобрение и поддержку В.И. Ленина и, тем более, после того как сам И.В. Сталин возглавил на долгие годы советское государство, свободное обсуждение ее сделалось невозможным. Скорее всего, именно по этой причине советские этнологи были вынуждены рядом с опасным понятием нации выстроить свое, относительно безопасное, понятие **этноса**, упоминаний о котором не было ни у Сталина, ни у Ленина, ни у Маркса с Энгельсом, и которое поэто-

¹ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // Соч. Т. 2. С. 296.

му допускало достаточно свободное обращение с ним и с его производными. Это понятие было заимствовано советскими учеными у известного русского этнографа (ставшего в 1920-х годах эмигрантом) С.М. Широкогорова, который давал ему следующее толкование. «Под термином этнос, — писал С.М. Широкогоров, — условимся понимать следующее: группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп, может быть названа этносом, племенем, народностью. Это и есть этническая единица, объект науки этнографии. Русский термин «народ», — пояснял далее С.М. Широкогоров, — не вполне подходит для определения, так как он слишком широк и неопределен. Можно сказать, например: германский народ, «народ Соединенных Штатов», — «We, the People of the United States», как начинается конституция США, — наконец «простой народ» и так далее и, как видно, этот термин иногда покрывает даже различные племена, как, например, «германский народ», заключающий в себя несколько племен. В этом понятии у нас смешиваются два различных понятия: **этнос** и **нация**. Поэтому от термина «народ» приходится отказаться и взять условно термин «этнос». Отсюда явствует, что объектов исследования для этнографа, например, в России можно найти много. Латыши, поляки, буряты, вогулы, великороссы, даже кубанские казаки суть отдельные этносы, но и во Франции бретонцы, провансальцы и нормандцы, а в Англии шотландцы, ирландцы — также отдельные этносы»¹.

Из этих разъяснений С.М. Широкогорова видно, что ученый уже различал нации и этносы и выделял последние как **более мелкие** и **простые части** (составляющие) наций и народов. Однако, никакого удовлетворительного признака, отличающего этносы от наций, С.М. Широкогоров не формулирует, и

¹ Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922 (Цит. по тексту, представленному на: http://www.lko.ru/lko/jur_

его определение этноса, по существу, тождественно сталинскому определению нации. Оригинальным у С.М. Широкогорова является лишь упоминание о признании членами этноса «общности своего происхождения», но то же самое может признавать и нация.

Нация — это этнос **или совокупность этносов**, живущих **единым государством**, поднявшихся до государственного образа жизни. А этнос — это догосударственная или уже внутригосударственная общность людей. Поэтому государство может быть как моноэтничным (например, Япония), так и полиэтничным (например, Россия), а этнос, в свою очередь, может оказаться как **разделенным** между несколькими государствами (как, например, курды), так и **консолидированным** в одном государстве (как, например, якуты). При этом, этносы могут быть как **государствообразующими** (создавшими и сохранившими традицию своей государственности), так и «огосударствленными» (воспринявшими государственность от других народов, с которыми они живут в общем государстве). Но в любом случае следует выделить и подчеркнуть одно: этнос (народность, «национальность») — это либо еще предгосударство (**потенциальный** субъект государственной жизни), либо уже субъект государственной жизни — своей собственной, оригинальной или общей у него с другими этносами. И именно **отношением его к государственной жизни** прежде всего и отличается этнос от нации.

Следующим этапом развития отечественной этнологии явилась детально оформленная **советская** концепция этносов, нашедшая свое классическое выражение в работах Ю.В. Бромлея¹. Данное им определение этноса гласит: «Этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями куль-

shirokogorov_2_4_00.htm).

¹ См. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981; Бромлей Ю.В. Очерки

туры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»¹. Новым в этом определении является, по сути, только указание на наличие этнического самосознания, закрепленного в этнониме. Уже у С.М. Широкогорова речь шла о «традиции, отличающей себя» от традиций других этнических групп, но у него не было упоминания об этнониме. Теперь оно появилось. Однако серьезного вклада в теоретическое понимание сути и природы этносов оно, разумеется, не внесло.

Затем, уже на закате советской эпохи появилась экстравагантная и фрондерская концепция этносов Л.Н. Гумилева², изложить суть которой на общенаучном языке практически невозможно. Однако, понять причины появления такой (и ей подобных) концепций вполне можно. Эти причины кроются в том, что традиционная наука об этносах по-прежнему не дает никаких **объективных** способов отличия одного этноса от другого. Единственная возможность такого отличия, согласно этой концепции, — это спросить у самого человека, к какому этносу он себя относит (именно так, кстати, и поступают сейчас на практике этнодемографы³ в ходе переписей населения). Но такое положение дел ставит под сомнение компетентность самой этнологии как науки.

Из этой ситуации есть только два выхода: 1) признать феномен этноса (равно как и нации) полностью **субъективным**, не имеющим никаких серьезных материальных, объективных оснований в самой действительной жизни социумов; или 2) продолжить поиски таких оснований, для чего необходимо выйти за пределы одних только культурных и вообще психологических явлений и углубиться в **биосоциальную** сферу. Этот второй путь и избрал Л.Н. Гу-

теории этноса. М., 1983 и др.

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 58.

² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.

³ См., напр.: Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии. М., 1994.

милев (правда, он не провел его до конца, осложнив свою концепцию еще и полуфантастическим учением о «пассионарности»).

Однако, и первый путь, доминирующий с некоторых пор на Западе (а именно, — после дискредитации там всевозможных расистских и биологизаторских концепций нации), тоже нашел в нашей этнологии своих активных и ярких приверженцев. Наиболее заметным из них в последнее время является В.А. Тишков¹. «Этносы, — утверждает он, — ... есть умственные конструкции, своего рода «идеальные типы», используемые для систематизации конкретного материала ... Они существуют исключительно в умах историков, социологов, этнографов»².

Но ведь они существуют и «в умах» самих людей, относящих себя к различным этносам? По мнению В.А. Тишкова, они заносятся туда особыми отрядами специализированных на том людей — особыми интеллектуалами, которые и сами часто не ведают, что творят. «Поскольку никакая идентичность, — пишет В.А. Тишкова, — ни этническая (по группе), ни национальная (по стране или государственности) не являются естественно заданными, то они должны вырабатываться через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов. Именно благодаря этим усилиям (...) создается эмоциональная и дружная приверженность человека определенной этнической общности (культурной нации или этнонации) или стране (политической, гражданской нации)»³.

Таким образом, у него получается, что этнос (равно как и нация) — это продукт чистого внушения и самовнушения, а не что-то, имеющее корни в са-

¹ См. Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое Обозрение. 1992. № 1; Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1-2; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997; Тишков В.А. Политическая антропология. М.-Омск. 2001; Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003 и др.

² Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое Обозрение. 1992. № 1. С. 7-8.

³ Тишков В.А. Политическая антропология. М.-Омск. 2001. С. 11-12.

мой социальной действительности. С некоторыми оговорками такой подход, видимо, можно принять относительно **полиэтнической нации**, возникающей в результате перехода этносов к государственному образу жизни. Действительно, государство и государственная (гражданская) идентичность не возникают сами собой, «от природы», и для их формирования требуется и долгий исторический путь развития, и огромные духовные усилия специальных людей — идеологов формирующейся и постоянно обновляющейся государственности. Но что касается этносов, возникающих уже на **догосударственной** стадии развития общества, то применительно к ним такой подход неприемлем.

При этом, конечно, понятны мотивы обеспокоенных ученых, выступающих против недобросовестного «раздувания» значимости этничности — спекуляции на такого рода вопросах часто заканчиваются кровью в межнациональных конфликтах и другими народными бедствиями, чему мы сегодня все имеем несчастье быть свидетелями. Тем не менее, даже и в интересах борьбы с ненаучными спекуляциями на этнические темы все же полезнее именно адекватное и **истинное** понимание сути вещей в этой сфере, а не попытки удалить ее из поля зрения или «заколдовать» неудобную и опасную реальность, объявляя ее несуществующей. Иначе говоря, субъективистский и релятивистский подход к пониманию феноменов этничности нам представляется все же бесперспективным как в научном, так и в практическом (политическом) отношении.

Поэтому мы предлагаем вернуться к традиционному (примордиальному¹) подходу в понимании этносов с целью **исправления** в нем того, что вызывает справедливую и обоснованную критику.

Примером наиболее острого выражения недовольства традиционным подходом к пониманию этносов могут быть следующие критические замечания петербургского этнолога Е.М. Колпакова: «Следует сказать, — пишет он, —

¹ От англ. *primordial* — изначальный, исконный, первобытный; происходящего, в свою очередь, от латинского *primordium* [*primus* + *ordior*] — начало, первоначало, основа, возникно-

что качество классического определения этноса таково, что даже советский партийно-государственный аппарат подходит под него без особых натяжек. *Исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей налицо. Особенности языка* — разве аппаратно-канцелярский жаргон не является «новоязом»? *Особенности культуры* — сферу материальной культуры лучше не обсуждать, а ведь есть еще особые ритуалы, правила поведения и т.п. *Самосознание* своей общности и единства интересов, а также известное противопоставление «мы» — «они» здесь посильнее, чем у многих народов. Что входит в понятие *самоназвание*? «Номенклатура», «лучшие люди», просто «люди», «настоящие коммунисты», «наши» ... Кстати, аппарат обладает и таким дополнительным признаком, как эндогамия — предпочтение браков внутри своей группы. Получается, что этнос по определению не отличается от других видов социальных общностей и даже от советского партийно-государственного аппарата. И все-таки ни один из нас не поставит в один ряд нацию и управленческий аппарат, не так ли? В итоге, современное понятие «этнос» в нашей этнографии оказывается недееспособным, оно не позволяет отличать описываемое им явление действительности от других относительно близких явлений»¹.

В этом замечательном рассуждении Е.М. Колпакова содержится, на наш взгляд (может быть, против воли самого автора), и ключ к решению интересующей нас проблемы. И этот ключ содержится в понятии **эндогамии**. Это понятие указывает нам на **материальную** — биосоциальную — **основу** этнических процессов. Вспомним, что писал по этому поводу Ф. Энгельс: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство

вание, зарождение, происхождение.

¹ Колпаков Е.М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 15.

средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода»¹.

Что такое продолжение рода? С точки зрения **общечеловеческой** продолжение рода есть **чисто биологический** процесс, управляемый только физической возможностью и желанием тех или иных индивидов вступить в половую связь и заботиться потом о воспитании детей. Однако, уже на самых ранних этапах человеческой истории эти процессы стали регулироваться не только возможностями и желаниями самих половозрелых индивидов, но и коллективно вырабатываемыми **правилами и нормами**. Совокупностью таких правил и норм и явились, прежде всего, институты **брака, рода и семьи**.

Первые люди, по современным представлениям², жили небольшими (в 20-50 человек) общинами («ордами»), внутри которых (как и между которыми) не существовало никаких форм рода, брака и семьи, и все дети, рождавшиеся от половых связей внутри таких коллективов, воспитывались своими матерями и всей общиной сообща (как, например, у шимпанзе).

Впоследствии однако половые связи были упорядочены так, что внутри этих общин (а также между ними) образовались семьи и роды — совокупности людей (потомков по материнской или отцовской линии, сознававших свое происхождение от одного или нескольких реальных или воображаемых предков), внутри которых браки были запрещены. Представители такого рода (или семьи) обязаны были выбирать себе супругов в других аналогичных общностях, но не в любых — а в строго определенных! Союзы таких взаимнобрачующихся (и внутри себя **экзогамных**) родов составляли (**эндогамные**) **фратрии и племена**.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М., 1986. С. 4.

² См., напр.: Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Выпуск 2. История первобытного общества. Учебное пособие / МФТИ. М., 1998; Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 1. М., 1994.

Видимо, на первых порах, поскольку языки и обычаи этих первобытных общин были еще крайне примитивны и бедны, существовали два пути образования племен. Первый — наиболее естественный — через собственное **разрастание** общины и деление ее на роды, фратрии и родовые общины, что и превращало первобытное общество в собственно племя. Вторым путем — через **объединение** генетически (и культурно-лингвистически) более или менее чужеродных друг другу двух-трех общин в племя, внутри которого каждая община брала на себя роль экзогамного рода или фратрии. «Д.А. Ольдерогге, — пишет по этому поводу этнограф Р.Ф. Итс, — высказал весьма оригинальную мысль о том, что экзогамии предшествовала форма обязательно-предпочтительного брака, которую он назвал эпигамией (от *греч.* — смешанный брак). Эпигамия, по мнению Д.А. Ольдерогге, устанавливала отношения взаимопомощи и защиты, а также обязательства взаимных браков между двумя первобытными группами, что имело своим естественным результатом как экзогамию (запрет браков в своей группе), так и эндогамию, (обязательства брака в пределах двух или большего числа дружественных групп). Племя, осуществляя эндогамию, было высшей макроструктурой, объединявшей и этнически, и хозяйственно микроструктуры — роды, находившиеся в силу экзогамии именно внутри племени в постоянных связях по двум видам производства»¹.

Как бы то ни было, но мы можем утверждать, что на этом этапе человеческой истории (а это и есть этап окончательного формирования, или **возникновения** этносов) все человечество разделилось на множество **эндогамных** человеческих общностей — племен, этносов, народов или наций (все четыре термина здесь еще означают одно и то же), у каждого из которых в дальнейшем начинается своя собственная история.

Таким образом, мы можем сформулировать следующее определение этноса. Этнос — это историческая **догосударственная** общность людей, состоя-

¹ Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. Л., 1991. С. 67-68.

щая из **экзогамных** общностей и групп (семей, родов, кланов и т.п.) и определяющая себя по отношению к другим человеческим общностям и группам как **эндогамную**.

Все другие обычно приводимые признаки этносов — общность языка и культуры, территории, хозяйственной жизни, антропологического и психического склада и т.д. определяются именно этим, коренным фактом этнической жизни — эндогамным способом воспроизводства входящих в состав этноса индивидов. Этничность каждого такого индивида **объективна** в силу того, что у него уже с **самого его рождения** оказываются в наличии его отец, мать, дяди, тетки, братья, сестры, племянники, деды, бабки, прадеды, пращуры и т.д. Любой индивид, таким образом, оказывается с самого рождения включенным в сложную сеть **родственных** (этнических) отношений, берущих свое начало в далеком прошлом и передаваемых новым индивидам **самим фактом их рождения и воспитания** именно в данной сети этнических отношений, а не в какой-либо иной. Не он выбирает себе родителей и предков, и никто не внушает ему принадлежность к этой сети отношений. Она существует для него **объективно** в силу самого факта его рождения в этой сети.

Этнографы и этнологи до сих пор уделяют повышенное внимание именно **экзогамным** общностям и организациям (то есть **внутриэтническим** образованиям) и сравнительно слабо интересуются **эндогамией**, которая, по нашему утверждению, и лежит в основе этнических общностей и этнических процессов.

Эндогамия — ограничение круга лиц и общностей, допускаемых к вступлению в брачные союзы с представителями данной общности, — прошла в своем историческом развитии несколько этапов. На первых порах — в эпоху дуально-родовой организации первобытных племен — каждый род не только разрешал своим представителям вступать в половые (не брачные) союзы с представителями какого-нибудь иного определенного рода, но и прямо **пред-**

писывал им в потенциальные половые партнеры представителей именно данного конкретного рода и никакого другого¹. Индивидуальных семей на этой стадии еще могло и не быть, и брачующейся стороной здесь фактически выступал весь род, а не семья и, тем более, не индивид.

Впоследствии таких партнерских родов стало допускаться больше одного, то есть эндогамная общность расширилась. По мере же роста и дробления самих родов на экзогамные филии и патриархальные семьи (и по мере численного разрастания и расселения по обширным территориям как таких общностей и групп, так и всего племени в целом) количество потенциальных брачно-партнерских экзогамных общностей сделалось постепенно необозримым, и обычай перестал предписывать в этом отношении что-либо жестко определенное. Все решалось исходя из конкретных обстоятельств места обитания и передвижения той или иной экзогамной группы или общности. Главным было — не нарушать экзогамию, а эндогамность перестала быть не только жестко регулируемой, но уже и обозримой для ее фактических членов (родов, кланов, филий, семей и т.д.). Можно сказать, что на этой стадии племена **перерастают в народность** — более рыхлую эндогамную общность, чем даже и племя, и союз племен.

Тем не менее, эта эндогамность стала поддерживаться уже в силу самой сложности и потому **резкой особенности** развитых к тому времени брачно-семейных институтов, обычаев и ритуалов, регулировавших отношения между полами, возрастами, сородичами, соплеменниками и т.д. Более сложными и особыми сделались и **языки**, ставшие средствами преимущественно **внутриэтнического** общения. Люди, воспитанные в рамках других институтов и обычаев (а также и языков), оказывались уже **плохо совместимыми** или даже вообще **несовместимыми** друг с другом, и по этой причине брачные союзы меж-

¹ См., напр.: Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Выпуск 2. История первобытного общества. Учебное пособие / МФТИ. М., 1998.

ду ними оказывались **практически** невозможными, хотя **де-юре** для таких союзов уже и не существовало никаких явных препятствий. Иначе говоря, эндогамность на определенном этапе развития социальных общностей стала поддерживаться (и поддерживается в настоящее время) **особенностями культуры** (и в основном, ее **традиционными** пластами), включающими в себя в качестве **главнейшего элемента** и язык как средство общения между людьми (в том числе, — и самого интимного общения, реализуемого только в семье и в браке).

Таким образом, эндогамность, возникшая на определенном этапе исторического развития первобытных коллективов **волюнтаристским** путем (путем прямого запрета и предписания), привела к обособленному **культурному** развитию этих коллективов, а это обособленное культурное развитие (по принципу положительной обратной связи) стало затем уже само поддерживать эндогамность и после того как вызвавшие ее прямые запреты и предписания уже перестали действовать.

Что же дает предлагаемое нами понимание сущности этноса?

Прежде всего, оно позволяет достаточно четко и конструктивно определять **границы** того или иного этнического образования. Единым этносом является та историческая общность людей, внутри которой не существует никаких **внутренних** препятствий для заключения полноценных браков между ее представителями и, в то же время, существуют **внутренние** препятствия к заключению полноценных браков с представителями других исторических общностей. Другим (по отношению к данному) этносом является та историческая общность людей, полноценные браки с представителями которой у представителей данного этноса встречают серьезные **внутренние** препятствия. Речь здесь идет именно о **внутренних**, вытекающих из природы именно **самых брачно-семейных отношений**, чувств, понятий, традиций и т.д., а не о внешних — политических, экономических, географических, социальных и т.п. препятствиях,

также затрудняющих образование полноценных брачно-семейных пар между людьми.

Следовательно, если никаких **внешних** препятствий к образованию брачно-семейных пар между людьми нет, а такие пары между ними, тем не менее, не образуются или образуются в ничтожно малом числе и при этом обладают повышенной неустойчивостью, то мы и имеем право говорить, о существовании **внутренних** (собственно этнических) препятствий для таких браков и, следовательно, о существовании двух (или более) **разных** этносов. Возвращаясь к вышеприведенному рассуждению Е.М. Колпакова об эндогамности советской партийно-государственной элиты (подобная «эндогамность» существует и у любой другой элиты, в том числе и у современной западной), необходимо отметить следующее. Действительно, существует тенденция у представителей элитных семей заключать брачно-семейные союзы предпочтительно в своем собственном кругу, исключая представителей неэлитных слоев.

Но, *во-первых*, существующие тут препятствия носят **внешний**, а не внутренний характер — в фольклоре почти всех народов даже и принцы женятся на золушках, а Иванушки-дурачки — на царевнах, не говоря уже о браках между богатыми и бедными (даже и в действительности один из представителей британской короны, например, как известно, отказался от трона ради заключения брака с простой женщиной-американкой).

Во-вторых, само вхождение в элитные круги у подавляющего большинства народов носит во многом случайный и неустойчивый характер — сегодня ты элита, а завтра — простой смертный или даже изгой; так что ни о какой «устойчивой исторической общности» в данном случае говорить не приходится.

Наконец, *в-третьих*, в тех очень редких случаях (например, варны и касты в Индии), когда какому-нибудь слою народа искусственно придается статус исторически устойчивой **эндогамной** общности, что, действительно, делает

его максимально похожим на этнос, даже и в этом случае спутать его с этносом невозможно. Эндогамность для этноса — **сущностное** свойство, с утратой которого эта историческая общность перестает быть самой собой (растворяется в других этносах). Для каст же, например, эндогамность — важное, но **привходящее** качество. Вполне мыслимо, в частности, существование слоя людей, выполняющих функции брахманов (интеллектуальная элита) или кшатриев (военно-политическая элита) и без такого их качества как эндогамность. Исторически такая возможность у других народов реализовалась в форме сословий (в феодальном обществе) и классов (в буржуазном). Иначе говоря, хотя брахманы, например, **как каста** и не существуют без эндогамности, но **как брахманы** они вполне могут существовать и без нее. Тогда как этнос без эндогамности существовать не может.

Следовательно, вторым результатом принятия нашего понимания сущности этносов становится возможность более четкого описания этнических и межэтнических процессов.

В частности, **возникновение** этноса, согласно нашему пониманию, — это установление **новой эндогамности** той или иной исторической общности людей. Теоретически мыслимы два способа установления такой эндогамности: 1) **раскол** некоторой эндогамной общности на две или более новых эндогамных общности и 2) **слияние** двух или более эндогамных общностей в одну. Примером первого типа этнообразования может служить принятие разными частями югославянской эндогамной общности **вероучений** православия, католичества и ислама, каждое из которых по-своему регулирует **отношения в браке и семье**. Эти изменения в культуре (в совокупности с некоторыми другими историческими обстоятельствами) привели к расколу эндогамности югославянского народа и, следовательно, к образованию новых особых этносов — сербов, хорватов и мусульман (последние выработали сейчас новый эндоэтноним — босанцы).

В то же время, мы можем отметить, что принятие, например, восточными немцами или северными корейцами светской идеологии социализма (которая не вносит ничего существенно нового в регулирование **семейно-брачных отношений**) не привело к расколу их эндогамности. Поэтому немцы и во время политического раскола оставались, а корейцы и в рамках существующего политического раскола остаются единым, нерасколотым (хотя и разделенным) этносом. То же самое можно сказать и о китайцах.

Историческое разделение древнерусского народа на белорусов, малороссов (украинцев) и великороссов хотя и породило значительное обособление их **языков** и некоторых культурно-политических обычаев, тем не менее, не привело к полному обособлению этих народов друг по отношению к другу в эндогамные исторические общности. Имеющая место сегодня их относительная эндогамность поддерживается, в основном, **внешними** (политическими) обстоятельствами и причинами. В иных обстоятельствах, несомненно, произошло бы полное **восстановление** прежней эндогамности этих народов (восстановление полного единства русского этноса). Никаких **внутренних** препятствий (кроме несущественного языкового и культурного различия) к этому нет (тем более, что и **литературный** язык у этих народов, по существу, общий — русский).

Наконец, наше понимание позволяет дать естественную, основанную на существенных для самих этносов признаках, классификацию этносов. Для этого необходимо выяснить, являются ли особенности культуры той или иной социальной группы или общности серьезным препятствием для вступления ее представителей в браки (не в половое сожителство, а именно в полноценные по меркам самой этой общности браки) с представителями иных социальных групп и общностей.

В этом отношении все этносы по отношению к данному могут быть упорядочены по степени легкости-трудности вступления их представителей в полноценные и устойчивые брачные союзы. По отношению к русским, например,

наиболее легкими являются брачные союзы с белорусами и украинцами. Представители этих народов настолько легко образуют межэтнические семьи друг с другом, что, по существу, составляют один и тот же народ. Препятствиями же к слиянию их в один народ является (по степени действенности): 1) политические амбиции их этнических элит, 2) небольшое (почти диалектное) различие их языков и 3) естественное желание (и соответствующая политика) других народов, направленные на разъединение этих трех народов. Других препятствий нет.

На втором плане по отношению к русским стоят многочисленные славянские этносы, из которых православные (сербы, болгары и т.д.) стоят гораздо ближе, а католические (поляки, чехи и т.д.) — несколько дальше по степени возможности заключения полноценных брачных союзов между ними и русскими.

На третьем плане по отношению к русским стоят все другие этносы, проживающие в России, из которых христианские стоят ближе, чем иудаистские, исламские или буддистские.

Таким образом, этносы — это внутригосударственные общности, определяемые особенностями, главным образом, их традиционной **брачно-семейной культуры** и сложившимися в силу этого реальными **родственными связями** (прямыми и окольными) между всеми их членами. Все представители одного этноса — это по существу близкие или дальние **родственники** по их историческим предкам. Этнос — это особая форма **исторического родства** людей.

Нация же — это либо достаточно большой этнос, поднявшийся до государственного образа жизни, либо (что встречается чаще) конкретное множество больших и малых этносов, живущих общей государственной жизнью (входящих в состав одного, общего им всем государства). Так, например, французская нация — это государственная общность, образовавшаяся из бре-

тонцев, провансальцев, нормандцев и т.д.; американская нация — государственная общность, образовавшаяся из англичан, ирландцев, немцев, шотландцев, негров и т.д. Аналогично и русская (российская) нация — это государственная (гражданская) общность, образовавшаяся из великороссов, малороссов, татар и множества других этносов, живущих в России общей государственной жизнью.

Нация, как и этнос, вырабатывает свои (чисто правовые) нормы и правила, регулирующие брачно-семейные отношения между ее членами (гражданами), но в этих нормах нет никаких **предписаний** к выбору брачно-семейных партнеров, и этот выбор определяется на деле, как правило, именно **этническими** нормами и традициями. При этом необходимо отметить, что на государственном этапе исторической жизни этническая эндогамность, с одной стороны, является эффективным механизмом сохранения этнической идентичности в полиэтнических государствах, но, с другой стороны, она же является и существенным тормозом к формированию общегражданской, государственной политической идентичности — к формированию единой нации. В интересах государства — поощрение смешанных, межэтнических браков между своими гражданами. В интересах же сепаратистских этнических элит — затруднение межэтнических браков и консервация традиционных брачно-семейных обычаев и ритуалов.

Теоретически, каждый достаточно большой этнос обладал в прошлом (и обладает в настоящем) возможностью образования своего собственного (отдельного) государства. Однако исторически все этносы уже включены по-разному в состав существующих ныне государств, считающих свою территорию неделимой. Поэтому политические интересы этносов (этнополитических элит) могут удовлетворяться в рамках существующих государств лишь различными формами внутригосударственной автономии. Именно на этой почве и возникают в основном современные этногосударственные и межэтнические

конфликты и, соответственно, — экстремистские формы и способы их разрешения.

3.2.4. Религиозно-политический экстремизм

Третья важнейшая плоскость внутригосударственной жизни (после классовой и этнической) — **религиозно-духовная**. В этом отношении все граждане современных государств относятся так или иначе не только к различным этническим общностям, но и к общностям религиозно-духовным — **конфессиональным**. Анализ литературы позволяет составить следующую общую классификацию видов религиозного экстремизма:

1. **Межконфессиональный**. Направлен против представителей других религиозных конфессий (например борьба исламских, индуистских и сикхских религиозных экстремистских группировок в Индии).

2. **Внутриконфессиональный**. Направлен против единоверцев, принадлежащих другим течениям или сектам в рамках одной конфессии (например, суннитские экстремистские группы, действующие против шиитского населения, или экстремистские еврейские организации, действующие в Палестине). К последнего рода экстремизму можно отнести также борьбу низовых религиозных общин против официальных религиозных лидеров и официальной религиозной элиты в целом.

3. **Антимодернизационный**. Направлен против принятия современной международной духовной и правовой системы ценностей, противоречащих традиционным идеалам и нормам (Иран, Афганистан, Судан).

4. **Антисистемный религиозно-политический** (в узком смысле). Направлен против идеологии светских режимов, не признающих за религиозными организациями статуса легитимной политической силы (Алжир, частично Узбекистан).

5. **Международный религиозно-политический.** Направлен против внешних государств и правительств, а также против международных организаций (Аль-Каеда и другие аналогичные политизированные религиозные организации).

Хотя в современном мире просвещенческая идеология уже в значительной степени и потеснила в сознании большинства граждан идеологию традиционную, религиозную, тем не менее, длительное историческое существование многих народов в рамках последней привело к глубокому проникновению религиозных представлений и норм в самые недра народной культуры, в повседневный быт и, что особенно важно, — в нормы брачно-семейных отношений. Исторические религии приобрели для многих народов характер неотъемлемой бытовой и повседневной **этнической культуры**. Поэтому без особых натяжек можно говорить сегодня о христианских народах, исламских народах, буддистских народах, конфуцианских народах, иудейском народе (евреях) и т.д.

Несомненно, в истории имело место и обратное влияние — влияние этнической культуры на религиозные представления и нормы. В этом отношении русское православие, например, значительно отличается от православия грузинского, армянского или греческого, а также еще более — от христианства западных европейцев (католиков и протестантов). Ислам российских народов также значительно отличается от ислама арабского и других ближневосточных и азиатских народов. Тем не менее, общие представления и нормы, характерные для различных мировых конфессий, сохраняются в культуре соответствующих народов и поныне, хотя и в этнически адаптированном виде. Поэтому многие межэтнические и этнополитические конфликты, как правило, приобретают еще и духовно-религиозную окраску, особенно, в тех случаях, когда конфликтующие этносы являются носителями разных религиозно-духовных традиций. Классическим историческим примером таких конфликтов являются

войны крестоносцев с арабским Востоком и паладинами ислама в XII-XIII веках.

С другой стороны, основные мировые религии несут в себе и разный «политический заряд», что во многом объясняется особенностями их первоначального формирования и исторического развития. Христианство, например, как и буддизм, формировались в условиях уже сложившейся и достаточно развитой государственности (соответственно, — в Римской империи и Древнеиндийских монархиях), в то время, как конфуцианство, иудаизм и, особенно, ислам формировались практически одновременно с первоначальным формированием государственности у китайцев, евреев и арабов. Поэтому христианство и буддизм в его основных догматах отличает некоторая отстраненность от политической жизни («Отдайте кесарю кесарево»), тогда как конфуцианство (религия государственных чиновников) и ислам (религия купцов-караванщиков и воинов-основателей халифата) отличают резко политизированный подход к предписаниям духовных обязанностей верующим. Правоверный мусульманин, например, призывается к непрерывному джихаду за веру, к борьбе за торжество своей веры среди тех, которые еще не уверовали. При этом ислам соединяет в себе и религию, и политику, и право в некотором нерасторжимом синкретическом единстве.

Хотя христианская религия после превращения ее в государственное вероучение в поздней Римской империи и, особенно, в Средневековой Европе, и вобрала в себя многие государственно-политические представления и установки, но в своих исконных догматах оно не содержит почти никакой политической парадигмы поведения, и именно поэтому оно и было столь легко деполитизировано на Западе в эпоху Просвещения. В этом отношении ислам деполитизации поддается в значительно меньшей степени, что мы и наблюдаем в современном мире. Этим же объясняется и особая роль этой религии в современных политических процессах с участием исламских народов, а, следовательно,

— и в экстремистских формах проявления их политической активности. Экстремизм как духовное устремление к крайности, к **трансцендентному** свойственен любой религии, но в исламе этот духовный порыв очень сильно связан еще и с **политическими** чувствами и представлениями верующих, и именно это и способствует так называемому исламскому политическому экстремизму.

Однако не следует преуменьшать политического влияния и традиционных христианских представлений на современную политику. Даже и в США, например, отделивших церковь от государства с самого начала установления своей государственности, на деле вовсе не отказались от поддержки религии (и ее исповедания). Каждый президент этой страны до сих пор приносит клятву на Библии. Официальным девизом США является лозунг: «Мы полагаемся на Бога». Правительство США содержит капелланов в Конгрессе, в армии и на флоте, а также в тюрьмах. Церковная собственность в этой стране освобождена от налогов. Многие церковные программы субсидируются государством. Опросы в США показывают, что 98% респондентов на вопрос: «Верите ли вы в бога?», неизменно отвечают положительно. Еженедельно церковь посещают около 40% населения, официально членами церковных общин числятся 68% американцев, но отождествляют себя с той или иной конфессией 91% граждан США. При этом господствующими конфессиями в Америке являются протестантизм (57% населения), католицизм (28% населения) и иудаизм (2% населения)¹.

Аналогичную или еще более политизированную роль играют христианские церкви и в других западных странах. Поэтому межнациональные конфликты в этих странах (например, в Великобритании) тоже несут достаточно сильную религиозную окраску. И в еще большей степени это относится к конфликтам международным (межгосударственным).

¹ См. Современные США. Энциклопедический справочник. М., 1988. С. 133-135.

3.2.5. Молодежный, гендерный и экологический политический экстремизм

Для научного анализа, безусловно, представляют интерес все формы и разновидности современного политического экстремизма. В отличие от научного, **политический** подход предполагает выявление и вычленение тех форм экстремизма, которые угрожают или могут угрожать в обозримой перспективе безопасности общества. Конституционно-государственному устройству угрожают те формы политического экстремизма, которые представляют высокую опасность для личности, общества и государства, выбирают для разрешения социальных конфликтов способы морального, правового или даже физического уничтожения одной из сторон, вовлеченных в конфликт, и стремятся к утверждению общественного порядка, легитимированного исключительно ценностями одной идеологии или религии, интересами одного этноса или социального слоя.

Среди других разновидностей экстремизма определенный интерес с политической точки зрения представляет экстремизм **молодежный**, носителями которого являются различные слои, группы и организации молодых людей, которые в силу самого возраста и социальной незрелости склонны к выбору именно насильственных форм достижения своих целей.

Молодежные политические движения оказывали и оказывают большое влияние на политическую жизнь США. В конце 1950-х годов, когда вновь наметилось оживление демократических движений, молодежь включилась в борьбу против расовой дискриминации и гонки вооружений. 1960-е годы, благодаря небывалому подъему движения молодежи и студентов, вошли в историю страны как «бурное», «критическое» десятилетие. Наиболее активно проявило себя молодежное движение, костяк которого составляли «новые левые» (лидеры Т. Хейден, М. Лернер и др.). Они выдвигали не только традиционно молодежные, но и общедемократические требования (предоставление граждан-

ских прав черным американцам, прекращение войны во Вьетнаме и др.), выступили с критикой всех форм угнетения человека в капиталистическом обществе. Их борьба была направлена также против империалистической внешней политики Вашингтона, против засилия военно-промышленного комплекса, против связей учебных заведений с военным бизнесом и т.д. Среди части «новых левых» получили распространение антипотребительские, антиутилитарные взгляды, призывы к отходу от традиционных американских ценностей, отрицание буржуазной идеологии и морали (движение «хиппи»). К концу 1960-х годов молодежные движения приобрели массовый характер, превратились в общественно-политическую силу, с которой вынуждены были считаться правящие круги.

В своей борьбе молодежь применяла такие формы и методы, как сидячие забастовки, диспуты, марши, митинги, захват студенческих городков-кампусов. Наиболее массовой и авторитетной была созданная в 1958 г. общенациональная организация «новых левых» **«Студенты — за демократическое общество» (СДО)**. Большим влиянием также пользовались **Студенческий координационный комитет ненасильственных действий. Национальный мобилизационный комитет за окончание войны во Вьетнаме**. В начале 1970-х годов политическая активность молодежи пошла на спад. Это объяснялось прекращением войны во Вьетнаме, принятием законов о гражданских правах и другими причинами.

В 1980-е годы в умонастроениях и поведении молодежи произошли значительные перемены. Ценностные ориентации студентов 1980-х уже существенно отличались от таковых у их родителей — студентов 1960-х гг. Если, по данным социологических исследований, в 1966 г. только 44% опрошенных считали материальное благополучие главной жизненной целью, то в 1985 г. их число выросло до 71%. Если в 1967 г. 80% студентов ставили на первое место шкалы ценностей «обретение смысла жизни», то в 1985 г. этот показатель сни-

зился до 43%¹. С 1980-х годов американская молодежь больше стремится к «достижению авторитетного положения в обществе», нежели к «оказанию помощи другим», «взаимопониманию между расами», защите окружающей среды, участию в программах действий на местах. Вместе с тем в стране продолжают действовать отряды молодежи, поддерживающие либеральные программы, выступающие в защиту окружающей среды, против роста военных расходов, против угрозы всеобщей ядерной катастрофы, за разоружение, за взаимопонимание между народами и т.д.

Этот краткий обзор показывает, что молодежный экстремизм, как правило, проявляет себя в рамках основных форм экстремизма, уже рассмотренных нами выше, и его носителями являются молодежные подразделения «взрослых» экстремистских организаций классово-политической, этнической или религиозной ориентации. Именно молодежь, как правило, является ударной силой, непосредственным **исполнителем** экстремистских планов и операций таких организаций, но никакого специфического и важного молодежного содержания в них она не вносит.

В отличие от этого, различные гендерные (в основном **феминистские**) организации имеют в своей основе и специфическое гендерное содержание. К числу основных идей, в частности, феминистских организаций относятся, например, представления о вековой эксплуатации женщин мужчинами, нарушение с их стороны прав женщин, и требования полного равноправия женщин во всех сферах общественной жизни, в том числе и тех, в которых они не могут претендовать на полное равенство в силу самой своей природы. Такие идеи могут приводить определенные феминистские организации к экстремистским действиям (например, на почве борьбы за полную свободу абортот и т.п.), однако общественная опасность таких действий, как правило, невелика.

¹ Современные Соединенные Штаты Америки. Энциклопедический справочник. М., 1988. С. 122.

Политическое движение женщин зародилось в США еще в середине XIX в. Поначалу оно ставило перед собой цель обеспечить им избирательные права. Началом этого движения принято считать первый съезд женщин, состоявшийся в г. Сенека-Фоллз (штат Нью-Йорк) в 1848 г. Его участники потребовали предоставления женщинам, наряду с правом голоса, и экономических прав, а также выступили в поддержку движения за отмену рабства. В 1878 г. Конгрессу была представлена на рассмотрение поправка к конституции США, запрещающая лишать избирательного права граждан на основании их половой принадлежности. Через 40 лет (в 1919 г.) Конгресс на специальной сессии одобрил эту поправку, и, после того как ее ратифицировали 36 штатов, она в августе 1920 г. стала частью Конституции США.

В борьбе за предоставление женщинам права голоса участвовали преимущественно представительницы господствующего класса. 1960-е годы в США были отмечены ростом активности и массовости женского движения. Число национальных организаций превысило 250. Большинство организаций состоит из немногочисленного ядра активисток и более или менее широкого круга сочувствующих. Наиболее многочисленны и влиятельны организации либерально-реформистского направления, среди которых роль признанного лидера играет созданная в 1966 г. **Национальная организация женщин**. В начале 1980-х годов она насчитывала более 250 тыс. членов, объединявшихся в 900 местных отделений. По требованиям и формам борьбы к ней близки **Лига борьбы за равноправие женщин** (1968), **Национальное политическое собрание женщин** (1971), **Женский союз действия** (1971). В то же время включились в борьбу за права женщин многие организации, давно существовавшие как своего рода клубы для женщин из привилегированных социальных групп: **Американская ассоциация женщин с университетским образованием** (1881), **Лига женщин-избирательниц** (1920), а также религиозные женские организации: **Ассоциация молодых христианок** (1855), **Объединение веру-**

ющих женщин (1941) и др. Все они объединяют в основном женщин из имущих слоев. Задачу своей деятельности они видят в такой трансформации общества и существующих в нем межличностных отношений, которая сделала бы невозможной дискриминацию женщин. Ими выдвигаются лозунги равного представительства женщин в законодательных и исполнительных органах власти всех уровней, в политических организациях и их руководстве, ликвидации дискриминации женщин в области предпринимательской деятельности и т.п. Представительницы интеллигенции — преподаватели университетов и колледжей, школьные учителя, служащие, творческие работники требуют равной оплаты труда, улучшения системы образования, медицинского обслуживания, введения оплачиваемых отпусков по беременности и родам, создания сети детских учреждений.

Представительницы другого направления — **радикального**, получившего название **неофеминизма** заостряют внимание на противоречии между «захватившими господство мужчинами-шовинистами» и «угнетенным классом женщин». Экономическую эксплуатацию и расовое угнетение неофеминистки считают второстепенными по сравнению с дискриминацией по признаку пола. Радикальные неофеминистки связывают решение женского вопроса с революционным преобразованием общества, которое понимают как «женскую революцию», призванную уничтожить мужские привилегии и социальные различия между полами. Одно время они пропагандировали отказ от семьи и организацию коммун, в которых видели прообраз новых общественных и межличностных отношений. Добиваясь улучшения положения женщин во всех сферах жизни, главной своей целью на нынешнем этапе все неофеминистки считают принятие поправки к Конституции, провозглашающей равные права женщин¹.

¹ Современные США. Энциклопедический справочник. М., 1988. С. 118.

В будущем, возможно, радикальные формы женского движения могут дать знать о себе и в России. Однако в настоящее время для нашей страны они неактуальны и, тем более, не представляют никакой общественной опасности.

То же самое в настоящее время можно сказать и про **экологические** движения. Современное массовое экологическое движение зародилось в США в конце 1960-х — начале 1970-х годов, когда ухудшение качества окружающей среды вызвало активный интерес к этим проблемам самой широкой общественности. Первое массовое выступление в защиту окружающей среды (в демонстрациях участвовало около 10 млн. чел.), проведенное 22 апреля 1970 г. как празднование Дня земли, часто называют началом современного движения в защиту окружающей среды.

Наиболее крупными, политически активными и влиятельными общенациональными организациями являются: из числа «старых», остающихся в значительной степени «консервационистскими» по характеру, но усилившими политическую деятельность, — **«Сиерра-клуб»** (1892), **Национальное общество имени Одюбона** (1905), **Ассоциация национальных парков и охраны природы** (1919), **Американская лига имени Исаака Уолтона** (1922), **Общество защиты дикой природы** (1935), **Национальная федерация защиты дикой фауны** (1936); и возникших в конце 1960-х — начале 1970-х годов, преимущественно политических по целям и деятельности — **Фонд защиты окружающей среды** (1967), **«Друзья Земли»** (1969), **Совет защиты природных ресурсов** (1970), **«Действие в защиту природы»** (1970), **Лига избирателей-защитников природы** (1970), **Институт природоохранной политики** (1972). Социальный состав этих и им подобных организаций — это, главным образом, представители зажиточных, образованных городских средних слоев, либеральная интеллигенция.

Наибольших успехов экологическое движение добилось в 1970-е годы. В экологических организациях США к 1975 г. состояло 20 млн. человек, из кото-

рых 5 млн. — активные члены соответствующих «первичек»¹. На протяжении всего десятилетия оно постоянно выступало как реальная сила, с которой считались Конгресс и администрация и без участия которой практически не обходилось принятие сколько-нибудь важных решений в сфере экологической политики. Под давлением движения были одобрены законодательные акты, в совокупности составившие правовой механизм государственного регулирования природопользования и контроля качества окружающей среды.

На рубеже 1980-х годов под давлением резко усилившегося наступления монополий, обвинявших защитников окружающей среды в том, что они мешают монополиям производительно работать, уже администрация США начала смягчать некоторые жесткие положения природоохранных установлений и сокращать ассигнования на экологические программы. Движение потеряло многих своих сторонников в Конгрессе и в изменившейся обстановке стало чаще идти на компромиссы.

Члены экологических объединений — средний класс, в основном — работники сферы услуг, затем — профессионалы, домохозяйки, далее — студенты, пенсионеры². Для достижения своих целей экологическое движение использует средства и методы из арсенала не только массовых движений (демонстрации, марши протеста, кампании по сбору подписей, манифестации), но и лекционно-просветительской (соборания, семинары, конференции, симпозиумы) и лоббистской деятельности (финансирование избирательных кампаний кандидатов в конгресс, выступления на слушаниях в комитетах конгресса, массовые кампании писем, телеграмм и телефонных звонков членам конгресса и т.д.). Кроме того, движение возбуждает судебные дела против монополий по конкретным фактам нарушения природоохранного законодательства и загрязнения среды обитания.

¹ Sandbach F. Environment, Ideology and Policy. New Jersey, 1980.

² Sandbach F. Op. cit.

Таким образом, экстремистский потенциал и экологических организаций невелик, и в условиях современной России они также не представляют общественной опасности.

3.4. Межгосударственный (международный) политический экстремизм и терроризм

Традиционные формы политического экстремизма левацкого и праворадикального толка, представлявшие угрозу конституционно-государственному устройству и сублимировавшие социальный протест в наиболее крайних формах, сегодня как явление присутствует практически во всех современных обществах. Но этот вид политического экстремизма сегодня идеологически безоружен, в силу этого дезорганизован и не имеет широкого общественного резонанса. Очевидно, что он сегодня не представляет крайней общественной опасности, но при формировании государственной политики противодействия экстремизму важно учитывать, что, если он будет вооружен каким-то более или менее привлекательным и социально востребованным идеологическим проектом, этот вид политического экстремизма может очень быстро активизироваться в обществе. Можно вспомнить, как даже в условиях динамичного экономического развития в шестидесятые годы, весь западный мир был буквально взорван молодежными бунтами, вдохновленными идеями Герберта Маркузе.

Если традиционные формы политического экстремизма сегодня находятся как бы в тени, то политическая практика наиболее влиятельных идеологий современности — либерализма, национализма и религиозного фундаментализма — приобретает в последние десятилетия все чаще экстремистский характер. Хотя эти идеологии и нельзя отнести к числу новых (обычно экстремистская практика присуща молодой идеологии), можно предположить, что заявленный в конце восьмидесятых — начале девяностых годов «конец идеологии» привел к новому идеологическому размежеванию и обострению глобаль-

ного идеологического противоборства. В этих условиях, практикой национализма стал — этнический экстремизм, практикой религиозного фундаментализма — религиозно-политический экстремизм, а практикой либерализма — своего рода «демократический» экстремизм.

Причины и условия, породившие эту форму международного экстремизма, Ю.И. Сундиев описывает следующим образом. Последняя четверть XX века характеризуется окончательным формированием новых субъектов мировой политики — транснациональных корпораций и надгосударственных управленческих структур (МВФ, ОБСЕ, ПАСЕ и т.п.) и агрессивным развертыванием экономической модели хозяйствования, основанной на неограниченной эмиссии доллара (Рейганомика). Достигнутые успехи (победа в «холодной войне» и практическая реализация модели «потребительского общества» в странах «золотого миллиарда») укрепили в умах и теоретиков и практиков иллюзию возможности бесконечного расширения рынка через спекулятивные операции, а также — всестороннего финансового преимущества виртуальной экономики над материальным производством. Для новых субъектов мировой политики и экономики существующие государственные границы и остатки суверенитета есть лишь досадная помеха и «реликт». Социокультурные, конфессиональные, этнические черты в этой парадигме рассматриваются как «атавизм», от которого нужно быстрее избавляться любому современному глобализированному «актору».

Однако кратковременные попытки сформировать «однополярный» мир на базе «общечеловеческих ценностей» оказались мало эффективными. Для политической и экономической консолидации становящегося все более и более аморфным и слабо управляемым «мирового сообщества» вновь потребовался Враг, но не простой, а отвечающий ряду обязательных критериев. Он (Враг) должен представлять собой явную, безусловную и ужасную угрозу, но при этом не быть связанным с ведущими странами Запада. Его местоположение должно

быть там, куда можно наносить безответные удары; его можно увидеть только на экране телевизора и в Интернете; борьба с ним должна продолжаться бесконечно долго, а мера ее успешности оставаться неопределенной; наконец, необходимость борьбы с Врагом должна убедительно оправдать любые ограничения демократических прав собственных граждан, а увеличение расходов на борьбу с ним не должно вызывать возражений у населения. Этот Враг, **мировой терроризм**, — основной инструмент «варварских» цивилизаций, стремящихся уничтожить «прогрессивную» (западную) цивилизацию. А авангардом мирового терроризма назначены исламистские радикалы, до этого много лет воевавшие с «советской экспансией». В системе запугивания атлантического обывателя, зеленое знамя газавата сменило красное знамя «коммунистической угрозы».

Но консолидация, указывает Ю.И. Сундиев, — это не единственная задача борьбы с «общим Врагом». Не менее важным остается то, что «борьба с мировой террористической угрозой» позволяла до поры связывать избыток «виртуальных» финансов, обоснованно, для избирателей, вводить мобилизационные компоненты в экономику и проводить жесткую протекционистскую политику. Консолидировавшееся «мировое сообщество» в лице своих уполномоченных представителей (G8, ОБСЕ и т.п.) определяет, какие государства, политические силы и социальные слои заслуживают причисления к лику прогрессивных («своих»), какие — отсталых («варварских») цивилизаций. Одни и те же действия по отношению к прогрессивным цивилизациям именуются терроризмом, по отношению к отсталым — национально-освободительной (антиимперской, антитоталитарной и т.п.) борьбой. Террористов нужно уничтожать в любой точке Земного шара, не обращая внимания на государственный суверенитет, с «национально-освободителями» (наиболее наглядными примерами подобных могут служить УЧК — Армия освобождения Косова и «Вооруженные силы Республики Ичкерии») обязательно нужно договариваться руководству

тех стран, против которых они воюют. «Священную» борьбу с терроризмом после 2001 года ведут уже не отдельные государства, а все страны, причисленные к лику «прогрессивных» цивилизаций, в лице своих доверенных представителей (коалиционных вооруженных сил); переговорный же процесс в государствах «промежуточных» и «варварских» цивилизаций могут вести только носители прогрессивных цивилизационных ценностей — неправительственные организации прозападной ориентации. При этом подходе все вопросы о материальных, кадровых, финансовых источниках террористической деятельности переводятся в мистико-конспирологическую плоскость наднационального религиозного фанатизма, бороться с которыми представители «прогрессивных» цивилизаций могут любыми способами и не утруждая себя доказательствами.

Необходимо подчеркнуть, отмечает Ю.И. Сундиев, что новые субъекты мировой политики и экономики не могут легитимизировать свои действия в рамках действующей системы международного права, новое право под эти субъекты еще не создано ввиду кратковременности их существования, но, с их точки зрения, можно поставить мир перед фактом свершившего передела, замаскировав происходящее бесправие всеобщей террористической угрозой. В свою очередь террористические методы и антитеррористическая борьба в необходимых пропорциях способны сделать то, что невозможно добиться другими способами. Пример — войны в Югославии, Афганистане, Ираке, внешнее стимулирование критической нестабильности на Северном Кавказе стали способами временно успешной стабилизации долларového обращения и передела мирового рынка углеводородов. Достаточно прозрачным становится в этом случае вопрос о кадровых, материальных, финансовых и прочих ресурсах экстремистской и террористической активности. Это не мифические орды «новых кочевников» (Ж. Аттали), а вполне прагматичные современные корпоративные структуры, использующие сохранившиеся во многих странах эшелонированные ресурсы борьбы с «коммунистической угрозой» ныне выполняющие кон-

кретные террористические заказы, связанные с перераспределением властных полномочий в экономической и политической сферах. Их внешняя идеологическая оболочка выполняет функции маскировки реальных участников и конечных целей происходящего и имеет то же происхождение, что и корпоративные имиджи транснациональных корпораций, да и разрабатывается, как правило, теми же специалистами. Они (современные экстремистские и террористические организации) опираются не на спонсорство мифических фанатиков-финансистов, а на вполне осязаемую «экономику терроризма» (the New Economy of Terror), годовой оборот которой, по оценкам экспертов, достигает 1,5 триллиона долларов или более 5% мирового валового продукта. Примером подобной корпорации можно считать турецкий «Нурджулар»¹.

Таким образом, внутригосударственный и межгосударственный экстремизм и терроризм переплелись в современных условиях самым причудливым образом. С одной стороны, мировое сообщество заинтересовано в противодействии международному экстремизму и терроризму, но, с другой стороны, наиболее влиятельные страны мирового сообщества пытаются также и использовать эти негативные социально-политические силы в своих собственных интересах в глобальной политике.

Активными субъектами экономико-политического экстремизма являются в настоящее время также и свыше 80 тысяч ТНК и международных банков, которые пытаются приспособить развитие большинства стран к своим интересам и потребностям. Последние поставляют для ТНК товарно-сырьевые ресурсы, дешевую рабочую силу в условиях сохранения недостаточно развитого законодательства по охране окружающей среды, низких налогов на прибыль и свободного вывоза капиталов. Этим странам предлагаются различные социально-

¹ Сундиев И.Ю. Трансформация роли политического и религиозного экстремизма в условиях развертывания глобального кризиса // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Хан-

экономические программы, в которых обосновывается необходимость ослабления роли национального государства в регулировании социально-экономических процессов. Своей политикой и формами воздействия ТНК и банки поддерживают антигуманное направление в развитии локальных цивилизаций¹.

В этой связи целесообразно принять предлагаемое некоторыми учеными разделение понятий **глобализации** и **глобализма**. «Глобализм, — пишет А.Ш. Ниязи, — не следует путать с глобализацией — процессом нейтральным, объективным, ни плохим, ни хорошим. Глобализация — многогранный ход истории, представляющий неимоверно ускоряющуюся в последние десятилетия взаимосвязь и взаимозависимость человечества. ... это новая по качеству и объему информационно-технологическая и культурная среда, в которой возможны воплощения разных путей развития, как прогрессивных, так и тупиковых. То, что я называю глобализмом — направление разрушительное. Этот курс геоэкономического и геополитического поведения теснейшим образом увязан с неолиберальной идеей всемогущества рынка и размывания социальных функций государства. Его достаточно просто сформулировал Буш младший. Покидая пост президента, в своей прощальной речи он не удержался от трафаретного заклинания — рынок должен быть впереди государства. Подобное мировоззрение представляет квинтэссенцию неолиберализма. Со временем оно превратилось в идеологию и практику рыночного фундаментализма. Его адепты слепо верят, будто рынок может управлять всем, достаточно только лишь до минимума свести его регулирование. Тогда его свободное распространение уничтожит бедность и угнетение, распушит диктатуры и объединит культуры»².

бабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 384.

¹ Петров Ю.П. Основания экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 419.

² Ниязи А.Ш. Афганистану навязываются пережитки глобализма // <http://afghanistan.ru/>

Глобализм насаждается не только с помощью экономических механизмов, но и путем прямого политического, а то и военного давления, как это делают США. Цель — унифицировать национальные экономики по неолиберальному образцу. Странам, нуждающимся в кредитах, инвестициях и в доступе на внешние рынки, навязываются — невзирая на культурные традиции и возможные негативные социальные последствия — жесткие «программы структурной адаптации». Такие программы, навязывались всем постсоветским странам, действуют они и в Ираке, и в Афганистане. Предлагаемая для них формула прогресса сводится к монетаризации, привязанности к американскому доллару, западной банковской системе, радикальному открытию рынка и радикальной приватизации, сворачиванию социальной ответственности государства, его присутствия в экономике, его протекционистских действий, ориентации на сырьевой экспорт. Результаты подобного курса оказываются противоположны ожидаемым.

Последствия такой политики применительно, например, к Афганистану А.Ш. Ниязи описывает следующим образом.

Приватизация и без того скудной государственной собственности, выкупаемой за гроши, разрушила остатки промышленности. 168 приватизированных предприятий не работают и являются объектами спекулятивных операций по их перепродаже. От промышленного капитала остались лишь крохи. Инвестиции перетекают в торговый сектор. Малое и среднее предпринимательство сохраняется преимущественно в сфере традиционных ремесел, торговли и услуг. Прекратили свое существование около 2500 малых предприятий, в их числе небольшие фабрики. МВФ и Всемирный банк навязывают афганцам так называемые связанные кредиты, то есть под те программы, которые они сами считают целесообразными. Поощряется бесконтрольное развитие местной бан-

ковской системы по западному образцу. Играя по правилам неолиберальной финансовой системы, афганские банки потеряли 2 млрд. долларов США. Кредиты предприятиям выдают под 15-20 процентов. При этом Банк сельскохозяйственного развития влачит жалкое существование. Помощь деградирующему сельскому хозяйству недостаточна и неэффективна. Капитал устремляется в торговлю сырьем и залежами полезных ископаемых. Одновременно снижаются таможенные пошлины на импорт, и наоборот — повышаются на вывоз афганских товаров.

Не решаются острейшие социальные проблемы. 85% населения находится ниже уровня бедности. 70% безработных полностью лишены социальной поддержки. МВФ рекомендует не повышать зарплату афганским служащим. В среднем они получают 80 долларов в месяц (следует учитывать, что на эти деньги, как правило, живут и все их многочисленные домохозяева). На этом фоне солидно откармливаются иностранные советники, получая до 20 тыс. долларов в месяц. Вообще с зарубежной помощью творятся чудеса. По данным Устада Саида Масуда из 30 млрд. долларов полученных от стран доноров для развития Афганистана, непосредственно на нужды страны израсходовано 4 млрд., остальные 26 «съели» сами международные организации, распределяющие эту помощь. В тяжелейшем положении находятся системы здравоохранения, образования и просвещения. Таким образом, вырисовывается весьма печальная картина присущая многим другим странам шедшим в русле неолиберальных реформ¹.

На территории СНГ ярким примером последствий глобалистской политики является положение дел в Киргизии. Сразу же после развала СССР эта республика встала на путь неолиберальных реформ. опередила другие страны Центральной Азии по либерализации цен и внешней торговли, монетаризации

¹ Ниязи А.Ш. Афганистану навязываются пережитки глобализма // <http://afghanistan.ru/doc/15268.html>.

и приватизации, приняла гражданский кодекс западного типа, первой санкционировала частную собственность на землю и вступила в ВТО. Иными словами, наиболее показателью в регионе проявила готовность следовать «шоковой терапии» по рекомендациям МВФ и Всемирного банка. Однако через 13 лет страна, считавшаяся чуть ли не образцом демократических и рыночных реформ на Востоке, оказалась на грани гражданской войны и экономического краха. Почти полностью разрушено сельское хозяйство. Показатели бедности в Киргизии приблизились к показателям разрушенного войной Таджикистана¹.

Таким образом, сфере **международных отношений** предпринимаются попытки создания «единого мирового порядка» с общим социумом и мировым гражданским обществом, в **духовной сфере** — создание единой культуры мировой цивилизации на основе господства американской культуры. Проводится политика подрыва национальных государств, национальной идентичности и формирования новой идентичности населения на условиях глобализма. В **экономической сфере** межгосударственный экстремизм стремится сохранить зависимость всех цивилизаций от западноевропейской посредством заимствования первыми устаревших концепций модернизации общества. В **политической сфере** межгосударственный экстремизм пытается осуществить демонтаж системы независимых государств во главе с ООН и создать национальные центры управления, которые по своему усмотрению должны будут осуществлять политику «миротворчества», «невмешательства», подготовки «цветных революций» и «смены правящих режимов»².

Другой формой проявления межгосударственного экстремизма является политика разжигания **межэтнической вражды** в полиэтнических государствах,

¹ Там же.

² Петров Ю.П. Основания экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 419.

проводимая некоторыми странами, не входящими в ядро стран «золотого миллиарда». К таким действиям относится, например, усиление деятельности ряда зарубежных, главным образом околоправительственных структур и неправительственных организаций, по «оживлению» чувства общенациональной солидарности, родственности между **угро-финскими** и **тюркскими** группами населения в России и соответствующими слоями населения и странами за рубежом. Уже в течение ряда лет значительную активность в этом плане проявляют различные зарубежные круги и организации. Исторический характер нахождения этих народов на значительной части территории России, а также наличие большой по численности группы населения, принадлежащего к указанным этническим сообществам, за рубежом Российской Федерации, по большей части в качестве коренного населения иностранных государств (Финляндия, Эстония, Венгрия, Турция и др.), является обстоятельством, которое в различной мере и масштабах способствует спонтанным и организованным процессам активизации самоидентификации соответствующих групп населения России, культурному сближению их с представителями родственных этнических групп за границей, возникновению иных по содержанию интеграционных интересов, чем внутрироссийские, а также зарождению сепаратистских тенденций¹.

Указанные действия зарубежных организаций, хотя и не выливаются в современных условиях в значительные по масштабам процессы этнонациональной радикализации, и тем более этнонационального экстремизма, при определенных условиях могут создать новые очаги сепаратизма и экстремизма.

3.5. Научно-практические выводы

¹ См. Авдеев Ю.И. О некоторых современных тенденциях этнонационального экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Ло-

Проведенный выше анализ показывает, что наиболее значимым основанием для научной классификации экстремистской деятельности является различение **основных субъектов** социально-политических конфликтов. Именно субъектами конфликта задается конкретный набор ценностей и интересов, присущих деятелям, избирающим экстремистские формы действий, а, следовательно, — и основные формы разрешения конфликтов, равно как и способы их профилактики и противодействия экстремизму.

Исходя из этого понимания мы можем установить, что основные и самые общие виды (роды) экстремизма — это **межгосударственный** (международный) и **внутригосударственный** экстремизм. А в рамках последнего мы можем различать, во-первых, экстремизм **частных** социально-политических субъектов, конфликтующих **с государством в целом** (его можно называть **государственно-политическим** экстремизмом), и, во-вторых, — экстремизм частных социально-политических субъектов, конфликтующих **между собой** (его можно называть **частно-политическим** экстремизмом). Наиболее опасны государственно-политические виды и формы экстремизма.

При этом следует подчеркнуть, что при определении того или иного вида экстремизма недостаточно указывать лишь на **одного** субъекта, избирающего экстремистские формы борьбы, так как конфликты всегда носят, минимум, **двусторонний** характер. Экстремизм не является каким-то вечным атрибутом, присущим от природы тому или иному субъекту и направленным **против всех** остальных субъектов. Он всегда представляет собой **конкретный выбор** субъекта, осуществляемый в рамках **конкретного конфликта** и направленный **против конкретного противника** или оппонента.

Следующим по важности признаком для научной классификации экстремизма является признак, указывающий на **содержание** конфликта. В этом отношении все основные **виды** экстремизма мы можем разделить на его **основ-**

ные формы, среди которых необходимо прежде всего выделить формы, определяемые духовными, **мировоззренческими** конфликтами (среди которых основной — нравственный, идеологический), и затем — формы, определяемые остальными типами конфликтов — **экономическими, политическими и социально-психологическими**. Соответственно, и основными общими формами экстремизма будут — **мировоззренческий** и (просто) **социальный** экстремизм. В первом случае (самом глубоком и принципиальном) целью экстремистских действий является утверждение в мире или в отдельном его регионе, в отдельном государстве или в отдельной республике некоего **нового** (или старого) **социально-политического порядка** (например, — торжество норм шариата и политики, направляемой исламскими духовными лидерами). Во втором же случае речь идет лишь о **перераспределении** между конфликтующими субъектами материальных, властных и социально-психологических ценностей **в рамках существующего социально-политического порядка**.

Хотя, как показывает практика, чистые (простые) формы экстремизма встречаются довольно редко (чисто экономический экстремизм, чисто политический экстремизм и т.д.), и все они, как правило, отягощены еще и остальными формами, все же одна из них является обычно **определяющей**, а остальные носят побочный и **подчиненный** характер.

Поэтому, выяснение **основной, определяющей** формы того или иного социально-политического конфликта между конкретными субъектами имеет чрезвычайно важное значение для выработки адекватных практических мер по его разрешению.

Наконец, последний по значению признак, играющий роль в научной классификации экстремизма — это **стратегия** разрешения конфликта, избранная тем или иным социально-политическим субъектом. В этом отношении может различаться только **крайний** (радикальный) экстремизм, направленный на полное уничтожение или подавление своих оппонентов и противников, и экс-

тремизм **компромиссный, умеренный**, прибегающий только к полумирным-полунасильственным действиям, направленным лишь на улучшение положения одной из сторон в рамках **существующей** формы разрешения конфликта.

Внутригосударственный экстремизм может проявляться в деятельности: 1) отдельных **индивидов**, 2) более или менее крупных социальных **групп**, и 3) в действиях больших и сверхбольших **масс** людей. Соответственно, по **количественной характеристике** субъектов экстремистской деятельности, мы можем различать экстремизм **индивидуальный, групповой и массовый**.

Групповой и массовый экстремизм, кроме того, может носить как спонтанный, **неорганизованный** характер (например, действия возбужденной уличной толпы), так и характер частично или полностью организованный. Соответственно, по степени организованности экстремистской деятельности мы можем различать экстремизм: 1) **неуправляемый** (стихийный), 2) **направляемый** (управляемый частично), и 3) полностью управляемый (**организованный**).

Наконец, по форме социально-политических конфликтов, лежащих в основе экстремистской деятельности, мы можем различать экстремизм **идеологический** (мировоззренческий), **экономический, политический и социальный**.

Важнейшая плоскость внутригосударственной жизни — **классово-политическая**. Индивиды в современном обществе разделены не только по национальному и религиозному, но также и по классовому признаку.

В современном обществе существуют и переплетаются три вида классов — экономические, политические, духовно-религиозные и социальные. Любой индивид входит одновременно во все эти классы, и при этом он может занимать в них разное положение. Соответственно, и классовая борьба (вертикальная и горизонтальная) идет во многом параллельно и отдельно во всех основных сферах общества — экономической, политической, духовно-религиозной и

социальной, — в которых соответствующие элиты, завоевавшие свое высокое положение, отстаивают ее, с одной стороны, против новых претендентов на их место, поднимающихся из нижних страт, а, с другой, — против конкурирующих группировок, с которыми они делят свое высокое положение, обладая в нем большей или меньшей долей. И в этой борьбе, естественно, могут возникать и соответствующие формы **экстремистской** деятельности, избираемые политическими, экономическими, религиозными или социальными субъектами, лидерами или организациями.

Однако один только **классовый** подход к структуризации общества (и его конфликтов) является **односторонним** и недостаточным, поскольку он отвлекается от **этнической** (этнокультурной) природы государства и общества. С некоторым приближением классовый подход может адекватно применяться для анализа социальных конфликтов в обществе **моноэтническом** (и **монорасовом**). Однако таких обществ (государств) в современном мире совсем немного (Япония, Корея и некоторые другие), большинство же остальных государств обладают, кроме социальной, и сложной этнической и этноконфессиональной структурой.

Нация — это этнос **или совокупность этносов**, живущих **единым государством**, поднявшихся до государственного образа жизни. А этнос — это догосударственная или уже внутригосударственная общность людей. Поэтому государство может быть как моноэтничным (например, Япония), так и полиэтничным (например, Россия), а этнос, в свою очередь, может оказаться как **разделенным** между несколькими государствами, (как, например, курды), так и **консолидированным** в одном государстве (как, например, якуты). При этом, этносы могут быть как **государствообразующими** (создавшими и сохранившими традицию своей государственности), так и «огосударвленными» (воспринявшими государственность от других народов, с которыми они живут в общем государстве). Но в любом случае следует выделить и подчеркнуть одно:

этнос (народность, «национальность») — это либо еще предгосударство (**потенциальный** субъект государственной жизни), либо уже субъект государственной жизни — своей собственной, оригинальной или общей у него с другими этносами. И именно **отношением его к государственной жизни** прежде всего и отличается этнос от нации.

Мы можем сформулировать следующее определение этноса. Этнос — это историческая **догосударственная** общность людей, состоящая из **экзогамных** общностей и групп (семей, родов, кланов и т.п.) и определяющая себя по отношению к другим человеческим общностям и группам как **эндогамную**. Все другие обычно приводимые признаки этносов — общность языка и культуры, территории, хозяйственной жизни, антропологического и психического склада и т.д. определяются именно этим, коренным фактом этнической жизни — **эндогамным** способом воспроизводства входящих в состав этноса индивидов. Этничность каждого такого индивида **объективна** в силу того, что у него уже с **самого его рождения** оказываются в наличии его отец, мать, дяди, тетки, братья, сестры, племянники, деды, бабки, прадеды, пращурсы и т.д. Любой индивид, таким образом, оказывается с самого рождения включенным в сложную сеть **родственных** (этнических) отношений, берущих свое начало в далеком прошлом и передаваемых новым индивидам **самим фактом их рождения и воспитания** именно в данной сети этнических отношений, а не в какой-либо иной. Все представители одного этноса — это по существу близкие или дальние **родственники** по их историческим предкам. Этнос — это особая форма исторического родства людей.

Нация же — это либо достаточно большой этнос, поднявшийся до государственного образа жизни, либо (что встречается чаще) конкретное множество (система) больших и малых этносов, живущих общей государственной жизнью (входящих в состав одного, общего им всем государства).

Нация, как и этнос, вырабатывает свои (чисто правовые) нормы и правила, регулирующие брачно-семейные отношения между ее членами (гражданами), но в этих нормах нет никаких **предписаний** к выбору брачно-семейных партнеров, и этот выбор определяется на деле, как правило, именно **этническими** нормами и традициями. При этом необходимо отметить, что на государственном этапе исторической жизни этническая эндогамность, с одной стороны, является эффективным механизмом сохранения этнической идентичности в полиэтнических государствах, но, с другой стороны, она же является и существенным тормозом к формированию общегражданской, государственной политической идентичности — к формированию единой нации. В интересах государства — поощрение смешанных, межэтнических браков между своими гражданами. В интересах же сепаратистских этнических элит — затруднение межэтнических браков и консервация традиционных брачно-семейных обычаев и ритуалов.

Теоретически, каждый достаточно большой этнос обладал в прошлом (и обладает в настоящем) **возможностью** образования своего собственного (отдельного) государства. Однако исторически все этносы уже включены по-разному в состав существующих ныне государств, считающих свою территорию неделимой. Поэтому политические интересы этносов (этнополитических элит) могут удовлетворяться в рамках существующих государств лишь различными формами внутригосударственной **автономии**. Именно на этой почве и возникают в основном современные этногосударственные и межэтнические конфликты и, соответственно, — экстремистские формы и способы их разрешения.

Третья важнейшая плоскость внутригосударственной жизни (после классовой и этнической) — **религиозно-духовная**. В этом отношении все граждане современных государств относятся так или иначе не только к различным этническим общностям, но и к общностям религиозно-духовным — **конфессио-**

нальным. Анализ литературы позволяет составить следующую общую классификацию видов религиозного экстремизма:

1. **Межконфессиональный.** Направлен против представителей других религиозных конфессий (например борьба исламских, индуистских и сикхских религиозных экстремистских группировок между собой в Индии).

2. **Внутриконфессиональный.** Направлен против единоверцев, принадлежащих другим течениям или сектам в рамках одной конфессии (например, суннитские экстремистские группы, действующие против шиитского населения, или экстремистские еврейские организации, действующие в Палестине). К последнего рода экстремизму можно отнести также борьбу низовых религиозных общин против официальных религиозных лидеров и официальной религиозной элиты в целом.

3. **Антимодернизационный.** Направлен против принятия современной международной духовной и правовой системы ценностей, противоречащих традиционным идеалам и нормам (Иран, Афганистан, Судан).

3. **Антисистемный религиозно-политический** (в узком смысле). Направлен против идеологии светских режимов, не признающих за религиозными организациями статуса легитимной политической силы (Алжир, частично Узбекистан).

5. **Международный религиозно-политический.** Направлен против внешних государств и правительств, а также против международных организаций (Аль-Каеда и другие аналогичные политизированные религиозные организации).

Хотя в современном мире просвещенческая идеология уже в значительной степени и потеснила в сознании большинства граждан идеологию традиционную, религиозную, тем не менее, длительное историческое существование многих народов в рамках последней привело к глубокому проникновению религиозных представлений и норм в самые недра народной культуры, в повсе-

дневный быт и, что особенно важно, — в нормы брачно-семейных отношений. Исторические религии приобрели для многих народов характер неотъемлемой бытовой и повседневной **этнической культуры**. Поэтому без особых натяжек можно говорить сегодня о христианских народах, исламских народах, буддистских народах, конфуцианских народах, иудейском народе (евреях) и т.д.

Поэтому многие внутригосударственные и межгосударственные конфликты, как правило, приобретают еще и духовно-религиозную окраску, особенно, в тех случаях, когда конфликтующие этносы являются носителями разных религиозно-духовных традиций. Классическим историческим примером таких конфликтов являются войны крестоносцев с арабским Востоком и палачинами ислама в XII-XIII веках.

С другой стороны, основные мировые религии несут в себе и разный **«политический заряд»**, что во многом объясняется особенностями их первоначального формирования и исторического развития. Экстремизм как духовное устремление к крайности, к **трансцендентному** свойственен любой религии, но в исламе — **наиболее политизированной** из всех мировых религий — этот духовный порыв очень сильно связан еще и с **политическими** чувствами и представлениями верующих, и именно это и способствует так называемому исламскому политическому экстремизму.

Однако не следует преуменьшать политического влияния и традиционных христианских представлений на современную политику. Даже и в США, например, отделивших церковь от государства с самого начала установления своей государственности, на деле вовсе не отказались от поддержки религии (и ее исповедания). Аналогичную или еще более политизированную роль играют христианские церкви и в других западных странах. Поэтому межнациональные конфликты в этих странах (например, в Великобритании) тоже несут достаточно сильную религиозную окраску. И в еще большей степени это относится к конфликтам международным (межгосударственным).

Для научного анализа, безусловно, представляют интерес все формы и разновидности современного политического экстремизма. В отличие от научного, политический подход предполагает выявление и вычленение только тех форм политического экстремизма, которые угрожают или могут угрожать в обозримой перспективе конституционно-государственному устройству общества.

Среди всех остальных разновидностей экстремизма определенный интерес с политической точки зрения представляет экстремизм **молодежный**, носителями которого являются различные слои, группы и организации молодых людей, которые в силу самого возраста и социальной незрелости склонны к выбору именно насильственных форм достижения своих целей. Однако молодежный экстремизм, как правило, проявляет себя в рамках основных форм экстремизма, уже рассмотренных нами выше, и его носителями являются молодежные подразделения взрослых экстремистских организаций классово-политической, этнической или религиозной ориентации. Именно молодежь, как правило, является ударной силой, непосредственным исполнителем экстремистских планов и операций таких организаций, но никакого специфического и важного молодежного содержания в них она не вносит.

В отличие от этого, различные гендерные (в основном **феминистские**) организации имеют в своей основе и специфическое гендерное содержание. Такие идеи могут приводить определенные феминистские организации к экстремистским действиям (например, на почве борьбы за полную свободу абортот и т.п.), однако общественная опасность таких действий, как правило, невелика. В будущем, возможно, радикальные формы женского движения могут дать знать о себе и в России. Однако в настоящее время для нашей страны они неактуальны и, тем более, не представляют никакой общественной опасности.

То же самое в настоящее время можно сказать и про **экологические** движения. Экстремистский потенциал и экологических организаций невелик, и

в условиях современной России они также не представляют общественной опасности.

Современный **международный** политический экстремизм является главным образом следствием несправедливого мироустройства. Международный этнический и религиозно-политический экстремизм — это реакция на экстремистскую практику современного либерализма, которая привела в последние десятилетия к развалу уже двух суверенных государств — Югославии и Грузии, к углублению раскола национальной государственности в Украине, к попыткам решения внутренних проблем суверенных государств с помощью внешней военной силы — в Афганистане, Сомали, Югославии, Ираке.

В сфере **международных отношений** предпринимаются попытки создания «единого мирового порядка» с общим социумом и мировым гражданским обществом, в **духовной сфере** — создание единой культуры мировой цивилизации на основе господства американской культуры. Проводится политика подрыва национальных государств, национальной идентичности и формирования новой идентичности населения на условиях глобализма. В **экономической сфере** межгосударственный экстремизм стремится сохранить зависимость всех цивилизаций от западноевропейской посредством заимствования первыми устаревших концепций модернизации общества. В **политической сфере** межгосударственный экстремизм пытается осуществить демонтаж системы независимых государств во главе с ООН и создать национальные центры управления, которые по своему усмотрению должны будут осуществлять политику «миротворчества», «невмешательства», подготовки «цветных революций» и «смены правящих режимов».

Другой формой проявления межгосударственного экстремизма является политика разжигания **межэтнической вражды** в полиэтнических государствах. К таким действиям относится, в частности, усиление деятельности ряда зарубежных, главным образом околоправительственных структур и неправитель-

ственных организаций, по «оживлению» чувства общезтнической солидарности, родственности между **угро-финскими** и **тюркскими** группами населения в России и соответствующими слоями населения и странами за рубежом. Указанные выше действия зарубежных организаций, хотя и не выливаются в современных условиях в значительные по масштабам процессы этнонациональной радикализации, и тем более этнонационального экстремизма, при определенных условиях могут создать новые очаги сепаратизма и экстремизма.

ГЛАВА 4. ИСТОКИ И ПРИЧИНЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА КАК НЕГАТИВНОГО СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

4.1. Философско-идеологические корни экстремизма

В современной политической терминологии понятие «экстремизм» является одним из наиболее часто используемых понятий. Однако, четкого, однозначного определения термина «экстремизм» пока не существует, если не считать таковым чаще всего встречающееся, достаточно абстрактное и расплывчатое определение. Это определение экстремизма как приверженности крайним взглядам и действиям. Например, в политическом словаре дано именно такое определение: экстремизм — приверженность в политике к крайним взглядам и мерам. Это определение не может удовлетворительно раскрывать сущность явления экстремизма. Тем более что обычно, при таком подходе, не указывается определенная количественная или качественная мера «крайности», которая разделяет экстремизм и то, что не относится к экстремизму.

Довольно распространенным является и другой подход при определении экстремизма, когда вместо научного определения дается так называемое экзemplярное определение путем простого перечисления явлений или действий, которые относятся к экстремизму. В определении экстремизма, данном в Федеральном законе, принятом Государственной Думой РФ 27 июня 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» дан подробный перечень видов конкретных экстремистских действий, но не раскрыта с достаточной четкостью и глубиной сущность экстремистской идеологии, лежащей в основе экстремистских действий. В результате действительные экстремистские действия, мотивированные именно экстремистской идеологией, легко отождествить с радикальными действиями, не имеющими отношения к экстремизму. Определе-

ние понятия экстремизма путем простого перечисления объектов, входящих в объем определяемого понятия вообще не является логически корректным.

Если у нас нет четкого понимания сущности экстремизма, при таком подходе включение или не включение определенных действий или явлений в состав экстремизма является абсолютно произвольным занятием. Такое общее и расплывчатое определение экстремизма не может служить надежным критерием квалификации определенных явлений и действий как экстремистских. Неудовлетворительность абстрактного и экземплярного подходов к определению экстремизма проявляется весьма ярко в политической полемике, когда термин «экстремизм» используется как один из политических ярлыков или ругательств, которые адресуют друг другу политические оппоненты. Однако, эта неудовлетворительность особенно опасна, если она проникает в юридические документы.

Не существует ясности в понимании сущности экстремизма и в массовом сознании. Так, по результатам опроса Фонда общественного мнения, «36% россиян, отказываясь объяснить значение этого понятия, заявляют, что не знают, что это такое. Объяснить, что значит «экстремизм», взялись 37% респондентов. Их ответы можно объединить в несколько групп (данные в % от числа опрошенных):

Экстремизм — это ...

— насилие, жестокость, агрессия, ненависть — 8

— терроризм, бандитизм — 7

— крайние формы выражения идеологических взглядов — 7

— фашизм, национализм — 6

— антигосударственная деятельность, захват власти — 3

Часть респондентов (2%), не сумев дать определение данному понятию, просто выразили свое негативное отношение к экстремизму («это плохо, за-

прещено», «ругательное слово», «экстремисты — зачинщики плохого»)¹.

Анализируя понятие экстремизма, пытаясь дать его теоретическое определение, всякий исследователь сталкивается с проблемой логической дифференциации терминов радикализм, экстремизм, терроризм. Без четкого различения этих терминов дать определение сущности экстремизма невозможно. Нам кажется, что при определении сущности экстремизма следует исходить из деятельностного подхода, согласно которому экстремизм должен рассматриваться как одна из чрезвычайных, деструктивных форм социальной практики.

Мы считаем, что для определения сущности экстремизма следует начать с категории «радикализм», поскольку экстремизм выступает одной из специфических форм радикализма. Понятие «радикализм» не имеет однозначного и четкого толкования в литературе. Чаще всего в это понятие вкладывается два смысла: 1) радикализм рассматривается как политическое течение, сторонники которого подвергают критике существующую систему и настаивают на необходимости коренных преобразований и реформ; 2) радикализм рассматривается как и использование радикальных методов при решении каких-либо вопросов, решительный образ действия. В первом смысле термин радикализм означает не только способ деятельности, но и определенную идеологию, лежащую в его основе, но при этом этот термин относится только к политической деятельности. Во втором смысле, термин «радикализм» характеризует лишь способ действия безотносительно к виду деятельности.

Нам представляется, что для выяснения сущности экстремизма, как разновидности радикализма, будет продуктивным следующее определение: радикализм — тип социальной практики или деятельности, основанный на крайних, предельно агрессивных идеологиях и чрезвычайных, решительных действиях, направленных на коренное изменение существующей социально-политической

¹ Петрова А.С. Понятие «Экстремизм» // http://bd.fom.ru/report/map/special/416_15405/d002628.

системы или ситуации. В радикализме можно таким образом выделить две взаимно обуславливающие стороны: радикальную идеологию и радикальную деятельность. Радикализм, естественно, является реакцией тех или иных социальных субъектов на критические, тупиковые или экстремальные ситуации, с которыми они сталкиваются в ходе исторического процесса.

Следует различать две основные формы радикализма в зависимости от характера социальных изменений, которые составляют существо программы или идеологии радикализма. Первая форма радикализма — конструктивный, революционный радикализм, который направлен на качественное, революционное, прогрессивное преобразование существующей социальной системы. В этом виде радикализма, высшим проявлением которого является социальная революция, конструктивный момент — строительство нового, более совершенного общества, преобладает над деструктивным — разрушением существующей системы. Этот радикализм можно уподобить целительному ножу хирурга, который в критической ситуации кардинально, силовыми методами исцеляет пациента, спасая от гибели.

Вторая форма радикализма — деструктивный радикализм, направленный на сохранение, консервацию отживших, изживших себя социальных отношений с помощью деструктивных, агрессивных действий против тех сил и социальных явлений, которые выражают действительно революционное преобразовательное начало, либо против всей существующей социальной системы или социальной ситуации в целом. Это ложно направленная социальная агрессия, канализирующая в деструктивном направлении спонтанную, стихийную социальную агрессию тех социальных групп и сил, которые сложившаяся критическая социальная ситуация ставит перед проблемой самосохранения или перед угрозой потери социальной и культурной идентичности. Деструктивный радикализм не лечит критическую болезнь социального организма, а калечит и насилует его тело, подобно безграмотному шаману, лишь усугубляя эту крити-

ческую болезнь.

Безусловно, экстремизм следует отнести к деструктивному радикализму. Но внутри деструктивного радикализма мы бы выделили, в свою очередь, две разновидности, в зависимости от характера идеологии, которая лежит в его основе и определяет направленность и способ социальной деятельности деструктивных радикалов. Первая разновидность основана на фанатической идеологии, которая представляет собой иллюзорную и утопическую программу социального преобразования. Фанатизм одержим иллюзорной идеей преобразования мира по своему иллюзорному идеалу.

Вторая разновидность радикализма основана на идеологии фундаментализма. Фундаментализм в широком смысле слова есть идеология, которая выступает за сохранение традиционных основ общественной системы, против их коренных изменений. Суть идеологии фундаментализма состоит в том, чтобы вернуться к старому социальному порядку или законсервировать существующие социальные порядки, заморозив, остановив процесс всяких изменений. Именно эту разновидность деструктивного радикализма, основанного на идеологии фундаментализма, как нам кажется, адекватно определяет термин «экстремизм». Фундаментализм и экстремизм взаимосвязаны. Второе есть следствие и развитие первого. В своих крайних формах фундаментализм вырождается в экстремизм. В этом смысле экстремизм — это как раз приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с фундаменталистскими взглядами.

По характеру или способам реализации своих целей фанатизм и экстремизм сходны, так как склонны к использованию чрезвычайных, насильственных и разрушительных актов, то есть к террористическим методам. Именно это сходство, нередко, ведет к смешению фанатизма и экстремизма, а также к смешению их обоих с терроризмом. Чтобы избежать логического смешения понятий «экстремизм» и «терроризм», мы должны указать на то, что первое понятие

характеризует специфический, чрезвычайный тип или способ социального действия и включает в себя такие моменты, как цель, идеология, мотивация действия, средства и способы действия. Второе понятие характеризует лишь один из видов действия или способ действия. Оно гораздо уже по своему логическому смыслу. Хотя, терроризм, безусловно, входит в арсенал действий экстремизма и даже занимает в этом арсенале весьма заметное место. Но лишь терроризмом не исчерпывается арсенал экстремизма как типа социальной практики.

При определении экстремизма как радикального, чрезвычайного способа социального действия, мы сталкиваемся с проблемой специфической меры экстремизма. Эта мера должна отличить радикальные действия от обычных, нерадикальных действий. Критерии этой меры могут быть различными, не столько количественными, сколько качественными. Адекватной мерой экстремизма, нам кажется, является насилие, связанное с угрозой жизни людей или с прямым уничтожением людей. Здесь можно принять во внимание не только физическое, но и нравственно-психологическое уничтожение личности.

Однако мера экстремизма не может быть определена только на уровне одного из ее элементов — экстремистской деятельности. Она должна учитывать также другой элемент — экстремистскую идеологию. Экстремизмом теоретически корректно можно назвать лишь такие действия, которые не просто качественно отличаются от нормальных действий крайним антигуманизмом, но которые совершаются на основании и во имя определенной экстремистской идеологии. Действительным экстремизмом является мотивированная экстремистской идеологией деятельность. Каковы идейные основы, какова идеологическая мотивация экстремистского действия? Что является критерием экстремистской идеологии? Вот главный вопрос при определении сущности экстремизма. Этот вопрос требует специального анализа сущности экстремистской идеологии, который мы осуществим далее.

Базовым элементом является экстремистская идеология, поскольку она

мотивирует экстремистскую деятельность и является основой сплочения и деятельности экстремистской организации. Для определения сущности экстремистской идеологии недостаточно простого указания на некоторые определенные идеи, которые можно представить в качестве общих критериев экстремизма. Однако такой подход довольно часто встречается. В качестве критериев экстремизма обычно предлагаются такие идеи, как идея социального, расового, национального неравенства, идея физического насилия и геноцида своих социальных оппонентов.

Недостаточным также нам кажется подход, который описывает лишь внешние, формальные признаки экстремистской идеологии. Так, например, В.А. Бурковская дает следующее определение экстремистской идеологии: «Идеология становится экстремизмом, если ее характеризуют следующие признаки: 1) «однозначное» объяснение проблем существующего мира и предложение таких же «простых и обязательно помогающих» способов решения проблем; 2) разделение бытия на «абсолютное добро» и «абсолютное зло», причем злом признается фактически все, что не вписывается в данную систему; 3) гиперболизация одной проблемы, придание ей доминирующего положения, несоответствующего принятой в обществе иерархии ценностей; 4) игнорирование, нивелирование других ценностей и норм»¹.

Нам кажется, что для уяснения сущности экстремистской идеологии необходимо начать с уточнения самого понятия идеологии и анализа ее структуры и типов, т.е. рассмотреть идеологию как целостное явление. «Идеология — совокупность идей и взглядов, отражающих в теоретической более или менее систематизированной форме отношение людей к окружающей действительности и друг к другу и служащих закреплению или изменению, развитию общественных отношений. Основой идеологического отражения действительности являются определенные общественные интересы. В классовом обществе

¹ Бурковская В.А. Криминальный экстремизм в современной России . М., 2005. С. 15.

идеология всегда носит классовый характер, отражая положение данного класса в обществе, отношения между классами, классовые интересы. Идеология выступает в формах политических, правовых, религиозных, этических, эстетических и философских взглядов»¹.

По своей сущности идеология — это, одновременно, отражение объективной социальной действительности с точки зрения определенной социальной общности, и выражение базовых социальных интересов данной социальной общности, то есть это социальное самосознание определенной социальной общности. «Система утверждений и предпочтений социальной группы (класса, нации и т.д.) или отдельной личности представляет собой способ понимания и объяснения действительности, идеальную форму выражения их притязаний на социальные блага, статусы и роли»².

По своей форме идеология есть, прежде всего, система взглядов на социальную реальность. Но, в отличие от политической науки, она есть ценностное сознание. Таким образом, идеология включает в себя не только, и даже не столько объективные научные знания об обществе, сколько не критически принятую систему ценностных ориентаций по отношению к существующей социальной реальности. Идеология «включает в свое содержание взгляды и представления, ценности и оценки, выражающие отношение к ценностям, а также социальные нормы, соответствующие потребностям и интересам класса»³.

Какова же структура идеологии? В идеологии, как правило, выделяется три уровня: «Теоретико-концептуальный. На этом уровне формируются основные положения политической теории, обосновываются определенные ценности и идеалы, которые лежат в основе предлагаемого типа общественного устройства ...

¹ Философская Энциклопедия. Т. 2. - С. 229.

² Агафонов Ю.А., Визнер С.В. Самыгин С.И., Шило С.И., Щербакова Л.И. Основы политологии - Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. - С. 271.

³ Уледов А.К. Духовная жизнь общества М.: Мысль, 1980. С. 120.

Программно-директивный. На этом уровне социально-философские принципы и идеалы переводятся в конкретные политические программы ...

Поведенческий. Внедрение в общественное сознание определенных идеологических установок в виде программ, лозунгов и требований приводит к определенному типу политического поведения»¹.

В структуре любой идеологии можно выделить следующие две основные части:

— позитивную, определяющую нормативное (т.е. соответствующее потребностям и интересам данной личности, социальной группы), идеальное представление об обществе и своем месте в нем;

— критическую, оценивающую существующую социальную реальность и место в ней личности (как представителя определенной социальной группы) с точки зрения своих интересов и социальных идеалов. Идеология помимо общих представлений об идеальной социальной реальности и оценок наличной социальной реальности содержит в себе и определенную программу деятельности, кодекс поведения индивида в обществе.

Идеология в своей позитивной части дает представление о правильном социальном устройстве (социальный идеал), об идеальном человеке и включает кодекс правильного поведения. В своей критической части она содержит оценку существующей социальной реальности с позиции социальных идеалов и определенную программу поведения, которая призвана уменьшить расхождение между идеалом и реальностью. Идеология может выражаться в разных формах: в виде философских, религиозных, нравственных, эстетических, политических и правовых концепций, но базовое содержание ее всегда связано с указанными выше позитивной и критической частями.

Когда определенная идеология усваивается и принимается личностью за истинную и когда личность идентифицирует себя с определенной социальной

¹ Агафонов Ю.А. и др. Основы политологии. - С. 273.

или этнической группой, выражением интересов и статуса которой является эта идеология, тогда можно говорить о формировании убеждений как ядра направленности личности. Убеждения становятся доминирующим мотивом поведения, определяют способ мышления и восприятия социальной реальности, эмоциональные переживания человека, его самосознание.

Однако между убеждениями и поведением человека не всегда существует прочная связь. Она не возникает, если убеждений нет или они не прочны. Говорить о наличии убеждений нельзя, если определенная идеология не приобрела для данного человека глубокий личностный смысл, если у него не возникло потребности утвердить эту идеологию, реализовать ее в своей жизни, защитить ее и пропагандировать. Убеждения не являются прочными, если человек теоретически принимает определенную идеологию, но на практике не придерживается ее. В данном случае можно говорить не только о непрочности убеждений, но и о более или менее сознательной маскировке действительных убеждений такого человека. «Рассогласование знаний личности и ее потребностей, мотивов становится дефектом сферы убеждений, что свидетельствует о наличии у него своего рода «двойной морали». Другими словами, его действительные убеждения существенно отличаются от тех, которые он провозглашает и демонстрирует окружающим»¹.

Итак, в идеологию входят:

- 1) представление определенной социальной группы о существующей социальной реальности и своем месте в ней (**теоретико-познавательный момент**),
- 2) **оценка** существующей социальной реальности и своего положения в ней с позиции своих (групповых) интересов,
- 3) определенный **социальный идеал**, выражающий модель общественной системы, обеспечивающей реализацию коренных социальных интересов

¹ Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. М., 1998. С. 357.

данной группы,

4) **программу действий** по реализации идеала,

5) **систему норм, правил социально-политической деятельности** и соответствующих поведенческих установок.

В связи с этим возникает вопрос: на уровне какого из этих элементов идеологии следует проводить качественное отличие экстремистской идеологии от неэкстремистских ее форм?

Очевидно, некорректным будет проведение такого различия на основе признака социального содержания идеологии, т.е. того, интересы какой социальной группы она выражает. Соответственно некорректно было бы объявлять идеологию определенной социальной группы экстремистской, также как некорректно было бы объявлять экстремистами целые социальные группы. К тому же такое деление общества на группы экстремистов и не экстремистов было бы абсолютно условным и произвольным, идеологически предвзятым.

Казалось бы, в таком случае остается проводить различие экстремистской и не экстремистской идеологий по их политической программе действий и по поведенческим нормам и установкам. Если определенная идеология содержит в себе радикальную программу действий, предполагающую систематические и массовые меры физического насилия, вплоть до геноцида целых социальных групп, а также нормы вседозволенности в отношении политических и социальных оппонентов, противников и инакомыслящих, то, как кажется, такую идеологию вполне можно определить как экстремистскую. Однако при этом мы игнорировали бы логику внутренней связи элементов идеологии. Ведь программно-поведенческие ее элементы являются лишь следствием, результатом из теоретико-ценностных ее элементов. Поэтому в качестве главных критериев экстремистской идеологии следует учитывать именно эти содержательные, теоретико-ценностные элементы.

Для того чтобы лучше уяснить специфику экстремистской идеологии, мы

должны рассмотреть ее характерные особенности безотносительно к конкретному содержанию, а затем обсудить и проблему превращения определенной идеологии в экстремистскую именно в связи с ее содержанием. Можно выделить следующие характерные особенности экстремистской идеологии:

1) идея исключительной истинности именно данной идеологии, «комплекс абсолютной истинности»;

2) идея агрессивной нетерпимости по отношению ко всем идеологическим конкурентам или конкурирующим, альтернативным идеологиям;

3) деление человечества на две большие группы: своих и чужих, на друзей и врагов (неважно, по какому принципу проводится это деление, оно всегда характеризует антигуманную идеологию);

4) критическая оценка существующей социальной реальности, противопоставление идеала и наличной социальной реальности, осознаваемое и выражаемое в форме резкого конфликта между истинным идеалом и ложной реальностью;

5) установка на немедленную практическую деятельность по исправлению мира и людей (программа немедленного и решительного преобразования существующей социальной реальности);

6) преобладание деструктивных задач по разрушению ложного враждебного мира над конструктивными задачами в программе преобразовательных действий;

7) фантастический социальный идеал (который практически не может быть реализован, а если будет осуществлена попытка его реализовать, это приведет к серьезной деформации общества);

8) иллюзорный, практически невыполнимый, слишком суровый и извращенный кодекс личного поведения, требующий от человека каких-то экстраординарных, чрезвычайных поступков и жертв;

9) авторитарное обоснование идеала (от лица сверхчеловека, вождя, про-

рока, Бога или от других мистических сил);

10) упрощенная форма изложения, в которой отсутствуют строгая логика, последовательные доказательства, развернутое теоретическое изложение и обоснование, а присутствует ограниченный, легко усваиваемый набор догм;

В общем, экстремистская идеология — это извращенная фантастическая программа преодоления острого конфликта между интересами определенной социальной группы и ее социальных оппонентов, неадекватная форма разрешения нетерпимого исторического социального положения определенной социальной группы.

Эти черты мы можем найти почти в любой идеологии как теоретическом выражении конкретных социально-исторических интересов определенной социальной группы, хотя и не весь полный набор и не в крайней степени выраженности. Можно сказать, что любая идеология с элементами антигуманизма потенциально содержит в себе ростки экстремизма, но они не всегда достигают полного развития. Чтобы она превратилась в экстремистскую идеологию, эти ростки должны быть акцентированы, культивированы специальными идеологами и внедрены в подготовленное к их восприятию массовое сознание людей. А важным условием такой подготовки является чрезвычайная историческая ситуация, угрожающая жизни человека, в которой он не видит из нее конструктивного выхода.

Чем более антигуманно содержание определенной идеологии как выражения в теоретической форме, в виде системы взглядов и представлений о правильном социальном устройстве, интересах и социальном статусе определенной социальной группы, тем сильнее в ней потенциал экстремизма. Чем менее связана идеология с рациональным познанием исторических законов, с социальной наукой, тем легче она переходит в экстремистскую форму.

В качестве примеров идеологий, которые в историческом процессе не раз принимали экстремистскую форму, можно привести такие религиозно-

идеологические системы, как христианство, ислам, иудаизм. Дело в том, что в религиозной идеологии экстремизму способствует сам принцип нетерпимости к иным верам, принцип религиозного догматизма и т. п. В экстремистскую идеологию превращались также и идеологии расизма, фашизма, извращенного, грубого, уравнилельного, казарменного коммунизма, идеологические концепции современных нетрадиционных религиозных сект. Существует определенный достаточно устойчивый набор идеологий, которые периодически при чрезвычайных исторических ситуациях и при сознательных усилиях «садовников», взращивающих и культивирующих в массах экстремизм, превращаются в «экстремистскую форму идеологии» и быстро овладевают массами.

Без наличия идеологии и без превращения ее в личные убеждения экстремизма не может быть. Но не всякая идеология может быть названа экстремистской, т.е. стать предметом личных убеждений и направленности личности экстремиста. Именно специфическая экстремистская идеология является первичным элементом и ключевой предпосылкой экстремизма, ядром экстремизма как особого психического склада личности. Таким образом, чтобы понять сущность экстремизма, мы должны проанализировать специфику экстремистской идеологии, отличив ее от «нормальных» форм идеологии.

Итак, экстремистской идеологией мы назовем такую форму идеологии определенной социальной группы, в которой:

1) на уровне представлений об обществе содержатся идеи социального, расового или национального неравенства, доведенные **до крайней степени**, выражающейся в той идее, что только высшие социальные группы имеют право на достойное существование, а низшие группы подлежат безграничной эксплуатации и даже геноциду;

2) на уровне оценки существующей социальной реальности преобладает примитивная **биполярная** система оценки, деление на своих и чужих, на добро и зло, причем воплощением зла оказывается существующая социальная систе-

ма, в которой критически ущемлены права и интересы данной социальной группы, а воплощением добра оказываются любые формы борьбы с существующей социальной системой;

3) на уровне социального идеала предлагается такая форма общественно-го устройства, в которой за счет и **в ущерб интересам всех других социальных групп**, наиболее полно реализованы интересы данной социальной группы;

4) на уровне программы социальной деятельности экстремистская идеология предлагает обычно не такое радикальное преобразование общества, которое привело бы к исчезновению вместе с существующей системой и данной социальной группы, а такое, которое так бы модифицировало существующее общество, чтобы в нем сохранялась данная социальная группа и наиболее полно реализовались ее социальные интересы. Это программа утопического социального **фундаментализма** или **консерватизма**;

5) на уровне поведенческих норм и установок наблюдаются ориентации на действия прямого **физического насилия**, разрушения, физического **уничтожения** политических противников и институтов существующей социальной системы, доминирование нормы **вседовозволенности** по отношению к политическим врагам.

Очевидно, что в обществе, разделенном на классы, различные социальные и демографические группы, между которыми существуют острые, или вообще непримиримые противоречия, достигшие предельного обострения, идеология тех социальных или демографических групп, положение которых резко ухудшается или вообще само их существование оказывается под угрозой, принимает экстремистскую форму. В ней появляются все выделенные нами на уровне всех пяти элементов идеологии признаки экстремистской формы идеологии. Таким образом, экстремистскую форму в чрезвычайных социально-исторических обстоятельствах может принять любая идеология, правая или левая, буржуазная или пролетарская и т.д.

Каков социальный смысл экстремистской идеологии? Ответ на этот вопрос дает анализ ее отношения к социальной действительности. К. Мангейм определяет идеологию как «трансцендентные бытию представления, которые de facto никогда не достигают реализации своего содержания»¹. При этом он уточняет, что «трансцендентными бытию», нереальными являются все те представления, которые не согласуются с существующим жизненным устройством»². Однако, сам же Мангейм признает, что если идеология сумеет изменить социальную реальность она превращается в утопию. Грань между идеологиями и утопиями провести довольно сложно. Мы считаем, что такой подход к проблеме отношения идеологии к действительности не позволит уяснить специфику смысла экстремистской идеологии.

Социальный смысл экстремистской идеологии, как нам кажется, состоит в том, что она является закономерной, исторически обусловленной, но некорректной реакцией части определенной социальной группы, поставленной в данной конкретной исторической ситуации в **критическое положение** выживания или самосохранения. Некорректность или неадекватность этой реакции состоит, во-первых, в том, что данная часть социальной группы пытается защитить свои интересы только путем грубого и прямого физического насилия; во-вторых, в том, что выход из данной экстремальной исторической ситуации экстремизм ищет в утопической попытке консервативного ее преобразования к прежнему положению, но с улучшением статуса данной социальной группы.

Дело в том, что затормозить исторический процесс также невозможно, как и построить общество, в котором абсолютно реализовались бы интересы одной социальной группы. Действительно продуктивным разрешением критической исторической ситуации является не экстремизм, а социальная революция, которая предлагает программу качественного прогрессивного социального

¹ Мангейм К. Диагноз нашего времени. - М.: Юрист, 1994. - С. 166.

² Мангейм К. Диагноз нашего времени. - С. 166.

преобразования, построения общества, в котором изменились бы и сами существующие социальные группы и их отношения и в которой был бы достигнут новый, более продуктивный и справедливый компромисс или баланс их интересов.

Экстремизм, возникая как импульсивная, спонтанная реакция социальных групп, поставленных в экстремальные условия, на эти условия, как форма сопротивления этим условиям и борьбы с ними институируется. Элементы этого института: экстремистская идеология (формируется из традиционных идеологий путем их радикализации), экстремистская сообщество, экстремистские организации. По своей форме экстремизм всегда выступает, как политическое действие. В итоге мы можем заключить, что экстремизм есть сложное социальное явление, включающее в себя три основных элемента: экстремистскую идеологию, являющуюся базисом экстремизма; экстремистскую деятельность, являющуюся осуществлением, воплощением в жизнь экстремистской идеологии; экстремистскую организацию, являющуюся формой социальной организации экстремистской деятельности.

4.2. Культурно-этнические корни экстремизма

Проблема осмысления культурно-этнических корней экстремизма сегодня все еще остается на периферии научного познания. Между тем экстремизм предстает именно как форма отчуждения личности от общечеловеческих, общекультурных, этнонациональных ценностей. Поэтому экстремизм должен пониматься широко. Его нельзя сводить к политической или иной конкретной форме, так как его проявления обнаруживаются во многих сферах человеческой активности: и в межличностном общении (бытовой экстремизм), и во взаимодействии классов, партий, государств (политический экстремизм), и в отношениях племен, народностей, наций (этнический экстремизм) и т. д.

Но для того чтобы обнаружить культурно-этнические истоки экстремизма, необходимо осознать тот факт, что склонность к экстремизму не заложена в биологической природе человека, она имеет социокультурный характер. Не случайно экстремистами называли и называют людей, отличающихся безмерной приверженностью определенной социальной идее, готовностью ради нее на самые крайние поступки. Экстремистское поведение отличается эгоцентризмом и своеволием, оно всегда несет с собой личностное начало. Экстремизм обостряет ситуацию, доводит ее до крайности, до конфликтов, когда спокойное и конструктивное решение проблемы становится невозможным. Поэтому можно говорить о том, что экстремизм имеет свою внутреннюю логику, вызывается необходимостью и подчиняется конкретно-историческим закономерностям.

Экстремизм всегда существовал как антипод культурного, цивилизованного развития, его проблематика неразрывно связана с темой зла и насилия. Философское осмысление экстремизма невозможно без анализа негативного поведения, разрушительной деятельности, деструктивной активности личности, т. е. всего того, что образует смысловое содержание такого понятия, как «злотворчество».

Аристотель, рассуждая о человеке, писал: «Есть в душе известная сила, называемая изобретательностью; она состоит в том, что человек благодаря ей может найти и добыть подходящие средства для известной цели. Если цель хороша, то эта сила похвальна, если же цель дурна, то это способность, готовая на все»¹. Экстремизм не лишен злого умысла, он остается объективной силой, губительной как для самого человека, так и для его окружения. В «человеческом душевно-духовном мире», этом, по словам И.А. Ильина, «истинном местонахождении добра и зла»² всегда есть место для экстремизма, направляющего ду-

¹ Аристотель. *Этика (к Никомаху)* // *Этика Аристотеля*. — СПб., 1908. — С. 119-120.

² Ильин И.А. *Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.*, 1993. С. 313.

ховные усилия в сторону деструкции и злодеяния.

Основное содержание экстремизма составляет разрушение, а основным средством для достижения целей экстремизма оказывается произвол. Несовпадение мнений и интересов экстремизм преодолевает прямым давлением и насилием, а его последним аргументом является террор. Потому логика экстремизма несет методичное разрушение и целенаправленный развал. Однако необходимо помнить и о том, что диалектика целостного развития предполагает как созидание культуры, так и ее разрушение. Целостный процесс культуротворчества включает в себя как моменты отрицания и разрушения, так и моменты созидания, обновления. Поэтому не все, что связано с насилием и разрушением, следует относить к проявлениям экстремизма. В экстремистском упорстве отрицание, насилие, разрушение становятся конечной, определяющей целью активности и творчества. Экстремизм, оставаясь результатом ущербного, во многом незрелого развития, обнаруживает постоянную склонность к активным действиям в неполноценных деструктивных формах.

Существенными признаками экстремизма являются насилие и агрессия, часто переходящие в изуверство. Экстремизм характеризуется не просто наличием насилия как такового, а наличием его крайних, неоправданных форм. Применение насилия в определенных ситуациях бывает оправданно. Об этом писал в своей работе «О сопротивлении злу силою» русский философ И.А. Ильин. По его мнению, отказ от применения силы в определенных ситуациях означал бы «принятие зла: допущение его в себе и предоставление ему свободы, объема и власти. Это было бы вначале добровольное самораствление и самозаражение, это было бы в конце — активное распространение заразы среди других людей и вовлечение их в сопогибель»¹. Таким образом, экстремистскими можно назвать лишь такие насильственные действия, которые превышают необходимую в данных обстоятельствах меру воздействия на человека.

¹ Ильин И.А. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 307-308.

Экстремист потому и оказывается злоумышленником, что он осознает последствия своих действий.

Экстремизм предстает, по выражению Э. Фромма, как «биологически аномальная и филогенетически не запрограммированная «злокачественная» агрессия, которая представляет настоящую проблему и опасность для выживания человеческого рода»¹. В работе «Анатомия человеческой деструктивности» он пишет: «Я в данной книге употребляю слово «агрессия» в отношении поведения, связанного с самообороной, с ответной реакцией на угрозу, и, в конечном счете, пришел к понятию доброкачественной агрессии. А специфически человеческую страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать (злокачественная агрессия) я выделяю в особую группу и называю словами «деструктивность» и «жестокость» ... »².

Присущая человеку потребность к саморазвитию должна привести к нравственному утончению личности. Но зачастую она в стремлении к острым ощущениям и ярким переживаниям. Э. Фромм пишет: «В действительности все человеческие страсти, «хорошие» и «дурные», следует понимать не иначе как попытку человека преодолеть собственное банальное существование во времени и перейти в трансцендентальное бытие. Изменение личности возможно лишь в том случае, если человеку удастся обратиться к новым способам осмысления жизни: если он при этом мобилизует все свои жизненно важные устремления и страсти и тем самым гораздо более острые формы витальности и интеграции, чем те, что были ему присущи прежде»¹.

Возрастание нравственного начала в проявлениях экстремизма часто поднимает их до сущностно иного уровня. Многие фанатичные участники национально-освободительных движений, борцы за гражданские права, прибегающие для достижения своих целей к насилию и террору, становились героя-

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. С. 23.

² Там же. С. 18.

ми своего времени, поднимались до уровня национальных лидеров. К таковым можно отнести лидера палестинского национально-освободительного движения Ясира Арафата, латиноамериканского революционера Эрнесто Че Гевару, руководителя польского профсоюзного движения «Солидарность» Леха Валенсу и др. Решающим фактором в этих трансформациях является поддержка большинством народа действий этих людей. Р.Е. Рубинштейн писал, что политическое насилие оправдано в случае, когда оно освобождает от угнетения. Нации и социальные классы иногда обретают свободу благодаря насильственным средствам, но решающая роль при этом принадлежит массовому движению, а не действиям малочисленных групп заговорщиков².

Экстремизм оказывается результатом противоречия между разными уровнями культуры. Он предстает следствием неспособности человека различать свободу и необходимость. Питательной средой экстремизма, в конечном счете, оказываются условия общественного развития, при которых внешнее освобождение личности обгоняет внутреннее.

Стихийное стремление человека к крайностям выполняет в структуре деятельности роль революционного начала. Оно должно быть дополнено нравственно-эстетическим началом как началом консервативным. Без такого единства человеческая личность выталкивается за пределы культурного процесса, ее усилия направляются в область зловредных инноваций. Экстремизм рождается таким стремлением к достижению крайних состояний, которые направлены не в глубь сущности, а на ее периферию. Система устоявшихся ценностей раскачивается таким стремлением. Потому экстремизм ведет к нестабильности и в конечном счете к распаду прежней системы ценностей.

Экстремизм — это не просто пренебрежение общепринятыми нормами, ценностями, правилами. Экстремизм выступает игнорированием, крайней фор-

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. — С. 27.

² Рубинштейн Р.Е. Алхимики революции: Терроризм в современном мире; Реферат ИНИОН

мой пренебрежения устоявшихся ценностей, общепринятого стиля, нарушением меры в неуважительном отношении к системе ценностей, основанной на здравом смысле.

В современном мире экстремизм все больше овладевает массовым сознанием, все активнее проникает в различные сферы общественной жизни. Он для многих становится способом существования. Сегодня уже можно говорить не только о религиозном, политическом, этническом экстремизме, но и о творческом экстремизме. В крайностях поисково-экспериментального искусства, в разнообразных видах субкультур, особенно в молодежной субкультуре, это становится все более заметно. При отсутствии самоограничения в рамках нравственно-эстетической рефлексии экстремизм стремительно разрастается. Экстремизм любой окраски, любого уровня может вести к непредсказуемым результатам, нравственной деградации как отдельной личности, так и общества в целом.

Экстремистское сознание не только не способно к адекватному пониманию действительности, но и даже не стремится к этому. Понимание реального положения вещей ослабляет фанатичную веру экстремиста, расшатывает незыблемость принципов и установок, которых он придерживается. Поэтому экстремизм рекрутирует своих сторонников как из числа прекрасодушных идеалистов, так и в среде негодяев, склонных к преступлениям, что объясняется мифологичностью экстремистского сознания. Непонимание реального положения вещей, неумение отличать истину от заблуждения и преднамеренной лжи, неспособность видеть различия между подлинным объяснением сути вещей и мастерски выполненными ухищрениями ведет к растерянности перед жизнью, к внутренней опустошенности. Это и является питательной средой для формирования ложных идеалов и устремлений, возникновения нигилизма, цинизма, чувства вседозволенности. На фоне этого возникают извращенные фор-

мы удовлетворения потребностей в самовыражении, основанные на ложных идеалах. Другим важным элементом экстремистского сознания является иллюзия вседозволенности. Р.Е. Рубинштейн пишет, что «менталитет террориста основан на отказе от слов (агитация, убеждения) в пользу поступков (насильственных действий). Он интерпретирует насилие как средство коммуникации»¹.

Проблема экстремизма лежит в плоскости проблем развития культуры. Об этом говорит то, что именно в периоды культурного и эмоционального упадка особенно заметно возрастание экстремистских тенденций. Экстремизм, будучи результатом ущербного, во многом незрелого развития, проявляется в склонности к активным действиям. Маскируясь под толерантность и терпимость, скрытый экстремизм постепенно приумножает свою импульсивность, агрессивность и наступательность.

Явные формы экстремизма прямолинейны и однообразны, они напрямую связаны с террором (взрывы, поджоги, захват заложников и т. д.). Скрытые формы экстремизма отличаются от них особой изощренностью в области манипуляций индивидуальным и общественным сознанием. Они предполагают подтасовку фактов, неожиданные действия, мнимую случайность, подстрекательство и пр. Такие скрытые проявления экстремизма сегодня легко обнаруживаются в религиозных проповедях, в призывах политических и государственных деятелей, в прессе и на телеэкранах.

Проводники экстремизма постоянно балансируют на грани дозволенного, «жонглируют» добром и злом. Это способствует деформации их сознания, которая в свою очередь ведет к отчуждению от культурных и нравственных норм. Извращенное сознание экстремизма ведет свою игру на грани фола. Экстремист в попытках самоутверждения, в погоне за острыми ощущениями вынужден постоянно рисковать, повышая степень своего эмоционального возбуждения. Он

¹ Рубинштейн Р.Е. Алхимики революции: Терроризм в современном мире: Реферат ИНИОН АН СССР. — С. 3.

начинает с вызывающего поведения, с неосторожных и необъяснимых поступков, а затем доходит и до откровенного экстремизма. И этот вирус экстремизма может захватить окружающих его людей, особенно еще не окрепшие юные души, отравить их существование.

Экстремизм — это явление, свойственное каждой исторической эпохе. Об этом красноречиво свидетельствуют жизнеописания древнеримских цезарей¹, история средневековой инквизиции², история периода первоначального накопления капитала³. Но если в прошлые эпохи экстремистами были лишь единицы, то в современных условиях экстремизм в своих многообразных формах становится образом жизни многих людей, проникает в массовое поведение.

Среди объективных причин распространения экстремизма следует выделить социокультурные процессы, этнонациональные проблемы, миграцию и урбанизацию, обострение демографической проблемы, резкую ломку традиционных ориентиров и ценностей, привычного образа жизни. Это в свою очередь вызывает трудности психологической адаптации человека к изменившейся социокультурной среде.

Особую роль в распространении экстремизма и нетерпимости играют сегодня средства массовой информации, которые романтизируют и эстетизируют различного рода крайности в поведении и во взглядах. Создается впечатление, что деятельность экстремистов выгодна для средств массовой информации. И вместе с тем, многие экстремисты проводят те или иные акции в надежде на то, что средства массовой информации оповестят весь мир о них и их деятельности. Без этой надежды многие их акции потеряли бы смысл и не стали бы проводиться.

Деятельность экстремистов, романтизированная средствами массовой

¹ См.: Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. — М., 1990.

² См.: Григулевич И.Р. История инквизиции (XIII — XX вв.) — М., 1970.

³ См.: Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.

информации, вызывает сильные эмоции и переживания. «Скромное обаяние» экстремизма заключается и в том, что многие достижения культуры и творчества связаны с деятельностью фанатично преданных своему делу личностей. Часто стремление уйти от рутины жизни толкает человека к крайней увлеченности каким-либо делом или идеей.

Экстремизм как этнокультурная проблема — это отрицание за другими этносами, иными культурами права быть не такими, как мы, не соглашаться с нами, отсутствие понимания и согласия между «нами» и «другими». При культурологическом подходе к проблеме экстремизма действующими лицами оказываются большие группы людей: конфессиональные, этнические, политические, возрастные и другие. В реальной жизни все начинается с отношения к другому, находящемуся рядом человеку. На рационально-вербальном уровне невозможно непротиворечиво определить это отношение.

В психологическом плане экстремизм является установкой на восприятие «другости» другого (термин М. Бахтина), противоположной «терпимости». Экстремизм основывается на том, что любая другая точка зрения хуже своей, терпимость же исходит из того, что одна точка зрения не хуже и не лучше другой. На исключительное обладание истиной не может претендовать ни одна из существующих инстанций. Поэтому в современном обществе культурный и моральный плюрализм интерпретируется в духе релятивизма.

Экстремизм в той или иной форме и степени присутствует в реальных отношениях людей в любом этническом образовании, он дестабилизирует жизнедеятельность этноса и ведет к его дезинтеграции, допуская принуждение и насилие. В отношениях людей он порождает такие антиценности, как нетерпимость, недоброжелательность, враждебность, агрессивность и т. д. Культивируя в отношениях между «своими» ценности, сплачивающие их, экстремизм ведет к дезинтеграции вовне, создает враждебный образ «чужого», который чаще всего используется как средство сплочения «своих».

Экстремизм особенно опасен для процессов этнического взаимодействия, межкультурных контактов, отношений между этносами и расами, социальными стратами и религиозными общинами, в отношениях «правоверных» и «неверных». Он не оставляет места для толерантности, первичной становится оппозиция между «своими» и «чужими» по принципу: «кто не такой, как мы (не с нами), тот против нас». Потому проблема борьбы с экстремизмом — это проблема формирования толерантного общества, которое способно эффективно противодействовать любым формам вражды и которое способно создать условия для гармоничного сосуществования культур, религий, идеологий. Поэтому в качестве позитивной альтернативы экстремизму в литературе чаще всего называется толерантность.

Многие авторы склонны отождествлять толерантность со свободой слова, совести и печати, т.е. с набором политических прав и свобод, гарантирующих гражданам возможность выбора и исповедания своей веры или идеологии. Такого понимания в основном придерживаются на Западе. Так, например, Б. Рассел определял толерантность как терпимость к мнениям. Состоит она, по Расселу, «... в ненаказуемости любого мнения, пока оно не ведет к криминальным действиям ... Вы узнаете это по демократическим свободам. Свободная пресса, свободная мысль, свободная пропаганда. Свобода читать то, что вам нравится, свобода иметь ту религию, которая вам нравится, или свобода не иметь ее»¹.

Абстрактно-либеральное понимание терпимости проповедовал и В. Соловьев, но при этом он подводил под него христианский базис. Принцип терпимости к иным, самым различным культурам и идеологиям, независимо от их содержания и терпимости к интересам иных народов и государств он основывал на христианском нравственном принципе: «не делай другому того, что не желаешь себе». Очень аргументированную критику этого толкования терпимо-

¹ Рассел Б. Терпимость и фанатизм // <http://books.atheism.ru/atheism/>

сти дал Л. Тихомиров. В основе соловьевской интерпретации терпимости лежит, по его мнению, искажение сущности основного принципа христианской морали. Вместо положительной формулировки: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними», В. Соловьев предлагает отрицательную формулировку: «не делай другим того, что не желаешь себе». Но, если первая формулировка дает положительные ориентиры нравственного христианского поведения, указывая на верность Богу и цель спасения души, т.е. положительно определяет содержание нравственной свободы, то соловьевское искажение дает лишь отрицательное определение нравственной свободы, указывая лишь на то, чего не нужно делать, а не на то, что должно делать человеку в соответствии со своими убеждениями. Л. Тихомиров убедительно разоблачает негативные последствия такой софистической подмены и либеральной интерпретации принципа терпимости как принципа национально-государственной политики.

Л. Тихомиров прослеживает негативные последствия предлагаемого В. Соловьевым либерально-христианского понимания терпимости. «Мы, говорит он [В. Соловьев], не можем желать чужого **насилия** над нашей народностью, стало быть, не должны себе позволять насилия над другими. Мы в отношении каждой личности, культа и народности должны «уважать их **право** на существование и свободное развитие». Не желая никаких стеснений для себя, мы в своем христианском государстве не должны иметь их для других. Нужна не одна **свобода совести**, но также свобода исповедания, проповеди, прозелитизма. Нужна такая свобода не для одних признанных, уже сплотившихся культов, но и для всякого личного убеждения и верования. Очевидно, что на тех же логических основаниях на эту свободу и свободное развитие имеет право не только вера, но и неверие, хотя бы неверующие сплотились в систематически борющееся против христианства общество. «Все эти рассуждения легко применить и к правам народностей». Против всех стремлений культов и народно-

стей к свободному развитию мы, христиане, в своем христианском государстве имеем право противопоставить только свое исповедание, проповедь и мученичество. Никаких «принудительных мер» не допускается. Таким образом, г-н Соловьев требует полной **равноправности** вер и народностей в России»¹.

Второй аспект терпимости связан с уважением к правам и интересам всех народов и предоставлением им равных прав, т.е. с социально-политической терпимостью. И здесь либеральная терпимость заводит нас далеко. Л. Тихомиров отмечает, что такая терпимость приведет к разрушению государства. Согласно В. Соловьеву, «мы должны предоставить одинаковые с собой права на все, что нужно для существования и свободного развития, всем обществам, коллективностям, какие есть или захотят возникнуть в пределах Российской империи. Еврей, поляк, немец, армянин, турок, бурят, китаец должны в России иметь такое же право на развитие и усиление своей Церкви или культа и своей народности, какое право имеет русский на развитие православной Церкви и русской народности. Если бы, например, миллионы русских немцев вздумали составить всеобщий союз для развития в России немецкой народности и протестантизма, государство должно им предоставить полную свободу действий»². Соответственно, не желая политических ограничений своему русскому народу, мы должны дать равные с ним права всем народам, в том числе и враждебным собственному российскому государству и т. о. свободу разрушительной деятельности. «Вообще, государство, по учению г-на Соловьева, не должно делать никаких различий между различными вероисповеданиями и народностями, то есть, другими словами, должно стать **вероисповедно** и **национально безразличным**. Иначе оно не будет «христианским!»¹

По В. Соловьеву получается, что идеологическая терпимость есть просто абстрактная свобода произвольного выбора и не дающая позитивных ориенти-

¹ Тихомиров Л. К вопросу о терпимости // <http://www.philosophy.ru/library/vehi/terpimost.htm>

² Там же.

ров для такого выбора, ведет к торжеству антигуманной идеологии. При такой «терпимости» получается, что полную свободу деятельности должны получить любые самые деструктивные идеологии и организации. Если мы не желаем насилия по отношению к себе, своей культуре и народу, мы не должны преследовать за убеждения даже носителей самой жестокой и деструктивной идеологии. Это полное идеологическое разоружение перед антигуманной, в том числе и экстремистской, идеологией. И совершенно прав Л. Тихомиров, говоря о недопустимости такой терпимости в государстве. Терпимость не может состоять в абстрактной свободе вообще или в негативной «свободе от». Она должна быть конкретной и положительной «свободой для». Иными словами, нужна мера терпимости. А такой мерой является гуманизм, требующий в интересах самой же терпимости непримиримого отношения к антигуманистической идеологии и юридического ограничения деятельности ее представителей.

Л. Тихомиров противопоставляет абстрактно-либеральной терпимости подлинную позитивную и конкретную терпимость, мерой которой является гуманизм и интересы народа и государства. Справедливость как основа терпимости должна состоять не в уравнительном отношении ко всем идеологиям и к правам всех народов без учета их отношения к нашей собственной культуре и к нашему народу и государству, а в том, чтобы относиться к ним в меру гуманно и дружелюбно или враждебно в зависимости от их отношения к нашему народу и государству. Так ставит вопрос о терпимости Л. Тихомиров. «Справедливость требует не уравнительности, а ответственности прав с обязанностями, награды или наказания — с заслугой или виной. Можно давать права поляку или еврею, если они их стоят. Но дать в России равные права **русской** национальности и **польской** или **еврейской** национальности, в смысле коллективного целого, было бы актом величайшей несправедливости. Это значило бы отнять у русских их достоинство и отдать тем, кто его не только не собирал, но и возьмет только для того,

¹ Тихомиров Л. К вопросу и терпимости // <http://www.philosophy.ru/library/vehi/terpimost.htm>.

чтобы разрушить или эксплуатировать в своих особых целях.

Принцип справедливости даже в отношении личности не предполагает простого равенства прав, но требует их градации соответственно с достоинством личности, ее заслугами, ее способностью пользоваться правом, а не во вред им и другим. Таким путем, конечно, получается известная категория прав **общих**, которыми пользуются все, но получают разряды прав исключительных, не всеми достигаемых. В отношении **народностей** принцип справедливости еще менее требует равноправности. У отдельных личностей всегда есть известные минимальные права, потому что личность, хотя бы несовершеннолетняя, все же остается **человеком**¹. Мы должны, конечно, с учетом исторической конкретности толкования терпимости Л. Тихомировым, признать, что оно гораздо точнее, чем соловьевское либеральное понимание терпимости.

Применяя конкретно-исторический подход к реализации принципа терпимости в социальной практике и рассматривая историю теоретического обоснования этого принципа, можно отметить ряд аспектов его реализации в современном мире: **первый**, демократические институты современного общества плохо обеспечивают реализацию принципа терпимости в отношениях между народами и культурами; **второй**, в наше время существует острая нужда в утверждении толерантных отношений между народами, культурами, государствами; **третий**, особо плохо обстоит дело с толерантностью в современной России, можно говорить о снижении общего уровня толерантности. Жесткие реформы на переломе тысячелетий, падение производства и уровня жизни, огромное социальное расслоение общества, общий цивилизационный кризис, поставивший под вопрос само физическое выживание российской цивилизации в XXI веке никак не могут способствовать развитию у нас толерантности; **четвертый**, подлинная терпимость может существовать только в новом типе культуры — не в конфликтогенном обществе, а в плюралистичном обществе. «В рамках

многомерной плюралистической культуры вполне допустимы различные точки зрения по социальным, политическим, экономическим вопросам. Считается допустимым переход власти от одной политической партии к другой и смена политических личностей, управляющих государством. Важным отличительным признаком плюралистической культуры является признание неизбежности и необходимости плюрализма взглядов, а следовательно — требование толерантности к инакомыслию»².

Подлинно плюралистическое общество может быть только гуманистическим, в котором отсутствует социальное неравенство. Без создания такого общества все разговоры о необходимости внедрения толерантности останутся лишь благими пожеланиями, а все усилия педагогов по привитию молодежи толерантности окажутся ношением воды в решете. Истинная терпимость в обществе, разделенном на непримиримые социальные группы с противоположными интересами, раздираемом острыми конфликтами, попросту невозможна, ибо для нее нет никаких предпосылок: ни социальных, ни идеологических, ни индивидуально-психологических. Очевидно, что сама проблема терпимости встает в связи с глубокими идеологическими и социальными различиями между людьми, народами, государствами, политическими субъектами и вытекающими из этих различий столкновениями интересов и конфликтами.

Конкретно-исторический подход к реализации принципа терпимости в социальной практике показывает нам, что истинная терпимость может быть лишь в гуманистическом обществе, в котором различия, идеологические и социальные, не носят принципиального характера непримиримого классового конфликта. В конфликтном и конфликтогенном обществе может существовать лишь ложная или иллюзорная, фальшивая форма терпимости, при которой формальная терпимость, обеспечиваемая либеральной юридической системой,

¹ Тихомиров Л. К вопросу о терпимости // <http://www.philosophy.ru/library/vehi/terpimost.htm>

² Шалин В.В. Толерантность (культурная норма и политическая необходимость). С. 333-334.

выступает как прикрытие антигуманной социальной системы и как фарисейская форма проповеди классового смирения и мира со стороны угнетателей по отношению к угнетенным. Эта «терпимость» носит односторонний характер. Другая же сторона, прикрываясь маской либеральной терпимости, в нужные моменты жестко подавляет всякие формы сопротивления антигуманному социально-политическому режиму. Поэтому еще раз подчеркнем, что преодолеть экстремизм как одну из форм антигуманистической идеологии и практики, невозможно без действительного гуманистического преобразования современного общества. Так как экстремизм является антиценностью и средством разжигания социальных конфликтов, толчком к насилию, необходимо научиться искоренять причины его возникновения и распространения.

Проблема экстремизма, в конечном счете, это проблема нарушения разумного соотношения между столкновением и согласованием интересов. Установление баланса интересов зависит от наличия в обществе доверия, готовности к компромиссу. Отсутствие доверия в обществе, нежелание идти на компромисс, стремление к достижению своих целей вопреки интересам, убеждениям, верованиям, обычаям и привычкам других людей — причины, ведущие к рассогласованности. В любой социальной системе можно наблюдать столкновение интересов, люди редко пребывают в идиллическом согласии друг с другом. Конфликтные ситуации в обществе вызываются многими причинами, борьба мнений связана с социальной дифференциацией и считается вполне нормальным явлением, если не перерождается в фанатичную нетерпимость к инакомыслию.

Психологический стимул на пути к экстремизму — страх перед чужим, основанный на неуверенности в своих собственных силах. Экстремизм базируется на убеждении в том, что «иной» всегда является врагом, явным или потенциальным, положиться же можно только на «своего». Отсутствие доверия и взаимопонимания одновременно выступает и побудительным мотивом, и за-

крепляющимся стереотипом поведения, которое направлено на противодействие чуждым влияниям, на их изоляцию. Культурный контакт в этом контексте становится невозможным или разрушительным.

Экстремистская позиция — это, с одной стороны, игнорирование, неприязнь, вражда по отношению к определенным социальным реалиям, с другой — признание их важности и значимости для общества или личности. Экстремистское отношение само по себе уже означает признание факта существования «другого», его влияния на людей и одновременно отрицание за ним права на существование. Экстремизм, таким образом, оказывается начальной позицией, «стартовой площадкой» для конкретных действий, которые могут привести к потере взаимопонимания.

Как феномен сознания экстремизм обусловлен типом социального взаимодействия и его культурными регуляторами, включая ценностные ориентации. Парадоксальным образом «диалог культур» может сопровождаться «нарастанием неприязни принимающего (влияние извне. — *авт.*) к тому, кто над ним доминирует, и острой борьбой за духовную независимость»¹. Этот феномен М. Лотман описал как «бунт периферии против центра» культурного ареала на примере изменения отношения русского православия в Московской Руси к Византии.

Экстремизм предполагает наличие предубежденности, несправедливо-негативного отношения к «другим», утверждение «двойной бухгалтерии», когда «чужим» не прощается то, что считается позволительным среди «своих». Он означает призыв к нетерпимому отношению к тому, что воспринимается как иное, не свое. Экстремистское отрицание того, что может быть и должно быть терпимым в поликультурной среде, часто является результатом неадекватного восприятия и оценки тех или иных культурных феноменов. Оно может

¹ Лотман М.Ю. Проблема византийского влияния на русскую культуру // Избр. статьи: В 3 т. Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 123.

быть и бездумным, некритическим воспроизведением определенных традиций, и результатом идеологического «зомбирования». Экстремистское отношение к иному нередко диктуется просто страхом оказаться в роли отступника от принятой в данном сообществе «генеральной линии», а то и беспринципным приспособленчеством, лицемерием.

Экстремизм в современном обществе перестал быть актуальным и необходимым типом поведения. Связано это с тем, что возрастающая плюралистичность общества ведет к сужению сферы единообразного поведения личности, подчиняющегося непреложным и общеобязательным нормам поведения. Наряду с общими правилами поведения, соблюдение которых превращает отдельную личность в члена того или иного сообщества, возникают и утверждаются более размытые нормы и ценности, являющиеся условием оригинального и разноликого поведения. Современное общество расширяет пределы допустимого поведения, разномыслия, инаковерия, которые не только не ставят под угрозу существование социума, но и повышают его жизнеспособность. Речь здесь идет о допустимых и неизбежных в определенных пределах отклонениях и определении самих пределов, за рамками которых лежит неприемлемое и нетерпимое.

Экстремизм не является изобретением какого-либо одного народа. Он выступает негативным атрибутом всего процесса развития человеческой жизнедеятельности. Только человек фанатично и без устали уничтожает себе подобных. Только он угрожает себе и всему живому на земле, нарушая природный баланс. В то же время экстремизм обладает и национальной спецификой, которая обуславливается особенностями истории и культуры данного этноса, его национальным характером и ментальностью. Национальная специфика экстремизма объясняется особенностями уклада народной жизни, своеобразием духовного строя общества. Так, экстремизму восточных народов более свойственны самопожертвование и требование жертвенного поведения от других.

Об этом свидетельствуют действия террористов-смертников, явления шахидизма и камикадзе, ритуалы харакири и акты самосожжения. Западный экстремизм в большей мере циничен и своеволен. Слепая уверенность в своем превосходстве ведет западных экстремистов к уничтожению и разрушению всего того, что представляется препятствием на пути вестернизации народов мира. В попытках навязать западные ценности остальному миру они идут на неисчислимые жертвы и требуют от всего мира такого же жертвенного поведения.

Своей спецификой обладает и российский экстремизм, который замешан на отношении к власти и идеологии. Экстремизм открыто стал заявлять о себе в России со времен опричнины Ивана Грозного. Именно тогда, по словам историка Н.И. Костомарова, «кровь разлакомила самовластителя: он долго лил ее с наслаждением, не встречая противодействия, и лил до тех пор, пока ему приелось этого рода развлечение»¹. Он усилился во времена старообрядства, когда сбегавшие в леса и степи староверы сжигали себя заживо в собственных избах. Экстремизм сотрясал политическую, общественную и культурную жизнь России в последующем: и в период петровских реформ, и в ходе столыпинских преобразований, и в эпоху большевистского передела, и в постперестроечное время.

Экстремизм не может быть присущим всему народу. Готовность к самопожертвованию проявляют, как правило, отдельные личности или группы людей. Об этом хорошо написал А.А. Вассоевич, который комментировал идеи Огюстена Кошена: «В кризисные переходные периоды общественного развития начинается процесс выделения из основной массы населения сравнительно малочисленной группы, включающей в себя представителей различных социальных слоев и этносов, группы, ощущающей себя активно враждебной по отношению к существующим укладам жизни общества и его устоявшимся воззрениям. Именно этот социальный или духовный слой назвал Огюстен Кошен

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей. М., 1993. С. 285.

«Малым народом», но именно он берет на себя «великую работу» по разрушению старого и созданию нового общества»¹. Октябрьская революция 1917 года в России наглядно продемонстрировала правоту этого положения. Наиболее активную роль в событиях Октября сыграли представители нацменьшинств России — евреи (Троцкий, Зиновьев, Свердлов, Иоффе), армяне (Шаумян, Камо, Кнуньянц), поляки (Дзержинский, Менжинский), латыши (Берзин, Смилга), грузин Сталин и др.

Сподвигнуть весь народ на крайние и необдуманные действия невозможно. Деятельность второго поколения российских революционеров, «пошедших в народ», наглядно демонстрирует это. Их попытки подтолкнуть русское крестьянство к крайним действиям провалились. И тогда наиболее активные представители народничества перешли от подстрекательства к открытым действиям, которые являют собой пример экстремистской приверженности революционной идее. М.А. Бакунин в брошюре «Начало революции» пишет: «Яд, нож, петля и т.п.!.. Революция все равно освящает в этой борьбе. Это назовут терроризмом! Этому дадут громкую кличку! Пусть, нам все равно»². Для экстремиста цель оправдывает средства. Жертвы и издержки не имеют значения. «Лес рубят, щепки летят».

Часто непримиримость и абсолютное неприятие чужого является удобной жизненной позицией, позволяющей не считаться с мнениями, позициями, ценностями других людей. Легко и просто отмахнуться от всего иного, непонятного. Трудно сравнить, оценить свою позицию и чужую, найти преимущества и достоинства во взглядах и поступках других, принять ответственное самостоятельное решение. Безусловная готовность служить своим и безоглядное неприятие иного, возведенное в принцип, оправдывается чаще всего тем, что

¹ Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока: (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). СПб., 1998. С. 62.

² Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. Т. 3. М.-Л., 1927. С. 465.

«все, кто не с нами, те враги». Наряду с таким цинизмом широко используется и такой способ неприятия реального положения вещей, как воспитание в духе кичливого этнического или конфессионального самолюбования и лицемерия.

Результатом применения таких технологий воспитания и воздействия на массы являются различные типы экстремистского поведения. Это особая социальная функция манипулирования общественным сознанием под флагом фанатичности. Умение «прогибаться» под определенную власть, демонстрировать нужные ей «убеждения» в определенные эпохи общественного развития характеризуют наиболее эффективную модель поведения. С другой стороны, подобный же результат достигается «неверно адресованной» крайностью, когда напрямую культивируется нетерпимое отношение к тому, что может быть вполне терпимым, когда «белое выдается за черное».

Экстремизм заразителен: возникнув один раз, он уже не покидает исторической сцены. В каждом новом поколении экстремизм вербует себе сторонников и продолжателей, которые придают ему новый импульс. Революционный экстремизм на русской почве первоначально был представлен отдельными членами революционных обществ «Народная воля», «Народная расправа» («Общество топора»), террористической группы «Ад». В последующем экстремизм нашел своих носителей в боевых организация эсеров и черносотенцев, перерос в массовый экстремизм большевиков и их противников. В 1930-х годах советский экстремизм заразил души миллионов и привел к уничтожению лучших представителей общества.

России пришлось заплатить высокую цену молоху экстремизма. Но и сегодня она не может выйти на новый уровень развития, освободиться от многообразных форм экстремизма, калечащих человеческую душу и ум. Еще Ф. Достоевский предупреждал о том зле, которое гнездится в экстремизме и нигилизме. Он первым заговорил о «подполье человека», о злонамеренности, таящейся в закоулках человеческой души. Обращаясь к социалистам, он преду-

прежде, что человек все равно рано или поздно выкинет такое колесо, которое от него никто ожидает, что даже рай на земле, обещанный социалистами, не исправит человека.

4.3. Социально-экономические корни экстремизма

Каковы же социально-экономические истоки, причины экстремизма? В литературе указывается достаточно обширный перечень различных причин, порождающих экстремизм. «Экстремизм порождают различные факторы: слом сложившихся социальных структур; обнищание массовых групп населения; экономический и социальный кризис, ухудшающий условия жизни большинства населения; ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов; падение исполнительной дисциплины; рост антисоциальных проявлений; распад прежней системы ценностей; нарастание чувства ущемления национального достоинства и т.д.»¹. В этом перечне названы, конечно же, не все причины экстремизма, но указаны многие основные социально-экономические и политические причины.

О.А. Русанова, предпринимает попытку обобщить причины экстремизма, рассматривая экстремизм как форму социального девиантного поведения. Она отмечает: «Благоприятной почвой для расцвета экстремизма являются экономические и социальные кризисы в стране, бедствия и обнищание населения, социальные, национальные, религиозные и иные конфликты, грубые нарушения демократических прав и свобод, крушение былых нравственных ценностей и состояние анемии, авторитаризм, тоталитаризм, фашизм, расизм и т.д.»². Общим продуктом этих причин, по мнению О.А. Русановой и является экстре-

¹ Экстремизм // Мир словарей // http://mirсловarei.com/content_pol/JEKSTREMIZM-1365.html.

² Русанова, О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 2005. № 2. С. 117.

мизм, как форма девиантного поведения. «Социальные причины девиаций связаны, прежде всего, с разрывом между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения, с отсутствием, слабостью и противоречивостью социальных ценностей, норм и отношений»¹. О.А. Русанова также вполне обоснованно подчеркивает значение социальных, межнациональных и межцивилизационных конфликтов для появления экстремизма.

Нам кажется, что истоки экстремизма следует рассматривать комплексно. При этом можно выделить четыре основные группы факторов, которые только вместе создают экстремальную социальную ситуацию, обеспечивающую готовность и способность определенных социальных групп к экстремистской деятельности или комплекс мотивации экстремизма: социально-экономические, политические, идеологические и психологические (сюда входят и социально-психологические индивидуально-психологические факторы, которые взаимосвязаны друг с другом). Кроме того, для непосредственного начала экстремистской деятельности необходим толчок или повод, который, конечно же, не следует отождествлять с причинами экстремизма.

Рассмотрим комплекс причин, порождающих экстремизм.

К социально-экономическим факторам, создающим почву для проявлений экстремизма, безусловно, относится **резкое критическое падение уровня жизни** определенной социальной группы, понижение ее социального статуса и связанных с ним реальных прав и свобод в данной социальной системе. Причем, это падение уровня жизни должно быть достаточно длительным.

Вторым социально-экономическим фактором, порождающим экстремизм, является **социальная бесперспективность** данной социальной группы, выражающаяся в отсутствии у этой группы реальных экономических возможностей хотя бы в отдаленном будущем качественно улучшить свое положение,

¹ Там же.

или, хотя бы обеспечить свое социальное самосохранение.

Третьим социально-экономическим фактором экстремизма является **обострение социально-групповых конфликтов** на основе перераспределения общественной собственности и общественных доходов, в основе которого лежит стремление одних общественных групп резко усилить уровень эксплуатации других общественных групп. Экономические факторы экстремизма складываются в результате перехода определенной социальной системы, или определенной цивилизации в состояние социально-экономического кризиса. Таким образом, экономические и социальные кризисы общественных систем являются социально-экономической почвой экстремизма.

Обычно социально-экономические кризисы сопровождаются резкой активизацией и обострением политической борьбы, в которой противоборствующие политические группы, партии по закону политической индукции раскручивают маховик все более экстремистских форм политической борьбы. Правящие политические силы вынуждаются ситуацией общего социального кризиса к проведению определенных реформ. Здесь у властей есть определенный выбор: это могут быть действительно революционные реформы, способствующие прогрессивному преобразованию существующей социальной системы или же консервативные реформы, которые, стремясь сохранить изжившую себя социальную систему, лишь усугубляют ситуацию кризиса.

Поскольку любые реформы в принципе изменяют существующие, сложившиеся социальные отношения, распределение национального дохода, социальные статусы основных социальных групп, постольку любые реформаторские действия власти создают почву для экстремистской деятельности. Причем, сама власть может прибегать к экстремальным средствам и действиям при проведении реформ. Со стороны социальных сил, представляющих политическую оппозицию власти кризис социальной системы и реформаторские действия властей вызывают естественное сопротивление, тем более сильное, чем

решительнее действия власти. Итак, к основным политическим факторам экстремизма следует отнести:

- кризис традиционной системы управления,
- политические и социально-экономические реформы власти в ситуации кризиса,
- обострение политической борьбы, являющееся естественной реакцией общества и особенно политической оппозиции на политический кризис и реформаторские преобразования.

Обобщая социально-экономические и политические причины экстремизма, мы можем сделать вывод, что общей причиной экстремизма является системный кризис определенного социально-исторического организма и обострение всех форм социальной борьбы и всех видов внутрисоциальных конфликтов, обусловленное этим кризисом.

Как мы уже установили ранее, основным критерием экстремизма является экстремистская идеология. Поэтому, формирование в ситуации системного социального кризиса экстремистской идеологии, причем обычно не в одной, а сразу в нескольких версиях, выражающих интересы разных социальных групп, является очередной необходимой причиной экстремизма. Формирование экстремистской идеологии происходит в результате острого кризиса традиционной, официальной идеологии, которая в кризисной ситуации утрачивает способность выполнять функции стабилизации социальной системы, теряет власть над сознанием масс.

На замену ей вырабатываются различные версии альтернативных, в том числе и экстремистских идеологий, носящих чисто политический, религиозный, националистический, расистский или смешанный характер. Эти идеологии разрабатываются представителями маргинальной интеллигенции, находящейся в оппозиции по отношению к традиционной, оказавшейся в кризисе системе. При этом конечно, в качестве строительного материала для новой экс-

тремистской идеологии используются имеющиеся в арсенале философской и политической мысли концепции и теории, оставшиеся от прежних форм экстремизма. Старые экстремистские идеологии модернизируются и приспособляются к новой ситуации. Естественно, что одной выработки экстремистской идеологии недостаточно. Эта идеология должна быть внедрена в массовое сознание. Поэтому деятельность теоретиков-разработчиков экстремистской идеологии только в дополнении с деятельностью пропагандистов — распространителей этой идеологии может рассматриваться как идеологическая причина экстремизма.

Для вспышки экстремизма, кроме указанного нами комплекса причин необходим еще определенный **внешний толчок** или **повод**, исполняющий роль спускового механизма или детонатора, обеспечивающего взрыв критической массы необходимых предпосылок экстремизма. Таким поводом в конкретных исторических ситуациях может быть что угодно: неудачное политическое действие или решение властей, техногенная или природная катастрофа, определенный индивидуальный экстремальный инцидент, даже специальный провокационный террористический акт. В критической ситуации системного социального кризиса, порождающий взрыв экстремизма повод или толчок в той или иной форме происходит независимо от воли и желания участников социального кризиса с такой же вероятностью, с какой происходит взрыв в наполненном взрывчатой смесью помещении, нагретом до критической температуры.

При анализе конкретных причин конкретного случая экстремизма, мы должны также различать внутри социальных причин две группы:

— общие объективные социальные факторы, характеризующие или порождающие критическую социальную ситуацию, представляющие как бы массу взрывчатого вещества, и

— экстраординарные случайные факторы (субъективные действия или

стихийные катастрофы разного рода), которые выступают детонатором, приводящим к взрыву экстремизма.

Мы рассмотрели причины или истоки экстремизма в абстрактно-теоретической форме. Причины экстремизма вообще при анализе тех или иных специфических форм и видов экстремизма должны быть конкретизированы. Каждый вид экстремизма имеет свои специфические причины, которые и должны быть установлены в каждом конкретном случае.

Если говорить о причинах экстремизма в современной России, то нужно, рассматривать их, во-первых, исторически, во-вторых, системно или комплексно. Историчность означает, что нужно установить последовательность событий, временную связь причин, породивших экстремизм в российском обществе во всех его разновидностях. Первичным истоком экстремизма в современной России является общий, системный кризис советской, социалистической системы, называемой чаще всего командно-административной системой. Этот кризис был усугублен кризисом системы международных отношений и политической системы СССР. Он привел правящую партийно-административную верхушку советского общества к необходимости проведения коренных реформ.

Проведение реформ предполагает выбор вариантов и, главное, выбор источников их финансирования. К сожалению, российские реформы проводились бессистемно, по худшим образцам и за счет интересов большинства трудящегося населения страны. Они привели к резкому падению уровня жизни большинства населения России, критическому социальному расслоению, несправедливому, криминальному переделу собственности. Они привели также к катастрофическому падению промышленного и аграрного производства, падению научного и интеллектуального, а также военного потенциала России.

Разрушение СССР на почве экономического и политического кризиса в результате ошибочных действий руководителей бывших союзных республик стало еще одной усугубляющей этот кризис причиной. Все эти негативные по-

следствия стали питательной почвой для целого набора острейших социальных конфликтов:

— между ограбленным и брошенным в беспросветную нищету населением страны и ее правящей верхушкой, состоящей из узкого слоя олигархов и чиновников,

— между различными группировками правящей чиновничье-олигархической элиты в борьбе за власть и прибыли,

— между бывшими союзными республиками в борьбе за передел союзного имущества,

— между этническими группами российского многонационального государства.

Вслед за другими исследователями мы можем указать целый комплекс причин, порождающих экстремизм в современной России. Это и социально-экономический кризис, и массовая безработица, и глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, и ослабление государственной власти, и дискредитацию ее институтов. На проявления экстремизма влияют и распад прежней системы ценностей, и правовой нигилизм, и политические амбиции религиозных лидеров, и стремление политиков использовать религию в борьбе за власть и привилегии. Вспышки экстремизма связаны и с нарушениями прав религиозных, этнических меньшинств, допускаемыми должностными лицами, и с деятельностью зарубежных религиозных и политических центров, нацеленной на разжигание в нашей стране политических, этнонациональных, межконфессиональных противоречий¹. Другие авторы обращают внимание на многочисленные и разнообразные формы конфликтов, вызванные общим кризисом советского общества, распадом СССР и современными реформами, как на основной источник экстремизма

¹ См.: Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал. А. Религиозно-политический экстремизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2000, № 4. С. 89.

в современной России. «На территории РФ в это время неоднократно происходили разного рода конфликты, обусловленные крушением прежней системы ценностей, резким снижением уровня жизни большей части населения страны, сменой форм собственности»¹.

В значительной степени в рождении современного экстремизма и терроризма в России виновна сама власть, которая оказалась неспособной эффективно противостоять не только терроризму, но и более «традиционным» уголовным преступлениям. Слабая политика привела российское общество в состояние неуправляемости, дезориентации. Российское государство, особенно в период правления Б.Н. Ельцина, вопреки конституционным декларациям не являлось ни демократическим, ни правовым, ни социальным. Анализ этого периода приводит многих исследователей к критическим выводам. «Использование военной силы для антиконституционных действий, шантаж принципиальных политиков, отстаивающих государственные интересы России, физическое устранение несговорчивых, разжигание межнациональной розни, захват и обращение некогда государственной собственности в личную, завладение сбережениями населения посредством финансовых пирамид, многократная девальвация рубля, значительное снижение уровня жизни и т.д. в совокупности должны рассматриваться как экономический террор»².

В условиях социальной нестабильности возникает особенно острая политическая борьба за власть. В российских условиях эта борьба протекала во многом с использованием криминальных и экстремистских методов. Определенные финансовые и политические группировки использовали экстремистские действия для реализации своих корыстных политических целей. Для этого они организовали, финансировали и управляли деятельностью различных экс-

¹ Русанова, О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 2005. № 2. С. 125.

² Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб., 2006.

тремистских организаций. Этот источник экстремизма в современной России нельзя недооценивать и сегодня.

Мы провели краткий анализ внутренних причин экстремизма в российском обществе, который не исчерпывает всех разновидностей современного экстремизма. Если говорить об экстремистской идеологии в современной России, то чаще всего она принимает религиозную, политическую или этническую окраску. Но за любыми идеологическими обличиями за всеми формами проявления экстремизма в России мы должны обнаруживать его действительное, конкретное, социальное содержание, поскольку экстремизм выступает чрезвычайной формой разрешения социальных конфликтов и защиты теми или иными социальными группами своих коренных интересов, интересов самосохранения, сохранения своей социальной идентичности и своего социального существования. Для нас, в контексте нашего разговора, особый интерес представляет религиозно-политический экстремизм. Потому мы в дальнейшем сконцентрируем свое внимание на анализе истоков, природы, содержания и причин религиозно-политического экстремизма.

Итак, рассматривая проблему происхождения экстремизма в каждом конкретном случае экстремизма, мы должны выяснять его конкретные социальные причины, анализировать конкретную экстремальную ситуацию, породившую именно данную разновидность экстремизма. Кроме того, рассматривая причины появления экстремизма, мы должны различать внешние, социальные причины (т.е. объективно сложившуюся критическую социальную ситуацию) и внутренние или личностные причины (т.е. психологические факторы или свойства личности, которые способствуют ее превращению в экстремиста). Причем внешние и внутренние причины следует брать в их взаимодействии, ибо лишь соединение и взаимное обусловливание социальных и психологических причин порождает явление экстремизма.

Мы рассмотрели причины или истоки экстремизма в абстрактно-теоретической форме. Причины экстремизма вообще при анализе тех или иных специфических форм и видов экстремизма должны быть конкретизированы. Каждый вид экстремизма имеет свои специфические причины, которые и должны быть установлены в каждом конкретном случае.

4.4. Личностно-психологические корни экстремизма

Очень большую роль в формировании экстремизма играют психологические причины. К ним относятся чувства и настроения, поведенческие установки, непосредственно мотивирующие экстремистские действия. Ситуация системного социального кризиса, конечно же порождает соответствующие эмоционально-психологические переживания у всех социальных групп. Те социальные группы, которые в результате этого кризиса оказываются перед угрозой социального исчезновения, испытывают постоянное и все усиливающееся состояние психологической фрустрации, вызванное ущемлением их жизненных потребностей.

В результате этой социальной фрустрации возникают сложные амбивалентные чувства, соединяющие в себе, с одной стороны, астенические, негативные чувства подавленности, угнетенности, безысходности, страха, бессилия, с другой стороны, стенические чувства ненависти, агрессии. Этот эмоциональный комплекс способствует формированию экстремистских, радикалистских поведенческих установок, выражающихся в направленности на насильственные, жестокие действия по отношению к «врагам», которые рассматриваются как главная причина всех бедствий. Экстремистские установки поведения характеризуются убеждением, что только насильственными жестокими мерами и действиями возможно радикальное исправление нестерпимой ситуации, критического положения, в котором оказалась данная социальная группа. Экс-

тремистские поведенческие установки характеризуются также ослаблением или вообще отключением всяких нормативных запретов, начиная от юридических и заканчивая нравственными.

Психологические факторы экстремизма являются, с одной стороны, производным результатом ранее нами указанных социально-экономических и политических причин, с другой стороны, они способствуют усилению действия этих причин и непосредственно создают благоприятную почву для восприятия массовым сознанием экстремистской идеологии. То есть только через психологические факторы осуществляется конечный синтез всех причин экстремистской деятельности, непосредственно порождающий экстремизм.

Предпосылки экстремистского поведения обнаруживаются не только вне человека, в социокультурной среде, но и внутри самого человека. Они во многом определяются его психофизиологическими особенностями. Сегодня известно, что многие фанатично настроенные группы террористов, разбросанные по всему миру, совершенно не озабочены идеологическим обоснованием своей деятельности. Для них конкретные действия важнее идеологии. Американская исследовательница М. Креншо утверждает, что в иных случаях «существует просто идеологическое обрамление террористических групп (сюрреалистическая идеология), когда меняются идеи и даже забываются первоначальные цели борьбы. Идеология террористов может модифицироваться в зависимости от контекста той политической среды, в которой они действуют»¹. В силу сказанного представляются несостоятельными попытки объяснить возникновение экстремистского сознания влиянием только социокультурных и идеологических условий. Вслед за французским социологом Э. Мореном, который говорил о насилии в современном мире, можно заявить, что и проблема фанатизма

¹ Креншо М. Терроризм и международное сотрудничество: Реферат ИНИОН АН СССР. М., 1990. С. 6.

«стала теперь проблемой не социального, а психологического порядка»¹.

Такая постановка вопроса позволяет нам понять, какую роль играют субъективные факторы в развитии экстремистского сознания. Среди этих факторов особо выделяются эмоционально-чувственные и нравственно-психологические моменты формирования экстремистского мировоззрения. В этой связи можно предложить следующую абстрактную цепочку: экстремистский тип личности со специфическим мироощущением — экстремистское мышление, вырастающее на этой основе, — создаваемые им модели экстремистского поведения. Несмотря на все влияние, которое оказывается на этот процесс социальными условиями, логика движения по экстремистской «трассе» остается непреложной. Экстремизм неизбежно переходит от идейного и морального ригоризма к крайнему этическому релятивизму и даже цинизму. А это значит, что склонные к экстремизму личности обладают высоким порогом невосприимчивости, нечувствительности, т. е. мерой отчуждения в сфере эмоциональной культуры.

Известный террорист 1960-х годов прошлого века Антонио Негри признавался в том, что уничтожение и разрушение часто становились для него самоцелью, наиболее приятным и необходимым психологическим состоянием. «Результат меня не волнует, — заявлял он, — всякий акт разрушения и саботажа отзывается во мне как голос классовой общности. Возможный риск меня не тревожит, напротив, я ощущаю лихорадочное возбуждение, как если бы я ожидал встречи с любовницей»².

Таким образом, экстремизм можно рассматривать как некую способность, имеющую негативный, резко отрицательный характер, как личностный «талант», тяготеющий к противоположному от творчества полюсу, «талант» со знаком «минус». Истоки этой способности лежат и в природных свойствах

¹ См.: Грачев А.С. Политический терроризм: Корни проблемы. М., 1982. С. 8.

² См.: Витюк В.В., Эфиров С.А. Левый терроризм на Западе: История и современность. М.,

субъекта, в особенностях его нервной системы, психики, эмоционально-чувственного склада. Но надо понимать, что экстремистские наклонности даны субъекту лишь в задатках, которые могут проявиться или не проявиться в зависимости от того, в какой социокультурной среде происходит становление личности. Тот факт, что процессы социализации и индивидуализации человека осуществляются под влиянием внешних, социокультурных факторов и воздействием собственных психофизических особенностей, должен быть учтен и при объяснении природы такого феномена, как экстремизм.

Энрико Ферри в работе «Уголовная социология» указывает на то, что «антропобиологические аномалии, характеризующие собой так называемый «преступный тип», могут быть свойственны не только людям, фактически совершившим какое-нибудь преступление: вызываемые ими ненормальности поведения могут выразиться также и в других формах, не квалифицируемых законом как преступление, но отличающихся той же основной чертой, именно своим несоответствием основным биологическим и социальным задачам человеческого существования»¹.

Экстремистскими в равной мере являются и болезненные развлечения маркиза де Сада, и аскетическое самоотречение святого великомученика. Экстремизмом можно назвать всякую крайность, лишенную нравственного начала, крайность на уровне безнравственности. Гражданское самопожертвование и героизм тоже могут восприниматься в качестве крайностей развития. Однако как экстремизм они не расцениваются. Понятно, что если мать прикрывает собой свое дитя, приносит себя в жертву ради ребенка, вряд ли мы это назовем экстремизмом. Но если личность, отвечающая за свои поступки, сознательно или неосознанно наносит вред другим людям, ее поведение квалифицируется как экстремистское, даже в том случае, если причины такого поведения оста-

1987. С. 262.

¹ См.: Лазурский А.Ф. Классификация личности // Тайна порока. Харьков, 1995. С. 70.

ются скрытыми для самой личности.

Для понимания специфики экстремизма, мы должны проанализировать специфику экстремистской убежденности личности, ее отличие от нормальной убежденности. Последняя обычно называется активной жизненной позицией, поскольку она, так же, как и экстремистская направленность личности, предполагает практическую реализацию своих убеждений, соответствие поведения человека его убеждениям. С точки зрения формы активная жизненная позиция выражается в «идейной принципиальности, последовательности в отстаивании своих взглядов, единстве слова и дела...». С точки зрения содержания идеологии активная жизненная позиция «предполагает сознательное отношение к общественному долгу, нравственность, коллективизм, творческое отношение к деятельности, убежденность»¹, в общем, приверженность и последовательное проведение в своем поведении гуманистических ценностей с использованием гуманистических средств.

Для активной жизненной позиции характерны: во-первых, социальная позитивность, конструктивность и гуманизм идеологии, лежащей в ее основе; во-вторых, широта мировоззренческих взглядов, отсутствие суженности направленности, т. е. концентрации личности всецело и только на немедленной и непосредственной реализации своих социально-политических идеалов. Человек с активной жизненной позицией приходит к ней в результате глубокого и реалистического анализа существующей социальной среды и критического анализа социально-политических учений. Его вера в истинность своих убеждений является продуктом глубокого рационального, теоретического осмысления и анализа как социально-политической науки, так и социально-исторической ситуации.

Убежденность экстремиста складывается на почве мистического откровения или интуиции, заменяющей рациональное познание реальности и логи-

¹ Общая психология / Петровский А.В., Брушлинский А.В. и др. М., 1986. С. 205.

ческое рассуждение, то есть на почве различного рода отклонений от нормальной логики рассуждения и познания реальности. Мы должны уточнить, что в экстремистской идеологии есть своя специфическая логика. Эта логика исходит из предвзятой, ложной идеи, а не из фактов действительности. Правда, факты она воспринимает, но лишь избирательно, и только те, что согласуются с ее ценностными посылками, и интерпретирует эти факты не как доказательство, а как проявление, следствие ценностных посылок.

Для экстремистского способа мышления характерно нарушение основных законов формальной логики, причем, это нарочитая, преднамеренная анти-тетичность, противоположность нормальной логике научного мышления, демонстративная «анормальность». На основе этой экстремистской логики мир воспринимается через призму примитивного бинарного, черно-белого разделения на хорошее и плохое, истину и ложь. Действительность относится большей частью ко лжи, а экстремистская идея — к истине. Мерой истины является не соответствие идеи действительности, а соответствие действительности экстремистской идее. Эта логика упрощает видение мира, она не способна отразить сложность, противоречивость действительности, диалектические переходы и связи явлений. Отсюда враждебное отношение экстремистской идеологии к любой критике.

Для человека с активной жизненной позицией существует определенная гибкость в реализации своих взглядов в соответствии с конкретно-историческими условиями. Для экстремиста ни гибкости, ни широты, ни глубины мировоззренческого познания нет. Он реализует свои идеалы без учета исторической реальной ситуации и часто даже вопреки ей. Для гуманиста кроме деятельности по реализации своих социально-политических убеждений существуют творчески плодотворные деятельность и цели. Для экстремиста реализация его убеждений становится единственным содержанием личной жизни. Гуманист открыт для диалога и компромисса, экстремист закрыт для подобно-

го. Мы видим, что экстремистская убежденность и активная жизненная позиция принципиально различаются по содержанию убеждений и по способу их формирования, а также по способу реализации убеждений в поведении верующего.

Основу логики экстремиста часто составляют не принцип учета объективной реальности (принцип фрейдовского «Я») и не нормы общественной морали (принцип фрейдовского «сверх-Я»), а принцип удовольствия (принцип фрейдовского «Оно» или бессознательного). Это логика акцентированной конфликтности и резкого дихотомического противопоставления крайностей: свои и чужие, истина и ложь. Причем все, что не согласуется с экстремистскими убеждениями, объявляется без разбора ложью. Все, кто не разделяет экстремистских убеждений, без разбора объявляются врагами.

Когда создается критическая историческая ситуация, тогда особо чувствительные, склонные к соответствующим психическим отклонениям люди становятся **индукторами** экстремистской идеологии и экстремистского массового сознания. Индукторы отличаются лишь особой чуткостью и предрасположенностью к отклонениям. Но по мере погружения в создаваемую ими экстремистскую идеологию они могут стать действительно психически больными, переходя от легких форм к более тяжелым.

Итак, экстремистская направленность, выражающаяся в принятии личностью экстремистской идеологии и перестройке всей мотивационно-поведенческой сферы в соответствии с этой экстремистской идеологией, является основной характеристикой содержания экстремизма как психического склада верующего. Важнейшую роль в структуре этой направленности играет экстремистская потребность изменения жизненной ситуации, неременной реализации сверхценной идеи социального реформаторства. Поскольку эмоциональные переживания являются неотъемлемой частью психики человека, экстремистская направленность верующего должна быть рассмотрена в связи с

порождаемыми ею и сопровождающими ее эмоциональными переживаниями, которые являются существенным элементом экстремизма как специфического психического склада верующего. Механизм реализации экстремистской направленности верующего связан с особыми эмоциональными состояниями и особыми поведенческими актами.

Эмоциональные состояния вообще — «это переживаемые в различной форме внутренние отношения человека к тому, что происходит в его жизни, что он познает или делает...»¹. В основе эмоциональных переживаний лежит взаимодействие личности и внешнего мира, опосредованное деятельностью человека. Сами эмоциональные процессы опосредуют поведение человека, обеспечивая его оценку и энергетическую мотивационную подпитку, они дают источник психической энергии для деятельности по реализации направленности в данных условиях внешнего мира и ориентируют человека в плане оценки ситуации и результатов деятельности.

Специфическую природу эмоциональных состояний экстремиста можно понять, если мы будем рассматривать их в связи с жизнедеятельностью личности, как процесс психического переживания ею определенной ситуации. В основе эмоциональных переживаний экстремиста лежат экстремистская направленность и экстремистские мотивы по реализации экстремистской идеологии. Специфику экстремистских эмоциональных состояний следует искать в характере отношения экстремиста к внешнему миру, в способе восприятия экстремистом внешнего мира и во взаимодействии его внутреннего мира с внешним миром. Чтобы понять чувства экстремиста, мы должны представить его восприятие мира и соответствующий способ переживания им отношения к этому миру, понять специфику его субъективной жизненной ситуации и специфику переживания этой ситуации самим экстремистом. Для этого мы используем понятие «жизненный мир личности».

¹ Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. М., 1998. С. 316.

Жизненный мир — это психическое переживание человеком своего существования в реальном физическом и социальном мире. Он включает в себя «внутренний мир» — систему потребностей, мотивов, убеждений и целей, определяющих направленность деятельности человека, и «внешний мир» — определенное представление об окружающей человека предметной и социальной действительности. Рассматривая жизненный мир экстремиста, мы видим расхождение между представлениями экстремиста о правильном устройстве мира и реальной действительностью, причем это расхождение четко осознается экстремистом и собственно стимулирует именно экстремистскую идеологию. Оно ставит личность с точки зрения процесса переживания в критическую ситуацию. «Критическая ситуация в самом общем плане должна быть определена как ситуация невозможности, т. е. такая ситуация, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних потребностей своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.)»¹.

Можно выделить четыре типа критических ситуаций: стресс, фрустрацию, конфликт и кризис. Стресс связан с неспецифической реакцией организма на затруднения, вызываемые внешней средой, в реализации витальных, жизненных потребностей личности. Он рождает эмоциональную напряженность, которая может либо активизировать деятельность человека по преодолению возникших трудностей, либо дезорганизовать эту деятельность. Поскольку стресс связан с реализацией простейших жизненных потребностей, он не может быть связан со спецификой экстремистского эмоционального переживания.

Суть фрустрации — столкновение сильной мотивированности человека на достижение определенной цели с внешними препятствиями. Барьеры на пути достижения цели могут быть физическими, биологическими, психологиче-

¹ Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984. С. 31.

скими и социокультурными. Психологи выделяют пять различных способов реакции индивида на ситуацию фрустрации: двигательное возбуждение (бесцельные и неупорядоченные действия), апатию, агрессию и деструкцию, стереотипию (слепое повторение фиксированного безуспешного поведения) и регрессию (возвращение к более примитивным способам поведения). Экстремизм предполагает практическую реализацию своих иллюзорных (не реализуемых адекватно) идей и целей, поэтому внешний мир социальной реальности для экстремиста всегда в принципе враждебен, является преградой в реализации его экстремистских религиозных утопий и экстремист обычно находится именно в ситуации психологической фрустрации.

Третий тип критической ситуации — конфликт как результат столкновения интересов и целей людей. Специфической особенностью этой критической ситуации является осознание обеими сторонами противоположности этих интересов, целей и побуждений, т.е. ситуация конфликта предполагает работу сознания личности. Критической ситуацией является такая, когда субъективно невозможно ни выйти из ситуации конфликта, ни разрешить ее, найдя компромисс между побуждениями. Поскольку экстремист в своей деятельности сталкивается с другими нормальными людьми, не разделяющими его убеждений и препятствующими их реализации путем активного сопротивления или пассивного неприятия, жизнь экстремиста необходимо предполагает конфликтность.

Специфика экстремистского конфликта состоит в том, что, во-первых, это конфликт мировосприятий и идеологий, т.е. идеологический конфликт. Во-вторых, для экстремиста конфликт носит обычно внешний характер, поскольку он не способен понять и принять мнение, позицию и интересы оппонента, поскольку в его сознании не происходит внутреннего взвешивания интересов и мотивов, основанного на понимании позиции партнера.

Внутренний мир экстремиста прост и непротиворечив. Поэтому другой человек, не разделяющий его убеждений, рассматривается собственно не как

равноправный партнер-оппонент, не как личность, а как особо сложное внешнее препятствие, подлежащее простому физическому устранению. Не случайно убийство противников или бегство от них являются двумя наиболее типичными способами поведения экстремистов в ситуации конфликта. Таким образом, ситуация конфликта для экстремиста осознается и переживается в упрощенной и извращенной форме, которая принципиально не может привести к конструктивному ее преодолению.

Для экстремиста его убеждения являются незыблемой истиной, а противостоящий им мир исходно является ложью, для него характерно рассогласование между действительными мотивами преобразования мира в соответствии с экстремистскими идеалами и деструктивной внешней целесообразностью поведения, потому экстремист принципиально не может находиться в ситуации кризиса. Ведь результат его поведения независимо от его реальной успешности, никак не соотносится с его внутренней убежденностью.

Для экстремиста все его действия являются успешными, независимо от того, реализовал ли он свою цель или нет, поскольку главное для него не достижение цели, а экстремистская мотивированность этой цели и всего поведения. Так, например, для экстремиста-убийцы не так уж важно, удалось ему убить врага или не удалось по причине каких-то случайностей, ему важно само решительное действие как выражение и доказательство его экстремистских мотивов. Чтобы попасть в ситуацию кризиса, нужно, таким образом, перестать быть экстремистом.

Рассматривая специфику экстремистского эмоционального переживания, мы можем говорить о том, что оно порождается ситуацией фрустрации или конфликта, но с указанными нами особенностями. Основу критической ситуации, рождающей специфические эмоциональные переживания экстремиста, составляет конфликт между экстремистскими убеждениями и внешним миром, т.е. между утопическими и обычно извращенными идеальными представлениями

экстремиста о социальном устройстве и наличной социальной действительностью.

Если внутренний мир экстремиста прост и непротиворечив, то внешний мир для него оказывается сложной преградой, поскольку экстремист осознает несоответствие этого внешнего мира своим идеалам. Именно столкновение простого внутреннего мира и сложного внешнего мира определяет специфику жизненного переживания экстремиста. Деятельность экстремиста с эмоционально-энергетической стороны отличается истовостью — ради достижения заветного предмета он готов идти на любые усилия, на карту ставится все, любое средство заранее оправдано, любой риск осмыслен, любая жертва приемлема. «Вследствие простоты внутреннего мира предельно упрощено и смысловое строение образа внешнего мира. Он выполнен в двух красках: каждый предмет осмысливается только с точки зрения его полезности или вредности для удовлетворения всегда напряженной единственной потребности субъекта»¹. Для уточнения специфики именно экстремистского переживания следует добавить, что в его основе лежит экстремистская потребность немедленного преобразования мира, которое и является вожделенным предметом и целью деятельности экстремиста.

Оценивая напряженную жизнедеятельность экстремиста объективно, мы видим, что ему никогда не удастся реально осуществить свои реформаторские цели и таким образом позитивно реализовать свою базовую потребность. Но экстремисту, как и любому человеку, нужно осознавать, что его цели реализованы, что его деятельность успешна. Психологически пережить факт неосуществимости экстремистских иллюзий верующему помогают два компенсаторных механизма нашей психики:

— перенесение полной реализации потребностей и целей в будущее

¹ Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984. С. 107.

(причем религиозный экстремист видит это будущее даже за пределами своей физической жизни);

— суррогатная компенсация, замещение адекватной исходному идеалу формы реализации экстремистской направленности и идеологии формой, в которой эта направленность реализована в извращенном или искаженном виде. Экстремист как человек с простым внутренним миром согласен на любой суррогат, хоть в какой-то мере удовлетворяющий его потребность

Выяснив специфику религиозно-политических переживаний экстремиста, мы должны ответить на вопросы: какова специфическая модальность его эмоционального переживания? Каковы по своему содержанию эмоциональные переживания экстремиста?

В общем, мы здесь найдем весь набор модальностей, проявляющихся в зависимости от конкретной ситуации, но доминируют, конечно, вполне определенные феномены: страх, отвращение, презрение, гнев и извращенная радость. Базовой эмоцией экстремиста является, очевидно, страх. Страх экстремиста вызван несоответствием действительности его представлениям и жгучим желанием такого соответствия, сопровождаемым предположением о том, что мир враждебен этим представлениям и люди будут агрессивно бороться против попыток навязать им экстремистские идеалы и изменить мир в соответствии с этими идеалами. Страх рождает эмоции презрения и отвращения, гнева по отношению к «нехорошей» действительности и людям, которые не разделяют идеалов экстремиста и сопротивляются им.

Так как экстремист вынужден жить в ситуации всеобщего неприятия и враждебности (в которую он изначально сам себя ставит), все эти эмоции доминируют в его переживаниях. Но любая личность, даже экстремист, нуждается также и в положительных переживаниях, причем позитивных эмоций должно быть больше, чем негативных.

Откуда же черпает экстремист позитивные эмоции? Как это ни парадок-

сально, он берет их в самих негативных эмоциях. Ненависть к миру приносит ему извращенную радость и наслаждение. Разрушительные негативные процессы в этом мире доставляют ему высшее наслаждение. Борьба с врагами и сами враги кроме ненависти вызывают еще и удовольствие, и если бы они исчезли, исчезло бы извращенное удовольствие экстремиста. Это извращенная форма радости с перевернутой в отличие от психической нормы модальностью и извращенная амбивалентность эмоциональных состояний экстремиста. Только причиняя ущерб враждебному миру, нанося страдания врагам или, наконец, испытывая страдания в борьбе за экстремистскую идею, экстремист удовлетворяет свою потребность в положительных эмоциях.

Итак, гамма эмоциональных переживаний экстремиста выстраивается в своеобразную генетическую последовательность: страх рождает отвращение и презрение, которые вызывают гнев, и через проявление в экстремистских действиях эти эмоции превращаются в извращенную радость и удовольствие экстремиста.

При анализе эмоциональных переживаний экстремиста возникает вопрос: а каковы основные формы экстремистских эмоциональных переживаний или виды эмоциональных состояний? Экстремистское эмоциональное переживание характеризуется всем набором эмоциональных психических состояний, определяющихся оценкой степени удовлетворенности реализацией личностью своей экстремистской направленности и экстремистских потребностей. Здесь мы видим экстремистские эмоции, чувства, настроения, аффекты.

Однако в структуре эмоциональных переживаний экстремиста главное ядро составляют такие экстремистские чувства, как устойчивые (относительно независимые от конкретных жизненных ситуаций) отношения личности к определенным предметам и другим людям, связанные с базовой направленностью личности. Специфику экстремистских чувств, таким образом, следует искать в их объекте.

В системе чувств такого экстремиста можно выделить четыре основных чувства: любовь к своей идее, которой экстремист предан безраздельно; любовь к самому себе как правоверному носителю и исповеднику высшей истины — экстремистской идеи; ненависть к людям, не разделяющим экстремистской идеи, которые выступают как принципиальные враги (независимо от того, как они сами относятся к экстремисту); ненависть к существующему испорченному миру, поскольку он противоречит экстремистским идеалам.

Из этого нехитрого, но ужасающего набора следует выделить доминирующее чувство или страсть. Страстью называется «устойчивое, глубокое и сильное чувство, определяющее направление мыслей и поступков человека ... Страсть заставляет человека упорно размышлять о предмете чувств, живо и ярко представлять себе удовлетворение потребностей, лежащих в их основе, воображать и всесторонне обдумывать действительные или только возможные препятствия и трудности на пути к этому удовлетворению ... Неудовлетворенная страсть обычно порождает сильные эмоции и даже аффективные вспышки (гнева, возмущения, отчаяния, обиды и т. д.)»¹. Кажется, что в этом определении страсти вообще дана яркая характеристика именно эмоциональной жизни экстремиста. Однако страсть может быть и позитивной, если ее предметом и содержанием становятся действительная любовь к людям, патриотизм, стремление к истине и тому подобные благородные гуманистические идеи и ценности.

Говоря о специфике эмоциональных переживаний экстремиста, мы должны отметить две их парадоксальные особенности. Во-первых, по сути чувства экстремиста являются безличными или бесчеловечными, ибо они в действительности направлены не на конкретных людей как личностей, а на лиц вообще как носителей определенных социальных функций. Даже любовь к себе у экстремиста есть любовь не к своей личности, а любовь к себе как к функци-

¹ Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. М., 1998. С. 322.

онеру, исполнителю экстремистской идеи. В чувствах экстремиста личностный момент предельно минимизирован. Отсюда крайняя жесткость экстремиста, которому совершенно безразличны переживания других людей, и даже моменты своих собственных сугубо личностных переживаний он старается подавить в себе.

Во-вторых, чувства экстремиста внутренне лицемерны и поэтому нарочито экзальтированы и демонстративны. Экстремисты как бы сами себя подогревают или «заводят» именно потому, что за демонстрацией сильных эмоций скрываются их внутренняя деструктивность и пустота как результат их безличности. Безличность эмоциональных переживаний разрушительно действует на психику самого верующего и лишь в малой степени компенсируется искусственной напряженностью и демонстративностью.

В лицемерности чувств экстремиста есть и еще один момент — это более или менее сознательная маскировка своей действительной ненависти или, в лучшем случае, равнодушия и презрения ко всем людям демонстративной «любовью к людям», из которых экстремист должен «изгнать бесов» ложных идеалов. Ради блага абстрактного человека вообще и ради блага заблудших конкретных людей, ставших врагами экстремистской идеи, ради спасения их душ экстремист всегда готов причинять им страдания и даже уничтожать их физически. Здесь мы видим очередное проявление извращенной амбивалентности эмоциональной жизни экстремиста: превращение мнимой, демонстративной любви к людям в действительную и безграничную ненависть к ним.

Поскольку эмоциональные переживания экстремиста носят разрушительный для психики характер и весьма истощают психическую энергию личности, заслуживает особого внимания динамика эмоциональной жизни экстремиста, в которой чередуются в определенном ритме и времени состояния возбужденности, аффективные состояния и состояния послеаффективной релаксации.

Нормальная динамика эмоциональной психической жизни личности, которая складывается из смены психических состояний возбужденности (сильного переживания), умеренности и полной релаксации, предполагает, что из этих трех состояний доминирует умеренное состояние, а возбужденность кратка по времени и не достигает больших степеней, а также то, что состояние эмоциональной релаксации занимает треть всего суточного времени. В динамике эмоциональной жизни экстремиста преобладают состояния эмоциональной возбужденности, умеренное состояние кратковременно, а эмоциональная релаксация так же быстротечна, как оргазм в сексуальной жизни. Эмоциональная жизнь экстремиста весьма напряжена, требует большой психической энергии и крайне изнурительна для организма. Резервы энергии появляются за счет сужения психической деятельности. Включается механизм индуктивного нарастания экстремистской психики и экстремистской деградации личности.

Большую роль в динамике эмоциональных переживаний экстремиста играют самые сильные эмоциональные переживания — аффекты. Причем следует заметить, что в отличие от обычных аффектов, вызываемых случайными жизненными ситуациями, у экстремиста это нередко сознательно индуцируемые, спланированные или идейные аффекты. Как наркоман нуждается в систематическом принятии наркотических средств, так и экстремист нуждается в периодическом переживании сильных аффективных состояний, которые позволяют ему временно снизить напряженность эмоционального переживания.

Возникновение экстремистских эмоциональных переживаний обусловлено, в первую очередь, социально-историческими причинами, хотя определенную роль играет и индивидуальная психологическая предрасположенность к такой реакции: повышенная восприимчивость, возбудимость и сила эмоциональных процессов. Центральная роль в формировании экстремистских эмоциональных переживаний принадлежит не генетическим порокам нервной системы, не органическим поражениям высшей нервной деятельности, а формиро-

ванию у личности в определенной неблагоприятной социальной среде в процессе социального воспитания экстремистской направленности личности и, прежде всего, экстремистских убеждений. Именно экстремистская направленность личности ведет к радикальной и болезненной перестройке эмоциональной жизни экстремиста.

Рассматривая эмоциональную жизнь экстремиста, мы должны обратить внимание и на различную ее интенсивность для разных членов экстремистского сообщества. Эмоциональные переживания вождей такого сообщества должны быть достаточно сильными, чтобы «увлечь», «зажечь», «заразить» рядовых членов, овладеть их психикой. Технические функционеры — организаторы экстремистского сообщества, как это ни парадоксально, могут вообще не испытывать специфических экстремистских эмоций, а лишь имитировать их. Во всяком случае, сила этих эмоций должна быть достаточно низкой, иначе они бы не смогли эффективно исполнять свои технически-организаторские функции. Для рядовых членов экстремистского сообщества сильные экстремистские эмоции являются эпизодическим кратковременным всплеском, спровоцированным либо вождями, либо чрезвычайными событиями. И это спасает их от угрозы серьезного психического отклонения, хотя в момент переживания экстремистского аффекта массы рядовых экстремистов временно становятся как бы психически ненормальными.

Для элиты экстремистского сообщества, состоящей из ближайших идейных соратников вождя, необходимы сильные экстремистские эмоциональные переживания, поскольку они играют роль передаточного звена эмоционально-идеологического воздействия экстремистского заряда идей и эмоций от вождя к рядовым экстремистам. Наконец, экстремистский теоретик-пророк, создатель экстремистской идеологии может не испытывать сильных эмоциональных чувств, поскольку они мешают систематическому теоретическому мышлению, но обязательно должен обладать набором сверхценных идей или мировоззрен-

ческих ценностей, направляющих его мысль.

Итак, экстремистское сознание не только не способно к адекватному пониманию действительности, но и даже не стремится к этому. Понимание реального положения вещей ослабляет веру, расшатывает незыблемость принципов и установок, которых придерживается экстремист. Поэтому экстремизм рекрутирует своих сторонников как из числа прекраснодушных идеалистов, так и в среде негодяев, склонных к преступлениям. Непонимание реального положения вещей, неумение отличать истину от заблуждения и преднамеренной лжи, неспособность видеть различия между подлинным объяснением сути вещей и мастерски выполненными ухищрениями ведет к растерянности перед жизнью, к внутренней опустошенности. Это и является питательной средой для формирования ложных идеалов и устремлений, возникновения нигилизма, цинизма, чувства вседозволенности. На фоне этого возникают извращенные формы удовлетворения потребностей в самовыражении, основанные на ложных идеалах.

4.5. Специфика экстремистского поведения

Экстремистская направленность личности в структуре психического склада личности необходимо сочетается со специфическими эмоциональными переживаниями и находит внешнее проявление в специфическом поведении экстремиста. Таким образом, поведение следует рассматривать в качестве особого необходимого элемента экстремизма как особого психического склада верующего. Если обратиться к литературе, то набор типичных действий экстремиста окажется достаточно широк, но все эти действия можно разделить на две группы: 1) действия, направленные на причинение вреда и страданий другим людям, «врагам» и «враждебной среде» (внешняя агрессия); 2) действия, направленные на причинение вреда и страданий самому себе или своим единомышленникам (внутренняя агрессия).

К числу упоминаемых в литературе актов внешней агрессии относятся: погромы, диверсии, шантаж, взятие заложников, убийства, ограбления, массовые беспорядки, уничтожение материальных ценностей и культурных произведений и прочее, в общем, — различные формы террористических и разрушительных действий. К числу актов внутренней агрессии относятся: различные формы самоистязаний, постов, отшельничество, ритуальные самоубийства разными способами (чаще всего это самосожжение, индивидуальное или коллективное). Но научный анализ экстремистского поведения не должен останавливаться лишь на самих поступках, действиях экстремиста, ибо в них самих по себе еще никак не проявляется специфика экстремистского поведения. Подобные поступки совершают не только экстремисты.

Мы должны рассмотреть специфику экстремистского поведения как целостного психологического феномена, включающего в себя мотивы, цели, действия, результаты и оценку результатов, коррекцию поведения. Другими словами — мы должны связать экстремистские мотивы и с целями, и с действиями, и с их последствиями, и с оценкой этих последствий. Рассматривая каждый элемент экстремистского поведения, мы должны выделить его специфику, обусловленную взаимодействием с другими его элементами. Поскольку источником всякого поведения являются его мотивы как побуждения к определенным действиям и источник психической энергии для их реализации, прежде всего мы должны выяснить специфическую мотивацию поведения экстремиста.

Первое, что бросается в глаза при оценке поведения экстремиста, — это агрессивность. Действительно, агрессивность — самая яркая черта поведения экстремиста, которая отмечается всеми исследователями. Но важно правильно понять природу агрессивности. Прежде всего, следует выяснить общую природу агрессивности и разобраться в ее классификации. В социальной психологии распространено определение агрессии как физического или вербального поведения, направленного на причинение вреда кому-либо. Исходя из такого до-

вольно абстрактного и поэтому широко принятого определения, в социальной психологии выделяется два основных вида агрессии: 1) **враждебная** агрессия, которая побуждается злостью и является самоцелью; 2) **инструментальная** агрессия, в которой враждебные и вредоносные действия являются средством достижения определенной цели. Речь идет о различии между нецелелемотивированной, нецелесообразной агрессией и целелемотивированной, целесообразной агрессией.

Если мы спросим, к какому же из видов агрессии отнести агрессивность поведения экстремиста, то, очевидно, она должна быть инструментальной, т. е. мотивированной определенными экстремистскими целями, а не просто рожденной элементарными негативными эмоциями. Однако данное определение агрессивности не позволяет нам глубоко проникнуть в специфику экстремистской агрессивности, поскольку оно не содержит подробного анализа мотивов и целей, а также причин агрессивного поведения. Кроме того, это определение сужает объект агрессии только до других людей и исключает как сам субъект агрессивного действия, так и материальные и культурные ценности и социальные институты. В результате все формы внутренне направленной агрессии выпадают из этого понятия, как и все формы социальной (направленной против социальных институтов, семьи, государства и т. п.) и предметной (направленной против материальных и культурных ценностей человечества) агрессии.

Чтобы внести ясность в природу экстремистской агрессивности, мы должны немного углубиться в психологические механизмы, обеспечивающие стимулирование поведения экстремиста. Прежде всего, мы должны четко определить понятия мотива и цели и установить связь между ними. **Мотив** есть то, что побуждает к действию, т. е. более или менее осознанная система потребностей и убеждений личности. Тайна мотивации заключена в направленности личности. **Цель** есть программа деятельности и идеальный образ будущего результата, предполагаемого этой деятельностью. Цель организует и

направляет деятельность человека, выстраивает его отдельные действия в стройную и направленную систему. Мотив стимулирует человека к деятельности по определению на основе анализа имеющихся средств и конкретной ситуации, цели деятельности по его реализации.

Определенные цели принимают форму более или менее разработанной системы убеждений, важной частью которых становится представление об идеальном обществе, в результате чего они становятся частью направленности личности и, таким образом, превращаются в особые вторичные, идеологические мотивы его поведения. Специфика рождения экстремистской мотивации на основе этого общего механизма состоит в том, что убеждения, которые становятся основой агрессивной мотивации экстремистского поведения, по своему содержанию являются иллюзорными, т.е. неадекватно отражающими социальную реальность и не дающими реалистическую, конструктивную программу ее позитивного разрешения.

Исходя из этого общего механизма развития мотивации личности, мы должны исследовать специфические факторы, рождающие агрессивное поведение экстремиста. Человеческая агрессия рождается в определенной социальной среде, которая и определяет страсти и характер, т.е. направленность личности. Изначальные мотивы поведения экстремиста лежат в ситуации социальной фрустрации, когда наличная социальная система такова, что не позволяет человеку реализовать свои витальные, базовые или социальные потребности, осознаваемые как норма. Норма эта социально и исторически относительна. Представление личности, входящей в определенную социальную общность, о норме связано также со степенью разрыва между богатейшими и беднейшими слоями населения. Чем выше социальный разрыв, тем ниже средней социальной нормы оказывается беднейшее население.

Эти фрустрационные мотивы, эмоции и сама ситуация получают идеологическое выражение и осознание в иллюзорной экстремистской идеологии, со-

здаваемой теоретиками. А затем эта идеология тем или иным способом проникает в готовые к ее восприятию массы. Таким образом, первоначальная еще не специфически экстремистская, а просто реактивно-психологическая оборонительная мотивация агрессии превращается в специфически экстремистскую, идеологически мотивированную агрессию. Фрустрационная мотивация рождает экстремистскую идеологию как инструментальную цель агрессии, а экстремистская идеология становится доминирующим мотивом, происходит ориентация мотива на цель или превращение реактивной агрессии в инструментальную.

Мотивы экстремистского поведения, во-первых, идеологичны; во-вторых, крайне интенсивны, благодаря чему они придают всем действиям экстремиста особую «ярость», ожесточенность, деструктивную одержимость, интенсивность. Доминирующим мотивом поведения экстремиста является радикальное изменение социальной среды в соответствии с его идеалами, которые могут принимать разную форму и могут выражаться в разных теоретических модусах (от более или менее разработанной теории до набора простых лозунгов). В идеологии экстремиста заложено убеждение в том, что социальная среда может быть преобразована только насильственными действиями, что она не может самоисправиться без насильственных воздействий, следовательно, идеологическая мотивация экстремистского поведения всегда связана с доминирующим мотивом агрессии.

Главным объектом экстремистской агрессии является неприемлемая социальная среда, существующая социально-политическая система. Но, поскольку эта неприемлемая для экстремиста социальная среда воплощена, прежде всего, в людях и социальных институтах (властных институтах) как носителях определенных социальных отношений (не соответствующих экстремистским идеалам) и определенной идеологии (не экстремистской), то и акцент экстремистской агрессии направляется на социальные институты и людей, не разде-

ляющих экстремистской идеологии.

Итак, доминирующим мотивом поведения экстремиста является социальная агрессивность, активное стремление к разрушению существующего общества, к нанесению ему наибольшего ущерба. Этот мотив подсознательно или сознательно маскируется экстремистом конструктивным мотивом созидания «правильного общества». Но, прежде чем строить правильное общество, нужно разрушить существующее, поэтому конструктивная мотивация не играет никакой роли в реальном поведении экстремиста. Таким образом, в поведении экстремиста происходит или, по крайней мере, наблюдается тенденция сдвига конструктивной цели созидания правильного, идеального мира на деструктивную цель разрушения неправильного, но реально существующего социального порядка. Деструктивная цель постепенно превращается в главную, доминирующую и единственную цель экстремиста.

Сдвиг фрустрационного мотива на идеологическую цель, а затем конструктивной цели на деструктивную ведет к тому, что сама цель разрушения становится ведущим мотивом, а разрушительные действия становятся самоценными. Это уже не разрушение ради создания нового, а разрушение ради не-го самого же. Экстремист, начиная как разрушитель неправильного общества ради создания правильного общества, самой логикой экстремистского действия превращается в одержимого, ослепленного идеей разрушения агрессора.

Мы можем определить экстремистскую агрессивность как особый вид агрессивности, возникающий в обществе в исключительных социальных обстоятельствах, блокирующих реализацию базовых витальных потребностей верующего и нормальных возможностей его самореализации, как иллюзорно-идеологическую, реактивно-инструментальную по своим механизмам и содержанию и деструктивную по своим внешним проявлениям и социальным результатам форму политического поведения. При этом мы должны учесть, что для различных членов экстремистского сообщества экстремистская агрессив-

ность носит различный психологический характер. У рядовых членов она в основном носит конформистский характер и проявляется редкими, но сильными вспышками. У элиты экстремистского сообщества агрессия носит преимущественно инструментальный характер. У вождей экстремистского сообщества агрессия может превращаться в постоянное, болезненное патологическое влечение, т.е. стать «деструктивной».

В силу того, что экстремистское политическое поведение обусловлено социально-фрустрационными, иллюзорно-идеологическими мотивами, которые определяют деструктивные идеологические цели, для целеполагающей «революционной» деятельности экстремиста характерен специфический экстремистский расчет или хитрость. Планируя свои конкретные действия в реальной конкретной ситуации, выбирая ближайшие и перспективные конкретные цели и соответствующие средства, виды действий, экстремист руководствуется своей «фанатической страстью разрушения». Для этого расчета характерно парадоксальное соединение «хладнокровного технического анализа ситуации» с такими вроде бы не совместимыми с ним чертами, как близорукость, фантастичность, глобальность, грандиозность, чрезвычайность, иллюзорность.

Хладнокровный расчет экстремиста предшествует политическому действию. Он основан на тщательном анализе и учете социальной ситуации, а также лиц, с которыми придется столкнуться экстремисту в своем действии, но лишь с одной стороны — со стороны поиска слабых мест и соответственно выбора наилучших средств разрушительного воздействия на них. Близорукость экстремистского расчета состоит не только в одностороннем подходе, но и в том, что этот расчет является обычно краткосрочным, на один-два хода вперед. Поэтому он не может предусмотреть все многообразие вариантов возможного развития ситуации и не планирует гибкого приспособления к этим вариантам.

Фантастичность, глобальность, грандиозность экстремистского расчета выражается в том, что для достижения своих целей экстремисты обычно изби-

рают реально неэффективные средства, на которые возлагают неоправданно большие надежды как на инструмент глобального преобразования общества. Причем, как правило, это весьма бедный арсенал довольно примитивных и в то же время крайних, чрезвычайных по силе воздействия на психику «врагов» и простого населения средств, которому приписываются большие возможности, не соответствующие реальному потенциалу. Фантастическая нереалистичность и преувеличенность избираемых средств и основанных на них расчетов являются обязательным атрибутом экстремистского целеполагания.

Неизбежное следствие близорукости и фантастичности этого целеполагания — иллюзорность хитроумного экстремистского расчета, которая выражается в том, что избираемые экстремистами средства и программы конкретных действий не ведут их к желаемым результатам. Действия экстремиста никогда не заканчиваются реальным преобразованием столь ненавистного ему существующего социального порядка. Чаще всего они этот порядок укрепляют в своей основе, разрушая лишь отдельные незначительные частные его детали. В «лучшем» для экстремиста или «худшем» для нормального общества случае экстремистские действия ведут к уродливому акцентированию самых негативных особенностей существующего общества, к уродливой и негативной социальной деформации.

Органичное проявление экстремистской расчетливости — цинизм, неразборчивость в выборе средств. Если объективно оценить экстремистский религиозный расчет, то мы увидим, что эта «дьявольская» хитрость есть его маскируемое безумие и непрактичность. Завершая анализ экстремистского религиозного поведения, рассмотрим собственно экстремистские действия, т. е. основной арсенал конкретных поступков, к которым прибегают экстремисты, одержимые своими «холодными» страстями и основанными на них хитроумными расчетами.

Общие особенности экстремистских действий: одержимость, жесткость и

деструктивность. Одержимость в том, что экстремист не останавливается ни перед какими внешними и внутренними преградами, упорно и неуклонно устремляясь к своей цели. Анализ психологии экстремизма обнаруживает такие характеристики, как «неистовость поведения, готовность для достижения цели жертвовать всем и использовать любые средства в сочетании с узостью и ограниченностью восприятия мира»¹. Жесткость проявляется в том, что в этих действиях обязательно присутствуют насилие и страдания, причиняемые людям. Но для экстремиста эти страдания не имеют никакого значения, причем ни свои, ни чужие. Деструктивность состоит в том, что эти действия всегда преследуют одну цель — разрушить существующий социальный порядок.

Действия экстремиста можно разделить на две большие группы в зависимости от способа борьбы с существующим социальным порядком или способа его разрушения, преодоления: активная деструктивная агрессия и пассивная деструктивная агрессия. К первой группе относится экстремистский террор, начиная от морально-психологического и вербального запугивания и зомбирования до физической деструкции. В этих формах агрессии деструктивная цель явно доминирует, а конструктивная цель практически сведена на нет. Крайней формой экстремистской активной агрессии оказывается массовый геноцид. К формам пассивной деструктивной агрессии относятся различные способы социальной самоизоляции экстремистов (от индивидуального и коллективного отшельничества до самоистязаний).

Если рассматривать действия экстремиста со стороны результатов, то бросается в глаза их иллюзорность. Они никогда не ведут к желаемому успеху, если под объективными результатами иметь в виду реальное изменение общества, но они ведут к «субъективному» успеху. В извращенном представлении религиозного экстремиста они субъективно успешны, а объективный успех не

¹ Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984. С. 112.

входит в систему оценки экстремиста. Для экстремиста важен не столько реальный результат, сколько сам факт действия, выражающий его сопротивление, его непримиримую борьбу с существующим социальным порядком. Отсюда не критичность в оценке результатов действия и отсутствие объективной обусловленной этими результатами коррекции поведения. В этом-то и проявляется иллюзорность действий экстремиста. Они объективно неуспешны, но субъективно успешны: экстремист сам строит и поддерживает иллюзию их успешности. Единственная коррекция связана лишь с укреплением этой иллюзии.

Подводя итог анализу экстремистского политического поведения, мы можем видеть: в мотивах экстремиста — социально-идеологическую иллюзорность и агрессивность; в целях — иллюзорность и деструктивность; в действиях — иллюзорность и деструктивность, соединенные с извращенной иллюзорной расчетливостью; в результатах — иллюзорность и деструктивность (как для мира и окружающих людей, так и для самого экстремиста, его личности); в самооценке результатов своих действий — не критичность и иллюзорность.

Итак, во всех элементах экстремистского поведения проявляются две главные общие черты: **иллюзорность и деструктивность**. Они позволяют нам определить экстремистское поведение как деструктивную форму иллюзорной социально-преобразовательной деятельности, разрушительной как для личности самого экстремиста, так и для общества в целом. Другими словами, ключом к пониманию сущности экстремистского политического поведения является иллюзорная форма реализации иллюзорных убеждений экстремистской направленности. Цель иллюзорна, ибо экстремистская идеология дает иллюзорную модель преобразования мира и программу действий. Установка ложна: цель оправдывает средства и неразборчивость в выборе средств, не критичность в оценке последствий. Действие самоценно, а его результаты вторичны. Неважно, чего достиг, важно, что что-то делал.

В основе экстремистского действия лежат ложные мотивы и ложные

установки, поэтому оно по своему объективному содержанию субстанционально иррационально, в нем цели не соответствуют средствам, а результаты действиям. Оно иллюзорно внешне, но формально рационально, ибо экстремист, во-первых, внушает себе его высшую рациональность, во-вторых, рассчитывает свое действие, его порядок и условия. В экстремистском безумии есть система. Конфликт между субстанциональной иррациональностью и формальной рациональностью экстремистского действия ведет к эмоциональному напряжению, и часто экстремистское действие требует эмоциональной подпитки, энергии аффекта. Но это не слепой, а идейный аффект, искусственно индуцируемый самим собой или соратниками фанатичного экстремиста.

Экстремистское поведение, основанное на экстремистской идеологии и экстремистских переживаниях, характеризуется следующими особенностями: 1) агрессивная самозащита или защита путем агрессии, 2) «активная жизненная позиция», 3) нравственная вседозволенность в сочетании с нравственным ригоризмом, смещение нравственных ориентиров (или нравственная дезориентация), 4) крайняя жестокость.

Главной установкой экстремистского поведения становится служение идее посредством агрессивного сопротивления, борьбы с врагами истинной идеи. Активная жизненная позиция выражается в тотальной ориентации всего поведения личности на служение своей идее, все действия и поступки подчиняются этой цели. Служение выражается в двух основных формах: 1) в ревностном исполнении всех предписаний экстремистского сообщества; 2) в практической и постоянной борьбе с врагами. Обе эти формы выражения активной жизненной позиции экстремиста есть разные, но взаимно дополняющие друг друга способы реализации экстремистской идеологии в жизнь, переустройства своей собственной жизни и социально-политического уклада общества в соответствии с критериями и идеалами истинной идеи.

Нравственная вседозволенность, снятие всяких нравственных запретов и

ограничений в сознании и поведении экстремиста существует по отношению к «чужим», к врагам. По отношению к «своим» и к самому себе, экстремист придерживается строжайшего, ригористического соблюдения собственных нравственных установлений. Такая нравственная амбивалентность, противоречивая двойственность, в поведении экстремиста ведет к нравственной дезориентации.

Для экстремиста зло, причиняемое врагам, становится добром, стирается граница между добром и злом, сами эти нравственные категории становятся условными. При такой нравственной дезориентации экстремист во имя истинной веры оказывается способен на любые экстремальные действия: убийства, похищения, издевательства, пытки, взрывы различных зданий и сооружений и т.п. В результате для поведения экстремиста становится характерной определенная бесчувственность, жестокость, беспощадность, доходящая до способности самопожертвования ради уничтожения врагов.

Итак, экстремистское поведение, основанное на принципе нетерпимого отношения к «инаковости», является силой, способной играть существенную роль в жизнедеятельности общества, в формировании тех или иных социальных отношений. Оно базируется: во-первых, на наличии социальных ценностей и установок, которые вытекают из рассмотрения других как «чужаков», потенциальных врагов или конкурентов, т. е. предполагают формирование взаимного недоверия и неприятия в межличностном пространстве, дегуманизацию общественной жизни; во-вторых, на отсутствии ориентации на поиск взаимопонимания, сотрудничества и разумных компромиссов, неприятию стремления большинства к утверждению таких форм жизни, которые обеспечивали бы уважение основных прав и свобод человека; в-третьих, на отсутствии правовых основ свободы, неотделимой от равноправия всех организаций перед законом.

4.6. Научно-практические выводы

Базовым элементом экстремизма является соответствующая идеология, имеющая определенную структуру. В эту структуру входят:

1) представление определенной социальной группы о существующей социальной реальности и своем месте в ней (**теоретико-познавательный момент**),

2) **оценка** существующей социальной реальности и своего положения в ней с позиции своих (групповых) интересов,

3) определенный **социальный идеал**, выражающий модель общественной системы, обеспечивающей реализацию коренных социальных интересов данной группы,

4) **программу действий** по реализации идеала,

5) **систему норм, правил социально-политической деятельности** и соответствующих поведенческих установок.

При этом можно выделить следующие **характерные особенности** экстремистской идеологии:

1) идея **исключительной истинности** именно данной идеологии, «комплекс абсолютной истинности»;

2) идея **агрессивной нетерпимости** по отношению ко всем идеологическим конкурентам или конкурирующим, альтернативным идеологиям;

3) деление человечества на две большие группы: **своих и чужих**, на **друзей и врагов** (неважно, по какому принципу проводится это деление, оно всегда характеризует антигуманную идеологию);

4) критическая оценка существующей социальной реальности, противопоставление идеала и наличной социальной реальности, осознаваемое и выражаемое в форме **резкого конфликта** между истинным идеалом и ложной реальностью;

5) установка на **немедленную практическую деятельность** по исправлению мира и людей (программа немедленного и решительного преобразования суще-

ствующей социальной реальности);

6) преобладание **деструктивных задач** по разрушению ложного враждебного мира над конструктивными задачами в программе преобразовательных действий;

7) **фантастический социальный идеал** (который практически не может быть реализован, а если будет осуществлена попытка его реализовать, это приведет к серьезной деформации общества);

8) **иллюзорный**, практически невыполнимый, слишком суровый и извращенный **кодекс личного поведения**, требующий от человека каких-то экстраординарных, чрезвычайных поступков и жертв;

9) **авторитарное обоснование идеала** (от лица сверхчеловека, вождя, пророка, Бога или от других мистических сил);

10) **упрощенная форма изложения**, в которой отсутствуют строгая логика, последовательные доказательства, развернутое теоретическое изложение и обоснование, а присутствует ограниченный, легко усваиваемый набор догм;

В общем, экстремистская идеология — это извращенная фантастическая программа преодоления острого конфликта между интересами определенной социальной группы и ее социальных оппонентов, неадекватная форма разрешения нетерпимого исторического социального положения определенной социальной группы.

Итак, экстремистской идеологией мы назовем такую форму идеологии определенной социальной группы, в которой:

1) на уровне представлений об обществе содержатся идеи социального, расового или национального неравенства, доведенные **до крайней степени**, выражающейся в той идее, что только высшие социальные группы имеют право на достойное существование, а низшие группы подлежат безграничной эксплуатации и даже геноциду;

2) на уровне оценки существующей социальной реальности преобладает

примитивная **биполярная** система оценки, деление на своих и чужих, на добро и зло, причем воплощением зла оказывается существующая социальная система, в которой критически ущемлены права и интересы данной социальной группы, а воплощением добра оказываются любые формы борьбы с существующей социальной системой;

3) на уровне социального идеала предлагается такая форма общественно-го устройства, в которой за счет и **в ущерб интересам всех других социальных групп**, наиболее полно реализованы интересы данной социальной группы;

4) на уровне программы социальной деятельности экстремистская идеология предлагает обычно не такое радикальное преобразование общества, которое привело бы к исчезновению вместе с существующей системой и данной социальной группы, а такое, которое так бы модифицировало существующее общество, чтобы в нем сохранялась данная социальная группа и наиболее полно реализовались ее социальные интересы. Это программа утопического социального **фундаментализма** или **консерватизма**;

5) на уровне поведенческих норм и установок наблюдаются ориентации на действия прямого **физического насилия**, разрушения, физического **уничтожения** политических противников и институтов существующей социальной системы, доминирование нормы **вседовозволенности** по отношению к политическим врагам.

Очевидно, что в обществе, разделенном на классы, различные социальные и демографические группы, между которыми существуют острые, противоречия, достигшие предельного обострения, идеология тех социальных или демографических групп, положение которых резко ухудшается или вообще само их существование оказывается под угрозой, принимает экстремистскую форму.

Экстремизм, возникая как импульсивная, спонтанная реакция социальных групп, поставленных в экстремальные условия, на эти условия, как форма

сопротивления этим условиям и борьбы с ними институируется. Элементы этого института: экстремистская идеология (формируется из традиционных идеологий путем их радикализации), экстремистская сообщество, экстремистские организации. По своей форме экстремизм всегда выступает, как политическое действие. В итоге мы можем заключить, что экстремизм есть сложное социальное явление, включающее в себя три основных элемента: экстремистскую идеологию, являющуюся базисом экстремизма; экстремистскую деятельность, являющуюся осуществлением, воплощением в жизнь экстремистской идеологии; экстремистскую организацию, являющуюся формой социальной организации экстремистской деятельности.

Экстремистское сознание не только не способно к адекватному пониманию действительности, но и даже не стремится к этому. Понимание реального положения вещей ослабляет фанатичную веру экстремиста, расшатывает незыблемость принципов и установок, которых он придерживается. Поэтому экстремизм рекрутирует своих сторонников как из числа прекраснородных идеалистов, так и в среде негодяев, склонных к преступлениям, что объясняется мифологичностью экстремистского сознания. Непонимание реального положения вещей, неумение отличать истину от заблуждения и преднамеренной лжи, неспособность видеть различия между подлинным объяснением сути вещей и мастерски выполненными ухищрениями ведет к растерянности перед жизнью, к внутренней опустошенности. Это и является питательной средой для формирования ложных идеалов и устремлений, возникновения нигилизма, цинизма, чувства вседозволенности. На фоне этого возникают извращенные формы удовлетворения потребностей в самовыражении, основанные на ложных идеалах.

Экстремизм особенно опасен для процессов этнического взаимодействия, межкультурных контактов, отношений между этносами и расами, социальными стратами и религиозными общинами, в отношениях «правоверных» и «невер-

ных». Он не оставляет места для толерантности, первичной становится оппозиция между «своими» и «чужими» по принципу: «кто не такой, как мы (не с нами), тот против нас». Потому проблема борьбы с экстремизмом — это проблема формирования толерантного общества, которое способно эффективно противодействовать любым формам вражды и которое способно создать условия для гармоничного сосуществования культур, религий, идеологий. Поэтому в качестве позитивной альтернативы экстремизму в литературе чаще всего называется толерантность.

К социально-экономическим факторам, создающим почву для проявлений экстремизма, безусловно, относится **резкое критическое падение уровня жизни** определенной социальной группы, понижение ее социального статуса и связанных с ним реальных прав и свобод в данной социальной системе. Причем, это падение уровня жизни должно быть достаточно длительным.

Вторым социально-экономическим фактором, порождающим экстремизм, является **социальная бесперспективность** данной социальной группы, выражающаяся в отсутствии у этой группы реальных экономических возможностей хотя бы в отдаленном будущем качественно улучшить свое положение, или, хотя бы обеспечить свое социальное самосохранение.

Третьим социально-экономическим фактором экстремизма является **обострение социально-групповых конфликтов** на основе перераспределения общественной собственности и общественных доходов, в основе которого лежит стремление одних общественных групп резко усилить уровень эксплуатации других общественных групп. Экономические факторы экстремизма складываются в результате перехода определенной социальной системы, или определенной цивилизации в состояние социально-экономического кризиса. Таким образом, экономические и социальные кризисы общественных систем являются социально-экономической почвой экстремизма.

Поскольку любые реформы в принципе изменяют существующие, сло-

жившие социальные отношения, распределение национального дохода, социальные статусы основных социальных групп, постольку любые реформаторские действия власти создают почву для экстремистской деятельности. Причем, сама власть может прибегать к экстремальным средствам и действиям при проведении реформ. Со стороны социальных сил, представляющих политическую оппозицию власти кризис социальной системы и реформаторские действия властей вызывают естественное сопротивление, тем более сильное, чем решительнее действия власти. Поэтому, к основным **политическим** факторам экстремизма следует отнести:

- кризис традиционной системы управления,
- политические и социально-экономические реформы власти в ситуации кризиса,
- обострение политической борьбы, являющееся естественной реакцией общества и особенно политической оппозиции на политический кризис и реформаторские преобразования.

Обобщая социально-экономические и политические причины экстремизма, мы можем сделать вывод, что общей причиной экстремизма является **системный кризис** определенного социально-исторического организма и обострение всех форм социальной борьбы и всех видов внутрисоциальных конфликтов, обусловленное этим кризисом.

Однако для вспышки экстремизма, кроме указанного нами комплекса причин необходим еще определенный **внешний толчок** или **повод**, исполняющий роль спускового механизма или детонатора, обеспечивающего взрыв критической массы необходимых предпосылок экстремизма. Таким поводом в конкретных исторических ситуациях может быть что угодно: неудачное политическое действие или решение властей, техногенная или природная катастрофа, определенный индивидуальный экстремальный инцидент, даже специальный провокационный террористический акт. В критической ситуации систем-

ного социального кризиса, порождающий взрыв экстремизма повод или толчок в той или иной форме происходит независимо от воли и желания участников социального кризиса с такой же вероятностью, с какой происходит взрыв в наполненном взрывчатой смесью помещении, нагретом до критической температуры.

Итак, рассматривая проблему происхождения экстремизма в каждом конкретном случае экстремизма, мы должны выяснять его конкретные социальные причины, анализировать конкретную экстремальную ситуацию, породившую именно данную разновидность экстремизма. Кроме того, рассматривая причины появления экстремизма, мы должны различать **внешние**, социальные причины (т.е. объективно сложившуюся критическую социальную ситуацию) и **внутренние** или личностные причины (т.е. психологические факторы или свойства личности, которые способствуют ее превращению в экстремиста). Причем внешние и внутренние причины следует брать в их взаимодействии, ибо лишь соединение и взаимное обусловливание социальных и психологических причин порождает явление экстремизма. Причины экстремизма вообще при анализе тех или иных специфических форм и видов экстремизма должны быть конкретизированы. Каждый вид экстремизма имеет свои специфические причины, которые и должны быть установлены в каждом конкретном случае.

Очень большую роль в формировании экстремизма играют также и **психологические** причины. К ним относятся чувства и настроения, поведенческие установки, непосредственно мотивирующие экстремистские действия. Ситуация системного социального кризиса, конечно же порождает соответствующие эмоционально-психологические переживания у всех социальных групп. Те социальные группы, которые в результате этого кризиса оказываются перед угрозой социального исчезновения, испытывают постоянное и все усиливающееся состояние психологической фрустрации, вызванное ущемлением их жизненных потребностей.

В результате этой социальной фрустрации возникают сложные амбивалентные чувства, соединяющие в себе, с одной стороны, астенические, негативные чувства подавленности, угнетенности, безысходности, страха, бессилия, с другой стороны, стенические чувства ненависти, агрессии. Этот эмоциональный комплекс способствует формированию экстремистских, радикалистских поведенческих установок, выражающихся в направленности на насильственные, жестокие действия по отношению к «врагам», которые рассматриваются как главная причина всех бедствий.

Экстремистские установки поведения личности характеризуются убеждением, что только **насильственными** жестокими мерами и действиями возможно радикальное исправление нестерпимой ситуации, критического положения, в котором оказалась данная социальная группа. Экстремистские поведенческие установки характеризуются также ослаблением или вообще отключением всяких нормативных запретов, начиная от юридических и заканчивая нравственными.

Экстремистское сознание в целом не только не способно к адекватному пониманию действительности, но и даже не стремится к этому. Понимание реального положения вещей ослабляет веру, расшатывает незыблемость принципов и установок, которых придерживается экстремист. Поэтому экстремизм рекрутирует своих сторонников как из числа прекраснодушных идеалистов, так и в среде негодяев, склонных к преступлениям. Непонимание реального положения вещей, неумение отличать истину от заблуждения и преднамеренной лжи, неспособность видеть различия между подлинным объяснением сути вещей и мастерски выполненными ухищрениями ведет к растерянности перед жизнью, к внутренней опустошенности. Это и является питательной средой для формирования ложных идеалов и устремлений, возникновения нигилизма, цинизма, чувства вседозволенности. На фоне этого возникают извращенные формы удовлетворения потребностей в самовыражении, основанные на ложных идеалах.

Поэтому в экстремистском **политическом поведении** мы можем видеть: в мотивах экстремиста — социально-идеологическую иллюзорность и агрессивность; в целях — иллюзорность и деструктивность; в действиях — иллюзорность и деструктивность, соединенные с извращенной иллюзорной расчетливостью; в результатах — иллюзорность и деструктивность (как для мира и окружающих людей, так и для самого экстремиста, его личности); в самооценке результатов своих действий — не критичность и иллюзорность. Таким образом, во всех элементах экстремистского поведения проявляются две главные общие черты: **иллюзорность** и **деструктивность**. Они позволяют нам определить экстремистское поведение как деструктивную форму иллюзорной социально-преобразовательной деятельности, разрушительной как для личности самого экстремиста, так и для общества в целом.

Экстремистское поведение, основанное на экстремистской идеологии и экстремистских переживаниях, характеризуется следующими особенностями: 1) агрессивная самозащита или защита путем агрессии, 2) «активная жизненная позиция», 3) нравственная вседозволенность в сочетании с нравственным ригоризмом, смещение нравственных ориентиров (или нравственная дезориентация), 4) крайняя жестокость.

Нравственная вседозволенность, снятие всяких нравственных запретов и ограничений в сознании и поведении экстремиста существует по отношению к «чужим», к врагам. По отношению к «своим» и к самому себе, экстремист придерживается строжайшего, ригористического соблюдения собственных нравственных установлений. Такая нравственная амбивалентность, противоречивая двойственность, в поведении экстремиста ведет к нравственной дезориентации.

Для экстремиста зло, причиняемое врагам, становится добром, стирается граница между добром и злом, сами эти нравственные категории становятся условными. При такой нравственной дезориентации экстремист во имя истинной веры оказывается способен на любые экстремальные действия: убийства,

похищения, издевательства, пытки, взрывы различных зданий и сооружений и т.п. В результате для поведения экстремиста становится характерной определенная бесчувственность, жестокость, беспощадность, доходящая до способности самопожертвования ради уничтожения врагов.

ГЛАВА 5. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

5.1. Исторические особенности формирования и развития российской государственности

Многие отечественные и зарубежные ученые отмечают значительное своеобразие исторического развития государственности в России, отличающее ее как от западных, так и от восточных государств. «Русский народ, — писал правовед Н.Н. Алексеев, — имеет какую-то свою собственную интуицию политического мира, отличную от воззрений западных народов и в то же время не вполне сходную с воззрениями народов чисто восточных»¹. Та же мысль подчеркивается и в работах И.Л. Солоневича², Л.А. Тихомирова³, И.А. Ильина и других выдающихся политических мыслителей. Однако многие другие авторы отмечают в развитии российской государственности и большое сходство с общеевропейскими процессами.

Обе эти точки зрения имеют под собой серьезные основания. В то же время нам представляются неправомерными попытки многих классических и современных авторов⁴ выделять в качестве особого случая какую-то уникальную «русскую политическую систему». Политическая система России прошла долгий путь исторического развития и, конечно, несет на себе следы этого процесса (в виде особых традиций, пережитков и т.п.), но эта система на разных этапах своего развития была разной, и говорить о какой-то единой парадигме

¹ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство // Русский народ и государство. М., 1998. С. 69.

² См. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2003.

³ См. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998.

⁴ См., напр.: Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Полис. 2001. № 4. С. 8; Липкин А.И. Российская самодержавная система правления // Полис. 2007. № 3. С. 39; Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4. С. 37.

применительно к разным историческим этапам ее эволюции невозможно. Необходимо, на наш взгляд, проследить в общих чертах именно **историческое изменение** основных форм российской политической системы.

Русское государство возникает во второй половине IX века, приблизительно через полвека после коронавания в Европе папой Львом III Карла Великого на императорский престол. Так же, как и в Европе во главе русского государства становится иноземный князь с воинской дружиной, однако приходит он в восточнославянские земли не завоевателем, а специально **приглашенным**, причем на **договорных условиях** («ряд»), славянскими и финскими племенами, образовавшими государственный союз и имевшими своей столицей Древний Новгород. Весьма характерно при этом, что пригласившие Рюрика (с родом его) древнерусские племена (или, скорее, **гражданские общины**¹) имели уже достаточно сложную социально-политическую структуру, разделение на городское и сельское население, довольно крупные города², в которых уже сложилось местное самоуправление, политические и судебные обычаи и т.д. Иначе говоря, Рюрик прибыл на княжение не в «чисто поле», а в уже сложившийся и достаточно развитый социально-политический организм. Этим и объ-

¹ «Города возникают в VIII-IX вв. как центры племен и союзов племен, выполнявшие различные социальные функции. Они были средоточиями ремесла и торговли, но все-таки важнейшими были политическая и оборонительная функции, в них находились главные религиозные святыни и кладбища («капища» и «требища»). В основе социального устройства городов лежала община. Древнейшие города и возникали в результате общинного синойкизма — слияния нескольких общинных поселений. Уже от древнейшего периода до нас дошли сведения о высоком статусе города, о правительственных функциях русских городов — Киева, Чернигова, Новгорода, Полоцка и др.» (История России от древнейших времен до начала XX в. / Под ред. И.Я. Фроянова. Пособие для абитуриентов. СПб., 1992).

² «Русь ... являлась частью византийского мира, кроме того что она была непосредственно связана с торговлей с Востоком. Хотя ... сельское хозяйство являлось таким же важным элементом русской экономики, как и торговля, социальное значение его становления отличалось от западного, поскольку эти две сферы деятельности на Руси были более тесно связаны, особенно в форме оживленной торговли зерном. В любом случае, в Киевской Руси, как в Византии, монетарная экономика превалировала над натуральным хозяйством. И, в отличие от Запада, не феодальное поместье, а город был главным фактором экономической и социальной эволюции страны» (Вернадский Г.В. Киевская Русь // <http://www.gumilevica.kulichki.net/VGV/index.html>1948).

ясняется, с одной стороны, быстрое обрусение варягов Рюрика, а, с другой — полное отсутствие какой-либо германской (скандинавской) политической терминологии в Древней Руси — вся она носит местный, **славянский** характер.

Сопоставляя эти два разных способа возникновения государства (западноевропейский и русский), историк Е.Ф. Шмурло писал следующее. «Там целое племя овладевало территорией, захватывало власть, присваивало себе земельные богатства и, поработив туземное население, лишив его прав и свободы, становилось в положение привилегированного класса победителей, причем новая аристократия обыкновенно резко отграничивала себя законами и правами от побежденных ... Такого завоевания и захвата чужого, такой аннексии, как выразились бы в наше время, отнюдь не было на Руси прежде всего потому, что здесь некому было завоевывать в западноевропейском смысле: варяжский элемент — эти дрожжи — лишь скрепил русские племена и не замедлил растаять в том тесте, которое он поднял ... Объединение русских племен первыми князьями, по существу, не столько завоевание, сколько простое выяснение, в каких этнографических границах предстояло в дальнейшем действовать и проявляться княжеской власти»¹.

Роль князя с его боевой дружиной в древнерусском государстве была строго определена, и он правил местным населением совместно с **городскими вече** и избиравшимися ими «**старцами градскими**»² (или «земскими боярами»). С этими **демократическими** (то есть избиравшимися **снизу**) органами власти древнерусский князь и делил власть. Но, помимо этого князь имел право

¹ Цит. по: Еремян В.В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века). М., 2003. С. 121.

² «В летописных сообщениях старцы градские выступают в качестве полномочных руководителей общества, с которыми князья вынуждены были считаться. Даже во второй половине X в., переломное время княжения Владимира, они еще участвовали в управлении и влияли на ход событий. Старцы-советники принимали участие в княжеской думе, княжеских пирах, которые выполняли важную социальную функцию — общения населения с князем. Старцы градские — племенная знать, которая занималась гражданскими делами» (История России от древнейших времен до начала XX в. / Под ред. И.Я. Фроянова. Пособие для абитуриентов.

и на назначение своих должностных лиц, назначавшихся им бюрократически — **сверху**. Иначе говоря, первоначальная политическая система, возникшая на Руси после приглашения Рюриковичей, была именно **смешанная**, сочетавшая в себе и **бюрократическое** (княжеское) и **демократическое** (вечевое) начала.

Наиболее краткое и емкое описание этого строя мы находим у И.А. Ильина. «Летописи сохранили нам, — пишет он, — множество свидетельств о том, что во многих, если не во всех, городах русского расселения жители этих городов сходились на вечевые собрания ... Участвовать в этих собраниях могли все свободные граждане, не состоящие ни под отеческой властью, ни в наемной или кабальной зависимости; это участие было личное, без представительства; оно было правом, а не обязанностью и не сопровождалось переключкою. На вече могли присутствовать: князь, духовенство, посадник, тысяцкий, бояре, купцы и меньшие люди — черные смерды и даже «худые мужики». Вече созывалось по мере надобности, иногда самим князем, иногда посадником, иногда по инициативе частной группы горожан — колоколом или бирючами. ... Созывающий давал тему для обсуждения. Голосов не подсчитывали: искали единогласия: «еже быти и стати за един». Если единогласие не давалось сразу, то дрались до тех пор, пока оно не устанавливалось (это испытывалось, как своего рода «поле» или «суд Божий») ...

Компетенция вечевого собрания, — продолжает И.А. Ильин, — была обширна и неопределенна. Оно избирало князя и устанавливало с ним договорное соглашение («ряд»): оно выбирало князя иногда без оговоренного срока, иногда пожизненно, иногда и потомственно. После «ряда» князь и вече «целовали крест» друг другу. Это крестоцелование не обеспечивало верность народа, который по недовольству князем восставал и изгонял его. Суд и управление принадлежали князю, иногда и его заместителю (посаднику), однако вече вмешивалось нередко и в суд, и в управление. Войну князь мог объявить и от

себя и тогда вел ее набранным войском и за свой счет; но войну могло объявить и вече — и тогда город поднимал свое ополчение под начальством князя и тысяцкого. ... Однако бывало часто еще и так, что князь садился править не по выбору веча, а вследствие назначения от великого князя или вследствие победы и завоевания города. Выбирались же князья из состава единой правящей династии, соблюдавшей, независимо от веча, свою очередь родового старшинства и решавшей вопрос «удела» то взаимным соглашением, то взаимной уособицей. А так как «город без князя» был явлением краткосрочным и преходящим, лишенным суда, управления и дружины, то надо признать, что государственный строй Древней Руси сочетал в себе черты республиканские с чертами монархическими. Беспристрастный историк, — заключает И.А. Ильин, — определит древнерусский «город», как монархию, ограниченную непосредственным народоправством»¹.

На основании этих данных мы и определяем первоначальную древнерусскую государственную систему как **смешанную**, сочетающую в себе и демократические и монархо-бюрократические начала.

Вторым оригинальным отличием возникновения русской государственности было то, что на княжение был приглашен (если верить летописи), не Рюрик единолично, но **весь его род**. Впоследствии именно из разросшегося очень быстро рода Рюрика и формировалась Великая и удельная **княжеская власть**. И этот разросшийся род образовал одновременно и первое на Руси **высшее правящее сословие**. Никто, кроме рюриковичей не мог именоваться князем и претендовать на верховную власть в государстве. Князем можно было только **родиться**.

Таким образом, первым **привилегированным** сословием на Руси были именно князья, князья-рюриковичи, составлявшие единый род. И других со-

¹ Ильин И.А. Когда Россия была республикой? // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг. В 2-х т. Т. 1. М., 1992. С. 229-230.

словий поначалу не было, вернее, все остальные граждане составляли одно сложное сословие «людей». Древнерусское общество, поэтому, можно определять и как **двухсословное**). Последнее не означало, впрочем, что это общество было и **бесклассовым**. В нем существовало и развивалось традиционное для обществ аграрного типа деление на классы — свободных крестьян и несвободных холопов, горожан, состоявших, в свою очередь, из ремесленников, купцов, крупных землевладельцев и т.д., но эти классы еще не представляли собой особых сословий. Юридически, любой член древнерусского общества мог подняться или опуститься в любой его слой (класс), но эти перемещения не закреплялись за ним и его потомками пожизненно (навечно).

Современные российские историки определяют этот социально-политический строй несколько неопределенно — как «**дофеодальный**»¹. На наш взгляд, этот социально-политический строй можно было бы определить и как **раннесословный**.

Важнейшую после князей роль **в политической системе** древнерусского общества играли **бояре**, так как именно они изначально составляли кружок ближайших политических советников князя — «боярскую думу». По мнению некоторых историков, германское звание «барон» и русское — «боярин» происходят от одного и того же корня и означают буквально «воинственные мужи», «люди войны»². Однако на Руси бояре первоначально не имели той власти и влияния, которыми обладали бароны в Западной Европе. И, в частности, они были не одного сословия с русскими князьями. Боярин Олег, например, бывший, по утверждению летописи, даже и «родичем» Рюрика (может быть, со стороны жены последнего) и фактически правивший государством при его ма-

¹ История России от древнейших времен до начала XX в. / Под ред. И.Я. Фроянова. Пособие для абитуриентов. СПб., 1992.

² См. Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX вв. М., 1991. С. 43.

лолетнем сыне Игоре, даже и не пытался захватить власть по смерти Рюрика, а только сохранил ее и передал затем полностью Игорю. Бояр же рюриковых, также уже фактически правивших в Киеве, люди Олега просто убили. «Когда же Аскольд и Дир пришли, — рассказывает первоначальная летопись, — выскочили все остальные из ладей, и сказал [Олег] Аскольду и Диру: «Не князя вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», и показал: «А это сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли Аскольда на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор ...»¹.

Однако боярами на Руси первоначально считались, по-видимому, не только дружинники князя, но и знатные люди из самих горожан. «Вопрос о том, кого считать членом («боярином») высшего княжеского совещательного органа — боярской думы, — пишет В.В. Еремян, — на протяжении многих лет представляет собой одну из дискуссионных проблем отечественной историографии древнерусского государства и права. Например, одни ученые указывают на неопределенность и, по существу, случайный характер состава боярской думы ... Другие авторы дифференцированно подходят к определению того древнего института, который принято называть «боярством». Так, говоря о составе боярской думы, исследователи, разделяющие подобную точку зрения, считают, что членами этого древнерусского органа являлись военные, гражданские и религиозные деятели: во-первых, высшие служилые люди — бояре, во-вторых, наиболее авторитетные и уважаемые представители городского (земского) сообщества — старцы градские или старейшины и, в-третьих, высшие духовные иерархи — епископы и игумены крупнейших православных центров, соответствующей земли ... В XII веке эти две группы смешались под общим названием «бояре»².

Следует обратить внимание и на то, что, в отличие от князей, русские бо-

¹ Повесть временных лет // Древнерусская литература. М., 1997. С. 21-22.

² Еремян В.В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века). М.,

яре не образовывали внутренне замкнутого сословия, так как через службу в княжеской дружине доступ к боярству был открыт любому способному человеку, по крайней мере, де-юре. «Боярство на Руси, — пишет в Е.Ф. Шмурло, — не было привилегированной корпорацией: боярином мог стать каждый по личным качествам или заслугам. Не то на Западе. Завоевание и порабощение туземного населения создало там военно-земледельческую аристократию, которая отгородилась от остальных привилегиями, возведенными в степень закона. На Руси преобладающее положение бояр опиралось на фактическое существование такого преобладания, что всегда могло измениться; на Западе же тамошний феодал и сеньор опирались на свои **юридические права**»¹.

В этой связи большой интерес представляет ответ на вопрос, когда же именно и бояре на Руси превращаются в особое (и второе после князей) привилегированное государственное сословие? К сожалению, этот вопрос очень плохо прояснен российскими историками, обращающими больше внимания на экономические, а не юридические процессы. Судя по имеющимся у историков данным, этот процесс завершается на Руси очень поздно (по сравнению с Западной Европой) — только к середине XVII века.

Домонгольская Русь так и не сложилась в единое централизованное государство. Более того, она была очень быстро (после Ярослава Мудрого) «растущена» множеством князей (так же, как и государство Карла Великого в Европе) на отдельные автономные уделы, которые тоже продолжали дробиться по мере размножения рода князей-рюриковичей. К середине XII в. на Руси существовало уже 15 княжеств, а к началу XIII в. их было уже около 50-ти. Известный историограф Д.И. Иловайский справедливо писал по поводу Руси домонгольского периода: «Что такое была Русь в эпоху предтатарскую? Собрание земель,

2003. С. 182.

¹ Цит. по: Еремян В.В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века). М., 2003. С. 107.

более или менее обособленных, имевших во главе разные ветви одного княжеского рода, которые успели приобрести значение местных династий, за исключением Великого Новгорода и стольного Киева. Сии последние получали князей из той или другой ветви, смотря по обстоятельствам, следовательно, оставались, так сказать, в общем владении потомков Владимира Великого. Киев сохранял еще значение средоточия в церковном и вообще гражданском отношении ... Следовательно, в данную эпоху Русь почти не имела политического средоточия. Историк может наблюдать в ней то же самое явление, какое видим и в других странах, когда они представлены самим себе, т. е. когда над ними не тяготеет сильное внешнее давление: естественным путем, чувством самосохранения начинает выработываться некоторая система политического равновесия. Если какое-либо княжение слишком усиливалось и начинало теснить соседей, то вызывало против себя союзы других князей. Союзы эти часто видоизменяются и усложняются; но в конце концов обыкновенно успевают отстоять политическое существование отдельных земель и препятствуют упрочению какого-либо могущества, опасного для их самостоятельности»¹.

Конец этой удельной системе был положен монгольским нашествием. Древнюю Русь расчленили и включили по частям в свои владения Золотая Орда, Великое княжество Литовское и Польша. В Северо-Восточной Руси, вошедшей в качестве особого улуса в Золотую Орду, русские князья продолжали соперничать за Великое княжение Владимирское, право на которое, однако, определялось теперь **царским** (ханским) ярлыком, а не старшинством в роде рюриковичей. Тем самым оригинальная (лествичная) родовая система наследования верховной власти на Руси была окончательно подорвана. «Положение русских князей под властью Орды, — отмечают В. Кобрин и А. Юрганов, — было близко к вассальному (сохранение власти, территории, значительная сво-

¹ Иловайский Д.И. История России. Становление Руси. (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996. С. 449.

бода действий внутри страны), но формы, в которых проявлялась зависимость, были значительно более суровы и уже напоминали подданство. Так, хан не только мог приговорить русского князя к смертной казни, но и привести приговор в исполнение самым унижительным образом (Михаил Ярославович Тверской был выведен на торговую площадь в Орде закованным в колоду и поставлен на колени). Внешние формы почтения, которые русские князья были обязаны демонстрировать ордынским князьям, достаточно далеки от западноевропейского оммажа. Насколько унижительны были эти формулы преданности, видно даже по их реликтам в XV в. Крымский хан Менгли-Гирей был реальным союзником Ивана III, но никогда не являлся его сюзереном. И тем не менее в марте 1474 г. В грамоте Ивана III Менгли-Гирею читаем: «... князь велики Иван челом бьет: прислал еси ко мне своего посла Ази-Бабу, а приказал еси ко мне с ним свое жалованье ... жалючи мене братом себе и другом назвал еси». Едва ли под властью Орды могли свободно развиваться дружинные отношения, ведь князья сами были «служебниками» монгольских ханов. Русские князья, обязанные в новых условиях беспрекословно выполнять волю Орды, не могли уже примириться с независимостью старшей дружины, с ее былыми правами»¹.

В конце концов гегемонию на Владимирской Руси захватили Московские князья (сумевшие стать фаворитами в Орде), под властью которых и началось «собрание» древнерусских земель в единое, теперь уже **московское царство**. Однако только при Иване Грозном (1530-1584) власть князей-рюриковичей и их особый юридический статус были окончательно подорваны, и князья перешли, таким образом, на то же государственное положение, что и «простые» бояре. Но начался этот процесс еще с реформ Ивана III (1440-1505), которого можно признать уже **первым царем**, а не Великим князем, и уже не Руси, а

¹ Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 57.

России. Князья утрачивали свой статус постепенно, параллельно с утверждением в России самодержавного **русского** (теперь уже не татарского) **царя**. «С этим же связано то, — отмечают историки, — что боярин вплоть до середины XV в. резко противопоставлялся князю: князь, лишившийся своей «волости» или по крайней мере прав на нее и перешедший на службу к другому князю, автоматически теряет титул (Всеволожские, Фоминские и т.д.). Словосочетание «боярин князь», типичное для XVI-XVII вв., было редким во второй половине XV в. и абсолютно невозможным раньше»¹.

Князья до Ивана III были одного сословия с Великим князем, а бояре были лишь (вольными) **слугами** князей. Теперь же и князья переходят в категорию слуг московского царя («**холопов**» на языке того времени). Но боярский статус юридически никак не был закреплен и в этой новой политической системе, и, соответственно, не бы закреплен и новый статус князей. Более того, начиная с Ивана III, в России быстрыми темпами формируется и еще один правящий слой служивых людей — дворяне, которые начинают соперничать в борьбе за власть и с боярами, и с князьями. Иван Грозный в 1572 году вводит новый чин **думных дворян**. При нем же начинает формироваться и еще одно привилегированное сословие — **казаков**, которые вскоре проявят свои политические амбиции в событиях Смуты начала XVII века. Но явного юридического оформления этих сословий так и не возникает.

После Федора Иоанновича, последнего сына Грозного, царем становится (по решению Великого Собора всей Земли) «простой» боярин Борис Годунов, а не кто-либо из князей-рюриковичей (например, кто-нибудь из Шуйских). И это было, по-видимому, одной из причин возникновения последующей Смуты, которая показала всему российскому обществу необходимость юридического урегулирования вопроса о праве на власть и управление страной. Такое урегу-

¹ Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 58.

лирование и означало создание в России **сословной системы**.

Вероятнее всего, сословие бояр получает свое самое первое **юридическое** оформление (то есть становится сословием в точном смысле этого слова) только в середине XVII века, одновременно и со всеми остальными сословиями, и закрепляется сословное деление общества только Соборным Уложением 1649 года¹, принятым при царе Алексее Михайловиче (1629-1676) под влиянием голландских и польских порядков. Именно в этот момент Россия «догоняет» Запад в своем социально-политическом развитии.

Петр I придает сословному делению общества уже окончательную и очень жесткую юридическую форму, которую доводит затем до апогея Екатерина II. «Реформы 1775-1785 годов, — подытоживает законодательство Екатерины II В.В. Еремян, — завершили длившийся несколько веков процесс формирования в России феодальных сословий с характерным для каждого из них «особого **юридического** места в государстве». Первенствующим сословием было привилегированное **дворянское** сословие, совпадавшее с господствующим феодальным классом — помещиками и получившее свою сословную организацию в форме дворянской местной корпорации и ее органов.

С классом совпадало и другое основное феодальное сословие — **крестьянство**. Оно распадалось на несколько феодальных сословных групп — помещичьи, государственные, удельные, монастырские, — находилось в феодальной зависимости от своих «владельцев» (помещиков, государства, императорской фамилии, церкви) и в тяглом отношении к государству.

Относительно привилегированным сословием было и **духовенство**, представители которого имели самое различное классовое происхождение (от помещиков-дворян до крестьян). Духовенство не только обслуживало церков-

¹ Еремян В.В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века). М., 2003. С. 281.

ную организацию, но и пополняло, наряду с дворянством, бюрократический аппарат. ... Сословное деление общества, — подчеркивает В.В. Еремян, — сохранялось в России до 1917 года и отражалось (даже в начале XX века) на государственном строе страны»¹. Необходимо, впрочем, дополнить это описание тем, что к числу особых и относительно **привилегированных** сословий относилось в России также и **казачество**.

Из всех установленных к этому периоду в России сословий наиболее трудно поддавалось юридическому закреплению население **городское** (по-европейски — «буржуазное»), в социальном отношении — самое подвижное и динамичное. «Несмотря на сословную консолидацию и формирование, особенно с начала XVIII века, сословных органов, — отмечает в этой связи В.В. Еремян, — **городское** сословие представляло собой «рассыпанную храмину», включавшую в свой состав различные социальные группировки, отличавшиеся не только по своему имущественному, но и юридическому положению (купцы, посадские, городская беднота). С разложением крепостного строя и формированием капиталистического уклада именно в недрах этого сословия формируются первые буржуазные и пролетарские элементы. Во второй половине XVIII века значение приобретают «люди разного чина и звания» — существовавшие и ранее **разночинцы** — межсословная категория населения, выходцы из разных сословий и оторвавшиеся от своей социальной и сословной среды»¹.

Необходимо отметить, что именно в тот момент, когда Россия окончательно догнала в социально-политическом отношении Европу, введя в русском обществе аналогичное европейскому социально-политическое **сословное деление** его членов, в Европе и разражается вдруг Великая французская революция, уничтожающая сословное деление и устанавливающая **бессословное, гражданское** общество. Россия, в результате этих событий, опять оказывается

¹ Еремян В.В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века). М., 2003. С. 381.

(по отношению к Европе) страной **отсталой**, с архаичными общественными отношениями. Частично этот отсталый строй модернизируется затем в результате реформ 1860-х годов Александра II, «освободившего» крестьян (а, по сути, только приравнявшего их по статусу к **сословию горожан, но не дворян и не духовенства**). Но полностью сословное деление общества уничтожается в России только в революции 1917 года.

Таково было **структурное** историческое развитие российского социально-политического строя (политической системы).

Что же касается эволюции демократических и бюрократических начал государственного управления в России, то здесь необходимо отметить, что после развала Киевской Руси и подчинения Северо-Восточной Руси правителям Золотой Орды, в Великом Новгороде возобладал **демократический** (выборный снизу) тип государственного управления, а во всех остальных княжествах (не без влияния монголов) преобладание получает тип **бюрократический**. «Как это ни кажется парадоксальным, — замечает Г.В. Вернадский, — монгольский период отличался расцветом демократических институтов в северорусских городах-государствах Новгороде и Пскове, несмотря на факт номинальной власти монгольских ханов в Северной Руси и того, что великий князь московский чаще избирался, нежели не избирался новгородским князем»². Однако после завоевания Новгорода Иваном III, заложившим основы сильной централизованной бюрократии, именно бюрократический тип становится в московском государстве **господствующим**³.

¹ Там же.

² Вернадский Г.В. Киевская Русь // <http://www.gumilevica.kulichki.net/VGV/index.html> 1948.

³ «Московское самодержавие, — отмечал Г.В. Вернадский, — родилось не из какой-то предполагаемой врожденной симпатии «русской души» к автократии, но из жесткой необходимости организации военной силы, достаточной для низвержения монгольского ига и обеспечения контроля над территорией, слишком большой для стратегической защиты. В пятнадцатом и шестнадцатом столетиях Московия стала военным лагерем. Усилия как правителей, так и народа сконцентрировались на обороне. Политическая свобода была принесена в жертву во имя национального спасения» (Вернадский Г.В. Киевская Русь // <http://www.>

Эту же линию на создание бюрократического государственного аппарата продолжал и его сын — Иван Грозный¹. Однако классическую форму бюрократического (абсолютистского) государства создает в России только Петр I². А пик ее развития приходится на царствование Николая I (1796-1855). После чего начинается (в условиях реформ Александра II) процесс **демократизации** государственного управления (процесс создания местного, **выборного** земского самоуправления и независимых судов присяжных). Предреволюционного пика демократизация государственного управления достигает при Николае II (1868-1918), который был вынужден допустить рядом со своей администрацией **Государственную Думу**. В этот же период достигает пика и процесс **либерализации** российской государственной идеологии и внутренней политики. Царь был вынужден даровать народу относительную **свободу прессы** и свободу деятельности **политических партий**.

Однако слишком медленный, по мнению тогдашнего российского общества, процесс реформирования государственного управления, сопровождаемый попытками царя повернуть этот процесс вспять, приводит в конце концов к **революционному взрыву**, стремящемуся завершить социально-политические преобразования «одним махом». В 1917-1921 гг. Россия погружается в пучину хаоса и гражданской войны.

Идеологическое размежевание российского общества, проявившее себя в

gumilevica.kulichki.net/VGV/index.html1948).

¹ «Писари же наши русския, — писал его оппонент князь Курбский, — им же князь великий зело верит, а избирает их не от шляхецкаго роду, ни от благородна, но паче от поповичев или от простаго всенародства, а то ненавидячи творит вельможей своих ...» (Цит. по: Замалеев А.Ф. Учебник русской политологии. СПб. 2002. С. 35).

² «О земском соборе, — пишет В.О. Ключевский, — в котором прежде видели основной источник права, когда государство оставалось без государя, теперь не было и помина: недавнее прошлое успело стать давно забытой стариной, хотя еще сам Петр был избран на престол чем-то вроде земского собора. При Петре не принято было говорить о земском соборе, и только чудак Посошков сделал Петру запоздалое напоминание о созыве всех чинов для составления нового уложения» (Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3. М., 1993. С. 106).

начале XX века в ходе революции и гражданской войны, впервые формируется в относительно либеральных условиях, возникших после реформ Александра II и позволивших образованному русскому обществу впервые открыто формулировать и выяснять свои идеологические установки. В этих условиях выяснилось, что общественное мнение страны было расколото на два основных лагеря — **консервативный** и **модернистский**.

Консерваторы второй половины XIX в. оставались в идеологических рамках теории **«официальной народности»**. **Самодержавие** объявлялось ими важнейшим устоем государства, обеспечивающим величие и славу России. **Православие** провозглашалось основой духовной жизни народа и активно насаждалось. **Народность** означала единение царя с народом (а не с высшими сословиями). Консерваторы настаивали также на **своеобразии исторического пути** России, не требовавшем, по их мнению, повторять тот путь развития, который демонстрировала после Великой французской революции Европа. Поэтому они выступали против проведения либеральных реформ 1860-1870-х годов, а в последующие десятилетия добивались пересмотра их результатов. В **экономической** сфере они выступали за неприкосновенность частной собственности, сохранение помещичьего землевладения и крестьянской общины. В **социальной** области они настаивали на укреплении позиций дворянства — основы государства и сохранении сословного деления общества. Основной мишенью для их критики стала теория и практика «нигилистов», отрицавших традиционные моральные принципы¹. Идеологами консерваторов были К.П. Победоносцев, Д.А. Толстой, М.Н. Катков, издававший газету «Московские ведомости» и др.

Модернистское же идеологическое направление делилось на два основных течения — **либеральное** и **народническое**.

¹ Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М., 2003. С. 275.

Социальную основу **либерального** направления составляли обуржуазившиеся помещики, часть буржуазии и интеллигенции (ученые, писатели, журналисты, врачи и др.). Они отстаивали идею об общем с **Западной Европой** пути исторического развития России. Во внутривластной области либералы настаивали на введении **конституционных начал**, демократических свобод и продолжении реформ. Они выступали за создание общероссийского **выборного органа** (Земского собора), расширение прав и функций местных органов **самоуправления** (земств). Политическим идеалом для них была **конституционная монархия**. Либералы выступали за сохранение сильной исполнительной власти, но призывали провести мероприятия, способствующие становлению в России правового государства и гражданского общества. В социально-экономической сфере они приветствовали развитие **капитализма** и свободы предпринимательства, выступали за сохранение частной собственности, понижение выкупных платежей. Они требовали также ликвидировать **сословные привилегии** и признать неприкосновенность личности и ее право на свободное духовное развитие. При этом либералы стояли за **эволюционный** путь развития, считая **реформы** главным методом социально-политической модернизации России. Поэтому их общественная деятельность состояла в основном в подаче на имя царя «адресов» — ходатайств с предложением программы преобразований. Идеологами либералов являлись ученые, публицисты, земские деятели (В.А. Гольцев, П.А. Долгоруков, К.Д. Кавелин, Ф.И. Родичев, Б.Н. Чичерин, Д.И. Шаховской и др.). Их организационной основой были земства, журналы («Русская мысль», «Вестник Европы») и научные общества¹.

Наиболее же энергичным и динамичным оказалось в России конца XIX века идеологическое течение **народничества**. Представители этого течения, в отличие от консерваторов и либералов, стремились к **революционным** мето-

¹ Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М., 2003. С. 275-276.

дам преобразования России и коренному переустройству общества. Поэтому в самой России могли существовать только **тайные** их организации. Теоретики этого направления, как правило, были вынуждены эмигрировать и действовать за границей. При этом в народническом направлении вначале господствующее положение занимало течение, выступавшее за признание особого, **некапиталистического** пути развития России и существование в ней «общинного социализма». Вождями этого движения были А.И. Герцен, издававший в Лондоне журнал «Колокол», и Н.Г. Чернышевский, сотрудничавший в журнале «Современник». Издававший в России Н.А. Некрасовым. В 1862 г. Н.Г. Чернышевский был арестован, приговорен к каторге и сослан в Сибирь.

На основе программных работ этих двух выдающихся идеологов народничества в России сформировалось и окрепло течение **революционного народничества**, в котором, в свою очередь, выделилось три основных направления — **анархистское** (М.А. Бакунин), делавшее ставку на **стихийный** мужицкий бунт; **агитационное** (П.Л. Лавров), считавшее необходимым предварительную идеологическую подготовку народа к восстанию с помощью «критически мыслящих личностей», и **заговорщическое** (П.Н. Ткачев), призывавшее к созданию революционных «штабов» будущей революции. Однако все эти направления обращали свое внимание в основном на русских **крестьян** — носителей, по их мнению, идеологии «стихийного общинного социализма».

Неудачи народников, действовавших **террористическими** методами, в попытках поднять крестьянские массы на восстание против самодержавного строя, привели, с одной стороны, к выделению из них **либерального народничества**, заявившего о неприятии насильственных методов борьбы и призывавшего к проведению **реформ** для постепенного улучшения жизни народа. Основным направлением своей деятельности они избрали культурно-просветительскую работу среди населения (теория «малых дел»). С этой целью

они использовали печатные органы (журнал «Русское богатство»), земства и различные общественные организации. Идеологами либеральных народников были Н.К. Михайловский, Н.Ф. Даниельсон, В.П. Воронцов и др.

Но, с другой стороны, часть народников, разочаровавшись в революционном потенциале крестьянства, обратилась к другому низшему классу русского общества — **пролетариату**, увидев именно в нем основную движущую силу грядущих революционных преобразований. Идеологией этого течения общественной мысли стал **марксизм**. Лидерами этого течения в России стали Г.В. Плеханов, В.И. Засулич, Л.Г. Дейч и др. В 1883 г. в Женеве была образована группа «Освобождение труда». Ее программа включала в себя: полный разрыв с народничеством и народнической идеологией; пропаганда марксизма; борьба с самодержавием; создание рабочей партии. Важнейшим условием социального прогресса в России они считали **буржуазно-демократическую** революцию, движущей силой которой будут городская буржуазия и пролетариат. Крестьянство они рассматривали как **реакционную** силу общества, как политический антипод пролетариату.

Это направление политической мысли присвоило себе название **социал-демократов**. С появлением на политической арене В.И. Ульянова (Ленина) и Ю.О. Цедербаума (Л. Мартова), социал-демократы раскалываются на **большевики** (В.И. Ленин), требовавших жесткой организации движения и применения самых решительных методов борьбы с самодержавием, и **меньшевики** (Л. Мартов), допускавших больше либерализма в организации партии и призывавших «не торопить события».

Все эти идеологические направления и течения отражали основные особенности социальной структуры предреволюционной российской империи, которая характеризовалась следующими параметрами.

Главное привилегированное сословие России составляли **дворяне** (1,4% населения). Они занимали ключевые посты в центральных и местных органах

власти, владели большим земельным фондом и играли заметную роль в сельском хозяйстве.

Духовенство (0,5%) было вторым привилегированным сословием. Оно не платило податей, не несло воинскую повинность, но располагало значительным имуществом: 2 млн. десятин земли, дома, больницы, приюты, типографии и т.д. Духовенство идейно обслуживало самодержавие и следило за моральным состоянием общества.

Свои привилегии имело и **казачество** (2,5%) — военнотрудовое сословие. В казачьих округах было развито местное самоуправление. В свободное от несения службы время казаки обрабатывали землю (по 30 десятин на 1 душу мужского пола). Они пользовались бесплатным медицинским обслуживанием и обучением.

Особая роль принадлежала в России **чиновничеству**. Но оно было неоднородным по своему имущественному положению и роли в государственной жизни. Оклады высшей бюрократии (министры, сенаторы, губернаторы и т. д.), тяготевших к дворянской верхушке, намного превосходили заработок мелких служащих, приближавшихся по своему положению к пролетариату.

Буржуазия была невелика (1,5 млн. из 160 млн. всего населения) и в политической системе России она не играла значительной роли. Крупная буржуазия поддерживала самодержавие, средняя была настроена либерально и выдвигала проекты умеренных преобразований.

Крестьяне являлись самым многочисленным (около 77% населения) и наиболее бесправным сословием. До аграрной реформы 1906-1910 гг. они не могли свободно распоряжаться своими наделами и платили выкупные платежи, подвергались телесным наказаниям (до 1905 г.), на них не распространялся суд присяжных. 3% крестьян составляли сельскую буржуазию («**кулачество**»), около 15% были **зажиточными** (середняками). Последние занимались не только сельским трудом, но и ростовщицеством и мелкой торговлей в деревне. Ос-

новная же масса вела общинное натуральное хозяйство и служила источником наемной рабочей силы в деревне и городах.

Пролетариат к 1913 г. составлял около 19% населения. Он формировался за счет выходцев из беднейших слоев всех сословий (в основном из крестьян и мещан). Условия труда и быта рабочих были очень тяжелыми: самая низкая заработная плата (21-37 рублей), самый продолжительный рабочий день (11-14 часов), плохие жилищные условия. Экономические интересы рабочих фактически никто не защищал, так как до 1906 г. не было профессиональных союзов.

В условиях модернизации страны значительно увеличилась и **интеллигенция** (ученые, писатели, юристы, врачи, художники, артисты и др.). Этот слой пополнялся за счет выходцев из всех сословий и не имел общих политических интересов¹.

Таким образом, **консервативная** идеология выражала интересы **господствующей верхушки** российского общества конца XIX века (земельного дворянства, духовенства и высшего чиновничества, крупной буржуазии), **либеральная** идеология отражала интересы и настроение его **средних**, наиболее динамичных, слоев (мелкого дворянства, мелкой городской и сельской буржуазии, разночинной интеллигенции и мелкого чиновничества); **народническая** идеология выражала интересы его **низших слоев**, состоявших преимущественно из **крестьянства**; а **социал-демократическое марксистское** направление отражало интересы **растущего пролетариата** и примыкавших к нему слоев.

Именно эти основные политические силы и стали главными действующими субъектами российской политики после того, как в Российской империи были допущены легальные политические партии. После революции 1905 года в России был создан первый представительный орган (Государственная дума), и государственное устройство страны стало приближаться к европейской парла-

¹ Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М., 2003. С. 291-293.

ментской монархии. Представители **либеральной** идеологии образовали партию **кадетов** (1905 г.), **народническое** направление создало партию **эсеров** (1902), **марксистские** направления образовали партию **социал-демократов** (1903), разделенную на **большевиков** (Ленин) и **меньшевиков** (Мартов и Плеханов), а консервативное направление создало ряд менее влиятельных партий — от **октябристов** (1905) и **прогрессистов** (1912) до различных националистических групп **черносотенцев**, так и не сумевших создать единой организации.

На первом этапе Февральской революции 1917 года монархисты и черносотенцы потерпели полный провал, и лидерство в государственном управлении захватили **кадеты** (П.Н. Милюков, А.И. Гучков). Однако эсерам и социал-демократам удалось создать в столице параллельный орган власти — Петроградский Совет, и в условиях неудачи правительства в управлении страной кадеты были вынуждены в мае 1917 г. вступить в коалицию с **эсерами** (А.Ф. Керенский) и **меньшевиками** (И.Г. Церетели). В новое правительство вошли б меньшевиков и эсеров. Однако часть эсеров («левые эсеры») перешли в оппозицию к Временному правительству и соединились в своих требованиях с большевиками. Против этого объединения Временным правительством в начале июля 1917 года были направлены репрессии.

25 октября 1917 года в Петрограде открылся II Всероссийский съезд Советов, в котором у большевиков было большинство, и более 100 мандатов имели представители левых эсеров. В ночь перед открытием заседания съезда большевики арестовали Временное правительство¹ и передали власть Съезду

¹ «Наиболее важными событиями, ускорившими Октябрьское восстание, — писал И.В. Сталин, — явились: намерение Временного правительства (после сдачи Риги) сдать Петроград, подготовка правительства Керенского к переезду в Москву, решение командного состава старой армии перебросить весь гарнизон Петрограда на фронт, оставив столицу беззащитной, и, наконец, лихорадочная работа старого съезда, во главе с Родзянко, в Москве — работа по организации контрреволюции. Все это в связи с возрастающей хозяйственной разрухой

Советов, который сформировал новое правительство — Совет Народных Комиссаров (СНК) во главе с В.И. Лениным, и новую постоянно действующую представительную власть — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) во главе с Л.Б. Каменевым. Эти новые органы государственной власти — Съезд Советов, ВЦИК, СНК — и стали основными органами новой — **советской** — политической системы России.

В условиях разразившейся в 1918 году гражданской войны и начавшейся после окончания Первой мировой войны интервенции стран Антанты, США и Японии в Россию, политический режим молодой советской республики по необходимости принял **мобилизационный, военный** характер. Но после окончания войны и отпора интервентам происходит значительная **либерализация** режима, получившая название НЭПа («новой экономической политики», объявленной В.И. Лениным). Однако все политические партии (в том числе и левые эсеры) в ходе войны так или иначе скомпрометировали себя антипатриотической или антиправительственной деятельностью¹ и поэтому были запре-

и нежеланием фронта продолжать войну определило неизбежность быстрого и строго организованного восстания, как единственного выхода из создавшегося положения» (Сталин И.В. Октябрьский переворот. Сочинения. М., 1953. Т. 4. С. 152).

¹ Сталин объяснял это следующим образом: «Когда большевики пришли к власти, они сначала проявляли по отношению к своим врагам мягкость. Меньшевики продолжали существовать легально и выпускали свою газету. Эсеры также продолжали существовать легально и имели свою газету. Даже кадеты продолжали издавать свою газету. Когда генерал Краснов организовал контрреволюционный поход на Ленинград и попал в наши руки, то по условиям военного времени мы могли его по меньшей мере держать в плену, более того, мы; должны были бы его расстрелять. А мы его выпустили «на честное слово». И что же? Вскоре выяснилось, что подобная мягкость только подрывает крепость Советской власти. Мы совершили ошибку, проявляя подобную мягкость по отношению к врагам рабочего класса. Если бы мы повторили и дальше эту ошибку, мы совершили бы преступление по отношению к рабочему : классу, мы предали бы его интересы. И это вскоре стало ; совершенно ясно. Очень скоро выяснилось, что чем; мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги оказывают. Вскоре правые эсеры — Гоц и другие и правые меньшевики организовали в Ленинграде контрреволюционное выступление юнкеров, в результате которого погибло много наших революционных матросов. Тот же Краснов, которого мы выпустили «на честное слово», организовал белогвардейских казаков. Он объединился с Мамонтовым и в течение двух лет вел вооруженную борьбу против Советской власти. Вскоре оказалось, что за спиной этих белых генералов стояли агенты западных капиталистических государств — Франции, Англии, Америки, а также Японии. Мы убедились в том, как мы ошибались, проявляя мяг-

щены. В результате новый, относительно либеральный режим, установившийся в стране, получил **однопартийный** характер. Этот недостаток восполнялся однако поначалу достаточно широкой внутрипартийной демократией, допускавшейся на тот момент большевиками. В стране при **относительной свободе печати** регулярно проводились общероссийские дискуссии по самым насущным внутривластным и внешнеполитическим вопросам¹, и победа той или иной фракции решалась на съездах партии, депутаты которых избирались прямым демократическим голосованием.

Однако к концу 1920-х — началу 1930-х гг. все фракции ВКП(б) были последовательно разгромлены сторонниками одного из лидеров большевиков — И.В. Сталина, и в партии (а вместе с тем и в стране) установился жесткий режим с жестко **бюрократическим**, а не демократическим методом управления. Этот режим быстро приобрел все признаки **мобилизационного** режима. Основной стратегической целью нового режима была объявлена **форсированная индустриализация** страны², которая, в свою очередь, имела целью созда-

кость. Мы поняли из опыта, что с этими врагами можно справиться лишь в том случае, если применять к ним самую беспощадную политику подавления» (Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Сочинения. М., 1953. Т. 13. С. 108).

¹ И.В. Сталин разъяснял порядок организации дискуссий следующим образом: «Считая необходимым свободное обсуждение вопросов разногласий в теоретических журналах нашей партии и признавая за каждым членом партии право свободной критики недостатков нашей партийной работы, — писал он, — конференция напоминает вместе с тем слова Ленина о том, что наша партия является не дискуссионным клубом, а боевой организацией пролетариата. Конференция считает, что всесоюзная дискуссия может быть признана необходимой лишь в том случае, если: а) эта необходимость признаётся, по крайней мере, несколькими местными парторганизациями губернского или областного масштаба; б) если внутри ЦК нет налицо достаточно твёрдого большинства в важнейших вопросах партийной политики; в) если, несмотря на наличие твёрдого большинства в ЦК, стоящего на определённой точке зрения, ЦК всё же считает необходимым проверить правильность своей политики путём дискуссионного обсуждения в партии. При этом во всех этих случаях всесоюзная дискуссия может начинаться и проводиться лишь после соответствующего решения ЦК» (Сталин И.В. Об оппозиционном блоке в ВКП(б). Сочинения. М., 1953. Т. 8. С. 226).

² «Превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить своими собственными силами необходимое оборудование, — вот в чем суть, основа нашей генеральной линии. ... Ибо в этом основная гарантия хозяйственной самостоятельности нашей страны. Ибо в этом гарантия того, что наша страна не будет превращена в придаток капита-

ние самых современных вооруженных сил, необходимых для отражения неминуемой **военной агрессии** буржуазных стран против молодой советской республики. Наиболее явные признаки подготовки к такой агрессии демонстрировал фашизм (и особенно германский нацизм), набиравший в тот период все большую силу в Европе (диктаторские и полуфашистские режимы были установлены в 15 европейских странах).

Необходимость сворачивания НЭПа объяснялась при этом большевиками тем, что эта политика не способствовала быстрой индустриализации страны. «Частный капитал, — отмечал И.В. Сталин, — внедрился не в производство, где риску больше и капитал оборачивается медленнее, а в торговлю ... И, внедрившись в торговлю, частный капитал укрепился там до того, что у него оказалось в руках около 80 процентов всей розничной торговли и около 50 процентов всей оптово-розничной торговли в стране»¹.

Формулируя причины и цели введения нового мобилизационного режима, И.В. Сталин говорил в феврале 1931 года: «Мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было выгодно, доходно и сходило безнаказанно ... Таков уж волчий закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит ты не прав, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться. Вот почему нам нельзя больше отставать. В прошлом у нас не было и не могло

листических стран» (Сталин И.В. XIV съезд ВКП(б). Сочинения. М., 1953. Т. 7. С. 355).

¹ Сталин И.В. Об итогах XIII съезда РКП(б). Сочинения. М., 1953. Т. 6. С. 243.

быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно потеряло свою независимость? Но если этого не хотите, вы должны в кратчайший срок ликвидировать его отсталость и развить настоящие большевистские темпы в деле строительства его социалистического хозяйства. Других путей нет. Вот почему Ленин говорил накануне Октября: «Либо смерть, либо догнать и перегнать передовые капиталистические страны». Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹.

После разгрома фашистской Германии и смерти И.В. Сталина в СССР снова наступил период **либерализации** политического режима («хрущевская оттепель»), который снова был остановлен при Л.И. Брежнев, теперь уже без объяснения причин и постановки исторических целей. Некоторым политическим обоснованием делиберализации режима служило указание на ведение холодной войны, развернутой западными государствами с подачи У. Черчилля и подхваченной политическими кругами США. Наиболее острой фазой этой войны был период так называемого Карибского кризиса. Однако после перехода к политике разрядки напряженности и достижения паритета СССР и США в области ядерных вооружений этот фактор перестал оправдывать мобилизационные меры и политические установки. К тому же, тот факт, что самим Западным миром холодная война велась без перехода их политических систем в мобилизационный режим, дезавуировал в глазах советской общественности указанное обоснование.

Отпадала в условиях брежневской, «застойной» политической системы и

¹ Сталин И.В. О задачах хозяйственников (Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г.). Сочинения. М., 1953. Т. 13. С. 40.

цель построения коммунизма в СССР, в которую уже не верили и сами партийные верхи. Поэтому критически мыслящие советские граждане приходили к выводу, что отсутствие демократии в стране объясняется исключительно амбициями партийной верхушки, не желающей поступаться своей властью. В стране нарастали политическая **оппозиция** со стороны образованных слоев населения и политическая **апатия** со стороны широких народных масс.

Политическая система СССР, таким образом, перестала соответствовать как условиям времени, так и самой логике ее политического обоснования. В этом отношении очень характерно следующее рассуждение И.В. Сталина, в котором он сравнивал партию с армией. «Что такое армия? — Писал он. — Армия есть замкнутая организация, строящаяся сверху. Существо армии предполагает, что во главе армии стоит штаб, назначенный сверху и формирующий армию на началах принудительности. Штаб не только формирует армию, — он еще снабжает ее, одевает, обувает и пр. Материальная зависимость всего состава армии от штаба — полная. На этом, между прочим, зиждется та армейская дисциплина, нарушение которой влечет за собой специфическую форму высшей меры наказания — расстрел. Этим же нужно объяснить тот факт, что штаб может двигать армию куда угодно и когда угодно, сообразуясь лишь со своими собственными стратегическими планами.

Что такое партия? — Противопоставлял ее армии И.В. Сталин. — Партия есть передовой отряд пролетариата, строящийся снизу на началах добровольности. У партии тоже имеется свой штаб, но он не назначается сверху, а избирается снизу всей партией. Не штаб формирует партию, а, наоборот, партия формирует свой штаб. Партия формируется сама на началах добровольности. Здесь нет также той материальной зависимости между штабом партии и партией в целом, о которой говорилось выше в отношении армии. Штаб партии не снабжает партию, не кормит и не одевает ее. Этим, между прочим, объясняется тот факт, что штаб партии не может двигать ряды партии произвольно, куда

угодно и когда угодно, что штаб партии может руководить партией в целом лишь по линии экономических и политических интересов того класса, частицей которого является сама партия. Отсюда особый характер партийной дисциплины, строящейся в основном по линии метода убеждения, в отличие от дисциплины армейской, строящейся в основном по линии метода принуждения. Отсюда основная разница между высшей мерой наказания в партии (исключение из партии) и высшей мерой наказания в армии (расстрел)»¹.

Однако эти рассуждения в условиях позднего советского режима уже не выдерживали никакой критики.

Во-первых, партия большевиков не формировалась снизу «на добровольных началах». Ее члены не примыкали к партии добровольно и свободно, как то было до завоевания ею государственной власти, а их принимали (**кооптировали**) в нее по решению самих партийцев. Причем, принимали только тех, кого считали «достойными»². Кроме того, в условиях, когда карьеру во всех сферах, жестко контролировавшихся этой организацией, могли сделать **только члены партии**, вступление в нее было делом не только (и не столько) политических убеждений, но и самых обыкновенных «шкурных», материальных расчетов. При этом, партия и ее «штабы» именно обеспечивали материальное положение своих членов тем, что именно они в конечном счете и **назначали** партийцев на те или иные «хлебные» должности. Это была своеобразная система «кормлений», возрожденная на новом уровне исторического развития российского об-

¹ Сталин И.В. Необходимое замечание (О Рафаиле). Сочинения. М., 1953. Т. 5. С. 375.

² Об этом откровенно говорил и писал сам же Сталин. «Желание целых цехов и даже заводов вступить в партию, — объяснял он, — есть признак величайшего революционного подъема миллионных масс рабочего класса, признак правильности политики партии, признак громкого одобрения этой политики широкими массами рабочего класса. Однако из этого вовсе не следует, что мы должны принять в партию всех желающих вступить в нее. В цехах и на заводах имеются всякие люди, вплоть до вредителей. Поэтому партия должна сохранить в силе испытанный метод индивидуального подхода к каждому, желающему вступить в партию, и индивидуального приема в партию. Нам нужно не только количество, но и качество» (Сталин И.В. Ответ товарищам свердловцам. Сочинения. М., 1953. Т. 12. С. 189).

щества. По тем же причинам и выход из партии был делом не добровольным, а принудительным. Коммунистическая партия, таким образом, была не добровольным политическим союзом граждан, а полугосударственной организацией, жестко контролировавшей состав своих членов и обеспечивавшей им привилегированный уровень **материального обеспечения**.

Во-вторых, и внутрипартийная демократия к концу существования КПСС была практически уничтожена. Некоторая **свобода выбора** у членов партии еще существовала при выборе **самого низшего** звена ее руководителей (на уровне отдельных предприятий и учреждений), что же касается более высоких ступеней руководства, то все они формировались в основном по указанию **сверху**. В результате, управление партией было почти полностью **бюрократизировано**, так же, как и в армии. Не партия формировала свой «штаб» снизу, а именно ее «штаб» формировал как все нижестоящие органы ее управления, так и саму партию.

Тот же самый принцип распространялся и на все **советские** органы власти, формировавшиеся сверху по указанию «штабов» Коммунистической партии. При этом в советских органах власти не существовало даже и той минимальной «низовой» демократии, которая еще сохранялась в самой партии и в некоторых «подсобных» общественных организациях (профсоюзе, комсомоле и т.д.). Советская власть была бюрократизирована практически полностью и просто штамповала решения штабов партии.

Наконец, в-третьих, КПСС позднего периода ее существования нельзя было уже рассматривать и как организацию **рабочего** класса (и колхозного крестьянства), поскольку даже количественно огромную и непропорциональную долю в ее составе (соизмеримую с самими рабочими) составляли так называемые **служащие**. В 1933 году численность членов партии и кандидатов в члены составляла 3.5 млн. чел. По социальному составу 44% членов КПСС являлись заводскими рабочими, 12 % — колхозниками. Остальные 44% — слу-

жащие. В 1973 году партия достигла размеров 14 млн. ее членов. Из них рабочие составляли 40,7%; крестьяне (колхозники) — 14,7%; служащие — 44,6%.¹ При этом рабочие наполняли преимущественно низовые организации КПСС, а ее **высшие органы** управления формировались преимущественно **из служащих**. По данным на 1986 год, членов КПСС было уже 19 миллионов человек, или примерно 10% взрослого населения СССР. Социальный состав ее оставался примерно тем же.

Хотя советская статистика обычно зачисляла рабочих и служащих в одну и ту же категорию «рабочих и служащих», но по своему социальному положению и менталитету это были принципиально разные категории граждан. Служащие относились не столько к управляемым, как рабочие, сколько к **управляющим** — низшего, среднего и высшего звеньев — во всех сферах общественной жизни: материально-производственной, политико-государственной, социальной и духовно-культурной. Поздняя КПСС была уже по преимуществу социально и духовно **партией служащих**, а не рабочих и крестьян. Ее официальная идеология перестала соответствовать ее социальному правящему составу. И именно этот фактор, на наш взгляд, и явился главной причиной того, что коммунистическая партия **сама** (в лице ее высшего руководства) отказалась от своей наследственной идеологии, и сама развалила себя, преобразовавшись во множество различных политических партий. «Трансформация советской политической системы и внешней политики, — отмечает в этой связи английский политолог А. Браун, — проистекала из союза между интеллектуалами из партии реформ и новым лидером, готовым к ним прислушиваться. Советская политическая элита была глубоко расколота, однако у реформистов было большое преимущество — на их стороне находился Генеральный секретарь, в 1988-1989 годах еще обладавший огромной властью. В итоге, решения, принятые в Москве, не только сыграли решающую роль в распространении коммунизма в

¹ Коммунистическая партия Советского Союза // Большая Советская Энциклопедия.

Восточной Европе в середине сороковых, но и в не меньшей степени поспособствовали концу господства коммунистов в Европе сорока годами позже»¹.

Таким образом, советскую политическую систему в период ее расцвета мы можем охарактеризовать как **жестко бюрократическую** (строившуюся исключительно сверху), **тоталитарную** (не допускавшую свободного развития гражданского общества ни в одной из сфер общественной жизни), систему **мобилизационного типа** (направленную на достижение конкретных исторических целей), но реализованную в полностью **эгалитарном, бессловном** обществе. Идеологическим и политическим стержнем этого общества была **марксистская** коммунистическая партия, построенная по бюрократическому, армейскому типу. При этом партия управляла всем обществом практически теми же методами, которыми управляется обычно **армия**.

К концу 1980-х годов этот недемократический («казарменный») режим утратил уже поддержку почти всех слоев населения СССР, которое с воодушевлением восприняло новую политику «Перестройки и гласности», объявленную Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым. Открытие идеологических, политических и экономических «шлюзов» свободы, предпринятое **самой партией** во главе с ее высшим руководителем, — свободы слова, свободы совести, свободы политической деятельности, свободы образования партий и частного предпринимательства в экономической сфере — подорвало **сами основы** советского политического строя и привело к революционному формированию в России в начале 1990-х годов совершенно новой политической системы.

Современный политический экстремизм и терроризм сформировались и окрепли именно в **переходных условиях развала прежней** — советской — политической системы и мучительного **формирования новой** — либерально-

¹ Браун А. Как Москва покончила с коммунизмом // The Guardian, Великобритания. 26 мая 2009 // Русский перевод на ИНОСМИ.РУ: <http://www.inosmi.ru/translation/249416.html>.

демократической — политической системы, обретающей свои устойчивые черты только в настоящее время (и особенно — в последнее десятилетие, после 1999 года).

5.2. Политический экстремизм и терроризм современной в России: общее и особенное

Политический экстремизм как неизменный спутник современных обществ обладает **всеобщими** на глобальном уровне, **особенными** на российском уровне и **единичными** на региональном уровне свойствами, признаками и формами проявления.

К всеобщим признакам политического экстремизма можно отнести, прежде всего, его **внеправовой** характер. Как известно, политическая практика в своем легальном статусе регулируется, с одной стороны, международным правом, а с другой — внутренним правом отдельных стран. Субъекты политики, действующие в рамках правового поля, традиционно подразделяются политической теорией на консервативные, центристские и радикальные. Поле политики — это в высшей степени динамичное пространство, где постоянные процессы переоценки ценностей действующими субъектами политики перемежаются с непрерывным процессом появления новых субъектов с иным набором ценностей. Центризм может качнуться влево или вправо, консерватизм — перерасти в реакцию, радикализм — в экстремизм. Реакция и экстремизм находятся за пределами правового поля политики. Соединение реакции и экстремизма в политической практике неизбежно выливается в терроризм.

Важным признаком политического экстремизма является то, что он превратился сегодня в постоянного спутника современных обществ. Это не означает, что экстремизма не было в прошлом. Политический экстремизм — ровесник политики, но в прошлых обществах, где грань между правом и произволом была сильно размыта, а международного права как всеобщего регулятора меж-

дународных отношений практически не было, вычленение и идентификация политического экстремизма как особого общественного явления было делом достаточно проблематичным. Оно и сейчас не простое. Активные формы современного политического экстремизма сегодня у всех на слуху, но в латентном состоянии он присутствует даже в самых благополучных современных обществах. Экстремизм как бы дремлет, поджидая удобного момента. Эрозия легитимности власти активизирует политический экстремизм, он как бы стережет момент наступления делегитимизации политической власти.

Еще один признак политического экстремизма — это его **международный** характер: многие экстремистские организации превратились в **глобальные сетевые структуры**. Очевидно, что разрушение биполярного мира и утверждение, по сути, однополярного мирового порядка под эгидой США не дали большей безопасности народам мира и не открыли перспектив лучшей жизни для них. Международные отношения стали более нестабильными и непредсказуемыми, сила во внешней политике государств стала играть гораздо большую роль, чем даже в худшие времена «холодной войны». В глазах подавляющего большинства народов мира современная система мироустройства выглядит несправедливой, по сути, она делегитимизирована. Интернационализация политического экстремизма — очевидное следствие нелегитимной международной практики основных политических игроков на мировой арене, прежде всего Запада.

В условиях глобализации в управлении мировым политическим процессом все большую роль начинают играть наднациональные структуры и институты. Ключевая легитимная наднациональная структура в лице Организации Объединенных Наций, по сути, сегодня отстранена от принятия решений по важнейшим вопросам международной жизни, ее функции явочным порядком присвоили себе отдельные государства и региональные структуры, прежде всего США и НАТО. Кроме того, резко усилилась роль нелегитимных наднацио-

нальных структур в управлении мировыми процессами, прежде всего транснациональных компаний и медийных структур, ориентированных не на социальные интересы того или иного народа, национальные интересы той или иной страны, а на извлечение прибыли. Нелегитимные управляющие структуры хозяйничают сегодня в так называемых «безгосударственных обществах», образование которых прослеживается в некоторых странах Азии и Африки и связано с появлением «несостоявшихся государств». Происходит сращивание лидеров таких стран с международным капиталом, эксплуатирующим природные ресурсы. Это вызывает анархию как внутри, так и за пределами этих стран, питает международную преступность¹.

В этих условиях неизбежна постановка вопроса о необходимости формирования мирового гражданского общества. Гражданское общество в национальных границах демократических государств изначально выступало и выступает сегодня, с одной стороны, как главный ограничитель своеволия и произвола со стороны государства — главной управляющей подструктуры общества, а с другой — как главный независимый от государства носитель легитимной идеи национальной государственности. В условиях обострившегося кризиса всей системы международных отношений сегодня особенно остро ощущается отсутствие мирового гражданского общества, носителя идеи справедливого мироустройства, независимого от управляющих наднациональных структур. Зримые зачатки будущего мирового гражданского общества в условиях несправедливого мироуправления принимают сегодня экстремистский характер. Как писал К. Маркс, создатель учения, считавшегося долгое время экстремистским, новое всегда рождается как ересь, а умирает как предрассудок.

Современный политический экстремизм хорошо оснащен как интеллектуально, так и инструментально. Высокий интеллектуальный уровень как при-

¹ См. Переосмысливая современность: Материалы международной конференции (II) // Полис. 2003. № 3.

знак экстремизма не является чем-то новым, родившимся только в условиях Интернета и информационной глобализации. Отцами идеологии экстремизма всегда были неординарные и даже выдающиеся люди. Можно вспомнить Прудона, Бакунина, Кропоткина, Троцкого, Муссолини, Мао, Че Гевару, Маркузе и т.д. Молодежные бунты шестидесятых годов XX века в западных странах прошли под знаком трех «М» — Маркс, Мао, Маркузе. Хотя разрыв между бедностью и богатством и сегодня является главной причиной социальных конфликтов, тем не менее, идеологическое позиционирование на социально-классовой основе сегодня отодвинуто на второй план.

Безусловно, главная причина этого в том, что во второй половине XX века был дискредитирован в глазах угнетенных и обездоленных людей и народов коммунистический вариант социалистической идеологии, олицетворявшей в глазах сотен миллионов людей на протяжении многих десятилетий перспективу более справедливого и более безопасного мира. Но идеология не умерла, да и никогда не умрет. Идеи, а не знания сами по себе, лежат в основе всех достижений человечества. Цивилизация — это мир воплощенных идей. Идеи, а не знания, властвуют над нами. Мы не властны над идеями, идеи владеют нами, мы же владеем лишь знаниями, являющимися только средством реализации идей. Поэтому конец идеологии равнозначен концу развития. Кризис традиционных идеологий, создав на время определенный идеологический вакуум, который так и не смог заполнить торжествующий западный либерализм, тем не менее, не мог остановить извечный поиск проектов справедливого общественного устройства. Идеология возвращается, но возвращается уже на иной, культурно-ценностной и культурно-этнической, основе.

По мнению многих политологов, XXI век будет эпохой этнических и этноконфессиональных конфликтов. Не случайно целый ряд авторов характери-

зуют нашу эпоху как «Новое Средневековье»¹. В начале идеологического размежевания неизбежен определенный экстремизм, что мы сегодня и наблюдаем. Экстремизм проявляется в претензии той или иной идеологии на исключительность того или иного проекта общественно-политического устройства. Но практическое проведение идей исключительности той или иной религии, той или иной нации, того или иного социального слоя невозможно без насилия по отношению к носителям другой идентичности. Современный политический экстремизм во всех его разновидностях нацелен на формирование политического устройства общества, легитимированного исключительно ценностями одного порядка. Формой легитимации такого политического устройства выступает политический режим, где террор в отношении инакомыслия возводится в ранг справедливости. Сегодня можно выделить три идеологических течения, оказывающих огромное влияние на мировой политический процесс и вовлекающих в орбиту своего противостояния сотни миллионов людей, — западный либерализм, исламский фундаментализм и национализм. Для каждого из этих течений характерна определенная экстремистская политическая практика.

Исламский фундаментализм, пришедший на смену арабскому национализму, разбежавшемуся еще в семидесятые годы по национальным квартирам, принял сегодня на вооружение практику религиозно-политического экстремизма. Ислам в глазах многих людей сегодня выступает как знамя борьбы против современного империализма, как идеология угнетенных, в силу того, что наиболее высокий потенциал социального протеста сегодня накоплен именно в мусульманском мире. Целый ряд исследователей ислама пытаются сравнивать салафистское движение в исламе с протестантизмом М. Лютера в христианстве. На наш взгляд, салафизм с его идеями построения государства справедливости и честности возрождает коммунистическую утопию, но уже в новой религиозной упаковке. Показателен в этой связи тот факт, что знаменитый «крас-

¹ Мирский Г.И. Возврат в Средневековье? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5.

ный» террорист Карлос Рамирес Санчес принял ислам, как новое идеологическое обоснование для своей террористической деятельности. Сегодня мир также столкнулся с совершенно новым видом политического экстремизма, сформировавшегося в недрах западного либерализма и выступающего под идеями демократии. Носителями его выступают страны традиционной либеральной демократии, прежде всего США. В основе демократического экстремизма лежит все та же идея исключительности, исключительности ценностей либеральной демократии. Все так называемые «цветные» революции, проходившие под лозунгами демократизации, — очевидное проявление этого нового вида политического экстремизма, поскольку методы и формы, которые применялись при этом, несмотря на их относительно мирный характер, находятся в явном противоречии с действующим законодательством той или иной страны. Опасность этого вида политического экстремизма заключается не только в том, что происходит нивелировка такого ключевого понятия международной политики, как суверенитет, но и в том, что подвергается насилию идея национальной государственности, основанная на традициях и ценностях того или иного народа, происходит разрушение этой государственности, а народ — носитель этой идеи — переформируется в соответствии с принципами, истинность которых, как уже очевидно, довольно сомнительна.

Экстремистская практика современной идеологии национализма происходит не только из исторической способности национализма легко скатываться к экстремизму, но и из глобализационных процессов, которые поставили перед каждым этносом вопрос об его идентичности, о его месте в быстро меняющемся мире. Двадцатый век по праву можно считать веком национального ренессанса, ведь никогда в прошлом столько народов не приобретало собственной государственности в столь сжатые сроки. «Идеология национализма постулирует ... приоритет национальных ценностей перед личностными, приоритет государственности перед любыми иными формами социальной самоор-

ганизации этноса ... приоритет мифологизируемого национального прошлого и желаемого будущего перед настоящим ...»¹, — пишут авторы «Нового философского словаря». Национализм — это идеология строительства национального государства, и в этом своем качестве она будет востребована, пока существуют этносы, не обладающие своей собственной государственностью.

Экстремистский характер национализм приобретает тогда, когда этнос стремится построить этнократическое государство, т.е. такое государство, в котором данный этнос доминирует политически, культурно и лингвистически, в котором национальными интересами являются интересы данного этноса. Другими словами, этнический экстремизм борется за государственность не для заботы о других этносах, а за возможность их подавления. В современном мире этнический экстремизм взят на вооружение, прежде всего, молодыми государствами с неустоявшейся еще национальной государственностью. Самый свежий пример — политика Грузии в отношении Южной Осетии и Абхазии. Антироссийский и антирусский тренд многих постсоветских республик имеет те же корни.

Несмотря на то, что в современном мире традиционные формы политического экстремизма, сформировавшиеся на социально-классовой основе, уступают свое место культурно-этническим формам, они, тем не менее, продолжают оказывать существенное влияние на общественно-политическое сознание современных обществ. Хотя общепринятое деление классического политического экстремизма на левый и правый сохраняется и сегодня, но формы проявления у них общие. Это и призывы к захвату власти, и осуществление террористических актов, и угрозы государственным и политическим деятелям, и блокирование административных зданий, и массовые беспорядки, и многое другое.

Идеология экстремизма крайне левого толка выступает против проводи-

¹ Грицанов А.А. Национализм // Новый философский словарь. Минск. 1998. С. 478-479.

мой правительством политики в области социального обеспечения, экономических, военных и других реформ и находит отражение в деятельности групп анархистов (анархо-синдикалистов), «новых левых», «пролетаристов», «экологистов», которые на практике прибегают к насильственным формам социальных действий.

Идеология экстремизма крайне правого толка — неонацизм, расизм, шовинизм — отличается агрессивностью своих положений, ее приверженцы призывают к полному уничтожению или запрету противостоящих сил, стремятся к установлению авторитаризма. Сегодня у большинства субъектов этого вида политического экстремизма нет еще какой-то целостной идейно-политической концепции. Пока в основе деятельности экстремистских организаций традиционного толка чаще всего лежит порыв, кратковременное действие по поводу определенных общественных институтов или событий. Но исторический опыт многих стран дает нам достаточно много убедительных примеров того, что за порывом постепенно следует и развернутое идеологическое обоснование. Если политическому экстремизму традиционного толка будет представлена возможность дальнейшего развития, особенно в условиях нарастания социально-экономических и политических противоречий в обществе, то последует не только создание идейной основы экстремизма, но и формирование его организационных структур.

Особенности политического экстремизма в России связаны с переходным характером современного российского общества. Политический экстремизм наиболее ярко обнаруживает себя именно в переходные периоды. Распространение идеологии и практики экстремизма в современных российских политических процессах является во многом реакцией на избранный самостоятельный путь развития в условиях слабости вновь создаваемых социально-политических институтов, не способных пока в полной мере обеспечить эффективное и устойчивое развитие общества. Наиболее активными и общественно опасными

видами политического экстремизма в России являются русский этнический национализм и радикальный религиозный фундаментализм в национальных, в основном мусульманских, регионах страны.

Националистические настроения в русской этнической среде вызваны сегодня размыванием российской идентичности, отсутствием самоопределения русского народа в своих национальных целях. Обратной стороной такого положения дел и стал одновременный рост в среде русского населения доли лиц с ярко выраженным этническим самосознанием, по сути, идет его бурный рост. В целом ряде регионов доля таких лиц, по различным данным, приближается к 50%¹. По данным МВД РФ, наблюдается резкий рост членов русских националистических организаций, прежде всего молодежных². На наш взгляд, рост этнического сознания народа, особенно такого крупного как русский народ, является положительным фактором. Русский народ — это государствообразующий народ России, и восприятие этой государственности как своей собственной, безусловно, невозможно без развитого этнического сознания. Проблемы начинаются тогда, когда возбужденное массовое сознание начинает окрашивать в этнические тона любые общественные проблемы. А общая ситуация в крупных российских городах и во многих центральных регионах сегодня именно такая. Такое этническое самосознание не способствует и не будет способствовать рациональному самоопределению русского народа. В таком виде русский этнический национализм — это, по своей сути, попытка подмены культурной идентичности народов России русской этнической идентичностью. То есть русская этническая идентичность возводится им в ранг национальной идентичности России тем самым, перечеркивая этническая идентичность других народов России.

Русская этническая идентичность и русская национальная идентичность

¹ См. Исследовательские проекты Л. Дробижевой.

² Материалы международной научно-практической конференции ВНИИ МВД России. 27 ап-

не вполне совпадают. Носителями русской национальной идентичности в отличие от этнической русской идентичности являются не только этнические русские, но и все другие этносы России. При этом мы исходим из того, что наряду с традиционным упором при нациестроительстве на два вида национальной идентичности — гражданской (идентичность по стране) и этнической (идентичность по группе), необходимо делать особый упор на третьем виде национальной идентичности — идентичность по культуре. На этот третий вид идентичности не обращалось внимания по причине того, что в большинстве современных государств культурная идентичность совпадает с этнической. В России такого совпадения нет. Поэтому необходимо разобраться, каким же образом здесь этническая идентичность разных групп переводится в общую гражданскую идентичность этих групп. Полагаем, что этот перевод осуществляется, благодаря третьему виду идентичности — общей культурной идентичности, которой обладают представители всех этносов России.

Общую культурную идентичность народов России мы определяем как **русскость**, которая реально и должна лежать в основе российской гражданской идентичности. Русскость — это некий стандарт, связывающий воедино народы России. Русскость включает в себя не только тех, кто относит себя к этническим русским, но и русский язык, которым владеет практически все население страны, и русская культура и культура народов России, во многом сформировавшаяся именно **на основе** русского языка. Русскость — это отражение двойственной природы этнической идентичности нерусского населения России. С одной стороны, они являются русскими как носители русского языка и культуры, а с другой — представителями отдельного народа как носители языка и культуры этого народа. Русскость — это форма, в которую облечена российская национальная культура, впитавшая в себя как собственно русскую культуру, так и культуру **всех народов России** в лице их наиболее ярких представи-

телей. Русскость, на наш взгляд, — это главный культурный фактор, препятствующий формированию в России так называемого андеркласса (носителя альтернативных культурных ценностей) из мигрантов из ближнего зарубежья, наподобие того, который уже сформировался в западных обществах и превратился в один из главных дестабилизирующих факторов для этих обществ.

Русский этнический национализм стремится через игнорирование культурного посредника в лице русскости утвердить гражданскую идентичность этносов России на основе русской этнической культуры. Такая гражданская идентичность ведет, безусловно, к превращению России в этнократическое государство, где неизбежен рост этнического национализма нерусских народов, крайним выражением которого станет политический сепаратизм.

Попытки консолидации общества через повышение статуса православной церкви и религии в жизни российского общества в ущерб другим конфессиям также контрпродуктивны. Это имеет своим следствием также неизбежный рост этнического национализма нехристианских народов России на иной религиозной основе.

Одновременно с этим в мусульманских регионах страны резко возросло влияние радикального исламского фундаментализма, часто срачивающегося с идеологией этнического национализма, как это было в Чеченской Республике. Сегодня в России много споров о том, какой фактор более существенен для национальной идентичности — этнический или религиозный. Процессы, происходящие в исламском мире, как бы выдвигают на передний план религиозный фактор. Действительно, можно быть получеченцем и полурусским, но полумусульманином и полукатоликом быть нельзя. Но если на этом пути на передний план не будут выдвигаться культурные факторы, культурные традиции, то лаврами себя никто не увенчает. Ведь, по сути, стремительный рост сегодня обращений к религии не является в большей части следствием духовных исканий личности. Это, скорее акт самоидентификации в глобализационных про-

цессах. Общая культурная идентификация, накладываясь на разную религиозную идентичность, вполне способна нивелировать межконфессиональные противоречия. Ведь религиозные различия сами по себе не являются конфликтными, но базой для конфликта идентичностей они могут стать и часто становятся, как это было в Югославии (Босния и Герцеговина, Косово) и в Чеченской Республике. Происходит это, если в многоконфессиональных обществах на передний план выдвигается в ущерб культурному **религиозный** фактор для укрепления через него гражданской (государственной) идентичности.

Радикальный религиозный фундаментализм — это попытка поставить на место **культурной** идентичности **религиозную** идентичность. Радикальный исламский фундаментализм, выдвигая на передний план религиозную идентичность, подменяя им культурного посредника между этнической и гражданской идентичностью, ведет к усилению этнического национализма мусульманских народов России, что, безусловно, также служит катализатором политического сепаратизма в России.

Классическим примером **региональных** особенностей развития России в рассматриваемом отношении может служить республика Дагестан. Дагестан — это регион России, где политический экстремизм сегодня наиболее активен. Он обладает здесь рядом особенностей как по своим целям, так и по формам и методам деятельности.

Во-первых, идеологией политического экстремизма в республике является радикальный исламский фундаментализм. Религиозный характер политического экстремизма проистекает из того, что национальная идентичность Дагестана находится сегодня в расколоте состоянии. С одной стороны, здесь традиционно сильны позиции ислама и влияние исламской цивилизации, с другой стороны — русско-европейская культура и связанный с ней образ жизни стали за годы советской власти органической частью духовного мира и быта дагестанцев.

В постперестроечные годы в результате размыва идеологического ядра русско-европейская культура потеряла тот стержень, который интернационализировал ее основные ценности. Этот идеологический вакуум в Дагестане быстро был заполнен религиозными ценностями. Столкновение двух ценностных миров не могло не привести к их поляризации, следствием чего и стал раскол национальной идентичности. Сегодня в дагестанском обществе, особенно среди молодежи, можно уже реально вычленить два слоя, чьи ценностные ориентации радикально отличаются. С одной стороны, это крайне **исламизированный** мир, где восприняты не только духовные ценности ислама, но и образ жизни, продиктованный нормами шариата. С другой стороны, мир **крайней европеизации**, где культивируются не только достоинства, но и худшие образцы западного образа жизни.

Раскол идентичности неизбежно поляризует и политическое пространство республики, обремененное, ко всему прочему, коррупцией и клановостью. Парадокс религиозно-политического экстремизма заключается в том, что религия, предназначенная по своей природе усмирять агрессивные начала в человеческой природе, становится знаменем агрессии и террора против других только на том основании, что они другие. Очевидно, что это извращение гуманистической сущности религии не имеет ничего общего с ее действительной природой. Религиозная оболочка политического экстремизма, особенно когда он использует террористические методы, это не более чем мимикрия. Он может облачаться в любые идеологические одежды, если они позволяют легитимировать в какой-то степени в общественном мнении их деструктивные действия. В Дагестане, например, он прикрывается авторитетом ислама, в других регионах могут быть другие формы мимикрии. Важно при этом подчеркнуть, что в республике нет экстремизма на этнической почве. На наш взгляд, этническая толерантность дагестанских народов — это следствие их этнокультурной компетентности, сформировавшейся в результате длительной межэтнической и меж-

культурной коммуникации. Такой компетентности нет в религиозных вопросах не только в силу атеистического прошлого, не только в силу многочисленности новообращенных, далеких пока от понимания реальной сущности собственной веры, но и в силу глубокой **политизированности** современных конфессиональных отношений.

Во-вторых, практикой религиозно-политического экстремизма в Дагестане является терроризм. Террористический характер политического экстремизма в республике обусловлен рядом причин. Бескомпромиссность идеологического противостояния, особенно характерная для конфликтов на религиозно-этнической почве, в условиях подмоченной в прошлом легитимности политической власти в республике принимает формы вооруженного противостояния различных группировок. Налицо и остаточный шлейф чеченских событий, способствовавших в свое время профессиональной подготовке и переподготовке многих террористических групп не только для Дагестана, но и Кавказа в целом.

Укорененности террористической психологии в сознании противоборствующих сторон способствует и традиционно присущий восточному менталитету приоритет **общинного**, коллективного, группового в ущерб отдельной личности, индивиду. В том, что часть политической оппозиции в республике взяла на вооружение террористические методы борьбы, существенную роль сыграл и политический истеблишмент республики. Именно представители политической элиты в республике впервые прибегли к террору как средству устранения соперников или инакомыслящих в начале девяностых годов. Именно они легализовали терроризм в республике. Многочисленные террористические акты в отношении политических деятелей, нераскрытые убийства, характер протекания конфликтных ситуаций между различными группировками в политической и экономической элите республики со всей очевидностью говорят о том, что между ними существует негласный сговор в том, чтобы не выносить суть конфликта на общественный суд, а наиболее строптивых просто уни-

чтожать. Можно даже предположить, что некоторые группировки просто содержат террористические организации и группы как резервную армию политического давления. Ведь довольно часто в террористических группах оказываются люди, достаточно близкие к некоторым известным в республике фамилиям.

Терроризм в Дагестане действует сегодня достаточно интенсивно и агрессивно. В этом можно усмотреть не только способ поддержания тонуса и дисциплины внутри террористических групп, но и наличие внутридагестанских источников финансирования. Нередки случаи, особенно со стороны представителей юридически-процессуальной системы, когда политический терроризм в республике путают с простой уголовщиной. Но природа политического терроризма и уголовного мира различается, и различается очень существенно. Уголовное насилие имеет целью материальную или другую личную выгоду. В уголовном терроре нет жертвенности, нет самоотверженности, нет готовности идти на любые потери, вплоть до собственной жизни и жизни близких. В уголовном терроре нет символики, которая присутствует в политическом терроризме как обязательный элемент. Уголовный террор больше инструментальный, т.е. воздействует непосредственно на те объекты, которые способны удовлетворять его интересы и поставленные цели. Политический терроризм носит символический характер, для него акты террора — это символы возможностей и сигналы политическим структурам, которые только и могут удовлетворить цели террористов. Несмотря на то, что многие исследователи убеждены в нормальном психологическом состоянии подавляющего большинства террористов¹, тем не менее, в терроризме дагестанском есть и некий иррациональный момент. Очень трудно объяснить то, что террористы, выходцы из дагестанских семей, где традиционно сильны авторитет родителей, авторитет старших, с абсолютным пре-

¹ См. Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6.

небрежением относятся к их мнению, для них не существует авторитета не только религиозных духовных лидеров, но не существует и родительского.

В-третьих, объектами политического терроризма в Дагестане оказались государственные, прежде всего правоохранные структуры. Обычно терроризм избирает в качестве объекта гражданское население. Ведь цель терроризма — напугать, деморализовать, внести хаос, сея тем самым сомнения в возможностях политической власти обеспечить их безопасность. Ситуация в республике в этом плане в последние годы радикально изменилась. По сути, идет война правоохранительных органов и террористического подполья. А гражданское население достаточно равнодушно наблюдает за этим. У него нет сочувствия к террористам, но нет сочувствия и к правоохранительным органам. Бесчеловечные акты против гражданского населения в Буйнакске и Каспийске окончательно сорвали с террористов маску борцов за справедливость. В то же время правоохранные органы, служба в которых стала для многих особым видом частного бизнеса, не пользуются ни уважением, ни авторитетом. А авторитет силы и пути его использования формируют не слишком лестное мнение и о профессиональных качествах представителей охраны порядка. Указанная особенность политического терроризма в республике говорит о том, что он пытается легитимизировать свои действия в глазах населения, представляя их как действия повстанческих сил. Если объектами терроризма выступают гражданское население и гражданские объекты, то цель повстанческих сил — государство и государственные структуры. Мимикрирующие способности терроризма хорошо известны, но эта тенденция очень опасная. Ко всему прочему, она свидетельствует о росте интеллектуального потенциала терроризма в республике.

В-четвертых, важным признаком политического экстремизма и его террористического подполья в Дагестане является его **молодежный** характер.

Свою роль здесь играют и обычный максимализм, присущий молодежной среде, и массовая маргинализация населения, являющаяся следствием резко усилившихся в последние десятилетия миграционных потоков с горных районов на равнину, в результате чего происходит конфликт не только ценностей, но и норм поведения, сформировавшихся в разных культурных средах, и отсутствие в обществе нормальной религиозной культуры, деформированной за десятилетия атеистического прошлого, и социальная безысходность, не позволяющая многим молодым людям, обладающим хорошими профессиональными знаниями, определиться со своим социальным статусом, и глубоко ущемленное чувство социальной справедливости. Все эти факторы усугубляются еще и тем, что доля молодежи в составе населения республики давно перешагнула **двадцатипроцентный порог**, обычно считающийся критичным даже для стабильных обществ. Сегодня мы еще не знаем, какое поколение родилось и выросло за последние пятнадцать лет. Им еще только предстоит вступить в активную жизнь. Но мы уже видим, насколько они подвержены экстремистским веяниям, насколько манипулируемо их сознание. Поведение этого поколения с позиций сегодняшнего дня непредсказуемо, как непредсказуема и та новая культурная реальность, которую они создадут.

В-пятых, характер политического экстремизма в Дагестане определяется и тем, что в республике еще очень живучи догосударственные формы общественной жизни, которые выливаются, прежде всего, в неуважение к закону. Несмотря на то, что государственная идея была воспринята дагестанскими народами достаточно рано, догосударственные образцы, образ жизни и структуры в полной мере преодолены не были. Не случайно многие дагестанские историки подчеркивают тот факт, что после прекращения существования того или иного государственного образования в том или ином регионе Дагестана многие сельские общины предпочитали вместо государственных образований формировать вольные общества, где регулирование общественной жизни осу-

ществлялось уже не на основе силы, религии или закона, а на основе традиции, обычая, адата. Сохранение догосударственных форм общественной жизни вплоть до сегодняшнего дня также во многом определяют существующий социокультурный раскол национальной идентичности Дагестана.

В современном дагестанском обществе догосударственные формы имеют самую различную конфигурацию и бытуют практически во всех сферах общественной жизни — экономике, социальной структуре, политике, духовности и нравственности. В экономике — формирование кадровой политики хозяйственных структур по принципам землячества, родства или национальности не только в частном, но и в государственном секторе, укоренившееся представление о государственной собственности и государственных экономических интересах как чуждых не только для отдельного человека, но и для многих представителей предпринимательского слоя общества, а также вытекающая отсюда массовая коррупционная психология, укоренившаяся как норма выживания в условиях государственности, выступающей как нечто внешнее, а не имманентно присущее.

В-шестых, политический экстремизм в республике во многом подпитываются характером **политического режима**, сформировавшегося в республике и мало изменившегося за годы президентства. Современный политический режим Дагестана по своему содержанию являет собой образец управляемой плебисцитарной демократии или патронального президентства¹, легитимированной поддержкой этнически окрашенной кланово-олигархической социальной структуры. Очевидно то, что правящая элита Дагестана дифференцирована по клановому признаку, где патриархально-семейные черты сочетаются с неким подобием современных политических организаций. В условиях развитого гражданского общества через развитие горизонтальных связей очень высока вероятность перерастания этих «подобий» в нормальные политические органи-

¹ См. Хейл Г. Президентский режим, революция, демократия // Pro et Contra. 2008. № 1.

зации. При незрелом же гражданском обществе эти кланы и организации ориентированы не по горизонтали, а по вертикали, то есть на государственную власть.

Патриархальный характер кланов и организаций приводит к тому, что основное население республики оказывается, по сути, отстранено от принятия политических решений и участия в общественно-политической жизни. В принятии решений и диалоге с властью участвуют лишь главы кланов и организаций в силу авторитарного характера этих фактически реанимированных догосударственных образований и структур. Каждый клан в республике опирается на определенную ресурсную базу, формируется вокруг достаточно мощных экономических центров и ресурсов. Такими центрами в республике, безусловно, являются такие города, как Махачкала, Хасавюрт, Дербент и отчасти Кизляр, а ресурсами — нефть, газ, транспорт и субсидии федерального бюджета. При этом государственная власть используется как инструмент политической борьбы за контроль над этими ресурсами.

В работах ряда дагестанских исследователей достаточно глубоко анализируется соотношение сил основных кланов республики, многие авторы подчеркивают, что здесь существует определенное равновесие, которое сохраняется во многом благодаря не только федеральному центру, но и тому, что ресурсы в республике доступны сегодня достаточно большой группе кланов. Кланов хорошо научились регулировать отношения между собой, прибегая к власти как к арбитру или применяя по взаимному согласию неправовые методы решения возникающих проблем. Кланово-олигархическая социальная структура достаточно долго, успешно и эффективно может регулировать общественные процессы в патриархальных обществах. Но Дагестан давно вышел из патриархальности. Динамично развивающийся средний класс не будет долго терпеть такое положение. Нынешние протестные настроения являются во многом отражением именно этого процесса. Протестные настроения — это отражение то-

го, что существующая политическая элита воспринимается обществом не как настоящая, а, скорее, как исполняющая обязанности (и.о.) элиты. Она неконкурентоспособна, больна, ее модернизационный потенциал сомнителен.

В-седьмых, важнейшим фактором роста протестных настроений в обществе является отсутствие обратной связи между обществом и властью. Отсутствие такого диалога приводит к тому, что социальный протест начинает принимать внеправовые формы. Диалог ни в коем случае не означает, что все должны прийти к какому-то единому мнению. Диалог есть следствие и отражение согласия всех сторон в том, что и власть, и оппозиция должны играть на политическом поле по единым правилам. Всякие исключения из правил приводят к тому, что формируется внесистемная оппозиция со всеми вытекающими отсюда социально-политическими издержками.

Диалог с обществом, о котором так часто говорит власть, носит в республике пока имитационный характер, на имитацию способности власти решать существующие огромные проблемы в дагестанском обществе нацелены и структуры, обязанные обеспечивать этот диалог, — от подконтрольных СМИ до государственных и полугосударственных структур. Переход от имитации диалога власти с обществом к реальному диалогу способен, в конечном итоге, сформировать в обществе целостную систему духовной безопасности, невосприимчивую к идеологии экстремизма. Духовность нашего общества сегодня реально исковеркана. Столкновение традиционалистского сознания, цепко держащегося за прошлое, и нового модернистского сознания рождает духовные катаклизмы, стимулирующие деструктивное поведение. Очевидно, что проблема духовной безопасности не может быть решена без реформирования существующих общественно-политических институтов и формирования культуры, открытой к бесконфликтному восприятию иных ценностей. Диалог о формировании системы духовной безопасности должен идти о характере институциональных реформ и их пределах, о культурно-ценностных основаниях

духовной безопасности. Истиной никто не обладает, в том числе религиозное духовенство. Истин всегда несколько, и все они относительны. Лишь диалог носителей разных истин способен убедить каждого в относительности собственной истины. В процессе диалога рушится легитимационная легенда власти, власть начинает приобретать реальную легитимность, а общество — стабильность. Ведь в конечном итоге в существовании экстремизма виноваты не экстремисты, а общество, в котором этот экстремизм формируется, и власть, которая своим некомпетентным руководством дестабилизирует общество.

Очевидно, что полностью искоренить политический экстремизм из жизни современных обществ невозможно. Но стабильные общества давно научились противодействовать экстремистской практике и минимизировать его проявления. Главное на этом пути не только утверждение на практике принципов социальной справедливости через преодоление разрыва между бедными и богатыми, но и формирование легитимной политической системы, воспринимаемой как справедливой не только властью, но и населением.

В «Белой книге российских спецслужб» выделяются следующие направления в современном терроризме: 1) социальный терроризм, преследующий цель коренного или частичного изменения экономического или политического строя собственной страны; 2) националистический терроризм, включающий в себя организации этносепаратистского толка и организации, поставившие своей целью борьбу против экономического или политического диктата инонациональных государств и монополий; 3) терроризм религиозный, связанный либо с борьбой приверженцев одной религии (или секты) в рамках общего государства с приверженцами другой, либо с попыткой подорвать и низвергнуть светскую власть и утвердить власть религиозную, либо с тем и другим одновременно.

Составной, но достаточно автономной частью религиозно-политического терроризма является терроризм исламистский. Он многообразен, в нем пред-

ставлены борющиеся между собой группировки различных исламских направлений, течений, сект, учений (суннизм, шиизм, суфизм, ваххабизм и др.)¹.

5.3. Многообразие видов и форм экстремизма и терроризма в России и странах СНГ

За многие века своего существования экстремизм и терроризм сильно эволюционировали. Разворачиваясь в условиях глобализации и информационной революции, они гораздо более гибко, нежели государственные структуры, принимают приспособленные к возникшим условиям организационные формы деятельности. Возникают террористические организации нового типа, построенные по принципу сетевой структуры, обладающей наибольшим потенциалом в современных информационно-коммуникативных условиях. Для них характерны единые центры и информационно-коммуникативные каналы, автономный способ существования входящих в сообщество периферийных преступных группировок, взаимодействующих как с центром, так и между собой². Значительное изменение принципов организации и средств терроризма требует выработки качественно новых антитеррористических методов.

В настоящее время в мире насчитывается около 500 террористических организаций. За последние 10 лет ими совершено более 6 тысяч актов терроризма, в результате которых погибли и получили ранения около 25 тысяч человек. География экстремизма расширяется, он начал распространяться по всем континентам, появляясь на территориях, которые ранее отличались внутривнутриполитической стабильностью.

¹ См. Сочнев Д.В. Этнорелигиозные корни современного терроризма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 118.

² Туронок С.Г. Информационно-коммуникационная революция и новый спектр военно-политических конфликтов // Полис. 2003. №1. С.33.

В современном мире не осталось ни одного государства, которое бы не пострадало от этого негативного явления. Структура террористических организаций напоминает пирамиду. Помимо руководителей, активистов и рядовых исполнителей, у каждой преступной организации есть так называемые «сторонники», число которых превосходит в несколько раз число участников самой организации.

К сожалению, количество террористических актов по всему миру продолжает расти. Согласно экспертным оценкам, в 2008 году в мире произошло около 12 тысяч террористических актов, в результате которых пострадало 56 тысяч человек, в том числе 15 тысяч погибло. При этом большинство из жертв — мирные жители, включая женщин и детей¹.

Так, в октябре 2008 года на пляже крупнейшего индийского туристического и банковского центра Мумбаи высадились десяток головорезов из экстремистской исламской организации «Лашкар-Е-Тойбу», созданной в 1989 году на территории Пакистана. В течение трех суток они терроризировали город. И вот итог: 174 погибших, более 400 раненых².

Следует признать, что в XXI в. экстремизм как весьма эффективный инструмент нелегитимного насильственного достижения политических целей получил широкое распространение в мире. Особенно остро эта проблема стоит перед Россией, историческая особенность которой заключается в проживании на ее территории разного по этническому и религиозному составу населения. Данные российской статистики свидетельствуют об увеличении количественных показателей преступных проявлений экстремизма. В 2003 г. было зарегистрировано 157 преступлений экстремистской направленности; в 2004 г. — 130; в 2005 г. — 152; в 2006 г. — 263; за 6 месяцев 2007 г. — уже 115 таких преступлений.

¹ Соболев В. Противодействовать идеологии терроризма // ИТАР-ТАСС. 24.06.2009.

² Там же.

При этом организаторы экстремистской деятельности стремятся извлекать максимальную выгоду из процесса глобализации, ставя себе на службу новейшие информационные технологии, делая все менее уязвимыми для правоохранительных органов элементы своей инфраструктуры, создавая мощную финансовую базу для преступной деятельности. Сторонники экстремистских действий, проповедники идей, противоречащих общечеловеческим ценностям, используют достижения новейших технологий с целью пропаганды собственной идеологии и ведения информационных войн. Так, в настоящее время насчитывается более 500 Интернет-сайтов, провоцирующих разжигание национальной вражды, более 2000 сайтов — религиозной вражды.

Экстремизм и одна из его самых опасных форм — терроризм — быстро изменяется, мутирует, осваивает все более опасные и разрушительные методы. Субъекты экстремистской деятельности уже преодолели те нравственные рамки, которые сдерживали раньше размах и масштабы экстремизма и превратились по существу в бизнесменов-прагматиков. Если раньше речь шла о так называемом «жертвенном» терроризме (без криминальных примесей), то в настоящее время все больше говорят об экономической основе экстремизма и терроризма. Подтверждение тому — видеосъемки самих террористических актов и их последствий, которые по сути своей представляют не что иное, как отчет перед заказчиком за предоставленные денежные средства.

Негативные тенденции распространения различных проявлений экстремизма в России вызывают сегодня серьезную озабоченность общества и государства. Не прекращаются попытки отдельных сил экстремистского толка легализовать свою противоправную деятельность путем проникновения в общественные, религиозные, государственные организации для использования их политического и экономического потенциала. Крайней формой и выражения их антиконституционных стремлений является совершение террористических актов на территории России с целью оказания дестабилизирующего влияния на

позитивные процессы, происходящие сегодня в стране.

Терроризм в России только по своим масштабам представляют реальную угрозу развитию нормальных общественных отношений. Криминологический анализ показывает, что в России динамика преступности террористической направленности продолжает носить неблагоприятный характер. Отчасти это подтверждается данными уголовной статистики. По данным ГИЦ МВД РФ, в 2000-2002 годах общее число зарегистрированных преступлений в России продолжало нарастать, в том числе увеличилось число зарегистрированных фактов терроризма: со 135 до 360. Причем указанные данные не включают преступления, уголовные дела о которых расследовались органами ФСБ.

Большая часть фактов терроризма в 2006 году имели место в Южном федеральном округе: из 112 выявленных фактов — 101 совершен на территории ЮФО, из них 39 — на территории Чеченской республики, 30 — в Ингушетии. Организованная преступность, будучи заинтересованной в дестабилизации власти, оперативно-розыскной, следственной и судебной деятельности, начинает ориентироваться в ряде республик Северного Кавказа на силовые методы противоборства с органами власти и управления, в том числе путем проведения акций устрашения в отношении определенных социальных и национальных групп и общества в целом.

В настоящее время в России выделяются следующие формы экстремизма: крайняя форма экстремизма — терроризм, иницируемый и организуемый из-за рубежа, и являющийся способом ведения так называемой **«суррогатной войны»**, преследующей определенные геополитические цели (ослабления Российской государственности, фактической ликвидации суверенитета, обеспечение свободного доступа к природным богатствам страны и др.). За ведущейся на территории России суррогатной войной стоят и международные террористические организации, и спецслужбы иностранных государств, деятельность которых вуалируется. По имеющимся материалам сложно соотнести деятель-

ность международных террористических организаций и иностранных спецслужб, но наличие терроризма с поддержкой иностранных государств налицо; **сепаратистский терроризм**, инициируемый и организуемый преимущественно теми жителями национальных образований, многие из которых являлись или являются участниками организованной преступной деятельности (включая экономическую, должностную, против основ конституционного строя и безопасности государства, против конституционных прав и свобод человека и гражданина, общеуголовных и других), рассчитывают на отделение от России, поддержку из-за рубежа, вхождение во власть новых государственных образований, распоряжение национальным достоянием Республик и уход от уголовной ответственности за прежние криминальные деяния; религиозно-политический экстремизм и терроризм, инициируемый и организуемый идеологами исламской экспансии; терроризм анархистов, носящий международный характер; терроризм экстремистов, которые считают совершение преступлений террористического характера наиболее радикальным способом изменения социальной ситуации в желаемом ими направлении. Зарубежными специалистами выделяются терроризм **левых экстремистов** и **правых экстремистов**.

Сотрудниками правоохранительных органов и спецслужб террористическая опасность оценивается как высокая в условиях и международной напряженности и неразрешенности многих проблемных вопросов в России. Продолжается формирование глобальных террористических сетей, осуществляющих подготовку террористических акций; отмечается проникновение террористов и их пособников в государственные и общественные структуры; создаются инфраструктуры террористических группировок, в том числе по финансированию террористической деятельности; отмечается тенденция подготовки более редких, но все более масштабных акций; молодые люди включались в различные неформальные объединения, от которых при определенных условиях может исходить террористическая опасность. В том числе базирующаяся на убежде-

нии, что принимаемые в рамках закона меры борьбы с сепаратистским и религиозно-политическим терроризмом не являются результативными.

На территории современной России осуществляют противоправную деятельность до 80 международных экстремистских групп, пропагандирующих крайне радикальную исламскую идеологию. Воинствующий радикальный ислам проникает в Россию главным образом через лиц, прошедших обучение в отдельных арабских странах, где ваххабизм и другие ортодоксальные течения в религии получили и получают государственную поддержку. Наиболее остро эти проблемы проявились на Северном Кавказе, самом сложном в этническом и конфессиональном отношении регионе Российской Федерации. Ощутимую и очевидную угрозу национальной безопасности создают и политические процессы, к числу которых следует отнести тенденцию к размыванию единого правового пространства страны местным нормотворчеством, поощряемым определенной частью региональных элит, что стимулирует сепаратистские настроения, неуважение к федеральному законодательству, правам и свободам человека, отдельным нациям.

Еще одно из форм экстремизма в России — этнополитический экстремизм, в том числе и русский **национализм**. В России сегодня существуют сотни организаций и печатных изданий, занимающихся пропагандой русского национализма в его классической «черносотенной» или «коммуно-патриотической» интерпретациях. Часть подобных организаций публично или в прессе декларирует экстремистские лозунги. В то же время налицо значительный разрыв между призывами и желанием их реализовывать.

За время существования современной России (с 1991 года) этот экстремизм претерпел существенные изменения. В 1991-1996 годах радикалы-националисты питали надежду на перехват власти в стране у слабого, как им казалось, правительства Бориса Ельцина, и с этой целью ими предпринимались целенаправленные подготовительные действия. Например, шло формирование

и обучение военизированных отрядов, которые, в частности, приняли участие в неудачной попытке путча в октябре 1993 года. Основными врагами в этот период считались евреи и демократы. Однако после выборов 1996 года, когда стало понятно, что «антинародный режим» остается у власти надолго, «правая» революция откладывается, а власть успешно перенимает некоторые лозунги русских националистов, организации правых пережили внутренний кризис.

Характерным примером стал распад самой крупной и известной организации «черносотенного» типа — Русского национального единства (РНЕ), произошедший в 1999-2000 годах. В настоящее время РНЕ, некогда насчитывавшее до 15 тысяч членов, объединяет не более 4 тысяч, разделенных на несколько конкурирующих организаций.

В период после 1996 года основными врагами нового поколения националистических экстремистов стали лица неславянской внешности (например, трудовые мигранты и иностранные студенты), которых националисты различными методами начали выживать из «традиционно русских» городов. Уровень прямого насилия при этом резко вырос. Погромы и серийные убийства на почве расовой ненависти стали абсолютно новым явлением для городов России, но быстро получили распространение.

Кроме большого количества групп **скинхедов** и тесно связанного с ними движения «**фанатов**» (болельщиков спортивных команд, прежде всего футбольных), заметными категориями этих экстремистов являются организации казаков и небольшие террористические группы, состоящие из ветеранов «славянских» войн первой половины 1990-х (Приднестровья, Абхазии, Сербии) и участников путча в Москве в октябре 1993 года, а также их последователей. Среди самых заметных акций последних: обстрелы из гранатометов американского посольства в Москве в 1995 и 1999 годах, покушение на бывшего главу администрации президента, а ныне руководителя государственной энергетической компании РАО «ЕЭС» Анатолия Чубайса и подрыв поезда Грозный-

Москва на территории Московской области в 2005 году.

Активисты **казачьего движения**, декларировавшие в течение 1990-х годов экстремистские воззрения и участвовавшие в насильственных акциях, в настоящее время, в целом, отошли от дел. Само движение расколото на множество групп. Для сохранения полученных от правительства или региональных властей льгот они предпочитают воздерживаться от экстремистских заявлений, вроде обещаний пороть плохих журналистов, которые озвучивались, например, в 1992 году. В то же время они во многом сохраняют ксенофобские воззрения, особенно в отношении мигрантов. Однако реализация экстремистских взглядов, присутствующая у части казачьих организаций, в настоящее время вероятно скорее по согласованию с местными властями и на сельском уровне. Характерный в этом отношении пример — Краснодарский край, где действия казачьих организаций дополняют прессинг в отношении турок-месхетинцев и кавказцев со стороны местной милиции.

Специфический политический феномен, находящийся между правыми и левыми экстремистами, — Национально-большевистская партия под руководством Эдуарда Лимонова. В настоящее время помимо выдвигания социальных лозунгов она занимается борьбой за права (в ее специфическом понимании) русскоязычного населения в странах СНГ и за восстановление СССР. Партия прошла в своем развитии разные этапы. От пропаганды необходимости осуществления «национальной революции» ее члены временами переходили к практическим действиям в этом направлении — например, подготовке восстания казаков в Северном Казахстане. Однако шумные заявления партии задолго до этого привлекли внимание ФСБ. В результате ее провокации (с использованием членов РНЕ) лидер НБП и несколько его сторонников в 2001 году были арестованы, а в начале 2003 года осуждены за покупку автоматов и боеприпасов на сроки до четырех лет. В начале 2005 года все они оказались на свободе.

В целом, в настоящее время партия исповедует тактику символического

сопротивления с использованием методик европейских левых: забрасывание неугодных ей политиков и общественных деятелей тортами и апельсинами, удары букетами, кратковременные захваты административных или иных общественно значимых зданий силами своих активистов. С учетом борьбы Эдуарда Лимонова за сохранение партией легального статуса подобную трансформацию реальных методов борьбы можно считать хорошим результатом. Достигнут он был, впрочем, под давлением государства.

Левых организаций, мечтающих повторно осуществить в России коммунистическую революцию, довольно много, хотя они и крайне малочисленны. Их идеология может существенно различаться в деталях и образцах для подражания — от возвращения в СССР (с сопутствующей коммуну-патриотической риторикой) до строительства «подлинного» социалистического (анархического, коммунистического, народного) государства по проектам Петра Кропоткина или Льва Троцкого (с соответствующими антинацистскими лозунгами), однако стремление в первую очередь «бить буржуев» и обобществлять собственность позволяет говорить об их идейном родстве. Значительная их часть использует экстремистскую риторику в своих публичных заявлениях, однако лишь немногие попытались воплотить ее в жизнь. Почти всегда тактическим приемом левых экстремистов были террористические акты, направленные против госучреждений или памятников на территории Москвы и Московской области. Во всех случаях для их осуществления использовалась тайная закладка взрывчатых веществ.

По обвинению в совершении этих преступлений были арестованы и осуждены члены двух (возможно, взаимосвязанных) групп — «РВС РСФСР» и «Новая революционная альтернатива». Активист еще одной — наверное, самой крупной (до 500 членов) и известной из организаций левых экстремистов — «Авангарда красной молодежи» (АКМ) — также был арестован и отправлен на лечение в психиатрическую больницу за совершение терактов. Сама организа-

ция официально отказывается от тактики террористических актов, хотя готова защищать левых террористов после ареста. В ближайшее десятилетие в России будет наблюдаться рост числа левых экстремистов.

Религиозный экстремизм. В отличие от части других государств, образовавшихся на месте Советского Союза (Украины, Грузии, Молдавии), в России практически не было реальных случаев проявления физического насилия на религиозной почве. Это связано как с низким уровнем религиозной культуры населения (преимущественно пожилым и женским составом основной массы верующих, посещающих храмы), так и с относительно высоким, по сравнению с упомянутыми государствами, уровнем их терпимости.

В то же время нередки случаи причинения вреда религиозным зданиям и сооружениям, принадлежащим как доминирующей в стране Русской православной церкви (РПЦ), так и религиозным меньшинствам. Ущерб наносится поджогами, битьем стекол, надписями на стенах, надругательством над могильными памятниками. Мелкие инциденты такого рода (битье стекол, нанесение надписей, разрушение захоронений) на территории огромной страны с 24 тысячами зарегистрированных религиозных организаций и десятками тысяч кладбищ имеют место практически ежедневно.

Говорить о том, что эта деятельность носит организованный характер, за исключением поджогов или подрыва синагог и, возможно, в некоторых случаях, протестантских молитвенных домов, не приходится. По большей части эти действия совершаются группами местных подростков, не нашедших лучшего средства самовыражения.

По утверждению духовенства РПЦ, часть подростков, нападающих на храмы, относит себя к **сатанистам** или **неоязычникам**. В новейшей истории России известен, как минимум, один подобный случай, когда поклонник сатаны (и ветеран Афганистана) совершил убийство трех монахов на Пасху 1993 года в монастыре Оптиная пустынь в Калужской области. Преступник был за-

держан и признан неменяемым. Однако большая часть инцидентов с вандализмом в отношении храмов и кладбищ остается нераскрытой и плохо задокументированной самими пострадавшими.

Реальную опасность представляют в настоящее время две тесно связанные между собой общности, принадлежащие к правой части политического спектра. Это **скинхеды** и **спортивные хулиганы** (или «фанаты»). Они и самые массовые — специалисты сходятся во мнении, что в настоящее время только скинхедов в России около 50 тысяч человек, — и наиболее склонные к насилию экстремистские движения. Только в 2004 году сотрудниками центра «СОВА» зафиксировано не менее чем 45 убийств, совершенных скинхедами (против не менее 20 в 2003 году), хотя, безусловно, число подобных преступлений намного больше. Процессы над конкретными группами бритоголовых (например, в Архангельске, Перми, Подмосковье, Санкт-Петербурге, Тюмени) нередко показывают, что те совершали серийные убийства по расовому или социальному (бродяги) принципу.

Движение скинхедов распространилось практически на все крупные и средние города России. В 2001-2002 годах Москва и некоторые другие города впервые с начала прошлого века испытали на себе погромы на этнической почве. Группы численностью в несколько сот человек разгромили несколько рынков, убивая при этом людей с темным цветом кожи.

Не менее агрессивны и фанаты. Практически каждый футбольный или хоккейный матч в современной России, особенно в клубах высшей лиги и первого дивизиона, заканчивается потасовками между фанатами противоборствующих команд. Очень часто фанаты нападают на прохожих или торговцев с темным цветом кожи. Нередко подобные нападения заканчиваются смертью или тяжкими телесными повреждениями.

Характер геополитической ситуации в странах СНГ отличается динамизмом, сохранением здесь очагов вооруженных конфликтов и военно-

политической напряженности. Для уменьшения риска повышения уровня экстремистской деятельности в СНГ большое значение имеет разрешение «замороженных» приднестровского, армяно-азербайджанского, осетино-ингушского, грузино-абхазского, грузино-юго-осетинского этнополитических конфликтов. Их неурегулированность серьезно влияет на социально-экономическую ситуацию в СНГ, на темпы миграционных процессов, на политическую ситуацию в целом. В 2008 году получили свое разрешение грузино-абхазский и грузино-юго-осетинский конфликты. В результате образовались два новых, независимых государства на Кавказе.

В странах СНГ действуют более 10 различных религиозно-политических экстремистских движений, выступающих под лозунгами ислама. Среди них наиболее активными являются следующие:

1. **«Братья-мусульмане».** Все группировки этой организации представляют разветвленную сеть ячеек, так называемых джамаат-исламийя, которые действуют под самыми различными названиями. На территории государств Содружества выявлены следующие структуры организации «Братьев-мусульман», действующие под названиями: «Общество социальных реформ» (ОСР) (JamiatAl-Islah Al-Ijtimai) — Кувейтская общественно-благотворительная организация, имеющая отделения в Азербайджане, Казахстане, Таджикистане, Кыргызстане и Российской Федерации (гг. Баку, Чимкент, Душанбе, Бишкек, Москва); «Комитет исламского призыва» (LajnatAl-DawaaANstamiya), действующий под эгидой вышеназванного «Общества социальных реформ» (сфера деятельности — Российская федерация, Центрально-Азиатский регион, Азербайджан); «Дава исламия», или «Комитет исламского призыва», — радикальное крыло ОСР (сфера деятельности — Российская Федерация, Центрально-Азиатский регион, Азербайджан); «Аль-игаса» тесно координирует свою деятельность на территории России с «Дава исламия»; «Лига исламского мира», действующая в Российской Федерации. 2. «Комитет мусульман Азии» функци-

онирует при поддержке фонда «Лаббан Фаундейшн» в Российской Федерации и государствах Центрально-Азиатского региона;

2. **«Комитет мусульман России»** функционирует при поддержке фонда «Лаббан Фаундейшн» в Российской Федерации и в государствах Центрально-Азиатского региона;

3. **«Хизбут-тахрир аль-ислами»** («Партия исламского освобождения») активно проявляет себя в России, Азербайджане, Белоруссии, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане и Украине. В тесной смычке с «Хизбут-Тахрир» действует экстремистская организация «Исламское движение Узбекистана», причастная к вооруженным провокациям 1999 — 2000 гг. на узбекско-кыргызской границе и готовящая подобного рода провокации сегодня;

4. **«ХАМАС»** (Harakat al-Mugawama al-Isiamiya), или «Исламское движение сопротивления», действует в местах компактного проживания мусульман в Российской Федерации;

5. **Благотворительный фонд «Ибрагима бен Абдул Азиз Аль-Ибрагима»** и **«аль-Харрамин»** также действуют в России;

6. **«Центр исламского развития»** активно действует в Кыргызстане (г. Ош);

7. **«Акромийа»** — религиозное исламское течение Узбекистана (действует в Ферганской долине);

8. **«Адолат уюшмаси»** («Объединение Адолат») — нелегальная религиозно-экстремистская организация, с января 1991 года действующая в Узбекистане (г. Наманган);

9. **«Ислом лашкарлари»** — агрессивная религиозная группа, придерживающаяся идеологии «ваххабизма» (Узбекистан);

10. **«Товба»** — экстремистское религиозное движение, имеющее сторонников в Азербайджане, Узбекистане и Кыргызстане;

11. **«Национальный революционный фронт Восточного Туркестана»**

— экстремистская организация, преследующая цель создания на территории государств Центральной Азии независимого государства уйгуров, и некоторые другие.

Основные задачи этих организаций — пропаганда идей национализма и радикального исламского фундаментализма, особенно в местах компактного проживания мусульманского населения государств СНГ, с целью последующего объединения всех мусульман Кавказа и Центральной Азии в единый халифат. Серьезную озабоченность вызывает деятельность **«Исламского движения Узбекистана»** (ИДУ), лидеры которого предпринимают усилия по дестабилизации обстановки в ряде районов Узбекистана (прежде всего на территории узбекских анклавов в Киргизии, а так же в Андижанской, Ферганской и Наманганской областях) с перспективой начала вооруженной борьбы за захват власти в республике. При этом ареной активных боевых действий становятся Таджикистан и Киргизия. Среди международных террористических и экстремистских организаций, представляющих потенциальную угрозу безопасности стран СНГ, можно выделить следующие: **«Братья мусульмане»**, **«Международный исламский фронт против иудеев и христиан»**, **«Аль-Каида»**, **«Серые волки»**, **«Хизбут-Тахрир аль-Ислами»** и другие. Основная задача этих организаций — пропаганда идей исламского фундаментализма в местах компактного проживания мусульман. Особый интерес проявляется ими к регионам Кавказа и Центральной Азии, где их стратегической целью является создание исламского халифата.

Финансовый кризис 2008-2009 гг. может вызвать рост экстремизма в странах СНГ. Об этом заявил в середине 2009 года представитель антитеррористического центра СНГ Николай Соколов. По его словам, угроза экстремизма и терроризма нарастает, и очень стремительно — в той мере, в которой нарастают экономические трудности в наших странах. «Не исключен и весьма печальный сценарий, когда экономический кризис перерастет в социальный», — за-

ключил Соколов.

В условиях, когда экстремисты и террористы приняли на вооружение информационное оружие, традиционные силовые меры противодействия представляются не только недостаточными, но и мало приемлемыми. Бесспорна потребность в информационном антитерроризме¹. Безусловно, на институциональном уровне подобные программы, вплотную касающиеся национальной безопасности государства, должно возглавлять государство. Кроме этого, очевидно, что каналом такой PR-кампании в любом случае окажутся СМИ, и подобное вмешательство государства в дела прессы может вылиться в ограничение профессиональных, творческих, идеологических и прочих возможностей журналистов. Поэтому, на настоящем этапе СМИ должны самостоятельно взять на себя бремя борьбы с террористическим злом на информационном поле. Основой этой борьбы должны стать самоконтроль и этическая регуляция СМИ.

5.4. Исламский религиозно-политический экстремизм

Одним из наиболее серьезных и острых проявлений экстремизма в современной России является **исламский** религиозно-политический экстремизм. По форме этот экстремизм является духовно-религиозным. В его основе лежит глубокий **мировоззренческий конфликт** между идеалами и нормами ислама как мировой религии, ставшей традиционной для многих народов России, и современной **светской** (по существу **западно-либеральной**) идеологией, взятой на вооружение и нынешней правящей политической элитой России. В России сегодня проживает около 20 млн. людей, исповедующих ислам. Исламское население характеризуется тенденцией быстрого демографического роста. По-

¹ Термин введен М.А. Шишкиной. См.: Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб., 1999.

казательно при этом, что если в 1990-е гг. эпицентром религиозно-политического экстремизма в России была Чечня, то в 2000-е гг. основной очаг напряженности стал смещаться в Дагестан и в Ингушетию, в которых нет господствующих сепаратистских настроений. Поэтому сегодня наиболее важно понять сущность и истоки именно религиозно-политического экстремизма.

Ислам, как уже отмечалось выше, является, во-первых, глубоко **политизированной** по своей природе религией, а, во-вторых, — религией еще не пережившей (или переживающей лишь в настоящее время) своей **просвещенческой** стадии развития. Если христианская и буддистская религии с самого начала были обособлены от светского — политического, экономического и культурного — развития народов, среди которых они утверждались, то ислам, наоборот, с самого начала оказался неразрывно связан с этими сторонами общественной жизни, и в результате длительного исторического развития исламских народов глубоко проник во все основные жизненные сферы социума. Как отмечает Д. Фурман, если в христианских странах громадная сфера общественной и государственной жизни оставалась свободной, способной к развитию, поскольку церковь заботилась лишь о том, чтобы все признавали ее абсолютную власть в вопросах веры и редко вмешивалась в социально-политические процессы, то в мусульманском мире дело обстоит прямо противоположным образом. «Любые социальные формы и любые изменения должны оцениваться с точки зрения одной вечной модели — модели мединского государства (или протогосударства) пророка, зафиксированной в шариате. Здесь нет колоссальной «светской» сферы жизни, безразличной с точки зрения религии и поэтому — способной к эволюции»¹. Ислам — это не просто вероучение, но и тотальный **образ жизни**, во многом альтернативный современному западному. А любой глубоко верующий мусульманин — во многом моральный антипод совре-

¹ См. Послесловие к книге: Абдуллахи Ахмед ан-Наим. На пути к исламской реформации. М., 1999.

менного западного человека.

В то же время, за период господства в России **светской** (коммунистической) просвещенческой идеологии, стоящей во многих отношениях к исламу намного ближе, чем западный либерализм, последней удалось в значительной степени ослабить влияние ислама на общественную жизнь исламских народов России, в результате чего у них сформировались и достаточно мощные **светские** политические, экономические и культурные элиты, не отождествляющие себя с религиозными исламскими элитами и не подчиняющиеся безусловно их авторитету. Советской идеологии в России удалось сделать то, что среди зарубежных современных исламских народов удалось сделать только Ататюрку и его партии в Турции. Однако крах советской идеологии в конце 1980-х годов, ее капитуляция перед лицом западной либеральной доктрины привели к тому, что образовавшийся духовно-идеологический вакуум в России был заполнен идеологией **религиозной** (православной, буддистской и исламской). В этом отношении можно говорить о серьезной **архаизации** современного российского общественного сознания. Укрепление позиций религии по отношению к светской идеологии как раз и является наиболее серьезным проявлением такой архаизации. При этом именно ислам потенциально несет в себе наиболее антилиберальный, наиболее антизападный и антипросвещенческий¹ заряд, причем — в наиболее **политизированной** его форме. Иначе говоря, воз-

¹ «Доля мусульман среди всех ученых мира сегодня составляет всего один процент (в одном Израиле живет больше ученых, чем во всех мусульманских странах вместе взятых). В Арабских странах ежегодно переводятся лишь около 300 иностранных книг — в пять раз меньше, чем в Греции. Капиталовложения в научные исследования здесь составляют одну седьмую от среднемирового уровня. В 56-ти странах-членах Организации «Исламская конференция» проживает пятая часть населения земли, но они совместно производят меньший валовой национальный продукт, чем одна Франция» (Кулиев В.Д. Проявление политического и этнического экстремизма в исламе: корни существования и условия развития // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 215).

рождение ислама в традиционных исламских республиках неизбежно привело к глубокому **мировоззренческому конфликту** части верующих этой конфессии с новой российской идеологией, возведенной в ранг государственной.

При этом основная часть верующих этой конфессии во главе с нынешними духовными лидерами мусульман России и их традиционными духовными авторитетами все же нашли возможность разрешения этого конфликта относительно мирными, компромиссными, цивилизованными средствами, и только **часть верующих**, ставших в оппозицию и к самой официальной исламской элите, перешли на путь непримиримой борьбы с ними и с федеральной властью в целом — на путь экстремистской деятельности. Последних чаще всего называют в последнее время **ваххабитами**. Следует отметить при этом, что последователи Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703-1787) никогда не называли себя «ваххабитами». Идентифицировать себя с именем одного человека для них означало бы впасть в грех идолопоклонства. Они называли и называют себя «единобожниками» («муваххидун») или приверженцами первоначального (чистого) ислама, «идущими по пути предшественников» («салафийун»). Детальный анализ сущности и истории развития этого феномена как в истории самого ислама, так и в новейшей истории России содержится, в частности, в монографии российских ученых А.К. Алиева, З.С. Арухова и К.М. Ханбабаева¹.

Ваххабизм представляет собой религиозно-политическое течение, основателем которого был Мухаммад ибн Абд ал-Ваххаб. Основываясь на религиозных воззрениях ученых ханбалитского толка ибн Таймии и ибн ал-Кайима, он возглавил движение за очищение исламского вероучения и обрядности от тех многочисленных нововведений в исламе, которые получили распространение в его время как среди самих арабов, так и среди других народов исламской цивилизации. Непосредственными политическими целями его движения были

¹ См. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007.

освобождение Аравии от власти Османской империи и создание там теократического государства, что нашло широкую поддержку среди шейхов многочисленных арабских племен того времени. Его деятельность дала толчок к созданию государства Саудовская Аравия, а его воззрения стали частью ее официальной идеологии.

Последователи Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба отвергают «недозволенные новшества» и выступают за возврат к первоначальной вере. Представители этого радикального крыла «раннего фундаментализма» создали прототип модели активистского исламского политического поведения: воинственность и джихад в деле защиты ислама; соединение фундаменталистской идеи с активной политической позицией в личной жизни; готовность бросить вызов религиозной и политической власти, приносить жертвы во имя Аллаха. В последние годы идеи ваххабизма распространяют многочисленные группы миссионеров в различных странах, где живут мусульмане. Эти идеи особенно активно пропагандируют там, где происходит активный процесс духовного возрождения мусульманского населения¹, как, например, сейчас в России.

Однако термин «ваххабиты», как отмечают многие российские ученые, не вполне точно отражает суть этого религиозно-политического течения. Не отражает ее вполне и понятие **фундаментализма**, хотя в основе его и действительно лежит призыв вернуться **к основам** ислама в их первоначальной строгости и простоте. «Назад к Пророку и первым халифам!» — так можно выразить основное духовное устремление приверженцев этого течения. Они ратуют за возрождение строгих идеалов первоначального ислама, за возврат к неукоснительному исполнению всех его правил, обрядов и норм, господствовавших в средневековье. Идеологически, — это **ретроградный** ответ на вызов времени. Его идеал — в далеком прошлом, когда ислам торжествовал на планете, и му-

¹ Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007. С. 66-67.

сульмане правили половиной мира.

В то же время в рассматриваемом религиозно-политическом движении большую роль играют и некоторые **модернистские** идеологиемы, взятые на вооружение нынешними борцами за торжество ислама. Большую роль в становлении этой фундаменталистской идеологии сыграло и реформаторство — учения Джамал ад-Дин аль-Афгани (1839-1897), Мухаммеда Абдо (1849-1905), Абд ар-Рахмана аль-Кавакби (1849-1902), Рашида Рида (1865-1935) и др., — подготовившее мусульманское сознание к динамичному восприятию мира и закрепившее веру в способность ислама преодолеть временное состояние упадка через соединение исламской культуры и слагаемых европейского превосходства, в том числе буржуазных реформ. В 1930-х годах радикальную исламскую альтернативу Западу выдвинула Ассоциация «Братьев-мусульман» (АБМ), созданная в 1929 г. школьным учителем Хасаном аль-Банной (1906-1949), который видел возможность выхода из кризиса через установление политической гегемонии исламской партии, сопровождаемое полезными заимствованиями у Запада, не противоречащими принципам и законам ислама¹.

И.В. Кудряшова² предприняла удачную попытку очертить концептуальное поле этого религиозно-политического течения на основе изучения работ, прежде всего, египтянина Сейида Кутба (1906-1966) и пакистанца Абу аль-Аля аль-Маудуди (1903-1979). В ходе анализа их представлений об исламском порядке и социальной справедливости автор выделяет идеологиемы, которые в 1970-е годы под влиянием ряда факторов (арабо-израильских войн, неудач социалистической ориентации, уникальной победы иранской революции и др.) начинают активно проникать в массовое сознание мусульман. Идеалом при этом выступает «золотой век» ислама, охватывающий время пророческой мис-

¹ Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007. С. 66-67.

² См. Кудряшова И.В. Исламский фундаментализм как тип политического сознания. Автореферат ... канд. полит. наук. М., 1999.

сии Мухаммеда и правления четырех праведных халифов. Наиболее значимые положения этой идеологической доктрины следующие¹:

— **Ислам как мировая идеология** в качестве последнего и самого аутентичного божественного послания (Мухаммед — «печать пророков»). Только ислам способен дать человечеству «свежий заряд высоких идеалов вместе с исконным, позитивным и реалистичным образом жизни и развить на этой основе существующую материальную культуру, продукт творческого гения Европы».

— Принцип **всевластия Аллаха** (хакимийа), понимаемый как необходимость восстановления «целостной космической исламской системы». Этот принцип отрицает концепцию юридического и политического суверенитета людей, — индивидуального или коллективного. Современное невежество (джахилийя), понимаемое С. Кутбом в 1950-е гг. как качество современной европейской цивилизации, а позднее как всеобъемлющее и преобладающее состояние, одновременно поражающее исламский и неисламский мир. Его последователь и брат, Мухаммад Кутб, вкладывает в это понятие только моральный и интеллектуальный (а не государственно-правовой) смысл, а аль-Маудуди не отказывает мусульманам в праве называться мусульманами, если принципы ислама были полностью разъяснены им:

— Принцип **справедливости в правлении**, вытекающий из провозглашения **шариата** основой государства; народ принимает участие в избрании халифа и наделяет его легитимностью для осуществления власти в соответствии с шариатом.

— Принцип **справедливости в экономике**. Члены общины пользуются принадлежащим Аллаху и общине имуществом в зависимости от трудового вклада. Частная собственность допустима, но ее параметры регулируются, ис-

¹ Цит. по: Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007. С. 67.

ходя из критериев благосостояния общины в целом, закят (налог в пользу бедных и социально незащищенных) в сочетании с государственной политикой не допускает резкой социальной дифференциации.

— **Моральное совершенство** (нравственный ориентир для верующих — жизнь Пророка и его ближайших сподвижников).

— **Семья как микромодель общества** (вся исламская социальная система есть «расширенная система семьи», относящаяся к священному порядку и установленная соответственно человеческим инстинктам и требованиям).

— **'Усба му'мина** (букв. «союз верующих») как передовой отряд ислама (возрождение веры в единого Аллаха предполагает образование духовно-политического «авангарда», который должен возродить ислам).

— **Джихад**, трактуемый как вступление индивида в новое сообщество (мир веры), которое отвергает все законы старого (мира неверия) и **революционная борьба за возрождение ислама**, подразумевающая широкий комплекс действий: от пропагандистских статей в прессе и пожертвований до использования вооруженной силы¹.

¹ «Джихад, — поясняет В.Д. Кулиев, — всегда считался религиозным долгом мусульманина и одной из главных обязанностей мусульманской общины, хотя улемы никогда не включали его в число столпов Ислама. Это слово чаще всего переводят неточно — как «священная война», но буквально оно означает лишь высшее, максимальное усилие; главное понимание джихада состоит в том, что верующий борется против зла и искушений в самом себе, путем самодисциплины стремится следовать воле Бога, идти по указанному им прямому пути, быть добродетельным, совершенным мусульманином. Это «большой джихад», а «малый джихад» это борьба за распространение и защиту Ислама. Но исламисты делают упор фактически именно на «малый джихад», и им есть на что сослаться, хотя бы на такие стихи Корана: «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами ... И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас ... Я брошу в сердца тех, которые не веровали, страх; бейте же их по шеям ... избивайте многобожников, где их найдете, захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте!» [Коран / Пер. И. Ю. Крачковского) 2:190, 191, 8:12, 13, 9: 5.] Конечно, нельзя забывать об историческом контексте: речь здесь идет не о христианах, а о язычниках, к тому же наряду с призывом убивать есть и ограничение: «не преступайте пределов дозволенного». Но при желании можно интерпретировать эти суры Корана как призыв убивать вообще всех неверных, т. е. немусульман. Именно это и делают воинствующие исламисты, а ваххабиты идут еще дальше и считают врагами даже мусульман, уклоняющихся от выполнения этого «священного долга» (Кулиев В.Д. Проявление политического и этнического экстремизма в исламе: корни существования

Таковы духовно-нравственные основы, противопоставляемые современными «ваххабитами», с одной стороны, нынешней западной светской либерально-политической доктрине, а, с другой — традиционному («просвещенному») исламу, вступившему на путь компромисса с современной светской идеологией. Таким образом, это экстремистское религиозно-политическое течение конфликтует в России одновременно и со светскими политическими властями, и с самими исламскими духовными властями, которые в борьбе с ним, объективно, являются **союзниками**. Такими же союзниками в борьбе с этим экстремистским течением является и **светская культурная элита** исламских народов, не желающая отказываться от достигнутой ею степени независимости от авторитета исламских богословов.

Каковы же причины нынешнего усиления влияния среди части исламского населения России рассматриваемой экстремистской идеологии? Эти причины, на наш взгляд, можно свести к двум группам факторов — внутренней и внешней.

К причинам **внутреннего** характера относится прежде всего историческое поражение самой исламской цивилизации, проигравшей на данном этапе историческое соревнование с цивилизацией западной, основанной на других социальных и духовных принципах и идеалах. Далеко опередив Западную цивилизацию в период VIII-XIII веков, Исламская цивилизация вступила затем в длительную полосу застоя, в результате чего попала в конце концов в унижительную для нее зависимость от достижений Западной цивилизации, что не могло не привести к утрате авторитета и самой исламской веры среди исламских народов. Ответом на это историческое поражение и стали интенсивные духовные искания исламской элиты и выдвижение многочисленных реформа-

и условия развития // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 217).

торских доктрин — от модернистских до ретроградных. Современный «ваххабизм» как раз и является одной из таких доктрин.

Ко **внешним** причинам усиления интереса к исламским реформаторским идеологическим течениям необходимо отнести прежде всего ослабление их **духовных оппонентов** в России. Деморализация российской политической и культурной элиты, ее духовная капитуляция перед своим вчерашним противником, сопровождаемые падением нравов и морали в их среде, расцветом коррупции и т.д., все это вызывает **гнев** и **презрение** у наиболее стойких приверженцев исламской веры и нежелание подчиняться такой элите.

Помимо ослабления духовного, нынешняя российская политическая элита допустила и ослабление **материальное**. Глубокая деградация экономики, армии, науки и образования в России, допущенные в ходе реформ 1990-х годов, приведение страны в полную зависимость от Запада (материальную и духовную) также способствовали потере уважения к ней в среде широких масс народа (в том числе и среди верующих).

Наконец, крайняя **социальная дифференциация** (попросту, ограбление верхушкой бизнес-элиты широких народных масс), приведшая к массовому обнищанию российского населения, вызвали в среде наиболее активных его слоев **протест** и **ненависть** к правящей элите и ее идеологии. И особенно активно эта причина действует именно на Северном Кавказе, — экономически наиболее отсталом и наиболее пострадавшем от реформ регионе. В более развитых мусульманских регионах России (Татарстан и Башкортостан) этот фактор сегодня несколько ослаблен, хотя напряженность ощущается и там.

Относительное экономическое благополучие и динамичное развитие, демонстрируемое при этом традиционными исламскими государствами (прежде всего Саудовской Аравией, являющейся главным поставщиком энергоноси-

телей в мире) только подчеркивает неприемлемость нынешнего курса социально-экономического развития России.

Таким образом, ненависть и презрение части российских мусульман к нынешней политической элите России и ее союзникам в самих исламских республиках является одним из важнейших факторов политического бунта против нее и вступления наиболее активной части верующих под лозунгами ваххабизма на путь вооруженной борьбы с нею и экстремистской деятельности в целом. Об исключительной опасности потери уважения правителями предупреждал еще Макиавелли. «Государь, — писал он, — должен следить за тем, чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение подданных. Если в этом он преуспеет, то свое дело он сделал, и прочие его пороки не представят для него никакой опасности. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этим качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость. ... К правителю, внушившему о себе такое понятие, будут относиться с почтением; а если известно, что государь имеет выдающиеся достоинства и почитаем своими подданными, врагам труднее будет напасть на него или составить против него заговор. Ибо государя подстерегают две опасности — одна изнутри, со стороны подданных, другая извне — со стороны сильных соседей. С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников; причем тот, кто имеет хорошее войско, найдет и хороших союзников. А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир ...»¹.

¹ Никколо Макиавелли. Государь. М., 1990. С. 54-55.

В ходе беспорядочных реформ 1990-х годов политическая элита России потеряла всякое уважение и всякий авторитет как во внешнем мире, так и внутри самой России. И именно это и является одной из важнейших причин бунта против нее региональных исламских политических элит, выступивших под религиозно-политическими исламскими лозунгами.

В. Панфилова и З. Тодуа¹ удачно раскрывают и **социально-психологические причины и механизмы**, приводящие определенную часть исламской молодежи в религиозно-экстремистские группировки. «Представим себе, — пишут они, — молодого человека лет 17-20, который живет в глухом селе, в многодетной семье. Работать ему негде, потому что большинство ранее действовавших предприятий закрыто, а все хорошие места давно уже заняты. О том, чтобы учиться, не стоит и мечтать, так как у родителей нет денег на внесение официальной платы и неофициальной взятки. У него нет перспектив создать семью, потому что некуда привести жить молодую жену и не на что будет содержать детей.

И вот однажды такому парню попадает на глаза плохо изданная книжка, например, «Система ислама», напечатанная на серой, скверного качества бумаге. Он начинает листать ее, и глаза невольно цепляются за слова и фразы, которые задевают самые глубинные струны его души.

В этой книжке пишут о том, как тяжело живется мусульманам всего мира, что правители мусульманских стран несправедливы и продались Западу. Они поддерживают существующий порядок, угнетают и грабят народы своих стран. Далее говорится о том, что Запад на протяжении многих лет ведет войну против ислама: контролирует руководство большинства государств с мусульманским населением, поддерживает Израиль и его политику в отношении Па-

¹ См. Панфилова В., Тодуа З. «Халифат идет!». Исламисты наступают на Центральную Азию // НГ-религия. 2005. 19 октября.

лестины, начал войну в Ираке и Афганистане. Мусульманские братья ведут борьбу против оккупантов, однако, они плохо вооружены и разобщены.

Почему же мусульманский мир находится в таком угнетенном и подчиненном положении и терпит поражение за поражением, — вопрошает автор? Потому, отвечает он, что мусульмане отвернулись от Аллаха и отошли от истинной веры. Далее следует ударный фрагмент текста: «Когда мусульмане придерживались правильной веры, неукоснительно соблюдали все предписания шариата, основанного на священных текстах Корана и положениях Сунны, они правили всем миром, как во времена халифата».

Затем в книге излагается критика традиционного ислама, последователи которого якобы привели мусульманский мир в упадок, и следует изложение содержания «правильного» учения, суть которого сводится к возврату к истокам и «чистому исламу». Как правило, ключевым пунктом всех этих произведений являются рассуждения о необходимости джихада, который экстремистскими идеологами подается исключительно как ведение войны с неверными.

По такой или примерно такой схеме построены все пропагандистские издания экстремистов. Помимо тезисов об «угнетенном» положении ислама и необходимости возврата к истокам авторы текстов концентрируют внимание на проблемах, которые в настоящее время действительно являются серьезными. А именно:

— несовершенство существующего порядка в мире, в том числе в США и Европе, построенного на принципах демократии:

— неравенство между регионами мира — Севером и Югом, Западом и Востоком;

— снижение значения морали, нравственности, семейных ценностей в любом обществе, но особенно в восточном, куда проникает западный образ жизни с его индивидуализмом, корыстью, погоней за деньгами и развлечениями.

Религиозно-экстремистские издания кратко, ясно и довольно убедительно отвечают на вопросы: кто виноват и что делать, чтобы изменить жизнь мусульман к лучшему. Как справедливо пишут В. Панфилова и З. Тодуа, «на необразованных, забитых, обездоленных людей, каковых после распада СССР на Кавказе и в Центральной Азии появилось множество, эти идеи действуют вполне эффективно»¹.

Чтобы противодействовать этому направлению умов, нужно прежде всего противопоставить ему столь же убедительное и доступное для широких масс **идеологическое обоснование** верности избранного Россией пути развития страны. Но для этого необходимо выработать саму новую идеологию России, отвечающую ее интересам и традициям, а не заимствуемую слепо у западных народов. Примером здесь опять-таки может служить реформистская идеология Ататюрка, выработанная в Турции в начале XX века. Но такая задача в нашем обществе еще до сих пор не выполнена. «Согласимся, — констатирует Г.И. Юсупова, — что по сей день еще не создано достойной альтернативы идеологического влияния на массы, которым наша страна располагала на протяжении многих десятилетий. Различные по времени и интенсивности попытки политической мобилизации электората в новые партийные организации и движения, активно поддерживаемые властными структурами, до сих пор не увенчались успехом. Не превратилась пока в активную политическую и идеологическую силу ни одна из распространенных на территории России на сегодняшний день идеологических доктрин. Именно отсутствием достойного соперника, на наш взгляд, можно объяснить рост политизации исламских организаций на Северном Кавказе в начале 1990-х годов прошлого века»².

¹ Цит. по: Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007. С. 181-182.

² Юсупова Г.И. Роль идеологического фактора в противодействии религиозно-политическому и этническому экстремизму // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М.

Неудовлетворительными, по-видимому, следует признать и **идеологические усилия самой официальной российской исламской духовной элиты.** «Распространение ваххабизма, — отмечает в этой связи Д.В. Сочнев, — облегчается благодаря деятельности представителей «официального ислама». Лидеры Духовных управлений мусульман так же нетранспарентны, как и региональные власти. Они не готовы к серьезным теологическим диспутам, ежедневной работе с паствой. Их помыслы направлены на удержание власти при поддержке государственных институтов РФ. ... Ни для кого не секрет, что зачастую под маркой «борьбы с ваххабизмом» руководители ДУМ дискредитируют любые попытки обновленчества, сам процесс модернизации ислама, а строптивых проповедников записывают одним росчерком пера в «ваххабиты» и «террористы». Мягко говоря, не совсем однозначны и призывы многих «традиционалистов» к неправовым формам противодействия ваххабизму. ... Было бы хорошо, если бы поддержка государством «нашего ислама» сопровождалась выдвижением определенных условий к его лидерам, таких, как религиозная модернизация и организация диалога с умеренными «обновленцами». Однако признаков такой условной поддержки со стороны официальной власти не видно. Абсолютное потакание «исламской элите» — если угодно, своеобразной «религиозной партии власти» — чревато реальной массовой «ваххабизацией» всего Кавказа, а затем и Поволжья. Политика господдержки «нашего ислама» приведет к еще большей теологической и социальной замкнутости «традиционалистов», еще большей их «аристократизации» и отрыву от массы верующих. ... При реализации сценария по дальнейшему «огосударствлению» «традиционного ислама» его оппоненты получают в руки такой мощный ресурс, как эгалитаризм (борьба с привилегиями). В итоге — делегитимация «традиционного ислама», превращение его в конфессию господ. ... Без эффективного диалога с умеренными сторонниками «обновленческого ислама», а также без внутриис-

ламского диалога на Кавказе, проблема религиозного экстремизма не скоро исчезнет с повестки дня»¹.

Вместе с тем одних только идеологических усилий недостаточно. Новая российская элита должна продемонстрировать своему населению и **реальные достижения** во всех сферах, чтобы вернуть себе его уважение и доверие. Идя от поражения к поражению, такого уважения не приобретешь. Победрами в одних только избирательных кампаниях реального авторитета не завоеешь, а только озлобишь своих противников и подтолкнешь их к нелегитимным, экстремистским формам борьбы. Что мы и наблюдаем в нынешних условиях. «Борьба с экстремизмом и терроризмом, — отмечает Л.В. Батиев, — не может вестись только лишь силами правоохранительных органов и спецслужб. ... Главная, на наш взгляд, задача — «приблизить» власть к народу, завоевать доверие населения, обеспечить ее законность и эффективность деятельности всех органов снизу доверху»².

Наконец, главным политическим достижением новой политической элиты может быть только реальное **улучшение социально-экономического положения широких масс населения России** (особенно в депрессивных районах Северного Кавказа), создание у них хотя бы минимальной уверенности в завтрашнем дне и сознания **перспектив** в дальнейшем улучшении их положения. Без утверждения в обществе такой социальной атмосферы бороться с религиозно-политическим экстремизмом одними только силовыми методами и морально-пропагандистскими лозунгами бесперспективно. «Пожалуй, самое важ-

¹ Сочнев Д.В. Этнорелигиозные корни современного терроризма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 130.

² Батиев Л.В. Системный анализ предпосылок экстремизма На Северном Кавказе // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 351.

ное в том, — отмечает Д.В. Сочнев, — что сегодняшняя борьба с ваххабизмом — это противостояние не причинам, а следствиям болезни. Идеи «чистого ислама» как «третьего пути», альтернативного коммунизму и либеральной демократии, находят поддержку у определенной части жителей Кавказа. В этом смысле они самые что ни на есть внутренние, а не занесенные извне. Безработица при высоких темпах рождаемости и плотности населения, социальная не обустроенность, нетранспарентность власти подпитывают исламских радикалов. Их сила возрастает и из-за слабой инкорпорированности жителей региона в общероссийские социальные процессы»¹.

5.5. Политический экстремизм на Северном Кавказе

Наиболее остро проблемы экстремизма и терроризма, как известно, проявились на Северном Кавказе, самом сложном в этническом и конфессиональном отношении регионе Российской Федерации. Связь между происходящими на его территории этническими конфликтами и экстремизмом очевидна: отставание национальной, религиозной идентичности порождает невиданное насилие, которое зачастую носит террористический характер. Однако приходится констатировать, что правоохрнительным органам ЮФО не удается адекватно противодействовать этнической и экстремистской преступности: в 2006 г. выявлено только 29 преступлений экстремистской направленности. Вряд ли эти цифры отражают реальную картину. Причины как объективные (латентность преступлений), так и субъективные (мотив совершения преступления — национальная, религиозная ненависть или вражда — правоохрнительные органы игнорируют даже при его явном наличии; распространена практика квалифи-

¹ Сочнев Д.В. Этнорелигиозные корни современного терроризма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 118.

кации подобных деяний как обычного хулиганства). На территории округа действует целая сеть этнических преступных группировок, представленных народами Северного Кавказа, специализирующихся как на совершении традиционных преступлений (вымогательства, разбоев, грабежей), так и на совершении актов терроризма, по числу которых ЮФО лидирует среди других федеральных округов: из 112 актов терроризма, зарегистрированных в 2006 г. на территории России, 101 совершен на территории округа.

Таким образом, этнические, религиозные противоречия в округе все больше начинают принимать оттенок криминальной, и в особенности, экстремистской направленности.

Развитие политического экстремизма на Северном Кавказе происходит в сложной, многофакторной его форме. При этом специалисты отмечают следующий характер его исторической эволюции. «По временным рамкам реисламизация и этнический Ренессанс на Юге России, — указывает Г.И. Юсупова, — совпадают. Начало этих процессов приходится на конец 80-х — начало 90-х годов двадцатого века. Однако по степени политической активности они не совпадают. **Этническое Возрождение** 1990-х годов условно можно разделить на три этапа: 1) начало 1990-х гг. — стремительный рост этнического самосознания народов Северного Кавказа, созревание и начало наиболее крупных межэтнических конфликтов в регионе; 2) середина 1990-х гг. — пик или наивысший подъем этнического Возрождения, эскалация конфликтов; 3) конец 1990-х гг. — начало XXI в. — стагнация межэтнических противоречий в регионе¹. Основные этапы **реисламизации**: 1) рост религиозного сознания населе-

¹ Одним из первых в 1990 году возник «Объединенный конгресс чеченского народа», затем — «Всетатарский общественный центр», в 1992-1993 гг. В Дагестане также появляются национальные движения: кумыкское «Тенглик», аварское «Фронт им. Шамиля», лезгинское «Садвал», даргинское «Цадеш». Эти организации поначалу были весьма влиятельными, могли оспаривать власть в своих районах, но постепенно влияние их начало ослабевать, и в середине 1990-х годов многие из них самораспустились. Ослабление их влияния было в основном связано с разочарованием рядовых людей результатами деятельности лидеров этих национальных движений, а также определенными действиями властных структур (Авшалу-

ния и количества религиозных организаций и культовых зданий; 2) начало политизации Ислама и усиление влияния религиозных организаций и их лидеров на общественно-политическую жизнь в регионе; 3) активная радикализация Ислама, рост религиозно-политического экстремизма и терроризма. Хронологически эти этапы соответствуют предыдущим. Таким образом, — заключает Г.И. Юсупова, — можно сделать вывод, что политизация и радикализация Ислама особенно усилились в связи с определенным **спадом** деятельности национальных движений, пик активности которых приходится на середину 1990-х годов»¹.

Что же касается **содержания** экстремистской деятельности в рассматриваемом регионе, то оно отличается значительной вариабельностью в зависимости от местных условий. «Вопреки распространенному общему подходу, — отмечает в этой связи Л.В. Батиев, — следует учитывать неоднозначность экстремизма и терроризма на Северном Кавказе, которые произрастают на неодинаковой (хотя и сходной во многих отношениях) социально-экономической и этнополитической основе. Экстремизм и терроризм в Чечне были изначально замешаны на **сепаратизме**. В Ингушетии идеи отделения от России никогда не были популярны. Криминально-террористическая война в Дагестане представляет собой **борьбу кланов** за передел власти и собственности, на которую наслаивается так называемый ваххабитский экстремизм и терроризм, произрастающий на почве недовольства населения и подпитываемый **зарубежными спонсорами**. В Северной Осетии-Алании террористические действия осу-

мова Л.Х. Национальный экстремизм и его проявления // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 99).

¹ Юсупова Г.И. Роль идеологического фактора в противодействии религиозно-политическому и этническому экстремизму // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 444.

ществляются **внешними** по отношению к республике силами: здесь особую значимость сохраняет территориальный спор с Ингушетией и неугасающие обиды после конфликта 1992 г. Кабардино-Балкарский вариант экстремизма в целом, несмотря на наличие недовольства среди балкарского населения не приобрел национальной окраски. Это подтверждает знакомство с этническим составом 200 боевиков, напавших на Нальчик в октябре 2005 г.: он пропорционально (кроме русских — один человек) представляет национальную структуру республики (кабардинцы, балкарцы, ингуши). Поэтому и противодействие экстремизму и терроризму, — делает вывод Л.В. Батиев, — должно осуществляться исходя из их специфики в каждом регионе»¹.

При всей справедливости указанных местных различий в проявлении экстремизма на Северном Кавказе, не следует, на наш взгляд, недооценивать и **общих** для всего региона его причин и факторов. Основной формой экстремизма на Северном Кавказе является, как уже отмечено выше, экстремизм **религиозно-политический**. Однако во многих северокавказских республиках (за исключением Дагестана) этот экстремизм осложняется еще и его **этнической** (этнополитической и межэтнической) формой.

Причина существования этой, общей для всего региона формы этнического экстремизма заключается главным образом в том, что историческая память этих народов несет в себе глубокие **социально-психологические травмы**, полученные ими в результате развития в рамках российской государственности. С одной стороны, — это память о том, что их включение в состав Российского государства произошло не вполне добровольным и мирным путем, и было достигнуто в результате военного покорения Кавказа царской Россией. Но, с другой стороны, еще более травмирующим фактором для исторической

¹ Батиев Л.В. Системный анализ предпосылок экстремизма На Северном Кавказе // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос»,

памяти этих народов является факт их **насильственной депортации** из исконных мест их проживания (с их исторической территории) в другие области СССР, осуществленной в 1940-х годах. При этом речь идет не столько о материальных и социальных потерях, отчасти компенсированных впоследствии советским правительством, сколько о **национальном унижении и оскорблении** этих народов перед лицом всех остальных народов России.

Народы (этносы) так же, как и люди, имеют чувство собственного достоинства, **национальную гордость** и самоуважение, необходимые им для нормального существования и развития так же, как и отдельным людям. Они гордятся своими предками, своими национальными героями и выдающимися людьми, своим вкладом в общую историю российского государства и т.д. И если государство хочет иметь преданных и ревностных защитников своих интересов, иметь патриотически, а не враждебно настроенных граждан, оно должно воздавать должное любым проявлениям такого настроения среди своих граждан и народов и не унижать их достоинства. Но именно этот принцип был грубо нарушен в истории с депортацией некоторых северокавказских народов в 1940-х годах. Оскорбив эти народы в целом, государство оскорбило тем самым и каждого их представителя в отдельности, причем на долгие годы.

Формальная реабилитация, осуществленная в конце 1950-х — начале 1960-х годов, была, конечно, **необходимым** условием восстановления доброго имени пострадавших народов, но само оскорбление от этого еще не забылось и продолжает оказывать свое негативное влияние, особенно, если постоянно напоминать о нем и искусно разжигать память об этих событиях, чем и пользуются в нынешних условиях многие экстремистски настроенные представители национальных элит в Северокавказских республиках.

Депортация некоторых северокавказских народов, помимо нанесения им социально-психологической травмы, привела также и к обострению **межэтни-**

ческих отношений среди этих народов (например, осетино-ингушский конфликт из-за Пригородного района, а также конфликты русского казачьего населения с депортированными народами), что еще более осложнило конфликтную ситуацию в этом регионе.

Поэтому правительству, наряду с другими мерами, целесообразно разработать специальную программу **социально-психологической реабилитации** исторического сознания этих народов, рассчитанную на длительный срок. К выработке такой программы должны быть привлечены серьезные научные силы как федерального уровня, так и представители национальной элиты северокавказских народов.

5.6. Взаимодействие этнических и культурно-конфессиональных противоречий на Северном Кавказе и формы их разрешения (на примере республики Дагестан)

Политический экстремизм в России, выступающий в форме этнического и религиозно-политического экстремизма, будучи одной из национальных разновидностей современного экстремизма, тем не менее, питается главным образом внутренними причинами. При этом огромный научный интерес для исследования этих причин представляют **конкретные формы** развития этнических и культурно-конфессиональных противоречий в России и реальные проблемы и формы их разрешения. В этом отношении Республика Дагестан сегодня представляет совершенно уникальный объект научного и практического интереса для российских ученых и политиков-практиков. Многоэтничный Дагестан и его проблемы — это, как бы, если и не вся Россия, то уж точно, — Северный Кавказ в миниатюре.

Многие исследователи отмечают при этом своеобразную **парадоксальность** ситуации с развитием политического экстремизма в Дагестане. Дагестан является самой многонациональной республикой в составе Российской Феде-

рации, но при этом в нем нет почвы для этнического экстремизма. С другой стороны, Дагестан является и наиболее исламизированной республикой в России, и при этом религиозно-политический экстремизм превратился в наиболее действенный фактор дестабилизации общественно-политической обстановки в республике. Налицо, таким образом, казалось бы, две несовместимые вещи — этническая толерантность и религиозная нетерпимость. Естественно возникает вопрос, почему факторы, препятствующие этническому экстремизму в республике, не становятся преградой и для религиозно-политического экстремизма?

В политической науке при всем имеющемся разбросе мнений относительно содержания понятия **национализм** достаточно давно сложилось некое общее понимание того, что это такое. Идеология национализма — это идеология, обосновывающая право этноса на создание собственного государства, а практика национализма — это борьба этноса за то, чтобы стать нацией, обладающей собственной государственностью. При этом можно выделить этнический национализм и гражданский (государственный) национализм¹. Этнический национализм стремится к созданию моноэтничного государства или государства, где данный этнос доминировал бы во всех сферах общественной жизни, а интересы данного этноса были бы национальными интересами государства². Сегодня в мире насчитывается, по мнению различных исследователей, от двух до трех десятков этносов, развитие этнического национализма которых в ближайшие десятилетия вполне способно поставить вопрос о создании государств этих этносов. Тем более, сегодня уже есть свежие примеры развития таких процессов таких процессов в Косове, Южной Осетии или в Абхазии. Очень часто этнос, создавший собственную государственность, выступая уже от лица государства, стремится утвердить свою доминирующую роль через ассимиляцию и растворение в себе всех малых этнических групп. Здесь мы уже имеем

¹ См. Прузаускас А.А. Этнос и политика. М., 2000.

² Тишков В.А. О нации и национализме. Полемические заметки // Свободная мысль. 1996. №

дело с государственным национализмом. Самый свежий пример — политика грузинского режима «Грузия для грузин», приведшая к фактическому распаду грузинского государства.

Другими словами, прежде чем говорить о национализме в той или иной республике, надо ответить на вопросы: а) есть ли в республике примеры этнического национализма, то есть стремится ли какой-либо этнос к выходу из состава государства и созданию собственной государственности или ищет вхождения в другое государство или другой субъект федерации; б) есть ли в республике доминирующий этнос, монополизировавший политическую власть и выдающий свои этнические интересы за интересы всей республики; и в) есть ли при этом попытки ассимиляции более мелких этносов более крупными этническими образованиями.

В отношении Дагестана на все эти вопросы может быть дан только отрицательный ответ, хотя могут быть определенные оговорки, не влияющие в целом на существо проблемы. Дагестан — это полиэтничная республика, в которую входят наряду с коренными (собственно дагестанскими) этносами (аварцы, агулы, даргинцы, лакцы, лезгины, кумыки, рутульцы, табасаранцы, таты, цахуры) также и этносы, либо поздно вошедшие в состав Дагестана (ногайцы, русские), либо имеющие за пределами Дагестана свою основную этническую диаспору (азербайджанцы, русские, чеченцы, и, в какой-то степени, сегодня и таты). Все эти этносы обладают двойственной идентичностью в рамках Дагестана (этническая идентичность — кумык, агул и т. д. и общedaгестанская идентичность — дагестанец) и тройственной идентичностью в рамках России (этническая идентичность, дагестанец, россиянин или гражданин России). Хотя третий вид идентичности более правильно было бы определять как **русские**, ведь другие нации за пределами России воспринимают дагестанцев именно **как русских**, а, как известно, идентичность — это, прежде всего, отличие от

других и то, как тебя воспринимают другие.

Этнический национализм обычно начинается с **ино-идентификации**, когда этнос перестает идентифицировать себя с **нацией**, в которую он входит наряду с другими этносами (или с более крупной этнической общностью — **суперэтносом**) и перестает считать эту нацию (или суперэтнос) своими собственными. В дагестанской научной среде периодически возникают дискуссии по поводу того, являются ли дагестанцы самостоятельной нацией. Дагестанцы не являются нацией, хотя бы по причине того, что они обладают суверенной собственной государственностью. Существующая автономия в составе России — это государственность, не наделенная полным суверенитетом, которым обладает только общероссийское государство, в котором сегодня идет процесс формирования единой **российской нации**. Дагестанцы же — это скорее **суперэтнос**, состоящий из более мелких родственных этносов и входящий в единую российскую нацию так, как входят, например, в единую немецкую нацию такие этносы, как баварцы, тюрингцы или саксонцы. Дискутировать можно по поводу того, входят ли в этот суперэтнос дагестанские азербайджанцы, чеченцы, ногойцы или русские. Но и здесь ответ будет скорее положительный, потому что в Дагестане нет четырех главных оснований для иноидентификации его этносов.

Во-первых, название дагестанского суперэтноса — дагестанцы — не содержит налета этничности, не связано с названием какого-либо одного дагестанского этноса. Поэтому оно не вызывает у дагестанских этносов отторжения наподобие того, как южные осетины или абхазы не мыслили себя грузинами, или армяне в Нагорном Карабахе не мыслили себя азербайджанцами, эритрейцы не мыслили себя эфиопами или курды не мыслят себя турками. К сожалению, этот фактор отсутствует сегодня в самоназвании российского государства, в названии которого (России) имплицитно содержится этноним одного из народов (русских). Советский союз был лишен этого недостатка. Традиционная

неприязнь поляков к России и особо культивируемая сегодня «оранжевыми» ненависть «западнцев» (собственно украинского этноса) к русским в Украине имеют сходные корни. Это этносы, которые долгое время входили в государство русского народа, но так и не приняли общероссийскую идентичность как свою собственную, по сути, в их глазах принятие российской идентичности означало отказ от собственной этнической идентичности, наподобие отказа от веры, от родины, от родителей. В этом отношении в Дагестане мы имеем совершенно другую ситуацию. Официальная субъектность, задаваемая паспортом, политическая идентичность, задаваемая административно-государственным устройством, человека, рожденного в Дагестане, не приходит в противоречие с его этнической идентичностью. Для представителя любого этноса Дагестана двойственный характер его идентичности — лакец-дагестанец, даргинец-дагестанец, тат-дагестанец и т. д. — это норма, которая ни у кого не вызывает сомнений.

Во-вторых, одним из ключевых факторов иноидентификации является язык. Так, например, в Азербайджане проживает большая группа этнических лезгин, обладающая не только своим собственным языком, но и развитой культурой. Официальный язык Азербайджана — азербайджанский, на нем издаются официальные документы, ведется обучение в вузах и школах, другими словами, он является языком экономики, политики, права и культуры в республике. Объективно в этих условиях лучшими возможностями для карьерного и профессионального роста обладают «истинные» носители языка — этнические азербайджанцы, в то время как лезгины должны владеть уже двумя языками. Примерно такая же ситуация сегодня сложилась и в Прибалтике, в Украине, в сходном положении находятся курды в Турции, гагаузы и приднестровцы в Молдавии. В этих условиях языковой фактор становится существенным раздражителем этнического сознания и питает этнический экстремизм национальных меньшинств. Ситуация в Дагестане в этом плане в корне отличается, хотя

и дагестанцам приходится владеть двумя языками — родным и русским. Русский язык — это не только официальный язык республики, но объективно он давно превратился и в язык **межнационального общения**. Самое существенное заключается в том, что все дагестанские этносы в отношении владения русским языком находятся в равном положении. Существовавшее подспудно в годы советской власти недовольство тем, что этнические русские имели лучшие шансы профессионального роста в республике, сегодня утихло, поскольку численность русского населения в республике (в связи с военными действиями в регионе) резко сократилась. Важно и то, что сегодня ни один язык дагестанских этносов также не претендует на роль официального языка республики. Существовавшие в первые годы советской власти проекты возведения кумыкского языка в ранг официального языка республики (который достаточно длительное время действительно играл роль языка межнационального общения) сегодня уже невозможно реанимировать. Таким образом, в республике нет и языковых оснований для этнического экстремизма.

В-третьих, этнический национализм всегда провоцируется этнократичностью государственной власти. Этнократический политический режим отличается тем, что здесь у власти находится этнократия, т. е. политически активная часть одного из этносов, контролирующая государственную власть и выбирающая в качестве государственных интересов интересы собственного этноса. Этнократическими, по сути, были практически все европейские королевства в позднее Средневековье и в начале Нового времени, когда в Европе шел процесс формирования государств-наций. Например, именно в этот период произошла ассимиляция бургундцев, эльзасцев и других этнических групп в единую французскую нацию. Получившее недавно независимость Косово на наших глазах превращается в этнократическое государство. Этнократизм является практически всегда болезнью молодых государств. Дагестанская государственность, хоть и не полностью суверенная, имеет длительную историю и восходит к вре-

менам Кавказской Албании. Государства, которые то появлялись, то исчезали на территории Дагестана и были созданы собственно дагестанскими народами всегда имели, по мнению дагестанских историков, полиэтничный характер. Перемещался лишь административный центр — Дербент, Хунзах, Кумух, Тарки и т. д. Неслучаен тот факт, что в Дагестане, несмотря на всю его бурную и часто трагическую историю, не было зафиксировано ни одного случая ассимиляции даже самого малого этноса. Главная причина этого в том и заключается, что Дагестан не знал собственной этнократической государственности, что этнократизма нет в дагестанской политической традиции.

В то же время сегодня в республиканских публичных дискуссиях большое место занимают обвинения действующей власти в этнократических популизмах, что, на наш взгляд, несправедливо. Обвинять в этнократизме дагестанскую политическую власть нет оснований. Хотя правы, конечно, и те, кто недоумевает, почему в течение шестидесяти лет первым лицом в республике становится либо аварец, либо даргинец. Но сути это, тем не менее, не меняет. В прошлых дагестанских государственных образованиях представители одного этноса находились у власти и более длительные периоды, если же резиденция наследника оказывалась в другом населенном пункте, то туда переносилась даже столица. Сегодня, конечно, трудно представить, чтобы столица Дагестана переносилась бы из Махачкалы в Леваши, или Хунзах, или в какой-нибудь другой город. Дагестанская политическая элита в этом отношении является, возможно, наиболее умудренной в вопросах формирования межнационального баланса среди элит российских национальных республик. Понимание недопустимости нарушения этого баланса укоренено в этой политической элите уже где-то даже на генетическом уровне.

Поэтому, действительная проблема здесь сегодня не в государственной власти, а в живучести догосударственных структур и форм жизни в дагестанском обществе. Патрональность, клановость, коррупция, семейственность и т.

д., пронизывающие республиканские политические и хозяйственные структуры и воспринимаемые дагестанцами как проявления этнократизма, на самом деле являются отзвуками **безгосударственных** вольных обществ, периодически возрождавшихся на развалинах той или иной дагестанской государственности, чьи традиции и патриархальный уклад жизни в психологии и быту дагестанского общества во многом не преодолены и сегодня. Республиканской научно-публицистической литературе присуща определенная идеализация дагестанских вольных обществ. Но, несмотря на их несомненные достоинства, характерные для своего времени, это были все-таки безгосударственные и достаточно замкнутые общественно-административные образования с особой внутренней самоорганизацией, предполагавшей совершенно разные формы отношений внутри общества и с внешним миром. Восприятие других как чужих, набеги и грабежи — это тоже ведь из арсенала вольных обществ.

Возможно, дагестанским историкам и аналитикам будет небезынтересно проанализировать, как широко распространены сегодня среди выходцев из того или иного региона республики семейственность и клановость, и провести параллели с вольными обществами, существовавшими в этих регионах. Дагестанцы не без основания гордятся адатами и традициями, сложившимися исторически в их сельских джамаатах и общинах. Но нельзя забывать при этом, что — это адаты и традиции, сложившиеся также в **догосударственных** структурах и существенно отличающиеся друг от друга и от джамаата к джамаату. Они хороши в общностях, где живет несколько сотен человек, связанных землячеством и родством. Но они не могут регулировать отношения в общностях, состоящих из тысяч, десятков и сотен тысяч человек, потому что в таких общностях адаты одних неизбежно придут в противоречие с адатами других. А государство и является объединением многих тысяч и миллионов людей. Известна ведь непримиримая борьба имама Шамиля с дагестанскими адатами и обычаями. В основе этой борьбы лежали, прежде всего, не религиозные мотивы, а

стремление утвердить в формируемом им **государстве** единые нормы поведения, единые нормы властвования и подчинения, то есть закон. В больших общностях, прежде всего в государстве, на смену традициям и адатам приходит **закон** как всеобщий регулятор общественных отношений. В современных же дагестанских политических структурах довольно много людей, над которыми довлеют адаты и обычаи отдельных общин и джамаатов, то есть догосударственные нормы общественной жизни. Практическая политика таких деятелей, которая на поверхности воспринимается как этнократическая, в сущности, является местечковой политикой.

В-четвертых, этнический экстремизм очень часто является следствием некомпетентности. Чужой — это иной, неведомый, а значит враждебный. Эта парадигма восприятия заложена в этническое сознание человека еще с первобытных времен. В народе не зря говорят: узнать — значит, понять, а понять — значит, простить. Многие исчезнувшие цивилизации стали жертвами незнания и непонимания. Неисчислимо количество памятников культуры, потерянных безвозвратно. Глубокое невежество в религиозных вопросах лежит в основе религиозно-политического экстремизма. Если бы не оно, разве уничтожали бы афганские талибы древнейшие памятники буддизма в своей стране? Народы Дагестана отличает глубокое знание культуры и обычаев друг друга. Дагестанцы очень хорошо за многие века совместной жизни изучили достоинства и недостатки друг друга. Поэтому они хорошо друг друга понимают.

Таковы четыре главных основания, препятствующих возникновению этнического экстремизма в республике. Безусловно, этот перечень можно расширить. К нему, несомненно, следует добавить и **конфессиональную** общность народов Дагестана. Но эти причины представляются ключевыми. Каждое из этих оснований, взятое в отдельности, присутствует в той или иной мере в разных странах или регионах России, полиэтничных по составу, что, тем не менее, не гарантирует им невозможность рецидивов этнического экстремизма. Уни-

кальность Дагестана в том и заключается, что все эти основания присутствуют здесь все вместе и одновременно.

Если попытаться теперь сопоставить эту ситуацию с ситуацией в области религиозно-культурных отношений, то мы увидим, что здесь из таких же условно четырех факторов два фактора религиозной терпимости в республике не работают. Двуязычие в религии и общность символов мусульманской идентичности — это, в общем-то, то, что никем практически не оспаривается. Основные же проблемы здесь связаны с конкуренцией религиозных элит и некомпетентностью основной массы новообращенных в религиозных вопросах. В Дагестане, как и во всем мусульманском мире, сформировалась своеобразная религиозно-бюрократическая аристократия, чей социальный статус и материальное благополучие связаны с консервацией определенных религиозных форм и институтов. Она абсолютно невосприимчива к новому, полагая его извращением традиционных норм ислама, отталкивая тем самым молодое поколение, выросшее в совершенно иных условиях. Ведь было в исламе время, когда суфизм воспринимался как враждебное религии направление, а известные суфии подвергались преследованиям, и некоторые из них были даже казнены. Религиозно-политический экстремизм во многом проистекает из того, что во внутрирелигиозные споры и дискуссии, за которыми стояли интересы реальных религиозных элит, были вовлечены **политические институты**, прежде всего органы государственной власти. Такое положение дел подчас наблюдается и сегодня, что позволяет экстремистски настроенным религиозным группам политизировать внутрирелигиозные проблемы и противоречия.

Другой фактор, связанный с компетентностью в религиозных вопросах, также не работает. В пореформенные годы в результате размыва идеологического ядра русско-европейская культура, ставшая неотъемлемой частью советской идентичности в национальных республиках, потеряла тот стержень, который интернационализировал по большому счету ее основные ценности. Этот

идеологический вакуум быстро был заполнен традиционными **религиозными** ценностями. Столкновение двух ценностных миров не могло не привести к их поляризации. Например, сегодня в дагестанском обществе, особенно среди молодежи, можно уже реально вычленить два слоя, чьи ценностные ориентации радикально отличаются. С одной стороны, это крайне **исламизированный** мир, где восприняты не только духовные ценности ислама, но и образ жизни, продиктованный нормами шариата. С другой стороны, мир крайней **европеизации**, где культивируются не только достоинства, но и худшие образцы западного образа жизни. Крайности религиозного образа жизни принимают экстремистский характер в силу глубокого религиозного невежества молодого поколения, чьи ценностные установки сформировались в условиях утерянной религиозной культуры. Новообращенный, не обладая еще достаточными знаниями в вопросах веры, склонен принимать обрядовую сторону религии за ее сущность, форму за содержание, кажимость за действительность. Существенное значение при этом имеет и то, что растущая религиозность нашего общества не становится объектом государственно-политической рефлексии в масштабах всей страны, и соответственно, слабо влияет на деятельность государственных органов по общественной регламентации и правотворчеству. Все это в конечном итоге и предопределило то, что религиозный фанатизм, соединяясь с различными формами социального протеста, принимает экстремистский характер.

Хотя в Дагестане, как уже говорилось, нет почвы для этнического национализма, в последние годы стали появляться публикации и выступления представителей некоторых дагестанских этносов, прежде всего, со стороны интеллигенции о том, что некоторые дагестанские этносы якобы нуждаются в культурно-территориальной автономии или иной форме этнического самоопределения. Поэтому необходимо упомянуть и о роли интеллигенции в предотвращении политического экстремизма в республике.

Интеллигенция как наиболее образованная и политически отзывчатая

часть этноса способна наиболее полно отражать уровень общественного сознания собственного этноса, формулировать и доводить до общества его действительные интересы. Что, в общем-то, большая часть дагестанской интеллигенции давно и успешно делает. В то же время есть в каждом дагестанском этносе и определенная прослойка интеллигенции, которая отражает иллюзии общественного сознания этноса и его мнимые интересы. Причина этого заключается в том, что наряду с общей маргинализацией населения республики произошла в определенной степени и маргинализация интеллигенции. С одной стороны, массовая внутренняя миграция вызвала очень большую концентрацию интеллигенции в городах республики. Многие люди, не обладающие необходимым уровнем профессиональной подготовки, в массовом порядке заполнили в последние десятилетия должности в университетах, институтах, средствах массовой информации, органах государственной власти, привнося при этом в научно-публицистическую среду и политическую практику самоуверенность невежды и недоучки. Одновременно в городах республики появилось второе поколение интеллигенции, родившееся уже в городе и обладающее достаточно высоким уровнем профессиональной подготовки. Но эта часть интеллигенции оказалась в ситуации, объективно оторванной от собственного этноса. В своем большинстве они не знают языка, соответственно им закрыт доступ к литературе и культуре своего народа. Осталось только самоназвание — я — аварец, я — табасаранец, я — даргинец и т.д. Это поколение, которое можно назвать уже «пятнадцатым этносом» республики, живет не действительным знанием собственного этноса, а его мифами.

Можно спорить с известным высказыванием М. Горького о том, что интеллигенции присущ философический пессимизм и прочие уродства мысли. Но маргинальность и невежество в этнических и религиозных вопросах в среде интеллигенции способны расколоть общественное сознание через возведение несущественных проблем в существенные, подменяя содержание формой, а

кажущееся принимая за действительное. Мы сегодня уже видим, как земельные споры сводят к этническим, а теологические расхождения к религиозному конфликту. Этническое разнообразие и религиозно-культурное своеобразие — это главное богатство Дагестана. Долг ответственной экономической, политической и интеллектуальной элиты республики и состоит в том, чтобы выработать механизмы противодействия экстремистскому размыванию этого нашего общего богатства¹.

5.7. Русский этнополитический экстремизм

Наиболее острые формы экстремизм в России принял на Северном Кавказе, где происходит непосредственное взаимодействие совместно проживающих разных народов, принадлежащих традиционно к разным конфессиям, иначе говоря, — в том регионе, где среди российского населения отмечается наибольшее **этноконфессиональное многообразие**. Однако второй такой зоной — с повышенным этноконфессиональным и даже расовым многообразием — являются в современной России ее **крупные города** и, особенно, ее **мегаполисы** — Москва и Санкт-Петербург.

Основными особенностями городского и мегаполисного российского экстремизма являются, во-первых, то, что наиболее активную роль здесь играют представители **русского — государствообразующего — народа**; во-вторых, то, что этот экстремизм носит не только этнополитический, но и **расовополитический** характер; в-третьих, то, что он опирается не на религиозную (православно-христианскую) идеологию, а на некоторую смесь архаических **языческих** (древнерусских) верований и обычаев и ультрасовременных **фа-**

¹ Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 2. С. 198.

шистских (национал-социалистских) идеологических доктрин, заимствуемых в основном на Западе; наконец, в-четвертых, этот экстремизм носит по преимуществу **молодежный** характер, выражаясь в основном в деятельности так называемых **скинхедов**.

Социологические опросы показывают, что если в начале 1990-х гг. молодежь (18-24 года) в меньшей степени, чем представители старших поколений, была подвержена ксенофобии, то начиная с середины 1990-х гг. она оказалась весьма восприимчивой к радикальным настроениям. А к началу 2000-х гг. по уровню ксенофобии молодежь превзошла практически все остальные возрастные категории, включая пожилых людей, традиционно отличавшихся высоким уровнем ксенофобии. Согласно социологическим исследованиям Центра Ю. Левады, ксенофобия особенно характерна для тех социальных слоев, положение которых ухудшилось в последние годы или неустойчиво. Она сильно выражена у учащихся ПТУ, рабочей молодежи и школьников, проживающих в малых, кризисных городах, а также в мегаполисах, где все социальные конфликты наиболее обнажены. Ее культивируют экстремистские ультранационалистические группы, организации скинхедов и т.п., причем за спонтанным молодежным экстремизмом часто стоят определенные политические силы. Однако с 1991 по 1997 гг. почти удвоилась доля ксенофобских настроений среди респондентов с **высшим образованием**.

В этой связи особенно стоит обратить внимание на такое новое социальное явление, как гламурный фашизм. В своей сущности это феномен эстетизации нацистской практики и символики посредством эпатирующего протеста против антифашистской пропаганды и комплекса вины перед жертвами Холокоста. Пока это явление, распространяющееся в Интернете («Живой Журнал — комьюнити»), но оно вполне может выйти и за пределы онлайн-культуры. Одно из первых упоминаний об этом феномене содержится в пропагандистской брошюре «Гламурный фашизм», написанной крайне примитивно, однако ос-

новную суть новой формы фашизма она выражает¹.

Движение скинхедов зародилось в Англии в 1960-х гг. как одна из молодежных субкультур. В 1970-х гг. некоторые группы скинхедов превратились в фанатов «арийской» рок-музыки «Ой» и стали исповедовать свойственную ей расовую идеологию. В конце 1970-х гг. британские скинхеды объединились в организацию, названную «Кровь и честь», что возрождало известный лозунг эсэсовцев. Вскоре эта группа стала крупнейшим объединением западных скинхедов. По примеру англичан подобные расистские «арийские» рок-группы возникли в начале 1980-х гг. и в Германии, где они выступали за чистоту крови и активно вели антииммигрантскую пропаганду. Это движение достигло своего пика в 1992-1993 гг., когда со словами популярной рок-песни на устах немецкие скинхеды принялись убивать африканцев и турков.

Сегодня наибольшей жестокостью и бескомпромиссностью отличается скин-движение Восточной Европы. Его жертвами чаще всего становятся цыгане.

В СССР первые скинхеды появились в конце 1980-х гг. в Прибалтике, где они считали своей целью «борьбу с оккупационным режимом». Многие из них гордились родственниками, воевавшими против СССР в рядах Ваффен-СС, и, как бы подчеркивая связь поколений, носили особые кепки из джинсовой ткани, напоминавшие фуражки эсэсовцев. В связи с ростом влияния в прибалтийских странах радикальных политиков сегодня там наблюдается оживление скиндвижения. Так, в Литве в самые последние годы отмечается быстрый рост его рядов.

В России расистская идеология тоже не остается бесхозной, и начиная с 1990-х гг. ею открыто руководствуются некоторые, пусть и карликовые, но

¹ Чистяков Д.И. Этнический национализм и проблемы нацистроительства в контексте предотвращения экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. —

весьма шумные политические партии и движения. Здесь первые скинхеды появились в самом начале 1990-х гг., однако переломным в их истории стал 1994 г., когда само государство начало открыто прибегать к насильственным действиям. Первое поколение скинхедов состояло из молодежи из депрессивных районов и с городских окраин с неразвитой инфраструктурой. Но со временем среди скинхедов стали встречаться не только дети из бедных неблагополучных семей и учащиеся ПТУ, но и студенты вузов, имевшие состоятельных и даже высокопоставленных родителей. Поэтому неверно думать, — подчеркивает В.А. Шнирельман, — что скинхеды — это исключительно примитивные, малообразованные подростки. В Москве основную массу скинхедов составляют дети, во-первых, бывшего советского среднего класса (квалифицированных рабочих, инженеров, работников НИИ), чье благосостояние в 1990-е гг. резко ухудшилось, а во-вторых, представителей мелкого и среднего бизнеса¹.

Скинхеды начали прибегать к насильственным действиям во второй половине 1990-х гг. Тогда их деятельность ограничивалась наиболее крупными городами. Например, главной ареной деятельности московских скинхедов стал район известного Российского университета дружбы народов (РУДН), где еще с советского времени традиционно учились студенты из Африки, Азии и Латинской Америки. Именно там скинхеды оттачивали свое ремесло, нападая прежде всего на африканских студентов. Тогда же они провели демонстративные марши перед общежитиями студентов РУДН: один — в декабре 1997 г., а второй — в день рождения Гитлера 21 апреля 1998 г. В те же годы скинхеды начали нападать на африканских студентов, получавших образование в Воронеже. В связи с этим иностранных студентов там даже стали снабжать ин-

Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 469.

¹ Шнирельман В.А. Движение скинхедов — эскалация молодежного насилия // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 476.

струкцией о том, где и как ходить, как одеваться и как себя вести, чтобы не стать жертвами скинхедов. В начале 2000-х гг. одной из главных мишеней скинхедов Петербурга стали учащиеся Первого медицинского института, приехавшие на учебу из стран Азии и Африки. В итоге к середине 2000-х гг. иностранные студенты начали массово покидать Россию.

Вначале скинхеды являлись сетевым слабо оформленным движением, члены которого столь же быстро собирались в стаи для одномоментного действия, как и распадались. Скинхеды подчеркивали, что в отличие от германских нацистов, которые были партией, сами они представляют собой «субкультуру». Во второй половине 1990-х гг. скин-культура начала быстро распространяться за пределы мегаполисов, и отдельные группы скинхедов действовали уже в десятках городов.

К середине 2000-х гг. скин-культура расслоилась и стала гораздо более многообразной. Во-первых, произошла смена поколений; во-вторых, эволюции скин-движения в крупных городах способствовало его расползание по провинции, причем, если в крупных центрах среди скинхедов сегодня преобладают представители среднего класса, то в провинциальных городах, куда эта мода пришла позднее, скины по-прежнему рекрутируются из беднейших слоев населения; в-третьих, движение скинов в крупных городах политизировалось, и на смену аморфным сетевым организациям пришли более структурированные и дисциплинированные группы (типа «Русской цели» в Москве и «Шульц-88» в Петербурге), объединенные расовой идеологией; в-четвертых, часть скинхедов дополнили неполитизированные криминальные молодежные группы, чего нет на Западе и что составляет специфику России. Немалую роль в популяризации скин-движения сыграли СМИ, помещавшие интервью с лидерами ультрарадикалов и репортажи о насильственных действиях скинхедов. Мало того, создавая негативный образ «мигрантов-чужаков», многие журналисты фактически подталкивают подростков к насильственным действиям, в которых те видят

своеобразное исполнение «патриотического долга» по защите местной культуры и ее ценностей.

Если во второй половине 1990-х гг. главными объектами нападений скинхедов служили выходцы из Африки и Азии, то с начала 2000-х гг. они перенесли свою агрессию на уроженцев Кавказа. Этому способствовал резкий рост трудовой миграции, среди которой доля славян несколько уменьшилась, а доля выходцев с Кавказа и из Центральной Азии постоянно росла. Начиная с середины 2000-х гг. значительную массу трудовых мигрантов стали составлять таджики, узбеки и киргизы, что немедленно было замечено скинхедами, и в последние два года именно эта категория мигрантов в наибольшей мере страдает от их агрессивных действий.

В эскалации насильственных действий можно выделить несколько этапов. Поначалу скинхеды ограничивались оскорблениями и избиениями своих жертв. Но с конца 1990-х гг. они стали все чаще пускать в ход оружие, в том числе огнестрельное. Если раньше в своем вандализме молодые антисемиты ограничивались синагогами и еврейскими кладбищами, то с 1999 г. начались вооруженные нападения на религиозных евреев. В начале 2000-х гг. агрессивные действия воплотились в погромы, направленные на общежития, где жили иммигранты, и на продовольственные рынки. Наибольший отзвук имели два погрома, устроенные скинхедами на московских рынках в 2001 г., — в Ясенево (21 апреля в ознаменование очередного дня рождения Гитлера) и в Царицыно (30 октября). Каждый раз в этих акциях участвовали до 200-300 подростков. После этого погромы стали проходить с завидной регулярностью на рынках в самых разных городах России.

В 2006-2007 гг. репертуар молодых экстремистов обогатился организацией взрывов в местах большого скопления народа, но еще до этого в различных городах России фиксировалось несколько попыток взрывов у зданий синагог и в еврейских культурных центрах. Иными словами, в середине 2000-х гг.

молодые радикалы перешли к тактике терактов, причем среди их организаторов были студенты престижных вузов. Летом 2006 г. были устроены взрывы у зала игровых автоматов рядом со станцией метро «Братиславская» и в торговом павильоне на Сиреневом бульваре в Москве, но по счастливой случайности тогда обошлось без жертв. Затем прогремел взрыв самодельной бомбы на Черкизовском вещевом рынке в Москве 21 августа 2006 г., унесший жизни четырнадцати человек.

В начале 2007 г. эстафету у москвичей приняли петербуржцы: 4 февраля был взорван цветочный ларек у м. «Владимирская», в результате чего пострадали продавщица и двое бездомных, а 18 февраля раздался взрыв в ресторане «Макдональдс», расположенном в самом центре Петербурга, где ранения получили десять человек, включая двоих детей.

Наконец, в самые последние годы агрессия скинхедов против «чужаков» становится все более организованной. Их рейды тщательно планируются, и в один и тот же день нападения могут совершаться в нескольких районах города. Осенью 2007 г. эта новая тенденция дала о себе знать почти одновременно в Москве и Петербурге. Москвичи были шокированы рейдом, проведенным вечером 20 октября организованной группой подростков, вооруженных ножами и бейсбольными битами. Тогда, разбившись на несколько ватаг, они устроили подлинную охоту на людей «неславянской внешности». От их действий пострадали около 30 человек, причем четверо погибли. Расследование показало, что в нападениях участвовали около 20 молодых людей, познакомившихся через Интернет и разработавших с его помощью детальный план «похода на азиатов». Как выяснилось, одним из руководителей нападений был сын директора крупного московского предприятия, а свои действия молодчики снимали на сотовые телефоны. Банда была организована еще летом, и с тех пор подростки провели несколько подобных рейдов. Несколько позже, 1 декабря 2007 г., аналогичный рейд был осуществлен в Петербурге, где в результате один человек

был убит, а несколько других получили ранения разной степени тяжести. По данным МВД, с декабря 2007 г. по апрель 2008 г. в крупных российских городах была проведена целая серия таких рейдов, повлекших убийства 40 человек.

Число жертв таких насильственных действий быстро растет. Если в 2004 г. правозащитники зафиксировали 268 нападений, повлекших гибель 50 чел., то в 2007 г. эти цифры составили уже соответственно 676 и 85. Наконец, только за пять месяцев 2008 г. от рук скинхедов погибли 59 чел. При этом главным центром активности скинхедов неизменно остается Москва, а среди жертв в последние два года преобладают узбеки, таджики и киргизы. Кроме того, сегодня скинхеды все чаще обращают свою агрессию против чуждых им по духу молодежных групп, которые они обвиняют в непростительном «космополитизме». При этом в своих действиях скинхеды руководствуются «Пособием по уличному террору», размещенным в Интернете осенью 2005 г.

Судя по имеющимся сегодня данным, к середине 2000-х гг. скинхеды стали объединяться в организованные банды, ставившие своей задачей запугивание и целенаправленное вытеснение «чужаков». Ради этой цели они не останавливались перед убийствами. Однако лишь в самые последние годы правоохранительные органы стали со всей серьезностью относиться к деятельности скинхедов, и в 2008 г. в Москве прошло несколько громких судебных дел, завершившихся суровыми приговорами. Одновременно в российских городах нарастает антифашистское движение, члены которого пытаются своими силами противостоять скинхедам.

Несмотря на определенный разброс мнений относительно сущности и характера общественной опасности данного явления (от оценок его как русского фашизма, неонацизма до признания его обычными хулиганскими выходками), очевидны такие угрожающие конституционному строю аспекты практики применения рассматриваемой формы экстремистской деятельности, как крайняя ее опасность (ввиду ее использования на основе национальной, расовой

ненависти) для гражданского мира и общественной безопасности; организованный, конспиративный характер групп лиц, являющихся основными субъектами применения указанной формы экстремистской деятельности; потенциальная возможность трансформирования этих групп в незаконные вооруженные формирования и террористические организации; значительный политический резонанс в обществе, серьезный политический ущерб авторитету государственной власти и существующему в стране политическому режиму¹.

5.8. Научно-практические выводы

Предшествующую нынешней, **советскую** политическую систему в период ее расцвета мы можем охарактеризовать как **жестко бюрократическую** (строившуюся исключительно сверху), **тоталитарную** (не допускавшую свободного развития гражданского общества ни в одной из сфер общественной жизни), систему **мобилизационного типа** (направленную на достижение конкретных исторических целей), но реализованную в полностью **эгалитарном, бессловном** обществе. Идеологическим и политическим стержнем этого общества была **марксистская** коммунистическая партия, построенная по бюрократическому, армейскому типу. При этом партия управляла всем обществом практически теми же методами, которыми управляется обычно **армия**.

К концу 1980-х годов этот недемократический («казарменный») режим утратил уже поддержку почти всех слоев населения СССР, которое с воодушевлением восприняло новую политику «Перестройки и гласности», объявленную Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым. Открытие идеологических, политических и экономических «шлюзов» **свободы**, предпринятое

¹ Авдеев Ю.И. О некоторых современных тенденциях этнонационального экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Ло-

самой партией во главе с ее высшим руководителем, — свободы слова, свободы совести, свободы политической деятельности, свободы образования партий и частного предпринимательства в экономической сфере — подорвало **сами основы** советского политического строя и привело к революционному формированию в России в начале 1990-х годов совершенно новой политической системы.

Современный политический экстремизм и терроризм сформировались и окрепли именно в **переходных условиях развала прежней** — советской — политической системы и мучительного **формирования новой** — либерально-демократической — политической системы, обретающей свои устойчивые черты только в настоящее время (и особенно — в последнее десятилетие, после 1999 года)..

Основной общей причиной обострения политических конфликтов в современной России, а следовательно, и возникновения экстремистской деятельности по разрешению этих конфликтов является то, что национальная идентичность граждан нашей страны оказалась сегодня в глубоко **расколоте** состоянии. Этот раскол существует сегодня, во-первых, по линии **религиозная** — **светская** идентичность граждан; во-вторых, — по линии **конфессиональных** особенностей населения разных регионов; в-третьих, — по линии **этнических** особенностей разных народов; в-четвертых, — по линии **социально-классового** расслоения российского общества. И все эти линии раскола приобрели достаточно глубокий характер.

При этом духовная, политическая и материальная культура большинства населения России во многом деградировала и приобрела архаичные черты. В духовно-нравственной сфере это выразилось в усилении влияния религии (в том числе и самых архаичных ее — языческих — пластов); а также — в снижении авторитета науки и просвещенческой идеологии вообще. В политической

сфере это выразилось в резком падении культуры, дисциплины и морали господствующей политической элиты России, а также — в возврате населения многих регионов России к догосударственным, традиционным нормам и обычаям регулирования общественной жизни. В материальной сфере это выразилось в деструктивной структурной перестройке российской экономики, получившей резкий крен в сторону добывающей промышленности и торговли и в резком снижении в ней доли высокотехнологических и наукоемких отраслей. Соответственно, резко упала и профессиональная культура российского населения.

Чрезвычайно острые и опасные формы в современной России принял религиозно-политический экстремизм, в особенности, исламский. Основные причины нынешнего усиления влияния среди части исламского населения России экстремистской идеологии можно свести к двум группам факторов — внутренней и внешней.

К причинам **внутреннего** характера относится прежде всего историческое поражение самой исламской цивилизации, проигравшей на данном этапе историческое соревнование с цивилизацией западной, основанной на других социальных и духовных принципах и идеалах. Ответом на это историческое поражение и стали интенсивные духовные искания исламской элиты и выдвижение многочисленных реформаторских доктрин — от модернистских до ретроградных. Современный «ваххабизм», проникший извне также и в Россию, как раз и является одной из таких доктрин.

Ко **внешним** причинам усиления интереса части российского населения к исламским реформаторским религиозно-политическим течениям необходимо отнести прежде всего ослабление их **духовных оппонентов** в самой России. Деморализация российской политической и культурной элиты, ее духовная капитуляция перед своим вчерашним идеологическим противником, сопровождаемые падением нравов и морали в их среде, расцветом коррупции и т.д., все

это вызывает **гнев** и **презрение** у наиболее стойких приверженцев исламской веры и нежелание подчиняться такой элите.

Помимо ослабления духовного, нынешняя российская политическая элита допустила и ослабление **материальное**. Глубокая деградация экономики, армии, науки и образования в России, допущенные в ходе реформ 1990-х годов, приведение страны в полную зависимость от стран Запада также способствовали потере уважения к ней в среде широких масс народа (в том числе и среди верующих).

Наконец, крайняя **социальная дифференциация** (попросту, ограбление верхушкой бизнес-элиты широких народных масс), приведшая к массовому обнищанию российского населения, вызвали в среде наиболее активных его слоев **протест** и **ненависть** к правящей элите и ее идеологии. И особенно активно эта причина действует именно на Северном Кавказе, — экономически наиболее отсталом и наиболее пострадавшем от реформ регионе.

Таким образом, ненависть и презрение части российских мусульман к нынешней политической элите России и ее союзникам в самих исламских республиках является одним из важнейших факторов политического бунта против нее и вступления наиболее активной части верующих под лозунгами ваххабизма на путь вооруженной борьбы с нею и экстремистской деятельности в целом. В ходе беспорядочных реформ 1990-х годов политическая элита России **потеряла всякое уважение и всякий авторитет** как во внешнем мире, так и внутри самой России. И именно это и является одной из важнейших причин бунта против нее региональных исламских политических элит, выступивших под религиозно-политическими исламскими лозунгами.

Чтобы противодействовать этому, экстремистскому направлению умов, необходимо прежде всего противопоставить ему столь же убедительное и доступное для широких масс **идеологическое обоснование** верности избранного Россией пути развития страны. Но для этого необходимо выработать саму но-

вую идеологию России, отвечающую ее интересам и традициям, а не заимствуемую слепо у западных народов. Примером здесь может служить реформистская идеология Ататюрка, выработанная в Турции в начале XX века. Но такая задача в нашем обществе до сих пор еще не выполнена.

Неудовлетворительными, по-видимому, следует признать и идеологические усилия самой официальной российской исламской духовной элиты, оказавшейся неподготовленной к демократическим формам общения со своими духовными оппонентами. Без эффективного диалога с умеренными сторонниками «обновленческого ислама», а также без внутриисламского диалога на Кавказе, проблема религиозного экстремизма не может получить цивилизованного решения.

Вместе с тем одних только идеологических усилий недостаточно. Новая российская элита должна продемонстрировать своему населению и **реальные достижения** во всех сферах ее компетенции, чтобы вернуть себе его уважение и доверие. Идя от поражения к поражению, такого уважения не приобретешь. Победрами в одних только избирательных кампаниях реального авторитета не завоеешь, а только озлобишь своих противников и подтолкнешь их к нелегитимным, экстремистским формам борьбы. Что мы и наблюдаем в нынешних условиях.

Наконец, главным достижением новой политической элиты может быть только реальное **улучшение социально-экономического положения широких масс населения России** (особенно в депрессивных районах Северного Кавказа), создание у них хотя бы минимальной уверенности в завтрашнем дне и сознания **перспектив** в дальнейшем улучшении их положения. Без утверждения в обществе такой социальной атмосферы бороться с религиозно-политическим экстремизмом одними только силовыми методами и морально-пропагандистскими лозунгами бесперспективно.

Хотя основной формой экстремизма на Северном Кавказе является экстремизм **религиозно-политический**, однако во многих северокавказских республиках этот экстремизм осложняется еще и его **этнической** (этнополитической и межэтнической) формой. Причина существования этой, общей для всего региона формы экстремизма заключается главным образом в том, что историческая память этих народов несет в себе глубокие **социально-психологические травмы**, полученные ими в результате развития в рамках российской государственности. С одной стороны, это память о том, что их включение в состав Российского государства произошло не вполне добровольным и мирным путем, и было достигнуто в результате военного покорения Кавказа царской Россией. Но, с другой стороны, еще более травмирующим фактором для исторической памяти этих народов является факт их **насильственной депортации** из исконных мест их проживания (с их исторической территории) в другие области СССР, осуществленной в 1940-х годах. При этом речь идет не столько о материальных и социальных потерях, отчасти компенсированных впоследствии советским правительством, сколько о **национальном унижении и оскорблении** этих народов перед лицом всех остальных народов России.

Народы (этноты) так же, как и люди, имеют чувство собственного достоинства, национальную гордость и самоуважение, необходимые им для нормального существования и развития так же, как и отдельным людям. Они хотят гордиться своими предками, своими национальными героями и выдающимися людьми, своим вкладом в общую историю российского государства и т.д. И если государство российское хочет иметь преданных и ревностных защитников своих интересов, иметь патриотически, а не враждебно настроенных граждан, оно должно воздавать должное любым проявлениям такого настроения среди своих граждан и народов и не унижать их достоинства. Но именно этот принцип был грубо нарушен в истории с депортацией некоторых северокавказских

народов в 1940-х годах. Оскорбив эти народы в целом, государство оскорбило тем самым и каждого их представителя в отдельности, причем на долгие годы.

Формальная реабилитация, осуществленная в конце 1950-х — начале 1960-х годов, конечно, была необходимым условием восстановления доброго имени пострадавших народов, но само оскорбление от этого еще не забылось и продолжает оказывать свое негативное влияние, особенно, если постоянно напоминать о нем и искусно разжигать память об этих событиях. Чем и пользуются в нынешних условиях многие экстремистски настроенные представители оппозиционных национальных элит в Северокавказских республиках.

Поэтому российскому правительству целесообразно разработать специальную программу **социально-психологической реабилитации** исторического сознания этих народов, рассчитанную на длительный срок. К выработке такой программы должны быть привлечены серьезные научные силы как федерального уровня, так и представители национальных элит северокавказских народов.

Наиболее острые формы экстремизм в России принял сегодня на Северном Кавказе, где происходит непосредственное взаимодействие совместно проживающих там разных народов, принадлежащих традиционно к разным конфессиям и т.д., иначе говоря, — в том регионе, где среди российского населения отмечается наибольшее **этноконфессиональное многообразие**. Однако второй такой зоной — с повышенным этноконфессиональным и даже расовым многообразием — являются в современной России ее **крупные города** и, особенно, ее **мегаполисы** — Москва и Санкт-Петербург. Именно здесь Россия сегодня имеет второй горячий очаг экстремистской деятельности.

Основными особенностями городского и мегаполисного российского экстремизма (как его можно условно обозначить) являются: во-первых, то, что наиболее активную роль здесь играют представители **русского — государствообразующего — народа**; во-вторых, — то, что этот экстремизм носит не

столько религиозно-политический, сколько **этнополитический** (и даже **расово-политический**) характер; в-третьих, — то, что он опирается при этом не на религиозную (православно-христианскую) идеологию, а на некоторую смесь архаических **языческих** (древнеславянских) верований и обычаев и ультрасовременных **фашистских** (национал-социалистских) идеологических доктрин, заимствуемых в основном на Западе; наконец, в-четвертых, этот экстремизм носит по преимуществу **молодежный** характер.

Общие методы противодействия этой форме экстремизма в основном совпадают с указанными выше (в следующей главе они будут рассмотрены более детально). Однако принципиальной основой их (и это следует особенно подчеркнуть) должна стать усиленная комплексная работа по формированию и укреплению **общероссийской национальной идентичности**, в основе которой должно лежать **убеждение и чувство принадлежности всех россиян к единой светской, толерантной, высокодуховной и высокоморальной нации, гордящейся своим славным прошлым и создающей новое, социально справедливое, мощное и процветающее современное общество**. Только на этой духовно-идеологической основе возможно успешное разрешение всего комплекса рассмотренных выше конфликтов и противоречий, доставшихся России в наследство от неблагоприятных 1990-х годов.

ГЛАВА 6. СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

6.1. Государственная система профилактики и противодействия политическому экстремизму и терроризму

Термин «предупредить» означает — отворотить что-либо заранее принятыми мерами; опередить, сделать что-либо ранее, чем что-нибудь произошло. Предупреждение экстремизма и терроризма можно рассматривать как минимум в двух аспектах. Во-первых, предупреждение экстремизма и терроризма и повышение эффективности борьбы с ним — одна из первостепенных задач любого современного государства. Во-вторых, предупреждение экстремизма и терроризма — есть комплексная система мер социально-экономического, политического и юридического характера, направленная на предотвращение: возникновения экстремизма и террористических организаций (группировок), совершения экстремизма и террористических актов, последствий экстремизма и терроризма; целью которой, является обеспечение общественной безопасности населения, защита политических, экономических и международных интересов государства. Вместе с тем, прежде чем вести речь о мерах предупреждения экстремизму и терроризму, необходимо обратить внимание на факторы, создающие трудности в применении этих мер, и с учетом этих факторов в дальнейшем совершенствовать их. Как справедливо считает В.Н. Антонов «в современных условиях терроризм трансформировался в весьма масштабное и сложное социально-политическое явление, осуществляемое на систематической основе и обусловленное самыми различными противоречиями, существующими в обществе и относящимися к основным сферам жизни»¹. Х. Алиев², заместитель про-

¹ См.: Антонов В.Н. Современный терроризм: теория и реальность // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право, 2002. № 2.

² См.: Алиев Х. Борьба с преступлениями террористической направленности // Законность,

курора Республики Дагестан, отметил ряд особенностей, влияющих на предупреждение и борьбу с экстремизмом и терроризмом. К ним, в настоящее время, относятся следующие: 1) борьба с преступностью экстремистской и террористической направленности ведется в основном в ходе реагирования на уже совершенные преступления; 2) отсутствие совместной работы по предупреждению преступных посягательств, разрушению международных и межрегиональных связей преступных группировок, и как следствие, ликвидации экстремистских и террористических организаций; 3) в настоящее время еще не создан совместный и полноценный информационный банк данных обо всех ранее совершенных экстремистскими и террористическими группами преступлениях и участниках этих групп; 4) негативно сказывается ведомственная разобщенность в вопросах учета, регистрации преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом. В результате искажается достоверность статистической информации, нарушается порядковая регистрация уголовных дел, что приводит к дублированию следственных и оперативных мероприятий, лишает возможности оперативного обмена информацией; 5) вне поля зрения остаются многие ранее отбывшие наказание за совершение преступлений экстремистского и террористического характера. Ряд этих граждан продолжают заниматься антиобщественной деятельностью, хранят огнестрельное оружие, укрывают лиц, находящихся в розыске; 6) многочисленные обыски, проводимые по инициативе органов внутренних дел по местам жительства предполагаемых членов экстремистских и террористических группировок, оказываются безрезультатными. По некоторым уголовным делам была замечена утечка информации о готовящихся следственно-оперативных мероприятиях.

Вместе с тем, проблемным является вопрос о современных тенденциях терроризма, только с учетом которых можно говорить об эффективной системе

предупреждения и борьбы с ним. Профессор В.В. Лунеев¹, в качестве основной тенденции экстремизма и терроризма называет интенсивное изменение экстремизма и терроризма в направлении повышения его общественной опасности: **по темпам роста и прироста** (за последние три десятка лет в мире было совершено более 10 тыс. террористических актов только широко известных и нашедших отражение в СМИ); **по уровню организованности** (экстремизма и терроризм в истекшее столетие развивался от террористов-одиночек до создания экстремистских и террористических групп, крупных организаций, политических экстремистских и террористических формирований до транснациональных террористических объединений типа «Аль-Каида»); **по материально-техническому и финансовому обеспечению** (развитие идет от применения кинжала, пистолета до колоссальных взрывов и средств массового поражения при помощи мировых центров финансирования экстремистских и террористических акций); **по национальным и транснациональным масштабам террористической деятельности** (экстремизма и терроризм «движутся» от единичного места преступления до охвата целых городов, стран, регионов); **по степени тяжести наступивших последствий и числу человеческих жертв** (темпы прироста человеческих жертв в среднем на порядок опережают темпы прироста самих экстремистских и террористических актов. Тенденция такова: от убийств отдельных ненавистных экстремистам и террористам лиц, до уничтожения тысяч и десятков тысяч ни в чем повинных людей); **по характеру и объему целей** (диапазон достаточно широк: от убийств отдельных лиц до свержения легитимных властей, разрушения государств и фактического уничтожения целых народов); **по расширению социальной базы экстремизма и терроризма** (под знамена экстремистов и террористов становятся не только отдельные организации, политические, националистические и религиозные

¹ Лунеев В.В. Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Государство и право, 2002. № 6.

объединения, а целые народы (нередко обманутые) или его значительные слои).

Меры предупреждения экстремизма и терроризма. В общей теории отечественной криминологии выделяют два вида предупреждения преступности: **общее (общесоциальное)** предупреждение преступности и **специальное** предупреждение преступности. Первое реализует антикриминогенный потенциал общества в целом, всех его институтов. Второе имеет целенаправленный на недопущение преступлений характер. **Общее (общесоциальное) предупреждение** охватывает крупные, имеющие долговременный характер виды социальной практики в самом широком смысле этого слова.

К примеру, в сфере экономики — это развитие производства на основе современных технологий, продуманная структурная и инвестиционная стратегия, укрепление национальной валюты и всей финансовой системы, снижение инфляции и т.п. В политической сфере — это становление и развитие новой российской государственности, упрочнение демократии, укрепление всех ветвей власти и т.п. В социальной сфере (в узком смысле этого слова) большое антикриминогенное значение имеет устранение резкого социального расслоения общества, поддержка малоимущих граждан, укрепление семейных устоев, ограничение негативных последствий безработицы, вынужденной миграции людей и т.п.

Особое внимание следует обратить на духовную сферу жизни общества, так как нравственность всегда противостоит преступности, а безнравственность интенсивно продуцирует ее.

Меры специального предупреждения преступности разнообразны и классифицируются по разным основаниям. Так, специально-криминологические меры различаются по содержанию (экономические, политические, культурно-воспитательные и др.); по масштабам действия (общегосударственные, региональные и др.); по правовой характеристике различаются

специально-криминологические меры: базирующиеся на нормах права, но ими не регламентированные (например, правовое просвещение, воспитание), и детально урегулированные юридические нормами (например, административный надзор милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы). Существуют и иные основания дифференциации мер специального предупреждения.

Названные выше меры в полном объеме относятся и к экстремизму и терроризму. Примером этому может служить классификация мер антитеррористической деятельности, предложенная С. Гончаровым¹. По мнению автора, такими мерами являются: законодательные; административно-правовые; уголовно-правовые; социальные; финансово-экономические; политические; военные; пропагандистские; профилактические и др. Особое место в системе предупредительного воздействия на экстремизм и терроризм занимают **специальные субъекты этой деятельности.**

1. **Федеральная служба безопасности России** осуществляет антитеррористическую деятельность, путем проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и пресечение терроризма.

2. **Генеральная прокуратура Российской Федерации** в рамках своей компетенции осуществляет надзор за законностью и качеством сбора оперативной информации о фактах экстремизма и терроризма, расследованием дел об экстремизме и терроризме.

3. **Служба внешней разведки России**, как и другие органы внешней разведки России, предупреждают экстремистскую и террористическую деятельность политической направленности путем обеспечения безопасности учре-

¹ Гончаров С. Актуальные проблемы борьбы с терроризмом // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. М., 2002.

ждений РФ, находящихся за пределами территории России, их сотрудников и семей последних.

5. Министерство обороны России обеспечивает сохранность находящихся у него на вооружении оружия массового поражения, ракетного и отраслевого оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, защиту военных объектов; кроме того, оно принимает участие в обеспечении безопасности национальных морских судоходств, национального воздушного пространства, в проведении контртеррористических операций.

6. Федеральная пограничная служба России осуществляет борьбу с политическим экстремизмом и терроризмом путем предупреждения, выявления и пресечения перехода экстремистами и террористами Государственной границы РФ, незаконного перемещения на территорию России или, наоборот, с ее территории оружия, взрывчатых веществ и иных предметов, которые могут быть использованы в качестве средств совершения террористических преступлений.

7. Министерство внутренних дел России осуществляет борьбу с экстремизмом и терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений экстремистского и террористического характера, преследующих корыстные цели. Через Национальное центральное бюро Интерпола в соответствии с возложенными на него функциями осуществляет взаимодействие между различными государствами по розыску и привлечению к уголовной ответственности лиц, обвиняемых в экстремизме и терроризме.

6.2. Зарубежный опыт политико-правового регулирования системы противодействия экстремизму и терроризму

По данным исследователей, с середины 60-х годов XX в. численность фундаменталистских течений всех религиозных направлений в мире возросла в три раза. В настоящее время почти четвертая часть всех террористических

группировок, действующих в мире, преследует религиозные цели¹. Борьба с терроризмом и религиозно-политическим экстремизмом, приобретающим транснациональный характер, становится глобальной международной проблемой и требует координации усилий различных государств.

Это относится к совершенствованию нормативно-правовой базы по законодательному регулированию противодействия и пресечения возбуждения национальной и религиозной вражды, выработке эффективных правовых механизмов профилактики различных видов экстремизма, планированию и осуществлению антитеррористических предупредительных, оперативно-розыскных, политических, экономических и иных мероприятий.

Отличительной особенностью современного религиозно-политического экстремизма является преобладание силовых методов борьбы для достижения своих целей — насильственного изменения государственного строя, захвата власти, нарушения территориальной целостности государства.

При этом религиозный экстремизм практически не встречается в «чистом виде», но тесно переплетается и блокируется с терроризмом национально-политической направленности, который использует религиозно-правовые нормы и догмы.

Правовое обеспечение противодействия различным формам экстремизма требует комплексного правового, социологического и политологического анализа этого сложнейшего социально-политического феномена.

Международное сообщество отрицает экстремизм и терроризм как средство для достижения политических целей. Борьба с этими явлениями провозглашена ООН одной из приоритетных задач своей деятельности. Формирование нормативно-правовой базы по противодействию различным проявлениям экстремизма получило наибольшую активность в Европе сразу после Второй ми-

¹ См.: Законодательное регулирование противодействия религиозному экстремизму: российский и зарубежный опыт. Аналитический вестник аппарата Государственной Думы. Выпуск

ровой войны.

В ряде посттоталитарных стран имеется законодательный опыт предупреждения фашистской угрозы. Законодательство большинства стран запрещает деятельность различного рода правых и левых экстремистских партий и организаций, предусматривает ответственность за такие составы как призывы к мятежу, оскорбление нации, республики, конституции, конституционных учреждений, пропаганду и применение подрывных, насильственных методов. Помимо введения конституционных запретов на деятельность антидемократических экстремистских организаций, а также соответствующего уголовного законодательства, в ряде государств были приняты специальные законы, запрещающие деятельность профашистских, пронацистских организаций. Это, в частности, **австрийский конституционный закон о запрете Национал-социалистической рабочей партии Германии 1945 г.; итальянский закон о запрещении неонацистской деятельности 1952 г.; португальский закон о запрещении фашистских организаций 1978 г.;** разработаны и международные стандарты, направленные против злоупотреблений свободой слова, информации, выражения своего мнения.

Начиная с 70-х годов XX в. правительствами различных стран мира предпринимаются усилия по выработке единого подхода к решению проблемы терроризма. Однако наряду с некоторыми успехами, достигнутыми в этом отношении (принятие двухсторонних и международных соглашений, изменение законодательства ряда стран и т.п.), еще остаются различия в осуществлении практических мер борьбы с преступлениями такого рода. К настоящему времени за рубежом сложились три точки зрения на сей счет:

1. Не вступать ни в какие переговоры с террористами и немедленно проводить полицейскую или войсковую операцию — предельно жесткая линия. Вину за возможные жертвы среди заложников полностью возлагать на

террористов. Не должны быть исключением и те случаи, когда опасности подвергается жизнь послов и дипломатических представителей. Такой позиции придерживаются Израиль, Аргентина, Колумбия, Иордания, Турция, Уругвай и близкую к ней позицию до недавнего времени занимали США. К отказу от удовлетворения требований террористов склонны правительства и других стран. Во многих странах Европы и Латинской Америки принимаются санкции против тех фирм, которые страхуют своих сотрудников на случай похищения террористами и соглашаются на выкуп захваченных или похищенных представителей.

Отказ правительства от выплаты террористам выкупа за освобождение заложников или отказ от преступных намерений мотивируется тем, что в противном случае это может подтолкнуть другие группы экстремистов к похищению людей, привести к значительным финансовым издержкам, нанести ущерб политической стабильности, усилить притязания террористов на их роль в социально-политической жизни страны, а также может усилить материальное и финансовое положение экстремистских группировок (специалисты считают, что одного миллиона долларов достаточно для деятельности группы в 20 человек в течение года).

В некоторых странах частным лицам и компаниям разрешено вести переговоры и выплачивать выкуп при условии, что террористы отказываются от дополнительных политических требований. Данный подход к решению проблемы проявляется и в международных соглашениях. Так, в июле 1978 г. Канада, Франция, Италия, Англия, США и ФРГ договорились о принятии санкций против тех государств, которые будут удовлетворять требования террористов в случае захвата последними транспортных средств.

2. Многие страны, придерживаясь концепции «никаких уступок террористам» как основополагающего принципа, тем не менее склонны к использованию более гибкой тактики в отношениях с террористами. Они

считают, что наиболее эффективным методом разрешения конфликтных ситуаций, особенно, если в них вовлечено несколько государств, является ведение переговоров. По мнению руководителей этих стран, переговоры с террористами необходимы для того, чтобы добиваться освобождения хотя бы части заложников (женщин, детей, больных). Кроме того, переговоры дают официальным властям ряд преимуществ и могут способствовать мирному исходу инцидента. К участию в переговорах должны привлекаться специалисты-психиатры и психологи, с помощью которых можно попытаться установить психологический контакт с преступниками, выяснить их сильные и слабые стороны, следить за их психическим и физическим состоянием с тем, чтобы в случае необходимости выбрать наиболее благоприятный момент для проведения полицейской или войсковой операции. В целом практика переговоров сводится к затягиванию времени, изматыванию террористов («стратегия изнурения»), оказанию на них давления, побуждающего отказаться от своих требований. Обобщая опыт ведения таких переговоров, западные специалисты подчеркивают, что важно не упустить момент наступления кризиса, когда возникает реальная угроза жизни похищенного. Они предлагают также учитывать, что при чрезмерной затяжке переговоров террористы изыскивают различные способы оказания дополнительного давления. Это требует принятия необходимых мер по предотвращению новых террористических акций и похищения родственников или близких похищенного. Этой позиции придерживаются Англия, Франция, Голландия, в последнее время США и ряд других стран. Как показывает практика, подобный подход в большей степени обеспечивает успешное разрешение террористических инцидентов. Его применение спасло многие жизни заложников. За последние годы не отмечалось жертв среди заложников, в отношении которых велись переговоры. Эта тактика находит широкое применение в решении конфликтных ситуаций, затрагивающих интересы нескольких стран.

3. Третий принцип: при выборе способа действий в условиях акта

терроризма исходить из национальной принадлежности его участников.

Если, например, заложники являются гражданами страны, на территории которой совершен захват, то к операции по их освобождению приступают немедленно. В случае, если ими являются иностранцы, то действия местных властей должны согласовываться с правительствами стран, гражданами которых они являются. Действия антитеррористических подразделений должны строиться в зависимости от позиций этих правительств. Этой точки зрения придерживается, в частности, Бельгия. Столь мягкий подход может быть применим в странах с низким уровнем терроризма и представляется неприемлемым для России.

В настоящее время в экономически развитых странах Европы и Америки существует два вида особых подразделений, предназначенных для борьбы с терроризмом: подразделения, непосредственно подчиненные спецслужбам и сформированные из числа сотрудников этих служб, и подразделения типа «коммандос», которые комплектуются из военнослужащих войск специального назначения и поступают в оперативное подчинение спецслужбам на период проведения конкретной операции. Примерами того рода спецподразделений могут служить **британская САС, германская ГСГ — 9, итальянский Отряд R, французский отряд ГИГН, израильское «Подразделение общей разведки 269», американская «Дельта Форс»** и другие. Создаются также специальные подразделения и в структуре криминальной полиции. Оперативные подразделения данной категории обычно создаются или непосредственно в структуре криминальной полиции или же действуют в ее интересах и под ее оперативным руководством.

Учитывая усиление угрозы терроризма миру и стабильности всех государств, безопасности, благосостоянию всех граждан и международному сотрудничеству, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций 9 декабря 1994 г. приняла **Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма.**

15 декабря 1997 г. на 52-ой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций была принята **Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом**, призванная укрепить международное сотрудничество между государствами в разработке и принятии эффективных мер по предупреждению актов терроризма с использованием взрывных устройств и уголовному преследованию виновных в совершении таких деяний.

Для обеспечения неотвратимости уголовного преследования и наказания лиц, совершивших террористические акты 7 мая 1999 г. Российская Федерация подписала Европейскую **Конвенцию о пресечении терроризма** от 27 января 1977 г., а 7 августа 2000 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон «О ратификации Европейской Конвенции о пресечении терроризма».

Учитывая настоятельную необходимость в укреплении международного сотрудничества между государствами в деле разработки и принятия эффективных мер по недопущению финансирования терроризма, а также борьбе с ним путем преследования и наказания совершающих его лиц, 3 апреля 2000 г. Российская Федерация подписала **Международную Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма**, принятую Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 9 декабря 1999 г.

Подписанная Российской Федерацией 15 июня 2001 г. **Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом** регулирует взаимодействие правоохранительных ведомств и спецслужб государств-участников в с борьбе терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также регламентирует такие ключевые направления и формы сотрудничества, как обмен информацией, осуществление оперативно-розыскных мероприятий, принятие совместных мер по пресечению поставок вооружения и боеприпасов террористическим группировкам, их финансирования и мер по прекращению деятельности центров подготовки боевиков.

Особая роль в обеспечении согласованных действий мирового сообщества по полному и безусловному исполнению всеобъемлющих **резолюций Совета Безопасности ООН 1368 и 1373 по борьбе с международным терроризмом** принадлежит парламентам. Одной из приоритетных задач становится разработка и принятие в кратчайшие сроки в рамках национальных и международных правовых систем законодательства действенных механизмов, позволяющих адекватно и быстро реагировать на такие острые и глобальные угрозы, какими является международный терроризм.

В совершенствовании организации взаимодействия в сфере оперативно-розыскной деятельности особое значение имеют рекомендации **Всемирной конференции на уровне министров по организованной транснациональной преступности** (Неаполь, 1994 г.). Эти рекомендации легализуют целесообразность международных соглашений в применении таких способов сбора информации, как «агентурные операции», рассматривается возможность принятия «мер поощрения для членов преступных организаций, согласившихся сотрудничать и давать свидетельские показания», рекомендуется заключение много- и двусторонних соглашений по вопросам оперативно-розыскной деятельности.

Лионские рекомендации в области борьбы с транснациональной организованной преступностью, одобренные на встрече глав государств и правительств стран «восьмерки» (Лион, 1996 г.), подчеркнули действенность и пользу таких методов как электронное наблюдение, секретные операции и контролируемые поставки.

Всем государствам рекомендуется пересмотреть национальные установления, касающиеся этих методов, и способствовать международному сотрудничеству в данной области с учетом соблюдения прав человека, обмениваться опытом по использованию этих методов.

Таким образом, в мире идет процесс разработки системы «трансграничных оперативно-розыскных мероприятий» в борьбе с международной пре-

ступностью, правовой базы их осуществления, механизма действий, получения и использования оперативной информации.

Международные конвенции о борьбе с терроризмом и договоренности на этот счет с зарубежными странами позволяют активно использовать такие организации, как **Международная организация уголовной полиции (Интерпол)**, в рамках которых осуществляется обмен информацией о преступлениях террористического характера, незаконном обороте оружия и т.д. Использование массивов информации международных организаций, касающихся преступлений террористического характера, значительно поднимет эффективность противодействия международному терроризму.

Однако имеющийся потенциал мер правового противодействия экстремизму не всегда используется в полной мере в силу недостаточной эффективности правоприменительной деятельности, а также в связи с существующими пробелами в законодательном регулировании этого вопроса, что требует дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы с учетом зарубежного опыта законодательного регулирования противодействия терроризму.

Зарубежный опыт законодательного регулирования противодействия экстремизму и терроризму

Существует большое число международно-правовых актов противодействия терроризму, запрещения дискриминации по религиозному признаку.

Международное сообщество отрицает вооруженный экстремизм и терроризм как средство для достижения политических целей¹. Борьба с этими явлениями провозглашена ООН одной из приоритетных задач своей деятельности.

Основными направлениями противодействия терроризму и экстремизму

¹ См.: Гурба В.Н. Терроризм в контексте социальных процессов современности. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. соц. н. Новочеркасск, 2002; Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи / Отв. ред и рук. авт. коллектива И.Л. Трунов. М.: Изд-во Эксмо, 2005; Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. Ростов-на-Дону: Росиздат, 2005.

являются: создание международной правовой базы как важнейшего условия для осуществления согласованных и результативных антитеррористических действий; формирование международных антитеррористических центров и привлечение вооруженных сил для борьбы с экстремизмом; оздоровление социально-экономической обстановки в странах и регионах, являющихся основными источниками вооруженных конфликтов.

Принципы борьбы с терроризмом и экстремизмом, важность объединения государств для противодействия терроризму раскрыты в целом ряде международно-правовых документах. Это:

Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов (Токио, 14 сентября 1963 года); **Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов** (Гаага, 16 декабря 1970 года); **Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации** (Монреаль, 23 сентября 1971 года); **Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов** (Нью-Йорк, 14 декабря 1973 года); **Европейская конвенция о пресечении терроризма** (Страсбург, 27 января 1977 года); **Международная конвенция о борьбе с захватом заложников** (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 года); **Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства** (Рим, 10 марта 1988 года); **Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом** (Нью-Йорк, 15 декабря 1997 года); **Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма** (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года) и др.

Всеобщая Декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года, провозглашает равенство прав людей, отсутствие различий между людьми в обладании ими всеми правами и свободами независимо от расы, цвета кожи,

языка, религии, национального или социального происхождения.

В части 2 статьи 20 **Международного пакта о гражданских и политических правах** от 19 декабря 1966 года установлено, что всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 года) не допускает дискриминации в пользовании правами и свободами на основании расы, цвета кожи, языка, религии, национального и социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам.

Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (принята Генеральной Ассамблеей ООН 25 ноября 1981 года) предписывает государствам принимать эффективные меры для предупреждения и ликвидации дискриминации на основе религии или убеждений.

Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятая в декабре 1992 года Генеральной Ассамблеей ООН, отмечает, что государства обязаны создавать защиту перечисленным меньшинствам, включая законодательные меры, обеспечив им возможность в полной мере эффективно осуществлять все свои права человека и основные свободы без какой бы то ни было дискриминации и на основе полного равенства перед законом.

Основные направления борьбы с терроризмом сформулированы в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 года «**Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма**», где отмечено, что акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами ООН, что может угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между

государствами, препятствовать международному сотрудничеству и вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества.

Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 года) регулирует взаимодействие правоохранительных ведомств и спецслужб государств-участников в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также регламентирует такие ключевые направления и формы сотрудничества, как обмен информацией, осуществление оперативно-розыскных мероприятий, принятие совместных мер по пресечению поставок вооружения и боеприпасов террористическим группировкам, их финансирования и мер по прекращению деятельности центров подготовки боевиков.

Несмотря на единодушие стран-членов ООН в оценке опасности терроризма, выстроить адекватную систему противодействия терроризму пока не удается.

Сегодня все же имеется противоречие между единым криминальным пространством и разрозненностью усилий правоохранительных органов различных государств в оперативно-розыскном и информационном обеспечении борьбы с терроризмом, которые пока еще не успевают за развитием криминальных процессов.

Проблемы борьбы с религиозно-политическим экстремизмом занимают важное место в законодательстве многих государств, законодательство которых наложило запрет на нарушение равенства людей по признаку их отношения к религии, пропаганду религиозного и националистического экстремизма.

В большинстве зарубежных стран законодательство запрещает расистские выступления, пропаганду и провокационные заявления, выражающие ненависть или презрение к лицам или группам лиц на основании их расовой или этнической принадлежности, вероисповедания, цвета кожи, национальности.

Так, в **Конституции Дании** сказано, что граждане имеют право учреждать религиозные объединения для отправления культа в соответствии со своими убеждениями, при условии, что их вероучение и поступки не будут нарушать нормы морали и общественного порядка; общественные объединения, применяющие насилие либо стремящиеся достичь своих целей насилием, призывающие к насилию либо навязывающие свои взгляды другим при помощи угрозы насилия, распускаются решением суда (ст. ст. 67, 78).

В **Конституции Королевства Нидерландов** подчеркивается, что дискриминация на основании убеждений, вероисповедания, политических взглядов, расы или пола либо каким бы то ни было иным причинам не допускается (ст. I).

Законодательство **Канады, Франции, Дании и Нидерландов** обеспечивают защиту членов религиозных групп наравне с группами, объединяющими признаками которых являются общность расы, этнического происхождения.

По мнению исследователей, опыт применения законов, запрещающих возбуждение религиозной вражды и оскорбления религиозных чувств верующих (в ряде стран эти действия называются **hate speech** – «враждебная речь») в **Канаде, Дании, Франции, Германии и Нидерландах** сходен — везде эти законы ориентированы на необходимость защиты человеческого достоинства и активно применяются, предусматривая как уголовную, так и гражданскую ответственность.

Указывается, что *hate speech* причиняет двойной вред, так как, во-первых, она направлена против отдельных лиц и групп, причиняя психологический и моральный ущерб, а во-вторых, против всего государства, его социальной и нравственной структуры.

Закон об уголовной ответственности за оскорбление религиозных чувств существует в **Канаде, Нидерландах и Великобритании** и некоторых других странах.

Если уголовное законодательство одних стран (**Канада** и др.) предусматривает необходимость наличия либо умысла на разжигание розни, либо вероятности нарушения мира в результате преступных действий, то в других странах (**Франция, Германия, Дания, Нидерланды** и др.) допускается осуждение за *hate speech* независимо от наличия умысла и возможных последствий.

В Германии с середины 1980-х годов существуют специальные поправки к Конституции, запрещающие любую деятельность экстремистских организаций.

В **Основном Законе Федеративной Республики Германии** подчеркивается, что никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение по признакам вероисповедания, религиозных или политических взглядов; свобода вероисповедания, совести и свобода религиозных убеждений и мировоззрения неприкосновенны; государство гарантирует беспрепятственное отправление религиозных обрядов; запрещаются объединения, цели и деятельность которых противоречат уголовным законам или направлены против конституционного строя или против идей взаимопонимания между народами; пользование гражданскими и политическими правами, доступ к государственным должностям, как и права, приобретенные на государственной службе, не зависят от исповедуемой религии (ст. ст. 3,4, 9,33).

В **Уголовном кодексе ФРГ** предусматривается наказание на срок до трех лет лишения свободы или денежный штраф за оскорбление вероисповедания граждан и религиозных обществ, а также за воспрепятствование отправлению религиозных обрядов, культов, если такие действия вызывают нарушение общественного порядка (ст. ст. 130,166,167).

В **США** борьба с различными проявлениями экстремизма объявлена одной из важнейших задач обеспечения внутренней безопасности государства.

Вооруженный экстремизм определяется при этом как незаконное использование или угроза силой, вооруженное насилие над людьми или собственно-

стью для принуждения или устрашения правительства и общества, достижения политических, религиозных или идеологических целей.

Приоритетной задачей государства в борьбе с экстремизмом и терроризмом является совершенствование эффективных правовых механизмов пресечения и профилактики различных видов экстремизма и терроризма.

6.3. Российский опыт политико-правового регулирования системы противодействия экстремизму и терроризму

За последние годы в Российской Федерации создана своя система законодательства в сфере предупреждения и противодействия террористической и экстремистской деятельности.

Одной из общих задач органов государственной власти, правозащитных и иных общественных организаций является обеспечение в России межконфессионального диалога и толерантности, призванных обеспечить гражданский мир и согласие в России.

В рамках решения этой задачи особый упор необходимо делать на совершенствование соответствующей правовой базы и использование имеющихся у государства правовых рычагов для предотвращения и должного реагирования на экстремистские проявления в общественной среде.

Основой правовой базы по проблемам противодействия любым формам экстремизма и терроризма является **Конституция Российской Федерации**, запрещающая пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, а также создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст.ст. 13,29).

Основания и порядок привлечения к ответственности за экстремистскую деятельность политических партий, общественных и религиозных объединений, средств массовой информации, иных организаций, а также должностных лиц и граждан определены в законах, регулирующих деятельность политических партий, общественных и религиозных объединений — Федеральном законе от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «**Об общественных объединениях**» и Федеральном законе от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «**О политических партиях**», а также в **Уголовном кодексе Российской Федерации, Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации** и других законах.

Федеральный Закон от 25 июля 1998 года № 130-ФЗ «**О борьбе с терроризмом**» как специализированный нормативный акт, регулирующий порядок реализации государственной политики в данной сфере, определял правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации, порядок координации деятельности осуществляющих борьбу с терроризмом государственных органов и общественных объединений, а также ответственность организаций за террористическую деятельность.

Позже был принят Федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «**О противодействии терроризму**». Он устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом.

В ст. 2 говорится об основных принципах противодействия терроризму:

«Противодействие терроризму в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах:

- обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- законность;
- приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности;
- неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;
- системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму;
- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму;
- приоритет мер предупреждения терроризма;
- единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;
- сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму;
- конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников;
- недопустимость политических уступок террористам;
- минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма;
- соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности».

Было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 13 марта 2008 года № 167 **«О возмещении лицу, принимавшему участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, стоимости утраченного или поврежденного имущества».**

Федеральный закон от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «**Об оружии**», дополняя антитеррористическое законодательство Российской Федерации нормами о противодействии незаконному обороту оружия, регулирует правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого ручного стрелкового и холодного оружия на территории Российской Федерации.

Федеральные законы от 25 июля 2002 года — № 114-ФЗ «**О противодействии экстремистской деятельности**» и № 112-ФЗ «**О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности**», «**О противодействии террористической деятельности**» закрепляют основные положения государственной политики противодействия всем формам экстремистской и террористической деятельности, устанавливают меры ответственности за их осуществление, а также предусматривают осуществление комплекса профилактических мер по предупреждению действий экстремистского и террористического характера, к которым, в частности, относятся:

— объявление предостережения руководителю общественного или религиозного объединения либо иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности; вынесение письменного предупреждения общественному или религиозному объединению либо иной организации о недопустимости осуществления экстремистской деятельности в случае выявления фактов, свидетельствующих о наличии в их деятельности признаков экстремизма;

— приостановление деятельности общественного или религиозного объединения в случае осуществления им экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку,

общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу, государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда, до рассмотрения судом заявления о его ликвидации либо запрете его деятельности; вынесение предупреждения учредителю и (или) редакции (главному редактору) о недопустимости распространения экстремистских материалов в случае их распространения через средства массовой информации.

Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «**О свободе совести и о религиозных объединениях**», регулирующий правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений, определяет важнейшие основания для ликвидации религиозной организации, запрета на деятельность религиозного объединения в случае нарушения ими законодательства.

На принятие Россией международных обязательств в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом направлены законодательные акты, ратифицирующие международно-правовые документы о борьбе с терроризмом:

Федеральный закон от 7 августа 2000 года № 121-ФЗ «**О ратификации Европейской Конвенции о пресечении терроризма**»; Федеральный закон от 13 февраля 2001 года № 19-ФЗ «**О ратификации Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом**»; Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 88-ФЗ «**О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма**»; Федеральный закон от 10 января 2003 года № 3-ФЗ «**О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом**» и др.

К указам и распоряжениям Президента Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом экстремизмом относятся:

Указ Президента Российской Федерации от 22 января 2001 года № 61 «**О**

мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 30 июня 2003 года № 715 «О дополнительных мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 17 июня 2003 года № 680 «О центральных компетентных органах Российской Федерации, ответственных за выполнение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» и др.

Ряд постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации координируют деятельность федеральных органов исполнительной власти по вопросам борьбы с терроризмом, например:

Постановление Правительства Российской Федерации от 10 декабря 2002 года № 880 **«Об утверждении Положения о Федеральной антитеррористической комиссии»; Постановление Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2001 года № 90 «О порядке осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористической акции» и др.**

В **«Концепции национальной безопасности Российской Федерации»**, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 года № 24, особо подчеркивается важность нейтрализации причин и условий, способствующих возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий — социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма, а также необходимость эффективного сотрудничества с иностранными государствами, их правоохранительными органами и специальными службами, с международными организациями, в задачу которых входит борьба с терроризмом.

В некоторых субъектах Российской Федерации приняты законы, определяющие правовые основы, формы и методы противодействия политическому и религиозному экстремизму, а также принципы ответственности граждан и ор-

ганизаций за политический и религиозный экстремизм. Это, например:

Закон Республики Дагестан от 16 сентября 1999 года № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан»; Закон Карачаево-Черкесской Республики от 4 мая 2000 года № 6-РЗ **«О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории КЧР»;** Закон Кабардино-Балкарской Республики от 1 июня 2001 года **«О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности»** и др.

Существующая система российского законодательства, отражающая правовую стратегию противодействия терроризму и экстремизму, в целом обладает достаточно полным набором правовых норм, позволяющих эффективно осуществлять борьбу с терроризмом и экстремизмом.

Однако имеющийся потенциал мер правового противодействия терроризму не всегда используется в полной мере в силу недостаточной эффективности правоприменительной деятельности, а также в связи с существующими пробелами в законодательном регулировании борьбы с терроризмом, что требует дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы с учетом международного и зарубежного опыта.

В настоящее время в Российской Федерации действует целый ряд нормативных правовых актов, прямо или косвенно затрагивающих проблему противодействия национальной и религиозной нетерпимости, ксенофобии, расизму и другим формам экстремизма. В истекшем году наметилась тенденция к несколько более строгому применению этих актов к лицам, совершившим преступления на национальной и религиозной почве. Но в целом исполнительная власть и суды проявляют малопонятную снисходительность по отношению к фашистским, экстремистским националистическим группировкам. Анализ правоприменительной практики демонстрирует серьезное несоответствие за-

конодательства и реального положения дел в этой сфере. Вопрос состоит в том, чтобы применять существующие нормы систематически и по назначению, не пытаясь списывать проявления национального и религиозного экстремизма на обычное хулиганство, как это, к сожалению, все еще происходит. Принципиально важно также, чтобы борьба с этим злом велась не в рамках периодических кампаний, а на постоянной основе»¹.

Как отмечается в научной литературе, государственная система противодействия экстремизму функционирует не столь эффективно, как того требуют современные реалии. Общество еще не в полной мере осознало степень опасности этого явления для российской государственности, многонационального и поликонфессионального российского народа. Не наработана в достаточной степени правоприменительная практика борьбы с религиозным экстремизмом, что, в первую очередь, связано с декларативным характером некоторых правовых норм, а также со сложностью формирования доказательной базы.

Важнейшим условием повышения эффективности противодействия экстремизму и терроризму является разработка общегосударственной комплексной программы, включающей не только правоохранительный, но и политический, социальный, экономический, правовой, идеологический, пропагандистский, информационный, силовой, специальный (оперативный, розыскной, технический, охранный) и другие аспекты по устранению социальных условий, способствующих развитию террористических операций с учетом их типологии, форм подготовки и проведения, а также мониторинга текущего состояния и прогнозирования развития терроризма.

Как указывается в научных исследованиях, для решения данной задачи необходима концептуально обоснованная, многоуровневая система мер предупреждения экстремизма и терроризма, которая должна включать в себя:

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2004 году (Извлечение) // <http://www.rusoir.ru/news/28-04-2005-16-31-20.html>

— **нормативно-правовое обеспечение** антитеррористических действий, совершенствование законодательства о недопустимости и запрете возбуждения религиозной, национальной вражды;

— **превентивные мероприятия**, позволяющие выявлять намерения террористов и оперативно пресекать террористические действия на стадии их реализации;

— **централизацию руководства** всеми антитеррористическими действиями, обеспечение согласованности усилий силовых ведомств и органов власти всех уровней на основе четкого размежевания компетенции органов федерального, регионального и местного уровней;

— **обеспечение взаимодействия и координации** действий антитеррористических сил в **международном, межгосударственном** масштабе, контроль за деятельностью международных террористических объединений, их центров и штаб-квартир, баз подготовки боевиков и других террористических структур, выявление и ликвидация источников финансирования террористических групп, включая легитимные и криминальные доходы террористов;

— всестороннее **информационно-психологическое обеспечение** антитеррористической деятельности, выявление и ликвидацию центров идеологического обеспечения и поддержки террористических движений, идеологическое дифференцированное воздействие на население, террористов, субъектов их поддержки и противников, **переориентацию СМИ** на противодействие пропаганде насилия и внедрение в социальную практику норм толерантного поведения.

Необходимо отметить, что в отечественной юридической литературе **терроризм рассматривается как крайняя форма проявления экстремизма**. Под экстремизмом (экстремистской деятельностью) в российской правовой доктрине понимается: 1) деятельность физических лиц и различных организаций (религиозных, общественных и т.д.) по планированию, организации, под-

готовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России, подрыв безопасности РФ, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности и т.д.; 2) пропаганда и публичная демонстрация нацистской и сходной с ней атрибутики или символики; 3) публичные призывы к указанной деятельности; 4) финансирование указанной деятельности.

Зарубежные исследователи выделяют следующие виды терроризма: **психический и преступный** (Дж. Белл); **революционный, субреволюционный и репрессивный** (П. Уилкинсон, Р. Шульц); **ядерный, экономический, технологический, экологический** и др.

Терроризм можно классифицировать на следующие самостоятельные виды: по территориальному признаку: **международный; внутригосударственный**; в зависимости от преступной мотивации: **политический; религиозный; националистический; экономический**.

Наказание за терроризм по УК России. Статья 205 Уголовного кодекса России 1996 г. предусматривает ответственность за терроризм, — то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного ущерба либо наступление опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза свершения указанных действий в тех же целях.

Наказание за терроризм, предусмотренное санкцией ст. 205 УК РФ представляет собой лишение свободы: по ч. 1 — на срок от пяти до десяти лет; по ч. 2 — на срок от восьми до пятнадцати; по ч. 3 — на срок от десяти до двадцати лет.

Законодательством предусматривается **система мер по предотвраще-**

нию терроризма. В их числе имеются и непосредственно уголовно-правовые меры. В соответствии со ст. 31 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности при **добровольном отказе** от совершения любого преступления, в том числе и терроризма. **Добровольный отказ от преступления** — это прекращение приготовления к нему или прекращение самих неоконченных преступных действий, если лицо осознало возможность доведения преступления до конца. **Условиями освобождения** от ответственности при добровольном отказе являются: добровольность и окончательность отказа от совершения преступления; совершение лишь таких действий, которые не образуют состава другого преступления; осознание лицом объективной возможности довести преступление до конца. Добровольный отказ от совершения преступления в соучастии имеет свои особенности, поскольку преступный результат является последствием совокупных действий даже тех лиц, которые «внесли» в преступный результат лишь интеллектуальный вклад.

Законодатель выделяет **подстрекателей преступления**, предъявляя им более значительные по объему требования, в случае их добровольного отказа. Так, в силу ч. 4 ст. 31 УК РФ они освобождаются лишь при условии, если своевременным сообщением органам власти или иным способом сумели предотвратить доведение преступления до конца его исполнителем. **Пособник** также должен предпринять все зависящие от него меры, чтобы предотвратить преступление, совершению которого он способствовал. Условия освобождения, в соответствии со ст. 31 УК РФ, полностью распространяются и на терроризм. Если терроризм носит индивидуальный характер, то применяются ч.ч. 1-3 ст. 31 УК РФ; если терроризм групповой (по предварительному сговору или организованной группой) — ч.ч. 4,5 ст. 31 УК РФ. Вводя в примечание к ст. 205 УК РФ особые основания освобождения от наказания, законодатель стремится использовать дополнительные меры предотвращения террористических актов. Применение этого положения закона возможно при наличии трех условий: 1)

лицо участвовало лишь в подготовке акта терроризма; 2) лицо своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению терроризма (не обязательно предотвратило его); 3) если в действиях такого лица не содержится признаков иного преступления.

Самое значительное **отличие добровольного отказа от особых оснований освобождения от ответственности** заключается в том, что освобождение лица, участвующего в подготовке теракта, согласно примечанию к ст. 205 УК РФ, возможно как при добровольном, так и вынужденном «сотрудничестве» террориста с органами власти или в выполнении других, предупреждающих теракт действий.

14 июля 2006 года Советом Федерации был одобрен Федеральный закон **«О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»**. Основные новации этого закона связаны с определением новых общественно опасных деяний в качестве признаков экстремистской деятельности. Но, как показала правоприменительная практика указанных изменений оказалось недостаточно для эффективного противодействия экстремизму, поэтому 24 июля 2007 г. был принят Федеральный закон № 211 — ФЗ **«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму»**.

В феврале 2006 г. был принят Федеральный закон **«О противодействии терроризму»**, вступивший в силу с 10 марта 2006 г. Действовавший прежде Федеральный закон **«О борьбе с терроризмом»** был принят в июле 1998 г., а в марте 2006 г. большая часть его норм утратила силу, но несколько статей еще продолжали действовать до 1 января 2007 г., и лишь с этой даты названный закон полностью утратил силу. В связи с этим в течение нескольких месяцев (с марта по декабрь 2006 г.) действовали два федеральных закона, регламентировавших и определявших правовые и организационные основы борьбы и проти-

водействия терроризму. Однако на сегодняшний день Закон **«О противодействии терроризму»** является основным источником национального антитеррористического законодательства и нормативным правовым актом федерального уровня, который, как определяет преамбула этого закона, устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы изменения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом. Вместе с тем Закон **«О противодействии терроризму»** — хотя и основной, но не единственный источник нового отечественного антитеррористического законодательства, так как в соответствии со ст. 1 данного Закона, юридическую основу противодействия терроризму составляют: 1) Конституция России; 2) общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ; 3) настоящий Федеральный закон; 4) другие федеральные законы; 5) нормативные правовые акты Президента РФ; 6) нормативные правовые акты Правительства РФ; 7) принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти.

В число иных правовых источников, составляющих российское национальное антитеррористическое законодательство, входят:

— **УК РФ**, предусматривающий уголовную ответственность за совершение преступлений террористического характера;

— Закон от 7 августа 2001 г. **«О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»**;

— Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. (в ред. Указа от 10 января 2000 г. № 24) **«Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации»**;

— Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 (в ред. Указа от 2 августа 2006 г.) **«О мерах по противодействию терроризму»** (вместе с Положением о Национальном антитеррористическом комитете);

— приказ МВД РФ от 29 октября 2001 г. № 951 **«О неотложных мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел и внутренних войск по борьбе с терроризмом, отнесенным к компетенции МВД России»**.

В настоящее время законодательство Российской Федерации по противодействию экстремистской и террористической деятельности основывается на положениях Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права. Основными нормативными актами, определяющими правовые основы борьбы с экстремизмом и терроризмом, являются Федеральные законы **«О противодействии экстремистской деятельности»** от 25 июля 2002 года, **«О противодействии терроризму»** от 6 марта 2006 г., которыми определены правовые и организационные основы противодействия экстремистской и террористической деятельности, а также установлена ответственность за ее осуществление.

6.4. Социально-политические проблемы современного российского общества и профилактика обострения политических конфликтов

Понимание сути современных политических проблем, с которыми сталкивается новое российское демократическое общество, во многом зависит от адекватного представления нынешней его социально-политической структуры и ее отражения **в структуре политических сил**, ведущих легальную (и отчасти полулегальную и нелегальную, экстремистскую) борьбу за власть.

В классической политической традиции принято следующее представление о структурировании партийно-политического спектра в политической системе современных государств. «Все разнообразие возможных проектов обще-

ственного развития, — формулируют его Ю.Г. Коргунюк и С.Е. Заславский, — укладывается в поле, которое принято называть идейно-политическим спектром. У этого спектра есть система координат, для обозначения которых традиционно используются такие понятия как «правый фланг», «левый фланг», «центр». Если разместить все существующие идеологии в этой системе координат, то крайне правый фланг займут организации, чьи политические программы можно охарактеризовать как реакционно-романтические, в то время как крайне левый фланг достанется революционным романтикам ... Между центром и правым флангом размещаются организации, придерживающиеся консервативных взглядов и ценностей и основной задачей считающие поддержание status quo. ... Позицию между левым флангом и центром занимают социальные реформаторы, выступающие за изменение существующего положения, но, в отличие от крайне левых, старающиеся не прибегать к нелегитимизированному насилию. Наконец, место в центре принадлежит тем политическим силам, которые пытаются обеспечить подвижное равновесие между необходимостью внесения известных корректив в общественное устройство и желанием сохранить его жизнеспособные элементы. В реальной жизни основные цвета политико-идеологического спектра имеют множество оттенков, однако описанной схемы это не отменяет»¹.

Эти классические представления, на наш взгляд, нуждаются все же в весьма серьезной коррекции. Прежде всего, партии «центра» как таковой в реальной действительности обнаружить невозможно, ибо позиция **действующей** политической партии, даже и самой центристской, всегда будет несколько смещена «вправо» или «влево», в зависимости от текущих политических событий и конкретной исторической ситуации. За чисто «нейтральную партию» избиратель голосовать не будет и ей будет нечем привлечь избирателей к своей

¹ Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., 1996. С. 15.

программе. «Чистый центр», на наш взгляд, можно выделить только **теоретически**, но не в самой реальной действительности.

Во-вторых, некоторой коррекции заслуживает и следующее положение рассматриваемых авторов. «Как правило, — пишут они, — сила правых организаций обеспечивается в основном поддержкой со стороны во многом независимой от общества **государственной власти**, предоставляющей, в том числе и посредством дискриминационного избирательного законодательства, привилегии имущим классам. Сила же левых партий обуславливается поддержкой «низших» классов, чьи возможности для участия в политической жизни значительно ограничены по сравнению с классами «высшими» ...»¹.

На наш взгляд, следует более четко и ясно говорить не о поддержке «государственной власти», а о поддержке самих **высших классов**, позицию которых и выражают именно **правые** партии. При этом **левые** партии выражают в основном позицию **низших классов**, а партии **центра** — **средних классов**.

В-третьих, и это наиболее важно, только **одной** координаты — левые-правые-центр — для полноценного описания политического спектра любого конкретного государства **принципиально недостаточно**. Эта координата отражает только **внутриполитическую** ситуацию, тогда как в реальной политике всегда присутствует и играет не меньшую роль и **внешнеполитическая** реальность. Достаточно сказать, что одно из наиболее мощных политических действий — **война** (как «горячая», так и «теплая», и «холодная») — относится именно к этой сфере политической реальности. Политическая борьба **всегда** идет не на одном только фронте — внутреннем, — но и **на обоих** — внутриполитическом и внешнеполитическом.

Некоторое отражение (хотя и неадекватное) этот факт находит и в пози-

¹ Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., 1996. С. 16.

ции рассматриваемых авторов. «Для западноевропейской многопартийности, — пишут они, — характерно отнесение к крайне правому флангу разного рода религиозных фундаменталистов, легитимистов (монархистов), националистов-этнократов; к крайне левому — анархистов, коммунистов; к центру — либералов. Между центром и крайне левым флангом классическая схема помещает, как правило, социал-демократов, между центром и крайне правым флангом — этатистов («государственников»). Однако в переходные периоды истории эта схема заметно видоизменяется, что, в частности, случилось в современной России, где в определенный момент противоположные крылья политического спектра — реакционно-романтический (национал-патриотический) и революционно-романтический (коммунистический) — сомкнулись, породив феномен т.н. «право-левой» (или «красно-коричневой») оппозиции. В результате та часть политического спектра, которая, согласно классической схеме, должна располагаться в центре — а именно либеральная, — оказалась вытесненной на один из флангов (левый), а на роль центристов стали претендовать силы, традиционно располагающиеся справа и слева от центра, т.е. консерваторы-этатисты и социал-демократы»¹.

Значительная путаница, представленная в данном «разъяснении», возникает, на наш взгляд, оттого, что авторы не понимают необходимости для полноценного описания всего политического спектра выделения в системе политической структуризации второй — **внешнеполитической** — координаты. Так называемые «красно-коричневые» в России 1990-х годов «сомкнулись» не по линии «левые-правые», а по линии «космополиты» — «патриоты». Поскольку **внешнеполитические** проблемы существуют и развиваются всегда **независимо** от внутривнутриполитических, то и по отношению к ним одну и ту же позицию (патриотическую, космополитическую или даже компрадорскую) могут зани-

¹ Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., 1996. С. 16-17.

мать как левые, так и правые. В частности, в рассматриваемом случае, коммунисты и патриоты объединились в 1990-х годах не против либерализма сторонников Е.Т. Гайдара и С.А. Ковалева, а против их **прозападной ориентации**, доходившей уже до жертвования российским суверенитетом в пользу натовских стран.

Рассмотрим в этой связи кратко основные этапы эволюции российской партийно-политической системы в постсоветский период ее развития.

В результате идеологической кампании, проведенной сторонниками Перестройки в конце 1980-х — начале 1990-х гг., социалистическая идеология в СССР была полностью дискредитирована и вытеснена на периферию сознания российского общества. Ее место заняла идеология **либеральная** в самой крайней ее, **антикоммунистической** и **антисоветской** трактовке (Ф. Хайек, Л. Мизес, З. Бжезинский и др.). После отделения России от СССР к власти в стране пришли представители радикальной либеральной партии во главе с Е.Т. Гайдаром. Эта партия называла себя «**демократами**» и противопоставляла «коммунистам» — сторонникам **социал-демократической**, по сути, идеологии, объединившимся в 1993 году в КПрФ во главе с бывшим работником ЦК КПСС З.А. Зюгановым.

Либеральные демократы избрали самый быстрый и простой путь демонстрации социалистической системы и перехода к ультралиберальной, **монетарной** версии капитализма, не испытанной к тому времени ни в одной из развитых стран Запада и представленной лишь в статьях и учебниках по монетарной экономике. Реформы в России проводились под диктовку чиновников МВФ и западных советников, специально приглашенных для этой цели правительством Б.Н. Ельцина и Е.Т. Гайдара. Для перехода к рынку был применен разработанный для стран третьего мира метод «шоковой терапии». «Когда мы приступали (к монетарным реформам — *авт.*), — писал впоследствии американ-

ский советник российских реформаторов, Д. Сакс, — мы чувствовали себя врачами, которых пригласили к постели больного. Но когда мы положили больного на операционный стол и вскрыли его, мы вдруг обнаружили, что у него совершенно иное анатомическое устройство и внутренние органы, которых мы в нашем медицинском институте не проходили»¹.

Данные проведенного в разгар реформ (август 1992 года) опроса «Как живешь, Россия?», показывали **отрицательное** отношение основной массы населения к проводимому курсу. На вопрос: «Какой, по Вашему мнению, путь развития наиболее приемлем для России?»:

11% респондентов избрали ответ «свободная рыночная экономика, как в США, Великобритании, ФРГ, Франции»;

8% — «социально ориентированная экономика наподобие Швеции»;

5% — «экономика с преобладанием государственных форм собственности по образцу Китая»;

52% — «у России должен быть свой особый путь развития, основанный на традиционных представлениях россиян об отношениях людей и земной справедливости»².

Однако реформаторы предпочли игнорировать не только общественное мнение, но и мнение депутатов Верховного Совета России, пытавшихся изменить радикальный монетаристский курс реформ, заменив его более постепенными и осторожными преобразованиями. В октябре 1993 года в результате силового противостояния законодательной и исполнительной (президентской) ветвей власти оппозиция либеральной политике Б.Н. Ельцина и Е.Т. Гайдара была ликвидирована, Верховный Совет распущен, Конституция изменена, и в стране были объявлены первые выборы в новый законодательный орган — Государственную Думу РФ.

¹ Цит. по: Деловой вторник. 1998. 10 ноября.

² Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. М., 1997. С. 13-14.

В результате реформ, проведенных либеральным правительством, страна была отброшена в своем развитии фактически до уровня среднеразвитых стран Третьего мира, а дезориентированное российское население испытывало к реформаторам совсем не те чувства, на которые они рассчитывали. Специально созданный ими под выборы блок «Выбор России» рассчитывал на получение большинства в Думе (опросы показывали, что «Выбор России» готовы поддержать до 45% избирателей). Лидерами блока стали Е.Т. Гайдар и известный советский диссидент С.А. Ковалев. При этом, перед выборами от них успела отделиться часть либералов, образовавших несколько более левую партию под названием «Яблоко». Оставаясь на либеральной платформе, эта партия выражала интересы не только **крупного бизнеса** (бизнес-олигархии), но и **средних** слоев населения России, не утративших еще веру в либеральную идею. Яблоко активно критиковало проект Конституции, разработанный слишком поспешно и без широкого обсуждения, и призывало создать комиссию по расследованию событий октября 1993 года.

В целом, либеральные политические силы потерпели на выборах 1993 года очень серьезное поражение. Это было их первой неудачей после череды побед в ходе демократической революции 1989-1993 гг. Победителем же (23% голосов по партийному списку) стала образованная еще в 1989-1992 гг. **ЛДПР** во главе с В.В. Жириновским, применявшим в ходе выборов **антилиберальную, антизападную** державническую и **антиолигархическую** риторику¹ («Мы за русских, мы за бедных!»). «**Выбор России**» собрал лишь 15,5% голосов по партийному списку. Третье место заняла **КПРФ** (12,4%), которая, объединив свои голоса с Аграрной партией России (8%) и одномандатниками, образовала самую крупную фракцию в Думе².

В середине 1993-1994 гг. падение промышленного производства в России

¹ См. Барсенков А.С. и др. Политическая Россия сегодня. Справочник. М., 1993. Ч. 1. С. 404.

² Результаты выборов депутатов Госдумы // Российская газета. Федеральный выпуск № 3363

составило 21%, в том числе в машиностроении — 31%, в производстве предметов широкого потребления — 30%. Общее же сокращение промышленного производства за 1991-1994 гг. составило свыше 50% всего его объема. Свыше половины товаров российского рынка приходилось теперь на долю импортной продукции. Катастрофически снизился уровень жизни населения: в 1994 г. он составлял 50% от уровня начала 90-х годов¹. По мере усугубления социально-экономической ситуации в стране авторитет либеральной идеологии и либерально-демократических партий стремительно снижался.

На думских выборах 1995 года Яблоко получило около 7% голосов, а «Демократический выбор России — Объединенные демократы» (сторонники Е.Т. Гайдара) — только около 4%. Верхние строчки занимали теперь партии с **социальным** и **патриотическим** уклоном в своих программах — КПРФ (22%), ЛДПР (12%), НДР (10%) и др. Именно эта идеологическая линия обеспечила первые места и на парламентских выборах 1999 года — КПРФ (24%), «Единство» (23%), «Отечество — Вся Россия» (13%). Последние две партии впервые оттянули часть «патриотических» голосов у ЛДПР (6%)².

Неожиданно много голосов в 1999 году набрала новая праволиберальная партия «Союз правых сил» (ок. 9%). Но это, как оказалось, был последний успех либеральных демократов, после чего они, на думских выборах 2003 года, не смогли преодолеть уже и 5-процентный барьер. Не смогла его преодолеть и партия Яблоко. Победителями стали «Единая Россия» (37%), КПРФ (13%), ЛДПР (12%) и «Родина» (9%)³. Та же самая пропорция в распределении политических сил сохранилась и на выборах 2007 года: «Единая Россия» получила

от 9 декабря 2003.

¹ Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М., 2003. С. 466.

² Результаты выборов депутатов Госдумы // Российская газета. Федеральный выпуск № 3363 от 9 декабря 2003.

³ Результаты выборов депутатов Госдумы // Российская газета. Федеральный выпуск № 3363 от 9 декабря 2003.

64,3 процента голосов, КПРФ — 11,57 процента, ЛДПР — 8,14 процента, «Справедливая Россия» — 7,74 процента.

Крах либеральной идеологии и либеральных партий в политической системе России, таким образом, объясняется не только негативными результатами их реформаторской деятельности в 1990-е годы, ибо либерализм (только в менее жесткой, **социал-либеральной** его форме) служит идеологической основой и нынешней правящей партии («Единой России»), но и их **космополитической, прозападной** ориентацией. «Единая Россия», в отличие от либералов 1990-х годов, так же, как и КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», провозглашает и проводит **национально-патриотический** курс, направленный на утверждение в мире российских интересов. Проводя в 1990-х годах крайне прозападный курс, либеральные демократы подвели Россию очень близко к той черте, за которой утрачивается уже и **государственный суверенитет**, и страна превращается не только в сырьевой, но и в политический придаток Западного альянса. В противовес этому курсу, «Единой Россией» была провозглашена концепция «**суверенной демократии**»¹. Слово «суверенная» в этом политическом неологизме как раз и призвано подчеркнуть **национально-патриотический** характер либеральной идеологии этой партии.

«По замечанию Г. Дилигенского, пишут Ю.Г. Коргунюк и С.Е. Заславский, — «политический спектр России представляет собой не столько расположенный по оси слева направо и четко расчлененный континуум, сколько нагромождение «пересекающихся множеств» и сообщающихся сосудов»². С этими мнениями, на наш взгляд, невозможно согласиться. Никакого «нагромождения» в российской политической системе уже давно не наблюдается. Партийно-политическая структура в нашей стране приобрела уже достаточно ясные и строгие очертания. С учетом предлагаемых нами изменений в ее тео-

¹ См., напр.: Сурков В.Ю. Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43(537).

² Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функциони-

ретическое представление политический спектр современной России, в его наиболее общем виде¹ может быть представлен в виде следующей структуры (См. Табл. 2).

Таблица 2

**Партийно-политический спектр современной России (2000-2009 гг.).
Общее структурирование**

Внутриполитическая ориентация	Внешнеполитическая ориентация			
	Крайний (прозападный) космополитизм	Партии внешнеполитического центра		Крайний националпатриотизм
		Космополитический центр	Патриотический центр	
Крайний либерализм	СПС	Яблоко		
Партии центра	Правый центр	Гражданская сила	Единая Россия	ЛДПР
	Левый центр		Справедливая Россия	КПРФ
Крайний социализм		СКП-КПСС	РКРП Трудовая Россия	ВКПБ

«Для стран с недостаточно зрелым гражданским обществом, — отмечают далее Ю.Г. Коргунюк и С.Е. Заславский, — не имеющим традиций контроля

рование, развитие. М., 1996. С. 27.

¹ Подробный обзор эволюции российской партийно-политической системы см.: Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., 1996.

над органами государственной власти, характерна политическая поляризация, при которой наиболее сильные политические организации расположены на левом и правом флангах. ... В странах со зрелым гражданским обществом и достаточно развитой системой обратной связи между гражданами и государством, напротив, наиболее влиятельные политические организации тяготеют к центру, в то время как партии, исповедующие крайне правые и крайне левые взгляды, находятся на положении маргиналов»¹.

Учитывая весь ход эволюции российской политической системы, начиная с 1992 года, и ее современное состояние, представленное в Таблице 2, мы можем сделать вывод об **относительной стабилизации** этой системы, достигнутой, однако, в большей степени по ее **социально-политической (внутриполитической)** координате, и в меньшей степени по линии ее **внешнеполитической** координаты. Достаточно большая поддержка российским населением партий КПРФ и ЛДПР, выражающим резко антизападную позицию, и почти полное лишение этой поддержки прозападных СПС и Яблока свидетельствует о том, что российская политическая система в этом отношении еще не вполне стабилизирована. В пользу последнего тезиса говорит и набирающий в последнее время силу процесс усиления и «антивоосточных» настроений (выражаемых, например, ДПНИ и другими **националистическими** организациями).

Потерпевшие политическое фиаско либеральные теоретики и идеологи в России переключились в настоящее время на критику **институционального** развития российской политической системы, в которой, начиная с 2000 года, и действительно, происходят процессы усиления **централизации** власти и **бюрократизации** системы, выражающиеся, прежде всего, в: 1) отмене прямых выборов губернаторов, 2) в более жестком использовании административного ресурса на выборах, 3) достижении полного доминирования партии «Единая

¹ Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., 1996. С. 17.

Россия» в федеральном и региональных представительных органах государственной власти¹. К этому списку можно добавить и множество более мелких поправок, внесенных в политическую систему после 2000 года и работающих в том же направлении: «Все общественные организации, кроме партий, утратили право участия в выборах. Повышена до 50 тыс. минимальная численность партий, запрещен выход депутатов из партий. Прекращены выборы по одномандатным округам и запрещены избирательные блоки. Порог при прохождении партий в Думу повышен с 5 до 7%. Ужесточены требования к сбору подписей и внесению избирательного залога для регистрации партий и кандидатов. Отменено голосование «против всех», отменен минимум участия в голосовании, необходимый для признания выборов состоявшимися. Правила, установленные законом о выборах, позволяют под разными предлогами устранять партии и отдельных кандидатов из списков. Постоянное изменение «правил игры» сопровождается на местах массовыми и совершенно безнаказанными подтасовками и фальсификациями на самих выборах»².

Все это свидетельствует о том, что структурно политическая система России, действительно, становится менее демократической (по сравнению с 1990-ми годами) и более бюрократической. При этом возможности подобной ее эволюции заложены были и в самой российской конституции. «Суть в том, — отмечает в этой связи К.Г. Холодковский, — что текст Конституции, возникшей в чрезвычайно непростой политической ситуации и подвергшейся в

¹ «При этом, — отмечает политолог И. Бунин, — «Единая Россия» не становится аналогом КПСС. У партии нет собственной идеологии (обращает на себя внимание наличие в ее рядах клубов с различными идеологическими ориентациями), другие партии не признают ее руководящей роли (как это было с квазимнопартийностью в ГДР) и с разной степенью активности подвергают «единороссов» критике. Кроме того, членство в партии не является необходимым условием для успешной карьеры (ввиду наличия сильного негосударственного сектора) (Бунин И. Начало нового политического цикла: основные тенденции российской политики // Центр Политических технологий. 15.05.2008 // <http://www.politcom.ru/6173.html>).

² Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2.

последние месяцы перед принятием существенной конъюнктурной правке, не лишен противоречий. С одной стороны, на излете демократического движения конца 1980-х — начала 1990-х годов он провозгласил (в основном, в первых двух главах, защищенных сложной процедурой изменения) широкие демократические права и свободы (ст. 17-64), народный суверенитет (ст. 3), ввел разделение властей (ст. 10), независимость суда (ст. 120-122). Но с другой стороны, под воздействием победы президента в острой схватке с ретроградной оппозицией, при определении конкретной структуры власти президентская ее ветвь была выведена за рамки всей системы разделения властей. Президент был поставлен над ней в качестве располагающего обширными правами главы государства (ст. 80, 83-90), и тем самым была воссоздана верховная власть, чем институционально подкреплялась историческая традиция ее персонификации. Произошедшее в конце 2008 г. увеличение сроков президентской инвеституры (в противовес общемировой тенденции к их сокращению) еще более усиливает эту тенденцию»¹.

Чем же грозят России подобные процессы? И какие перспективы ожидают политическую систему страны в сложившейся ситуации? Российские аналитики разных идеологических ориентаций отвечают на эти вопросы по-разному.

«Во-первых, — оценивает известный либеральный политолог Д. Фурман, — система становится все более ригидной, утрачивает связи с обществом, а общество — развивается и ему становятся тесны рамки системы. Возникают «ножницы» между все большей формальной, внешней управляемостью общества и реальной потерей контроля над ним в результате исчезновения «обратных связей». Во-вторых, все большая формальная управляемость политическим процессом ведет к тому, что власть «делегитимируется», ибо при отсут-

¹ Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2.

ствии каких-либо идейных альтернатив демократии имитация демократических форм необходима, но эта имитация должна быть хоть в какой-то степени правдоподобной. Между тем все большая формальность выборных процедур становится все более очевидной, и власть таким образом сама подрывает основу собственной легитимности. Мне кажется, что именно сейчас система, достигнув максимальной стабильности и зрелости, вступает в период своего упадка. ... власть просто перестает знать, что реально происходит в обществе, а общество начинает понимать, что власть ни в коей мере исходит не от него. Власть и общество начинают жить в разных и «расходящихся» мирах. Фактически повторяется то, что было при советской власти, когда формальная управляемость была стопроцентной, и именно это и привело систему к гибели. Тем не менее, — заключает Д. Фурман, — хотя некоторые признаки надвигающегося кризиса можно заметить уже сейчас, я думаю, что этот кризис наступит только лет через 15-20»¹.

Аналогичной точки зрения на эволюцию российской политической системы придерживаются и другие известные политологи либеральной ориентации — М. Урнов, Г. Сатаров, Л. Шевцова и т.д. В их оценке, на наш взгляд, отсутствует необходимое привлечение к анализу и других, не только **чисто политических** фактов и тенденций. Ведь, политическая система любой страны существует не для самой себя (демократия ради демократии), а для решения стоящих перед обществом экономических, социальных и внешнеполитических **реальных задач и проблем**. Поэтому политолог должен рассматривать и оценивать эволюцию политической системы не только с точки зрения абстрактных стандартов, записанных в учебнике, но и с точки зрения **реальных исторических задач**, стоящих перед страной. В представленной либеральной точке зре-

¹ Фурман Д. Ответы на вопрос Политу.Ру: Политическая система России после путинских реформ // http://www.polit.ru/research/2005/01/27/polit_system.html.

ния такой анализ почти полностью отсутствует.

Более взвешенную и адекватную оценку происходящим процессам высказывает, на наш взгляд, другой известный политолог, А. Морозов, присоединяющийся в этом к позиции, выражаемой и некоторыми западными аналитиками. «Мне близка, — пишет он, — точка зрения, которую высказывает американский журналист и политолог Фарид Закария в своей недавней книге о нелиберальной демократии. В своем замысле режим Путина типологически близок современным восточноазиатским автократическим модернизационным режимам. Закария показывает, что в последней четверти XX века успешные модернизации осуществлялись при продолжительных автократических режимах. Он верно указывает на то, что в 1950-1960-е годы многие интеллектуалы на Западе с презрением относились к восточноазиатским режимам, считая их реакционными, и приветствовали популярных лидеров в Азии и Африке, которые проводили выборы и провозглашали свою веру в народ (например, в Гане, Танзании, Кении). Большинство этих стран скатились к диктатурам, тогда как Восточная Азия проследовала в прямо противоположном направлении. Сегодняшние наиболее устойчивые демократии в Латинской Америке и Азии длительное время управлялись военными диктатурами. Автократии, как подчеркивает Закария, заложили фундамент стабильных либеральных демократий. На мой взгляд, очевидно, — говорит А. Морозов, — что к хаосу, диктатуре и экономическому краху нас ведет не автократический режим Путина, а та часть политического класса, которая настаивает на большей демократии сегодня»¹.

В этой точке зрения, таким образом, вполне отчетливо выражается понимание того обстоятельства, что Россия в ее нынешнем положении нуждается в установлении в стране именно **мобилизационного режима**, только и способного обеспечить стране решение множества тяжелейших проблем, перечислять

¹ Морозов А. Ответы на вопросы Политу.Ру: Политическая система России после путинских реформ // http://www.polit.ru/research/2005/01/27/polit_system.html.

которые нет нужды, так как они всем известны (в том числе и создавшим их политикам-либералам). С этой точки зрения, А. Морозов вполне последовательно приходит к выводу, что усилия В.В. Путина и возглавляемой им команды по переводу российской политической системы в такой, **мобилизационный** режим все еще недостаточны. «Дело еще и в том, — пишет он, — что «Единая Россия» — если мыслить типологически, сравнивая ее с Институционно-революционной партией в Мексике — слишком медленно и неуверенно занимает эту нишу. Кроме того, трудно понять окончательное решение: взят ли курс на полуторпартийную систему или все-таки предполагается реальная конкуренция между тремя большими сегментами: социалистами, националистами и путинскими «либерал-консерваторами»¹. Отсюда и ответ на вопрос о том, кто главный полезный субъект для модернизационной политики Путина. Очевидно, что успех или неудача целиком зависят от состояния так называемого «политического класса». Формируется ли та достаточно большая по численности путинская центурия, которая способна обеспечить длительную стабильность и либеральный курс в экономике при значительном ограничении политической конкуренции? Это главный вопрос. Если нет — то года через два мы подойдем (а нас еще и возьмут под руки заинтересованные круги) к гражданскому конфликту, а затем и деградации. Ответственность за это ляжет вовсе не на «мировой заговор», а на нашу собственную администрацию и политический класс. Все остальные субъекты — внешние инвесторы, активное самодетель-

¹ «В России, — отмечает в этой связи социолог Н.А. Романович, — особое отношение к политическим партиям, отличное от того, которое предполагает демократическая идея разделения властей. Любопытно например, что среди ответов населения на вопрос: «Сколько политических партий, по Вашему мнению, необходимо сейчас России?» — самым популярным (41%) оказался ответ: «одна сильная правящая партия» (результаты опроса, проведенного в июле 2006 года). ... А 8% воронежцев попросту ответили, что политические партии нам вообще не нужны» (Романович Н.А. Концепция «разделение властей» через призму концепции «симфония властей» (Доклад на IV Всероссийском конгрессе политологов «Демократия, безопасность, управление: новые вызовы политической науки», Октябрь 20-22, 2006 г.) // <http://www.qualitas.ru/media/pub/2006/Doklad.doc>).

ное население, наши и чужие спецслужбы — имеются в наличии и работают в штатном режиме. Не от них зависит наше будущее, а только от консолидированности политического класса. ... Только в страшном сне можно представить себе, что Сатаров, Каспаров и Немцов и Хрюн со Степаном возглавили здешнюю «оранжевую революцию» и заселяются в Кремль. Но думаю, опыт 1917 года — я имею в виду неудачный опыт Николая II и его администрации по подавлению этих «хрюнов» — сыграет свою отрезвляющую роль для нынешнего ядра политического класса»¹.

Нам представляется, что именно эта точка зрения наиболее адекватно и трезво отражает как основные проблемы, стоящие перед российской политической системой (и еще обостряющиеся в условиях нынешнего мирового финансово-экономического кризиса), так и основные перспективы ее развития в случае принятия или непринятия именно **мобилизационного** режима ее функционирования в среднесрочной исторической перспективе. Все необходимые основания для того, чтобы избежать худшего сценария развития в настоящее время в России имеются. Дело, действительно, только в том, чтобы политический класс нашей страны проявил в этом направлении необходимую политическую волю.

Однако формирующийся в настоящее время в России политический мобилизационный режим не должен быть самоцелью. Его основная проблема, без решения которой невозможно будет победить политический экстремизм, — это серьезная **утрата авторитета** нынешней политической элитой среди собственного народа. Ведущую роль в составе нынешней правящей элиты России играют не публичные политики, а чиновники, склонные к использованию именно **бюрократических и силовых** методов управления (в том числе и по отношению к оппозиции). Но такие методы могут быть терпимы широкими слоями

¹ Морозов А. Ответы на вопросы Политу.Ру: Политическая система России после путинских реформ // http://www.polit.ru/research/2005/01/27/polit_system.html.

народа лишь в том случае, если они осуществляются на фоне стойкого улучшения социально-экономического положения народных масс, чего в настоящее время еще нет. Только реальные достижения правящей элиты способны примирить население с ограничением демократических свобод и прав граждан, а в противном случае против такой формы правления неизбежно будут возникать экстремистские формы протеста и нелегальной политической борьбы. Это особенно наглядно показывает пример нынешней Ингушетии — наиболее проблемной в социально-экономическом отношении республики. Не имея реальной возможности легальной политической борьбы, оппозиция в этой республике встала на путь экстремистских и террористических методов борьбы с республиканской правящей элитой. Убийства руководителей высших и местных органов власти, депутатов разных уровней, сотрудников правоохранительных структур фактически разрушили систему управления Ингушетией. Ситуация фактически не контролируется властями, которые чувствуют себя как в осажденной крепости. Но и население не чувствует себя в безопасности. «Борьба с экстремизмом и терроризмом, — отмечает в этой связи Л.В. Батиев, — не может вестись только лишь силами правоохранительных органов и спецслужб. Главная, на наш взгляд, задача — «приблизить» власть к народу, завоевать доверие населения, обеспечить ее законность и эффективность деятельности всех органов снизу доверху»¹. Однако дело не столько в самом по себе «приближении» власти к народу, сколько в способности этой власти **реально улучшать его положение**, создавать необходимые условия для его социального и экономического благополучия и перспективу его устойчивого развития.

¹ Батиев Л.В. Системный анализ предпосылок экстремизма На Северном Кавказе // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 351.

6.5. Социально-экономические проблемы современного российского общества и профилактика обострения социально-экономических конфликтов

Согласно Конституции РФ, Россия представляет собой социальное государство. Однако на практике российское общество в настоящее время все еще далеко от принципов этой конституционной декларации. Последнее обстоятельство является одной из важнейших причин и оснований существования в России экстремистской идеологии и экстремистских методов борьбы за улучшение социально-экономического положения незащищенных слоев населения. В этой связи целесообразно кратко рассмотреть современные формы социального государства, реализованные в мире, и определить среди них место России. Именно это способно нам ясно указать на основные социально-экономические проблемы современного российского общества и сформулировать основные направления движения к более благополучному обществу (направления социально-экономической политики).

Возрастание удельного веса институтов (учреждений и органов власти, правовых норм и т.д.), связанных с осуществлением социальной функции государства, рост их управленческой эффективности при усилении приоритета социальной проблематики в обществе представляют собой процесс постепенного формирования социального государства, который протекал в то же время в разных странах по-разному и привел к формированию нескольких разных социально-политических моделей. Однако, как справедливо отмечают многие исследователи, «вопрос о том, сколько моделей социальной политики можно выделить и на каких основаниях, не только дискуссионный, но и весьма сложный, так как решение должно учитывать специфику разных стран при наличии общих признаков»¹. Так, например, по мнению Нормана Ферниса и Тимоти Тил-

¹ Григорьева И. Модели социальной политики в современном обществе: одна, две или больше? // Управленческое консультирование. 1998. № 1.

гона, выделяется три основных модели общества всеобщего благосостояния. К первой они относят «позитивное государство социальной защиты», ко второй — «государство социальной защиты» (Social Security State), к третьей — «социальное государство всеобщего благосостояния» (Social Welfare State)¹. Однако наиболее популярной и распространенной классификацией этих моделей социального государства является разделение, предложенное и обоснованное Г. Эспрингом-Андерсеном, назвавшим их, соответственно, *либеральной*, *консервативной* и *социал-демократической* моделями².

В основе **либеральной модели** социального государства (сложившейся, как считается, в США, Канаде и Австралии) лежит индивидуалистический принцип, который предполагает прежде всего *личную* ответственность каждого члена общества за свою судьбу и судьбу своей семьи. В данном случае роль государственных структур в реализации социальной политики минимизирована. Ее основными активными субъектами являются личность и различные негосударственные организации — социально-страховые фонды и ассоциации, финансовую основу которых составляют в первую очередь частные сбережения и частное страхование самих граждан. Здесь действует прежде всего принцип эквивалентности, возмездности, а не солидарности. При либеральной модели государство берет на себя ответственность за поддержание лишь минимальных *доходов* граждан и за защиту наиболее нуждающихся слоев населения. Но, с другой стороны, оно максимально стимулирует создание и развитие в обществе различных форм *негосударственного* социального страхования и социальной поддержки, а также — различные средства и способы повышения самими гражданами своих доходов. И эта политика приносит, по некоторым данным, определенные позитивные результаты. В США, например, крупный бизнес

¹ См. Волков Ю.Е. Социальное управление как вид управленческой деятельности в общественных системах // Социально-политический журнал. 1997. № 3.

² См. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, 1990.

только на различные благотворительные программы выделяет в среднем в год сумму, равную 2,3-2,4% ВВП¹. Всего же социальные расходы корпораций в США растут даже быстрее государственных. В частности, в тех же США расходы фирм на эти цели в 1975 году были наполовину меньше государственных, а в 1991 году они достигли уже двух третей их суммы, составив более 13% ВВП².

Главной особенностью противоположной, **социал-демократической модели** (сложившейся, прежде всего, в Швеции и других скандинавских странах) является *априорность* принципов социальной защиты *всего* населения, утверждаемой в таком государстве как гарантированное право на нее всех граждан, независимо от их личных достижений. Эта модель отличается высокой ролью государства в обобществлении доходов и общенациональными механизмами их перераспределения. Государство здесь обеспечивает высокий уровень качества и общедоступность основных социальных благ и услуг (в том числе — бесплатное медицинское обслуживание, образование и т.п.).

В основе **консервативной модели** социального государства (сложившейся прежде всего в центрально-европейских странах — Германия, Франция, Австрия, Бельгия, отчасти Нидерланды и Италия) лежит прагматический, *компромиссный* подход к предоставлению государственных услуг и к государственному планированию. Прежде всего — это ориентация не на априорные принципы, а на борьбу с насущными, острыми социальными проблемами. Для консервативной модели социального государства характерны следующие основные моменты.

1. В основе социальной политики государства лежит идея партнерства

¹ Мисихина С. Бедность — это прежде всего вопрос статистики // Семинар Е. Ясина в Фонде «Либеральная миссия» // http://www.liberal.ru/sitan_print.asp?Rel=95.

² Медведев В.А. Современные тенденции в социальной сфере и российские реалии. Материалы конференции по итогам российско-канадского проекта по публичной политике Университет Калгари. 2 февраля 2005 // http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=23991&rubr_id=451&page=1.

между государством, частным сектором, общественными и благотворительными организациями. В государстве должны господствовать принципы смешанной экономики. При этом государство ведет активную социальную политику, не претендуя на роль ее единственного субъекта. Так, например, частный сектор в сфере образования и здравоохранения рассматривается как дополнение, а не как угроза социальному государству. Государство поощряет также деятельность общественных и благотворительных организаций как проявление индивидуальной социальной ответственности.

2. Для консервативного социального государства характерным является достаточно широкий охват различных групп населения многообразными формами социальной защиты, весьма высокий уровень социальных гарантий, когда сумма выплат действительно обеспечивает реализацию целей, для которых они предназначены. Вместе с тем, социальные гарантии, предоставляемые консервативным социальным государством, в значительной степени зависят от социального статуса индивида и базируются на этических ценностях консерватизма и религиозной морали. Так, из системы социального страхования в этой модели, как правило, исключены домохозяйки, а семейные пособия ориентированы на всемерное поощрение материнства. Государственный дневной уход за детьми, больными, престарелыми относительно не развит, поскольку рассматривается как традиционная обязанность семьи. Таким образом подчеркивается готовность государства вмешиваться только там и тогда, где и когда возможности семьи обеспечить потребности своих членов исчерпаны.

3. В консервативной модели социального государства поддерживается развитие индивидуальной ответственности, и считается, что социальная помощь может вызвать снижение стимулов к труду и заботе о семье.

4. Значительная часть социальных услуг предоставляется через негосударственные фонды.

5. Хорошо развит государственный арбитраж при решении трудовых и иных социальных конфликтов путем двух- и многосторонних переговоров.

Из этого принципиального описания видно, что консервативная модель представляет собой некоторый, достаточно сложный синтез либеральной и социал-демократической моделей, в котором делается попытка сочетать достоинства обоих крайних подходов. Поэтому некоторые исследователи предпочитают делить эту модель еще на две разных подмодели, тяготеющих, соответственно, либо к социал-демократическому, либо к либеральному «полюсам». Так, например, Бислев и Хансен (Bislev&Hansen) выделяют в рамках консервативной модели «корпоративистскую» и «католическую» подмодели, которые другой исследователь, немецкий ученый Лейбфрид (Leibfried), называет, соответственно, «институциональной» и «рудиментарной»¹.

В то же время специальная Комиссия ЕС, чьей задачей является разработка унифицированной модификации социальной политики для «Общеввропейского дома», выделяет официально всего только две основные модели социального государства:

1. Первая, называемая «бисмарковской» (по имени ее родоначальника, немецкого канцлера Бисмарка) устанавливает жесткую связь между уровнем социальной защиты и успешностью и длительностью профессиональной деятельности ее получателей. Социальные права граждан обуславливаются теми отчислениями, которые выплачиваются ими же на протяжении всей активной жизни. Иначе говоря, социальные выплаты при этой модели принимают форму отложенных доходов (страховых взносов). В то же время для семей со слабыми возможностями активного трудового участия существует национальная солидарность, реализуемая через муниципальные службы для малообеспеченного населения, или через частную благотворительность. Но это — лишь вспомога-

¹ Григорьева И. Модели социальной политики в современном обществе: одна, две или больше? // Управленческое консультирование. 1998. № 1.

тельные механизмы, а не основополагающие принципы.

2. **Вторая модель**, которую Комиссия ЕС называет «**бевериджской**» (Beveridge), напротив, исходит из того, что любой человек, независимо от его принадлежности к активному населению, имеет право на минимальную защищенность перед лицом болезни, старости или иной естественной причины сокращения своих возможностей. В тех странах, которые выбрали эту модель (а это, в основном, скандинавские страны, чья модель описывается как классическая *социал-демократическая*), действуют системы страхования по болезни, прикрепление к которым является автоматическим, а пенсионные системы обеспечивают минимальные доходы всем престарелым, независимо от их прошлых усилий и отчислений от заработной платы. Вместе с тем, к этим пенсиям (называемым «социальными») человек может сам добавлять себе и вторую часть пенсии, называемую «профессиональной» и формируемую из его личных взносов и отчислений. Такие системы социальной защиты финансируются главным образом через налоги из государственного бюджета¹.

Однако при таком упрощенном подходе к классификации моделей социального государства в одну категорию попадают, например, Англия и Швеция, социальная защищенность населения в которых различается по некоторым показателям в разы. В частности, в Швеции и других скандинавских странах уровень бедности колеблется около 5% населения, тогда как в Англии он достигает 20 и более процентов (20,6% в 1994 году²).

И. Григорьева, проанализировав упомянутые и некоторые другие современные подходы к разделению социального государства на различные модели, приходит к следующему выводу. «Заканчивая дискуссию о количестве моделей

¹ Григорьева И. Модели социальной политики в современном обществе: одна, две или больше? // Управленческое консультирование. 1998. № 1.

² Фогель И. Европейский welfare mix Перераспределение общественного продукта в странах ЕС и Швеции: эволюция и перспективы // *politiconom*. Российско-германский журнал по экономической теории и практике. 2000. № 2 (13). С. 53.

социальной политики и их сравнительных достоинствах, — пишет она, — можно утверждать, что социал-демократическая, или скандинавская модель является улучшенным вариантом либеральной модели, а католическая — ухудшенным вариантом консервативной. Поэтому можно оперировать простой двухмодельной схемой (предлагаемой комиссией ЕС), хотя при этом исчезают некоторые важные нюансы»¹.

Однако нам такой вывод представляется все же не удовлетворительным. Конечно, двухмодельная концепция Комиссии ЕС отличается повышенной степенью концептуальной четкости в выделении существенных критериев, по которым можно различать различные модели современного социального государства, однако степень этой четкости, по нашему мнению, все еще недостаточна, и потому дискуссию по этому вопросу заканчивать, на наш взгляд, все еще рано.

В этом выводе мы опираемся и на результаты конкретного сравнительного исследования, проведенного немецким социологом И. Фогелем в 2000 году на обширных статистических материалах Европейского сообщества². И. Фогель сравнил большинство основных стран ЕС по различным конкретным, *количественно измеримым* показателям, отражающим уровень и степень участия государства и других институтов современного европейского общества в осуществлении ими социальной защиты населения, и пришел к убедительному выводу о том, что в современной Европе сложились в настоящее время три основных модели социального государства: 1) «скандинавская», или «шведская», или (как называет ее сам И. Фогель) *североевропейская* модель (Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания); 2) католическая, или *южно-европейская* модель (сюда входит и православная Греция, наряду с Италией, Испанией, Португали-

¹ Григорьева И. Модели социальной политики в современном обществе: одна, две или больше? // Управленческое консультирование. 1998. № 1.

² См. Фогель И. Европейский welfare mix Перераспределение общественного продукта в странах ЕС и Швеции: эволюция и перспективы // politeconom. Российско-германский жур-

ей и Ирландией); и 3) *центрально-европейская* (Германия, Франция, Бельгия, Австрия, Нидерланды).

Великобритания представляет собой особый случай.

Прежде всего, И. Фогель обращает внимание на два важнейших показателя: 1) уровень налогов и отчислений на социальное страхование, и 2) уровень расходов бюджета на социальное обеспечение (оба показателя в % от ВВП).

По первому показателю страны северной группы ЕС в полтора раза превосходят страны южной («католической») группы — соответственно, более 50% и менее 35% налоговых отчислений. Страны центральной группы оказываются по этому показателю между двумя крайностями — около 43% в среднем.

Аналогичным образом распределяются и показатели расхода бюджета этих трех групп стран на социальное обеспечение. Страны северной группы расходуют на эти цели 30-35% ВВП, страны южной группы — около 20%, а страны центральной группы — около 28-30% ВВП.

Исключение составляет Великобритания, которая по уровню налогов и социальных отчислений оказывается ближе к странам южной группы (около 33%), но по уровню социальных расходов стоит ближе к странам центральной группы (около 28%).

Третий важнейший показатель, выделяемый И. Фогелем, — это уровень бедности, допускаемый в той или иной стране¹. В странах северной группы он оказывается на уровне 4-6%, в странах южной группы составляет 18-26%, в странах центральной группы — 10-13%. Великобритания и по этому показателю попадает в страны южной группы (20,6% бедных, что чуть меньше, чем у

нал по экономической теории и практике. 2000. № 2 (13). С. 53.

¹ В последние годы во всех странах Европейского Союза в качестве уровня бедности используется минимальный потребительский бюджет равный 50% медианного дохода населения (Федотовская Т.А. Социальные аспекты проблемы бедности в современной России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 20 (213)).

Греции — 21,8%). В Португалии этот показатель самый высокий — 26,8% бедного населения.

Четвертый важнейший показатель в анализе И. Фогеля — это коэффициент Джини, показывающий степень неравенства в распределении совокупных доходов общества. В северной группе стран он составляет 0,18-0,24, что свидетельствует о минимальном неравенстве (лидирует здесь Финляндия), в южной же группе он составляет от 0,35 (Италия, Испания, Греция), до 0,47 (Португалия). Великобритания также попадает здесь в южную группу (0,36). В центральной же группе стран коэффициент Джини составляет от 0,28 (Германия) до 0,30 (Франция, Нидерланды).

Рассмотренные показатели мы считаем основными и максимально четкими и объективными для аргументированного отнесения той или иной страны к соответствующей модели ее социального государства. Оценивая по этим показателям современную Россию, мы должны будем отнести ее к южно-европейской модели социального государства, причем — к самым аутсайдерам в этой группе.

И действительно, уровень бедности, допускаемый в нашей стране самый высокий в Европе — выше, чем у Португалии. Согласно официальным данным Госкомстата России, доля бедных у нас составляла в 1992 году 33,3% населения, в 1993 году — 31,5%, в 1994 году — 22,4%, в 1995 году — 24,7%, в 1996 году — 22,1%, в 1997 году — 20,8%, в 1998 году — 23,4%, в 1999 году — 29,9%, в 2000 году — 30%. В 2002 году удельный вес бедных в населении России снизился до 25% (35,8 млн. человек). В 2003 г. он составил 33,2 млн. человек, или 23,3% общей численности населения¹. Однако эти показатели рассчи-

¹ Более высокие показатели бедности — до 30% и выше, которые наблюдались в 1992-1993 и 1999 годах связаны с либерализацией цен в начале 90-х годов и дефолтом 1998 года. Высокие показатели бедности 2000 года объясняются изменением методики расчета прожиточного минимума. Если пересчитать 2000 год по старой методике, применявшейся с 1992 по 1999 годы, то бедность 2000 года составила бы только 24%. (Федотовская Т.А. Социальные аспекты проблемы бедности в современной России // Аналитический вестник Совета Федерации

тываются по официальной методике, согласно которой к бедным относятся те лица, официальные доходы которых находятся на уровне ниже прожиточного минимума. Фактически, это не бедность, а самая настоящая нищета. Согласно же расчетам, приведенным в докладе ПРООН «О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации» за 2001 год (страница 43), при оценке бедности не на основе официальных макроэкономических показателей (как это делается Госкомстатом России), а на основе выборочных обследований домашних хозяйств (также проводимых Госкомстатом России), в 1997-2000 годах численность населения с доходами ниже прожиточного минимума составляла 50%.

Коэффициент Джини, определенный в том же исследовании ПРООН, составляет в настоящее время в России 0,40, то есть, дифференциация доходов достигла порядка 40 раз (а не 14 раз, как это получалось на основе макроэкономических показателей)¹. По оценкам экспертов, 25 российских миллиардеров сегодня собирают 30% всех доходов населения страны — пятую часть ее ВВП². По этому показателю Россия также попадает в группу южно-европейского («католического») типа социального государства (на самое ее «дно»). При этом доля оплаты труда в ВВП нашей страны составляет всего 23% ВВП, что в 2 раза меньше, чем в развитых странах³. И, хотя в последний период, выпадающий на срок президентства В.В. Путина, реальные доходы российских граждан за 8 лет выросли в 2,5 раза, безработица и уровень бедности уменьшились более чем в 2 раза⁴, были преодолены тенденции роста смертности и снижения рож-

ФС РФ. 2003. № 20 (213)).

¹ Федотовская Т.А. Социальные аспекты проблемы бедности в современной России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 20 (213).

² Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Бедность в современной России: масштабы и территориальная дифференциация // ЭКО. 2004. № 11. С. 45.

³ Аналитический Вестник Совета Федерации ФС РФ. 2008. № 3 (348). С. 38.

⁴ По данным Росстата, численность населения с доходами ниже уровня прожиточного минимума соуратилась с 42,3 млн. чел. в 2000 г. до 21,6 млн. чел. в 2006 году (http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/IssWWW.exe/Stg/d02/06-25.htm).

даемости¹, однако положение дел в социальной сфере России по-прежнему оценивается, даже и самим руководством страны, как все еще неудовлетворительное.

При этом налоговая нагрузка на экономику России находится на уровне даже более высоком, чем у стран центрально-европейской группы. С учетом регистрационных и лицензионных сборов, госпошлин, налоговых доходов от внешнеэкономической деятельности, отчислений в ФСЗН налоговая нагрузка у нас в 2006 г. достигла 45,7%².

Что же касается расходов российского государства на социальные нужды и трансферты, то их величина, достигнув после реформ максимума в 1994 году (36,5%³, что сопоставимо с расходами стран северной группы), с тех пор постоянно снижалась и в 2007 году достигла недопустимо низкого по европейским меркам уровня в 15,5% ВВП⁴. Этот показатель сейчас у нас — один из самых низких в мире. Он даже ниже, чем у самой неблагополучной в этом отношении европейской страны из южной группы — Греции (около 17%). При этом изменение социальной политики в этом отношении российское правительство рассматривало как переход от «патерналистской» социальной модели к «адресной»⁵.

Таким образом, Россия в рассматриваемом отношении представляет собой, как и Великобритания, некоторое исключение в Европе, только с обрат-

¹ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 года // Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>.

² Фридкин Н. Налоговая нагрузка: надежда на лучшее // Экономическая газета. 2007. 20 марта.

³ Лайкам К.Э. Социальные модели общества в период перехода к социально-ориентированной рыночной экономике (к вопросу о разработке социальной модели России XXI века) // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 24(112). С. 32.

⁴ Глазьев С.Ю. В госрезерве — избыток алмазов? // <http://preobrazhenie.narod.ru/glazev.html>.

⁵ См. Лайкам К.Э. Социальные модели общества в период перехода к социально-ориентированной рыночной экономике (к вопросу о разработке социальной модели России XXI века) // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 24(112). С. 32.

ным знаком. Если у Великобритании почти все ее основные показатели позволяли бы причислить ее к странам южно-европейской модели социального государства, если бы не относительно высокие расходы на социальную защиту населения (по уровню которых она попадает в группу центрально-европейских стран), то у России в качестве такого исключения выделяется показатель налоговой нагрузки на экономику, по которому она даже опережает центрально-европейские страны и приближается в этом к скандинавской модели. Иначе говоря, российское государство располагает финансовыми возможностями для перевода своей социальной политики в русло центрально-европейской модели, но сознательно не использует их, и поэтому в настоящее время ее социальная политика должна быть определена как реализующая южно-европейскую («католическую») модель (и даже модель либеральную, о чем будет сказано ниже).

Если же мы расширим наш обзор, включив в него не только европейские страны, но и США и другие развитые страны мира, то, по-видимому придется выделить еще и четвертую, собственно *либеральную* модель социального государства, к которой можно отнести прежде всего США, как наиболее яркого представителя этого направления социальной политики, и, в определенной степени Японию. Соответствующие основные показатели этих двух стран (в сравнении с двумя европейскими) приведены в Таблице 3.

Таблица 3

Государственные расходы на социальные нужды, в % к ВВП¹

США (1989 г.)	ФРГ (1989 г.)	Великобритания (1990 г.)	Япония (1990 г.)
------------------	------------------	-----------------------------	---------------------

¹ Медведев В.А. Современные тенденции в социальной сфере и российские реалии. Материалы конференции по итогам российско-канадского проекта по публичной политике Университет Калгари. 2 февраля 2005 // http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=23991&rubr_id=451&page=1.

Всего:

17,9	29,4	25,6	18,6
в том числе:			
общественные услуги (страхование, здравоохранение, жилищное строительство и т.д.)			
6,0	10,9	12,2	10,8
социальные трансферты (страхование по болезни, старости, безработице, пособия по бедности и другие виды социального вспомоществования)			
11,9	18,5	13,4	7,8

Из представленных данных хорошо видно, что расходы на социальные цели в либеральной модели социального государства ниже даже, чем у стран южно-европейской («католической») группы.

Напротив, коэффициент Джини, указывающий на степень неравенства в распределении доходов, в этой группе наиболее высокий. В настоящее время в США он составляет 0,45 (2004 год).

Максимальные показатели в либеральной модели допускаются и для уровня бедности. Сегодня, например, около 34 млн. работающих американцев — почти каждый четвертый работающий житель страны — получает менее \$8.70 в час (официальная черта бедности в этой стране). Даже при условии, что человек занят полный рабочий день, зарабатываемых им денег недостаточно, чтобы его семья выбралась из нужды¹. Всего же сегодня около 37 млн. американцев живут за чертой бедности и еще около 60 млн. еле-еле сводят концы с концами². Причем, тенденция развития бедности в США уже длительное время негативная. В 1970 году «бедными» там могли считаться лишь 8,9% семей. В

¹ Революция Wal-Mart // Washington ProFile (Независимая информация и аналитика из США) // <http://www.washprofile.org/ru/node/5675>

² Откровения либерала // Washington ProFile (Независимая информация и аналитика из США) // <http://www.washprofile.org/ru/node/7439>

1999 году в эту категорию попадали уже 26,7% американских домохозяйств (семья или группа людей, живущих вместе и имеющих общий бюджет). В 2006 году этот показатель увеличился до 34,5%. Только с 2000 по 2006 год в США заметно выросло число тех, кто тратит на жилье половину своего дохода — с 10% до 14%¹.

Либеральная модель, как уже указывалось выше, перекладывает решение большей части социальных проблем на самого человека и частные структуры, не чуждые благотворительности. Однако символом американского отношения к социальным проблемам со стороны крупного бизнеса стала в настоящее время гигантская кампания, владеющая сетью супермаркетов Wal-Mart, побеждающая своих конкурентов низкими ценами. При этом низкие цены в ней обеспечиваются, с одной стороны, за счет оптовых закупок у поставщиков, но с другой — за счет поддержания низкого уровня зарплат своих работников. В частности, Wal-Mart предоставляет медицинские страховки менее 50% своих сотрудников (данные профсоюза AFL-CIO). Это делается следующим образом: сотрудникам компании не дают трудиться более 32-х часов в неделю, что, согласно законам США, делает необязательным предоставление им страховок. В результате, в каждом муниципалитете, где открыт такой супермаркет, чтобы обеспечить 200 сотрудников компании Wal-Mart, их детей и иждивенцев медицинской помощью, местные бюджеты вынуждены ежегодно тратить \$420 750 (данные Университета Беркли\University of California Berkeley Center for Labor Research and Education)². Социальные расходы, таким образом, просто перекладываются этой компанией на государство, которое надеется переложить их на частные компании. И у методов эффективной работы Wal-Mart множатся сейчас повсюду последователи.

¹ Уровень жизни: в поисках критериев // Washington ProFile (Независимая информация и аналитика из США) // <http://www.washprofile.org/ru/node/7041>

² Революция Wal-Mart // Washington ProFile (Независимая информация и аналитика из США) // <http://www.washprofile.org/ru/node/5675>

Либеральную модель социального государства, поэтому, можно определить как самую низшую, самую неразвитую его форму, что хорошо согласуется и с устоявшимися уже экспертными оценками, приведенными выше, и с мнением большинства населения в условиях такого государства.

Подводя итог нашему анализу основных подходов к определению различных моделей современного социального государства, мы можем сформулировать, таким образом, следующие общие выводы.

Наиболее строгим и объективным, и вместе с тем эффективным методом выделения различных моделей современного социального государства является метод, проведенный в исследовании немецкого социолога И. Фогеля на примере стран Европейского сообщества.

Этот метод базируется на учете четырех основных объективных показателей: 1) уровня налоговой нагрузки (включая и отчисления на социальные нужды) на экономику страны; 2) уровня расходов государственного бюджета на социальные цели; 3) допускаемый в стране уровень бедности населения и 4) коэффициент Джини, указывающий на степень неравномерности в распределении совокупных доходов в обществе.

В исследовании И. Фогеля были четко выявлены три основные модели современного социального государства в Европе — североевропейская (наиболее яркий представитель — Швеция), южно-европейская, или «католическая» (наиболее типичные представители — Италия и Испания) и центрально-европейская (наиболее типичные представители — Германия и Франция).

Однако в исследовании И. Фогеля не рассматривались США и некоторые другие высокоразвитые страны, что позволяет нам выделить с помощью его показателей и еще одну модель — собственно *либеральную*, или «американскую», по имени наиболее яркого ее представителя.

Если расположить все эти четыре модели по линии от наименее выраженных социальных функций в государстве к наиболее выраженным, то на

крайних полюсах у нас окажутся «американская» (с минимальной степенью социальной защиты населения) и «шведская» (с максимальной степенью такой защиты) модели. При этом «католическая» (южно-европейская) модель окажется сразу вслед за «американской» (степень социальной защиты здесь минимальная, по европейским меркам), а «германская» (центрально-европейская) модель окажется перед «шведской» (степень социальной защиты здесь подходит достаточно близко к скандинавскому уровню).

Великобритания несколько выпадает из этой классификации, но только по одному показателю — уровню расходов бюджета на социальные цели, по которому она приближается к группе центрально-европейских стран. По остальным трем показателям — уровню налогообложения, допускаемому уровню бедности и коэффициенту Джини эта страна попадает в группу южно-европейских стран и даже приближается к либеральной («американской модели»).

Россия еще больше выпадает из системы европейских моделей социального государства и по трем основным показателям находится в самом низу южно-европейской группы, приближаясь во многом к «американской модели», но по уровню налогового обложения находится в верху центрально-европейской группы, приближаясь даже к «шведской модели». Такое, очень противоречивое и неблагоприятное для социального государства распределение указанных показателей свидетельствует, на наш взгляд, о том, что Россия в настоящее время еще не выбрала окончательно парадигму своего социального развития в рамках европейской системы. Негативные последствия крайне либерально ориентированной политики 1990-х годов в нашей стране еще до конца не преодолены, и концепция новой социальной политики в России еще нуждается в дальнейшем уточнении и развитии.

Социальная сфера постоянно находится в поле зрения международных организаций. Важную роль в этом играет и Международная организация труда

(МОТ). В 1952 году МОТ приняла конвенцию № 102, содержащую целостную концепцию социальной защиты, которая может служить своеобразным ориентиром в этой области для всех стран, провозгласивших своей конституционной доктриной социальное государство. Концепция МОТ провозглашает право всех граждан на социальную помощь, вне зависимости от трудового стажа и размера выплаченных страховых взносов, и выделяет девять направлений, по которым эта помощь должна оказываться:

- 1) медицинское обслуживание,
- 2) пособия по болезни,
- 3) пособия по безработице,
- 4) пенсии по старости,
- 5) пенсии по производственному травматизму,
- 6) пособия в связи с рождением ребенка,
- 7) семейные пособия,
- 8) пособия по инвалидности,
- 9) пособия по случаю потери кормильца¹.

Не меньшее значение имеет и Европейская социальная хартия, принятая членами Европейского Союза (ЕС) в 1989 году. Ее положения были дополнены и развиты в новой редакции Хартии от 3 мая 1995 года. В этих документах, не имеющих статуса международных договоров, содержатся нормы рекомендательного характера об основных правах на социальную защиту как работающих граждан, так и неработающих.

Во многих странах с социально ориентированной экономикой приняты законы о минимально гарантированном доходе (пособии). Дания, в частности, приняла такой закон в 1933 году, Великобритания — в 1948 году, ФРГ — в 1961 году, Голландия — в 1963 году, Бельгия — в 1974 году, Ирландия — в

¹ См. также: Доклад Генерального директора Международного бюро труда Х. Сомавиа «Труд как средство борьбы с нищетой» на Международной конференции труда, 91 сессия, 2003 год.

1977 году, Швеция — в 1982 году, Франция — в 1988 году¹. Согласно этим законам, пособие, гарантирующее минимальный доход, может быть назначено всем нуждающимся. Основное условие — сумма совокупного дохода должна быть меньше определенной величины. Во многих странах ЕС в настоящее время достигнут высокий уровень развития программ защиты семейного дохода, которые финансируются из бюджета. При этом в скандинавских странах им придан общегосударственный статус; в центральноевропейских странах такие программы действуют на региональном и местном уровнях, но в государствах юга Европы они почти полностью отсутствуют².

Идеология социального государства положена и в основу конституционного строя Российской Федерации. Все политические силы современной России согласны в том, что социальное государство «надо совершенствовать», гарантии — расширять, социальные выплаты — наращивать. Расхождение вызывает лишь вопрос о надлежащих средствах достижения этой цели, что соответствует проблеме выбора для России той или иной современной модели социального государства. Анализируя развитие ситуации в этой области, мы можем констатировать, что становление современного социального государства в России с начала реформ 1990-х годов прошло, на наш взгляд, уже три основных этапа.

На первом из них российское государство пыталось поддерживать относительно высокий уровень своих социальных обязательств, что делалось в крайне неблагоприятных экономических условиях, порожденных структурной перестройкой экономики России. «За 1992-1994 гг., — отмечает К.Э. Лайкам, — суммарные социальные расходы консолидированного бюджета и внебюд-

Бюро Международной организации труда в Москве // Человек и труд. № 3. 2003. С. 5.

¹ Система социальной защиты в зарубежных странах // Отечественные записки. 2003. № 3 (12).

² Система социальной защиты в зарубежных странах // Отечественные записки. 2003. № 3 (12).

жетных фондов увеличились более чем на 5% ВВП. Если учесть, что в целом государственные расходы в процентах к ВВП оставались в течение 1992-1994 гг. приблизительно на одном уровне, то становится понятным, почему доля расходов на социальные нужды в общем объеме государственных расходов в течение этих трех лет возросла на треть — с 27,5% до 36,4%. Значительный рост социальных расходов в процентах к ВВП происходил преимущественно за счет ресурсов внебюджетных фондов и территориальных бюджетов. Этот рост затронул практически все основные категории социальных расходов, включая культуру (с 0,61% от ВВП в 1992 г. до 0,73% от ВВП в 1994 г.), образование (с 3,58% от ВВП в 1992 г. до 4,36% от ВВП в 1994 г.), здравоохранение (с 2,45% от ВВП в 1992 г. до 4,09% от ВВП в 1994 г.), пенсионное обеспечение (с 4,83% от ВВП в 1992 г. до 5,92% от ВВП в 1994 г.), политику в области занятости (с 0,06% от ВВП в 1992 г. до 0,38% от ВВП в 1994 г.). Возрастание расходов на социальные цели в процентах к ВВП сопровождалось заметным ростом численности работников отраслей социальной сферы как в абсолютном выражении, так и в процентах от общего числа занятых в экономике. Так, если в сфере жилищно-коммунального хозяйства в 1991 г. численность занятых составляла 4,3% от общей численности занятых в экономике, то в 1995 г. этот показатель достиг значения 4,9%, в сфере здравоохранения и социального обеспечения — соответственно 5,8% и 6,7%, в сфере образования и культуры — 9,8% и 11,3%. В результате к 1995 г. общая численность работников социальной сферы увеличилась на 20% по сравнению с уровнем 1985 года»¹.

Можно заключить, таким образом, что на первом этапе социально-политических реформ российское правительство пыталось пойти по пути построения в России североевропейской («шведской») модели социального госу-

¹ Лайкам К.Э. Социальные модели общества в период перехода к социально-ориентированной рыночной экономике (к вопросу о разработке социальной модели России XXI века) // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 24(112). С. 32.

дарства, которая более всего напоминала советскую модель и была ближе всего к традициям и ожиданиям населения нашей страны.

Однако ухудшающиеся экономические условия и сужающиеся возможности бюджета побуждали правительство отказаться от многих социальных расходов, и, примерно с 1996 года, правительством России был взят курс на построение **либеральной модели** социального государства (само правительство определяло эту социальную политику как переход от «патерналистской» модели социальной защиты к модели «адресной» социальной защиты¹). Политика адресности в оказании социальной помощи, как известно, предполагает:

- предоставление помощи не целым категориям граждан, а отдельным гражданам или семьям (домохозяйствам);
- основанием для предоставления помощи является наличие среднедушевого дохода ниже черты бедности;
- ответственность получателя социальной помощи за достоверность представленных документов, сведений;
- наличие системы выявления и учета малоимущих граждан;
- проведение проверок нуждаемости, обследований состояния малоимущих семей и одиноких граждан².

В связи с этим в феврале 1997 г. была принята Программа социальных реформ в Российской Федерации на период 1996-2000 гг. Однако реализация заявленных в этой программе либеральной модели социальной защиты привела к развитию и обострению многих негативных тенденций в социально-экономической сфере России, наметившихся уже с началом радикальных реформ. Обострилась демографическая проблема — население России продолжало сокращаться катастрофическими темпами. Резко возрос уровень бедности

¹ См. Лайкам К.Э. Социальные модели общества в период перехода к социально-ориентированной рыночной экономике (к вопросу о разработке социальной модели России XXI века) // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 24(112). С. 32.

² Овчарова Л.Н., Ищенко М.А. Стратегия сокращения бедности // Аналитический вестник

населения. Одним из самых высоких уровней для развитых стран достигло неравенство в распределении совокупного дохода общества. Стагнацию и даже признаки деградации демонстрировали сферы образования и медицинского обслуживания. В результате в таких отраслях, как сельское хозяйство, здравоохранение, образование и культура более 60% работников получали официальную заработную плату ниже уровня прожиточного минимума¹. Упадок переживали сферы науки и культуры, в результате чего из страны усилилась утечка мозгов. Экономика страны стала приобретать сырьевой характер, усиливалась зависимость страны от экспорта природных ресурсов и колебаний цен на сырье и энергоносители на мировом рынке. С 1990 г. доля фонда оплаты труда в ВВП России снизилась с 44,1 до 20,6% в 1999 г.², что является рекордно низким и **недопустимым** уровнем для индустриально развитого общества. Деградиционные процессы наблюдались и в российской армии³. За этот период наиболее неблагоприятными в России были 1999 и 2000 гг., когда уровень бедности поднимался до 30% от численности населения и выше. В новом Налоговом кодексе была принята плоская налоговая шкала, при которой налоги на богатых снизились с 20-30% до 13%, а налоги на бедных и среднеоплачиваемых работников поднялись с 12 до 13%. На протяжении всего периода реформ минимальная пенсия устанавливалась в России на уровне ниже стоимости прожиточного минимума пенсионера. В 1992 г. она составляла 85% от прожиточного минимума пенсионеров, к 1998 г. снизилась до 48%, а в 1999 г. составила уже 45%⁴.

Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 20 (213). С. 41.

¹ Овчарова Л.Н., Ищенко М.А. Стратегия сокращения бедности // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 20 (213). С. 34.

² Доклад Правительства Российской Федерации «О поэтапном повышении минимального уровня оплаты труда».

³ См. Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. XI ежегодный доклад. Материалы круглого стола / Под ред. академика РАЕН Н.М. Римашевской. М., 2002.

⁴ Овчарова Л.Н., Ищенко М.А. Стратегия сокращения бедности // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 20 (213). С. 38.

Красноречивое описание сложившейся ситуации в стране к тому времени дано в выступлении В.В. Путин на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 года: «Хотел бы подробнее остановиться на том, — сказал президент РФ, — каким было состояние страны во второй половине 1999-го и начале 2000-го годов. ... Армия была фактически деморализована и небоеспособна. Денежное довольствие военнослужащих было откровенно нищенским, да и оно выплачивалось несвоевременно. Техника стремительно устаревала. Предприятия оборонно-промышленного комплекса задыхались в долгах, теряли кадры и производственную базу. Сама Россия представляла из себя «лоскутную» территорию. ... Государственная власть была малоэффективна. ... Значительная часть экономики контролировалась олигархическими или откровенно криминальными структурами. В глубочайшем кризисе оказалось сельское хозяйство. Финансы страны были опустошены и практически полностью зависели от внешних заимствований. И это, в конечном счете, привело к дефолту 1998 года, который обернулся разорением многих предприятий, ростом бедности и безработицы. Инфляция съедала и без того невысокие доходы граждан России. В 1999 году она составляла 36,5 процента. На начало 1999 года пришелся и пик задолженностей по заработным платам, пенсиям и пособиям (некоторые пособия не выплачивались совсем). На предприятиях задержки с выплатами зарплат достигали двух лет. По отношению к 1991-му году реальные доходы граждан составляли лишь 40 процентов, пенсии — и того меньше. В результате почти треть населения имела доходы ниже прожиточного минимума. Что это значит? Что треть наших граждан обнищала. Полностью. Тяжелое состояние дел в экономике и социальной сфере и, конечно, потеря многих ценностных ориентиров нанесли психологический удар обществу, усилили социальные болезни, коррупцию, преступность. Обострился и демографический

кризис. Рождаемость падала, смертность росла. Богатая Россия превратилась в страну бедных людей»¹.

В этих условиях Академией труда и социальных отношений была разработана Концепция социального государства Российской Федерации, которая конкретизировала провозглашенный в Конституции РФ статус российского государства как социального. Концепция была обсуждена и одобрена на заседании круглого стола в АТиСО 19 ноября 2002 года. Затем она была рассмотрена и одобрена на заседании круглого стола в Государственной Думе Федерального Собрания РФ 10 ноября 2003 г. с учетом предложений министерств, ведомств и государственных внебюджетных фондов. Окончательный вариант Концепции был рассмотрен и одобрен участниками научно-практической конференции в Академии труда и социальных отношений 20 января 2004 г.² Концепция АТиСО сконцентрировала в себе самые последние достижения мировой и европейской социальной мысли в области теории социального государства. Она отличается четкостью и проработанностью всех основных положений и принципов, содержит в себе все основные моменты, характеризующие современное социальное государство, формулирует четкие концептуальные блоки и механизмы его построения. Немаловажной особенностью Концепции является и то, что в ней учитываются конкретные современные и исторически обусловленные особенности Российского государства, традиции многонационального населения России³. Иначе говоря, Концепция является солидной и достаточно четко проработанной концептуальной основой для выработки соот-

¹ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 года // Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>.

² Концепция социального государства Российской Федерации. АТиСО. М., 2004.

³ Согласно исследованию общественного мнения 2000 года, проведенному в типичном провинциальном поселке 95% его жителей определяют благополучную жизнь как стандарты советского времени: гарантированная занятость, стабильная и регулярно выплачиваемая зарплата и предсказуемое будущее (Мониторинг общественного мнения, М., 2000. № 3 (47). с. 39).

ветствующих конкретных Программ социального развития России на среднесрочную и отдаленную перспективу.

Можно утверждать, что разработка и широкое обсуждение Концепции социального государства АТиСО явилось мощным стимулом и теоретической основой для пересмотра российским правительством социальных ориентиров в своей деятельности. Начиная с 2006-2007 гг. Правительство России начинает вносить серьезные изменения в свою социальную политику. Именно с этого периода, на наш взгляд, можно начинать отсчет нового, **третьего этапа** становления социального государства в Российской Федерации, основной особенностью которого является поворот от жестко либерального сценария развития к **социально ориентированному**. На это указывают, в частности и сами приоритетные национальные проекты, разработанные и реализуемые в последнее время — «Образование», «Здоровье», «Культура», «Доступное жилье», «Сельское хозяйство». Государство начинает вкладывать серьезные средства в социальную сферу. Всего на реализацию приоритетных национальных проектов в 2007 году было выделено 289 млрд. рублей¹. Столь мощные ассигнования в социальную сферу проводятся впервые с самого начала реформ.

В то же время необходимо отметить, что формирование новой модели социального государства в России находится на самом раннем этапе на всех уровнях: концептуальном, нормативном, практическом. Научная разработка его проблем, применительно к российским условиям, фактически только начинается. Законодательная база — узка и явно несовершенна. В п. 2 ст. 7 Конституции Российской Федерации перечислены лишь некоторые из основных направлений деятельности государства в социальной сфере: охрана труда и здоровья людей; установление минимального размера оплаты труда; поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан;

¹ Приоритеты законодательного обеспечения государственной социальной политики России в 2007 году // Аналитический Вестник Совета Федерации ФС РФ. 2008. № 3 (348). С. 15.

развитие системы социальных служб; установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты. Более конкретно эти и другие обязанности государства и формы их исполнения раскрыты в статьях 37-43 Главы 2 «Права и свободы человека и гражданина».

Однако сама по себе декларация намерений о построении в стране современной модели социального государства не превращает Россию в таковое автоматически. Для его становления, развития и укрепления требуется и теоретическое обоснование концептуальных основ формирования эффективной социальной рыночной экономики и политики, обеспечивающей занятость, достойную заработную плату, развитое социальное страхование, поддержку семьи, материнства и детства, престарелых, молодежи и т.д., и разработка комплексной программы мер и механизмов их реализации всеми ветвями и уровнями государственной власти и местного самоуправления¹. В то же время в Конституции не нашли отражения многие существенно важные положения, без которых принцип социального государства может остаться лишь декларацией. Для реализации положений ст. 7 Конституции Российской Федерации требуются согласованные действия всех ветвей государственной власти и общественных объединений. Практическая деятельность государственных институтов по реализации принципа социального государства в строгом смысле слова еще почти не начиналась.

Во-первых, она ограничивается лишь собственно социальной сферой и совершенно не распространяется на другие и, прежде всего, на экономику. **Во-вторых**, что является неизбежным следствием первого обстоятельства, даже в этой области далеко не полностью и несвоевременно исполняются уже принятые законодательные акты. Несоответствие между заявленными обязательствами государства в социальной области и отсутствием продуманной полити-

¹ Анисимов В.М. Социально государство в России — выбор времени. Основные проблемы социального развития России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2004 г. №

ки и реальных усилий по созданию эффективной, социально ориентированной экономики составляет главное противоречие на пути реализации задач социального государства. В результате круглого стола, проведенного в 1996 году между ФНПР (Федерация Независимых Профсоюзов России) и Академией труда и социальных отношений, были сформулированы требования, которым должно отвечать социальное государство:

1. Право на свободу человека и на свободную реализацию трудового и интеллектуального потенциала, чтобы трудоспособный гражданин смог обеспечить себе и своей семье материальное благополучие, при этом государство гарантирует адресную поддержку наиболее уязвимых слоев населения.

2. Гарантии проведения сильной социальной политики, ориентированной на максимально возможные инвестиции «в человека», на достижение высоких жизненных стандартов большинства граждан.

3. Гарантии, при которых любой хозяйствующий субъект либо собственник средств производства имеет определенную социальную нагрузку и обязательства перед обществом.

4. Гарантии создания благоприятных условий для реального участия работников в разработке и социальной экспертизе законов и решений на всех уровнях исполнительной власти и управления.

5. Права и гарантии, признающие и реализующие систему социального партнерства в качестве основного механизма достижения баланса интересов работника, работодателя, государства при регулировании социально-экономических и трудовых отношений.

6. Права и гарантии, ориентированные на укрепление семьи — основной ячейки общества; на духовное, культурное, нравственное развитие граждан и, прежде всего, молодежи; на бережное отношение к наследию предков и преем-

ственность поколений, сохранение самобытных национальных и исторических традиций¹.

Используя опыт создания и функционирования социального государства в развитых странах Запада, опираясь на многовековой опыт государственного строительства России, учитывая исторические традиции и менталитет русского и других коренных народов России, а также геополитическое положение и природно-климатические условия нашей страны, принцип социального государства в его российской модели должен рассматриваться как методологический, как главный и определяющий принцип строения и всей системы деятельности государства. По сравнению с западными демократиями термин «социальный» предлагается использовать в данной случае не в узком, а в широком смысле слова. При такой трактовке понятие социального государства будет обозначать не только его обязательства по решению сугубо социальных проблем, но и предопределять социальную направленность, цели и задачи его деятельности во всех других сферах жизни общества, характер его отношений с гражданами. В плане своего социально-политического назначения как института российское социальное государство должно стать общенародным государством большинства и для большинства, при этом гарантирующего и соблюдающего установленные законом права и свободы каждого отдельного гражданина.

Экономический фундамент российского социального государства должна составлять высоко развитая, социально ориентированная смешанная экономика, обеспечивающая как удовлетворение материальных и духовных потребностей населения, так и сохранение среды обитания и гармонию природы и общества. При таком подходе неизбежно встает вопрос о значительном, закреплённом в Конституции повышении роли и ответственности государства в эко-

¹ Гриценко Н.Н. Социальное государство. Концепция // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. Академия труда и социальных отношений. М., 2002. С. 4-5.

номической сфере. Потребуется вернуться и к основательно забытым в годы строительства олигархического и бюрократического капитализма идеям времен конца перестройки и начала реформ о развитии коллективных форм собственности и максимальном увеличении числа собственников, о том что только экономическая свобода и высокий уровень достатка делают людей действительно свободными. Государство обязано и за счет собственных ресурсов, и путем создания необходимых условий для частного отечественного и зарубежного капитала обеспечить дальнейшее развитие наукоемких и высокотехнологических производств, модернизацию промышленности и агропромышленного производства, фактическую замену крайне запущенной технически и морально устаревшей коммунальной, строительной и дорожно-транспортной инфраструктуры.

В социальной сфере российского социального государства наряду с включением достижений мирового опыта в максимально возможной и целесообразной степени должны быть восстановлены реально обеспечивавшиеся в советское время социальные гарантии граждан. Прежде всего, это означает восстановление гарантий на труд и занятость, на своевременное получение заработной платы и пенсий. Государство должно всячески поощрять производительный, социально полезный труд, его справедливую оплату и стремление граждан к росту своего благосостояния законными средствами.

Стабильность социального климата существенно зависит от состояния пенсионного обеспечения, как составляющей сферы жизненно важных интересов современного общества. Вследствие этого пенсионную систему можно рассматривать в качестве одного из сознательно и целенаправленно создаваемых защитных устройств государства, определяющих его внутреннюю устойчивость, как «способность системы сравнительно быстро возвращаться в исходное состояние после любого «возмущения», а в оптимальном режиме — достигать при этом новой, более высокой точки на траектории сбалансированного

развития», чем объясняется непреходящая актуальность вопросов организации и развития пенсионной системы¹.

Состоянием российской пенсионной системы, происходящими изменениями и возможными перспективами давно озабочены граждане, а факторы, определяющие ход событий в этой сфере в последнее время, находятся в зоне повышенного внимания российских ученых. Широкий диапазон мнений относительно результатов, проблем и последствий реформирования российской системы пенсионного обеспечения свидетельствует о сложности рассматриваемого предмета и не позволяет давать однозначно негативных или позитивных оценок происходящим процессам. Но, представляется возможным выделить два направления (течения) мнений и предложений российских ученых относительно эффективности пенсионной системы, исходя из типа ключевых проблем, определяющих успех ее развития. Согласно первому направлению, путь к эффективной пенсионной системе упирается в общеэкономическую ситуацию, и продвижение зависит от решения макроэкономических проблем, главным образом, реформы всей сферы распределительных отношений, прежде всего, оплаты труда². Сторонники другого направления ключ к успеху находят в области трансформации новых, еще формирующихся, но уже имеющих серьезные дефекты, пенсионных институтов³.

Естественно, успешность (неуспешность) пенсионного обеспечения проще объяснять общей стабильной (нестабильной) экономической ситуацией, обусловленной макроэкономическими (темпы экономического роста, состояние финансового рынка) и демографическими (динамика соотношения занятых

¹ Кузьмин С. Перспективы России в развитии современных мирохозяйственных Тенденций // Экономист. 2002. № 1. С. 22.

² См. Дегтярь В.С. Российская пенсионная реформа в контексте мирового опыта // Проблемы прогнозирования. 2002. № 6. С. 75-93; Батанов Г. Россия идет в русле мирового опыта пенсионных реформ. Материалы от 21.02.2005. // <http://www.mypensia.ru>.

³ См. Роик В.Д. Пенсионная реформа: стартовые коллизии и необходимость концептуальной корректировки // Российский экономический журнал. 2003. № 11-12; Ржаницына Л. Соци-

и пенсионеров) факторами, и не акцентировать внимания на правовом и экономическом содержании пенсионных институтов. Тем более, что число моделей пенсионных систем, используемых в международной практике, достаточно велико (их насчитывается более 160). Тогда все «проблемные узлы» современной российской системы пенсионного обеспечения можно искать вне рамок ее организационной модели (весьма близкой к шведскому варианту), не затрагивая ключевых характеристик формирующихся пенсионных институтов. Но, признавая значимость влияния на состояние пенсионного обеспечения макроэкономических факторов, нельзя не обращать внимания на то, что огромное разнообразие систем пенсионного обеспечения в странах с социально ориентированной экономикой, не исключает: во-первых, весьма ограниченного количества принципиальных концептуальных подходов их построения; во-вторых, наличия сложившихся в ходе эволюции пенсионных систем базовых принципов и способов их организации, следовать которым необходимо для обеспечения действенности систем; в-третьих, осознания истинной природы и источников формирования пенсии, находящих свое отражение и в концептуальных подходах, и в пенсионных институтах.

Подтверждением социальной, политической, идеологической и нравственной зрелости социального государства, общества в целом является становление и развитие института **социального партнерства** как регулятора социально-трудовых отношений. Одним из ключевых направлений функционирования социального государства является кадровая политика. Социальное государство призвано регулировать формирование и востребованность кадрового потенциала страны, использовать все возможности для консолидации общества, сохранения единого социально-культурного пространства, роста благополучия каждого гражданина, обеспечивая при этом: разработку основных принципов и приоритетов в области профессионального развития кадрового

потенциала общества; разработку принципов и механизмов экономического стимулирования субъектов управления по обеспечению востребованности кадрового потенциала общества; формирование правовых и организационных основ по защите общества от непрофессионализма¹.

Конечно, решение социальных задач можно осуществлять только при наличии сильной и эффективной социальной рыночной экономики. Но социальные задачи не должны решаться по остаточному принципу и откладываться на потом, когда экономика накопит ресурсы².

Неотъемлемым должен быть и постулат об ответственности органов власти и бизнес-сообщества за реализацию основных положений и принципов построения социально ориентированного рыночного хозяйства и принятых социальных целей. Социальная и экономическая политика взаимосвязаны, взаимобусловлены, а человеческий фактор при этом является приоритетным и для инвестиций в человеческий капитал, и для оживления, и для подъема экономики в целом. И в этом суть и особенность социального государства, которое не отдает организацию и устройство социальной и экономической жизни на откуп рыночной стихии, не уходит из этого поля и не занимает позиции «ночного сторожа», а присущими государству правовыми, экономическими мерами и действиями следит за индексом активности в этих сферах, не допуская, чтобы эгоизм и стяжательство, недобросовестная конкуренция, теневая экономика, социальное неравенство, обнищание и другие пороки утвердились в обществе, а лишает их питательной среды правовыми мерами и личным примером государственных служащих всех рангов и уровней³.

¹ Концепция социального государства Российской Федерации. АТиСО. М., 2004.

² Концепция социального государства Российской Федерации. АТиСО. М., 2004.

³ Гриценко Н.Н. Социальное государство: перспективы его становления и развития в России. Основные проблемы социального развития России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2004 г. № 15 (235).

В то же время, совершенно недопустимы потворство возникновению сверхсостояний, целенаправленная политика государства, направленная на искусственное создание класса крупнейших собственников путем издания благоприятствующих этому законов, указов, постановлений, фактическое отсутствие реального преследования за грубейшие нарушения даже таких нормативных актов. Вместо этого государству необходимо взять под жесткий контроль ситуацию с социально-имущественным расслоением в обществе, как это принято, в частности и во многих странах ЕС. Регулирование социально-экономического неравенства между социальными группами общества не только послужит утверждению социальной и политической стабильности, но и повысит платежеспособный спрос населения, создаст дополнительные предпосылки для экономического роста и развития. Представляется настоятельной необходимостью гармонизации законов в сфере доходов: в стране отсутствует единый концептуальный подход к регулированию заработной платы и увязке ее с размерами пенсий и ресурсным обеспечением¹. При этом постепенного сближения материального достатка различных социальных групп необходимо добиваться прежде всего посредством борьбы с бедностью, а не с высоким благосостоянием.

Одной из важнейших составляющих социальной сферы должна стать эффективная и гибкая система социального обеспечения граждан. Она должна включать в себя, во-первых, социальное страхование и обеспечение граждан и их семей в случаях классических рисков и вынужденных состояний (болезнь, возраст, безработица, несчастный случай и т.п.); во-вторых, оказание помощи малоимущим, многодетным и неполным семьям, жертвам стихийных бедствий и т.д.; в-третьих, поощрительную и вспомогательную подсистему, занимающуюся кредитованием лиц, стремящихся самостоятельно решать свои социаль-

¹ Анисимов В.М. Социальное государство в России — выбор времени. Основные проблемы социального развития России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2004. №

ные проблемы в области строительства или приобретения жилья, получения дополнительного образования, отдыха и т.д.

К числу необходимых характеристик социальной сферы российского социального государства следует отнести восстановление социальных гарантий на получение качественного бесплатного для граждан медицинского обслуживания по основным видам медицинской помощи и бесплатного образования всех его уровней. На коммерческой основе могут оказываться дополнительные медицинские услуги, выходящие за рамки восстановления здоровья пациентов. Усиленно насаждаемая также коммерциализация системы образования и прежде всего высшей школы также не соответствует практике развитых стран мира, за исключением США и стран с крайне либеральной моделью. Образование в пределах государственных образовательных стандартов, в том числе первое высшее, а также послевузовское должно быть бесплатным. На коммерческой основе могут получаться дополнительные образовательные услуги в виде второго высшего образования, изучения нескольких иностранных языков, дисциплин и наук, не предусмотренных образовательными стандартами и т.д.

Реализацию гарантированных гражданам Конституцией социальных прав (являющихся одновременно ориентирами для социальной и экономической политики социального государства), а также порядок их предоставления обеспечивают устанавливаемые государственные социальные стандарты (ГСС), которые необходимо закрепить в соответствующем федеральном законе, охватывающем все основные сферы социальных отношений: оплату труда и трудовые отношения; поддержание занятости и помощь безработным; пенсионное обеспечение; медицинское обслуживание и снабжение лекарственными средствами; сферы коммунальных и бытовых услуг, образования и профессиональной подготовки, науки, культуры, социального страхования и т.д.

Исключительно важной заботой социального государства именно в России является весь комплекс демографических проблем. Нарастающая угроза вымирания коренного населения страны за счет сокращения продолжительности жизни и сокращения рождаемости ставит вопросы воспроизводства, миграции населения и защиты от внешней демографической экспансии в число наиболее приоритетных.

Для воплощения принципа социальности в деятельность российского государства серьезные коррективы должны быть внесены и в его политическую сферу. Прежде всего, необходима конституционная реформа, направленная на действительное утверждение равноправия ветвей власти за счет значительного повышения статуса и роли власти законодательной. Именно представительные органы власти по определению отражают весь спектр интересов различных слоев общества и позволяют осуществлять их гармонизацию. Повышению статуса законодательной власти и одновременно упрочению политической стабильности могло бы способствовать исключение из Конституции нормы о праве президента на роспуск Государственной Думы.

В рамках конституционной реформы принцип социального государства должен быть распространен и на вопросы, касающиеся формы государственного устройства, характера отношений между органами власти различных уровней, а также системы межнациональных отношений и статуса отдельных наций. В настоящее время, вопреки формально провозглашенному принципу равенства субъектов федерации (ст. 5, ч. 4 Конституции РФ), фактически эта норма не соблюдается. Продолжается заключение договоров Центра с отдельными из субъектов федерации. При этом объем полномочий, передаваемых национальным республикам значительно превосходит объем полномочий, предоставляемых, например, областям. В результате республики и проживающее в них население получают экономические и социальные преимущества. В национальных республиках практикуется предоставление различных полити-

ческих и иных преимуществ так называемым «титულным нациям», составляющим в большинстве республик меньшинство населения, что фактически ведет к дискриминации граждан других национальностей. Все эти явления противоречат принципам социального государства, которые должны в равной степени распространяться на всю территорию страны и на всех ее граждан, независимо от их национальности.

В российском социальном государстве существенное значение и свои специфические черты будет иметь и духовная сфера. Во главу угла забот государства и общества должно быть поставлено формирование всесторонне и гармонично развитой личности каждого человека. Глубокие народные традиции гуманизма и нравственности, высочайшие достижения отечественной культуры делают эту цель вполне достижимой. Для этого должен быть открыт доступ гражданам и прежде всего молодежи к подлинным образцам мировой и отечественной культуры, искусства и литературы, прекращена фактически насильственная вестернизация духовной жизни. Примеры защиты национального языка и культуры, поощрения развития фольклора дают многие развитые европейские страны. Так, например, во Франции принят закон о защите французского языка, жестко регламентируется показ американской кинопродукции на телеэкране. В Италии местные органы власти выделяют значительные средства на пропаганду фольклора, а концерты самодеятельных коллективов посещают президент республики и Папа Римский.

Принципиально важное значение имеет прекращение пропаганды насилия, жестокости, аморализма, индивидуализма, внедрения в массовое сознание иллюзий о широких возможностях случайного счастливого обогащения и т.д. Интересам общества и традициям народов России в гораздо большей степени отвечает воспитание молодежи в духе гуманизма, нравственности, коллективизма и взаимопомощи, служения людям и Отечеству. Большие задачи перед

государством и обществом стоят и в области формирования правовой культуры населения и борьбы с преступностью¹.

С особой остротой в нашем обществе стоят проблемы социальной поддержки молодежи, профилактики детской беспризорности и безнадзорности. Основными причинами их возникновения и роста являются разрушение прежней государственной инфраструктуры социализации и общественного воспитания детей без формирования эффективной новой, адаптированной к условиям рыночных отношений, рост бедности и имущественного расслоения населения. В этой связи чрезвычайно актуальными остаются вопросы принятия федерального закона об основах государственной молодежной политики и возвращения к разработке законопроекта о профилактике насилия в семье и обществе².

Долг государства, выступающего с позиции «сильного» — проявлять попечение об отдельном «слабом» человеке, в этом социальная функция государства доминирует над экономической. Экономика как таковая формируется не на чисто рыночных, конкурентных основаниях, но исходит из социальных потребностей: обеспечения национального суверенитета, поддержания необходимой структуры занятости, развития территорий, соответствия социокультурным особенностям. Такое содержание работы государственных органов на всех уровнях не может нацеливаться на отвлеченные показатели: увеличения ВВП, удержания заданного уровня инфляции, расширения экспорта и т.д. Но вместе с тем проведение стратегически осмысленной социальной политики, требует выработки четких, измеримых критериев продвижения к избранной цели, а не только следованию общим принципам. Недостаточная количественная определенность такой политики может привести к ее качественной неполноценности и фактической измене формально провозглашенным принципам.

¹ Гончаров П.К. Социальное государство: сущность и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000 г. № 2. С. 46-59.

² Анисимов В.М. Социально государство в России — выбор времени // Основные проблемы социального развития России. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2004. №

В этой связи, на основе нашего анализа различных современных моделей развитого социального государства, мы приходим к выводу, что российская социальная политика и стратегия построения российского социального государства только тогда обретет четкость и определенность, когда в правительственных программах будут не только качественно, но и **количественно** определяться основные перспективные индикаторы конкретной модели социального государства.

В частности, это должны быть прежде всего: 1) уровень налоговой нагрузки (включая и отчисления на социальные нужды) на экономику страны; 2) уровень расходов государственного бюджета на социальные цели; 3) допускаемый в стране уровень бедности населения, и 4) коэффициент Джини, указывающий на степень неравномерности в распределении совокупных доходов в обществе. Социальная политика российского государства только тогда обретет необходимые качества, когда российское правительство определенно заявит, каких именно конкретных параметров по этим показателям оно ставит своей целью достигнуть. Одних принципов недостаточно, так как количественные показатели, достигаемые в рамках этих принципов, могут полностью перечеркивать их качественную сторону, как это, во многом, и происходит сейчас в России.

Поскольку на современном этапе российское правительство, судя по первым его шагам в этой сфере, взяло курс на реализацию в России, как минимум, **центрально-европейской модели** социального государства, то конкретные параметры, означающие действительное, а не декларативное принятие этой модели, должны быть следующими.

1. Расходы российского государства на социальные нужды и трансферты должны быть увеличены с нынешних 15-16% ВВП, до 28-30% ВВП.

2. Уровень бедности должен быть сокращен до 12-13% населения. При этом для определения самой черты бедности в России должны быть повышены ее стандарты, до уровня среднеевропейских.

3. Наконец, коэффициент Джини (показатель неравенства в распределении доходов) должен быть также приближен к среднеевропейскому уровню, то есть понижен с нынешних 0,40 и выше до 0,28-0,30. При этом доля оплаты труда в ВВП России (после вычета налогов) должна быть увеличена с нынешних 23% ВВП до 45-50%, что соответствует уровню основных развитых стран.

4. Налоговая нагрузка на экономику России в настоящее время и так превышает среднеевропейский уровень, и ее не следует сокращать. Здесь необходимо иметь в виду, что это общемировая и общеевропейская тенденция. За 1960-1993 гг. доля ВВП, перераспределяемая через бюджет выросла во всех развитых странах примерно в 1,5 раза: с 20% до 38% в США, с 20% до 35% в Японии, в ФРГ и Англии — с 36% до 50%, во Франции — с 31% до 54%¹.

Подводя итог нашему анализу основных тенденций и перспектив развития в России современной модели социального государства мы можем сформулировать кратко следующие основные выводы.

Все политические силы современной России согласны в том, что социальное государство «надо совершенствовать», социальные гарантии — расширять, социальные выплаты — наращивать. Расхождение вызывает лишь вопрос о надлежащих средствах достижения этой цели, что соответствует проблеме выбора для России той или иной современной модели социального государства.

Становление современного социального государства в России с начала реформ 1990-х годов прошло, как показывает анализ, три основных этапа. На

¹ Медведев В.А. Современные тенденции в социальной сфере и российские реалии. Материалы конференции по итогам российско-канадского проекта по публичной политике Университет Калгари. 2 февраля 2005 // http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=23991&rubr_id=451&page=1.

первом из них российское государство пыталось поддерживать относительно высокий уровень своих социальных обязательств, что делалось в крайне неблагоприятных экономических условиях, порожденных структурной перестройкой экономики России. На первом этапе социально-политических реформ российское правительство пыталось пойти по пути построения в России североевропейской («шведской») модели социального государства, которая более всего напоминала советскую модель и была ближе всего к традициям и ожиданиям населения нашей страны.

Однако, начиная примерно с 1996-1997 гг., на втором этапе строительства социального государства в России, правительством был взят курс на построение либеральной модели социального государства (само правительство определяло эту социальную политику как переход от «патерналистской» модели социальной защиты к модели «адресной» социальной защиты). В связи с этим в феврале 1997 г. была принята Программа социальных реформ в Российской Федерации на период 1996-2000 гг. Реализация заявленных в этой программе либеральной модели социальной защиты привела к развитию и обострению многих негативных тенденций в социально-экономической сфере России, наметившихся уже с началом радикальных реформ.

Появившаяся в этих условиях Концепция социального государства Российской Федерации, разработанная учеными Академии труда и социальных отношений, явилось мощным стимулом и теоретической основой для пересмотра российским правительством социальных ориентиров в своей деятельности. Начиная с 2006-2007 гг. Правительство России вносит серьезные изменения в свою социальную политику. Именно с этого периода, на наш взгляд, можно начинать отсчет нового, третьего этапа становления социального государства в Российской Федерации, основной особенностью которого является поворот от жестко либерального сценария развития к социально ориентированному. На

это указывают, в частности и сами приоритетные национальные проекты, разработанные и реализуемые в последнее время — «Образование», «Здоровье», «Культура», «Доступное жилье», «Сельское хозяйство».

Концепция социального государства, разработанная АТиСО, является солидной и достаточно четко проработанной концептуальной основой для выработки соответствующих конкретных Программ социального развития России на среднесрочную и отдаленную перспективу. И частично такие программы уже разработаны и внедряются в жизнь. Однако в реализации этих программ требуется, с одной стороны, большая системность и нацеленность на стратегическую перспективу, а, с другой, — и большая конкретность и определенность в постановке стратегических целей, в том числе их количественная определенность, поддающаяся объективному контролю и проверке.

В этой связи, можно утверждать, что российская социальная политика и стратегия построения российского социального государства только тогда обретет необходимую четкость и определенность, когда в правительственных программах будут не только качественно, но и количественно определяться основные перспективные индикаторы конкретной модели социального государства, рассмотренные в предыдущем параграфе нашего исследования. В частности, это должны быть прежде всего: 1) уровень налоговой нагрузки (включая и отчисления на социальные нужды) на экономику страны; 2) уровень расходов государственного бюджета на социальные цели; 3) допустимый в стране уровень бедности населения и 4) коэффициент Джини, указывающий на степень неравномерности в распределении совокупных доходов в обществе.

Поскольку на современном этапе российское правительство, судя по первым его шагам в этой сфере, взяло курс на реализацию в России как минимум центрально-европейской модели социального государства, то конкретные параметры, означающие действительное, а не декларативное принятие этой модели, должны быть, как установлено в нашем исследовании, следующими. Рас-

ходы российского государства на социальные нужды и трансферты должны быть увеличены с нынешних 15-16% ВВП, до 28-30% ВВП. Уровень бедности должен быть сокращен до 12-13% населения, при этом для определения самой черты бедности в России должны быть повышены ее стандарты, до уровня среднеевропейских. Коэффициент Джини (показатель неравенства в распределении доходов) должен быть также приближен к среднеевропейскому уровню, то есть понижен с нынешних 0,40 и выше до 0,28-0,30. При этом доля оплаты труда в ВВП России (после вычета налогов) должна быть увеличена с нынешних 23% ВВП до 45-50%. Налоговая нагрузка на экономику России в настоящее время и так превышает среднеевропейский уровень, что соответствует общемировым и общеевропейским тенденциям.

6.6. Проблемы аграрных регионов России и обеспечение продовольственной безопасности российского общества

В недавно вышедшей книге Е.Т. Гайдара¹ достаточно убедительно показано, что основной причиной краха экономики СССР (и последующего развала Советского Союза) явилась неспособность советского правительства обеспечить **продовольственную безопасность** страны. Не имея возможности получать на мировом рынке доходы от продажи своей **индустриальной** высокотехнологичной продукции (кроме оружия, которое поставлялось за рубеж на основе, как правило, не экономических, а **политических** соображений), Советский Союз вынужден был оплачивать свой все возрастающий с 1970-х гг. продовольственный импорт поставками нефти и энергоносителей. Резкое снижение мировых цен на эту продукцию в начале 1980-х годов вынудило советское правительство прибегнуть к продаже золота и затем — к внешним займам, быстро

¹ См. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.

доведшим страну до состояния банкротства. Займы перестали давать и стали требовать за них политических уступок, на которые и вынужден был идти во все больших масштабах М.С. Горбачев (и его команда).

На решительные внутренние меры по ограничению массового потребления и серьезной перестройки всего национального хозяйственного механизма руководство СССР не решилось и предпочло «распустить» сначала Варшавский блок и СЭВ, а затем и СССР. Россия предложила всем бывшим своим республикам спасаться в одиночку и сама пошла по тому же пути. Таким был, в общих чертах (в описании Е.Т. Гайдара), механизм системного кризиса, экономического банкротства и распада СССР.

Понимание этого обстоятельства заставляет нас уделить самое пристальное внимание **первопричине** всех этих колоссальных социально-экономических катаклизмов — продовольственной проблеме советского и российского национального хозяйства, имеющей к тому же особое значение для аграрных, южных регионов России, пораженных в настоящее время экстремизмом и терроризмом в наибольшей степени.

а) Продовольственная производительность российской земли

Главной ахиллесовой пятой российского национального хозяйства было во все времена и остается в настоящее время его **сельское хозяйство**. Именно оно сдерживало всегда развитие российской промышленности и торговли и экономическое развитие страны в целом.

Российская земля изначально наделена природой очень низкой естественной производительностью (продуктивностью). Наиболее высокий уровень естественной продуктивности земли на нашей планете характерен для условий **тропиков** и **субтропиков**, биоценозы которых производят до 35 т органической массы с одного гектара в год. Составляя всего около 6% поверхности су-

ши, эти зоны дают сегодня около 28% от всей продукции органического вещества на Земле¹. На территории этих природно-климатических «биологических машин» расположены сегодня, в частности, США, Китай, Индия, Индонезия и другие удачливые в этом отношении страны. Сюда же могут быть отнесены и большинство стран Западной Европы, земли которых очень удачно согреваются и увлажняются Гольфстримом.

Продуктивность же зоны тайги, например (занимающей около 30% территории современной России, в которой еще около 20% земель расположены в зоне тундры и лесотундры²), ниже тропической примерно в 4-5 раз³. Если же рассматривать только **растительные** сообщества, то продуктивность различных природно-климатических зон Земли оценивается сегодня следующим образом (См. Табл. 4)⁴.

Таблица 4

**Биологическая продуктивность растительных сообществ суши
(по Р. Уиттекеру, 1980)**

Сообщество	Чистая первичная продукция фотосинтеза, кг/кв. м в год
Влажный тропический лес	2,2
Широколиственный лес	1,2
Саванна	0,9
Тайга	0,8
Степь	0,6

¹ См. Биологический энциклопедический словарь. М., 1995. С. 648.

² Проваторов В.В. Трансформация земельного фонда России за последние 10 лет. М., 2001. // <http://georpub.narod.ru/student/pravotorov/author.htm>

³ См. Биологический энциклопедический словарь. М., 1995. С. 620.

⁴ Источник: Смирнов И.Ю. А чем Россия не Нигерия? М., 2006. С. 54.

Пресноводные экосистемы	0,25
Тундра	0,14
Пустыня	0,09
Агроценозы в среднем	0,65
В среднем для суши земного шара	0,77

Эти данные, между прочим, хорошо объясняют нам то обстоятельство, что первые высокоразвитые цивилизации на Земле возникли именно в Египте, Месопотамии, Индии и Китае (а также в Мезоамерике). Именно в этих зонах производительность земли от природы **максимальна**. Известно, в частности, что в Египте, например, уже во времена Геродота (V в. до н.э.) земля в долине Нила давала два урожая в год «сам 15-20». В современных США, где тоже собирают по два урожая в год, она дает «только» «сам 12-15»¹, (хотя в некоторых случаях современные технологии позволяют получать урожайность и сам-40 — сам-50²). Весьма показательным при этом, что и сами древние египтяне называли свою страну Кемт (от коптского «хеми» — чернозем, в противоположность «дешерет» — красная земля, пустыня³). В средневековой Европе земля давала в среднем «сам 4-5»⁴, а в современной России — только «сам 5-7»⁵.

Разумеется, если приложить к самопроизводству земли определенный **труд** (требующий, впрочем, не только и не столько простых его **физических** сил, сколько **силы ума и расчета**), то любой участок земли способен увеличить свою производительность и приносить много больше различных ее плодов, чем это он делает в своем девственном состоянии. Даже применение про-

¹ Березин И.С. Краткая история экономического развития. М., 1998. С. 34.

² Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. М., 2001. С. 136.

³ Древние цивилизации / Под ред. В.П. Будановой. М., 2005. С. 81.

⁴ В 1605 г. французский автор писал о средних урожаях: «Хозяин может быть доволен, когда его владение приносит ему в целом, с учетом плохих и хороших лет, сам-пять — сам-шесть» (Бродель Ф. Структуры повседневности. М., Прогресс, 1986. С. 135).

⁵ Березин И.С. Краткая история экономического развития. М., 1998. С. 34.

стой палки-копалки или мотыги, с помощью которых уничтожаются сорняки, взрыхляется почва и т.д., способно намного повысить количество плодов, собираемых с данного участка. Еще больше его можно повысить с помощью оросительных и ирригационных каналов и водохранилищ (до чего и додумались прежде всего древние жители Месопотамии, Египта и Китая), внесения органических удобрений в почву, выведения новых, более продуктивных и устойчивых сортов и пород (чему мы обязаны тоже народам древности), применения рационального севооборота и т.д.

Иначе говоря, приложение ума и труда к земле способно повысить производительность практически любого участка земли в несколько раз. В России, например, средняя производительность земли с 7 ц/га при царском режиме была повышена, в среднем, до 20 ц/га при советской власти (и упала до 14-15 ц/га в ходе реформ Ельцина-Гайдара 1990-х гг.)¹. В странах тропического пояса в ходе Зеленой революции 1960-х — 1970-х гг. также удалось увеличить производительность земли, например, по рису — в 2 раза (с 33 до 75 ц/га)².

Однако, вместе с тем, очевидно и то, что для любой данной природно-климатической зоны и территории Земли существует ее **естественный предел** (предельная максимальная продовольственная производительность земли), выше которого ее производительность повышена быть не может ни при каких условиях (другое дело, что этот предел нам еще не известен и, по-видимому, еще нигде не достигнут).

Реальная же продовольственная производительность земли, то есть то количество продовольствия, которое собирается с данного участка земли в конкретных исторических условиях, определяемых не только колебаниями его природно-климатических условий, но и уровнем развития **технологий**, количеством прилагаемого к земле **труда и капитала** и степенью **благоустроенности**

¹ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 49.

² Географический справочник: новые цифры, факты, названия. М., 1992. С. 62.

этого участка, достигнутой трудом и капиталом прошлых поколений, — эта реальная производительность земли всегда будет меньше предельной максимальной ее производительности, достижимой лишь в идеале.

И также очевидно, что, при прочих равных условиях (технологии, труд, капитал), реальная производительность земли всегда будет выше в странах с наиболее выгодными для сельского хозяйства природно-климатическими условиями, то есть, в странах, расположенных в тропической, субтропической и «гольфстримной» зонах. Никакие вложения труда и капитала, например, в **российское** сельское хозяйство, никогда не позволят поднять среднюю производительность наших земель до уровня хотя бы западноевропейских¹, не говоря уже об американских, китайских, индийских и т.п. земель (если, конечно, не изменятся наши природно-климатические условия).

Сама **природа** всегда играла и продолжает играть здесь против России, которая и осваивалась-то первоначально не земледельцами, а **скотоводами** (в степной и лесостепной зонах) и **звероловами** (в лесной и таежной зонах). Первоначальное русское государство, как установил и показал впервые В.О. Ключевский², базировалось не на земледелии (русские бояре первоначально даже не брали себе землю в собственность, даже на юге!), а на **торговле** — транзитной (путь из варяг в греки) и добывающей лесной (пушнина, мед, воск), чем и объясняется раннее возникновение **городов** в Древней Руси, по сравнению с Западной Европой, бывшей тогда еще (VIII-XII вв.) сплошной «деревней». Земледелие же в тогдашней Руси носило «подсобный» характер. Только оказавшись отрезанными от Черного моря печенегами, половцами и затем и мон-

¹ По данным французского историка Ф. Броделя, даже в средневековой Франции продуктивность ее земель уже достигала очень высоких показателей. Так, в имениях Тевтонского ордена в Пруссии урожайность пшеницы с 1550 по 1695 г. доходила до 8,7 ц/га, в Брауншвейге была 8,5 ц/га, в хороших хозяйствах во Франции с 1319 по 1327 г. пшеница давала урожай от 12 до 17 ц/га (Бродель Ф. Структуры повседневности. М., Прогресс, 1986. С. 135).

² См. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. Кн. 1. М., 1993. С. 107-109.

голо-татарами, русские были вынуждены (за исключением Великого Новгорода и Пскова, сохранивших связь с европейской торговлей через Балтийское море) перейти к развитию **земледелия**, совершенно для них **невыгодного**. Наиболее убедительно и детально этот тезис (о невыгодности земледелия в Северо-Восточной Руси) обоснован в последнее время в работах российского историка Л.В. Милова¹. Однако и до него это обстоятельство достаточно ясно осознавалось многими исследователями, в том числе и зарубежными.

Так, в частности, американский журнал «Тайм», готовясь к войне с СССР в 1950 году, поместил в редакционной статье свой анализ экономических возможностей СССР, в котором относительно его сельского хозяйства говорилось следующее: «Доктор Наум Ясный, автор вышедшего в прошлом году фундаментального труда «Обобществленное сельское хозяйство СССР», продемонстрировал, насколько географические и климатические условия ограничивают возможности российской аграрной отрасли. Вся Северная и Центральная Россия непригодна для выращивания зерновых из-за морозов, а значительная часть южных районов — из-за недостаточного количества осадков. ... Российская Черноземная зона по площади не имеет равных в мире, однако большая ее часть расположена севернее 45 параллели (на которой находится Бангор (штат Мэн): это означает, что урожайность здесь значительно ниже, чем у аналогичных почв на американском Среднем Западе — в «зерновом поясе» США.

Сравнение с США, — продолжал Тайм, — наглядно демонстрирует основополагающие географические и климатические проблемы России. К востоку от Солт-Лейк Сити (по температуре и влажности климат в этом городе сравним с Астраханью) типы почв в нашей стране точно совпадают с российскими. Однако здесь есть два важных отличия: 1) в большинстве почвенных зон США климат остается мягким и устойчивым (среднегодовая температура составляет

¹ См. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., РОСПЭН, 1998.

55° по Фаренгейту), и 2) ближе к побережью Атлантики, где почвы особенно нуждаются в увлажнении, уровень осадков повышается. В России же на севере — в зоне неплодородных почв — средняя температура гораздо ниже, а уровень осадков лишь немного выше. Таким образом, в США, чем беднее почвы, тем благоприятнее становится климат, а в России и почвы и климат ухудшаются одновременно. С точки зрения сельского хозяйства Россия «расположена неправильно»¹.

За прошедшие с момента публикации этого анализа полвека описываемое в нем положение с продуктивностью наших земель существенно не изменилось, несмотря на все успехи агробиологии, пришедшиеся именно на этот период, и на огромные капитальные вложения советского периода в отечественный агрокомплекс.

В настоящее время, в частности, наивысшая реальная производительность земли по пшенице принадлежит землям Бельгии (67 ц/га), Англии (66 ц/га) и Франции (63 ц/га). В Китае она составляет 30 ц/га, в Индии — 22, в США — 22, в СССР (бывшем) — 20, среднемировая — 24 ц/га.

По рису, наивысшая реальная производительность земли принадлежит землям США (64 ц/га), Японии (62 ц/га) и Италии (56 ц/га). В Китае она составляет 55 ц/га, в Индонезии — 42, в СССР (бывшем) — 39, среднемировая — 35.

По кукурузе, наивысшая реальная производительность земли принадлежит землям Италии (78 ц/га), США (70 ц/га) и Франции (67 ц/га). В Китае она составляет 37 ц/га, в СССР (бывшем) — 36, среднемировая — 36.

В современной же России (в которой, очевидно, худшие земли выведены

¹ Насколько сильна Россия? // Time, США. 1950. 27 ноября. (Русский перевод на ИноСМИ.ру: <http://www.inosmi.ru/stories/05/07/29/3449/232344.html>).

сейчас из производства¹ в связи с сильным упадком села) реальная производительность земли по пшенице составляет 14 ц/га; по всем зерновым (за период 1991-2000) — 15,4 ц/га²; по картофелю — 100 ц/га³ (в США — 334 ц/га⁴).

б) Физиологический минимум потребления (ФМП), минимальная потребительская корзина и демографический потенциал российской земли

Не меньшее значение, с фундаментальной хозяйственно-экономической точки зрения, имеет и понятие (и величина) **демографического потенциала** земли (ДПЗ). Демографический потенциал участка земли определенного размера измеряется максимальным количеством людей, **едоков**, которых он способен кормить, исходя из определенной нормы ежегодного потребления его плодов.

Такой нормой может приниматься, *во-первых*, физиологический **минимум** потребления (ФМП), и, *во-вторых*, — физиологическая **норма** (оптимум) потребления (ФНП, она же «рациональная норма потребления» РНП) продовольствия одним человеком в год.

Измеряются эти величины в **натуральных** показателях.

К сожалению, современная экономическая наука предпочитает манипулировать измерениями, производимыми, в основном, в их стоимостной (ценовой, денежной) форме, поэтому узнать у нее какие-нибудь установившиеся натуральные показатели и нормы чрезвычайно трудно.

¹ За 1990-е годы площадь пашни в России сократилась почти на 30 млн. га. (Новиков А.А. Экономическая география. М., 2007). «В условиях экономического кризиса 1990-х годов колхозы и совхозы в первую очередь забрасывали и переставали распахивать именно осушенные торфяники как самые малоценные угодья» (Смирнов И.Ю. А чем Россия не Нигерия? М., 2006. С. 169).

² В Белоруссии среднегодовая урожайность за 10-летие составила чуть более 22 ц/га. См.: <http://www.idk.ru/?url=/news/6424>.

³ Расчет Горшкова А.В. См. <http://inf.susu.ac.ru/~gorshkov/rosstat/02-07.gif>; Страны и регионы мира: экономико-политический справочник. М., 2006. С. 27-28.

⁴ Современные США: энциклопедический справочник. М., 1988. С. 184.

Наиболее близко к понятию и величине ФМП стоит в современной литературе понятие «физиологического потребительского бюджета». «Физиологический потребительский бюджет (ФПБ), — указывается в современном справочном издании, — определяет набор потребительских товаров и услуг для удовлетворения основных физиологических потребностей человека. На его основе рассчитывается физиологический минимум для определения денежных и натуральных доходов населения, которые обеспечивают соответствующий ФПБ объем потребления товаров и услуг группами населения, относимыми к самым бедным или нищим слоям»¹.

В этой, несколько путанной, формулировке основания и следствия для экономических расчетов у автора, по-видимому, поменяны местами. Не ФПБ (как **стоимостной** показатель) является основой для расчета ФМП, а наоборот, последний, **натуральный**, показатель должен приниматься за основу расчета ФПБ.

Однако и с количественным определением ФМП у экономической науки также наблюдаются большие сложности. Обнаружить у современных экономистов хоть какие-то обоснованные расчеты и оценки ФМП практически невозможно. Если в СССР эти расчеты скрывались от «посторонних глаз» за грифом «Для служебного пользования», то и после наступления «эпохи гласности» положение практически не изменилось (скорее, даже ухудшилось). Хотя речь о «физиологическом минимуме потребления» ведется экономической наукой еще со времен А. Смита, Д. Рикардо и К. Маркса, никакого, хотя бы, приблизительно приемлемого для большинства ученых количественного **натурального** определения этого минимума экономической наукой так до сих пор и не предложено — ни социалистически ориентированными авторами, ни либералами-рыночниками². Мешает, по-видимому, традиционная для обоих направлений

¹ Популярная экономическая энциклопедия / Гл. ред. А.Д. Некипелов. М., 2001.

² Краткий исторический обзор основных подходов и результатов в решении этой задачи при-

стоимостная ориентация мышления большинства экономистов.

В этих условиях за точку отсчета приходится принять разработанный по Указу Президента Б.Н. Ельцина в 1992 году «на период преодоления кризисного состояния экономики ... уровень (бюджет) прожиточного (физиологического) минимума»¹, скорректированный затем в 1997 и 2005 годах и действующий и в настоящее время. Дополнительно к этим данным можно привлечь также и нормы питания, принятые российским правительством для содержания заключенных² (См. Табл. 5).

Таблица 5

**Минимальная потребительная корзина (физиологический минимум),
принятая российским правительством в 1992-2005 гг.
(в месяц для взрослого мужчины)**

№	Продукты питания	Ед. изм.	Нормы, принятые правитель- ством РФ в 1992 г.³	Нормы, принятые правитель- ством РФ в 1997 г.	Нормы, при- нятые прави- тельством РФ для питания заключенных (2005 г.)⁴
----------	-----------------------------	---------------------	--	--	--

веден в: Литвинов В.А. Правда о вкусной и здоровой пище: показатели потребления в России за 100 лет // Человек. 2006. № 2.

¹ Указ Президента РФ «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации». от 2 марта 1992 года. № 210.

² Российская газета. Федеральный выпуск. № 3747 от 15 апреля 2005.

³ Российская газета. 1992. 24 марта.

⁴ «Особенность нового меню, — утверждает сотрудник Института питания РАМН (лаборатория изучения структуры и планирования питания населения) Арсений Мартинчик, — заключается в том, что оно абсолютно сбалансировано по белкам, жирам и углеводам. Было бы очень неплохо, если бы все вольные россияне вне зависимости от своего достатка питались именно так. В этом случае не было бы ни ожирения, ни дистрофии. Хотя, конечно, с точки зрения вкусового разнообразия тюремный рацион не очень приятен» (Осипова Ю. Заключенных перевели на усиленный режим питания // Коммерсант. 13.04.2005).

1	мука пшеничная	кг	—	1,6	0,15
2	рис	кг	—	0,31	—
3	хлеб ржаной	кг	7,7	5,7	15
4	хлеб пшеничный	кг	6,2	5,2	4,5
5	пшено	кг	1,5	0,82	3,6
6	вермишель	кг	0,61	0,43	0,6
7	сахар	кг	2,07	1,73	0,9
8	говядина	кг	3,5	0,7	—
9	мясо птицы	кг	—	1,46	2,4
10	рыба мороженная	кг	—	0,975	3,0
11	масло растительное	кг	0,83	0,533	0,6
12	маргарин	кг	—	0,325	0,9
13	масло животное	кг	0,3	0,208	—
14	колбаса варёная	кг	0,18	0,037	—
15	колбаса полукопченая	кг	0,09	0,0292	—
16	молоко	л	15,4	10,3	—
17	сметана	кг	0,35	0,966	—
18	творог жирный	кг	—	0,825	—
19	сыр твёрдый	кг	0,167	0,192	—
20	яйца	шт	15,4	12,6	8
21	картофель	кг	12,2	10,4	16,5

22	капуста свежая	кг	2,48	2,3	2,3
23	морковь	кг	—	3,1	3,0
24	лук репчатый	кг	0,85	2,4	2,2
25	яблоки	кг	0,92	1,62	—
26	сигареты	пач	8	—	—
27	чай	кг	—	—	0,03
28	томат паста	кг	—	—	0,9
29	сухофрукты	кг	—	—	0,3
30	соль	кг	—	—	0,6

Исходя из этих данных, мы можем установить, что, по очень грубым расчетам (если просто сложить все нормы продуктов одного вида), ФМП, по представлениям российских специалистов из Института питания РАМН (которые консультировали правительство), состоит из: 169-192 кг (для вольных) или 286 кг (для заключенных) **хлебных** продуктов; 27-45 кг (для вольных) или 29 кг (для заключенных) **мясных** продуктов; 12 кг (для вольных) или 36 кг (для заключенных) **рыбных** продуктов; 151-185 шт (для вольных) или 96 шт (для заключенных) **яиц**; 186-218 кг (для вольных) или 288 кг (для заключенных) **картофеле-овощных** продуктов; и 124-184 л. (для вольных) молока на душу населения в год.

Если, на основе приведенных выше данных, вычислить **средний** норматив ФМП (что будет, конечно, существенным огрублением), то мы получим следующий набор ФМП по выделенным нами позициям: **хлебные** продукты — 216 кг; **мясные** продукты — 34 кг; **рыбные** продукты — 24 кг; **яйца** — 144 шт; **картофеле-овощные** продукты — 231 кг; **молоко** — 154 л на душу населения в год.

После того, как в августе 2005 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации 17 февраля 1999 г. № 192», официальные минимальные нормативы потребления продуктов питания российскими гражданами были пересмотрены и выглядят теперь следующим образом¹ (См. Табл. 6).

Таблица 6

**Минимальный набор продуктов питания
для основных социально-демографических групп населения
в целом по Российской Федерации**

Наименование продукта	Нормы потребления (в среднем на одного человека в год, кг)		
	трудоспос. насел.	пенсионе- ры	дети
Хлебные продукты (хлеб и мак. изд. в пересчете на муку, мука, крупы, бобовые)	134	103,7	84,3
Картофель, овощи и бахчевые	204,6	80	107,4
Мясопродукты	37,2	31,5	33,7
Рыбопродукты	16	15	14
Молоко и молокопродукты в пере- счете на молоко	238,2	218,9	325,2
Яйца, шт.	200	180	193
Масло растительное, маргарин и дру- гие жиры	13,8	11	10
Фрукты свежие	23	22	51,9
Сахар и кондитерские изделия в пе- ресчете на сахар	22,2	21,2	25,2

¹ Источник: Литвинов В.А. Правда о вкусной и здоровой пище: показатели потребления в России за 100 лет // Человек. 2006. № 2.

Прочие продукты (соль, чай, специи)	4,9	4,2	3,6
-------------------------------------	-----	-----	-----

Поскольку вычисленная нами средняя норма ФМП отличается от нормативов, приведенных в Таблице 6, и, поскольку очевидна (из приведенных расчетов разных годов) большая доля **субъективизма** и манипулирования в цифрах, выводимых правительственными экономистами (и специалистами ИП РАМН), вычислим еще раз **среднюю** норму между полученной нами средней величиной и представленной экономистами правительству в Табл. 6.

В этом случае мы получим следующий средний норматив ФМП по выделенным нами позициям: **хлебные** продукты — 175 кг; **мясные** продукты — 36 кг; **рыбные** продукты — 20 кг; **яйца** — 172 шт; **картофеле-овощные** продукты — 218 кг; **молоко** — 196 л на душу населения в год.

Мы можем сравнить полученные данные и с историческими нормами. Известно, например, что в России XVI века минимальной нормой выживания у крестьян считались осенние запасы в 15 пудов¹ (240 кг) хлеба на человека в год, что даже выше, чем полученная нами минимальная норма для современного россиянина (который, в то же время, и трудится менее интенсивно в физическом смысле).

Попробуем теперь свести основную часть минимального набора продуктов ФМП к зерну.

Известно, что сегодня более трети мирового урожая зерна используется для откорма скота, птицы и рыбы (а в США даже 75% урожая зерновых), дающих мясо, молоко и яйца. При этом на производство 1 кг говядины требуется примерно 7 кг зерна, свинины — около 4, птицы и рыбы — около 2 кг)².

В среднем можно принять, что для производства одного килограмма мя-

¹ См. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. С. 178.

² Можно ли накормить весь мир? // Население и общество. 2002. № 77-78.

са-яйце-молоко-продуктов¹ сегодня затрачивается около 3 кг. зерна². В таком случае мы можем свести наш расчетный годовой ФМП всего к трем позициям: 1) хлебопродукты — 390 кг; 2) картофель и овощи — 218 кг; рыбопродукты — 20 кг на душу населения в год.

Если учесть, что при искусственном выращивании рыбы (в прудах), на которое все больше переходят в современных условиях во всем мире³ (так как вылов ее в мировом океане уже приблизился к биологическому пределу), на производство одного килограмма ее затрачивается 2 кг зерна, то мы можем свести свой расчет всего к двум позициям: 1) хлебопродукты — 430 кг; 2) картофель и овощи — 218 кг на душу населения в год.

Именно столько (приблизительно) должна производить в год земля, чтобы обеспечить существование одному человеку в год **по физиологическому минимуму**.

Вместе с тем, мы должны учитывать, — **что такое** ФМП по своему воздействию на организм человека. «Физиологический минимум, — говорится в уже цитированном выше источнике, — поддерживает воспроизводство человека на грани выживания ... Потребительская корзина физиологического минимума по своему энергетическому балансу не предусматривает затрат энергии человеком на соответствующие виды работ ... Доход ниже уровня физиологического минимума ведет к деградации человека, его физическому истощению»⁴.

Поэтому, если мы предполагаем, что люди, получающие ФМП, не просто живут, но еще и **трудятся**, хотя бы над воспроизводством своего ФМП, то мы

¹ При пересчете молока в «мясной» вес по норме 13% от жидкого состояния (или из расчета: 400 г. зерна на производство 1 л молока); и при среднем весе яйца в 55 г.

² Такое огрубление допускается в мировой эконометрии. См.: Brown L., Gardner G., Halweil V. *Beyond Malthus*. New York & London, 1999, p. 104.

³ По оценкам, в конце XX века каждая четвертая съедаемая в мире рыба была выращена искусственно (Можно ли накормить весь мир? // Население и общество. 2002. № 77-78).

⁴ Популярная экономическая энциклопедия / Гл. ред. А.Д. Некипелов. М., 2001.

должны увеличить его (прежде всего в его хлебно-зерновой составляющей), как минимум, на 50%. Этот показатель выводится, во-первых, из той нормы, по которой питание солдата, например, принимается у нас в два раза более интенсивное, чем питание заключенных¹, а, во-вторых, из того факта, что в составе населения примерно половина его (дети и старики) не работают.

Следовательно, норма зерна в составе ФМП должна быть увеличена с 430 до 645 кг на душу населения в год.

Если мы обратимся теперь к средней реальной производительности российской земли в 1992-2006 годы, которая составила 79 млн. т. в год² (из которых не менее 15 млн. т. в год расходуется на семена), то увидим, что этого зерна достаточно для прокормления на уровне физиологического минимума потребления (ФМП) **лишь 99 млн. человек в год**, в то время как в России в настоящее время проживает около 143 млн. чел. Наша земля сейчас производит ок. 550 кг зерна на душу населения в год (с учетом семенного), в то время как стране необходимо, как минимум, 645 кг (чистого, для потребления).

Этот недостаток производительности наших земель несколько компенсируется более высоким (по отношению к ФМП) производством картофеле-овощной продукции (350 кг на душу населения в год³, что на 60% превышает ФМП, и то — если брать без учета расхода картофеля на семена и не учитывать факта повышенной порчи этих продуктов).

Таким образом, реальная производительность земли в России в настоящее время даже по физиологическому минимуму не обеспечивает существования около 40-44 млн. населения нашей страны. В этом отношении Россию на данный момент следует признать **аграрно перенаселенной** страной (или **земленедостаточной**, что зависит только от точки отсчета).

¹ См. Осипова Ю. Заключенных перевели на усиленный режим питания // Коммерсант. 13.04.2005

² Данные Росстата: http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/15-17.htm.

³ Данные Росстата: http://www.gks.ru/free_doc/2007/b07_11/15-17.htm.

В Таблице 7 мы приводим сравнительные данные по некоторым странам в отношении обеспечения ими себя продовольствием по ФМП.

Таблица 7

Производство зерна всех видов в мире на душу населения в год

Страна	Производство зерна всех видов. кг на душу населения в год	Отношение к расчетному ФМП
Российская империя (1913 г.)	460 ¹	0,71
СССР (бывший, 1990 г.)	786 ²	1,22
РФ (1992-2006 гг.)	550	0,85
Китай (2007 г.)	377 ³	0,59
Казахстан (2007 г.)	1450 ⁴	2,25
США (2002 г.)	1200 ⁵	1,86

В этих условиях отсутствие массового голода в России (и в СССР, начиная с 1970-х годов, когда начались ежегодные крупные закупки зерна в США и Канаде) объясняется только **систематическим импортом** продовольствия из-за границы (сегодня, зачастую, — низкокачественного и даже опасного для здоровья потребителей). Уже к концу 1990-х, как отмечалось в Аналитической записке Счетной палаты РФ (1999 г.), «Удельный вес импорта продовольствия

¹ Аналитическая записка Счетной палаты РФ // Официальный сайт Счетной палаты РФ: <http://www.ach.gov.ru/activity/npravlenia/openishev>

² Там же.

³ http://www.rakhattv.kz/index.php?option=com_content&task=view&Itemid=27&id=1231&ccdate=29-11-2007).

⁴ <http://www.ukrbiznes.com/news/agro/31599.html>).

⁵ Страны и регионы мира: экономико-политический справочник / под ред. А.С. Булатова. М., М., 2006. С. 209.

в потреблении увеличился в 1997 году по сравнению с 1991 годом по мясу и мясопродуктам с менее 15 до 35%, по сахару белому (включая сырец) — с 59 до 72%, по маслу растительному — с 38 до 50%, по рыбе и рыбопродуктам — с 10 до 37 процентов. Страна практически утратила продовольственную независимость. На долю импорта в 1997 году приходилась почти половина всего продовольственного фонда страны. Для снабжения крупных городов половина (в Москве — 70%, Санкт-Петербурге — 60%) продовольствия завозится из-за рубежа. В мировой практике именно 30-35% импорта в реализации продовольственных товаров свидетельствуют о критической черте потери продовольственной безопасности. При этом поставляемое импортное продовольствие зачастую не отвечает требованиям по качеству и вредно для здоровья потребителей, поскольку произведено с излишним применением средств химизации и гормональных препаратов¹.

Другой известной причиной, препятствующей серьезным проблемам с выживанием населения нынешней России, является массовое участие россиян в выращивании продуктов питания на своих крохотных подсобных земельных участках. «В обработке большинства приусадебных наделов, — пишут Т. Нефедова и Д. Пэллот, — участвуют горожане — не только пенсионеры, проводящие в деревне все лето, но и рабочие и служащие, в свободное время, особенно же в отпусках. Типичный россиянин в будни отбывает барщину, а в выходные дни работает на себя. От своего огорода и скотины зависят 92% сельских жителей и 44% горожан. Все это позволяет многим нашим географам считать современную Россию аграрной страной, а ее урбанизацию — в значительной мере мнимой»².

¹ Аналитическая записка Счетной палаты РФ // Официальный сайт Счетной палаты РФ: <http://www.ach.gov.ru/activity/npravlenia/openishev>.

² Географическое открытие сельской России продолжается (Татьяна Нефедова, Джудит Пэллот: неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова?) // Отечественные записки. 2007. № 3.

Этот вывод подтверждается и современной официальной статистикой. Ведущую роль в российском сельскохозяйственном производстве сейчас стали играть **личные подсобные хозяйства** населения (приусадебные участки сельских жителей, огороды горожан), которые производят 58% сельскохозяйственной продукции России (25-30% в 1970-1980-е гг.), используя преимущественно ручной труд¹.

Таким образом, реформы, предпринятые Б.Н. Ельциным и Е.Т. Гайдаром в 1990-х годах, не только не решили основной проблемы, приведшей к развалу страны в конце 1980-х, но и **усугубили** ее. Нить, на которой висит над Россией дамоклов меч ее продовольственной проблемы, стала еще тоньше, а возможностей для спасения от этой угрозы стало еще меньше.

в) Государственное регулирование развития российского сельского хозяйства в условиях рыночной экономики

В конце 1990-х была опубликована вызвавшая большой резонанс книга А.П. Паршева «Почему Россия не Америка»², в которой автор, основываясь на объективных природно-климатических данных, характерных для России, всесторонне обосновывает тезис о том, что **практически никакое производство** в нашей стране (в том числе и промышленное) не может быть конкурентоспособным на мировом рынке из-за максимальных издержек, требуемых нашими **природно-климатическими** условиями. Исходя из этих посылок, А.П. Паршев приходит к выводу, что для России необходима **автаркия**³, которую и практиковал, как известно, в значительной степени бывший СССР (а еще ранее и царская Россия).

¹ Страны и регионы мира: экономико-политический справочник. М., 2006. С. 28.

² См. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2001. С. 49.

³ Некоторые авторы уже разрабатывают на этой основе и соответствующие политические программы. См., напр.: Юрьев М.З. Крепость Россия // Новая газета. 2004. 15-17 марта.

Критики этой оригинальной концепции¹ пытаются, в основном, опровергнуть тезис о низкой конкурентоспособности любых наших промышленных предприятий на мировом рынке (и, по отношению к добывающим отраслям, например, особенно в условиях нынешнего повышенного мирового спроса на топливно-энергетические ресурсы, это сделать достаточно легко). Однако, полученные нами выше выводы говорят о том, что автаркия не только не полезна, но и просто **губительна** для нашей страны. В условиях, когда реальная продовольственная производительность российской земли не способна обеспечить пропитание почти трети нашего населения даже и по физиологическому минимуму (не говоря уже о рациональной норме питания), Россия просто **вынуждена** систематически закупать недостающую часть продовольствия на мировом рынке, для чего ей **необходимо**, в свою очередь, поставлять на этот рынок непродовольственные товары (или услуги).

Альтернативой этого выбора в современных условиях может быть только дальнейшее сокращение нашего населения, повышение его смертности (от недоедания и нерационального питания), сокращения рождаемости (под влиянием неблагоприятной обстановки в стране) и рост **эмиграции**.

Вторым очевидным практическим (и экономико-политическим) выводом из представленных нами теоретических оснований и расчетов является вывод о срочной необходимости стратегической **государственной программы** повышения реальной продовольственной производительности российских земель, так как даже доступный при современных технологиях ее уровень у нас еще далеко не достигнут. При этом полагаться на одни только рыночные механизмы нельзя, ибо, *во-первых*, с точки зрения рынка основные массивы наших земель, и действительно, неконкурентоспособны; но, *во-вторых*, сельское хозяйство не способно выжить в современных рыночных условиях и нигде в мире,

¹ См., напр. Смирнов И.Ю. А чем Россия не Нигерия? М., 2006; Никольский А. Отзыв на книгу А.П. Паршева «Почему Россия не Америка» // <http://scd.plus.centro.ru/parshev.htm>;

— даже в США и других высокоразвитых и наиболее благоприятных для сельского хозяйства странах. Полагаться на «невидимую руку» рынка в этом вопросе — значит утратить продовольственную безопасность страны (а вместе с ней и саму страну) окончательно и безвозвратно.

Вместе с тем, сочетание наиболее благоприятных условий для развития сельского хозяйства с наиболее интенсивным демографическим ростом, характерное именно для Юга России (и Северного Кавказа, в частности), в наибольшей степени пораженного экстремизмом и терроризмом, делает такую программу необходимой также и с этой точки зрения. Занять трудоизбыточное в нынешних условиях население этого региона государственно полезной и почетной деятельностью по обеспечению продовольственной безопасности России — значит устранить одну из важнейших предпосылок к обращению этого населения к антигосударственной и антиправовой экстремистской деятельности.

6.7. Проблемы борьбы с коррупцией в системе противодействия экстремизму и терроризму

Коррупция органов государственной власти Российской Федерации является одной из важнейших причин утраты доверия и авторитета нынешней политической элитой среди населения, а значит — и косвенной причиной формирования и активизации экстремистской деятельности среди оппозиционно настроенных политических и религиозно-политических сил России. Угрожая национальной безопасности нашей страны непосредственно, коррупция в то же время способствует и усилению экстремистской деятельности этих сил тем, что дает им в руки сильнейшее моральное оправдание самых радикальных мер и способов борьбы с коррумпированными представителями власти.

Радикальные реформы, проводившиеся в России с начала 1900-х годов, наряду с позитивными социальными результатами, принесли и множество негативных, влияние которых будут ощущаться российским обществом еще длительное время. К числу таких негативных результатов, несомненно, относится и серьезная деформация всех механизмов сдерживания и противодействия коррупции. Как неоднократно отмечалось специалистами, в 1990-х годах в России происходил стремительный рост коррупционной преступности, что связано, с одной стороны, с разрушением механизмов противодействия коррупционному поведению (законодательных, правоохранительных, нравственно-политических), а, с другой стороны, — с резким усилением побудительных стимулов (низкое материальное обеспечение государственных служащих, возросшие возможности получения ими огромных материальных ценностей, реабилитация корыстной мотивации как основы поведения личности, включая и государственных служащих).

Особенно опасным, как отмечалось ранее, является поражение коррупцией самих **правоохранительных** органов. «К сожалению, — отмечает в этой связи глава МВД Р. Нургалиев, — правоохранительные органы, призванные защищать общество от коррупции, сами оказались подверженными этой заразе. Уже стали обыденными такие явления, как повсеместное — причем не безвозмездное — обеспечение безопасности коммерческих структур сотрудниками милиции, а проще говоря, «крышевание». Милиционеры активно участвуют в спорах хозяйствующих субъектов, осуществляют силовую поддержку рейдеров. Порой за соответствующее вознаграждение принимается «нужное» уголовно-процессуальное решение, проводятся или прекращаются проверки в интересах коммерческих структур или отдельных лиц. Все это есть. Но глубина поражения, на мой взгляд, не больше и не меньше, чем у всего общества — общества переходного периода, в котором мы живем и работаем»¹.

¹ Чистка мундиров. Рашид Нургалиев: Неприкасаемых чиновников-коррупционеров больше

Однако не меньшее значение имеет и деформация **морально-нравственных** сдерживающих факторов, затронувшее все российское общество. О глубине этой деформации свидетельствуют многочисленные социологические исследования, проводившиеся в середине-конце 1990-х годов. Согласно одному из них, только 20% опрошенных отводили функцию регулирования общественных отношений праву, а почти в 1,5 раза больше респондентов (28%) отводили эту роль криминальному закону. Более 18% респондентов считали вполне возможным участвовать в криминальных группировках. Только 13,2% опрошенных считали, что правоохранительные органы могут реально изменить криминогенную ситуацию в стране, в то время как 25,6% сомневались в этом¹. Согласно другому исследованию, касающемуся девиантного поведения молодежи, 38% респондентов, в принципе допускали совершение ими преступления, причем большинство ответивших утвердительно на этот вопрос — молодежь с общим средним и профессионально-техническим образованием и молодежь из обеспеченных семей. В этом же исследовании было отмечено нигилистическое отношение молодежи этих групп к закону и, как следствие, к правоохранительным органам. Только 20% опрошенных отметили, что готовы помочь правоохранительным органам в их работе².

Специальные исследования проводились и по выяснению тенденций изменения правосознания населения в целом. «Что касается правосознания населения, — пишет В.Н. Кудрявцев, — то его изучению было посвящено исследование Института социологии РАН (1998). Было выявлено несколько разновидностей отношения населения к действующим законам.

Первая позиция — «Никогда не нарушать закон самому и препятствовать в этом другим» (41% опрошенных). Любопытно, — замечает по этому поводу

не будет // Российская газета. № 4771. 14 октября 2008

¹ Карпухин О.Н. Молодежь России: Особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 124-128.

² Попов Г. Молодежь в сфере криминогенного влияния // Социологические исследования.

В.Н. Кудрявцев, — что эта доля сохраняется уже на протяжении 60-70 лет. Причины такого феномена неясны; возможно, действительно есть устойчивая группа законопослушных граждан, но не исключено, что определенная часть населения склонна давать стереотипный ответ.

В соответствии с другой позицией, «закон надо соблюдать из-за угрозы наказания» (5,9%). Следует заметить, — говорит В.Н. Кудрявцев, — что данный показатель (а опросы проводились часто) у нас никогда не падал ниже 20%, причем в городе опасались наказания в среднем около 19%, на селе — около 25%. Неверие в силу правоохранительной системы явно усилилось.

Кроме того, — отмечает В.Н. Кудрявцев, — появился новый тип ответов, раньше не встречавшийся: «Надо действовать в зависимости от ситуации» (35%). Это значит: хочу — нарушаю закон, хочу — нет, если выгодно — соблюдаю, не выгодно — не соблюдаю. Не желали ответить на поставленные вопросы 5%»¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что 1990-е годы оставили нам крайне негативное «наследство» как в отношении преступности вообще, так и в отношении коррупционной преступности. Морально-политические механизмы сдерживания коррупции сильно ослабли, деятельность правоохранительных органов серьезно снизила свою эффективность (неотвратимость наказания), санкции закона за коррупционные правонарушения, как минимум, не возросли (в частности, из УК РФ в 1990-х гг. была изъята санкция о конфискации нажитого неправомерным путем имущества, а другие санкции ослаблены), а сила побуждений к сверхдоходам многократно усилилась, так как они стали теперь достижимыми.

В настоящее время, согласно обнародованным главой МВД РФ Р. Нургалиевым данным, в некоторых регионах России в коррупционные отношения

1998. № 5. С. 72-79.

¹ Кудрявцев В.Н. Нравы общества переходного периода // Вестник российской академии

вовлечены почти две трети предпринимателей, «а организованные преступные группы тратят на подкупы более половины всех своих преступных доходов». По данным парламентской комиссии, ущерб экономике (от коррупции) достигает 40 млрд. рублей в год, а по заключениям некоторых экспертов, — до 20 млрд. долларов в год¹. При этом, по утверждению главы администрации Президента РФ, С. Нарышкина, раскрытие коррупционных преступлений очень невысоко: до суда доходят в основном несложные дела, а случаи привлечения к ответственности высокопоставленных коррупционеров, в том числе из правоохранительных органов, и вовсе редки².

Обобщая сложившуюся ситуацию, президент РФ Д.А. Медведев сказал следующее: «Коррупция в нашей стране просто приобрела масштабный характер. Она стала привычным обыденным явлением, которое характеризует саму жизнь нашего общества ... речь идет не просто о банальных взятках, речь — о тяжелой болезни, которая съедает нашу экономику и разлагает все общество»³. Поэтому руководством страны было принято решение о систематизации и совершенствовании всех механизмов и мер по противодействию коррупции. Созданный для этой цели Совет по борьбе с коррупцией возглавил сам президент РФ. В начале октября 2008 года Администрацией Президента РФ закончена разработка пакета документов, определяющих Национальный план противодействия коррупции⁴. Системность этого плана видна уже из его представления Д.А. Медведевым, который указал на три основных направления этого плана. «Первый, — отметил он, — это сугубо юридическая часть, модернизация

наук. том 72, № 3 (2002). С. 226.

¹ Российские правоохранители: Уровень коррупции в России зашкаливает, раскрываемость — низкая, до суда доходит лишь мелочь. 24 сентября 2008 // <http://www.newsru.com/russia/24sep2008/korruptz.html>.

² Там же.

³ Медведев Д.А. Вступительное слово на совещании по проблемам противодействия коррупции. Москва, Кремль. 19 мая 2008 // Официальный сайт Президента РФ // http://www.kremlin.ru/appears/2008/05/19/1331_type63374type63378type82634_200940.shtml.

⁴ См. Национальный план противодействия коррупции // Официальный сайт Президента РФ

нашего законодательства в этой сфере. Вторая часть более многоплановая — это меры по противодействию коррупции и профилактике коррупции в экономической, социальной сферах, создание системы стимулов к антикоррупционному поведению. И третья часть — это правовое просвещение, оценка со стороны общества тех явлений, которые в этой сфере присутствуют»¹.

Однако вопрос о национальной системе противодействия коррупции требует, на наш взгляд, дальнейшего углубления и уточнения ее основных элементов.

Современная наука обоснованно исходит из представления о комплексном (системном) характере причинности коррупционной преступности, подразделяя, как правило, составляющие этой причинности на факторы экономического, политического, психологического, правового и организационного характера². При этом к числу **экономических причин и условий коррупционной преступности** (применительно к условиям в современной России) относят обычно: а) экономическую нестабильность, проявляющуюся прежде всего в бессистемных изменениях инфляции и, следовательно, в сверхвысоких темпах обесценивания денежного содержания государственных и муниципальных служащих, что провоцирует поиск последними любых источников доходов; б) появление достаточно представительного слоя людей, имеющих сверхвысокие доходы и, следовательно, свободные деньги, которые могут широко использоваться для подкупа; в) отсутствие эффективной рыночной конкуренции, позволяющее получать необоснованные сверхдоходы; г) неадекватную оплату труда государственных и муниципальных служащих, провоцирующую создание незаконных источников дохода.

// <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204857.shtml>.

¹ Медведев Д.А. Вступительное слово на совещании по проблемам противодействия коррупции. Москва, Кремль. 19 мая 2008 // Официальный сайт Президента РФ // http://www.kremlin.ru/appears/2008/05/19/1331_type63374type63378type82634_200940.shtml

² См., напр.: Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2004. С. 390-392; Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 723-727.

К числу **политических причин и условий коррупционной преступности** относят: а) отчуждение большей части населения от власти, в частности от управления имуществом, от правотворчества и правоприменения, которое постоянно воспроизводит основания зависимости гражданина от чиновника; б) отсутствие эффективного парламентского контроля за состоянием коррумпированности высших должностных лиц государства; в) расширяющееся проникновение в государственные органы власти представителей организованных преступных групп, в том числе преступных сообществ; г) необоснованно высокую численность государственных и муниципальных служащих, объективно ухудшающую условия оплаты труда таких служащих и качество контроля за их работой; д) ничем не компенсированное разрушение старой системы негосударственного контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц.

К числу **правовых причин и условий коррупционной преступности** относят: а) отсутствие законодательного определения конкретных коррупционных преступлений; б) игнорирование административно-правовых запретов на различные виды коррумпированного поведения; в) существование многочисленных пробелов в законодательстве, регламентирующем налогообложение лиц, занимающих государственные должности, государственных и муниципальных служащих; г) объективное бессилие законов в условиях кризиса правоприменения.

К числу **психологических причин и условий коррупционной преступности** относят: а) многовековые традиции мздоимства и лихоимства на государственной службе в России; б) традиционно низкий уровень солидарности населения с нормами об ответственности за подкуп; в) относительно низкий уровень правовых знаний взрослого населения, ставящий его в условие повышенной зависимости от лиц, занимающих государственные должности, государственных и муниципальных служащих; г) психологическая готовность зна-

чительной части населения к подкупу государственных служащих для реализации как законных, так и незаконных интересов; д) укоренившийся в сознании (общественном и индивидуальном) крайне незначительный риск быть привлеченным к ответственности за совершение коррумпированного деяния; е) феномен обоюдной вины подкупаемого и подкупающего.

Наконец, к причинам и условиям **коррупционной преступности, имеющим организационный характер**, относят: а) незначительную практику применения правовых норм, предназначенных для борьбы с коррупцией; б) отсутствие достаточно полной и объективной административной и уголовной статистики коррупционных правонарушений; в) отсутствие федерального и регионального регистров (учреждений, осуществляющих регистрацию и учет) лиц, которым запрещено занимать государственные должности и должности по государственной и муниципальной службе; г) низкий уровень учебно-методической обеспеченности подготовки специалистов в сфере борьбы с коррупционной преступностью; д) малоэффективный механизм взаимодействия правоохранительных органов по вопросам борьбы с коррупционной преступностью (прежде всего на местном и региональном уровнях)¹.

Положительно оценивая полноту и разносторонность представленного списка причин коррупционной преступности, мы в то же время считаем его достаточно эклектичным, плохо согласованным с самим механизмом действия причинного комплекса коррупции, и потому включающим в себя как существенные, так и малосущественные факторы (например, «феномен обоюдной вины подкупаемого и подкупающего»), как непосредственно действующие на личность и поведение коррупционера, так и имеющие к этому весьма отдаленное отношение (например, «экономическая нестабильность»)². Поэтому мы

¹ Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2004. С. 390-392.

² Еще менее удовлетворительным представлением причинного комплекса коррупционной преступности нам представляется то, которое дано в учебнике криминологии под редакцией А.И. Долговой (См. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 723-

считаем необходимым предложить иной и более адекватный, с нашей точки зрения, способ структурирования основных факторов, составляющих причинный комплекс коррупционной преступности.

В соответствии с развиваемой нами концепцией полного причинного комплекса преступности, общую причину коррупции мы можем и должны определить как устойчивое, либо временное негативное **нарушение равновесия** между всеми факторами сдерживания и побуждения, действующими в среде государственных служащих (высших и низших государственных должностных лиц).

При этом факторами, **противодействующими** коррупции, являются, согласно нашей концепции, с **объективной** стороны:

1) устойчивая и постоянная **величина угрозы наказания** (санкции закона) и **эффективность** работы правоохранительных органов в целом и органов, **специализированных** на противодействии именно коррупции.

2) физический (технический) контроль за: а) движением государственной собственности, вверенной в управление государственным служащим (предупреждение противогосударственных коррупционных преступлений); и б) за принятием решений государственных служащих, касающихся собственности частных физических и юридических лиц.

С **субъективной** стороны факторами, **противодействующими** коррупции являются:

1) устойчивые позитивные морально-правовые **особенности личности** государственных служащих, их моральная убежденность в недопустимости и «недостойности» для них противоправного поведения; и

2) благоприятное течение конкретной **жизненной ситуации**, в которой находится государственный служащий (достаточная материальная обеспеченность, создающая ситуацию, в которой «ему есть что терять»).

Чем сильнее указанные субъективные и объективные факторы, **противодействующие** совершению коррупционных преступлений, тем менее вероятно оно для данного государственного служащего и для всей системы государственной службы в целом; и, наоборот, чем слабее указанные факторы, тем вероятнее систематическое или спорадическое коррупционное поведение государственных служащих.

Факторами же **побуждающими** к совершению коррупционных преступлений являются с **субъективной** стороны:

1) стойкие негативные потребностно-волевые **особенности личности** государственных служащих (корыстолюбие, властолюбие, сластолюбие, честолюбие, азартность, амбициозность, «рисковость», алкоголизм, наркомания, увлечение азартными играми и т.д.); и

2) неблагоприятное течение конкретной **жизненной ситуации**, в которой находится государственный служащий (материальные личные и семейные проблемы, для решения которых ему не хватает законных средств — жалования и других средств материального обеспечения).

С **объективной** же стороны, факторами, **побуждающими**) к коррупционному поведению (**провоцирующими** его), являются:

1) устойчивая **величина выгоды**, которую государственный служащий может извлечь из такого поведения в конкретной среде или сфере деятельности, в случае его успешности (занимаемая им должность и положение в системе государственной службы, рассматриваемые с точки зрения «степени соблазна», которому подвергается любой человек на этой должности и в этом положении); и

2) ситуативное и временное положение государственного служащего, усиливающее степень возможной выгоды, которую можно извлечь из сложившейся ситуации или ослабляющее для него степень угрозы, которой он может подвергнуться в случае совершения конкретного коррупционного деяния (это

положение приобретает особую значимость в условиях реформационной или реорганизационной деформации самих общественных и государственных структур).

Чем сильнее указанные субъективные и объективные факторы, **побуждающие** к совершению коррупционных преступлений, тем более вероятно оно для данного государственного служащего и для всей системы государственной службы в целом; и, наоборот, чем слабее указанные факторы, тем оно менее вероятно.

Представленный общий обзор основных факторов полного причинного комплекса коррупционной преступности позволяет прийти к выводу об исключительной силе **объективных побуждающих факторов** в этом комплексе, что определяется, с одной стороны, тем, что государственному служащему доверены в управление огромные материальные ценности, многократно превышающие по размеру все, что может получить в управление любое частное физическое и даже юридическое лицо (государство перераспределяет около половины ВВП общества); а, с другой стороны, — тем, что государственному служащему доверено контролировать и движение материальных и нематериальных ценностей во всей остальной, **частной** сфере общественной жизни. Сопrotивляясь этому контролю, частная сфера стремится воздействовать на контролирующие органы подкупом, взятками и другими материальными и нематериальными стимулами (в том числе и негативными — угрозами, шантажом и т.д.), что выступает для конкретного государственного служащего еще одним сильнейшим побудительным мотивом к противоправному деянию.

При этом, можно установить в качестве общего правила, что **чем дальше** от непосредственного контроля за движением материальных средств находится государственный служащий, **тем менее** он подвержен побуждениям к совершению коррупционных деяний. Статистика коррупционной преступности в распределении ее по различными ветвям и подразделениями органов государ-

ственной власти подтверждает этот вывод. По данным на 1997 г., например, она выглядит примерно следующим образом: работники министерств, комитетов и их структур на территории субъектов Российской Федерации — 41,1%; сотрудники правоохранительных органов — 26,5; работники контролирующих органов — 8,9; работники таможенной службы — 3,2; депутаты — 0,8; иные категории — 19,6%¹. Таким образом, в наименьшей степени, если судить по этим данным, коррупции подвержены представители **законодательной** власти, наиболее отдаленные от непосредственного управления движением материальных средств (государственных и частных). Однако и они все же подвергаются давлению сильной личной материальной выгоды при выборе голосования за или против тех или иных законопроектов, что подтверждается той же статистикой. В негосударственном секторе регистрируемая коррупция в наибольшей степени распространена среди директоров государственных и муниципальных предприятий (31%), руководителей и преподавателей негосударственных высших учебных заведений, выполняющих государственный заказ на подготовку специалистов (17%), руководителей банков, обслуживающих бюджетные средства (11%)², что также подтверждает сделанный нами вывод.

В целом же все это можно обобщить в кратком выводе об исключительной криминогенности (коррупциогенности) самой по себе сферы государственной службы как исключительной сферы деятельности в обществе.

Поскольку причинность коррупционной преступности носит комплексный (системный характер), то и совокупность мер по предупреждению и борьбе с этим явлением должна носить также системный характер. В этом отношении авторы Криминологии (2004) под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.А. Эминова и, в том числе, С.В. Максимов³ оказываются непоследовательны, когда

¹ Волженкин Б.В. Коррупция. СПб., 1998. С. 14.

² Там же.

³ Максимов С.В., Ванцев В.А. Коррупционная преступность // Криминология / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2004. С. 393-394.

выделяют всего только два направления противодействия коррупции — **правовое** и **организационное**, игнорируя при этом две остальные группы факторов причинного комплекса коррупции (политические и психологические факторы), представленные в их же собственной модели.

К числу **правовых мер**, подлежащих включению в систему мер борьбы с коррупционной преступностью, авторы рассматриваемой концепции включают: а) законодательное закрепление перечня коррупционных преступлений, создающее необходимые правовые предпосылки для налаживания системы официального мониторинга данной группы преступлений; б) законодательное определение субъекта коррупционного преступления как лица, уполномоченного на осуществление публичных функций, которое бы охватывало не только должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления, а также их учреждений, но и лиц, выполняющих управленческие функции на государственных унитарных предприятиях, в иных коммерческих организациях, управляемых при участии государства или выполняющих государственные и муниципальные заказы; в) законодательное определение системы государственных и негосударственных субъектов борьбы с коррупционной преступностью, основной или одной из основных функций которых будет борьба с данным феноменом; г) законодательное закрепление обязательств государства по возмещению вреда, причиненного потерпевшей стороне коррупционными преступлениями лиц, занимающих государственные должности, а также коррупционными преступлениями государственных и муниципальных служащих; д) разработка и принятие административного кодекса РФ, устанавливающего правила служебного поведения для всех категорий публичных служащих, в том числе правила общения с лицами, представляющими интересы коммерческих организаций, правила разрешения конфликта интересов и иные правила, которые регламентируются сегодня ведомственными нормативными актами; е)

разработка и принятие кодекса РФ о дисциплинарных проступках с включением в него норм о дисциплинарной ответственности за коррупционные проступки.

К числу **организационных мер** борьбы с коррупционной преступностью на различных уровнях авторы рассматриваемой концепции указывают: а) совершенствование практики планирования борьбы с коррупцией на всех уровнях государственного и муниципального управления; б) создание системы постоянного мониторинга коррупционной преступности; в) введение практики обязательных отчетов органов государственной власти и местного самоуправления о состоянии коррупции и мер борьбы с ней; г) обязательное введение практики антикоррупционной экспертизы правовых актов (в частности, наделение Счетной палаты РФ функциями проведения антикоррупционной экспертизы бюджетных решений); д) введение в действие системы приоритетного декларирования доходов, расходов и имущественного положения юридических и физических лиц, участвовавших в приватизации государственной собственности, и членов их семей; е) последовательное снижение численности государственных и муниципальных служащих до оптимального уровня; ж) издание открытых информационных бюллетеней о состоянии доходов и имущества государственных служащих, занимающих должности, предусмотренные Конституцией РФ или конституциями субъектов РФ; з) обязательное ежегодное опубликование детальных бюджетов и списков должностных лиц аппаратов органов государственной власти и местного самоуправления в соответствующих официальных изданиях.

Генеральной же линией в общем комплексе мероприятий по борьбе с коррупцией, — по мнению, В.А. Ванцева, — должно стать неукоснительное обеспечение решительной и беспощадной борьбы со взяточничеством — главной составляющей коррупционной преступности¹¹.

¹ Ванцев В.А. Коррупционная преступность. М., 2002.

С нашей точки зрения, выделение «генеральной линии» в стратегии борьбы с коррупционной преступностью вообще и «борьбы со взяточничеством» в качестве таковой, в частности, **нецелесообразно**, так как причинность этого рода преступности носит комплексный и системный характер, в котором все факторы, а не только взяточничество, играют существенную роль. Поэтому, если уж и говорить о «генеральной линии», то в качестве таковой целесообразнее всего избрать именно **системность** этой борьбы, направленной одновременно на все существенные факторы причинного комплекса коррупционной преступности, а не на какой-либо один.

В целом же, оценивая приведенный список мер комплексной борьбы с коррупцией, мы должны отметить, с одной стороны, его адекватность, конкретность и точность, но, с другой стороны, — его существенную неполноту, бессистемность и сугубо **тактический** характер. Последнее обстоятельство, конечно, очень удачно, с точки зрения принятия неотложных и конкретных мер по укреплению системы противодействия коррупции, но оно же лишает нас возможности видеть общую, **стратегическую** картину и план действий по борьбе с этим негативным социально-политическим феноменом.

А.И. Долгова в числе специальных мер по предупреждению коррупции выделяет в качестве особо важных следующие: а) установление такого содержания служащим, которое способно обеспечить им и их семьям достойный уровень жизни; б) повышенный контроль за доходами и расходами государственных и ряда иных категорий служащих; аспектами поведения, взаимосвязанного с коррупцией (выдача информации, не подлежащей официальному распространению, и т. п.), кадровой политикой, использованием в том числе ротации кадров; в) режим обеспечения безопасности лиц, участвующих в борьбе с коррупцией, организованной преступностью, а также членов их семей и других близких людей; г) устранение фактов расхождения закрепленных законом задач, полномочий разных субъектов и правовых средств их обеспечения

(например, когда негосударственным службам безопасности государственные правоохранительные органы не обязаны предоставлять необходимую информацию); д) введение режима исключительно служебного использования дорогостоящих государственных квартир, особняков, льгот, предоставляемых в связи с занятием государственной должности, при гарантированности частного жилья на общих, предусмотренных законом условиях; е) производство всех выплат из бюджетной системы Российской Федерации только на основе закона¹.

При всей справедливости и важности предлагаемого А.И. Долговой комплекса мер, мы в то же время должны отметить их еще менее системный и более «тактический» характер, чем в рассмотренной выше концепции авторов учебника под редакцией В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова и, в частности, подхода С.В. Максимова и В.А. Ванцева.

Развиваемая нами концепция полного причинного комплекса преступности позволяет, на наш взгляд, предложить и более общую, и более системную структуризацию системы мер противодействия коррупционной преступности, носящую именно стратегический, обобщающий характер, в которой рассмотренные выше меры частного и тактического характера могут найти свое особое место. Вместе с тем, такая общая структуризация позволяет увидеть и пробелы, неизбежно возникающие при более частном и «тактическом» подходе к пониманию задач борьбы с этим негативным социальным явлением. К числу важнейших таких пробелов мы относим, в частности, целое **направление** в борьбе с коррупцией, основанное на понимании роли особенностей личности государственного служащего и выражающееся в мерах, осуществляемых **кадровыми службами** органов государственной власти..

Поскольку общую причину коррупции мы понимаем и определяем как устойчивое, либо временное негативное **нарушение равновесия** между всеми

¹ Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 730-731.

факторами сдерживания и побуждения, действующими в среде государственных служащих (высших и низших государственных должностных лиц), то и общая стратегия противодействия коррупционной преступности может быть выражена в положении о необходимости **усиления факторов сдерживания** (противодействия) и **ослаблении факторов побуждения**, присутствующих постоянно и временно в сфере деятельности государственных служащих.

Во-первых, поскольку с *объективной* стороны факторами, *противодействующими* коррупции, являются: 1) устойчивая и постоянная *величина* угрозы наказания (санкции закона) в сопряжении с *эффективностью* работы правоохранительных органов; и 2) физический (технический) контроль за: а) движением государственной собственности, вверенной в управление государственным служащим (предупреждение противогосударственных коррупционных преступлений); и б) за принятием решений государственных служащих, касающихся собственности частных физических и юридических лиц; то и общими мерами противодействия коррупции на этом направлении борьбы с нею могут и должны быть:

1) **ужесточение наказаний**, предусмотренных законом за совершение коррупционных деяний там, где они недостаточны;

2) **повышение эффективности работы правоохранительных органов** по раскрытию коррупционных преступлений и наказанию виновных (повышение *неотвратимости* наказаний);

3) **усиление контроля** за операциями с государственными материальными ценностями (и **государственной собственностью** в целом) — совершенствование их учета, охраны и т.д.;

4) **усиление контроля** за принятием решений государственными служащими в отношении частных физических и юридических лиц (правоохранительные органы, в том числе, суды, контролирующие органы, в том числе — лицензирования и т.д.).

Во-вторых, поскольку с *субъективной* стороны факторами, *противодействующими* коррупции являются: 1) устойчивые позитивные морально-правовые особенности личности государственных служащих, их моральная убежденность в недопустимости и «недостойности» для них противоправного поведения; и 2) благоприятное течение конкретной жизненной ситуации, в которой находится государственный служащий (достаточная материальная обеспеченность, создающая ситуацию, в которой «ему есть что терять»); то и общими мерами противодействия коррупции на этом направлении борьбы с нею могут и должны быть:

1) **постоянный жесткий кадровый отбор претендентов** на государственную службу, создающий преимущества лицам с *позитивными* морально-правовыми установками, с высоким уровнем правового самосознания и не допускающий к службе лиц с противоположными установками;

2) **постоянное общее и локальное повышение материальной обеспеченности государственных служащих**, ослабляющее возможное давление на них неблагоприятных жизненных обстоятельств, как связанных с их личностью, так и не связанных с нею (вызываемых общим ухудшением положения в стране). При этом необходимо руководствоваться правилом: чем ближе находится государственный служащий к контролю за государственной и частной собственностью и чем большая степень соблазна действует на него при исполнении им государственных полномочий, тем выше должна быть степень его материального обеспечения со стороны государства.

В-третьих, поскольку с *субъективной* стороны факторами *побуждающими* к совершению коррупционных преступлений являются: 1) стойкие негативные потребностно-волевые особенности личности государственных служащих (корыстолюбие, властолюбие, сластолюбие, честолюбие, азартность, амбициозность, «рисковость», алкоголизм, наркомания, увлечение азартными играми и т.д.); и 2) неблагоприятное течение конкретной жизненной ситуации, в

которой находится государственный служащий (материальные личные и семейные проблемы); то и общими мерами противодействия коррупции на этом направлении борьбы с нею могут и должны быть:

1) **постоянная жесткая кадровая выбраковка** («чистка») государственных служащих, проявивших вышеуказанные потребностно-волевые качества своей личности, что должно рассматриваться как нарушение морально-этического Кодекса поведения государственного служащего (в России необходимо еще и принятие такого Кодекса);

2) **постоянная повышенная общая социальная защита государственных служащих**, ослабляющее возможное давление на них неблагоприятных жизненных обстоятельств.

Наконец, **в-четвертых**, поскольку с *объективной* стороны, факторами, *побуждающими*) к коррупционному поведению (*провоцирующими* его), являются: 1) устойчивая величина выгоды, которую государственный служащий может извлечь из такого поведения в конкретной среде или сфере деятельности, в случае его успешности; и 2) ситуативное и временное положение государственного служащего, усиливающее степень возможной выгоды, которую можно извлечь из сложившейся ситуации или ослабляющее для него степень угрозы, которой он может подвергнуться в случае совершения конкретного коррупционного деяния; то и общими мерами противодействия коррупции на этом направлении борьбы с нею могут и должны быть:

1) общее ослабление степени соблазна, которому подвергается государственный служащий, контролирующий государственные и частные материальные и нематериальные ценности, что достигается **разделением прав по управлению** этими ценностями или **по принятию** соответствующих **решений** с тем, чтобы решения о распоряжении ими не могли приниматься одним лицом или узким кругом лиц (например, так, как в банковском деле, где функции по управлению наличными денежными средствами всегда разделены между *кон-*

тролером и кассиром);

2) **жесткое поддержание дисциплины**, установленной в органах государственной службы, исключаящее возникновение экстраординарных ситуаций при принятии государственных решений.

Наконец, в качестве **общеполитической меры**, действующей одновременно на все звенья системы противодействия коррупции, необходимо все стороннее развитие **общественно-политического контроля** за действиями государственной службы, осуществляемого политической оппозицией, прессой, рядовыми гражданами, для чего необходимо создание специальных государственных органов реагирования на сигналы, поступающие от самого общества. Этот контроль одновременно является и средством морально-правового **воспитания** граждан и утверждения в стране атмосферы **нетерпимости** к проявлениям коррупции.

Таково, согласно нашей концепции общее и стратегическое структурирование направлений и мер противодействия коррупции, в рамках которого должны разрабатываться все более конкретные и частные формы и методы борьбы с этим негативным феноменом, включая и те, которые рассмотрены нами выше.

Учитывая приведенные выше данные об общем снижении стандартов морального и правового сознания в Российском обществе, затронувшем особенно сильно молодежную среду, мы приходим к выводу о необходимости серьезного пересмотра государственного отношения к проблемам образования, воспитания и трудоустройства молодежи, которые будут рассмотрены нами в следующем параграфе.

6.8. Проблемы образования, воспитания и трудоустройства молодежи в системе противодействия экстремизму и терроризму

Одной из наиболее уязвимых для экстремизма социальных групп являет-

ся молодежь. В настоящее время на территории России насчитывается около 150 молодежных экстремистских организаций с иерархией, дисциплиной, с различной идеологией, со своими вождями и лидерами. По разным оценкам, суммарная численность таких молодежных экстремистских организаций составляет 10 тысяч человек. По данным МВД России, в среднем до 80% участников составляют лица в возрасте до 30 лет. В настоящее время на профилактическом учете в органах внутренних дел состоит почти 6 тысяч несовершеннолетних, привлекавшихся к ответственности за правонарушения экстремистской направленности. Наибольшее их число зарегистрировано в городах Москве, Санкт-Петербурге, Ростовской, Самарской, Воронежской, Мурманской и Нижегородской областях. При этом увеличивается опасность появления в скором будущем организованного массового молодежного движения, объединяющего экстремистов, прежде всего, в качестве формы политической борьбы (методы насилия, террора).

Молодежь в наибольшей степени подвержена влиянию экстремизма, разрушающего традиционные ценности национальной культуры народов России. В нашем обществе были разрушены старые идеалы и, к сожалению, не предложено ничего нового, что отрицательно повлияло на молодежь, для которой нет национальных героев, идеалов, конкретных жизненных целей или, по крайней мере, ей их не предлагают. Это дает определенную свободу действия для одурманивания сознания молодых людей и вовлечения их в антиобщественную практику. В большинстве своем молодежь не может адекватно воспринимать насаждаемую извне экстремистскую идеологию. Идеологи экстремизма пытаются максимально использовать этот фактор в своих интересах.

Сегодня молодежный экстремизм выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам поведения, к закону в целом, появлении неформальных молодежных объединений противоправного характера. Экстремисты нетерпимы к тем гражданам России, которые принадлежат к другим соци-

альным группам, этносам и придерживаются иных политических, правовых, экономических, моральных, эстетических и религиозных идей. Развитие молодежного экстремизма — это свидетельство недостаточной социальной адаптации молодежи, развития асоциальных установок ее сознания, вызывающих противоправные образцы ее поведения.

Тенденция втягивания молодежи в экстремистскую деятельность во многом обусловлена недостаточно эффективной реализацией государственной молодежной политики. В результате часть молодежи попадает под влияние опасных идеологических установок, что приводит в ряде случаев к восприятию государственных органов как врага, а не партнера. На государственном уровне не выработана оптимальная целостная молодежная политика, отсутствует комплексная программа развития молодежи, не систематизированы технологии профилактики негативных явлений. Молодежная политика в нашей стране фактически не является приоритетом в делах государства. Поскольку гражданское воспитание, социализация личности молодых людей есть производная от всего уклада жизни страны, от той роли и места, которое занимает молодежь в этом обществе, то в результате мы имеем в молодежной среде: экстремизм, нигилизм, аполитичность. Меры противодействия экстремизму должны стать частью государственной национальной политики, государственной молодежной политики, государственной политики в правоохранительной сфере, частью образовательного процесса. На этом противодействии основана вся идеологическая работа с молодежью.

По мнению ряда ученых, проявления экстремизма в молодежной среде в настоящее время стали носить более опасный для общества характер, чем за все прошлые периоды существования государства. Экстремизм в молодежной среде стал в нашей стране массовым явлением.

Среди многообразия проявлений экстремизма молодежный экстремизм обращает на себя внимание своей неоправданной жестокостью, высокой степе-

нию агрессивности и массовостью. В молодежной среде экстремизм проявляется в деформациях сознания, в увлеченности националистическими, неонацистскими идеологиями, нетрадиционными для Российской Федерации новыми религиозными доктринами, в участии в деятельности радикальных движений и групп, в совершении противоправных, а иногда и преступных действий в связи со своими убеждениями.

Как показывают исследования, молодые люди в возрасте 18-27 лет составляют до 70 % членов новых религиозных объединений. Конфликтные отношения в семье, алкоголизация родителей, состояние фрустрации (блокировка актуальных потребностей: нехватка денег на самое насущное, долги, потеря интереса к старым друзьям и невозможность появления новых, отсутствие впечатлений), острое чувство непонятости, одиночество, информационный и коммуникативный голод, общая эмоциональная неудовлетворенность — такова совокупность объективных и субъективных факторов, обуславливающих вступление молодежи в нетрадиционные для России религиозные объединения, представляющие собой закрытые группы, существование которых полностью подчинено реализации самоценной идеи. В зависимости от ее содержания деятельность группы и каждого отдельного члена может быть социальной, асоциальной или антисоциальной. В крайних случаях происходит перерождение этой общности в террористическую организацию или террористический компонент становится составляющей частью служения Богу.

Негативное отношение к представителям той или иной национальной, расовой, религиозной группы, сформировавшееся под влиянием подобной пропаганды, а также на основании собственного жизненного опыта, при наличии определенных факторов (избытка свободного времени, отсутствия возможности или желания продолжать образование и как следствие — трудоустроиться на высокооплачиваемую работу, несформированности или ограниченности интересов) толкает молодежь на участие в экстремистской деятель-

ности.

В антиэкстремистской деятельности не должно быть места либерализму. Однако факт расследования и поступления в российские суды крайне малого числа уголовных дел, связанных с экстремизмом, символические наказания в отношении осужденных подтверждают существование снисходительного отношения к экстремизму и экстремистам.

Значительная часть молодежи заражена вирусом фашизма, национализма, ксенофобии расизма. Зачастую они считают, что причинами их личных неудач и невозможности самореализации являются приезжие граждане. Развитие молодежного экстремизма — это свидетельство недостаточной социальной адаптации молодежи, развития асоциальных установок ее сознания, вызывающих противоправные образцы ее поведения. Молодежные экстремистские группы в России в последние годы приобрели значительное число членов: на сегодняшний день под профилактическим контролем милиции находятся около 150 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью до 10 тысяч человек — от футбольных фанатов до хорошо организованных структурированных формирований ультралевой направленности, имеющих идеологические секторы, информационные группы и боевые отряды.

Особенно остро сегодня стоят молодежные проблемы на Северном Кавказе. В Дагестане, например, более половины населения (62%) — это молодежь в возрасте 16-30 лет. Молодые люди составляют более 40% всех занятых в народном хозяйстве, достаточно весомо представлена молодежь в науке и культуре. При этом в среде молодых людей Дагестана отмечается достаточно высокий уровень религиозности. В сентябре-октябре 2008 года в Дагестанском государственном университете был проведен социологический опрос студентов 1-5 курсов в возрасте от 17 до 23 лет. Опросом было охвачено 600 человек с филологического, математического, экономического, юридического факуль-

тетов, факультета дагестанской филологии¹.

Ответы распределились следующим образом:

«Я верующий и соблюдаю религиозные обряды» — 41%;

«Я верующий но всегда соблюдаю религиозные обряды» — 33,3%;

«Я не верующий, но уважаю чувства тех, кто верует» — 7,4%;

«Это личное дело каждого, предпочитаю об этом не говорить» — 6,2%;

«Колеблюсь» — 1,2%;

«Затрудняюсь ответить» — 1,2%.

Таким образом, даже среди относительно благополучной и высокообразованной части молодежи Дагестана доля религиозно настроенных молодых людей составляет около 74 процентов. При этом их внимание к текущим проблемам общественной жизни находится на достаточно низком уровне. По данным того же опроса, интерес к прессе у них незначителен: регулярно ее читают лишь 18%, редко читают — 13%, остальные совсем не читают и мало доверяют СМИ. Вопрос о доверии к политическим деятелям и их персоналиям 72% оставили без ответа или ответили, что политика для них не представляет интереса².

Однако при этом доля молодежи среди неработающей части трудоспособного населения Дагестана колеблется от 50 до 80%. Практически каждый десятый молодой человек не занят в сфере общественного труда. В столице Дагестана Махачкале на 1 января 2008 года число безработных граждан, состоящих на учете здесь, составляло 737 человек, из них 48,5% — молодежь (самый высокий уровень безработицы по данным обследования 2008 года отмечался в Республике Ингушетия и в Чеченской Республике — соответственно 46,9% и 46,1%. На втором месте — Республики Дагестан, Тыва и Калмыкия, в которых

¹ См. Муслимова М.Ш. Экстремизм в системе мировоззренческих ориентиров студентов Дагестанского государственного университета // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 426.

² Там же.

уровень безработицы составлял от 17% до 20%)¹.

Число выпускников общеобразовательных школ, которые после окончания школы не находят себе применения, т.е. не работают, и не продолжают учебу, постоянно растет. Все больше в молодежной среде встречается аномальных явлений: помолодевший алкоголизм, наркомания, суицид, проституция. Количество молодых людей, употребляющих наркотические средства неуклонно растет и в вузах республики на сегодня составляет 20-35%. На учете в республиканском наркодиспансере более 6000 больных и эта цифра, по словам президента РД М.Г. Алиева, являющегося председателем Антинаркотической комиссии РД, не отражает реальной картины, наркозависимых молодых людей гораздо больше².

В настоящее время и в Дагестане, и в России в целом наблюдается устойчивая тенденция к значительному росту потребления алкогольных напитков, наркотических и токсических веществ, что приводит к серьезным последствиям среди несовершеннолетних. На этой почве подростки совершают 50% всех правонарушений. Растет количество детей и подростков, склонных к побегам и правонарушениям.

В последнее время в Дагестане наблюдается рост количества желающих служить в армии. Служба в армии — единственный для местной молодежи способ **трудоустроиться** затем по контракту в какую-нибудь из многочисленных воинских частей, разбросанных по территории Дагестана, да и просто трудоустроиться, сделать карьеру. Поэтому армия стала для большинства дагестанских юношей реальной «путевкой в жизнь». Что же касается состояния здоровья новобранцев, то с каждым годом врачи констатируют все больше не-

¹ Баратова К.М. Социально-экономические проблемы молодежи как фактор роста экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 282.

² Там же.

годных к воинской службе. В 2008 году из 3838 человек, явившихся на медкомиссию в Махачкале, 810 были признаны негодными. Среди выявляемых «противопоказаний к службе» преобладают плоскостопие, сколиоз, плохое зрение, а также нарушения психического равновесия). За последние 10 лет выросло количество сердечнососудистых заболеваний у молодежи, очень высок процент нервно-психических заболеваний, около 40% студентов и призывной молодежи республики страдают хроническими заболеваниями (по данным министерств здравоохранения ЮФО, в 2006 году на диспансерном учете по поводу различных заболеваний состояло 49% 16-летних юношей-призывников 2008 года¹).

Весьма остро для молодежи стоит и **жилищная** проблема. Большинство молодых семей живет во «временном» помещении — в общежитии или на частной квартире. Все это ставит под угрозу будущее нации — молодежь, ее морально-психологическое, физическое и нравственное здоровье, а приведенные факты свидетельствуют о том, что современная дагестанская молодежь живет в условиях повышенной социальной напряженности и большого психологического дискомфорта. Поэтому она может легко вовлекаться в любые конфликты. Десятки и сотни молодых людей, находящиеся вне сферы общественной жизни, становятся, таким образом, питательной средой для разного рода негативных проявлений. А это в свою очередь, приводит к тому, что у молодежи накапливается неудовлетворенность своим положением, уровнем жизни, степенью реализации своих потенциальных возможностей, недоверие к органам власти, ощущение своей неполноценности, разочарование, появляется социальная апатия и пассивность, ценности и ориентиры смещаются в сторону, далекую от интересов общества.

¹ Баратова К.М. Социально-экономические проблемы молодежи как фактор роста экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. —

Так, по данным ВЦИОМ растет уровень «тревожных факторов» в молодежной среде: снижение социального самочувствия до уровня близкого к критическому; утрата доверия к институтам власти, правоохрнительным структурам. По данным ИСПИ (Институт социальных исследований РАН) среди факторов, способствующих росту экстремистских настроений в молодежной среде, называется обостренное чувство **социальной неустроенности и незащищенности** у различных социальных групп, и прежде всего у молодежи. При этом, по данным социологических исследований 15 млн. молодых людей в России относят себя к бедным. При этом обращает на себя внимание факт изменения ценностных установок современной молодежи. В системе ценностных приоритетов дагестанских студентов, например, согласно упомянутому опросу 2008 года, на первом месте оказалась **счастливая семья**, на втором — **реализация своих способностей**, на третьем — **профессиональная успешность**¹. Таким образом, значительная доля современной молодежи переживает стойкое чувство фрустрации от неудовлетворенности ее самых приоритетных социальных и личных потребностей.

И если общество не осознает в полной мере опасности этого положения, если не будет восстановлена система профессионального образования и трудоустройства выпускников школ, программа доступного спорта для молодежи, то негативные явления в молодежной среде будут нарастать и в дальнейшем, а потерявшие социальную перспективу молодые будут устойчиво пополнять ряды различных экстремистских группировок.

Для комплексного решения молодежной проблемы в России необходимо прежде всего **глубокое и всестороннее изучение** социально-экономических и

Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 282.

¹ Муслимова М.Ш. Экстремизм в системе мировоззренческих ориентиров студентов Дагестанского государственного университета // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 426.

социально-психологических проблем молодежи, с последующим проведением регулярных мониторингов положения дел в молодежной среде.

В качестве **политико-правовых мер** необходимо выработать социально-правовые и экономические гарантии молодежи, разработать комплекс мер по закреплению гарантий трудоустройства для выпускников вузов, определению статуса молодых предпринимателей с освобождением их от налога на определенный срок, усилить меры по социальной поддержке молодых и малообеспеченных семей, по поддержке талантливой молодежи и меры по максимальной декоммерциализации сферы молодежного досуга.

В **организационной сфере** необходимо создавать и укреплять социальные службы молодежи, рассмотреть возможность предоставления выпускникам школ долгосрочных льготных кредитов на получение образование (некоторый опыт этого в стране уже имеется). Необходимо также наладить строгий контроль со стороны государственных и общественных организаций за соблюдением законодательных актов, регулирующих трудовые отношения, вопросы занятости, профессионального обучения, социальных гарантий во всех вопросах, связанных с участием молодежи.

В сфере **образования молодежи** необходимо разработать долгосрочную многоуровневую образовательно-воспитательную программу по внедрению в сознание молодых людей норм этнической и религиозно-духовной толерантности, критического отношения к современным экстремистским идеологиям (национализму, фашизму, религиозному и идеологическому фундаментализму и радикализму). Необходимо также с самых начальных классов школы воспитывать у российских детей гордость лучшими отечественными традициями и прививать им в качестве основной не узкоэтническую и конфессиональную, а общенациональную просвещенную российскую идентичность.

6.9. Роль СМИ и массовой культуры в системе противодействия

экстремизму и терроризму

Деятельность СМИ в современном демократическом обществе регулируется рядом нормативных социально-политических принципов, выработанных историческим развитием этого общества на протяжении двух последних столетий. Это принципы — **свободы слова**, концепция **публичной сферы** и **гражданского общества**, концепция функционирования общественных СМИ и модель их экономического поведения, концепция **социальной ответственности**, модель **демократического представительства**.

В рамках системы противодействия экстремизму и терроризму на современном этапе особую значимость приобретает принцип социальной ответственности СМИ. Международные экстремистские и террористические организации в своей деятельности не только предъявляют свои требования государству и обществу, но и стремятся запугать общественное мнение, посеять атмосферу тревоги и неуверенности. И в этом невольными помощниками им часто становятся современные СМИ. Стремясь повысить свою популярность, они зачастую становятся ретрансляторами террористических идей, не представляя до конца возможных последствий своих публикаций и их патогенного воздействия на массовую аудиторию.

Традиционно присущ им и ряд недостатков, с государственно-политической точки зрения. СМИ не всегда в состоянии отслеживать уровень опасности передаваемой ими информации для аудитории. Осуществляя свою деятельность, они могут мешать работе специальных государственных служб в момент совершения терактов. В погоне за сенсацией журналисты часто безответственно подвергают опасности и себя, и заложников. При освещении террористических актов СМИ, не всегда осознавая реальное положение дел, зачастую провоцируют общественное мнение к саботированию политики государства, направленной на снижение уровня угроз от терроризма. «Независимые

журналисты» (например, непрофессиональные фрилансеры или авторы блогов) не владеют объективным и сбалансированным подходом к освещению событий, привнося в информационное поле дезинформацию, провоцирующую социальные и психологические травмы.

Поэтому можно прогнозировать в современных условиях, что процесс использования СМИ для информационного воздействия на массовые аудитории со стороны экстремистов и террористов будет только расширяться. Среди причин, вызывающих это, можно выделить прогрессирующую **коммерциализацию** СМИ, стремление к созданию наиболее рейтингового массового контента, бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, стимулирующее доступ непрофессионалов к производству и распространению новых СМИ. Поэтому необходим не только анализ нормативной базы в области защиты общества от информационно-психологических воздействий, но и разработка технологий и методов противодействия подобным явлениям.

Однако контрпропагандистская работа государства и общества не может сводиться к введению цензуры. Представляется, что определенные ограничения — **саморегулирование** как система добровольных корпоративных мер — смогут способствовать сохранению свободы слова в условиях усиления принципа журналистской ответственности перед обществом. Под системой саморегулирования и сорегулирования СМИ понимается свод **неофициальных правил** деятельности журналистов при освещении террористической проблематики, а также совокупность нормативных документов, источниками которых являются как институты самого журналистского сообщества, так и органы законодательной власти России.

Анализ сложившейся ситуации в сфере массовой коммуникации показывает, что общество, включая самих журналистов, до сих пор недостаточно информировано о патогенных информационных технологиях. Неосведомленность общества о распространенных манипулятивных технологиях, некомпе-

тентность и неповоротливость органов управления приводит к бесконтрольному обращению информации, наносящей прямой ущерб национальным интересам и морально-психологическому состоянию общества. Исследовательские работы, проведенные в России¹, показали, что необходимым условием противодействия терроризму в информационной сфере является развитие **системы саморегулирования и регулирования** деятельности СМИ. Были сформулированы основные принципы само- и сорегулирования в информационной сфере.

В ходе реализации этих принципов в практику освещения СМИ чрезвычайных событий, связанных с террористической деятельностью, бывшее Минпечати России (ныне Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям России разработало проект методических рекомендаций по освещению в СМИ чрезвычайных ситуаций, представляющих угрозу безопасности людей.) Проект этих рекомендаций был опубликован 4 ноября 2002 года на сайте Минпечати России.

«Учитывая стремление СМИ находиться в центре событий, обеспечивая право общества на получение достоверной информации, — говорится в этом документе, — журналистское сообщество считает необходимым создать устойчивую систему необходимых действий и принципов при освещении чрезвычайных ситуаций, представляющих угрозу безопасности людей. Опыт последнего времени позволил разработать следующие методические рекомендации:

1. СМИ и журналисты при работе в чрезвычайных ситуациях должны строго соблюдать действующее законодательство о СМИ и о борьбе с терроризмом.

2. Всегда иметь в виду, что сообщения в СМИ являются общедоступными, в том числе и для тех, кто намеренно создает критическую ситуацию. Их реакция на ваши сообщения может быть неадекватной;

¹ См. Проблемы безопасности и противодействия терроризму. Материалы конференции в МГУ 25-26 октября 2006 г. — М.: МЦМНО, 2007; Современный терроризм и борьба с ним:

3. Избегать детальных подробностей о действиях профессионалов, занятых спасением людей;

4. Исходя из того, что доступ к СМИ с целью изложения своей позиции в большинстве случаев является одной из главных целей террористов, журналистам необходимо:

- не брать у террористов интервью по своей инициативе;
- не предоставлять им возможности выйти в прямой эфир без предварительных консультаций с правоохранительными органами;
- помнить, что прямая трансляция может использоваться террористами для передачи условных сигналов сообщникам в других местах;
- быть готовыми в любой момент прервать прямую трансляцию с места события;
- не комментировать и не анализировать требования террористов на дилетантском уровне, без профессиональных консультаций;
- отдавать себе отчет в том, что заложники террористов являются и заложниками ситуации, в определенный момент превращающимися в инструмент давления и на государство, и на общественное мнение.

5. Не пытаться получить доступ к секретной информации спецслужб, проводящих контртеррористическую операцию. Невольно проговорившись, вы можете не только сорвать освобождение заложников, но и погубить многих людей, в том числе тех, кто идет на помощь;

6. Учитывать, что спасение людей важнее права общества на информацию. Прямо сообщать, что часть информации закрыта по соображениям безопасности;

7. Помнить о своей обязанности информировать общественность, а не сеять панику. Следить не только за смыслом сказанного, но и за тоном;

8. При освещении события не мешать работать правоохранительным ор-

ганам, медицинским и иным службам, чья задача спасти людей;

9. Стремиться быстро оценивать степень важности информации и ее потенциальную опасность для развития ситуации:

— помнить, что мировое сообщество отвергает связь терроризма с факторами расы, религии и национальности;

— не стремиться намеренно оскорблять и унижать террористов, в руках которых жизнь заложников;

— не использовать непроверенные источники информации.

10. Быть тактичными и внимательными к чувствам родных и близких жертв терроризма;

11. Избегать излишней сенсационности и натурализма при показе жестокости и насилия, с уважением относиться к нравственным и религиозным чувствам своей аудитории;

12. Не допускать монтажа документальных материалов, при котором может исказиться или извратиться смысл происходящих событий;

13. Не предлагать лицам, вовлеченным в критическую ситуацию, предпринимать какие-либо действия для получения «удачных» фото- или видеок кадров;

14. Не стремиться стать действующим лицом в критической ситуации. Не брать на себя роль посредника;

15. Если журналист оказался в числе переговорщиков, он должен воздержаться от собственных публикаций до разрешения кризиса;

16. Своевременно предупреждать официальные органы обо всех ставших вам известными планах проведения или развития террористических актов, даже если они представляются вам маловероятными».

Разработка таких рекомендаций повлекла за собой острую полемику в журналистском сообществе России о свободе слова и свободе печати в СМИ. Однако, для правильной оценки этих принципов необходимо обратиться к

опыту зарубежных государств, в частности, к правилам регулирования деятельности СМИ в США и Великобритании, в которых существует система нормативов, регламентирующих данного рода деятельность на правовом и этическом уровнях. Но если в России, например, имеется законодательно закрепленная система регулирования отношений в сфере массовой информации, то в США различные аспекты деятельности прессы затронуты, лишь в **отдельных федеральных актах и законах штатов**. Говоря о правовой базе российских и американских СМИ, следует сказать, что основным гарантом свободы слова в США является Конституция США, в частности, Первая поправка к ней, которая гласит, что «Конгресс не имеет права издавать закон, ограничивающий свободу печати», а также ряд других поправок.

В мире известно несколько подходов к регулированию СМИ. Первый подразумевает полную подчиненность СМИ государству и его указаниям. Второй подход исходит из принципов независимости СМИ. Но наиболее оптимальной стратегией регулирования СМИ видится третий подход — соотношение государственного и общественного регулирования с самоограничением, которое осуществляют сами медиапрофессионалы и их организации. В частности, журналисты из ВВС ввели **внутренний контроль** при освещении террористической напряженности в Северной Ирландии, руководствуются специальными инструкциями и регулярно обучаются особенностям работы в этом регионе. К освещению проблемы Северной Ирландии в отличие от освещения ситуации в других странах и регионах в ВВС стараются подходить с особенной, двойной и тройной ответственностью, потому что именно эта ситуация служит одним из основных индикаторов объективности и непредвзятости, честности и независимости компании. Тщательно продумывается все — наименование должностей или общественных позиций участников событий, название организаций, приоритеты и расстановка по важности тех или иных событий — все, чтобы избежать даже намека на какую-либо пристрастность.

Применение аналогичного подхода к деятельности российских СМИ дает уже и первые положительные результаты. Ход информационно-психологического противоборства во время освещения грузино-осетинского конфликта, победа, одержанная в этой информационной войне внутри страны подтверждают выводы о том, что информационная открытость (как доступность информации, активный диалог с аудиторией и оппонентами, ясность и честность провозглашаемых принципов), а также информационная безопасность (как отказ от манипулятивного воздействия) являются главным условием противодействия патогенным информационным технологиям и гарантией морально-психологического единства и психологического иммунитета общества против любых форм пропаганды, составляя основной ресурс медиатерапии.

Экстремизм и терроризм — чрезвычайно сложная, глобальная, многокомпонентная проблема, следовательно, вопрос о технологиях журналистского творчества не может быть ограничен какой-либо одной, даже и самой актуальной, стороной — например, правилами освещения террористического акта, или проблемой достоверности информации, или этическими коллизиями в процессе взаимодействия с «живыми» источниками — жертвами атаки. Нередко именно так и происходит освоение проблемы в профессиональном сознании журналистов — всякая новая террористическая атака актуализирует ту или иную сторону проблемы, разгораются жаркие дискуссии, однако целостного осознания всего комплекса проблем не происходит. Следовательно, вопросы журналистской этики в условиях и вне террористических конфликтов должны стать в центр анализа журналистской деятельности.

Наиболее ярко проблемы взаимодействия журналистов и правоохранительных органов проявляются в ходе освещения средствами массовой информации тем криминала и терроризма. В ходе контртеррористических операций журналисты и сотрудники правоохранительных органов зачастую сталкиваются с разного рода проблемами — в области доступа СМИ к информации, до-

ступа журналистов в места проведения операций и пр. Определенные нарекания со стороны общества поступают и к одной стороне, и к другой. Журналистов упрекают в распространении непроверенной, недостоверной, а порой и опасной для жизни людей информации. СМИ, в свою очередь, упрекают правоохранные органы в сокрытии важных фактов, в ограничении доступа к информации и к месту происшествия. В конечном итоге страдает общество, не получающее или недополучающее важную информацию.

Общеизвестно, что в ряде государств уже много лет действует хорошо отлаженный **механизм взаимодействия правоохранных органов и СМИ**. Введение государством прямых ограничений на освещение террористической проблематики является неэффективным и напрямую нарушает демократические основы принципа свободы слова. Как подчеркивается в резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), «Борьба с терроризмом не должна использоваться государством в качестве оправдания для ограничения свободы прессы». Но перед журналистским сообществом стоит непростая задача — освещая происходящее, не стать сообщниками террористов. Разрешить возникающую коллизию может саморегулирование, т.е. применение поддерживаемых всем профессиональным сообществом ситуативных норм и правил деятельности. Подобное само регулирование неоднократно применялось в практиках ряда зарубежных государств. В частности, в годы Второй мировой войны Бюро цензуры при президенте США, в основу деятельности которого был положен принцип: «Что было бы мне интересно, если бы я был врагом США?». Применение данного принципа было обеспечено также «Перечнями военного времени». Они подробно прописывали список тем, которых следовало избегать.

Аналогичная рекомендация была разработана в современных условиях и ПАСЕ, который призвал к разработке специального кодекса поведения по освещению террористических акций и их угроз. При этом журналистам реко-

мендовано добровольно «избегать через свои сообщения и комментарии усиления подавленности в обществе, воздерживаться от распространения высказываний, порождающих ненависть», а также «сотрудничать с правоохранительными органами, освещая события, связанные с противодействием террористической угрозе».

Важной сферой работы по противодействию экстремизму и терроризму является и сфера массовой культуры. «Механизм запуска идеологом экстремистского толка, — отмечает С.В. Горвая, — подобен многоступенчатой ракете. Первая ступень — это выступление лидера малочисленной экстремистской группы, например скинхедов, с лозунгами погромного характера в листовке, малотиражной газете или в Интернете. Это как бы пробный шар, и он может быть облечен в самую brutальную форму. Затем та же идея, но уже как ответ на «требование народа» и в более респектабельной упаковке, высказывается известным политиком. Это становится информационным поводом для СМИ, которые вольно или невольно тиражируют экстремистские высказывания в массы. Именно так в свое время получили массовое распространение антисемитские высказывания бывшего депутата Госдумы Альберта Макашова»¹.

И противодействовать этому механизму, как показывает мировой опыт, нельзя лишь административными и правовыми запретами. Для этой цели государству и обществу целесообразно использовать те же самые социально-коммуникативные механизмы, которые используют и распространители вредоносной информации. В доказательство эффективности подобных методик можно указать на пример США, в которых еще в 1960-е годы межрасовые конфликты всерьез угрожали национальной безопасности этой страны. «Сегодня там белые семьи усыновляют чернокожих детей, а представительство черноко-

¹ Горвая С.В. Роль массовой культуры в преодолении экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 578.

жих на высших государственных должностях растет из года в год. При этом американцы не принимали новых законов. Решающую роль в сломе негативных стереотипов массового сознания сыграли либеральные интеллектуалы и стоящие за ними финансовые магнаты, владеющие СМИ. Огромную задачу выполнила массовая культура. Идеи расизма вкладываются в уста «плохих парней», а положительными героями самых популярных фильмов, комиксов и сериалов выступают белый и негр, а в последнее время еще и китаец или латиноамериканец»¹.

В сфере **массовой культуры**, по мнению С.В. Горовой, целесообразно придерживаться следующей политики, направленной на преодоление сложившихся проявлений экстремизма:

— создать **поощрительную систему грантов**, способствующую расширению тематики, рассчитанной на более полное и адекватное отражение культурной мозаики России, проблем межэтнических отношений и межконфессионального диалога;

— осуществлять **регулярный мониторинг** печатных и электронных СМИ, Интернет-изданий и литературы, а также продуктов индустрии массовых развлечений на предмет выявления попыток разжигания расовой, этнической и религиозной вражды и ненависти и призывов к насилию;

— разработать принципы освещения проблемы преодоления экстремизма;

— не допускать к теле- и радиоэффиру, к периодическим печатным изданиям лиц, проповедующих расовую, этническую и религиозную вражду и ненависть и призывающих к насилию, а также широкую трансляцию их прямых высказываний и призывов;

— не упоминать без крайней необходимости этническую принадлеж-

¹ Там же.

ность персонажей журналистских материалов;

— оказывать всемерную поддержку средствам массовой информации, адресованным детям и молодежи и ставящим своей целью воспитание в духе толерантности и патриотизма;

— наладить издание журналов, серийных публикаций и методической литературы по проблемам толерантности, рассчитанных как на специалистов, так и на более широкую аудиторию;

— показывать несостоятельность и общественный вред, а также преступный характер идеологий, программ и действий, которые проповедуют ненависть и вражду к людям других рас, национальностей и вероисповеданий;

— больше внимания уделять распространению современных положений науки о роли и значении культурных традиций и межкультурного диалога¹.

6.10. Экстремизм и новейшие информационные технологии

Важнейшей современной особенностью деятельности экстремистских и террористических организаций является их активное использование виртуального пространства и современных информационных технологий. Глава МВД РФ Рашид Нургалиев заявил, в частности, что «в ходе мониторинга Интернета МВД России в 2007 году выявило 148 ресурсов, содержащих материалы террористической и экстремистской направленности. На этих ресурсах работают квалифицированные психологи, способные в кратчайшие сроки составить психологический портрет человека, вступившего в общение на форуме, подобрать к нему соответствующий подход, определить возможные векторы применения данного человека в рамках экстремистской либо террористической деятельно-

¹ Горюва С.В. Роль массовой культуры в преодолении экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1. С. 578.

сти. Таким образом, огромный процент молодых людей, иногда даже не замечая этого, оказывается вовлеченным в противоправную и, порой, даже преступную деятельность, пополняя ряды активистов террористических организаций или организаций экстремистского толка».

Механизм и методику использования современных СМК в экстремистских целях Ю.И. Сундиев¹ описывает следующим образом.

Главная из решаемых ими в настоящее время задач — «обольстить» (с помощью информационно-манипулятивных техник сделать максимально привлекательным собственной образ) нынешних и будущих обитателей киберпространства и, по возможности, включить максимальное их количество в свои ряды (**вербовка**). В обоих случаях отсутствует прямой контакт между людьми, поэтому без ограничений используются все инструменты манипулятивных технологий, с помощью которых достигается неосознанность действий большинства акторов, их непонимание собственного участия в экстремистской деятельности. Так, при вербовке членами экстремистских и террористических организаций новых членов на позиции, соответствующие **идеолого-пропагандистской работе**, вербовщиков в первую очередь интересует потенциальная способность кандидата генерировать идеи в русле экстремистских и террористических концепций. Поиск кандидатов, соответственно, осуществляется на форумах, блогах и киберсообществах соответствующей направленности, интересующей членов экстремистских и террористических организаций, где выделяются наиболее активные участники, умеющие грамотно и доходчиво излагать свои мысли, а также способные убеждать и отстаивать свою точку зрения.

При привлечении лиц данного типа к сотрудничеству, вербовщики при-

¹ См. Сундиев И.Ю. Трансформация роли политического и религиозного экстремизма в условиях развертывания глобального кризиса // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Мурта-

меняют «интеллектуальный крючок» — в задачу кандидатов входит решение непростой, но достаточно интересной для них интеллектуальной задачи. Решая ее, они не только оказывают помощь экстремистской либо террористической организации, но и сами проходят проверку на пригодность. Как вариант, вся их деятельность внутри организации может быть построена на решении подобных интеллектуальных задач, либо они могут быть привлечены к чисто пропагандистской деятельности «втемную».

Второй блок потенциальных членов этих организаций — **«пиарщики»** — **организаторы и исполнители информационных акций**. Эти люди обеспечивают соответствующее освещение терактов в средствах массовой коммуникации, создание необходимого заказчику образа экстремиста или террориста (борца за свободу своего народа, мстителя за гибель от рук федерального правительства семьи любящего отца, «идейного» борца за свободу и тому подобное), противодействие правительственным органам путем их дискредитации, организация давления на правительство в целом со стороны международных организаций и структур и, наконец, координацию и корректировку деятельности террористов путем прямой демонстрации конкретных действий контртеррористических сил (типичный пример — ситуация с «Норд-Остом»).

Этот компонент составляют владельцы (реальные или номинальные) средств массовой коммуникации, журналисты, владельцы Интернет-сайтов. Их мотивация, как правило, многосторонняя. Владельцы СМИ и Интернет-сайтов получают щедрые инвестиции и пожертвования, позволяющие, в том числе, выплачивать журналистам очень высокие гонорары. Передаваемая террористами информация (требования, интервью) позволяет выходить с эксклюзивными репортажами и статьями, повышающими рейтинг и статус самого СМИ. И у владельцев СМИ, и у журналистов возникает иллюзия прямого влияния на власть (власть вынуждена с ними сотрудничать), причастности к принятию

судьбоносных решений, собственной исключительности (избранности).

Третья потенциальная группа — **одноразовые участники акции**. Делятся на три подгруппы: боевики, снабженцы и массовка.

Боевики — лица, способные выполнить (сознательно или не осознавая действительной цели своих действий) силовые акции. Поиск и подбор данных лиц осуществляется на сетевых форумах и сообществах, где им указывается место и время встречи, дресс-код и предполагаемая цель, либо конкретное задание. Вся вместе группа встречается только один раз для совершения акции, после чего контакт с ней прерывается. Многочисленные сообщения в СМИ о нападениях, совершенных группами «скинхедов», как правило, описывают действия именно подобных образований.

Одноразовые снабженцы и квартиреры — группы обеспечения экстремистских и террористических акций. Набор в них осуществляется по таким же каналам, что и в предыдущие, но другим путем. Из общего массива лиц, разделяющих радикальные и экстремистские взгляды, формируется определенный массив персональных данных, к которому в случае необходимости всегда можно будет обратиться. В этом массиве, как правило, может быть найден человек, проживающий в нужном месте или работающий на определенной позиции, имеющий определенные связи или знакомства. Далее, под каждую конкретную операцию из массива выбираются необходимые люди и привлекаются (чаще — «втемную») к обеспечению проведения экстремистской акции или террористического акта. Как правило, одних и тех же снабженцев не принято использовать дважды.

Массовка. Данная группа получила распространение с развитием так называемых «острых флеш-мобов», когда при проведении экстремистской акции или террористического акта, для привлечения внимания и увеличения общественного резонанса от события привлекается значительное число посторонних лиц из числа разделяющих радикальные и экстремистские взгляды.

Они отвлекают внимание окружающих от главных действующих лиц операции, увеличивая, при этом, зрительно масштабность происходящего. Подобные акции имели место в Назрани и Грозном в 2004 году. Подбор лиц для флеш-моба как правило осуществляется через Интернет-сообщества и форумы.

Нагляднее всего манипулятивные техники заметны в деятельности киберсообществ, отражающих оффлайновые экстремистские и террористические организации. Наибольшую известность получили Интернет ресурсы исламистских экстремистских и террористических организаций.

Наиболее простой и распространенной методикой, позволяющей существенно облегчить процесс установления доверия между представителями экстремистских и террористических организаций и их аудиторией, является целенаправленное предоставление информации о ряде **сверхзначимых** обстоятельств, ранее неизвестных объекту.

Во-первых, о наличии общего «врага» в лице официального правительства — позволяет привлечь внимание наиболее широкого круга лиц (примером подобной деятельности является сайты: <http://www.kavkazcenter.com/> и <http://www.palestine-info.com/ru/>).

Во-вторых, о наличии близкого по духу этнического или политического меньшинства, всецело ущемляемого. Позволяет привлечь внимание лиц с обостренными политическими или патриотическими убеждениями (пример: форуме о «геноциде чеченского народа» — <http://selard.com>);

В-третьих, о существующем разделении на «своих» и «чужих» по религиозному принципу — давление на обостренное религиозное самосознание (примеры: <http://www.palestine-info.com/ru/>, а ультрарадикальные исламисты из «мечети Аль Акса» ; <http://www.jamaatshariat.com>).

Особенность данной методики заключается в том, что пользователь этих ресурсов начинает идентифицировать себя с представленной группой («настоящими своими»), от лица которой идет обращение с информационного источ-

ника, и противопоставлять себя «чужим» — дискредитируемым.

На втором этапе манипуляции осуществляется привлечение внимания и возбуждения интереса к передаваемым сообщениям, на основании не критического восприятия и усвоения аудиторией получаемой информации, что позволяет в значительной степени увеличить внушающий эффект воздействия информации в ущерб ее рациональной оценке. В качестве типичного приема используется высокоскоростной мозаичный видеоряд, составленный из эмоционально шокирующих компонентов.

На этом этапе также активно используются специальные коммуникативные приемы манипулятивного воздействия, ибо контакт с объектом уже установлен и для его закрепления появляется возможность применения целого спектра логико-психологических и организационных техник. Это — персональное обращение, основанное на психологическом портрете манипулируемого.

Методика, основывающаяся на не критичном восприятии аудиторией получаемой информации, используемая повсеместно на крупнейших террористических и радикально-экстремистских ресурсах (kavkazcenter.com; palestine-info.com; daymohk.org) примитивна, но действенна:

Сначала — выражение открытого протеста и заявлений сепаратистского характера на основе исторического или политического мотивов (собственная трактовка исторических и политических событий прошлого);

Далее — изобличение официальной власти в «глобальной лжи» и предоставление собственной версии (ежедневно обновляемая новостная лента, где любые значимые события, происходящие в стране, получают трактовку, дискредитирующую официальную власть);

И, наконец, вбрасывание «побуждающего к действиям» информационного пакета: где, когда и кого надо убить (избить), чтобы добиться «высшей

справедливости»¹.

Для противодействия новейшим информационно-коммуникативным и манипулятивным технологиям, используемым экстремистскими и террористическими организациями, современное государство должно научиться использовать столь же эффективные методы ведения контрпропаганды в киберпространстве, и действовать не только в режиме реакции на действия экстремистов, но и на опережение.

6.11. Научно-практические выводы и рекомендации по совершенствованию и укреплению системы профилактики и противодействия политическому экстремизму и терроризму

Борьба с экстремизмом во всех его видах и формах крайне сложна из-за многочисленных разновекторных факторов. Первый всплеск религиозно-политического экстремизма, который вышел за региональные рамки, последовал после введения Советской Армии в Афганистан. Военные кампании США в Ираке и Афганистане стали таким же катализатором возникновения все новых и новых экстремистских организаций по всему миру. Борьба с религиозно-политическим экстремизмом будет длительной и тяжелой.

В Российской Федерации противодействие радикализации, экстремизму, терроризму должно носить всеобъемлющий и комплексный характер и развиваться по трем основным направлениям:

- формирование (совершенствование) механизмов защиты информационного пространства и населения от распространения идеологии терроризма и экстремизма;
- формирование (совершенствование) социально-политических, право-

¹ Сундиев И.Ю. Трансформация роли политического и религиозного экстремизма в условиях развертывания глобального кризиса // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Хан-

вых, нравственных и иных основ для эффективного противодействия идеологии экстремизма и терроризма (в том числе просветительская, мобилизующая и инструктирующая составляющая);

- совершенствование системы и активизация информационного противодействия терроризму, реагирование на информационные вызовы путем консолидации усилий государства и институтов гражданского общества, включая научные учреждения, религиозные организации, творческие союзы, СМИ, бизнес сообщество.

Необходимо принятие следующих мер.

На межгосударственном уровне:

1. Объединение усилий ведущих государств мира по борьбе с религиозным терроризмом. При этом интересы этой борьбы необходимо поставить выше национальных интересов того или иного государства.

2. Пресечение деятельности обществ, партий, группировок, всевозможных фондов, которые представляют собой легальное крыло экстремистских организаций, призванное отстаивать их интересы в столицах ведущих государств мира.

3. Постепенная ликвидация зон, не контролируемых центральными властями в различных регионах мира (Афганистан, Пакистан, Таджикистан, Чечня, Грузия и т.д.).

4. Последовательное и твердое воздействие со стороны объединенного мирового сообщества (антитеррористическая коалиция, ООН, государства «большой восьмерки») на страны, которые в той или иной форме вольно или невольно потворствуют деятельности религиозно-политических экстремистских организаций. В первую очередь это Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Йемен, Кувейт, Судан, Пакистан, Афганистан и некоторые другие.

Всем россиянам необходимо осознать, что наша страна и общество находятся в состоянии войны с экстремистами и террористами, которые преследуют цель нанести нам поражение и навязать свою волю.

На стратегическом уровне необходимо признать это состояние войны и в соответствии с ним подходить к решению проблемы не время от времени, а постоянно, в комплексе решая вопросы военного, экономического, идеологического, психологического и дипломатического противостояния экстремистам. Это требует полной или частичной мобилизации возможностей государства для перестройки ведущейся борьбы с террористами. Пассивный и вялотекущий этап борьбы должен быть завершен. Необходимо, чтобы война с экстремистами и террористами стала наступательной, инициативной и упреждающей.

I. Армия

1. Необходимо создание высокопрофессиональных, хорошо обученных подразделений, специально предназначенных для ведения боевых действий в горной и лесистой местности в условиях (временно) враждебно настроенного местного населения, против врага, использующего партизанскую тактику боевых действий. Основой для них могут стать уже получившие боевой опыт части ВДВ и спецназа.

При этом целесообразно изучить опыт тех армий, которым ранее пришлось вести боевые действия в схожих условиях.

2. Необходимо оснастить эти подразделения новыми эффективными видами легкого (стрелкового) и тяжелого (военная техника) оружия, которое должно быть специально создано для ведения боевых действий против террористов. Также необходимо оснастить эти подразделения и вообще войска всеми современными видами связи, средствами защиты и необходимой амуницией.

3. В борьбе против экстремистов, террористов и сепаратистов перейти к тактике проведения упреждающих специальных операций по уничтожению

банд боевиков, их лагерей в горах и труднодоступных населенных пунктах, а также их лидеров.

II. Специальные службы

1. Необходимо на определенное время остановить реформирование специальных служб. В 90-х годах XX в. под прикрытием разговоров о реформе на самом деле специальные службы методично разваливались. Поэтому в середине 90-х годов противостоять экстремистам и террористам было некому. Группы «Альфа» и «Вымпел» расформировали после расстрела парламента в октябре 1993 года, агентурную сеть на Северном Кавказе развалили, с помощью «реформ» спецслужбы довели до беспомощного и беззубого состояния. Поэтому в конце 1994 года вместо серии специальных операций по уничтожению основных лидеров сепаратистов и их основных вооруженных формирований последовал прямолинейный и кровавый новогодний штурм Грозного. Вместо операций по ликвидации бандформирований, захвативших Первомайск и Буденовск, мы получили печально знаменитый черномырдинский диалог с Басаевым.

Сегодня настало время, когда нужно руководствоваться лозунгом: «больше спецотрядов, чем танковых батальонов». Только подразделение специального назначения способно провести грамотную операцию по обезвреживанию банды, захватившей заложников. Примером может служить разгром банды экстремистов 14-15 октября 2005 г. в Нальчике. За несколько часов спецназ прибыл в город, уничтожил большую часть отряда боевиков (92 чел.) и еще 31 взял в плен.

2. На некоторое время необходимо установить ограничение на критику армии и спецслужб в СМИ. В период военных действий против экстремистских и террористических организаций такая критика играет только на руку бандитам. Критику и дискуссии целесообразно отложить на период после достижения решающей победы над экстремизмом и терроризмом. В свою очередь

такое ограничение не должно препятствовать конструктивному, позитивному разбору итогов той или иной проведенной антитеррористической операции.

3. Необходимо исходить из того, что без сильных спецслужб не может быть эффективной борьбы, как с международным экстремизмом и терроризмом, так и с другими угрозами интересам государства, включая различные виды конфликтов (сепаратистские, религиозные, межнациональные, расовые и другие).

III. Координация действий

В деле борьбы с религиозно-политическим терроризмом в нашем государстве создан Национальный антитеррористический комитет, координирующий деятельность специальных служб, различных министерств и ведомств, научно-исследовательских институтов и центров по борьбе с терроризмом, которые в той или иной степени причастны к борьбе с угрозами государству и обществу.

IV. Экономическое направление

Борьба на данном направлении должна преследовать цель пресечения финансовых потоков и ликвидацию бизнес-структур, банков, предприятий, преступных сообществ, которые связаны с экстремистскими и террористическими организациями.

V. Идеология

Без работы на идеологическом фронте ожидать успехов в деле борьбы с экстремизмом и терроризмом невозможно. Поэтому:

1. Необходима грамотная, деликатная, но настойчивая работа со средствами массовой информации. Нужно поставить на поток создание высокопрофессиональных документальных фильмов, передач, статей, круглых столов и конференций, которые бы разоблачали человеконенавистническую сущность экстремизма и терроризма во всех их проявлениях, в первую очередь религиозно-политического. Пропагандировать различными способами бесперспектив-

ность предлагаемого экстремистами пути, их отсталость, ограниченность, убогость, преступность целей, средств и методов деятельности.

2. Нельзя предоставлять экстремистам и террористам и их лидерам доступ к СМИ. Необходимо ужесточение законодательных мер, которые должны быть направлены на запрет (или ограничение) освещения деятельности экстремистов и террористов и их лидеров. Ничего нового они сказать не смогут. Ссылка на то, что они-де, вынуждены прибегать к терактам, чтобы власть и общество их услышали, несостоятельна и порочна. Человечество выработало достаточно форм, методов и норм, чтобы тот или иной деятель или группа людей выразила свои интересы цивилизованным способом. Если же кто-то предпочитает говорить с государством и обществом языком захвата заложников, проведением террористических актов, ответ должен быть один — беспощадное уничтожение.

3. Необходим особый режим доступа СМИ к информации в случае проведения бандитами новых террористических акций. Такой режим означает введение разумных ограничений на освещение теракта:

— во-первых, для того чтобы не создавать помех для работы специальных служб (как это было, например, при освобождении узников Норд-Оста);

— во-вторых, чтобы не создавать экстремистам и террористам рекламу, чего они добиваются в первую очередь;

— в-третьих, чтобы не нагнетать истерику и не доводить людей у телевизоров до предынфарктного состояния.

В связи с этим Зураб Тодуа пишет: «Предвижу критические замечания по этому поводу и отвечу так. Можно написать, например, что в Чабанмахи и Карамахи (Дагестан) ваххабиты взяли власть в свои руки, установили шариатские порядки, при которых нет преступности и коррупции и что, в общем, они «нормальные ребята». А можно проинформировать читателей, что ваххабиты захватили власть силой, убили при этом нескольких сотрудников правоохрани-

тельных органов, запугали несогласных с ними односельчан, стали завозить оружие, создали лагеря по подготовке боевиков и готовились к походу на Махачкалу. Думаю, нельзя не согласиться с тем, что между этими двумя подходами к освещению данного события есть существенная разница»¹.

4. С помощью СМИ надо постоянно убеждать людей и на фактах доказывать, что правда на нашей стороне, наше дело правое и победа будет за нами.

5. Необходимо упорно работать с представителями традиционного ислама, требовать от них активной позиции, привлекать их в ряды борцов с религиозно-политическим экстремизмом.

Информационное противодействие должно осуществляться в следующих основных формах:

— общепрофилактическая работа на основе партнерства государства и гражданского общества, направленная на распространение нравственного позитива (идей добра, справедливости, межнационального и межконфессионального мира и согласия), а также правдивой информации об истоках, движущих силах и античеловеческой сущности экстремизма и терроризма;

— индивидуальная профилактическая работа с использованием подготовленных пропагандистов;

— организация ситуативного реагирования на информационные вызовы.

Главное в информационном противодействии — развенчать культивируемую в экстремистском информационном пространстве героику терроризма, как средства достижения «благородных» целей. Показать, что эта героика в действительности является торговлей жизнями простых людей и что дивиденды от этой торговли в финансовой форме получают (и надеются получить еще больше) определенные структуры и лица.

VI. Психология

¹ Тодуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. М.: Ин-Октаво, 2006. С. 269.

Для эффективной борьбы с экстремизмом и террором необходимы специалисты по психологической работе против врага, с целью его деморализации, дезорганизации, разложения его структур изнутри. Целесообразно использование всех методов и средств: натравливание лидеров экстремистов друг на друга, влияние на них с помощью родственников, игра на разногласиях, амбициях, корысти и низменных чувствах. В то же время по возможности привлекать на свою сторону раскаявшихся и заблудших лидеров и рядовых боевиков.

Наряду с этим проводить работу с местным населением с целью дискредитации и подрыва авторитета бандитов, привлечения простых людей на сторону законной власти.

VII. Дипломатия

Настала пора отказаться от пассивной позиции в отношении лидеров и пособников экстремистов, а также представительств террористических организаций, которые укрываются и действуют на территории других государств. Требовать их выдачи в рамках существующих законов. Требовать закрытия СМИ и представительств террористических организаций. В особых случаях проводить операции по похищению видных экстремистских и террористических лидеров, опираясь на опыт других государств (США, Израиль, Турция и другие).

В области профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма следует выделить **основные направления и приоритетные проблемы научных исследований**¹.

I. Основные направления.

1. Философские и религиоведческие основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.
2. Политологические и социально-экономические основы профилактики

¹ Основные направления и приоритетные проблемы научных исследований в области профилактики терроризма. Проект. М.: МГУ, 2008.

религиозно-политического экстремизма и терроризма.

3. Основы управления и механизмы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

4. Коммуникативные основания профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

5. Филологические основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

6. Психологические основы и социально-психологические технологии профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

7. Криминологические основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

8. Правовые основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма (национальные и международные).

9. Педагогические основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

10. Культурологические основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

11. Медико-биологические основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

12. Использование информационно-коммуникационных технологий в профилактике религиозно-политического экстремизма и терроризма.

II. Приоритетные проблемы.

1. Философские и религиоведческие основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

1.1. Определение содержания и взаимосвязей базовых понятий (насилие, религиозно-политический экстремизм, терроризм, противодействие религиозно-политическому экстремизму и терроризму, профилактика религиозно-

политического экстремизма и терроризма и др.).

1.2. Профилактика религиозно-политического экстремизма и терроризма как комплексная научная проблема. Системный анализ профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма как видов социальной деятельности.

1.3. Интерпретация профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма как важнейших сегментов упреждающего системного ответа (реакции) современного общества на возникающие глобальные угрозы.

1.4. Исследование базовых основ и особенностей идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма.

1.5. Разработка концептуальных принципов и оснований антиэкстремистской и антитеррористической идеологии.

1.6. Исследование и обоснование механизмов формирования мотивации антиэкстремистского и антитеррористического поведения граждан Российской Федерации, особенно в регионах, где отмечается влияние экстремистских взглядов и воззрений.

1.7. Разработка концептуальных принципов и оснований формирования в общественном сознании отрицательного образа экстремиста и террориста.

1.8. Разработка концептуальных принципов и оснований формирования в общественном сознании положительного образа борца с экстремизмом и террором.

1.9. Разработка методов и приемов борьбы с идеологической поддержкой экстремизма и терроризма.

1.10. Исследование причин, факторов и условий, способствующих вовлечению российских граждан в экстремистскую и террористическую деятельность.

1.11. Сравнительный анализ опыта различных стран по профилактике религиозно-политического экстремизма и терроризма и разработка рекомендаций

по использованию этого опыта в России.

1.12. Исследование информационно-пропагандистских технологий, которые используют идеологи религиозно-политического экстремизма и терроризма для распространения своих взглядов.

1.13. Исследование религиозного экстремизма в сравнительном аспекте прошлого и современности.

1.14. Исследование взаимосвязей религиозного экстремизма и фундаментализма.

1.15. Исследование религиозно-политического экстремизма и терроризма в полиэтническом обществе (на примере Северного Кавказа).

1.16. Разработка научно-методологической базы для разоблачения ложных стереотипов в общественном сознании о соотношении традиционных религий и религиозно-политического экстремизма, терроризма.

2. Политологические и социально-экономические основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма

2.1. Выделение международного и национально-регионального уровня проблемы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма и их системного элемента — противодействия идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма и взаимосвязей этих уровней.

2.2. Исследование эволюции понятий «экстремизм», «религиозно-политический экстремизм», «терроризм», «радикализм» в истории мировой и отечественной социально-политической мысли.

2.3. Исследование соотношения и взаимосвязей религиозно-политического экстремизма и терроризма и геополитики. Религиозно-политический экстремизм и терроризм — инструменты геополитики в XX — XXI в.в.

2.4. Исследование соотношения и взаимосвязей религиозно-политического экстремизма и терроризма и недостатков государственной по-

литики в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

2.5. Исследование феномена международного религиозно-политического экстремизма и терроризма как способа глобального перераспределения богатств и материальных ресурсов («борьба между Югом и Севером» по С. Хантингтону и в реальной политике).

2.6. Исследование и выявление причин проявлений религиозно-политического экстремизма и терроризма как реакции на рост негативных процессов в социальной дифференциации общества и различий в уровне жизни отдельных социальных групп и регионов.

2.7. Исследование и выявление причин проявлений религиозно-политического экстремизма и терроризма как реакции на недостатки государственной молодежной политики и кризисные явления в социо-культурной сфере общества.

2.8. Изучение действующих и потенциальных очагов оправдания и подпитывания (пассивной и активной поддержки) религиозно-политического экстремизма и террористической деятельности в среде молодёжи.

2.9. Профилактика религиозно-политического экстремизма и терроризма и социальные конфликты (этнонациональные, религиозные, трудовые и др.). Конфликты в системе причин. Механизмы предотвращения.

3. Основы управления и механизмы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма

3.1. Специфика профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма как сферы противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму и ее влияние на особенности управления.

3.2. Разработка и обоснование сбалансированного комплекса распределения полномочий по профилактике терроризма (в системе государственной власти и местного самоуправления).

3.3. Разработка научно-методологической базы и механизмов управления

для поддержки экспертных сообществ и общественных объединений, ставящих своей целью формирование «российской мусульманской идентичности» в качестве альтернативы различным концепциям «глобального исламского сопротивления».

3.4. Исследование современного религиозно-политического экстремизма и международного терроризма как разновидностей сетевых сообществ и выявление особенностей применяемых управленческих технологий.

4. Коммуникативные основания профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

4.1. Формирование научных основ государственной медиаполитики, направленной против идеологии и практики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

4.2. Исследование и обоснование механизмов и технологий пресечения распространения в СМИ информационно-коммуникационных сетях материалов с признаками пропаганды идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма и оправдания экстремистской и террористической деятельности.

5. Филологические основы профилактики терроризма.

5.1. Выявление диспропорций и недостатков государственной политики в сфере языковой культуры, которые могут быть основой для экстремистских настроений.

5.2. Разработка методики проведения лингвистической экспертизы текстов публикаций, материалов теле- и радиопрограмм, а также учебно-методической литературы на наличие в них признаков пропаганды идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма и оправдания экстремистской и террористической деятельности.

6. Психологические основы и социально-психологические технологии профилактики терроризма.

6.1. Исследование религиозно-политического экстремизма и терроризма как психологических феноменов и выявление их психологической природы, форм, типов и уровней проявления.

6.2. Исследование, классификация причин и факторов, способствующих вовлечению представителей различных возрастных и социальных групп населения в экстремистские, террористические организации и распространению идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма.

6.3. Исследование и выявление личностных особенностей, связанных с риском формирования протеррористических установок и терпимости в отношении явлений религиозно-политического экстремизма и терроризма.

6.4. Разработка и апробация комплекса психологических диагностических методик по выявлению групп риска к воздействию пропаганды религиозно-политического экстремизма и терроризма.

6.5. Исследование факторов риска распространения идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма среди подростков и молодежи и разработка психолого-педагогических технологий профилактики их вовлечения в экстремистские и террористические организации.

6.6. Разработка методики проведения психологической экспертизы публикаций в СМИ, в том числе в Интернете, учебной и методической литературы на наличие в них признаков пропаганды идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма и оправдания экстремистской и террористической деятельности.

6.7. Разработка и обоснование социально-психологических технологий по противодействию идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма в средствах массовой коммуникации и в образовательных учреждениях общего и высшего образования.

7. Криминологические основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

7.1. Определение преступности религиозно-политической экстремистской и террористической направленности, особенностей, состояния, дать криминологический прогноз.

7.2. Определение особенности личности преступника в сфере религиозно-политической экстремистской и террористической преступности. Их значение для профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

7.3. Определение эффективности действующего антиэкстремистского и антитеррористического законодательства.

8. Правовые основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма (национальные и международные).

8.1. Национальные и международные правовые основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма. Роль, взаимосвязь, тенденции развития, пути совершенствования.

8.2. Разработка и обоснование предложений по совершенствованию правового регулирования вопросов информационного противодействия религиозно-политическому экстремизму и терроризму.

8.3. Разработка и обоснование предложений по совершенствованию контроля за исполнением законодательства в сфере межнациональных отношений и свободы совести.

8.4. Разработка и обоснование предложений по совершенствованию правового регулирования взаимоотношений государства и религиозных организаций. Так, в соответствии с действующим Федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях» религиозные объединения могут существовать как религиозные группы и религиозные организации. Религиозные группы согласно действующему законодательству не подлежат регистрации. Граждане, создавшие такую группу, должны уведомить органы местного самоуправления об этом только в случае дальнейшего их преобразования в религиозную организацию. Такое положение приводит к тому, что органы местного

самоуправления, правоприменительные органы не имеют информации о существовании религиозных групп, а, следовательно, не могут предупредить их возможную экстремистскую деятельность, в том числе и с привлечением молодежи. В этой связи представляется целесообразным внести в ст. 7 указанного закона дополнение, предусматривающее обязанность религиозных групп уведомлять органы местного самоуправления о начале своей деятельности.

8.5. Разработка и обоснование предложений по совершенствованию правового регулирования статуса и деятельности зарубежных религиозных институтов на территории России.

8.6. Разработка и обоснование международных правовых механизмов противодействия использованию среды Интернет в экстремистских террористических целях.

8.7. Разработка и обоснование правовых механизмов противодействия использованию среды Интернет в экстремистских и террористических целях.

8.8. Разработка концепции гражданского противодействия распространению идеологии религиозно-политического экстремизма и терроризма в общедоступных компьютерных сетях.

9. Педагогические основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

9.1. Формирование учебно-методической и нормативной базы для открытия ряда новых гуманитарных специальностей высшего профессионального образования по проблематике профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

9.2. Разработка учебно-методических основ формирования антиэкстремистского, антитеррористического сознания обучаемых в высших учебных заведениях.

9.3. Разработка и обоснование рекомендаций для учителей средних школ и колледжей по «встраиванию» в учебный процесс элементов антиэкстремист-

ской и антитеррористической идеологии.

9.4. Исследование и выявление причин экстремистских настроений, обусловленных недостатками в системе гуманитарного образования и воспитания, в том числе преподаванием фальсифицированной истории.

9.5. Разработка и обоснование учебно-методических рекомендаций по предупреждению групповых конфликтов на этнонациональной и религиозной основе в коллективах различного типа (в средней школе, вузах, воинских, трудовых и др.).

10. Культурологические основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма

10.1. Исследование и выявление причин экстремистских настроений, обусловленных потерей идеалов и системы ценностно-мировоззренческих ориентации у целых социальных слоев общества.

10.2. Исследование и выявление причин экстремистских настроений, обусловленных межконфессиональными разногласиями, в том числе на основе искусственно создаваемых доктринальных и идеологических различий между исламом и христианством.

10.3. Исследование и выявление причин и условий формирования и распространения экстремистских настроений, обусловленных межэтническими противоречиями и предубеждениями, а также целенаправленно осуществляемыми внешними воздействиями.

10.4. Исследование и выявление причин экстремистских настроений, обусловленных игнорированием ментальных и культурно-бытовых традиций и особенностей отдельных групп населения.

10.5. Разработка и обоснование предложений по более эффективному влиянию культуры на развитие диалога религий.

10.6. Разработка методик формирования у молодежи антиэкстремистской и антитеррористической позиции, в том числе по вопросам равноправия наци-

ональных культур и религий.

10.7. Межъязыковая и межкультурная коммуникация как средства противодействия ксенофобии, религиозно-политическому экстремизму и терроризму.

11. Медико-биологические основы профилактики религиозно-политического экстремизма и терроризма.

11.1. Разработка и обоснование комплексных психофизиологических методик выявления групп риска (асоциальное поведение, а также склонность к экстремизму).

11. Использование информационно-коммуникационных технологий в профилактике религиозно-политического экстремизма и терроризма.

12.1. Разработка и обоснование механизмов выявления в информационном пространстве страны материалов с признаками пропаганды экстремистской и террористической идеологии.

12.2. Разработка эффективных методов противодействия информационным ресурсам экстремистской и террористической направленности в компьютерных сетях.

12.3. Разработка и внедрение новых математических моделей и информационных технологий для повышения эффективности мониторинга электронных СМИ с целью выявления контента экстремистской и террористической направленности.

12.4. Разработка и обоснование новых информационно-коммуникационных механизмов, позволяющих выявлять целевые аудитории информационных ресурсов экстремистской и террористической направленности.

Важнейшей стратегической задачей является изменение подходов Центра в отношении к проблемным регионам страны. В первую очередь это касается Северного Кавказа. Прежняя политика, когда Москва «покупала» лояльность

местных лидеров и элит финансовыми влияниями, уже не годится. Это было оправданно, когда полыхал пожар в Чечне. Бесконечные дотации из Центра развращают местных лидеров и элиты, формируют иждивенческие настроения у населения.

Надо переходить к такой политике на Северном Кавказе, которая выражается формулой «тратить то, что заработали». Юг России находится в благоприятной экономической зоне; 25-30% всех земель пригодны для обработки (средний показатель остальной части России — 12%). Там развитая сеть дорог, сохранилось множество промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Местное население весьма активно и предприимчиво. Следовательно, задача состоит в том, чтобы правильно организовать управление и хозяйствование.

Здесь мы наталкиваемся, пожалуй, на одну из самых важных и болезненных проблем современной России: подбор и расстановка кадров. Нельзя признать нормальным явление, когда чиновники в Центре и на местах рассматривают свои кресла лишь как способ зарабатывания денег путем лоббирования тех или иных коммерческих интересов либо как приложение к собственному бизнесу. То, что эта проблема пока должным образом не волнует федеральные власти, — это тревожный симптом, указывающий на сохраняющуюся опасность формирования из России страны — сырьевого придатка развитого мира во главе с компраторской верхушкой.

Такое государство будет все больше и больше увязать в сепаратистских конфликтах и не сможет по-настоящему противостоять религиозно-политическим экстремистам и террористам. Во-первых, потому что, раскол страны на части, легче выкачивать и продавать ее ресурсы, а во-вторых, потому что нельзя говорить о серьезной борьбе с терроризмом там, где легко купить чиновника любого уровня, главное — узнать его цену.

Надо сделать ставку на государственных профессионалов, в том числе выходцев из глубинки России, которые еще не развращены золотым тельцом и

для которых выражение «интересы народа и государства» не являются предметом насмешек или пустым звуком. Без государственников страна долго не протянет. Также необходима разумная ротация кадров и избавление от тех, кто доказал свою неспособность эффективно исполнять свои обязанности. Победа над экстремистами и террористами возможна только при условии психологического настроя всего общества и государства во что бы то ни стало одолеть врага.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог нашему анализу феномена политического экстремизма, сформулируем еще раз кратко основные положения, выводы и рекомендации, полученные в данном исследовании.

Основным и существенным отличием экстремизма от аналогичных негативных социальных явлений является его **идеологическая обусловленность**. В основе любой экстремистской деятельности любых субъектов такой деятельности (частных лиц, групп и организаций) лежит определенная идеология и **идеологический конфликт** с обществом.

Идеология представляет собой одну из двух основных и **несводимых друг к другу** противоположных форм сознания и отличается от своей противоположности (теории, науки) тем, что учит человека не тому, каков есть этот мир (и прежде всего — общество, общественный порядок), а тому, **каким он должен быть** (и, следовательно, — **каким он быть не должен**).

Религия представляет собой частную и исторически обусловленную форму идеологии. Современной же формой идеологии являются философские (светские) нормативные учения — либерализм, марксизм и т.д. Философские идеологии — это религии, не прибегающие к идее бога и заменяющие ее другими «сверхценными» идеями — свободой личности, общественным благом, благом нации, расы, этноса, пролетариата и т.д.

В любом обществе идеология есть **основа всего его общественного порядка**, и именно через привитие этой идеологии все новым и новым поколениям людей общество и имеет возможность сохранять свой порядок, а вместе с ним и само свое существование.

Вместе с тем, идеология, как и все в этом мире, не стоит на месте, а постоянно **развивается** вместе с развитием самого общества. При этом вопрос о том, что первично в этом процессе — развитие самого общества или развитие

его идей — не имеет принципиального значения. Марксисты полагают, что первично развитие самого общества, а развитие идей является лишь отражением этого процесса. Противники марксизма исходят из противоположного положения. Но на практике можно исходить как из той, так и из другой точек зрения; вернее, **необходимо** принимать как ту, так и другую, ибо обе они достаточно обоснованы и ведут, по существу, к одному и тому же результату.

Основные идеологические направления общественной мысли возникают в результате противоречия между **официальной** (господствующей, общепринятой) **идеологией** и **реальностью**, понимаемой как ее (идеологии) воплощение. В ходе сопоставления идеологических идеалов и норм с реальностью человек приходит к различной **оценке** соответствия этой реальности нормам идеологии (как официальной, так и его собственной, выработанной в нем **воспитанием** или его собственными **размышлениями**).

В результате такого сопоставления и оценки реальности человек может прийти к следующим основным выводам (убеждениям).

Во-первых, он может найти соответствие идеалов и реальности вполне удовлетворительным, и, следовательно, прийти к выводу, что в реальности совсем ничего не нужно менять — это позиция **консерватора**. Во-вторых, он может прийти к выводу о несоответствии реальности его идеалам, и, следовательно, — о необходимости изменить реальность — это позиция **реформиста**.

По степени удовлетворенности-неудовлетворенности реальностью реформисты и консерваторы могут быть **радикальными** или **умеренными**.

Реформистская позиция при этом может выражаться в двух основных формах — **ретроградской** и **модернистской**.

В зависимости от того, в каком направлении **реформисты** полагают необходимым изменять общество, ими вырабатывается и соответствующая идеология — модернистская или ретроградная, радикальная или умеренная. При этом реформистские идеологии могут различаться между собой не только по

содержанию (качественно), но и **по той степени** социальных изменений, которые они предусматривают. Эти изменения могут относиться либо только к одной из каких-либо сфер общественной жизни (например, к отношению между полами или к проблеме запрета абортов) — такие идеологии можно определить как **частные**, — либо же они могут затрагивать самые **глубинные** вопросы общественной жизни (например, существование частной собственности, устройство государственной власти) и предлагать их **радикальное** изменение — такие идеологии можно определить как **революционные**.

Однако идеологии и идеологический процесс являются только **начальной основой** экстремизма как целостного **развивающегося** явления. И лишь на достаточно **поздних** этапах его развития появляется возможность уверенной квалификации его именно в качестве экстремизма, а не чего-либо иного. В целом же в развитии этого негативного социального феномена можно выделить следующие пять основных этапов.

На **первом**, самом начальном этапе его формирования в обществе возникает определенная новая **идеология**, представляющая собой некоторую систему крайних взглядов на формы и способы разрешения какого-либо актуального социального противоречия (или всех основных противоречий). На этом этапе «экстремисты» — это еще просто идеологи, мыслители-одиночки, развивающие соответствующие идеи. Они еще очень немногочисленны, их буквально **единицы**.

На **втором** этапе зародившаяся новая идеология начинает **расширять** круг своего влияния, приобретает себе новых сторонников и приверженцев, которые усваивают новые взгляды идеологов-основоположников и начинают отстаивать и **пропагандировать** их в кругу людей, интересующихся морально-теоретическими проблемами общества. На этом этапе «экстремисты» — это уже достаточно широкие круги (десятки и сотни людей), интенсивно **обсуждающие** и **проповедующие** новые идеи.

На **третьем** этапе новые идеи начинают овладевать уже и **массами** (не десятками и сотнями, а уже тысячами людей), чему способствует деятельность **популяризаторов** и **проповедников** новых идей. Идеологический экстремизм получает более или менее массовый характер.

На **четвертом** этапе новая идеология воспринимается уже не идеологами только, а и **практическими деятелями**, создающими на ее основе соответствующие конкретные **планы** и **программы** переустройства общества в соответствии с новыми идеями. Под эти планы и программы они начинают вербовать уже не просто сторонников и приверженцев новых взглядов, а реальных **исполнителей**, готовых взять на себя **дело реализации** этих планов и программ. Разрабатывается **стратегия** и **тактика** достижения поставленных целей. Из идеологической и теоретической областей экстремистские взгляды переносятся уже на **практическую почву**. Экстремизм приобретает уже явный характер.

Наконец, на последнем, **пятом** этапе формирования феномена экстремизма сформировавшиеся уже **практические организации**, набравшие достаточное число **активистов** и «**боевиков**», переходят теперь и к конкретным экстремистским **действиям**. Их деятельность протекает уже в **изменившейся социальной среде**, в которой они находят достаточное число сочувствующих и способствующих реализации их планов и готовых осуществлять их **материальную** поддержку.

Таким образом, от зарождения новых идей в головах мыслителей-одиночек, через приобретение ими широкого и затем массового влияния в конкретном обществе и к формированию действующих организаций, имеющих материальную поддержку — таков основной путь развития феномена экстремизма, путь последовательного формирования его **основных элементов**.

Чем дальше зашло развитие конкретного экстремистского явления, тем легче его распознать, но тем труднее излечить. И наоборот, чем на более ран-

ней стадии развития оно находится, тем легче от него излечиться, но труднее его распознать в качестве именно экстремизма.

Хотя основой любой экстремистской организации и ее деятельности, действительно, является соответствующая идеология, тем не менее, собственно экстремизм их **проявляется** вовсе не в идеологии самой по себе, а в тех **практических средствах**, которые избирают для ее воплощение в жизнь **практики**, вставшие под знамена данной идеологии.

Теоретически же, у любой новой идеологии есть два **крайних** способа превратиться в официальную (господствующую) доктрину того или иного общества — 1) **мирный** и 2) **насильственный**. Сторонники мирного пути развития новой идеологии избирают в качестве практических планов по ее осуществлению лишь методы **пропаганды** и **проповеди**, а также — **легальный** путь борьбы за власть в мирном состязании со всеми другими политическими партиями и общественными движениями. Сторонники же второго пути, не отказываясь и от мирных путей к цели, основной упор все же делают на **насильственные** методы претворения своей идеологии в жизнь (как правило, — через приход ее сторонников к власти), и создают для этого соответствующие **боевые структуры**. Именно эти организации и их деятельность и могут квалифицироваться уже как **полностью экстремистские**.

Таким образом, экстремистскими являются такие идеологизированные лица, группы и организации, которые избирают в качестве **основных средств** продвижения своих идей в обществе любые насильственные действия, которые пропагандируют такие **средства** (не идеи), агитируют за них, готовятся к ним и осуществляют сами такие насильственные действия.

Однако, как и в любом логическом делении подобного рода, между двумя указанными крайностями всегда есть место и для представителей «золотой середины» — то есть для сторонников **в основном мирных** (неэкстремистских) действий, но не исключаяющих в то же время (при определенных

обстоятельствах) и **насильственных** или **полунасильственных** действий. Такие организации и деятельность можно отнести к **полуэкстремистским**. Однако, и среди экстремистских организаций обычно выделяют, в качестве **крайних** их типов, организации **террористические**.

Террористическое насилие — это насилие, применяемое экстремистами к своим противникам не непосредственно, а **косвенно** — через уничтожение имущества и жизней третьих лиц, как правило, не причастных к самому конфликту между террористами и их противниками. С криминологической точки зрения, главная, отличительная особенность терроризма заключается в том, что — это **совершение общественно опасных, уголовно наказуемых деяний в отношении жизни, здоровья людей, прав и законных интересов различных субъектов ради принуждения третьей стороны к принятию требуемых террористами решений**.

Однако такое определение, достаточное, по-видимому, для точной **криминологической** характеристики этого феномена, не отражает существо терроризма полностью. Террористы стремятся не просто к крайним формам и актам насилия, к жестоким и ужасающим преступлениям, но и обязательно к «громким» насильственным актам, имеющим **символическое** значение. Последнее означает, что целью терроризма является не просто посеять страх и ужас в сознании своих **противников**, но и породить настоящую **атмосферу страха и ужаса**, то есть привести в это состояние **все общественное сознание в целом**. Объектом воздействия террористов является **сознание всего общества** или максимально широких слоев населения. В силу этого, любой терроризм, а не только собственно политический, имеет и **политическое** содержание.

Хотя, в общем, и любой терроризм адресует свои действия широким слоям населения (их сознанию), но политический терроризм воздействует на сознание населения наиболее продуманно и целенаправленно. Политический

терроризм, следовательно, есть не просто крайнее средство политической борьбы, но и средство **морально-психологического воздействия на массовое сознание**.

В понятии политического экстремизма, несущем в себе явственную **отрицательную** коннотацию, имплицитно заложено и понятие **легитимности** государственной власти. Поэтому, только тот политический экстремизм соответствует своему понятию в полном смысле этого термина, который направляется против **легитимной** государственной власти (или против **легитимных** политических противников и иных социальных групп). В свою очередь, и **законное** насилие, применяемое **законной** властью против своих политических оппонентов и противников, также может приобрести черты **государственного экстремизма** в том случае, когда эта, формально законная, власть в обществе начинает утрачивать свою **легитимность**.

Государственная власть в основе своей власть — **духовная, морально-нравственная**, а не физическая, экономическая, интеллектуальная и т.д. И в качестве таковой она может и утрачивать свою легитимность, которая может при этом переходить к **оппозиции**, избирающей в таком случае часто и нелегальные, насильственные методы свержения утратившей легитимность старой власти. В таком случае определения экстремизма по существу приложимы к обеим сторонам конфликта — и к официальной власти, и к вооруженной оппозиции. Но историческая и моральная правота оказывается уже на стороне оппозиции, а не власти. Следовательно, именно в таких случаях экстремизм может приобретать и морально оправданный, исторически легитимный характер.

Анализируя кратко **развитие и современное состояние идеологической ситуации в мире**, являющейся основой расстановки политических сил и современной политической борьбы в мире, мы можем кратко резюмировать наши выводы следующим образом.

В философии истории было предложено множество различных периодизаций развития общества, среди которых в настоящее время наибольшим признанием пользуется схема, разработанная в рамках **марксистской** концепции. Согласно этой периодизации, в человеческой истории выделяется первоначальный период первобытнообщинного строя и последующие периоды рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического общества. Основой деления здесь выступают формы **производственных отношений** (формы собственности) и формы **эксплуатации** низов верхами.

Деполитизированная модификация этого подхода, получившая широкое признание в последнее время, делит всю историю на периоды первобытного (охотничье-собирательского), аграрного, индустриального и постиндустриального общества (формирующегося в настоящее время). Эта периодизация носит **производственно-экономический** характер, и в основе ее лежит уровень и характер развития **производительных сил** общества. Наиболее нейтральная и объективистская, она в наибольшей степени приемлема в качестве **основы** для любых теоретических построений.

При этом обе эти периодизации исходят из постулата **первичности материальных** процессов и отношений в обществе.

Однако в философии истории сохраняется до сих пор и **противоположная** точка зрения на историческое развитие, согласно которой первичными являются не материальные условия жизни, а форма и уровень **духовного развития** общества. Наиболее известной из периодизаций, основанных на таком подходе, является схема, предложенная основателем социологии О. Контом (1798-1857). Согласно Конту, человечество проходит в истории через три следующих необходимых стадии своего развития — **теологическую, метафизическую и позитивную**.

Однако в этой концепции не различаются и смешиваются две **противоположные** формы общественного сознания — **теоретическая** (научная) и **практическая** (религиозно-духовная, идеологическая).

Периодизация **теоретического** развития общественного сознания может быть представлена следующим образом. **Первый период** духовно-теоретического развития — это период до возникновения мифологии, представляющей собой самую первую попытку осмысления мира. Его можно назвать периодом **первобытного сознания**. **Второй период** начинается с создания самых первых мифов, авторов которых мы, естественно, не знаем. Этот период можно назвать **мифологическим**. **Третий период** начинается с создания первых, уже собственно теоретических, **натурфилософских** систем, то есть, — систем Фалеса, Анаксимена, Анаксимандра (VI в. до н.э.) и др. Этот период духовно-теоретического развития представляет собой эпоху возникновения, расцвета и господства в теоретическом сознании Запада греческой, и особенно, **платоновско-аристотелевской** метафизики, и его можно назвать **метафизическим**. **Четвертый период** духовно-теоретического развития начинается с философских систем Ф. Бэкона (1561-1626) и Р. Декарта (1596-1650), предлагающих впервые совершенно новую теоретическую парадигму, приводящую вскоре к таким выдающимся научным достижениям, как теории Н. Коперника, Г. Галилея, И. Ньютона и др. Этот, четвертый период развития теоретического сознания протекает под знаком господства **эмпирического, экспериментального естествознания**, на которое равняются и которому подражают сейчас и все гуманитарные науки. Его, действительно, можно назвать **позитивистским** (или **эмпиристским**) периодом.

Таким образом, **первобытный, мифологический, метафизический и позитивистский** — четыре основных периода **духовно-теоретического** развития «человечества» (западной цивилизации).

Однако духовно-теоретическое развитие общества, которому уделяется преимущественное внимание западными мыслителями, не играло в предшествующей истории человечества той выдающейся роли, которая приписывается ему современным западным сознанием. А во многом оно не играет такой роли и в настоящее время. Гораздо большее влияние на жизнь общества оказывало (и оказывает) не его теоретическое развитие, а его развитие **религиозно-духовное** (идеологическое).

И если мы посмотрим на историю западной цивилизации **с этой точки зрения**, то должны будем выделить в ней совсем другие основные этапы и периоды. Прежде всего, всю ее историю мы должны будем разделить на периоды **до рождения Христа**, и периоды — **после рождения Христа**. Фактически, именно так она и разделена в современном западном летоисчислении. Период до рождения Христа самими христианами назван **периодом язычества**. Однако и в нем нам необходимо выделить и еще более древний и первоначальный период, в котором не приходится говорить даже и о языческом сознании. Этот, **самый первый** период можно условно назвать периодом **первобытного** (доязыческого) сознания. **Второй период** — это эпоха возникновения, расцвета и господства языческой формы идеологического сознания. Он начинается с создания героических и теогонических поэм Гомера (IX-VIII вв. до н.э.) и Гесиода (VIII-VII вв. до н.э.), которые и создали, по замечанию одного древнего автора, грекам их богов, и завершается в эпоху рождения и деятельности Христа. **Третий период** — это эпоха возникновения, развития и господства христианской религиозной доктрины. Наконец, **четвертый период**, началом которого служит эпоха Просвещения и Великой французской революции, — это период возникновения, развития и господства постхристианской, секулярной, **просвещенческой** идеологической доктрины, которая и составляет собой религию современного Запада (точнее, — ее доминирующее духовное ядро).

Таким образом, основные этапы **духовно-религиозного** развития западной цивилизации — это **первобытная, языческая, христианская и просвещенческая** (постхристианская) эры, или эпохи.

Однако, если мы обратимся к другим, **незападным** цивилизациям, то там аналогичные эры или эпохи связаны с появлением совсем других, своих собственных учителей и пророков, предложивших и развивших там иные оригинальные духовно-религиозные доктрины и учения. В Китае, в частности (и вообще на Дальнем Востоке), мы должны будем делить всю историю на периоды до и после **Конфуция** (551-479 до н.э.); в Индии — на периоды до и после **Будды** (623-544 до н.э.); на Ближнем Востоке — на периоды до и после **Заратустры** (греч. Зороастр, X-VI вв. до н.э.), до и после **Моисея** (предп. XIV в. до н.э.) и до и после **Мухаммеда** (570-632).

При этом периоды до появления указанных учителей и пророков относятся там к первобытным и языческим эрам, а периоды после господства их учения либо еще и **не начинались**, либо находятся на самом первоначальном этапе их развития. Так, своеобразным аналогом европейского Просвещения, видимо, можно признать так называемую революцию (секуляризацию) Кемаля Ататюрка (1881-1938), проведенную однако с достаточной полнотой и последовательностью пока лишь в одной только Турции (и, на других началах, — в некоторых бывших советских мусульманских республиках). В других же мусульманских странах подобных преобразований либо еще вообще не проводилось, либо осуществлены даже и некоторые **контрреформы** (как, например, в ваххабитской Саудовской Аравии). Что же касается некоторых стран Африки, например, то там и вообще господствуют еще, по существу, **языческие** и даже **первобытные** формы духовно-религиозного сознания.

Таким образом, разные регионы, народы и страны нашей планеты в духовно-религиозном отношении не только значительно отличаются от цивилизации Запада **по содержанию** своих религиозных доктрин, но и находятся по

отношению к нему **на разных ступенях духовного развития**. При этом в **материально-экономическом** отношении они могут принадлежать в то же время к одному и тому же — аграрно-индустриальному или даже индустриальному типу.

Последнее замечание указывает на то, что материальное и духовное развитие общества не имеет, по-видимому, той жесткой связи, на которой настаивает марксистская теория. С другой же стороны, между **теоретическим** и **религиозным** развитием общественного сознания, по-видимому, существует достаточно прочная взаимосвязь.

Однако при этом мы должны правильно понимать сущность религии и законы ее формирования и развития в человеческом обществе. И прежде всего мы должны четко отличать теоретическое сознание (науку) от религии. Наука адресована нашему **интеллекту**; религиозное же учение адресовано нашей **воле**. Религия отвечает в наиболее общей форме на вопросы: «что есть Добро» и «что есть Зло». Она образует и воспитывает не наш ум, но нашу волю, делая ее истинно человеческой. Наука же отвечает только на вопросы «что есть» и «чего не существует» — она только **просвещает** наш ум. Поэтому никакое научное знание не способно заменить собой религию.

Критерий истинности научных утверждений лежит во внешней действительности. Критерий истинности религиозных заповедей лежит в самой нашей воле, которая от природы (априори) знает (чувствует), что есть добро, и что есть зло (подчинена нравственному закону). Религия не создает нравственности, но только **осознает ее**, формулирует и выражает.

Нравственный характер нашей воли состоит в ее стремлении и тяготении к самоотрицающему, «служительному» отношению к миру, в поиске **смысла жизни**, высшей и **самой возвышенной формой** выражения которого и является религия. Она выражает нравственность в форме божественных заповедей, которые наша воля и признает своими именно потому, что они и действительно

— ее собственные (изначально заложенные в ней). В религии она просто узнает самое себя.

В то же время, совершается этот процесс не одномоментно, а в ходе длительного и противоречивого развития, составляющего содержание человеческой истории. Кроме того, у каждого исторического народа этот процесс протекает **по-своему**.

Если воспользоваться терминологией Гегеля, то развитие античной (наиболее изученной) рациональной философии было **первым отрицанием** в лоне древнего **мифологического** сознания, первой попыткой **теоретического** сознания стать **абсолютным** (закрывающим в себе все мировоззрение); а последовавшее затем «контрнаступление» **морально-религиозного** сознания (в форме христианской религии) — есть второе отрицание, или **отрицание отрицания**.

Но у **восточных** народов, как уже отмечено выше, аналогичные процессы развития духовного сознания протекали на своей собственной основе, имели **другую форму** и другую историческую периодизацию, которая требует специального исследования. Каждая из четырех (пяти) современных мировых религий имеет свою собственную оригинальную историю и свое собственное духовно-нравственное содержание, в чем-то отличающееся от остальных мировых религий, имея, вместе с тем, с ними и много общего. Конкретное исследование каждой из них не должно игнорировать ни этого общего, ни специфического, так как и то и другое **на практике** имеет очень большое значение.

В особенности такого углубленного исследования заслуживают сегодня две мировых религии — христианство (в его протестантской версии) и ислам как две духовно-религиозных доктрины, оказывающих на современную мировую политику наибольшее влияние (в рамках противостояния Восточной и Западной цивилизаций).

В то же время относительно Западной цивилизации необходимо исходить из того, что ее духовно-религиозное развитие, начиная с XIX века, осложнилось еще и противоборством **религиозных и светских** идеологических доктрин, не получивших пока столь же мощного развития на Востоке (или не принявшего там столь острых форм).

Идеологическая борьба в Средневековом европейском обществе носила в основном **внутриконфессиональный и межконфессиональный** характер. В первом случае это была борьба ортодоксального официального учения с различными **еретическими** движениями, а во втором — борьбой с остатками **языческих** верований (колдовство, ведьмы и т.п.), с **исламом** (который христиане первоначально причисляли к особому еретическому учению), **иудаизмом, православием** и впоследствии — с **протестантизмом**. Однако с появлением на духовно-культурной арене Европы (в XVIII веке) **антирелигиозных** философско-рационалистических доктрин Просвещения идеологическая борьба осложняется еще и противостоянием религиозного сознания в целом с различными антирелигиозными и безрелигиозными социальными учениями. В свою очередь, и эти последние раскалываются вскоре на различные социально-философские направления, относящиеся по-разному как к религии, так и к друг другу, и вступают в напряженную борьбу между собой.

В результате, идеологическая борьба на Западе в XVIII-XX веках приобретает сложнейший **религиозно-философский** характер. Основной формой, в которой протекала духовная борьба в Европе в эпоху Просвещения, когда там зарождалась впервые новая, чисто светская (**секулярная**) морально-нравственная доктрина, была конфронтация между **наукой и религией**. Борьба **религиозного и секулярного, просвещенческого** мировоззрений протекала в XIX веке сначала во Франции, а затем и во всей Европе, с **переменным успехом**, — с частичными **возвратами** к изгоняемым религиозным идеям и нормам, и закончилась в конце концов не полной победой одной из сторон, а неко-

торым их **примирением**, но на условиях продиктованных теперь уже новой, **просвещенческой** идеологией (то есть, так же, как в свое время и спор христианства с язычеством). Старая, религиозная идеология при этом сохранила значительную часть своего влияния на умы новых европейцев, но это влияние не было уже господствующим и доминирующим. Ее прежнее положение заняла идеология **просвещенческая**, а религиозные доктрины были оттеснены на периферию европейского сознания. Вместе с тем, освобождение от влияния христианского учения привело к освобождению и многих **языческих** и даже **первобытных** представлений и верований (астрологии, магии, ворожбы, колдовства и т.п.), захвативших свою нишу на западном рынке свободы совести.

На смену же религиозной духовной борьбе в Европе пришла борьба различных **светских** мировоззрений, возросших уже на почве просвещенного европейского сознания. При этом, если Реформация дискредитировала в Западном мире альтруистическую солидарность индивидов как **средство спасения** в христианской ценностно-нормативной парадигме, то материалистические учения эпохи Просвещения и социал-дарвинистские концепции Нового Времени дискредитировали и саму идеалистическую и трансцендентную **цель жизни** христианина — спасение души и вечную жизнь за гробом. Новая ценностно-нормативная парадигма западного общества предлагала теперь своим членам чисто **материалистическую цель** жизни — улучшение своего положения в этом мире, и универсальным **средством** к достижению этой цели предлагала **тотальную конкуренцию** индивидов в борьбе за материальные блага. В этом и состоит суть духовной культуры классического рыночного, капиталистического общества. С особой последовательностью все эти новые идеи воплотились в философско-политической доктрине **либерализма**.

Самой существенной чертой либерализма (являющейся одновременно и главным его достоинством, и главным его недостатком) является **абстрактный** (предельно общий и абсолютный, **вневременный**) подход к человеку. Либерализм

лизм выступает в защиту человека вообще, вневременного и внесоциального человека, которого в действительности не существует. В каждую данную эпоху и в каждом конкретном обществе любой человек является не только человеком вообще, но и мужчиной или женщиной, молодым или старым, здоровым или инвалидом, богатым или бедным, правящим или подчиненным и т.д. И поэтому свобода личности, которую ставит во главу угла либерализм, оборачивается ко всем этим конкретным людям своими **различными сторонами**, в зависимости от того, что они собой в действительности представляют, какое **реальное** положение они занимают в том или ином обществе.

Поэтому у либеральной доктрины, по мере воплощения в жизнь ее основных принципов, множилось число ее оппонентов и критиков, развивавших **противоположный** подход к обществу, получивший название коммунизма (**социализма**). Так уже в самом начале существования нового общества обнаружилось его основное противоречие — противоречие между **свободой личности** и **социальной справедливостью**. Первое начало было положено в основу различных доктрин **либерализма**, а второе — в основу доктрин **коммунизма** и **социализма**. В борьбе между этими двумя идеологиями прошли затем весь XIX век и почти весь XX век.

В отличие от либерализма, социализм исходит не из представлений о человеке вообще, а из анализа положения реального человека, живущего в конкретном, **капиталистическом** обществе, разделенном в имущественном отношении на два основных класса — класс собственников и класс пролетариев. Другим принципиальным отличием социализма от либерализма является то, что первый рассматривает человека не только и не столько как **духовное** существо, нуждающееся прежде всего в **свободе**, сколько существо **материальное**, нуждающееся прежде всего в **пище, одежде, жилище** и т.д. Социализм объявляет либеральную общественную доктрину либо ошибочной, либо недобросовестной, призванной отвлечь человека от его реальных, **материальных** инте-

ресов и заговорить его красивыми словами о свободе, демократии и т.п., оторванных от жизни призрачных, иллюзорных ценностей. Особенно фальшивым при этом социализму кажется либеральный **идеал свободы**. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» — таков основной вывод (или постулат) социализма.

Вместе с тем, социализм полностью принимает либеральную точку зрения на **социальное равенство** всех людей, и именно с этой точки зрения он и осуждает вопиющее **материальное неравенство**, допускаемое в условиях капитализма. Однако социализм в своей крайней (марксистской) формулировке видит свою миссию в том, чтобы выражать интересы не всего общества и не человека вообще, а интересы только **угнетенного неимущего класса**, составляющего большинство населения, и единственное полноценное средство его освобождения он усматривает в **революционном** (насильственном) упразднении института частной собственности на средства производства и передаче последних в собственность и управление всему обществу (поначалу — только революционному рабочему классу). Более мягкие течения социализма выступают за **ненасильственный** и «естественный» (эволюционный) характер перехода средств производства в общественную собственность.

Под влиянием русской революции 1917 года, Западные страны вынуждены были все же признать огромные успехи и **частичную правоту** социалистических режимов, лежавших в основе их **привлекательности** для населения самих западных стран, и вынуждены были приступить к социалистическим (по содержанию) **реформам** своих обществ. Именно обоснованием этих послевоенных реформы и является по существу современная концепция **социального государства**. Она представляет собой своеобразный **синтез** либеральных и социалистических идей и доктрин, **их примирение, но на либеральной основе**.

Современную доктрину социального государства, поэтому, следует рассматривать как **исторический синтез** либеральных и социалистических идей и

доктрин, как их **примирение**, в котором делается попытка сохранить сильные и правомерные положения обеих доктрин, дополняющих, а не отрицающих друг друга.

Однако и либерализм, и социализм в XX веке обрели себе нового идеологического противника в лице **национализма**, отрицавшего некоторые общие посылки, лежавшие в основе обеих великих просвещенческих идеологических доктрин.

И теоретические, и идеологические концепции эпохи Просвещения, включая и марксизм, разрабатывались на основе **только западноевропейского** исторического материала. Но при этом их авторы считали, что они описывают некоторое **общество вообще**, которое они именовали «человечеством». В итоге и самих себя новые европейцы стали впервые понимать уже не в качестве христиан, французов, европейцев или народов Запада, а в качестве некой **части всего человечества**, правда, — в качестве «**самого передового и прогрессивного**» его отряда. В качестве реакции на это **космополитическое** воззрение и появляются на Западе первые расовые и этнополитические доктрины. Теоретической основой их является так называемая **цивилизационная** концепция истории, в настоящее время конкурирующая в социальной философии с марксистской **формационной** теорией.

В результате дальнейшего развития трех указанных направлений в светском мировоззрении Западной цивилизации и сформировались основные духовно-идеологические противоречия, определившие собой и основные политические конфликты в XX веке.

Фашистские и национал-социалистские идеологии являются по существу **националистическими**, отрицающими космополитизм либеральных идеологий. Ключевыми идеями национализма признаются обычно: «1) национальная самоидентификация, осознание единства со своей нацией; 2) понимание нации как высшей ценности; 3) утверждение идеи исключительности своей нации». В

отличие же от социалистических доктрин, также отрицающих либералистский индивидуализм в пользу коллективизма, в националистических учениях высшей ценностью провозглашаются интересы не отдельного класса, а **всей нации в целом**. Классовые конфликты в рамках национализма рассматриваются в качестве подчиненных и разрешаются в рамках конфликтов межнациональных (межгосударственных). Поэтому национализм, как правило, ведет к обострению межгосударственных отношений и чреват вооруженными конфликтами. Вторая мировая война как раз и явилась таким гигантским столкновением народов, в котором агрессивной стороной выступили националистические государства, в первую очередь, — Германия, Италия, Япония и др.

Поражением блока националистических держав во Второй мировой войне исторический спор между **национализмом** и **наднационализмом** (в его либералистской **индивидуалистической** и коммунистической **интернационалисткой** формах) был решен в пользу последнего. Расистские, этнократические и националистические идеи были осуждены мировым сообществом и подвергнуты всесторонней критике.

Однако противоречия между самими двумя основными формами наднационализма привели затем к затяжной Холодной войне между послевоенными блоками буржуазных и социалистических государств. Постепенное **взаимное признание** частичной правомерности и обоснованности притязаний обеих основных идеологических доктрин привело уже к началу XX века к их сближению в рамках концепции социального государства, старающейся примирить обе противоположности и обеспечить в современном обществе как духовную, политическую и экономическую свободу граждан, так и достойный уровень материального обеспечения их большинства населения. В этом взаимном **примирении** и заключается, на наш взгляд, общая теоретическая суть доктрины современного социального государства.

В целом же можно сказать, что, анализируя ценностно-нормативную систему того или иного современного общества, мы должны четко выделять, во-первых, ее центральную, **доминирующую** парадигму, и, во-вторых, ее периферийные, недоминирующие парадигмы, расцвет которых или уже в **прошлом** (как это произошло с христианской или советской ценностно-нормативными парадигмами), или еще только в **будущем** (как это может произойти с некоторыми новыми ценностно-нормативными парадигмами, конкурирующими с нынешней доминирующей). Недоминирующие ценностно-нормативные парадигмы также оказывают более или менее сильное влияние на членов конкретного общества.

Проведенный нами анализ различных видов и форм современного экстремизма показывает, что наиболее значимым основанием для научной классификации экстремистской деятельности является различие **основных субъектов** социально-политических конфликтов. Именно субъектами конфликта задается конкретный набор ценностей и интересов, присущих деятелям, избирающим экстремистские формы действий, а, следовательно, — и основные формы разрешения конфликтов, равно как и способы их профилактики и противодействия экстремизму.

Исходя из этого понимания мы можем установить, что основные и самые общие виды (роды) экстремизма — это **межгосударственный** (международный) и **внутригосударственный** экстремизм. А в рамках последнего мы можем различать, во-первых, экстремизм **частных** социально-политических субъектов, конфликтующих с **государством в целом** (его можно называть **государственно-политическим** экстремизмом), и, во-вторых, — экстремизм частных социально-политических субъектов, конфликтующих **между собой** (его можно называть **частно-политическим** экстремизмом). Наиболее опасны государственно-политические виды и формы экстремизма.

При этом следует подчеркнуть, что при определении того или иного вида

экстремизма недостаточно указывать лишь на **одного** субъекта, избирающего экстремистские формы борьбы, так как конфликты всегда носят, минимум, **двусторонний** характер. Экстремизм не является каким-то вечным атрибутом, присущим от природы тому или иному субъекту и направленным **против всех** остальных субъектов. Он всегда представляет собой **конкретный выбор** субъекта, осуществляемый в рамках **конкретного конфликта** и направленный **против конкретного противника** или оппонента.

Следующим по важности признаком для научной классификации экстремизма является признак, указывающий на **содержание** конфликта. В этом отношении все основные **виды** экстремизма мы можем разделить на его **основные формы**, среди которых необходимо прежде всего выделить формы, определяемые духовными, **мировоззренческими** конфликтами (среди которых основной — нравственный, идеологический), и затем — формы, определяемые остальными типами конфликтов — **экономическими, политическими и социально-психологическими**. Соответственно, и основными общими формами экстремизма будут — **мировоззренческий** и (просто) **социальный** экстремизм. В первом случае (самом глубоком и принципиальном) целью экстремистских действий является утверждение в мире или в отдельном его регионе, в отдельном государстве или в отдельной республике некоего **нового** (или старого) **социально-политического порядка** (например, — торжество норм шариата и политики, направляемой исламскими духовными лидерами). Во втором же случае речь идет лишь о **перераспределении** между конфликтующими субъектами материальных, властных и социально-психологических ценностей **в рамках существующего социально-политического порядка**.

Хотя, как показывает практика, чистые (простые) формы экстремизма встречаются довольно редко (чисто экономический экстремизм, чисто политический экстремизм и т.д.), и все они, как правило, отягощены еще и остальными формами, все же одна из них является обычно **определяющей**, а остальные

носят побочный и **подчиненный** характер.

Поэтому, выяснение **основной, определяющей** формы того или иного социально-политического конфликта между конкретными субъектами имеет чрезвычайно важное значение для выработки адекватных практических мер по его разрешению.

Наконец, последний по значению признак, играющий роль в научной классификации экстремизма — это **стратегия** разрешения конфликта, избранная тем или иным социально-политическим субъектом. В этом отношении может различаться только **крайний** (радикальный) экстремизм, направленный на полное уничтожение или подавление своих оппонентов и противников, и экстремизм **компромиссный, умеренный**, прибегающий только к полумирным-полунасиловственным действиям, направленным лишь на улучшение положения одной из сторон в рамках **существующей** формы разрешения конфликта.

Внутригосударственный экстремизм может проявляться в деятельности: 1) отдельных **индивидов**, 2) более или менее крупных социальных **групп**, и 3) в действиях больших и сверхбольших **масс** людей. Соответственно, по **количественной характеристике** субъектов экстремистской деятельности, мы можем различать экстремизм **индивидуальный, групповой и массовый**.

Групповой и массовый экстремизм, кроме того, может носить как спонтанный, **неорганизованный** характер (например, действия возбужденной уличной толпы), так и характер частично или полностью организованный. Соответственно, по степени организованности экстремистской деятельности мы можем различать экстремизм: 1) **неуправляемый** (стихийный), 2) **направляемый** (управляемый частично), и 3) полностью управляемый (**организованный**).

Наконец, по форме социально-политических конфликтов, лежащих в основе экстремистской деятельности, мы можем различать экстремизм **идеологический** (мировоззренческий), **экономический, политический и социаль-**

ный.

Важнейшая плоскость внутригосударственной жизни — **классово-политическая**. Индивиды в современном обществе разделены не только по национальному и религиозному, но также и по классовому признаку.

В современном обществе существуют и переплетаются три вида классов — экономические, политические, духовно-религиозные и социальные. Любой индивид входит одновременно во все эти классы, и при этом он может занимать в них разное положение. Соответственно, и классовая борьба (вертикальная и горизонтальная) идет во многом параллельно и отдельно во всех основных сферах общества — экономической, политической, духовно-религиозной и социальной, — в которых соответствующие элиты, завоевавшие свое высокое положение, отстаивают ее, с одной стороны, против новых претендентов на их место, поднимающихся из нижних страт, а, с другой, — против конкурирующих группировок, с которыми они делят свое высокое положение, обладая в нем большей или меньшей долей. И в этой борьбе, естественно, могут возникать и соответствующие формы **экстремистской** деятельности, избираемые политическими, экономическими, религиозными или социальными субъектами, лидерами или организациями.

Однако один только **классовый** подход к структуризации общества (и его конфликтов) является **односторонним** и недостаточным, поскольку он отвлекается от **этнической** (этнокультурной) природы государства и общества. С некоторым приближением классовый подход может адекватно применяться для анализа социальных конфликтов в обществе **моноэтническом** (и **монорасовом**). Однако таких обществ (государств) в современном мире совсем немного (Япония, Корея и некоторые другие), большинство же остальных государств обладают, кроме социальной, и сложной этнической и этноконфессиональной структурой.

Нация — это этнос **или совокупность этносов**, живущих **единым государством**, поднявшихся до государственного образа жизни. А этнос — это догосударственная или уже внутригосударственная общность людей. Поэтому государство может быть как моноэтничным (например, Япония), так и полиэтничным (например, Россия), а этнос, в свою очередь, может оказаться как **разделенным** между несколькими государствами, (как, например, курды), так и **консолидированным** в одном государстве (как, например, якуты). При этом, этносы могут быть как **государствообразующими** (создавшими и сохранившими традицию своей государственности), так и «огосударствленными» (воспринявшими государственность от других народов, с которыми они живут в общем государстве). Но в любом случае следует выделить и подчеркнуть одно: этнос (народность, «национальность») — это либо еще предгосударство (**потенциальный** субъект государственной жизни), либо уже субъект государственной жизни — своей собственной, оригинальной или общей у него с другими этносами. И именно **отношением его к государственной жизни** прежде всего и отличается этнос от нации.

Мы можем сформулировать следующее определение этноса. Этнос — это историческая **догосударственная** общность людей, состоящая из **экзогамных** общностей и групп (семей, родов, кланов и т.п.) и определяющая себя по отношению к другим человеческим общностям и группам как **эндогамную**. Все другие обычно приводимые признаки этносов — общность языка и культуры, территории, хозяйственной жизни, антропологического и психического склада и т.д. определяются именно этим, коренным фактом этнической жизни — эндогамным способом воспроизводства входящих в состав этноса индивидов. Этничность каждого такого индивида **объективна** в силу того, что у него уже с **самого его рождения** оказываются в наличии его отец, мать, дяди, тетки, братья, сестры, племянники, деды, бабки, прадеды, пращурьы и т.д. Любой индивид, таким образом, оказывается с самого рождения включенным в сложную

сеть **родственных** (этнических) отношений, берущих свое начало в далеком прошлом и передаваемых новым индивидам **самим фактом их рождения и воспитания** именно в данной сети этнических отношений, а не в какой-либо иной. Все представители одного этноса — это по существу близкие или дальние **родственники** по их историческим предкам. Этнос — это особая форма исторического родства людей.

Нация же — это либо достаточно большой этнос, поднявшийся до государственного образа жизни, либо (что встречается чаще) конкретное множество (система) больших и малых этносов, живущих общей государственной жизнью (входящих в состав одного, общего им всем государства).

Нация, как и этнос, вырабатывает свои (чисто правовые) нормы и правила, регулирующие брачно-семейные отношения между ее членами (гражданами), но в этих нормах нет никаких **предписаний** к выбору брачно-семейных партнеров, и этот выбор определяется на деле, как правило, именно **этническими** нормами и традициями. При этом необходимо отметить, что на государственном этапе исторической жизни этническая эндогамность, с одной стороны, является эффективным механизмом сохранения этнической идентичности в полиэтнических государствах, но, с другой стороны, она же является и существенным тормозом к формированию общегражданской, государственной политической идентичности — к формированию единой нации. В интересах государства — поощрение смешанных, межэтнических браков между своими гражданами. В интересах же сепаратистских этнических элит — затруднение межэтнических браков и консервация традиционных брачно-семейных обычаев и ритуалов.

Теоретически, каждый достаточно большой этнос обладал в прошлом (и обладает в настоящем) **возможностью** образования своего собственного (отдельного) государства. Однако исторически все этносы уже включены по-разному в состав существующих ныне государств, считающих свою террито-

рию неделимой. Поэтому политические интересы этносов (этнополитических элит) могут удовлетворяться в рамках существующих государств лишь различными формами внутригосударственной **автономии**. Именно на этой почве и возникают в основном современные этногосударственные и межэтнические конфликты и, соответственно, — экстремистские формы и способы их разрешения.

Третья важнейшая плоскость внутригосударственной жизни (после классовой и этнической) — **религиозно-духовная**. В этом отношении все граждане современных государств относятся так или иначе не только к различным этническим общностям, но и к общностям религиозно-духовным — **конфессиональным**. Анализ литературы позволяет составить следующую общую классификацию видов религиозного экстремизма:

1. **Межконфессиональный**. Направлен против представителей других религиозных конфессий (например борьба исламских, индуистских и сикхских религиозных экстремистских группировок между собой в Индии).

2. **Внутриконфессиональный**. Направлен против единоверцев, принадлежащих другим течениям или сектам в рамках одной конфессии (например, суннитские экстремистские группы, действующие против шиитского населения, или экстремистские еврейские организации, действующие в Палестине). К последнего рода экстремизму можно отнести также борьбу низовых религиозных общин против официальных религиозных лидеров и официальной религиозной элиты в целом.

3. **Антимодернизационный**. Направлен против принятия современной международной духовной и правовой системы ценностей, противоречащих традиционным идеалам и нормам (Иран, Афганистан, Судан).

3. **Антисистемный религиозно-политический** (в узком смысле). Направлен против идеологии светских режимов, не признающих за религиозными организациями статуса легитимной политической силы (Алжир, частич-

но Узбекистан).

5. Международный религиозно-политический. Направлен против внешних государств и правительств, а также против международных организаций (Аль-Каеда и другие аналогичные политизированные религиозные организации).

Хотя в современном мире просвещенческая идеология уже в значительной степени и потеснила в сознании большинства граждан идеологию традиционную, религиозную, тем не менее, длительное историческое существование многих народов в рамках последней привело к глубокому проникновению религиозных представлений и норм в самые недра народной культуры, в повседневный быт и, что особенно важно, — в нормы брачно-семейных отношений. Исторические религии приобрели для многих народов характер неотъемлемой бытовой и повседневной **этнической культуры**. Поэтому без особых натяжек можно говорить сегодня о христианских народах, исламских народах, буддистских народах, конфуцианских народах, иудейском народе (евреях) и т.д.

Поэтому многие внутригосударственные и межгосударственные конфликты, как правило, приобретают еще и духовно-религиозную окраску, особенно, в тех случаях, когда конфликтующие этносы являются носителями разных религиозно-духовных традиций. Классическим историческим примером таких конфликтов являются войны крестоносцев с арабским Востоком и палладинами ислама в XII-XIII веках.

С другой стороны, основные мировые религии несут в себе и разный **«политический заряд»**, что во многом объясняется особенностями их первоначального формирования и исторического развития. Экстремизм как духовное устремление к крайности, к **трансцендентному** свойственен любой религии, но в исламе — **наиболее политизированной** из всех мировых религий — этот духовный порыв очень сильно связан еще и с **политическими** чувствами и пред-

ставлениями верующих, и именно это и способствует так называемому исламскому политическому экстремизму.

Однако не следует преуменьшать политического влияния и традиционных христианских представлений на современную политику. Даже и в США, например, отделивших церковь от государства с самого начала установления своей государственности, на деле вовсе не отказались от поддержки религии (и ее исповедания). Аналогичную или еще более политизированную роль играют христианские церкви и в других западных странах. Поэтому межнациональные конфликты в этих странах (например, в Великобритании) тоже несут достаточно сильную религиозную окраску. И в еще большей степени это относится к конфликтам международным (межгосударственным).

Для научного анализа, безусловно, представляют интерес все формы и разновидности современного политического экстремизма. В отличие от научного, политический подход предполагает выявление и вычленение только тех форм политического экстремизма, которые угрожают или могут угрожать в обозримой перспективе конституционно-государственному устройству общества.

Среди всех остальных разновидностей экстремизма определенный интерес с политической точки зрения представляет экстремизм **молодежный**, носителями которого являются различные слои, группы и организации молодых людей, которые в силу самого возраста и социальной незрелости склонны к выбору именно насильственных форм достижения своих целей. Однако молодежный экстремизм, как правило, проявляет себя в рамках основных форм экстремизма, уже рассмотренных нами выше, и его носителями являются молодежные подразделения взрослых экстремистских организаций классово-политической, этнической или религиозной ориентации. Именно молодежь, как правило, является ударной силой, непосредственным исполнителем экс-

тремистских планов и операций таких организаций, но никакого специфического и важного молодежного содержания в них она не вносит.

В отличие от этого, различные гендерные (в основном **феминистские**) организации имеют в своей основе и специфическое гендерное содержание. Такие идеи могут приводить определенные феминистские организации к экстремистским действиям (например, на почве борьбы за полную свободу абортот и т.п.), однако общественная опасность таких действий, как правило, невелика. В будущем, возможно, радикальные формы женского движения могут дать знать о себе и в России. Однако в настоящее время для нашей страны они неактуальны и, тем более, не представляют никакой общественной опасности.

То же самое в настоящее время можно сказать и про **экологические** движения. Экстремистский потенциал и экологических организаций невелик, и в условиях современной России они также не представляют общественной опасности.

Современный **международный** политический экстремизм является главным образом следствием несправедливого мироустройства. Международный этнический и религиозно-политический экстремизм — это реакция на экстремистскую практику современного либерализма, которая привела в последние десятилетия к развалу уже двух суверенных государств — Югославии и Грузии, к углублению раскола национальной государственности в Украине, к попыткам решения внутренних проблем суверенных государств с помощью внешней военной силы — в Афганистане, Сомали, Югославии, Ираке.

В сфере **международных отношений** предпринимаются попытки создания «единого мирового порядка» с общим социумом и мировым гражданским обществом, в **духовной сфере** — создание единой культуры мировой цивилизации на основе господства американской культуры. Проводится политика подрыва национальных государств, национальной идентичности и формирования новой идентичности населения на условиях глобализма. В **экономической**

сфере межгосударственный экстремизм стремится сохранить зависимость всех цивилизаций от западноевропейской посредством заимствования первыми устаревших концепций модернизации общества. В **политической сфере** межгосударственный экстремизм пытается осуществить демонтаж системы независимых государств во главе с ООН и создать национальные центры управления, которые по своему усмотрению должны будут осуществлять политику «миротворчества», «невмешательства», подготовки «цветных революций» и «смены правящих режимов».

Другой формой проявления межгосударственного экстремизма является политика разжигания **межэтнической вражды** в полиэтнических государствах. К таким действиям относится, в частности, усиление деятельности ряда зарубежных, главным образом околоправительственных структур и неправительственных организаций, по «оживлению» чувства общеэтнической солидарности, родственности между **угро-финскими** и **тюркскими** группами населения в России и соответствующими слоями населения и странами за рубежом. Указанные выше действия зарубежных организаций, хотя и не выливаются в современных условиях в значительные по масштабам процессы этнонациональной радикализации, и тем более этнонационального экстремизма, при определенных условиях могут создать новые очаги сепаратизма и экстремизма.

Наш анализ общих причин и истоков формирования вобществе экстремисткой деятельности позволяет нам сформулировать следующие основные выводы. Базовым элементом экстремизма является соответствующая идеология, имеющая определенную структуру. В эту структуру входят:

- 1) представление определенной социальной группы о существующей социальной реальности и своем месте в ней (**теоретико-познавательный момент**),
- 2) **оценка** существующей социальной реальности и своего положения в ней с позиции своих (групповых) интересов,

3) определенный **социальный идеал**, выражающий модель общественной системы, обеспечивающей реализацию коренных социальных интересов данной группы,

4) **программу действий** по реализации идеала,

5) **систему норм, правил социально-политической деятельности** и соответствующих поведенческих установок.

При этом можно выделить следующие **характерные особенности** экстремистской идеологии:

1) идея **исключительной истинности** именно данной идеологии, «комплекс абсолютной истинности»;

2) идея **агрессивной нетерпимости** по отношению ко всем идеологическим конкурентам или конкурирующим, альтернативным идеологиям;

3) деление человечества на две большие группы: **своих и чужих**, на **друзей и врагов** (неважно, по какому принципу проводится это деление, оно всегда характеризует антигуманную идеологию);

4) критическая оценка существующей социальной реальности, противопоставление идеала и наличной социальной реальности, осознаваемое и выражаемое в форме **резкого конфликта** между истинным идеалом и ложной реальностью;

5) установка на **немедленную практическую деятельность** по исправлению мира и людей (программа немедленного и решительного преобразования существующей социальной реальности);

6) преобладание **деструктивных задач** по разрушению ложного враждебного мира над конструктивными задачами в программе преобразовательных действий;

7) **фантастический социальный идеал** (который практически не может быть реализован, а если будет осуществлена попытка его реализовать, это приведет к серьезной деформации общества);

8) **иллюзорный**, практически невыполнимый, слишком суровый и извращенный **кодекс личного поведения**, требующий от человека каких-то экстраординарных, чрезвычайных поступков и жертв;

9) **авторитарное обоснование идеала** (от лица сверхчеловека, вождя, пророка, Бога или от других мистических сил);

10) **упрощенная форма изложения**, в которой отсутствуют строгая логика, последовательные доказательства, развернутое теоретическое изложение и обоснование, а присутствует ограниченный, легко усваиваемый набор догм;

В общем, экстремистская идеология — это извращенная фантастическая программа преодоления острого конфликта между интересами определенной социальной группы и ее социальных оппонентов, неадекватная форма разрешения нетерпимого исторического социального положения определенной социальной группы.

Итак, экстремистской идеологией мы назовем такую форму идеологии определенной социальной группы, в которой:

1) на уровне представлений об обществе содержатся идеи социального, расового или национального неравенства, доведенные **до крайней степени**, выражающейся в той идее, что только высшие социальные группы имеют право на достойное существование, а низшие группы подлежат безграничной эксплуатации и даже геноциду;

2) на уровне оценки существующей социальной реальности преобладает примитивная **биполярная** система оценки, деление на своих и чужих, на добро и зло, причем воплощением зла оказывается существующая социальная система, в которой критически ущемлены права и интересы данной социальной группы, а воплощением добра оказываются любые формы борьбы с существующей социальной системой;

3) на уровне социального идеала предлагается такая форма общественного устройства, в которой за счет и **в ущерб интересам всех других социаль-**

ных групп, наиболее полно реализованы интересы данной социальной группы;

4) на уровне программы социальной деятельности экстремистская идеология предлагает обычно не такое радикальное преобразование общества, которое привело бы к исчезновению вместе с существующей системой и данной социальной группы, а такое, которое так бы модифицировало существующее общество, чтобы в нем сохранялась данная социальная группа и наиболее полно реализовались ее социальные интересы. Это программа утопического социального **фундаментализма** или **консерватизма**;

5) на уровне поведенческих норм и установок наблюдаются ориентации на действия прямого **физического насилия**, разрушения, физического **уничтожения** политических противников и институтов существующей социальной системы, доминирование нормы **вседовозволенности** по отношению к политическим врагам.

Очевидно, что в обществе, разделенном на классы, различные социальные и демографические группы, между которыми существуют острые, противоречия, достигшие предельного обострения, идеология тех социальных или демографических групп, положение которых резко ухудшается или вообще само их существование оказывается под угрозой, принимает экстремистскую форму.

Экстремизм, возникая как импульсивная, спонтанная реакция социальных групп, поставленных в экстремальные условия, на эти условия, как форма сопротивления этим условиям и борьбы с ними институируется. Элементы этого института: экстремистская идеология (формируется из традиционных идеологий путем их радикализации), экстремистская сообщество, экстремистские организации. По своей форме экстремизм всегда выступает, как политическое действие. В итоге мы можем заключить, что экстремизм есть сложное социальное явление, включающее в себя три основных элемента: экстремистскую идеологию, являющуюся базисом экстремизма; экстремистскую деятельность,

являющуюся осуществлением, воплощением в жизнь экстремистской идеологии; экстремистскую организацию, являющуюся формой социальной организации экстремистской деятельности.

Экстремистское сознание не только не способно к адекватному пониманию действительности, но и даже не стремится к этому. Понимание реального положения вещей ослабляет фанатичную веру экстремиста, расшатывает незыблемость принципов и установок, которых он придерживается. Поэтому экстремизм рекрутирует своих сторонников как из числа прекраснодушных идеалистов, так и в среде негодяев, склонных к преступлениям, что объясняется мифологичностью экстремистского сознания. Непонимание реального положения вещей, неумение отличать истину от заблуждения и преднамеренной лжи, неспособность видеть различия между подлинным объяснением сути вещей и мастерски выполненными ухищрениями ведет к растерянности перед жизнью, к внутренней опустошенности. Это и является питательной средой для формирования ложных идеалов и устремлений, возникновения нигилизма, цинизма, чувства вседозволенности. На фоне этого возникают извращенные формы удовлетворения потребностей в самовыражении, основанные на ложных идеалах.

Экстремизм особенно опасен для процессов этнического взаимодействия, межкультурных контактов, отношений между этносами и расами, социальными стратами и религиозными общинами, в отношениях «правоверных» и «неверных». Он не оставляет места для толерантности, первичной становится оппозиция между «своими» и «чужими» по принципу: «кто не такой, как мы (не с нами), тот против нас». Потому проблема борьбы с экстремизмом — это проблема формирования толерантного общества, которое способно эффективно противодействовать любым формам вражды и которое способно создать условия для гармоничного сосуществования культур, религий, идеологий. Поэтому в качестве позитивной альтернативы экстремизму в литературе чаще всего

называется толерантность.

К социально-экономическим факторам, создающим почву для проявлений экстремизма, безусловно, относится **резкое критическое падение уровня жизни** определенной социальной группы, понижение ее социального статуса и связанных с ним реальных прав и свобод в данной социальной системе. Причем, это падение уровня жизни должно быть достаточно длительным.

Вторым социально-экономическим фактором, порождающим экстремизм, является **социальная бесперспективность** данной социальной группы, выражающаяся в отсутствии у этой группы реальных экономических возможностей хотя бы в отдаленном будущем качественно улучшить свое положение, или, хотя бы обеспечить свое социальное самосохранение.

Третьим социально-экономическим фактором экстремизма является **обострение социально-групповых конфликтов** на основе перераспределения общественной собственности и общественных доходов, в основе которого лежит стремление одних общественных групп резко усилить уровень эксплуатации других общественных групп. Экономические факторы экстремизма складываются в результате перехода определенной социальной системы, или определенной цивилизации в состояние социально-экономического кризиса. Таким образом, экономические и социальные кризисы общественных систем являются социально-экономической почвой экстремизма.

Поскольку любые реформы в принципе изменяют существующие, сложившиеся социальные отношения, распределение национального дохода, социальные статусы основных социальных групп, постольку любые реформаторские действия власти создают почву для экстремистской деятельности. Причем, сама власть может прибегать к экстремальным средствам и действиям при проведении реформ. Со стороны социальных сил, представляющих политическую оппозицию власти кризис социальной системы и реформаторские действия властей вызывают естественное сопротивление, тем более сильное, чем

решительнее действия власти. Поэтому, к основным **политическим** факторам экстремизма следует отнести:

- кризис традиционной системы управления,
- политические и социально-экономические реформы власти в ситуации кризиса,
- обострение политической борьбы, являющееся естественной реакцией общества и особенно политической оппозиции на политический кризис и реформаторские преобразования.

Обобщая социально-экономические и политические причины экстремизма, мы можем сделать вывод, что общей причиной экстремизма является **системный кризис** определенного социально-исторического организма и обострение всех форм социальной борьбы и всех видов внутрисоциальных конфликтов, обусловленное этим кризисом.

Однако для вспышки экстремизма, кроме указанного нами комплекса причин необходим еще определенный **внешний толчок** или **повод**, исполняющий роль спускового механизма или детонатора, обеспечивающего взрыв критической массы необходимых предпосылок экстремизма. Таким поводом в конкретных исторических ситуациях может быть что угодно: неудачное политическое действие или решение властей, техногенная или природная катастрофа, определенный индивидуальный экстремальный инцидент, даже специальный провокационный террористический акт. В критической ситуации системного социального кризиса, порождающий взрыв экстремизма повод или толчок в той или иной форме происходит независимо от воли и желания участников социального кризиса с такой же вероятностью, с какой происходит взрыв в наполненном взрывчатой смесью помещении, нагретом до критической температуры.

Итак, рассматривая проблему происхождения экстремизма в каждом конкретном случае экстремизма, мы должны выяснять его конкретные соци-

альные причины, анализировать конкретную экстремальную ситуацию, породившую именно данную разновидность экстремизма. Кроме того, рассматривая причины появления экстремизма, мы должны различать **внешние**, социальные причины (т.е. объективно сложившуюся критическую социальную ситуацию) и **внутренние** или личностные причины (т.е. психологические факторы или свойства личности, которые способствуют ее превращению в экстремиста). Причем внешние и внутренние причины следует брать в их взаимодействии, ибо лишь соединение и взаимное обусловливание социальных и психологических причин порождает явление экстремизма. Причины экстремизма вообще при анализе тех или иных специфических форм и видов экстремизма должны быть конкретизированы. Каждый вид экстремизма имеет свои специфические причины, которые и должны быть установлены в каждом конкретном случае.

Очень большую роль в формировании экстремизма играют также и **психологические** причины. К ним относятся чувства и настроения, поведенческие установки, непосредственно мотивирующие экстремистские действия. Ситуация системного социального кризиса, конечно же порождает соответствующие эмоционально-психологические переживания у всех социальных групп. Те социальные группы, которые в результате этого кризиса оказываются перед угрозой социального исчезновения, испытывают постоянное и все усиливающееся состояние психологической фрустрации, вызванное ущемлением их жизненных потребностей.

В результате этой социальной фрустрации возникают сложные амбивалентные чувства, соединяющие в себе, с одной стороны, астенические, негативные чувства подавленности, угнетенности, безысходности, страха, бессилия, с другой стороны, стенические чувства ненависти, агрессии. Этот эмоциональный комплекс способствует формированию экстремистских, радикалистских поведенческих установок, выражающихся в направленности на насильственные, жестокие действия по отношению к «врагам», которые рассматри-

ваются как главная причина всех бедствий.

Экстремистские установки поведения личности характеризуются убеждением, что только **насильственными** жестокими мерами и действиями возможно радикальное исправление нестерпимой ситуации, критического положения, в котором оказалась данная социальная группа. Экстремистские поведенческие установки характеризуются также ослаблением или вообще отключением всяких нормативных запретов, начиная от юридических и заканчивая нравственными.

Экстремистское сознание в целом не только не способно к адекватному пониманию действительности, но и даже не стремится к этому. Понимание реального положения вещей ослабляет веру, расшатывает незыблемость принципов и установок, которых придерживается экстремист. Поэтому экстремизм рекрутирует своих сторонников как из числа прекраснодушных идеалистов, так и в среде негодяев, склонных к преступлениям. Непонимание реального положения вещей, неумение отличать истину от заблуждения и преднамеренной лжи, неспособность видеть различия между подлинным объяснением сути вещей и мастерски выполненными ухищрениями ведет к растерянности перед жизнью, к внутренней опустошенности. Это и является питательной средой для формирования ложных идеалов и устремлений, возникновения нигилизма, цинизма, чувства вседозволенности. На фоне этого возникают извращенные формы удовлетворения потребностей в самовыражении, основанные на ложных идеалах.

Поэтому в экстремистском **политическом поведении** мы можем видеть: в мотивах экстремиста — социально-идеологическую иллюзорность и агрессивность; в целях — иллюзорность и деструктивность; в действиях — иллюзорность и деструктивность, соединенные с извращенной иллюзорной расчетливостью; в результатах — иллюзорность и деструктивность (как для мира и окружающих людей, так и для самого экстремиста, его личности); в самооценке результатов своих действий — не критичность и иллюзорность. Таким обра-

зом, во всех элементах экстремистского поведения проявляются две главные общие черты: **иллюзорность** и **деструктивность**. Они позволяют нам определить экстремистское поведение как деструктивную форму иллюзорной социально-преобразовательной деятельности, разрушительной как для личности самого экстремиста, так и для общества в целом.

Экстремистское поведение, основанное на экстремистской идеологии и экстремистских переживаниях, характеризуется следующими особенностями: 1) агрессивная самозащита или защита путем агрессии, 2) «активная жизненная позиция», 3) нравственная вседозволенность в сочетании с нравственным ригоризмом, смещение нравственных ориентиров (или нравственная дезориентация), 4) крайняя жестокость.

Нравственная вседозволенность, снятие всяких нравственных запретов и ограничений в сознании и поведении экстремиста существует по отношению к «чужим», к врагам. По отношению к «своим» и к самому себе, экстремист придерживается строжайшего, ригористического соблюдения собственных нравственных установлений. Такая нравственная амбивалентность, противоречивая двойственность, в поведении экстремиста ведет к нравственной дезориентации.

Для экстремиста зло, причиняемое врагам, становится добром, стирается граница между добром и злом, сами эти нравственные категории становятся условными. При такой нравственной дезориентации экстремист во имя истинной веры оказывается способен на любые экстремальные действия: убийства, похищения, издевательства, пытки, взрывы различных зданий и сооружений и т.п. В результате для поведения экстремиста становится характерной определенная бесчувственность, жестокость, беспощадность, доходящая до способности самопожертвования ради уничтожения врагов.

Анализируя конкретное состояние **российского общества** с точки зрения условий и форм проявления в нем экстремистской идеологии и экстремистской деятельности в условиях современной России, мы приходим к сле-

дующим основным выводам.

Предшествующую нынешней, **советскую** политическую систему в период ее расцвета мы можем охарактеризовать как **жестко бюрократическую** (строившуюся исключительно сверху), **тоталитарную** (не допускавшую свободного развития гражданского общества ни в одной из сфер общественной жизни), систему **мобилизационного типа** (направленную на достижение конкретных исторических целей), но реализованную в полностью **эгалитарном, бессловном** обществе. Идеологическим и политическим стержнем этого общества была **марксистская** коммунистическая партия, построенная по бюрократическому, армейскому типу. При этом партия управляла всем обществом практически теми же методами, которыми управляется обычно **армия**.

К концу 1980-х годов этот недемократический («казарменный») режим утратил уже поддержку почти всех слоев населения СССР, которое с воодушевлением восприняло новую политику «Перестройки и гласности», объявленную Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым. Открытие идеологических, политических и экономических «шлюзов» **свободы**, предпринятое **самой партией** во главе с ее высшим руководителем, — свободы слова, свободы совести, свободы политической деятельности, свободы образования партий и частного предпринимательства в экономической сфере — подорвало **сами основы** советского политического строя и привело к революционному формированию в России в начале 1990-х годов совершенно новой политической системы.

Современный политический экстремизм и терроризм сформировались и окрепли именно в **переходных** условиях **развала прежней** — советской — политической системы и мучительного **формирования новой** — либерально-демократической — политической системы, обретающей свои устойчивые черты только в настоящее время (и особенно — в последнее десятилетие, после 1999 года)..

Основной общей причиной обострения политических конфликтов в современной России, а следовательно, и возникновения экстремистской деятельности по разрешению этих конфликтов является то, что национальная идентичность граждан нашей страны оказалась сегодня в глубоко **расколоте** состоянии. Этот раскол существует сегодня, во-первых, по линии **религиозная** — **светская** идентичность граждан; во-вторых, — по линии **конфессиональных** особенностей населения разных регионов; в-третьих, — по линии **этнических** особенностей разных народов; в-четвертых, — по линии **социально-классового** расслоения российского общества. И все эти линии раскола приобрели достаточно глубокий характер.

При этом духовная, политическая и материальная культура большинства населения России во многом деградировала и приобрела архаичные черты. В духовно-нравственной сфере это выразилось в усилении влияния религии (в том числе и самых архаичных ее — языческих — пластов); а также — в снижении авторитета науки и просвещенческой идеологии вообще. В политической сфере это выразилось в резком падении культуры, дисциплины и морали господствующей политической элиты России, а также — в возврате населения многих регионов России к догосударственным, традиционным нормам и обычаям регулирования общественной жизни. В материальной сфере это выразилось в деструктивной структурной перестройке российской экономики, получившей резкий крен в сторону добывающей промышленности и торговли и в резком снижении в ней доли высокотехнологических и наукоемких отраслей. Соответственно, резко упала и профессиональная культура российского населения.

Чрезвычайно острые и опасные формы в современной России принял религиозно-политический экстремизм, в особенности, исламский. Основные причины нынешнего усиления влияния среди части исламского населения России экстремистской идеологии можно свести к двум группам факторов — внутрен-

ней и внешней.

К причинам **внутреннего** характера относится прежде всего историческое поражение самой исламской цивилизации, проигравшей на данном этапе историческое соревнование с цивилизацией западной, основанной на других социальных и духовных принципах и идеалах. Ответом на это историческое поражение и стали интенсивные духовные искания исламской элиты и выдвижение многочисленных реформаторских доктрин — от модернистских до ретроградных. Современный «ваххабизм», проникший извне также и в Россию, как раз и является одной из таких доктрин.

Ко **внешним** причинам усиления интереса части российского населения к исламским реформаторским религиозно-политическим течениям необходимо отнести прежде всего ослабление их **духовных оппонентов** в самой России. Деморализация российской политической и культурной элиты, ее духовная капитуляция перед своим вчерашним идеологическим противником, сопровождаемые падением нравов и морали в их среде, расцветом коррупции и т.д., все это вызывает **гнев** и **презрение** у наиболее стойких приверженцев исламской веры и нежелание подчиняться такой элите.

Помимо ослабления духовного, нынешняя российская политическая элита допустила и ослабление **материальное**. Глубокая деградация экономики, армии, науки и образования в России, допущенные в ходе реформ 1990-х годов, приведение страны в полную зависимость от стран Запада также способствовали потере уважения к ней в среде широких масс народа (в том числе и среди верующих).

Наконец, крайняя **социальная дифференциация** (попросту, ограбление верхушкой бизнес-элиты широких народных масс), приведшая к массовому обнищанию российского населения, вызвали в среде наиболее активных его слоев **протест** и **ненависть** к правящей элите и ее идеологии. И особенно ак-

тивно эта причина действует именно на Северном Кавказе, — экономически наиболее отсталом и наиболее пострадавшем от реформ регионе.

Таким образом, ненависть и презрение части российских мусульман к нынешней политической элите России и ее союзникам в самих исламских республиках является одним из важнейших факторов политического бунта против нее и вступления наиболее активной части верующих под лозунгами ваххабизма на путь вооруженной борьбы с нею и экстремистской деятельности в целом. В ходе беспорядочных реформ 1990-х годов политическая элита России **потеряла всякое уважение и всякий авторитет** как во внешнем мире, так и внутри самой России. И именно это и является одной из важнейших причин бунта против нее региональных исламских политических элит, выступивших под религиозно-политическими исламскими лозунгами.

Чтобы противодействовать этому, экстремистскому направлению умов, необходимо прежде всего противопоставить ему столь же убедительное и доступное для широких масс **идеологическое обоснование** верности избранного Россией пути развития страны. Но для этого необходимо выработать саму новую идеологию России, отвечающую ее интересам и традициям, а не заимствуемую слепо у западных народов. Примером здесь может служить реформистская идеология Ататюрка, выработанная в Турции в начале XX века. Но такая задача в нашем обществе до сих пор еще не выполнена.

Неудовлетворительными, по-видимому, следует признать и идеологические усилия самой официальной российской исламской духовной элиты, оказавшейся неподготовленной к демократическим формам общения со своими духовными оппонентами. Без эффективного диалога с умеренными сторонниками «обновленческого ислама», а также без внутриисламского диалога на Кавказе, проблема религиозного экстремизма не может получить цивилизованного решения.

Вместе с тем одних только идеологических усилий недостаточно. Новая российская элита должна продемонстрировать своему населению и **реальные достижения** во всех сферах ее компетенции, чтобы вернуть себе его уважение и доверие. Идя от поражения к поражению, такого уважения не приобретешь. Победрами в одних только избирательных кампаниях реального авторитета не завоюешь, а только озлобишь своих противников и подтолкнешь их к нелегитимным, экстремистским формам борьбы. Что мы и наблюдаем в нынешних условиях.

Наконец, главным достижением новой политической элиты может быть только реальное **улучшение социально-экономического положения широких масс населения России** (особенно в депрессивных районах Северного Кавказа), создание у них хотя бы минимальной уверенности в завтрашнем дне и сознания **перспектив** в дальнейшем улучшении их положения. Без утверждения в обществе такой социальной атмосферы бороться с религиозно-политическим экстремизмом одними только силовыми методами и морально-пропагандистскими лозунгами бесперспективно.

Хотя основной формой экстремизма на Северном Кавказе является экстремизм **религиозно-политический**, однако во многих северокавказских республиках этот экстремизм осложняется еще и его **этнической** (этнополитической и межэтнической) формой. Причина существования этой, общей для всего региона формы экстремизма заключается главным образом в том, что историческая память этих народов несет в себе глубокие **социально-психологические травмы**, полученные ими в результате развития в рамках российской государственности. С одной стороны, это память о том, что их включение в состав Российского государства произошло не вполне добровольным и мирным путем, и было достигнуто в результате военного покорения Кавказа царской Россией. Но, с другой стороны, еще более травмирующим фактором для исторической памяти этих народов является факт их **насиль-**

ственной депортации из исконных мест их проживания (с их исторической территории) в другие области СССР, осуществленной в 1940-х годах. При этом речь идет не столько о материальных и социальных потерях, отчасти компенсированных впоследствии советским правительством, сколько о **национальном унижении** и **оскорблении** этих народов перед лицом всех остальных народов России.

Народы (этносы) так же, как и люди, имеют чувство собственного достоинства, национальную гордость и самоуважение, необходимые им для нормального существования и развития так же, как и отдельным людям. Они хотят гордиться своими предками, своими национальными героями и выдающимися людьми, своим вкладом в общую историю российского государства и т.д. И если государство российское хочет иметь преданных и ревностных защитников своих интересов, иметь патриотически, а не враждебно настроенных граждан, оно должно воздавать должное любым проявлениям такого настроения среди своих граждан и народов и не унижать их достоинства. Но именно этот принцип был грубо нарушен в истории с депортацией некоторых северокавказских народов в 1940-х годах. Оскорбив эти народы в целом, государство оскорбило тем самым и каждого их представителя в отдельности, причем на долгие годы.

Формальная реабилитация, осуществленная в конце 1950-х — начале 1960-х годов, конечно, была необходимым условием восстановления доброго имени пострадавших народов, но само оскорбление от этого еще не забылось и продолжает оказывать свое негативное влияние, особенно, если постоянно напоминать о нем и искусно разжигать память об этих событиях. Чем и пользуются в нынешних условиях многие экстремистски настроенные представители оппозиционных национальных элит в Северокавказских республиках.

Поэтому российскому правительству целесообразно разработать специальную программу **социально-психологической реабилитации** исторического сознания этих народов, рассчитанную на длительный срок. К выработке та-

кой программы должны быть привлечены серьезные научные силы как федерального уровня, так и представители национальных элит северокавказских народов.

Наиболее острые формы экстремизм в России принял сегодня на Северном Кавказе, где происходит непосредственное взаимодействие совместно проживающих там разных народов, принадлежащих традиционно к разным конфессиям и т.д., иначе говоря, — в том регионе, где среди российского населения отмечается наибольшее **этноконфессиональное многообразие**. Однако второй такой зоной — с повышенным этноконфессиональным и даже расовым многообразием — являются в современной России ее **крупные города** и, особенно, ее **мегаполисы** — Москва и Санкт-Петербург. Именно здесь Россия сегодня имеет второй горячий очаг экстремистской деятельности.

Основными особенностями городского и мегаполисного российского экстремизма (как его можно условно обозначить) являются: во-первых, то, что наиболее активную роль здесь играют представители **русского — государствообразующего — народа**; во-вторых, — то, что этот экстремизм носит не столько религиозно-политический, сколько **этнополитический** (и даже **расовополитический**) характер; в-третьих, — то, что он опирается при этом не на религиозную (православно-христианскую) идеологию, а на некоторую смесь архаических **языческих** (древнеславянских) верований и обычаев и ультрасовременных **фашистских** (национал-социалистских) идеологических доктрин, заимствуемых в основном на Западе; наконец, в-четвертых, этот экстремизм носит по преимуществу **молодежный** характер.

Общие методы противодействия этой форме экстремизма в основном совпадают с указанными выше (в следующей главе они будут рассмотрены более детально). Однако принципиальной основой их (и это следует особенно подчеркнуть) должна стать усиленная комплексная работа по формированию и укреплению **общероссийской национальной идентичности**, в основе которой

должно лежать **убеждение и чувство принадлежности всех россиян к единой светской, толерантной, высокодуховной и высокоморальной нации, гордящейся своим славным прошлым и создающей новое, социально справедливое, мощное и процветающее современное общество.** Только на этой духовно-идеологической основе возможно успешное разрешение всего комплекса рассмотренных выше конфликтов и противоречий, доставшихся России в наследство от неблагоприятных 1990-х годов.

Подводя итог нашему анализу основных проблем и современного состояния **политической системы** России и перспектив ее дальнейшего развития, мы можем кратко сформулировать следующие основные выводы.

Крах либеральной идеологии и либеральных партий в политической системе России объясняется, на наш взгляд, не только негативными результатами их реформаторской деятельности в 1990-е годы, ибо либерализм (только в менее жесткой, **социал-либеральной** его форме) служит идеологической основой и нынешней правящей партии («Единой России»), но и их **космополитической, прозападной** ориентацией. «Единая Россия», в отличие от либералов 1990-х годов, так же, как и КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия», провозглашает и проводит **национально-патриотический** курс, направленный на утверждение в мире российских интересов. Проводя в 1990-х годах крайне прозападный курс, либеральные демократы подвели Россию очень близко к той черте, за которой утрачивается уже и **государственный суверенитет**, и страна превращается не только в сырьевой, но и в политический придаток Западного альянса. В противовес этому курсу, «Единой Россией» была провозглашена концепция «**суверенной демократии**». Слово «суверенная» в этом неологизме как раз и призвано подчеркнуть **национально-патриотический** характер либеральной идеологии этой партии.

В связи с этим мы приходим к принципиальному выводу о том, что для адекватного описания политического спектра любого конкретного государства

только **одной** координаты — левые-правые-центр — **принципиально недостаточно**. Эта координата отражает только **внутриполитическую** ситуацию, тогда как в реальной политике всегда присутствует и играет не меньшую роль и **внешнеполитическая** реальность. Политическая борьба **всегда** идет не на одном только фронте — внутреннем, — но и **на обоих** — внутриполитическом и внешнеполитическом. На этой основе мы представляем свою структуризацию современного партийно-политического спектра в России, представленную в Таблице 2.

Учитывая весь ход эволюции российской политической системы, начиная с 1992 года, и ее современное состояние, представленное в Таблице 2, мы можем сделать вывод об **относительной стабилизации** этой системы, достигнутой, однако, в большей степени по ее **социально-политической (внутриполитической)** координате, и в меньшей степени по линии ее **внешнеполитической** координаты. Достаточно большая поддержка российским населением партий КПРФ и ЛДПР, выражающим резко антизападную позицию, и почти полное лишение этой поддержки прозападных СПС и Яблока свидетельствует о том, что российская политическая система в этом отношении еще не вполне стабилизирована. В пользу последнего тезиса говорит и набирающий в последнее время силу процесс усиления и «антивоосточных» настроений (выражаемых, например, ДПНИ и другими **националистическими** организациями).

Потерпевшие политическое фиаско либеральные теоретики и идеологи в России переключились в настоящее время на критику **институционального** развития российской политической системы, в которой, начиная с 2000 года, и действительно, происходят процессы усиления централизации власти и бюрократизации системы, выражающиеся, прежде всего, в: 1) отмене прямых выборов губернаторов, 2) в более жестком использовании административного ресурса правящей партии на выборах, 3) достижении полного доминирования партии «Единая Россия» в федеральном и региональных представительных ор-

ганах государственной власти. Все это свидетельствует о том, что структурно политическая система России, действительно, становится менее демократической (по сравнению с 1990-ми годами) и более бюрократической. При этом возможности подобной ее эволюции заложены были и в самой российской конституции.

Однако пессимистические и алармистские оценки этой эволюции политологами либеральной ориентации — Д. Фурмана, М. Урнова, Г. Сатарова, Л. Шевцовой и др. — нам представляются преувеличенными и неадекватными. В их оценке, на наш взгляд, отсутствует необходимое привлечение к анализу и других, не только **чисто политических** факторов и тенденций. Ведь, политическая система любой страны существует не для самой себя (демократия ради демократии), а для решения стоящих перед обществом экономических, социальных и внешнеполитических **реальных задач и проблем**. Поэтому политолог должен рассматривать и оценивать эволюцию политической системы не только с точки зрения абстрактных стандартов, записанных в учебнике, но и с точки зрения **реальных исторических задач**, стоящих перед страной. В представленной либеральной точке зрения такой анализ почти полностью отсутствует.

Более взвешенную и адекватную оценку происходящим процессам высказывает, на наш взгляд, другой известный политолог, А. Морозов, присоединяющийся в этом к позиции, выражаемой и некоторыми западными аналитиками. В этой точке зрения вполне отчетливо выражается понимание того обстоятельства, что Россия в ее нынешнем положении нуждается в установлении в стране именно **мобилизационного режима**, только и способного обеспечить стране решение множества тяжелейших проблем, перечислять которые нет нужды, так как они всем известны (в том числе и создавшим их политикам-либералам). С этой точки зрения, представители данного направления вполне последовательно приходят к выводу, что усилия В.В. Путина и возглавляемой

им команды по переводу российской политической системы в такой, **мобилизационный** режим все еще недостаточны.

Нам представляется, что именно эта точка зрения наиболее адекватно и трезво отражает как основные проблемы, стоящие перед российской политической системой (и в последнее время обостряющиеся под влиянием нынешнего мирового финансово-экономического кризиса), так и основные перспективы ее развития в случае принятия или непринятия именно **мобилизационного** режима ее функционирования в среднесрочной исторической перспективе. Как показывает наш теоретический и конкретно-эмпирический анализ, проведенный в данной работе, все необходимые основания для того, чтобы избежать худшего сценария развития в настоящее время в России имеются. Дело, действительно, только в том, чтобы политический класс нашей страны проявил в этом направлении необходимую **политическую волю**.

Подводя итог нашему анализу основных тенденций и перспектив развития в России современной модели **социального государства** мы можем сформулировать кратко следующие основные выводы.

Все политические силы современной России согласны в том, что социальное государство «надо совершенствовать», социальные гарантии — расширять, социальные выплаты — наращивать. Расхождение вызывает лишь вопрос о надлежащих средствах достижения этой цели, что соответствует проблеме выбора для России той или иной современной модели социального государства.

Становление современного социального государства в России с начала реформ 1990-х годов прошло, как показывает анализ, три основных этапа. На первом из них российское государство пыталось поддерживать относительно высокий уровень своих социальных обязательств, что делалось в крайне неблагоприятных экономических условиях, порожденных структурной перестройкой экономики России. На первом этапе социально-политических реформ россий-

ское правительство пыталось пойти по пути построения в России североевропейской («шведской») модели социального государства, которая более всего напоминала советскую модель и была ближе всего к традициям и ожиданиям населения нашей страны.

Однако, начиная примерно с 1996-1997 гг., на втором этапе строительства социального государства в России, правительством был взят курс на построение либеральной модели социального государства (само правительство определяло эту социальную политику как переход от «патерналистской» модели социальной защиты к модели «адресной» социальной защиты). В связи с этим в феврале 1997 г. была принята Программа социальных реформ в Российской Федерации на период 1996-2000 гг. Реализация заявленных в этой программе либеральной модели социальной защиты привела к развитию и обострению многих негативных тенденций в социально-экономической сфере России, наметившихся уже с началом радикальных реформ.

Появившаяся в этих условиях Концепция социального государства Российской Федерации, разработанная учеными Академии труда и социальных отношений, явилось мощным стимулом и теоретической основой для пересмотра российским правительством социальных ориентиров в своей деятельности. Начиная с 2006-2007 гг. Правительство России вносит серьезные изменения в свою социальную политику. Именно с этого периода, на наш взгляд, можно начинать отсчет нового, третьего этапа становления социального государства в Российской Федерации, основной особенностью которого является поворот от жестко либерального сценария развития к социально ориентированному. На это указывают, в частности и сами приоритетные национальные проекты, разработанные и реализуемые в последнее время — «Образование», «Здоровье», «Культура», «Доступное жилье», «Сельское хозяйство».

Концепция социального государства, разработанная АТиСО, является солидной и достаточно четко проработанной концептуальной основой для вы-

работки соответствующих конкретных Программ социального развития России на среднесрочную и отдаленную перспективу. И частично такие программы уже разработаны и внедряются в жизнь. Однако в реализации этих программ требуется, с одной стороны, большая системность и нацеленность на стратегическую перспективу, а, с другой, — и большая конкретность и определенность в постановке стратегических целей, в том числе их количественная определенность, поддающаяся объективному контролю и проверке.

В этой связи, можно утверждать, что российская социальная политика и стратегия построения российского социального государства только тогда обретет необходимую четкость и определенность, когда в правительственных программах будут не только качественно, но и количественно определяться основные перспективные индикаторы конкретной модели социального государства, рассмотренные в предыдущем параграфе нашего исследования. В частности, это должны быть прежде всего: 1) уровень налоговой нагрузки (включая и отчисления на социальные нужды) на экономику страны; 2) уровень расходов государственного бюджета на социальные цели; 3) допустимый в стране уровень бедности населения и 4) коэффициент Джини, указывающий на степень неравномерности в распределении совокупных доходов в обществе.

Поскольку на современном этапе российское правительство, судя по первым его шагам в этой сфере, взяло курс на реализацию в России как минимум центрально-европейской модели социального государства, то конкретные параметры, означающие действительное, а не декларативное принятие этой модели, должны быть, как установлено в нашем исследовании, следующими. Расходы российского государства на социальные нужды и трансферты должны быть увеличены с нынешних 15-16% ВВП, до 28-30% ВВП. Уровень бедности должен быть сокращен до 12-13% населения, при этом для определения самой черты бедности в России должны быть повышены ее стандарты, до уровня среднеевропейских. Коэффициент Джини (показатель неравенства в распреде-

лении доходов) должен быть также приближен к среднеевропейскому уровню, то есть понижен с нынешних 0,40 и выше до 0,28-0,30. При этом доля оплаты труда в ВВП России (после вычета налогов) должна быть увеличена с нынешних 23% ВВП до 45-50%. Налоговая нагрузка на экономику России в настоящее время и так превышает среднеевропейский уровень, что соответствует общемировым и общеевропейским тенденциям.

Наш анализ проблемы **продовольственной безопасности**, являющейся традиционной для России как государства, расположенного в наиболее неблагоприятной для развития экономики (и в особенности **сельского хозяйства**) природно климатической зоне планеты, позволяет нам сформулировать следующие основные выводы.

Автаркический путь развития, предлагаемый некоторыми современными политиками, не только не полезен, но и просто **губителен** для нашей страны. В условиях, когда реальная продовольственная производительность российской земли не способна обеспечить пропитание почти трети нашего населения даже и по физиологическому минимуму (не говоря уже о рациональной норме питания), Россия просто **вынуждена** систематически закупать недостающую часть продовольствия на мировом рынке, для чего ей **необходимо**, в свою очередь, поставлять на этот рынок непродовольственные товары (или услуги).

Альтернативой этого выбора в современных условиях может быть только дальнейшее сокращение нашего населения, повышение его смертности (от недоедания и нерационального питания), сокращения рождаемости (под влиянием неблагоприятной обстановки в стране) и рост **эмиграции**.

Вторым очевидным практическим (и экономико-политическим) выводом из представленных нами теоретических оснований и расчетов является вывод о срочной необходимости **стратегической государственной программы** повышения реальной продовольственной производительности российских земель, так как даже доступный при современных технологиях ее уровень у нас еще

далеко не достигнут. При этом полагаться на одни только рыночные механизмы нельзя, ибо, *во-первых*, с точки зрения рынка основные массивы наших земель, и действительно, неконкурентоспособны; но, *во-вторых*, сельское хозяйство не способно выжить в современных рыночных условиях и нигде в мире, — даже в США и других высокоразвитых и наиболее благоприятных для сельского хозяйства странах. Полагаться на «невидимую руку» рынка в этом вопросе — значит утратить продовольственную безопасность страны (а вместе с ней и саму страну) окончательно и безвозвратно.

Вместе с тем, сочетание наиболее благоприятных условий для развития сельского хозяйства с наиболее интенсивным демографическим ростом, характерное именно для Юга России (и Северного Кавказа, в частности), в наибольшей степени пораженного экстремизмом и терроризмом, делает такую программу необходимой также и **с этой точки зрения**. Занять трудоизбыточное в нынешних условиях население этого региона государственно полезной и почетной деятельностью по обеспечению продовольственной безопасности России — значит устранить одну из важнейших предпосылок к обращению этого населения к антигосударственной и антиправовой экстремистской деятельности.

Наш анализ **проблемы коррупции**, глубоко поразившей в 1990-е годы политическую систему Российской Федерации, позволяет нам сформулировать следующие основные теоретические выводы и практические рекомендации по противодействию этому негативному социальному феномену, являющемуся в том числе и одним из важнейших факторов, стимулирующих политический экстремизм в России.

Поскольку общую причину коррупции мы понимаем и определяем как устойчивое, либо временное негативное **нарушение равновесия** между всеми факторами сдерживания и побуждения, действующими в среде государственных служащих (высших и низших государственных должностных лиц), то и

общая стратегия противодействия коррупционной преступности может быть выражена в положении о необходимости **усиления факторов сдерживания** (противодействия) и **ослаблении факторов побуждения**, присутствующих постоянно и временно в сфере деятельности государственных служащих.

Во-первых, поскольку с *объективной* стороны факторами, *противодействующими* коррупции, являются: 1) устойчивая и постоянная *величина* угрозы наказания (санкции закона) в сопряжении с *эффективностью* работы правоохранительных органов; и 2) физический (технический) контроль за: а) движением государственной собственности, вверенной в управление государственным служащим (предупреждение противогосударственных коррупционных преступлений); и б) за принятием решений государственных служащих, касающихся собственности частных физических и юридических лиц; то и общими мерами противодействия коррупции на этом направлении борьбы с нею могут и должны быть:

1) **ужесточение наказаний**, предусмотренных законом за совершение коррупционных деяний там, где они недостаточны;

2) **повышение эффективности работы правоохранительных органов** по раскрытию коррупционных преступлений и наказанию виновных (повышение *неотвратимости* наказаний);

3) **усиление контроля** за операциями с государственными материальными ценностями (и **государственной собственностью** в целом) — совершенствование их учета, охраны и т.д.;

4) **усиление контроля** за принятием решений государственными служащими в отношении частных физических и юридических лиц (правоохранительные органы, в том числе, суды, контролирующие органы, в том числе — лицензирования и т.д.).

Во-вторых, поскольку с *субъективной* стороны факторами, *противодействующими* коррупции являются: 1) устойчивые позитивные морально-

правовые особенности личности государственных служащих, их моральная убежденность в недопустимости и «недостойности» для них противоправного поведения; и 2) благоприятное течение конкретной жизненной ситуации, в которой находится государственный служащий (достаточная материальная обеспеченность, создающая ситуацию, в которой «ему есть что терять»); то и общими мерами противодействия коррупции на этом направлении борьбы с нею могут и должны быть:

1) **постоянный жесткий кадровый отбор претендентов** на государственную службу, создающий преимущества лицам с *позитивными* морально-правовыми установками, с высоким уровнем правового самосознания и не допускающий к службе лиц с противоположными установками;

2) **постоянное общее и локальное повышение материальной обеспеченности государственных служащих**, ослабляющее возможное давление на них неблагоприятных жизненных обстоятельств, как связанных с их личностью, так и не связанных с нею (вызываемых общим ухудшением положения в стране). При этом необходимо руководствоваться правилом: чем ближе находится государственный служащий к контролю за государственной и частной собственностью и чем большая степень соблазна действует на него при исполнении им государственных полномочий, тем выше должна быть степень его материального обеспечения со стороны государства.

В-третьих, поскольку с *субъективной* стороны факторами *побуждающими* к совершению коррупционных преступлений являются: 1) стойкие негативные потребностно-волевые особенности личности государственных служащих (корыстолюбие, властолюбие, сластолюбие, честолюбие, азартность, амбициозность, «рисковость», алкоголизм, наркомания, увлечение азартными играми и т.д.); и 2) неблагоприятное течение конкретной жизненной ситуации, в которой находится государственный служащий (материальные личные и семейные проблемы); то и общими мерами противодействия коррупции на этом

направлении борьбы с нею могут и должны быть:

1) **постоянная жесткая кадровая выбраковка** («чистка») государственных служащих, проявивших вышеуказанные потребностно-волевые качества своей личности, что должно рассматриваться как нарушение морально-этического Кодекса поведения государственного служащего (в России необходимо еще и принятие такого Кодекса);

2) **постоянная повышенная общая социальная защита государственных служащих**, ослабляющее возможное давление на них неблагоприятных жизненных обстоятельств.

Наконец, **в-четвертых**, поскольку с *объективной* стороны, факторами, *побуждающими*) к коррупционному поведению (*провоцирующими* его), являются: 1) устойчивая величина выгоды, которую государственный служащий может извлечь из такого поведения в конкретной среде или сфере деятельности, в случае его успешности; и 2) ситуативное и временное положение государственного служащего, усиливающее степень возможной выгоды, которую можно извлечь из сложившейся ситуации или ослабляющее для него степень угрозы, которой он может подвергнуться в случае совершения конкретного коррупционного деяния; то и общими мерами противодействия коррупции на этом направлении борьбы с нею могут и должны быть:

1) общее ослабление степени соблазна, которому подвергается государственный служащий, контролирующий государственные и частные материальные и нематериальные ценности, что достигается **разделением прав по управлению** этими ценностями или **по принятию соответствующих решений** с тем, чтобы решения о распоряжении ими не могли приниматься одним лицом или узким кругом лиц (например, так, как в банковском деле, где функции по управлению наличными денежными средствами всегда разделены между *контролером* и *кассиром*);

2) **жесткое поддержание дисциплины**, установленной в органах государственной службы, исключаящее возникновение экстраординарных ситуаций при принятии государственных решений.

Наконец, в качестве **общеполитической меры**, действующей одновременно на все звенья системы противодействия коррупции, необходимо все стороннее развитие **общественно-политического контроля** за действиями государственной службы, осуществляемого политической оппозицией, прессой, рядовыми гражданами, для чего необходимо создание специальных государственных органов реагирования на сигналы, поступающие от самого общества. Этот контроль одновременно является и средством морально-правового **воспитания** граждан и утверждения в стране атмосферы **нетерпимости** к проявлениям коррупции.

Таково, согласно нашей концепции общее и стратегическое структурирование направлений и мер противодействия коррупции, в рамках которого должны разрабатываться все более конкретные и частные формы и методы борьбы с этим негативным феноменом, включая и те, которые рассмотрены нами выше.

Учитывая фиксируемое социологическими опросами общее снижение **стандартов морального и правового сознания** в Российском обществе, затронувшем особенно сильно **молодежную** среду, мы приходим к выводу о необходимости серьезного пересмотра государственного отношения к проблемам **образования, воспитания и трудоустройства молодежи**.

Значительная доля современной российской молодежи переживает в настоящее время стойкое чувство фрустрации от неудовлетворенности ее самых приоритетных социальных и личных потребностей. И если общество не осознает в полной мере опасности этого положения, если не будет восстановлена система профессионального образования и трудоустройства выпускников школ, программа доступного спорта для молодежи, то негативные явления в

молодежной среде будут нарастать и в дальнейшем, а потерявшие социальную перспективу молодые будут устойчиво пополнять ряды различных экстремистских группировок.

Для комплексного решения молодежной проблемы в России необходимо прежде всего **глубокое и всестороннее изучение** социально-экономических и социально-психологических проблем молодежи, с последующим проведением мониторингов положения дел в молодежной среде.

В качестве **политико-правовых мер** необходимо выработать социально-правовые и экономические гарантии молодежи, разработать комплекс мер по закреплению гарантий трудоустройства для выпускников вузов, определению статуса молодых предпринимателей с освобождением их от налога на определенный срок, усилить меры по социальной поддержке молодых и малообеспеченных семей, по поддержке талантливой молодежи и меры по максимальной декоммерциализации сферы молодежного досуга.

В **организационной сфере** необходимо создавать и укреплять социальные службы молодежи, рассмотреть возможность предоставления выпускникам школ долгосрочных льготных кредитов на получение образование (некоторый опыт этого в стране уже имеется). Необходимо также наладить строгий контроль со стороны государственных и общественных организаций за соблюдением законодательных актов, регулирующих трудовые отношения, вопросы занятости, профессионального обучения, социальных гарантий во всех вопросах, связанных с участием молодежи.

В сфере **образования молодежи** необходимо разработать долгосрочную многоуровневую образовательно-воспитательную программу по внедрению в сознание молодых людей норм этнической и религиозно-духовной толерантности, критического отношения к современным экстремистским идеологиям (национализму, фашизму, религиозному и идеологическому фундаментализму и радикализму). Необходимо также с самых начальных классов школы воспи-

тивать у российских детей гордость лучшими отечественными традициями и прививать им в качестве основной не узкоэтническую и конфессиональную, а общенациональную просвещенную российскую идентичность.

Анализ сложившейся ситуации в сфере **массовой коммуникации** показывает, что российское общество, включая самих журналистов, до сих пор недостаточно информировано о патогенных информационных технологиях. Неосведомленность общества о распространенных манипулятивных технологиях, некомпетентность и неповоротливость органов управления приводит к бесконтрольному обращению информации, наносящей прямой ущерб национальным интересам и морально-психологическому состоянию общества. Исследовательские работы, проведенные в России, показали, что необходимым условием противодействия экстремизму и терроризму в информационной сфере является развитие **системы саморегулирования и регулирования** деятельности СМИ. Были сформулированы основные принципы само- и сорегулирования в информационной сфере.

В сфере **массовой культуры** целесообразно придерживаться следующей политики, направленной на преодоление сложившихся проявлений экстремизма:

— создать **поощрительную систему грантов**, способствующую расширению тематики, рассчитанной на более полное и адекватное отражение культурной мозаики России, проблем межэтнических отношений и межконфессионального диалога;

— осуществлять **регулярный мониторинг** печатных и электронных СМИ, Интернет-изданий и литературы, а также продуктов индустрии массовых развлечений на предмет выявления попыток разжигания расовой, этнической и религиозной вражды и ненависти и призывов к насилию;

— разработать политические принципы освещения проблемы преодоления экстремизма;

— не допускать к теле- и радиоэффиру, к периодическим печатным изданиям лиц, проповедующих расовую, этническую и религиозную вражду и ненависть и призывающих к насилию, а также широкую трансляцию их прямых высказываний и призывов;

— не упоминать без крайней необходимости этническую принадлежность персонажей журналистских материалов;

— оказывать всемерную поддержку средствам массовой информации, адресованным детям и молодежи и ставящим своей целью воспитание в духе толерантности и патриотизма;

— наладить издание журналов, серийных публикаций и методической литературы по проблемам толерантности, рассчитанных как на специалистов, так и на более широкую аудиторию;

— показывать несостоятельность и общественный вред, а также преступный характер идеологий, программ и действий, которые проповедуют ненависть и вражду к людям других рас, национальностей и вероисповеданий;

— больше внимания уделять распространению современных положений науки о роли и значении культурных традиций и межкультурного диалога.

Важнейшей особенностью деятельности экстремистских и террористических организаций является их активное использование **виртуального пространства** и современных информационных технологий. Для противодействия новейшим информационно-коммуникативным и манипулятивным технологиям, используемым экстремистскими и террористическими организациями, современное государство должно научиться использовать столь же эффективные методы ведения контрпропаганды в киберпространстве, и действовать не только в режиме реакции на действия экстремистов, но и на опережение.

С этой целью необходимы:

— Разработка эффективных методов противодействия информационным ресурсам экстремистской и террористической направленности в компьютерных

сетях.

— Разработка и внедрение новых математических моделей и информационных технологий для повышения эффективности мониторинга электронных СМИ с целью выявления контента экстремистской и террористической направленности.

— Разработка и обоснование новых информационно-коммуникационных механизмов, позволяющих выявлять целевые аудитории информационных ресурсов экстремистской и террористической направленности

В целом же система профилактики и противодействия экстремизму и терроризму в России должна развиваться глубоко, всесторонне и динамично. Для реализации принципов системности и эффективности в ее развитии необходимо следующее.

На межгосударственном уровне:

1. Объединение усилий ведущих государств мира по борьбе с религиозным терроризмом. При этом интересы этой борьбы необходимо поставить выше национальных интересов того или иного государства.

2. Пресечение деятельности обществ, партий, группировок, всевозможных фондов, которые представляют собой легальное крыло экстремистских организаций, призванное отстаивать их интересы в столицах ведущих государств мира.

3. Постепенная ликвидация зон, не контролируемых центральными властями в различных регионах мира (Афганистан, Пакистан, Таджикистан, Чечня, Грузия и т.д.).

4. Последовательное и твердое воздействие со стороны объединенного мирового сообщества (антитеррористическая коалиция, ООН, государства «большой восьмерки») на страны, которые в той или иной форме вольно или невольно потворствуют деятельности религиозно-политических экстремистских организаций. В первую очередь это Саудовская Аравия, Объединенные

Арабские Эмираты, Йемен, Кувейт, Судан, Пакистан, Афганистан и некоторые другие.

Всем россиянам необходимо осознать, что наша страна и общество находятся в состоянии войны с экстремистами и террористами, которые преследуют цель нанести нам поражение и навязать свою волю.

На стратегическом уровне необходимо признать это состояние войны и в соответствии с ним подходить к решению проблемы не время от времени, а постоянно, в комплексе решая вопросы военного, экономического, идеологического, психологического и дипломатического противостояния экстремистам. Это требует полной или частичной мобилизации возможностей государства для перестройки ведущейся борьбы с террористами.

I. Армия

1. Необходимо создание высокопрофессиональных, хорошо обученных подразделений, специально предназначенных для ведения боевых действий в горной и лесистой местности в условиях (временно) враждебно настроенного местного населения, против врага, использующего партизанскую тактику боевых действий. Основой для них могут стать уже получившие боевой опыт части ВДВ и спецназа.

При этом целесообразно изучить опыт тех армий, которым ранее пришлось вести боевые действия в схожих условиях.

2. Необходимо оснастить эти подразделения новыми эффективными видами легкого (стрелкового) и тяжелого (военная техника) оружия, которое должно быть специально создано для ведения боевых действий против террористов. Также необходимо оснастить эти подразделения и вообще войска всеми современными видами связи, средствами защиты и необходимой амуницией.

3. В борьбе против экстремистов, террористов и сепаратистов перейти к тактике проведения упреждающих специальных операций по уничтожению

банд боевиков, их лагерей в горах и труднодоступных населенных пунктах, а также их лидеров.

II. Специальные службы

1. Необходимо на определенное время остановить реформирование специальных служб. В 90-х годах XX в. под прикрытием разговоров о реформе на самом деле специальные службы методично разваливались. Сегодня настало время, когда нужно руководствоваться лозунгом: «больше спецотрядов, чем танковых батальонов». Только подразделение специального назначения способно провести грамотную операцию по обезвреживанию банды, захватившей заложников.

2. На некоторое время необходимо установить ограничение на критику армии и спецслужб в СМИ. В период военных действий против экстремистских и террористических организаций такая критика играет только на руку бандитам. Критику и дискуссии целесообразно отложить на период после достижения решающей победы над экстремизмом и терроризмом. В свою очередь такое ограничение не должно препятствовать конструктивному, позитивному разбору итогов той или иной проведенной антитеррористической операции.

3. Необходимо исходить из того, что без сильных спецслужб не может быть эффективной борьбы, как с международным экстремизмом и терроризмом, так и с другими угрозами интересам государства, включая различные виды конфликтов (сепаратистские, религиозные, межнациональные, расовые и другие).

III. Координация действий

В деле борьбы с политическим терроризмом в нашем государстве создан Национальный антитеррористический комитет, координирующий деятельность специальных служб, различных министерств и ведомств, научно-исследовательских институтов и центров по борьбе с терроризмом, которые в той или иной степени причастны к борьбе с угрозами государству и обществу.

IV. Экономическое направление

Борьба на данном направлении должна преследовать цель пресечения финансовых потоков и ликвидацию бизнес-структур, банков, предприятий, преступных сообществ, которые связаны с экстремистскими и террористическими организациями.

V. Идеология

Без работы на идеологическом фронте ожидать успехов в деле борьбы с экстремизмом и терроризмом невозможно. Поэтому:

1. Необходима грамотная, деликатная, но настойчивая работа со средствами массовой информации. Нужно поставить на поток создание высокопрофессиональных документальных фильмов, передач, статей, круглых столов и конференций, которые бы разоблачали человеконенавистническую сущность экстремизма и терроризма во всех их проявлениях, в первую очередь религиозно-политического. Пропагандировать различными способами бесперспективность предлагаемого экстремистами пути, их отсталость, ограниченность, убогость, преступность целей, средств и методов деятельности.

2. Нельзя предоставлять экстремистам и террористам и их лидерам доступ к СМИ. Необходимо ужесточение законодательных мер, которые должны быть направлены на запрет (или ограничение) освещения деятельности экстремистов и террористов и их лидеров.

3. Необходим особый режим доступа СМИ к информации в случае проведения бандитами новых террористических акций. Такой режим означает введение разумных ограничений на освещение теракта:

— во-первых, для того чтобы не создавать помех для работы специальных служб (как это было, например, при освобождении узников Норд-Оста);

— во-вторых, чтобы не создавать экстремистам и террористам рекламу, чего они добиваются в первую очередь;

— в-третьих, чтобы не нагнетать истерику и не доводить людей у телеви-

зоров до предынфарктного состояния.

4. С помощью СМИ надо постоянно убеждать людей и на фактах доказывать, что правда на нашей стороне, наше дело правое и победа будет за нами.

5. Необходимо упорно работать с представителями традиционного ислама, требовать от них активной позиции, привлекать их в ряды борцов с религиозно-политическим экстремизмом.

Информационное противодействие должно осуществляться в следующих основных формах:

— общепрофилактическая работа на основе партнерства государства и гражданского общества, направленная на распространение нравственного позитива (идей добра, справедливости, межнационального и межконфессионального мира и согласия), а также правдивой информации об истоках, движущих силах и античеловеческой сущности экстремизма и терроризма;

— индивидуальная профилактическая работа с использованием подготовленных пропагандистов;

— организация ситуативного реагирования на информационные вызовы.

Главное в информационном противодействии — развенчать культивируемую в экстремистском информационном пространстве героику терроризма, как средства достижения «благородных» целей. Показать, что эта героика в действительности является торговлей жизнями простых людей и что дивиденды от этой торговли в финансовой форме получают (и надеются получить еще больше) определенные структуры и лица.

VI. Психология

Для эффективной борьбы с экстремизмом и террором необходимы специалисты по психологической работе против врага, с целью его деморализации, дезорганизации, разложения его структур изнутри. Целесообразно использование всех методов и средств: натравливание лидеров экстремистов друг на друга, влияние на них с помощью родственников, игра на разногласиях, амби-

циях, корысти и низменных чувствах. В то же время по возможности привлекать на свою сторону раскаявшихся и заблудших лидеров и рядовых боевиков.

Наряду с этим проводить работу с местным населением с целью дискредитации и подрыва авторитета бандитов, привлечения простых людей на сторону законной власти.

VII. Дипломатия

Настала пора отказаться от пассивной позиции в отношении лидеров и пособников экстремистов, а также представительств террористических организаций, которые укрываются и действуют на территории других государств. Требовать их выдачи в рамках существующих законов. Требовать закрытия СМИ и представительств террористических организаций. В особых случаях проводить операции по похищению видных экстремистских и террористических лидеров, опираясь на опыт других государств (США, Израиль, Турция и другие).

Важнейшей **стратегической задачей** является изменение подходов Центра в отношении к **проблемным регионам страны**. В первую очередь это касается **Северного Кавказа**. Прежняя политика, когда Москва «покупала» лояльность местных лидеров и элит финансовыми влияниями, уже не годится. Это было оправданно, когда полыхал пожар в Чечне. Бесконечные дотации из Центра развращают местных лидеров и элиты, формируют иждивенческие настроения у населения.

Надо переходить к такой политике на Северном Кавказе, которая выражается формулой «тратить то, что заработали». Юг России находится в благоприятной экономической зоне; 25-30% всех земель пригодны для обработки (средний показатель остальной части России — 12%). Там развитая сеть дорог, сохранилось множество промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Местное население весьма активно и предприимчиво. Следовательно, задача состоит в том, чтобы правильно **организовать управление и хозяйствование**.

Особое внимание при этом следует уделить **подбору и расстановке кадров**. Нельзя признать нормальным явление, когда чиновники в Центре и на местах рассматривают свои кресла лишь как способ обогащения путем лоббирования тех или иных коммерческих интересов либо как приложение к собственному бизнесу. Такое государство будет все больше и больше увязать в сепаратистских конфликтах и не сможет по-настоящему противостоять религиозно-политическим экстремистам и террористам.

Необходимо сделать ставку на **государственников-профессионалов**, в том числе выходцев из глубинки России, которые еще не развращены золотым тельцом и для которых выражение «интересы народа и государства» не являются предметом насмешек или пустым звуком. Без государственников страна долго не протянет. Также необходима разумная **ротация кадров** и избавление от тех, кто доказал свою неспособность эффективно исполнять свои обязанности.

Победа над экстремистами и террористами возможна только при концентрации всех сил общества и разумном их использовании, сопровождаемом духовно-психологической мобилизацией всего российского общества и государства и их настроем во что бы то ни стало избавиться от этого опаснейшего негативного социального явления современной эпохи.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.**Рекомендации Всероссийской научно-практической конференции. «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму». Махачкала. Ноябрь 2009.**

Участники Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму», сознавая опасность и будучи глубоко обеспокоены ростом экстремизма в мире и на территории России, обсудили актуальные теоретические и практические вопросы противодействия национальному и политическому экстремизму. Экстремизм в современный период приобретает все большее распространение, превращаясь в постоянного спутника современных обществ. Наличие проблем национального, политического, религиозного характера служит питательной средой для идеологического обоснования актов террора и насилия, преградой полноценного развития экономики и становления гражданского общества в России.

Различные проявления экстремизма в России, провоцирующие этнорелигиозную вражду и ненависть, разрушающие устоявшие традиции межэтнического и межконфессионального согласия и мира, вызывают серьезную озабоченность общества и государства.

Участники конференции полагают, что в современных условиях причины распространения экстремизма в стране связаны главным образом с переходным периодом в развитии российского общества. Незавершенность социально-экономических и политических реформ, процесса формирования единой общероссийской гражданской идентичности, не изжитые в полной мере авторитарные традиции политической системы, незрелость институтов гражданского общества, отсутствие последовательной, научно обоснованной нацио-

нальной политики государства формируют в обществе чувство социальной неудовлетворенности, провоцируют радикальные способы решения социальных конфликтов.

Проявлениям экстремизма благоприятствуют и такие явления в современном российском обществе как резкое имущественное расслоение, значительная безработица, правовая незащищенность граждан, высокий уровень преступности, коррупция и пр. Распространению экстремизма способствуют также недостатки функционирования органов власти, слабая идеологическая, просветительская и воспитательная работа. Особую озабоченность вызывает тенденция втягивания молодежи в экстремистскую деятельность.

Участники конференции считают, что эффективность существующей системы предотвращения и урегулирования национальных и политических конфликтов не адекватна степени их опасности. В условиях полиэтничной и поликонфессиональной России в целях противодействия экстремизму необходимы консолидированные усилия органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества.

Участники конференции считают, что принимаемые в этой связи меры должны стать составной частью государственной национальной политики, совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Отмечая актуальность проблем противодействия национальному и политическому экстремизму участники конференции с целью определения системы неотложных и перспективных направлений противодействия различным формам экстремизма считают необходимым осуществление следующих мер:

1. В социально-экономической сфере:

1.1. Важнейшим направлением противодействия национальному и политическому экстремизму остается ускорение процессов модернизации страны по сценарию инновационного развития, обеспечение открытости экономики, добросовестной конкуренции и прозрачности финансовых потоков, а также реше-

ние экономических и социальных проблем регионов, наиболее подверженных рискам различных форм проявления экстремизма.

1.2. Проводить социально-ориентированную рыночную политику, способствующую сокращению безработицы, нищеты, социальной несправедливости. Разработать программы, нацеленные на преодоление социальной поляризации общества и обеспечивающие реализацию социальных гарантий граждан России.

1.3. Считать целесообразным разработку на федеральном уровне необходимых мер, направленных на обеспечение ускоренных темпов социально-экономического развития Северо-Кавказского региона.

2. В области государственной политики, законодательства и правоприменительной деятельности

2.1. Разработать и принять государственную программу противодействия экстремизму, призванную служить основой для совершенствования законодательства и проведения организационно-управленческих мероприятий в указанной сфере, а также для проведения культурно-просветительской работы, направленной на формирование устойчивого общественного мнения по неприятию экстремизму.

2.2. Объединить усилия органов власти и институтов гражданского общества на федеральном, региональном и местном уровнях для разработки и реализации государственной политики по предупреждению экстремизма и совершенствованию законодательства.

2.3. Подвергнуть экспертизе действующие, а также разработать и принять федеральные и региональные нормативно-правовые акты в сферах этнокультурной и миграционной политики, противодействия экстремизму, направленные на усиление профилактической работы и конкретизацию субъектов, ответственных за ее проведение.

2.4. Усовершенствовать нормативно-правовые акты, предусматривающие

ответственность лиц, использующих электронные носители информации, Интернет-сайты в целях пропаганды экстремизма и терроризма.

2.5. Завершить работу по более четкому уголовно-процессуальному разграничению компетенции органов внутренних дел, безопасности и других правоохранительных органов в сферах борьбы с терроризмом и экстремизмом.

2.6. Совершенствовать практику привлечения к уголовной ответственности:

— за предоставление помещений (жилья) для экстремистской деятельности (проведения собраний; лекций; изготовления, размножения литературы экстремистского толка; изготовления, размножения, демонстрации видеоматериалов);

— за хранение материалов экстремистской направленности с целью их распространения.

2.7. Усилить санкции по ст.ст. 280, 282, 282.1, 282.2 УК РФ, предусматривающим ответственность за совершение преступлений экстремистского характера, для возможности осуществления ряда оперативно-розыскных и следственных мероприятий, предусмотренных за совершение только тяжких и особо тяжких преступлений;

2.8. Повысить эффективность деятельности правоохранительных органов по предупреждению экстремизма и терроризма. Усилить ответственность за соблюдение законности при проведении оперативных и следственных мероприятий в ходе противодействия экстремизму.

2.9. Совершенствовать практику применения действующего законодательства по вопросам предупреждения и наказания за преступления, связанные с разжиганием расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, уделяя особое внимание деятельности СМИ, политических партий и движений, религиозных объединений и иных некоммерческих и неправительственных организаций.

2.10. Систематизировать ведение учета экстремистских проявлений в стране. Создать соответствующие федеральный и региональные межведомственные банки данных.

2.11. Разработать общегосударственную систему мер по противодействию распространению религиозно-политического экстремизма в молодежной среде, включающую в себя: прекращение деятельности религиозных объединений и учебных заведений, функционирующих с нарушением действующего законодательства; разрешение обучению в религиозных учебных заведениях только при условии обучения несовершеннолетнего в общеобразовательной школе; разработку обязательной программы обучения в религиозных учебных заведениях на территории Российской Федерации с привлечением заинтересованных ведомств и религиозных структур; установление жесткого государственного контроля за лицами, убывающими на учебу в зарубежные религиозные учебные заведения; проведение мониторинга учебных программ зарубежных религиозных учебных заведений, в которых обучаются граждане России, на предмет распространения в них учений экстремистского толка.

2.12. Создать специализированное подразделение в структуре Федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции России для обеспечения своевременной оценки материалов экстремистского содержания и проведения судебных экспертиз по уголовным делам об экстремизме.

2.13. Выработать эффективные механизмы оказания помощи жертвам экстремизма и терроризма, беженцам и вынужденным переселенцам.

2.14. Усилить принимаемые меры по перекрытию каналов финансирования экстремистов и террористов.

2.15. Заключить международные соглашения с рядом исламских государств Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки, предусматривающие введение запрета негосударственным духовным образовательным учреждениям приема на обучение граждан Российской Федерации, отказ в

выдаче въездной визы гражданам Российской Федерации при отсутствии соответствующего разрешения государственных органов субъектов Российской Федерации и их депортацию в установленном порядке.

3. В области межнациональных отношений и миграционной политики

3.1. Ускорить разработку новой редакции Концепции государственной национальной политики, включающей раздел, посвященный государственной национальной политике Российской Федерации на Северном Кавказе, учитывающей специфику развития региона, духовно-созидательный потенциал традиционных религий и многонациональной общности народов Северного Кавказа.

3.2. Обеспечить реализацию специальных региональных программ в области межнациональных отношений, миграционной политики с учетом социально-экономической и политической обстановки, обеспечить их организационное сопровождение и финансирование с учетом позитивного опыта, накопленного субъектами Федерации. Включать мероприятия по гармонизации межнациональных отношений в специальные целевые региональные программы (развития толерантности, культуры, языка, образования, молодежи, патриотического воспитания, правовой культуры и др.).

3.3. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации подготовить и осуществлять специальные программы регулирования миграционных процессов, адаптации и интеграции мигрантов в общественную жизнь.

3.4. Формировать на федеральном и региональном уровнях кризисные межведомственные группы по предотвращению и урегулированию конфликтных ситуаций на этнической почве, обеспечить правовую основу их функционирования.

3.5. Органам государственной власти и институтам гражданского обще-

ства усилить деятельность по созданию в Кавказском регионе зоны мира и добрососедства, участвовать в межнациональной и межконфессиональной миротворческой деятельности и гуманитарной помощи.

3.6. Государственным органам, общественным, национальным и религиозным организациям и движениям консолидировать усилия в деле возрождения лучших традиций народной дипломатии, обычаев и традиций добрососедства и взаимопонимания народов России. Развивать взаимосвязи народов страны, способствовать укреплению единого российского духовного пространства, основанного на диалоге культур и цивилизаций.

4. В сфере идеологического противодействия экстремизму:

4.1. Считать приоритетной задачей идеологического противодействия экстремизму создание в обществе целостной системы духовной безопасности, обеспечивающей невосприимчивость к идеологии экстремизма. Усовершенствовать идеологию межнационального согласия, дружбы и сотрудничества народов с учетом многовековых традиций России и современных тенденций развития этнополитических процессов. Развивать поиск культурно-ценностных оснований, консолидирующих многонациональное российское общество и стимулирующих межконфессиональный диалог.

4.2. Министерством и ведомствам Российской Федерации принять активное участие в разработке и осуществлении федеральной и региональных программ формирования культуры межнационального сотрудничества и гражданской солидарности народов России.

4.3. В рамках формирующейся антиэкстремистской идеологии выработать единую стратегию противодействия политическому и национальному экстремизму в России, на Северном Кавказе.

4.4. Создать постоянный цикл передач на радио и телевидении, направленный на пропаганду мира, культуры межнационального и межконфессионального общения, взаимной терпимости, сотрудничества и взаимопомощи

между народами Российской Федерации. Открыть специальные рубрики по межнациональным и этноконфессиональным проблемам в федеральных и региональных электронных и печатных СМИ.

4.5. Обеспечить широкое освещение в СМИ деятельности представителей различных народов, культур, конфессий, направленной на достижение межэтнического и межрелигиозного согласия и толерантности.

4.6. СМИ обратить особое внимание на распространение идеологии и практического опыта межэтнического согласия, духовной и культурной общности россиян, российского патриотизма, уважения к истории, культурам, традициям народов России, акцентируя внимание на раскрытии истории взаимодействия, сотрудничества народов России в строительстве государства, освоении территорий, защите Отечества от иноземных захватчиков.

4.7. Особое внимание в государственной политике противодействия экстремизму уделять внедрению различных форм диалога между властью и обществом. В этих целях на муниципальном и государственном уровне совершенствовать существующие и создавать новые механизмы вовлечения в общественный диалог наиболее радикальных политических сил общества. Через широкое освещение в средствах массовой информации хода и характера общественного диалога вскрывать деструктивный потенциал внеправовых форм политического действия.

4.8. Усилить воспитательную работу, проводимую с контингентом осужденных за преступления экстремистского характера, принять меры по недопущению распространения экстремистской идеологии в местах лишения свободы. Разработать комплекс мер по ресоциализации молодых людей, ранее осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности.

5. В сфере образования, научных исследований и мониторинга:

5.1. Рассматривать образование как важнейший фактор противодействия экстремизму. В этих целях восстановить в высших и средних специальных

учебных заведениях чтение курсов этики, религиоведения. Разработать и внедрить в образовательных учреждениях всех уровней образовательные программы противодействия ксенофобии, этническому и политическому экстремизму, направленные на формирование толерантного сознания, этнической и межконфессиональной терпимости.

5.2. Министерству образования и науки Российской Федерации не допускать преподавание в системе общего образования монорелигиозных дисциплин.

5.3. С учетом гуманистической роли русской классической литературы и ее высокого мировоззренческого и духовно-нравственного потенциала обеспечить сквозной характер ее преподавания в системе общего образования.

5.4. Министерству образования и науки Российской Федерации рекомендовать пересмотреть учебные программы общего и профессионального образования по дисциплине «История Отечества», в целях более полного отражения культурного многообразия России, воспитания патриотизма и интернационализма, в том числе на примерах событий новейшей истории.

5.5. Усовершенствовать систему грантов, рассчитанную на более полное и адекватное отражение культурного многообразия России, проблем межэтнических отношений и межконфессионального диалога.

5.6. Обеспечить подготовку специалистов и осуществление научных исследований по проблемам мира и толерантности, обеспечения согласия в международных отношениях в России, предупреждения этнической вражды и конфликтов.

5.7. Усовершенствовать методы мониторинга, диагностики, экспертизы проявлений национального и политического экстремизма в обществе и средствах массовой информации. Ускорить работы по созданию общенациональной системы мониторинга социально-политических, межэтнических и межконфессиональных отношений.

5.8. Организовать систему контроля и мониторинга за деятельностью военно-патриотических организаций и клубов в целях недопущения их использования в экстремистской деятельности.

5.9. Правительству Республики Дагестан решить вопрос о финансировании из средств бюджета Республики Дагестан Центра исламских исследований Дагестанского государственного университета.

6. В организационном направлении:

6.1. Создать систему профессиональной подготовки и переподготовки государственных и муниципальных работников, педагогических кадров, представителей общественных и религиозных организаций по программе противодействия экстремизму. Организовать для этого специальные курсы в вузах или центрах повышения квалификации кадров.

6.2. Министерствам и ведомствам обеспечить целенаправленную деятельность государственных органов и структур по выработке у государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов знаний, навыков, психологических установок в области противодействия национальному и политическому экстремизму. Ввести соответствующие программы и курсы в систему подготовки повышения квалификации кадров управления.

6.3. Создавать и развивать институциональные формы предупреждения этнокофессиональных конфликтов (организация Домов Дружбы, ассоциаций национально-культурных организаций, поддержка национального образования, национальных СМИ и др.).

6.4. Оказывать методическую, организационную, финансовую и иную помощь некоммерческим организациям, работающим в области воспитания толерантности, предупреждения конфликтов, адаптации мигрантов.

6.5. Институтам гражданского общества активнее проводить экспертизу принятых органами власти решений по разрешению и предотвращению политических и этноконфессиональных конфликтов.

Оргкомитету конференции направить настоящие рекомендации в органы федеральной и региональной власти, руководителям политических партий, общественных и национальных движений, религиозных организаций, СМИ для использования в практической деятельности.

УГРОЗА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА: МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ

СОДЕРЖАНИЕ

- 1. Угроза террористического акта**
- 2. Модели и механизмы защиты**
- 3. Классификация взрывчатых устройств по назначению**
- 4. Признаки возможной опасности взрыва**
- 5. Что делать, если какие-то из перечисленных тревожных «примет» привлекли ваше внимание**
- 6. Какие меры необходимо предпринять для предупреждения применения зажигательного оружия**
- 7. Что необходимо делать при получении информации об угрозе террористического акта**
- 8. Обязанности должностных лиц организаций при возникновении угрозы террористического акта**
- 9. Что необходимо делать при совершении террористического акта**
- 10. Как не стать жертвой теракта**
- 11. Если ваш дом (квартира) оказались вблизи эпицентра взрыва**
- 12. Если вы находитесь вблизи места совершения теракта**
- 13. Если вас эвакуируют из дома**
- 14. Если вы в самолете**
- 15. Как помочь жертвам террористического акта**

- 16. Как следует вести себя, если вы пострадали в результате террористического акта**
- 17. Если вас захватили в заложники**
- 18. При длительном нахождении в положении заложника**
- 19. Поведение на допросе**
- 20. Несколько советов для родственников заложников**
- 21. Рекомендации по созданию учебных наглядных пособий по защите от угрозы террористических актов**

1. Угроза террористического акта

Рекомендации, предлагаемые в данной памятке, помогут каждому из нас выжить в критической ситуации. Начнем с того, что нужно знать и делать, чтобы не стать жертвой террористического акта. Но прежде присмотримся к определениям терроризма и террористического акта.

Уголовный кодекс РФ (ст. 205) дает следующее определение: «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Террористический акт в Федеральном Законе «О противодействии терроризму» определяется следующим образом: «Террористический акт — совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и созда-

ющих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

К особо опасным угрозам террористического характера относятся:

- Взрывы в местах массового скопления людей.
- Захват воздушных судов и других транспортных средств для перевозки людей, похищение людей, захват заложников.
- Нападение на объекты, потенциально опасные для жизни населения в случае их разрушения или нарушения технологического режима.
- Отравление систем водоснабжения, продуктов питания, искусственное распространение возбудителей инфекционных болезней.
- Проникновение в информационные сети и телекоммуникационные системы с целью дезорганизации их работы вплоть до вывода из строя.

В целях защиты от террористических атак, прежде всего, необходимо разработать и осуществить следующий комплекс мероприятий:

- Заблаговременно создать необходимые ресурсы для оперативного реагирования на террористические действия.
- Обеспечить органы управления современной базой данных.
- Спланировать заблаговременно порядок действия по смягчению возможных последствий чрезвычайных ситуаций.
- Наладить эффективное взаимодействие между собственными охранными формированиями и органами правопорядка, силами МЧС, другими службами жизнеобеспечения.
- Периодически проводить инструктаж работников учреждения по противодействию террористическим проявлениям.

- Проводить тренировки по антитеррористической деятельности.
- Периодически производить профилактический осмотр территории и помещений.
- Организовать контролируемый въезд автотранспорта на территорию учреждения.
- Организовать пропускной режим.

2. МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ

Разработка моделей и механизмов защиты от угроз террористических актов предполагает выработку алгоритма действий должностных лиц организаций, служащих учреждений, граждан при очевидных угрозах и совершении взрывов, поджогов, иных разрушительных для личности и общества действий.

Прежде всего, каждому из нас необходимо знать наиболее вероятные места совершения террористических актов, каковыми являются:

- Подземные переходы (тоннели)
- Вокзалы
- Рынки
- Стадионы
- Дискотеки
- Магазины
- Транспортные средства
- Объекты жизнеобеспечения (электростанции, газоперекачивающие и распределительные станции...)
- Учебные заведения
- Больницы и поликлиники

- Детские учреждения
- Административные помещения
- Подвалы и лестничные клетки жилых зданий
- Контейнеры для мусора, урны
- Опоры мостов

Во всех этих местах необходимо принимать предупредительно-защитные меры от террористических атак. К таковым можно отнести:

- Укрепление и опечатывание входов в подвалы и на чердаки, установка решеток, металлических дверей, замков и регулярная проверка их сохранности.
- Установить домофоны, камеры видеонаблюдения.
- Организовать дежурство граждан (жильцов) по месту жительства.
- Создать добровольные дружины из жильцов для обхода жилого массива и проверки сохранности печатей и замков.
- Обращать внимание на появление незнакомых автомобилей и посторонних лиц.
- Интересоваться разгрузкой мешков, ящиков, коробок, переносимых в подвал или на первые этажи.
- Не открывать двери неизвестным людям.
- Освободить лестничные клетки, коридоры, служебные помещения от загромождающих предметов.
- Желательно иметь в доме (квартире) хорошую сторожевую собаку.
- Оборудовать окна решетками (особенно на нижних этажах). Не оставлять их открытыми. Завешивать плотной тканью (жалюзи)
- Установить металлические двери с глазком или врезать глазок в имеющуюся.

Террористические акты чаще всего происходят с использованием различных взрывных или зажигательных устройств. Использование взрывных устройств всегда было достаточно привлекательно для террористов. Можно заранее в безопасный для себя момент заложить взрывчатку, уйти незамеченным, выполнить задачу, остаться живым, неизвестным и с деньгами. Мина не имеет той избирательности как, например, огнестрельное оружие или отравляющие вещества. Помимо лица, подлежащего устранению, при взрыве, как правило, гибнут как близкие ему люди (семья, охрана, сопровождающие), так и совершенно случайные прохожие, оказавшиеся в зоне действия взрывного устройства. Это поистине варварское оружие — визитная карточка террористов, начиная с анархистов-бомбистов, лозунг которых: цель оправдывает любые средства. Взрывы с массовой гибелью ни в чем не повинных людей зачастую применяются с целью запугивающего психологического давления на определенную категорию людей.

Поэтому применение моделей защиты от террористического акта предполагает наличие у потенциальной жертвы, то есть каждого из нас, достаточных знаний о признаках и внешнем виде устройств, с помощью которых совершаются террористические акты. Необходимо знать основные принципы устройства и действия, возможные последствия применения взрывных и зажигательных устройств, последовательность действий при их обнаружении, чтобы эффективно локализовать угрозу, управлять ею и минимизировать возможные негативные последствия.

Чаще всего террористические акты совершаются с использованием типичных взрывчатых веществ заводского и самодельного изготовления. В арсенале террористов можно встретить боеприпасы и иные опасные вещества и смеси, способные к взрыву при определенных условиях.

«Начинкой» любого взрывчатого устройства является взрывчатое вещество. Взрывчатое вещество — это химические соединения или смеси, которые

под влиянием внешнего воздействия приводят к образованию быстро распространяющихся, обладающих большим давлением сильно нагретых газов, которые, расширяясь, производят механическую работу. В качестве взрывчатых веществ используются кумулятивные заряды, эластит, тротиловые шашки

Боеприпасами являются изделия военной техники одноразового применения, предназначенные для поражения живой силы противника: боевые части ракет авиационные бомбы, артиллерийские боеприпасы (снаряды, мины, выстрелы), инженерные боеприпасы (противотанковые и противопехотные мины), ручные гранаты, стрелковые боеприпасы (патроны к пистолетам, карабинам, автоматам, пулеметам).

Близко к боеприпасам находятся и пиротехнические средства: патроны (сигнальные, осветительные, имитационные, специальные), взрывпакеты, ракеты (осветительные, сигнальные), гранаты (дымовые, светозвуковые), дымовые шашки и пр.

Террористы также активно используют и различные самодельные взрывные устройства: самодельные мины-ловушки; мины сюрпризы, имитирующие предметы домашнего обихода или вещи, привлекающие внимание.

Рассмотрим основные типы взрывчатых устройств, применяемых в террористических целях.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ ВЗРЫВЧАТЫХ УСТРОЙСТВ ПО ПРЕДНАЗНАЧЕНИЮ:

1. Взрывчатые устройства, подложенные на объект заранее — закладки. Установка их требует предварительного проникновения преступника на объект. Закладки могут быть очевидные и закамуфлированные. Закладки второго типа могут маскироваться под любой обычный предмет (огнетушитель, видеокассета, магнитофон и т.д.).

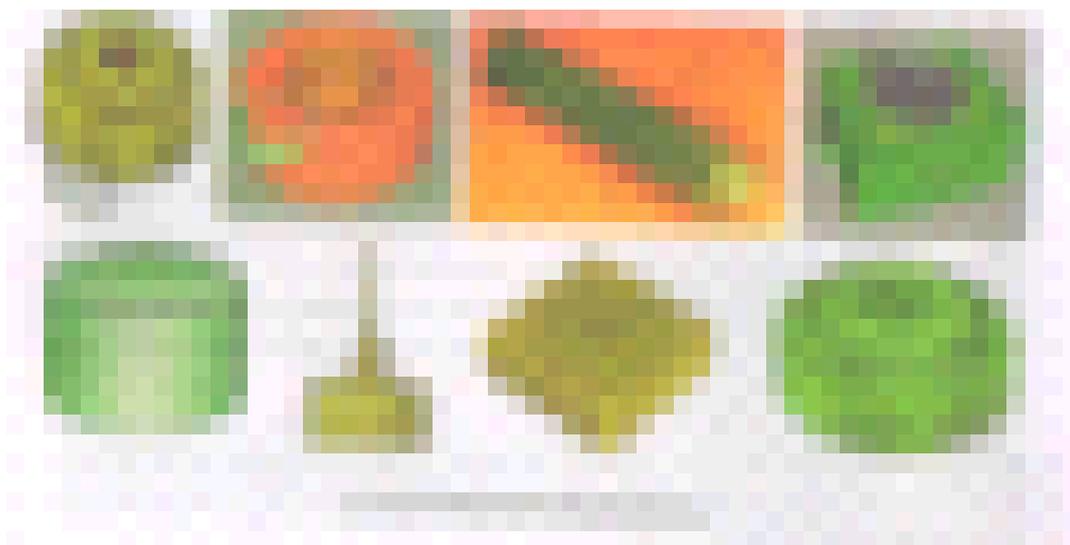
2. **Почтовые отправления** — взрывчатые устройства, закамуфлированные под привычный предмет (письмо, посылка, пакет, книга, портфель и т.д.). Взрыв происходит во время вскрытия. Могут доставляться по почте, рассылным, подкидываться к порогу, якобы случайно забываются на объекте, где пребывает жертва.

3. **Транспортные взрывчатые устройства** — так или иначе связанные с транспортом. Могут устанавливаться под средство передвижения, например, под автомобиль или к его днищу; по маршруту; в транспортное средство. Имеется в виду, когда взрывчатое устройство-закладка устанавливается в транспортное средство самой жертвы.

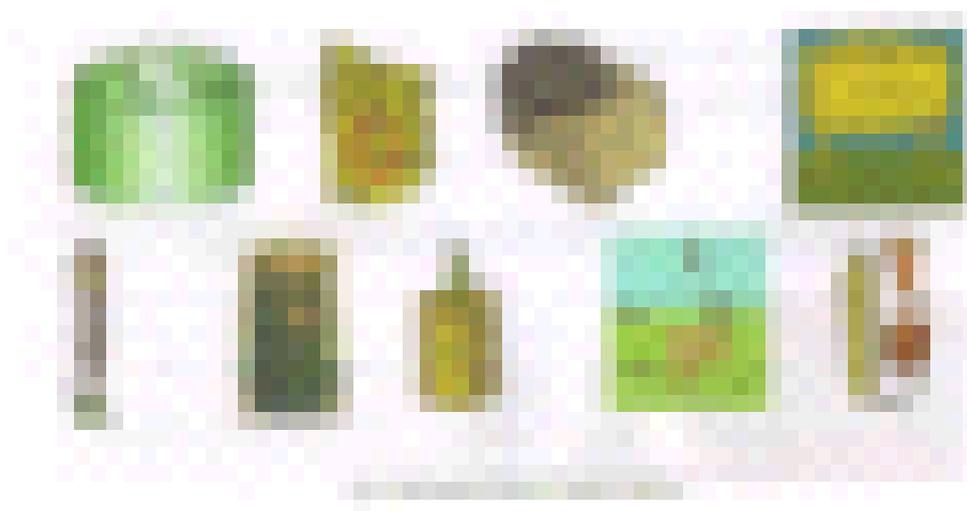
4. **Зажигательные** — это вещества, не взрывающиеся, а воспламеняющие. При взаимодействии дают химическую реакцию не взрыва, а горения. Классический вариант — так называемый «коктейль Молотова». В состав зажигательных устройств входят различные легковоспламеняющиеся соединения и компоненты с большой температурой горения, такие, как бензины, масла, магниии, фосфорсодержащие соединения и т.д.

5. **Мины** — это взрывные устройства промышленного изготовления (имеются в виду, прежде всего армейские образцы). В отличие от самодельных

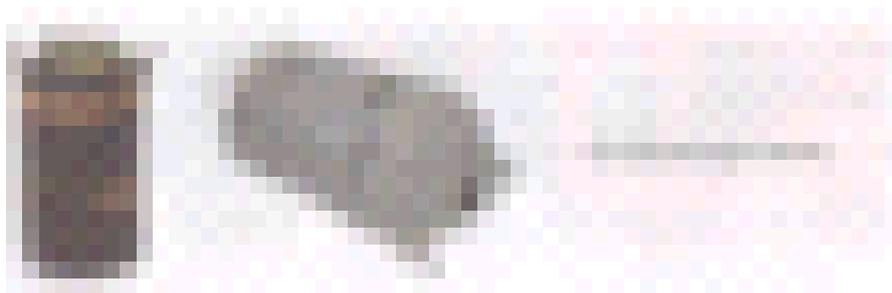
(импровизированных) взрывчатых устройств, изготавливаемых террористами самостоятельно, готовые к применению, направленные против личности (противопехотные по армейской классификации); противотранспортные (в т.ч. противотанковые).

Противопехотные мины могут быть осколочными (по поражающему воздействию). Для осколочных мин характерным является сравнительно небольшая масса непосредственно взрывчатого вещества, т.к. поражающим фактором является разброс осколков, а не непосредственно энергия взрыва.

Другой тип мин — фугасные (туннельные), где поражающий фактор первичный — непосредственная энергия взрыва взрывчатого вещества, т.е. продукты взрыва и воздушная ударная волна. Направление взрыва также может формироваться за счет разной плотности сред. Например, земля-атмосфера: взрыв идет вверх; стена-атмосфера, потолок-атмосфера: соответственно взрыв идет от стены или потолка.

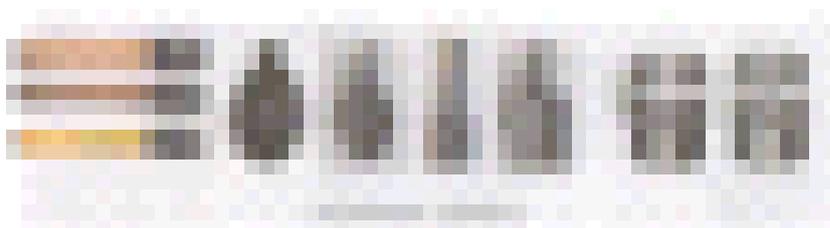

Самодельные взрывные устройства в основном копируют, так или иначе, принципы действия мин промышленного изготовления.

Самодельные взрывные устройства с использованием мин – ловушек, замаскированных под игрушки и бытовые предметы.

6. **Гранаты** подразделяются на ручные, ружейные, доставляемые реактивной тягой, мортиры (гранатометы).

С терроризмом, эти «бичом XXI века», войной против всего человечества, может столкнуться каждый. Борьба с терроризмом должны все государ-

ства. И делать это сообща. Но и каждый из нас может и должен знать, как распознать угрозу взрыва и что делать в этом случае.

4. ПРИЗНАКИ ВОЗМОЖНОЙ ОПАСНОСТИ ВЗРЫВА

О наличии взрывчатых устройств и возможной опасности взрыва можно судить по следующим признакам:

- Проволока или шнур, натянутые в неожиданном месте, наличие антенны, изоляторы, куски изоляции.
- Неизвестный сверток или предмет, находящийся на станции метро, в автобусе или у входа в здание.
- Специфический шум из обнаруженного предмета (тиканье часов, щелчки).
- Наличие на найденном предмете источников питания (батарейки).
- Растяжки из проволоки, шпагата, веревки.
- Необычное размещение обнаруженного предмета.

- Припаркованные вблизи домов автомашины, неизвестные жильцам или работникам организаций и учреждений.
- Специфический, не свойственный окружающей местности, запах.
- Бесхозные портфели, чемоданы, сумки, пакеты, свертки, мешки, ящики, коробки.
- Свежая засыпанная яма на обочине дороги (особенно вблизи трассы, где часто проезжают высокие должностные лица или сотрудники милиции, военные и служебные автомобили).

Часто объектом подрыва террористами становится личный или служебный автомобиль. Основными местами для минирования в машине становятся: сиденье водителя, днище под передними сиденьями, бензобак, под капотом. Мина большой мощности может устанавливаться неподалеку от автомобиля или в соседней машине. Но в этом случае требуется ее радио- или электроподрыв.

5. ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ КАКИЕ-ТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ТРЕВОЖНЫХ «ПРИМЕТ» ПРИВЛЕКЛИ ВАШЕ ВНИМАНИЕ?

Бдительность прохожих помогла предотвратить не один террористический акт и спасти сотни жизней! Но ни в коем случае нельзя, основываясь только на своих подозрениях, вызывать панику. Паника в метро, на наземном транспорте или в здании — опасная вещь! Она порой не менее опасна, чем сам террористический акт.

С угрозой террористических актов ни в коем случае нельзя «шутить». Уже было много случаев, когда не выучивший урока лоботряс звонил в милицию и... предупреждал о взрыве собственной школы. Поиски несуществующей бомбы, эвакуация людей, привлечение специалистов не только стоят очень больших денег, но и отвлекают внимание спецслужб от настоящей угрозы.

Между прочим, «телефонных террористов» (так называют тех, кто угрожает по телефону несуществующими бомбами), как правило, ловят, каким бы телефоном они ни пользовались. А оплачивать работу спецслужб вынуждены родители «шутников».

Необходимо постоянно проявлять бдительность, держите окружающую обстановку под контролем. В случае возникновения подозрительной ситуации: неадекватное поведение отдельных граждан, подозрительный предмет, прямая угроза — незамедлительно сообщите об этом родителям, учителям, сотрудникам правоохранительных органов.

Важно знать, что при обнаружении подозрительных предметов или взрывного устройства ни в коем случае нельзя пытаться обезвредить его самостоятельно. Обезвреживание взрывоопасного предмета на месте его обнаружения производится исключительно специалистами МВД, ФСБ, МЧС. Населению же необходимо:

- Немедленно сообщить в дежурные службы территориальных органов внутренних дел, ФСБ, управление по делам ГО и ЧС, оперативному дежурному администрации города.
- Не подходить к обнаруженному предмету, не трогать его руками, не вскрывать и не передвигать его, не допускать к нему других.
- Зафиксировать время обнаружения находки и не забывать, что вы являетесь самым важным очевидцем.
- Сделать так, чтобы люди отошли как можно дальше от опасной находки.
- Исключить использование средств радиосвязи, мобильных телефонов, других средств, способных вызвать срабатывание радиовзрывателя.
- Дождаться прибытия представителей правоохранительных органов.
- Указать место нахождения подозрительного предмета.

Важно также помнить, что внешний вид предмета может скрывать его настоящее назначение. В качестве камуфляжа для взрывных устройств чаще всего используются обычные бытовые предметы.

6. КАКИЕ МЕРЫ НЕОБХОДИМО ПРЕДПРИНЯТЬ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАЖИГАТЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ?

Нередко террористические акты совершаются с использованием зажигательного оружия. Зажигательное оружие это средство для поражения живой силы и имущества, могущее применяться и для других целей. Действие этого средства основано на использовании зажигательных веществ и зажигательных устройств.

Зажигательные вещества состоят из специальных составов (смеси), способных при горении выделить большое количество тепла и развивать высокую температуру. Они бывают твердыми и жидкими. В зависимости от химического состава зажигательные вещества делятся на горящие с использованием кислорода воздуха (например, керосин, напалм, белый фосфор и др.) и горящие без доступа воздуха, имеющие в своем составе окислители (например, термит и термитно-зажигательные составы, кислородосодержащие соли).

Как и взрывные устройства, зажигательные устройства могут состоять из источника питания для включения проводки зажигательной смеси. Обычно включатель имеет часовой механизм, который позволяет привести в действие зажигательное устройство в определенное террористом время.

Зажигательная смесь может состояться из различных химических веществ. В большинстве случаев для ее поражающего действия используются два основных компонента — топливо и окислитель. При взаимодействии они вырабатывают высокотемпературные световые и газообразные продукты. Коли-

чество заряда (зажигательной смеси) зависит от размеров и свойств объекта, против которого он применяется. Подавляющее большинство зажигательного оружия, которое используют террористы, относительно невелико по размерам и плотно скомпоновано для облегчения транспортировки и в целях маскировки.

Наиболее известным в международном масштабе и применяющимся еще со времен Второй мировой войны является зажигательное устройство под названием «коктейль Молотова». Оно до сих пор активно используется правонарушителями в ходе массовых беспорядков и при совершении других противоправных действий. «Коктейль Молотова» представляет собой бутылку с зажигательной смесью, применявшуюся советскими солдатами для подрыва немецких танков во время Великой Отечественной войны.

Как используется зажигательное оружие. Вначале возникает локальное возгорание материала, непосредственно окружающего зажигательное устройство. Это может быть, например, карман рубашки, висящей на вешалке в магазине. Это также может быть любая одежда, мягкая мебель или любой горючий материал. Поскольку начальное воспламенение происходит мгновенно и яростно, очень скоро огонь охватывает весь окружающий зажигательное устройство материал, и через считанные секунды начинает бушевать пламя.

Наибольшей «привлекательностью» в зажигательном устройстве для террористов является то обстоятельство, что они сравнительно более безопасны, чем различные самодельные взрывные устройства, которые всегда таят угрозу произвольного взрыва и гибели исполнителя теракта. В случае же преждевременного срабатывания зажигательного устройства вероятность травмы террориста относительно невелика, не считая, конечно, ожогов. Поэтому зажигательное устройство охотнее и чаще используются террористами и членами различных протестующих группировок, чем самодельные взрывные устройства.

Кроме того, зажигательные устройства малогабаритны, легки, удобны и транспортабельны.

Из анализа тактик и условий совершенных терактов с использованием зажигательных устройств можно сделать вывод, что они представляют наибольшую опасность для мест массового скопления людей. В этом случае особенно важно организовывать периодический тщательный осмотр местности и помещений. Если эти осмотры хорошо спланированы и проводятся в наиболее подходящее время, они могут быть весьма эффективны.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что все предпринимаемые меры безопасности являются лишь сдерживающим фактором и могут лишь в определенной степени уменьшить вероятность совершения терактов с применением зажигательных устройств.

7. ЧТО НЕОБХОДИМО ДЕЛАТЬ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ОБ УГРОЗЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

При получении информации об угрозе террористического акта, прежде всего, обезопасьте свое жилище. Для этого необходимо:

- Убрать с окон горшки с цветами (поставьте их на пол);
- Задернуть шторы на окнах, что убережет от разлетающихся осколков стекол.
- Убрать с балконов и лоджий горюче-смазочные и иные легковоспламеняющиеся материалы.
- Подготовиться к экстренной эвакуации. Для этого необходимо сложить в отдельную сумку документы. Желательно иметь при себе свисток.
- Подготовить йод, бинты, вату и другие медицинские средства для оказания первой медицинской помощи.

- Договориться с соседями о совместных действиях на случай оказания взаимопомощи.
- Избегать места скопления людей (рынки, магазины, стадионы, дискотеки...).
- По возможности реже пользоваться общественным транспортом.
- Желательно отправить детей и престарелых на дачу, в деревню, в другой населенный пункт к родственникам или знакомым.
- Держать включенными телевизор, радиоприемник, радиоточку.
- Создать в доме (квартире) небольшой запас продуктов и воды.
- Держать на видном месте список телефонов для экстренной информации в правоохранительные органы.
- Выключить газ, потушить огонь в печках, каминах;
- Подготовить аварийные источники освещения (фонари и т. п.);

Получив сообщение от представителей властей или правоохранительных органов о начале эвакуации, соблюдайте спокойствие и четко выполняйте их команды.

Если Вы находитесь в квартире, выполните следующие действия:

- возьмите личные документы, деньги и ценности;
- отключите электричество, воду и газ;
- окажите помощь в эвакуации пожилых и тяжело больных людей;
- обязательно закройте входную дверь на замок — это защитит квартиру от возможного проникновения мародеров.

Не допускайте паники, истерик и спешки. Помещение покидайте организовано. Возвращение в покинутое помещение осуществляйте только после получения разрешения ответственных лиц. Помните, что от согласованности и четкости Ваших действий будет зависеть жизнь и здоровье многих людей. По возможности реже пользуйтесь общественным транспортом. Отложите посе-

щение общественных мест. Окажите психологическую поддержку старым людям, больным, детям.

8. ОБЯЗАННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ УГРОЗЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Должностные лица организаций при возникновении угрозы террористического акта обязаны:

- Срочно проверить готовность средств оповещения
- Проинформировать работников и население о возникновении чрезвычайной ситуации
- Уточнить план эвакуации рабочих и служащих (жителей дома) на случай чрезвычайной ситуации.
- Проверить места парковки автомобилей (нет ли чужих, подозрительных, бесхозных транспортных средств).
- Удалить контейнера для мусора от непосредственной близости к зданиям и сооружениям.
- Организовать дополнительную охрану предприятий, учреждений, организаций, дежурство жителей.

9. ЧТО НЕОБХОДИМО ДЕЛАТЬ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА?

При совершении террористического акта необходимо:

- Немедленно проинформировать дежурные службы территориальных органов МВД, ФСБ, МЧС.
- Принять меры к спасению пострадавших, оказанию первой медицинской помощи.

- Не допускать посторонних к месту чрезвычайной ситуации.
- Организовать встречу работников милиции, ФСБ, пожарной охраны, «Службы скорой помощи», спасательных подразделений МЧС.

10. КАК НЕ СТАТЬ ЖЕРТВОЙ ТЕРАКТА?

Необходимо быть внимательным к тому, что происходит вокруг дома. Бдительность должны быть постоянной и активной.

- К террористическому акту невозможно заранее подготовиться. Поэтому надо быть готовым к нему всегда. Как не стать жертвой террора и не оказаться среди заложников? Ответить на эти вопросы не сложно. Универсальных методик не существует, потому, что каждая ситуация уникальна. И все же несколько полезных советов дать можно.
- Террористы выбирают для атак известные и заметные цели, например, крупные города, международные аэропорты, места проведения крупных международных мероприятий, международные курорты и т.д. Обязательным условием совершения атаки является возможность избежать пристального внимания правоохранительных структур — например, досмотра до и после совершения теракта. Будьте внимательны, находясь в подобных местах. Террористы действуют внезапно и, как правило, без предварительных предупреждений.
- Будьте особо внимательны во время путешествий. Обращайте внимание на подозрительные детали и мелочи — лучше сообщить о них сотрудникам правоохранительных органов. Никогда не принимайте пакеты от незнакомцев и никогда не оставляйте свой багаж без присмотра.
- Всегда уточняйте, где находятся резервные выходы из помещения. Заранее продумайте, как Вы будете покидать здание, если в нем про-

изойдет ЧП. Никогда не пытайтесь выбраться из горящего здания на лифте. Во-первых, механизм лифта может быть поврежден. Во-вторых, обычно испуганные люди бегут именно к лифтам. Лифты не рассчитаны на перевозку столь большого количества пассажиров — поэтому драгоценные минуты, необходимые для спасения, могут быть потеряны.

- В зале ожидания аэропорта, вокзала и т.д. старайтесь располагаться подальше от хрупких и тяжелых конструкций. В случае взрыва они могут упасть или разлететься на мелкие кусочки, которые выступят в роли осколков — как правило, именно они являются причиной большинства ранений.

В семье

- Разработайте план действий в чрезвычайных обстоятельствах для членов Вашей семьи. У всех членов семьи должны быть телефоны, адреса электронной почты, номера пейджеров и т.д. друг друга для оперативной связи. Эти координаты должны быть у учителей школы, куда ходит Ваш ребенок, у секретаря организации, в которой Вы работаете, у родственников и знакомых и т.д. Иногда, системы связи, расположенные в одной районе, могут быть повреждены или обесточены, что делает невозможным связаться друг с другом. Поэтому договоритесь, что в экстренных случаях вы будете звонить знакомому или родственнику, живущему вдали от Вашего района. Назначьте место встречи, где вы сможете найти друг друга в экстренной ситуации.
- Подготовьте «тревожную сумку»: минимальный набор вещей, немного продуктов длительного хранения, фонарик, батарейки, радиоприемник, воду, инструменты, копии важнейших документов.

На работе

Террористы предпочитают взрывать высотные и известные здания, поскольку теракт, совершенный в подобных местах, имеет некий символический эффект. Если Вы работаете в таком здании или посещаете его:

- Выясните, где находятся резервные выходы.
- Узнайте о плане эвакуации из здания в случае ЧП.
- Узнайте, где хранятся средства противопожарной защиты и как ими пользоваться.
- Постарайтесь получить элементарные навыки оказания первой медицинской помощи.
- В своем столе храните следующие предметы: маленький радиоприемник и запасные батарейки к нему, фонарик и запасные батарейки, аптечку, шапочку из плотной ткани, носовой платок (платки), свисток.

При угрозе взрыва

Примерно в 20% случаев террористы заранее предупреждают о готовящемся взрыве. Иногда они звонят обычным сотрудникам. Если к Вам поступил подобный звонок:

- Постарайтесь получить максимум информации о времени и месте взрыва. Постарайтесь записать все, что Вам говорит представитель террористов — не полагайтесь на свою память.
- Постарайтесь как можно дольше удерживать звонящего на линии — это поможет спецслужбам идентифицировать телефонный аппарат, с которого был совершен этот звонок.

- Если в здании обнаружен подозрительный пакет (ящик и т.д.), ни в коем случае не прикасайтесь к нему и как можно скорее известите правоохранительные органы о месте его нахождения.
- Во время эвакуации старайтесь держаться подальше от окон.
- Не толпитесь перед эвакуированным зданием — освободите место для подъезда машин полиции, пожарных и т.д.

После взрыва

- Немедленно покиньте здание: не пользуйтесь лифтами.
- Если сразу после взрыва начали качаться шкафы, с них стали падать книги, папки и т.д. ни в коем случае не пытайтесь удержать их — спрячьтесь под стол и переждите несколько минут.

Если начался пожар

- Подойдя к закрытой двери, сперва дотроньтесь до нее — сверху, посередине и снизу. Если дверь горячая — открывать ее нельзя, потому что за ней бушует пожар. В этом случае, ищите другой выход. Если дверь не нагрелась, открывайте ее медленно и осторожно.
- Главная причина гибели людей при пожаре — дым и ядовитые газы, образующиеся при горении предметов, изготовленных из синтетических материалов. Дым слепит, а вдыхание газов может вызвать тяжелое отравление, помутнение и даже потерю сознания. Поэтому, покидая здание, старайтесь пригибаться как можно ниже. Прикройте рот и нос носовым платком, желательным влажным. Дышите только через него. Старайтесь дышать неглубоко.

- Если в коридоре начался пожар, и Вы не можете выйти из кабинета, скатайте в рулон коврик и полотенца, смочите их водой и постарайтесь как можно плотнее заделать щели в двери. Немного приоткройте окно, но ни в коем случае не полностью. Выбросите в окно яркий кусок материи, светите в окно фонариком, свистите, стучите по трубам, чтобы пожарные заметили, что в комнате кто-то есть. Кричите только в крайнем случае: как правило, человеческий крик крайне сложно услышать, кроме того, крик способен привести к печальным последствиям: крича, человек способен глубоко вдохнуть газ, образующийся в процессе горения и потерять сознание.

11. ЕСЛИ ВАШ ДОМ (КВАРТИРА) ОКАЗАЛИСЬ ВБЛИЗИ ЭПИЦЕНТРА ВЗРЫВА:

- Осторожно обойдите все помещения, чтобы проверить нет ли утечек воды и газа, возгораний и т.д. В темноте ни в коем случае не зажигайте спички или свечи — пользуйтесь фонариком.
- Немедленно отключите все электроприборы. Погасите газ на плите и т.д.
- Обзвоните своих родных и близких и кратко сообщите о своем местонахождении, самочувствии и т.д. Без особой нужды не пользуйтесь телефоном — АТС может не справиться с потоком звонков.
- Проверьте, как обстоят дела у соседей — им может понадобиться помощь.

12. ЕСЛИ ВЫ НАХОДИТЕСЬ ВБЛИЗИ МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ ТЕРАКТА:

- Сохраняйте спокойствие и терпение.
- Выполняйте рекомендации местных официальных лиц.
- Держите включенными радио или ТВ для получения инструкций

13. ЕСЛИ ВАС ЭВАКУИРУЮТ ИЗ ДОМА:

- Оденьте одежду с длинными рукавами, плотные брюки и обувь на толстой подошве. Это может защитить от осколков стекла.
- Не оставляйте дома домашних животных.
- Во время эвакуации следуйте маршрутом, указанным властями. Не пытайтесь «срезать» путь, потому что некоторые районы или зоны могут быть закрыты для передвижения.
- Старайтесь держаться подальше от упавших линий энергопередач.

14. ЕСЛИ ВЫ В САМОЛЕТЕ:

- Следите за окружением. Обращайте внимание на других пассажиров, которые ведут себя неадекватно. Если кто-то вызывает у Вас подозрение — сообщите об этом службе безопасности аэропорта или стюардессе.
- Не доверяйте стереотипам. Террористом может быть любой человек, вне зависимости от пола, возраста, национальности, стиля одежды и т.д.
- Если Вы окажетесь в самолете, в котором действуют террористы, не проявляйте излишней инициативы, не провоцируйте их на совершение актов насилия в отношении пассажиров и экипажа.

- Ваша главная задача — остаться живым и невредимым. Помните, что Вы не сможете самостоятельно справиться с угонщиком. Это вдвойне опасно, потому что на борту могут оказаться его сообщники.
- Знайте, куда можно позвонить в случае опасности. Полезно загнать в память телефона номер линии спецслужб. Может случиться так, что Ваш телефон окажется единственным средством связи с внешним миром.
- Будьте одной командой. Если самолет захвачен, Вы должны объединиться с другими пассажирами и членами экипажа. Не старайтесь повысить свой авторитет за счет заискивания с террористами. Выполняйте их команды и старайтесь, насколько это возможно, сохранять спокойствие.

Если Вы или ваши близкие все-таки стали жертвами теракта, то нужно знать, как им помочь в этой ситуации.

15. КАК ПОМОЧЬ ЖЕРТВАМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

- Если человеку не угрожает немедленная опасность погибнуть в огне или в результате падения тяжелых конструкций, не выносите его из здания самостоятельно и не старайтесь оказывать медицинскую помощь. В ряде случаев это может привести к печальным последствиям, например, если у него сломан позвоночник, то малейшее движение может привести к повреждению спинного мозга. Главная Ваша задача — как можно быстрее привести к пострадавшему профессионалов.

16. КАК СЛЕДУЕТ ВЕСТИ СЕБЯ, ЕСЛИ ВЫ ПОСТРАДАЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Вы ранены:

- Постарайтесь сами себе перевязать рану платком, полотенцем, шарфом, куском ткани, так чтобы остановить кровотечение.
- Кровотечение можно остановить и прижатием вены пальцем к костному выступу или наложением давящей повязки. В последнем случае можно использовать ремень, платок, косынку, полосу прочной ткани.
- Окажите помощь тому, кто рядом, но в более тяжелом положении.

Загорелась квартира:

- Не поддавайтесь панике.
- Сообщите в пожарную охрану.
- Обесточьте квартиру.
- Постарайтесь сбить пламя огнетушителем, водой.
- Покидайте зону огня пригнувшись, а лучше ползком.
- Дверь в комнату, где разгорается пламя, закройте.
- Постарайтесь выбраться на балкон (лоджию)
- Избавьтесь от одежды с примесью синтетики (она быстро плавится и оставляет на теле язвы)
- Ребенка заверните в одеяло, пальто, куртку и срочно выносите.
- Взывайте о помощи, но не прыгайте вниз.

Вы задыхаетесь:

- Наденьте влажную ватно-марлевую повязку.

- Защитите органы дыхания мокрым полотенцем, платком, шарфом, другой тканью.
- При запахе газа раскройте окна, не пользуйтесь зажигалкой, спичками, не включайте электрические приборы и освещение.

Вас завалило:

- Обуздайте первый страх, не падайте духом.
- Осмотритесь — нет ли поблизости пустот. Уточните, откуда поступает воздух.
- Постарайтесь подать сигнал рукой, палкой, голосом, стуком, свистком. Лучше это делать, когда услышите голоса людей, лай собак.
- Как только машины и механизмы прекратят работу, и наступит тишина — значит, объявлена «минута молчания». В это время спасатели с приборами и собаками ведут усиленную разведку. используйте это — привлеките их внимание любым способом.

17. ЕСЛИ ВАС ЗАХВАТИЛИ В ЗАЛОЖНИКИ.

За последние 10-20 лет практика захвата террористами и прочими преступными элементами невинных людей в качестве заложников стала весьма распространенным «оружием террора». И хотя статистическая вероятность обычного гражданина стать жертвой не выше, чем быть пораженным ударом молнии, имеет смысл в определенной степени обезопасить себя, свою семью или близких, предпринимая определенные меры предосторожности.

Заложник — это человек, который находится во власти преступников. Сказанное не значит, что он вообще лишен возможности бороться за благополучное разрешение той ситуации, в которой оказался. Напротив, от его поведе-

ния зависит многое. Выбор правильной линии поведения требует наличия соответствующих знаний. Таковыми должны обладать потенциальные жертвы террористических актов и захвата помещений.

Любой человек по стечению обстоятельств может оказаться заложником у преступников. При этом они, преступники, могут добиваться достижения политических целей, получения выкупа и т.п. Захват может произойти в учреждении, в квартире, на улице, в транспорте. Во всех случаях ваша жизнь становится предметом торга для террористов.

Если произошло самое страшное и Вас захватили в заложники. Как действовать в подобной ситуации?

- Главное не поддаваться панике и не пытаться, куда-то убежать. Это, скорее всего, приведет к гибели. Постарайтесь сохранить спокойствие, разговаривать спокойным голосом и выполняйте все требования террористов. Переносите лишения, оскорбления и унижения, не смотрите в глаза террористам, не ведите себя вызывающе. Выполняйте требования преступников, не противоречьте им, не рискуйте своей жизнью и жизнью окружающих.
- На совершение любых действий (сесть, встать, попить, сходить в туалет) спрашивайте разрешения.
- Если вы ранены, постарайтесь не двигаться, этим вы сократите потерю крови.
- Ни в коем случае не стоит играть в «крепкого орешка» думая, что Вы в одиночку способны противостоять террористам. Не допускайте действий, которые могут спровоцировать нападающих к применению оружия и привести к человеческим жертвам. Любое сопротивление только разозлит их, в результате чего они могут начать убивать заложников. Достаточно распространена практика, когда, столкнувшись с сопротивлением кого-либо из захваченных, на его глазах demonstra-

тивно убивали других заложников, возлагая всю вину на него. Поэтому прежде чем сопротивляться или пререкаться подумайте о том, что в результате ваших действий могут пострадать другие.

- Если у Вас есть возможность, старайтесь запомнить как можно больше информации о захватчиках. Как они себя ведут, как называют друг друга, как реагируют на ту или иную ситуацию. Эта информация может в дальнейшем очень помочь следствию.
- Постоянно контролируйте ситуацию, не выпуская из поля зрения ни одной мелочи: меняется ли настроение преступников, причины этих изменений, как проходят обсуждения различных вопросов между участниками похищения. Даже если вы лишены возможности слышать то, о чем они говорят, но имеете возможность видеть, обратите внимание на их эмоциональное состояние, на то, кто и каким выражением лица посматривает в вашу сторону, насколько активнее и агрессивнее стала жестикуляция и многое другое. Если это религиозные фанатики или лица в состоянии наркотического или алкогольного опьянения не в коем случае не ведите с ними никаких дискуссий, не задавайте вопросов и ничего не просите. Если их состояние кажется адекватными, спокойно попросите решить элементарные вопросы содержания (еда, питье, туалет). В случае если встретите отказ, не спорьте, попытайтесь обратиться с этими же вопросами позднее.
- Ни в коем случае не угрожайте террористам. Фразы «Вы уже мертвецы», «Вас всех убьют», «За меня отомстят» и т.п. могут спровоцировать психологический срыв и самое негативное развитие сценария. Также не стоит их оскорблять или вести дискуссии по поводу их требований.
- Все тяготы содержания нужно переносить по возможности молча и спокойно. Жалобы, стоны и плач способствуют проявлению агрессии

по отношению к заложникам. Нельзя также заикливаться на негативных мыслях вроде «я умру, это закончится плохо, за что мне такое наказание». Лучше думать, о чем, отвлекаящем, например, вспоминать содержание прочитанной книги.

- По возможности избегайте прямого зрительного контакта с похитителями.
- С самого начала (особенно первые полчаса) выполняйте все приказы и распоряжения похитителей.
- Займите позицию пассивного сотрудничества. Разговаривайте спокойным голосом. Избегайте выражений презрения, вызывающего враждебного тона и поведения, которые могут вызвать гнев захватчиков.
- Ведите себя спокойно, сохраняйте при этом чувство собственного достоинства. Не высказывайте категоричных отказов, но не бойтесь обращаться со спокойными просьбами о том, в чем остро нуждаетесь.
- При наличии у Вас проблем со здоровьем, которые в данной ситуации сильного стрессового состояния могут проявиться, заявите об этом в спокойной форме захватившим Вас людям. Постепенно, с учетом складывающейся обстановки, можно повышать уровень просьб, связанных с улучшением вашего комфорта.

18. ПРИ ДЛИТЕЛЬНОМ НАХОЖДЕНИИ В ПОЛОЖЕНИИ ЗАЛОЖНИКА:

Сохранение психологической устойчивости при длительном пребывании в заточении — одно из важнейших условий спасения заложника. Здесь хороши любые приемы и методы, отвлекающие от неприятных ощущений и пережива-

ний, позволяющие сохранить ясность мыслей, адекватную оценку ситуации.

Полезно усвоить следующие правила:

- Старайтесь, насколько это возможно, соблюдать требования личной гигиены.
- Делайте доступные в данных условиях физические упражнения. Как минимум, напрягайте и расслабляйте поочередно все мышцы тела, если нельзя выполнять обычный гимнастический комплекс. Подобные упражнения желательно повторять не менее трех раз в день.
- Не допускайте возникновения чувства жалости, смятения и замешательства. Мысленно подготовьте себя к будущим испытаниям. Сохраняйте умственную активность.
- Очень полезно во всех отношениях практиковать аутотренинг и медитацию. Подобные методы помогают держать свою психику под контролем. Избегайте возникновения чувства отчаяния, используйте для этого внутренние ресурсы самоубеждения.
- Думайте и вспоминайте о приятных вещах. Помните, что шансы на освобождение со временем возрастают. Будьте, уверены, что сейчас делается все возможное для Вашего скорейшего освобождения.
- Если есть возможность, читайте все, что окажется под рукой, даже если это текст совершенно вам не интересен. Можно также писать, несмотря на то, что написанное будет отбираться. Важен сам процесс, помогающий сохранить рассудок.
- Вспоминайте про себя прочитанные книги, последовательно обдумывайте различные отвлеченные процессы (решайте математические задачи, вспоминайте иностранные слова и т.д.). Ваш мозг должен работать.
- Важно следить за временем, тем более что похитители обычно отбирают часы, отказываются говорить какой сейчас день и час, изолиру-

ют от внешнего мира. Отмечайте смену дня и ночи (по активности преступников, по звукам, режиму питания и т.д.).

- Старайтесь относиться к происходящему с вами как бы со стороны, не принимая случившееся близко к сердцу, до конца надейтесь на благополучный исход. Страх, депрессия и апатия — три ваших главных врага.
- Не выбрасывайте вещи, которые могут вам пригодиться (лекарства, очки, карандаши и т.д.), старайтесь создать хотя бы минимальный запас питьевой воды и продовольствия на тот случай, если вас надолго бросят одного или перестанут кормить.
- Для поддержания сил ешьте все, что дают, даже если пища не нравится и не вызывает аппетита. Отдайте себе отчет в том, что потеря аппетита, и веса являются нормальными явлениями в подобной экстремальной ситуации.

Чтобы сломать заложника психологически, преступники используют следующие меры давления:

- Ограничивают подвижность, зрение, слух.
- Плохо кормят, мучают голодом и жаждой, лишают сигарет.
- Создают невыносимые условия пребывания.
- Периодически допрашивают, иногда с пристрастием.

19. ПОВЕДЕНИЕ НА ДОПРОСЕ:

- На вопросы отвечайте кратко. Более свободно и пространно разговаривайте на несущественные общие темы, но будьте осторожны, когда затрагиваются важные государственные или личные вопросы.

- Внимательно контролируйте свое поведение и ответы. Не допускайте заявлений, которые сейчас или в последующем могут повредить Вам или другим людям.
- Оставайтесь вежливым, тактичным при любых обстоятельствах. Контролируйте свое настроение.
- Будьте осторожны, в отношении разыгрывания «синдрома Стокгольма»; не принимайте сторону похитителей, не выражайте активно им свои симпатии и приверженность их идеалам.
- В случае принуждения выразить поддержку требованиям террористов (письменно, в звуко- или видеозаписи) укажите, что они исходят от похитителей. Избегайте призывов и заявлений от своего имени.
- После освобождения не делайте скоропалительные заявления до момента, когда Вы будете полностью контролировать себя, восстановите мысли, ознакомьтесь с информацией официальных и других источников.

В том случае, когда преступники сами отпускают на свободу заложника, они отвозят его в какое-то безлюдное место, и там оставляют одного. Другой вариант — его бросают в запертом помещении, выход из которого требует немало времени и сил. Третий вариант — высаживают заложника на оживленной улице (вдали от постов ГИБДД и сотрудников милиции). После этого машину бросают, либо меняют на ней номер.

Может случиться и так, что освободить вас будет милиция. В этом случае надо пытаться убедить преступников, что лучше всего им сдаться. Тогда они могут рассчитывать на более мягкий приговор. Если подобная попытка не удалась, постарайтесь им внушить, что их судьба находится в прямой зависимости от вашей. Если они пойдут или готовы на убийство, то всякие переговоры властей с ними теряют смысл. И тогда остается только штурм с применением оружия.

Когда преступники и заложники выходят наружу из убежища, им всем приказывают держать руки за головой. Не следует этим возмущаться, делать резкие движения. Пока не пройдет процедура опознания, меры предосторожности необходимы.

Главная задача террористов — вызвать ужас, посеять панику и вызвать беспорядки. Поэтому те, кто ведет себя таким образом — невольно помогает им в достижении своих целей. И еще, нельзя надеяться на защиту со стороны, самому, оставаясь в бездействии. Для того чтобы предотвратить террористические акты одних спецслужб недостаточно. Нужна помощь всех граждан. Поэтому только внимательность, бдительность и сотрудничество может дать максимальный эффект.

Помните, что, получив сообщение о вашем захвате, спецслужбы уже начали действовать и предпримут все необходимое для вашего освобождения. В тех случаях, когда место содержания заложника и нахождения преступников установлено, спецслужбы стремятся использовать имеющиеся у них технические средства для прослушивания разговоров, ведущихся в помещении. Помните об этом и в разговоре с бандитами или с другими заложниками сообщайте информацию, которая, будучи перехвачена, может быть использована для подготовки штурма. Особенно важны сведения о ярких и бросающихся приметах, по которым можно отличить заложника от преступника, о вооружении бандитов, об их количестве, расположении внутри помещения, их моральном состоянии и намерениях.

Во время проведения специальными службами операции по вашему освобождению неукоснительно соблюдайте следующие правила:

- Если есть возможность, старайтесь находиться как можно дальше от окон, дверей, рушащихся конструкций, взрывчатых и горючих веществ, так как в случае взрыва или штурма это позволит снизить негативные последствия.

- В случае если начался штурм не надо бежать или кричать, постарайтесь найти максимально безопасное место, лягте на пол и прикройте руками голову.
- Преступники во время штурма нередко стремятся спрятаться среди заложников. Старайтесь в меру своих возможностей не позволять им этого делать, немедленно сообщайте о них ворвавшимся бойцам.
- Не бегите навстречу сотрудникам спецслужб или от них, так как вас могут принять за преступника.
- Ни в коем случае не берите оружие террористов. При появлении группы захвата ведите себя спокойно, не делайте резких движений.
- Будьте готовы к грубости и жесткости с их стороны. Мировая практика показывает, что террористы часто прячутся среди заложников, поэтому штурмующие подозревают всех и могут начать стрелять!

20. НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ ДЛЯ РОДСТВЕННИКОВ ЗАЛОЖНИКОВ:

- По возможности постарайтесь избежать истерики и паники, это навредит всем. Лучше не оставайтесь одни и не думайте постоянно о плохом. Если чувствуете себя очень плохо, обратитесь за психологической или медицинской помощью.
- Не стоит сломя голову бежать к месту теракта и стараться прорваться через оцепление поближе к заложникам. Этим Вы ничем не поможете, а скорее навредите своим близким.
- Не надо ругать и в чем-либо обвинять сотрудников правоохранительных органов и представителей власти. От их морального состояния в первую очередь зависит жизнь ваших близких. Поэтому все «разборки» отложите на потом.

Особые условия, в которых оказался человек, как правило, вызывают у него психологическую и эмоциональную напряженность. Как следствие, у одних это сопровождается мобилизацией внутренних жизненных ресурсов; у других — снижением или даже срывом работоспособности, ухудшением здоровья, физиологическими и психологическими стрессовыми явлениями. Зависит это от индивидуальных особенностей организма, условий труда и воспитания, осведомлённости о происходящих событиях и понимания степени опасности.

Во всех трудных ситуациях решающую роль играет моральная закалка и психическое состояние человека. Они определяют готовность к осозанным, уверенным и расчетливым действиям в любых критических моментах.

Тяжелая картина разрушений и опустошений, непосредственная угроза жизни отрицательно воздействуют на психику человека. В некоторых случаях могут нарушить процесс нормального мышления, ослабить или полностью исключить контроль над собой, что приводит к неоправданным и непредсказуемым действиям.

Как правило, преодолению страха способствует, прежде всего, чувство личной ответственности, осознание значимости дела, которое делают. Опасность и риск для здоровья, важность выполняемых работ — все это поднимает значимость совершаемого в собственных глазах и во мнении общества в целом.

У неподготовленных психологически, не закаленных людей появляется чувство страха и стремление убежать из опасного места, у других — психологический шок, сопровождаемый оцепенением мышц. В этот момент нарушается процесс нормального мышления, ослабевает или полностью теряется контроль сознания над чувствами и волей. Нервные процессы (возбуждение или торможение) проявляются по-разному. Например, у некоторых расширяются зрачки — говорят, «у страха глаза велики», нарушается дыхание, начинается сердцебиение «сердце готово вырваться из груди», спазмы периферических кровеносных сосудов — «побелел как мел», появляется холодный пот, слабеют

мышцы — «опустились руки или колени подогнулись», меняется тембр голоса, а иногда теряется дар речи. Известны даже случаи смерти при внезапном страхе от резкого нарушения работы сердечно-сосудистой системы.

Неожиданность возникновения опасности, незнание характера и возможных последствий террористического акта, правил поведения в этой обстановке, отсутствие опыта и навыков противостояния сложившейся ситуации — все это вызывает шок и отрицание как типичные реакции на террористические акты и другие катастрофы. У многих людей после травматических событий возникают эмоциональные и физические затруднения, негативно отражающиеся на жизнедеятельности человека. Нередко людям, пережившим террористические атаки или побывавшим в заложниках, требуется не только понимание и поддержка со стороны родственников и близких, но и помощь специалистов. В любом случае важно помочь им восстановить эмоциональное и физическое здоровье и вернуться к полноценной жизнедеятельности.

22. РЕКОМЕНДАЦИИ ПО СОЗДАНИЮ УЧЕБНЫХ НАГЛЯДНЫХ ПОСОБИЙ ПО ЗАЩИТЕ ОТ УГРОЗЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ

Настоящие методические рекомендации разработаны с целью оказания методической помощи в составлении учебных наглядных пособий, планировании и организации учебно-воспитательного процесса по противодействию терроризму и обеспечению безопасности жизнедеятельности с учетом системного подхода к обеспечению личной, общественной и государственной безопасности.

Основной задачей данных рекомендаций является информационно-методическая поддержка, которая позволит участникам образовательного процесса получить представление о целях, содержании, общей стратегии обучения,

воспитания и обучения навыкам защиты граждан от угроз террористических актов.

Настоящие рекомендации также позволят преподавателям-организаторам, учителям-предметникам, привлекающимся к проведению занятий по противодействию терроризму, реализовать собственный подход в части тематического планирования курса и структурирования учебного материала, определения последовательности его изучения, а также выбора путей формирования системы знаний, умений, способов деятельности, развития и социализации обучающихся.

Учебное наглядное пособие — это учебное текстовое, схематичное или изобразительное издание, содержащее материалы, представленные в наглядной форме, в помощь изучению, преподаванию или воспитанию.

Учебное текстовое издание по защите от угроз террористических актов может содержать следующие материалы:

- Определение исходных понятий, наглядно демонстрирующих особенности предмета или проблемы изучения (к примеру, терроризм, террор, террористический акт, контртеррористический режим и пр.).
- Разяснение содержания особо опасных угроз террористического характера (к примеру, взрыв, поджог, похищение, захват заложников и пр.).
- Перечень программ по антитеррору и детальное описание их содержания.
- Перечень и описание мер по защите населения от террористического воздействия.

- Типовые инструкции для должностных лиц и ответственных по организации обучения населения защите от террористических актов.
- Описание мер личной безопасности в условиях возможных террористических действий.
- В текстовой форме могут быть представлены наиболее важные извлечения из Конституции Российской Федерации, Федеральных Законов “О противодействии терроризму”, “О противодействии экстремистской деятельности”, Уголовного кодекса Российской Федерации, других нормативно-правовых документов.

Схематичное наглядное пособие по защите от террористических угроз отличается от текстового наглядного пособия тем, что в нем не дается детальное описание ситуации, проблемы, действий, а только содержатся броские, фрагментарные подсказки личности, которая оказавшись в экстремальной ситуации, может на основе зрительной памяти припомнить алгоритм действий и придерживаться этого алгоритма.

Как правило, схематичное наглядное пособие содержит следующие материалы:

- Изображения и указания на наиболее уязвимые для террористического воздействия объекты и места в городе или ином населенном пункте.
- Порядок профилактического осмотра территорий и помещений.
- Указания на действия при обнаружении взрывоопасных устройств и предметов.
- Перечисление взрывоопасных предметов и взрывчатых веществ, их разграничение по степени опасности.
- Указания на демаскирующие признаки взрывных и зажигательных устройств.

- Указания на основные места возможного минирования транспорта, подъезда, жилого или административного помещения.

Схематичные наглядные пособия вывешенные в учебно-тренировочных кабинетах, при входе в административное помещение или жилое здание позволяют не только предотвратить возможный террористический акт, повышая бдительность граждан, но и закрепляют информацию о личном поведении в экстремальной ситуации. Потому наглядные схематичные пособия должны содержать указания на то, что должен делать гражданин:

- Поведение и действия людей при угрозе проведения террористического акта и возможных диверсий.
- Действия при получении информации о подготовке терактов.
- Действия при обнаружении подозрительного предмета, могущего оказаться взрывным или зажигательным устройством.
- Действия при совершении террористического акта.
- Что нужно делать при поступлении угрозы по телефону.
- Действия при угрозе в письменной форме.
- Что нужно делать, если вас захватили в заложники.

Третьим видом учебного наглядного пособия является изобразительное издание, которое в форме фотографий, картин, слайдов демонстрирует особенности террористических актов, взрывчатых веществ, взрывных и зажигательных устройств, иных средств совершения актов террора, а также показывает последствия террористических актов.

Изобразительное наглядное издание по противодействию терроризму должно содержать изображения наиболее часто используемых террористами средств подготовки и проведения взрывов и поджогов:

- Внешний вид основных взрывчатых веществ.

- Изображения взрывателей и электродетонаторов.
- Артиллерийских и авиационных снарядов.
- Ручных гранат.
- Авиационных бомб.
- Противопехотных и противотанковых мин.
- Внешний вид наиболее широко используемых самодельных взрывных устройств.
- Изображения элементов «экипировки» террористов.

**ПРИМЕРНЫЙ ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ЕЖЕГОДНОГО ОХВАТА СЕТЕВОЙ СИСТЕМОЙ НЕПРЕРЫВНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕ МЕНЕЕ 1500
РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ, МУНИЦИПАЛЬНЫХ
СЛУЖАЩИХ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РЕЛИГИОЗНЫХ УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ И СЛУЖИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КОНФЕССИЙ.**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

1. Сущность непрерывного образования
2. Теоретические основы непрерывного образования
3. Основные компоненты системы непрерывного образования
4. Основные принципы и задачи непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий
5. Концепция системы непрерывного образования
6. Структура системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий
7. Непрерывное образование в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных слу-

жащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

8. Модель сетевого взаимодействия в структуре непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

9. Повышение квалификации и профессиональной переподготовки педагогических, административных и инженерно-технических кадров сетевой системы организации непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

10. Ассоциативный подход в организации совместных образовательных программ на основе сетевого взаимодействия в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

11. Университетские комплексы в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

12. Комплекс целевых программных мероприятий в области внедрения системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

13. Финансово-экономическое обоснование организационно-внедренческих мероприятий системы непрерывного образования в области ор-

ганизации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

14. План-график реализации мероприятий по развитию региональной сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

15. Опыт органов государственной и муниципальной власти Республики Дагестан по идеологическому противодействию религиозному и политическому экстремизму, терроризму

16. Примерная структура сетевой системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий (на примере Республики Дагестан)

Введение

В XXI в. концепция образования на протяжении всей жизни приобрела ключевое значение. Она является ответом на вызов, который бросает нам мир, где изменения происходят столь быстро. Необходимость возобновлять образование, профессиональную подготовку возникает каждый раз, когда человек сталкивается с новшествами, появляющимися в его профессиональной и личной жизни. Подобная необходимость приобретает все большую актуальность.

Для государства и общества непрерывное образование становится ведущей сферой социальной политики по обеспечению благоприятных условий общего и профессионального развития человека, механизмом воспроизводства профессионального и культурного потенциала, условием развития общественного производства.

Для каждого человека непрерывное образование должно стать процессом формирования и удовлетворения его познавательных запросов, духовных потребностей, развития задатков и способностей в различных учебных заведениях, с помощью разных видов и форм обучения, а также путем самообразования и самовоспитания. Ведь становление личности, как утверждал в свое время Я.А. Коменский, происходит как в период ее социально-психологического и физиологического созревания, расцвета и стабилизации, так и в периоды старения организма.

Различные сферы российского образования обеспечивают функционирование различных звеньев образования путем подготовки педагогических и научно-педагогических кадров, проведения научных исследований по различным проблемам, а также подготовка учебников, учебных пособий и т.п.

1. Сущность непрерывного образования

Идея непрерывного образования занимает заметное место в ряду прогрессивных идей культуры XX в. Общечеловеческая и философская значимость этой идеи велика, так как смысл ее заключается в том, чтобы обеспечить каждому человеку постоянное развитие, совершенствование, творческое обновление на протяжении всей жизни, а значит, обеспечить процветание всего общества. Именно поэтому государства и сегодня ищут свою модель непрерывного образования. Первую разработку его теоретических основ осуществили П. Ленгранд, Э. Фор, Р. Даве, Х. Гуммель, М.Д. Каряли, Ф. Кумбс, Г. Коптаж.

Идея непрерывного образования — детище XX в., но ее истоки можно найти у древних философов — Конфуция, Сократа, Аристотеля, Солона, Платона, Сенеки.

Непрерывное образование развивалось как феномен практики и как педагогическая концепция. Впервые концептуально оформленная эта идея была представлена на конференции ЮНЕСКО в 1965 г. известным теоретиком непрерывного образования П. Ленграндом. На основании его сообщения были разработаны рекомендации по данному вопросу. В 1972 г. ЮНЕСКО принимает следующий шаг: слушается доклад комиссии, работавшей под руководством Э. Фора, на тему «Учиться, чтобы быть». С середины 1970-х гг. идея непрерывного образования находит поддержку почти во всех странах, становится основным принципом образовательных реформ.

Центральной идеей непрерывного образования является развитие человека как личности, субъекта деятельности и общения на протяжении всей его жизни. Эта идея, осознанная обществом, становится системообразующим фактором непрерывного образования.

Непрерывным является образование, всеохватывающее по полноте, индивидуализированное по времени, темпам и направленности, предоставляющее каждому право и возможности реализации собственной программы его получения и пополнения в течение всей жизни¹.

¹ Более подробно см.: Бурлакова-Топоркова М.В. Педагогика и психология высшей школы. — Ростов н/Д, 1998; Зинченко Г.П. Непрерывное образование — веление времени. — М, 1988; Калинин Е.В. Высшая школа в системе непрерывного образования: Науч.-теорет. пособие. — М., 1990; Лукашенко М. Вертикальная интеграция в системе образования // Высшее образование в России. — 2002. - №3. — С. 10-24; Ситдикова Л.М. Внутрифирменное непрерывное образование и участие университетов в нем // Развитие стратегического подхода к управлению в российских университетах. — Казань, 2001. — С. 317-321; Токмовцева М.В. Многоуровневое профессиональное образование в России // Закон. — 2006. - №4. — С. 34-39; Филатова Л.О. Переемственность общего и среднего и вузовского образования // Педагогика. — 2004. - №8. — С. 63-68; Шленов Ю., Мосичева И., Шестаков В. Непрерывное образование в России // Высшее образование в России. — 2005. - №3. — С. 36-49.

Разработка теоретических основ непрерывного образования актуализировала возникновение отраслевых концепций непрерывного образования. Одной из них становится концепция непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности. Появление системы непрерывного образования было вызвано деятельностью ЮНЕСКО, а также вниманием, проявленным в 1980-е гг. государственными органами к данному вопросу. Идея непрерывного образования была заложена в «Основах законодательства СССР и союзных республик о народном образовании» (1984) и в решениях съездов учителей, обсуждалась народными депутатами на сессиях и рассматривалась в печати. Она стала ключевой идеей реформы народного образования.

Разработкой концептуальных основ непрерывного педагогического образования в Советском Союзе занимались научные коллективы в Москве, Петербурге, Хабаровске, Пензе, Минске, Гродно. Одной из первых была представлена Концепция непрерывного педагогического образования, подготовленная группой ученых и преподавателей Московского государственного педагогического института им. Ленина под руководством академика В.А. Сластенина. Данная Концепция, одобренная в 1989 г. Государственным комитетом СССР по народному образованию в качестве модели-ориентира для вузов, предлагала общую парадигму педагогического образования, выдвигала новые цели и задачи, рассматривала этапы (звенья) педагогической подготовки.

Идея организации образования на основе принципов непрерывности является достаточно новой для отечественной педагогической науки. В 80-е 90-х гг. преимущественно рассматривались частные аспекты проблемы непрерывного образования (Бондарь А.Д., Васильев К.И., Герчикова В.В., Коптаж Г., Краевский В.В., Кондратюк А.П., Леднев В.С., Махмутов М.И., Путилин В.Д., Тыхеев В.А., Федорова О.Ф., Халлиулин И.А.): необходимость перманентного совершенствования профессиональной квалификации, расширение сети учреждений образования взрослых.

В работах П.Ф. Анисимова, С.И. Архангельского, П.Р. Атутова, Р. Даве, В.А. Кан-Калика, Г.В. Мухаметзяновой, С.Д. Намсараева, А.М. Новикова, П.С. Хейфеца, Е.В. Яковлева сформулированы концептуальные основы содержательно структурного подхода к построению системы непрерывного профессионального образования.

2. Теоретические основы непрерывного образования

Существует несколько определений непрерывного образования. Приведем пример некоторых из них.

Под **непрерывным образованием** понимается систематическая, целенаправленная деятельность по получению и совершенствованию знаний, умений и навыков как в любых видах общих и специальных учебных заведений, так и путем самообразования¹.

Непрерывное образование — систематизированное, целенаправленное обучение человека, организуемое на протяжении всей его жизни².

Непрерывное образование — способ формирования всесторонне развитой личности³.

Но я считаю самым приемлемым и точным определение, данное в концепции «Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 годы», утвержденной распоряжением правительства РФ от 3 сентября 2005 года № 1340-р, непрерывное образование определяется как процесс роста образовательного (профессионального и общего) потенциала личности в течение

¹ Владиславлев А.П. Непрерывное образование: проблемы и перспективы / А.П. Владиславлев. — М.: Мол. Гвардия, 1978.

6. Мельников И.И. Современные проблемы системы образования / И.И. Мельников // Мир образования — образование в мире. — 2006. - № 1. — с. 186-194.

² Кивва Н. Социально-экономические проблемы непрерывного образования / Н. Кивва // Учитель. — 2006. - № 4. — с. 74-76.

³ Жуковская З.Д. О концепции непрерывного образования / З.Д. Жуковская, Л.В. Квасова,

всей жизни на основе использования системы государственных и общественных институтов и в соответствии с потребностями личности и общества¹.

Беря за основу определение системы, то есть множество упорядоченных и взаимосвязанных между собой элементов, образующих некоторое целостное единство для достижения определенной цели, можно дать определение понятию «система непрерывного образования»².

Система непрерывного образования представляет собой совокупность образовательных программ, государственных и общественных воспитательно-образовательных учреждений и информационно-коммуникационных сетей, обеспечивающих организационное и содержательное единство, преемственность и взаимосвязь всех элементов, совместно решающих задачи воспитания, образовательной и профессиональной подготовки каждого человека с учетом актуальных и перспективных общественных потребностей, удовлетворяющих его стремление к самообразованию и саморазвитию на протяжении всей жизни³.

Для начала рассмотрим **структуру системы непрерывного образования**. В наиболее общем виде ее можно охарактеризовать, рассматривая четыре основных направления развития образования. **Первое** направление связано с функционированием традиционных компонентов системы: **дошкольного воспитания, общего среднего образования, технического, специального и высшего образования, повышения квалификации и переподготовки кадров**. **Второе направление** отражает процесс интенсивного развития обще-

В.Н. Фролов // Высшее образование сегодня. — 2007. - № 8. — с. 12-17.

¹ Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2006-2010 годы // Высшее образование сегодня. — 2005. - № 10.

² Владиславлев А.П. Непрерывное образование: проблемы и перспективы / А.П. Владиславлев. — М.: Мол. Гвардия, 1978. С. 7.

³ Янченкова Е.В. Пути повышения качества подготовки специалистов в условиях построения системы непрерывного образования / Е.В. Янченкова // Методист. 2006. № 4. С. 49-51; Перспективы развития системы непрерывного образования / Под ред. Б.С. Гершунского. — М.: Педагогика, 1990. С 201.

ственных форм образования и самообразования (общественно-политического, общекультурного, экономического, правового, научного и т.д.) в учебно-информационных центрах, на разнообразных курсах, семинарах, в клубах по интересам, по месту работы, учебы, жительства и т.п. Особое место в решении задач неформального образования принадлежит СМИ, библиотекам, музеям, глобальной сети Internet и др. **Третье направление** связано с созданием и совершенствованием единой государственной и общественной системы профессиональной ориентации и профотбора, способствующей всестороннему выявлению и реализации индивидуальных особенностей, интересов и склонностей каждого человека в определенных видах учебной и трудовой деятельности. И, **четвертое направление**, которое по своей значимости является одним из наиболее важных, учитывает развитие непрерывного профессионального образования и самообразования, ориентированное на опережающее (как в количественном, так и в особенности в качественном отношении) кадровое обеспечение рынка труда¹.

3. Основные компоненты системы непрерывного образования

К основным компонентам системы непрерывного образования относятся:

- образовательные программы
- образовательные структуры
- механизмы финансирования и управления
- социальная среда²

Главными целями непрерывного образования являются:

1. Повышение качества образования;

¹ Перспективы развития системы непрерывного образования / Под ред. Б.С. Гершунского. М.: Педагогика, 1990. — 224 с.

² Шленов, Ю. Непрерывное образование в России / Ю. Шленов, И. Мосичева, В. Шестак // Высшее образование в России. — 2005. - № 3. С. 36-49.

2. Активация гражданской позиции индивида;
3. Обеспечение конкурентоспособности индивида на рынке труда¹.

Исходя из целей непрерывного образования, можно выделить его основные задачи:

- создание условий для всестороннего, гармоничного развития каждого человека, независимо от возраста и положения, но с учетом его индивидуальных способностей, мотивов и интересов, ценностных установок;

- изменение профессиональной квалификации трудящихся;

- подъем общего уровня образования и культуры людей;

- обеспечение адаптации образовательных учреждений и выпускников к социальным, экономическим и культурным запросам общества и изменениям на рынке труда;

- создание университетских комплексов;

- развитие инновационной деятельности образовательных учреждений и НИИ, создание и развитие отраслевой инфраструктуры;

- создание условий и расширение возможностей для реализации крупных программ и проектов образовательного, социально-экономического, социокультурного и технологического характера, имеющих федеральный, региональный, межрегиональный и отраслевой статус, активизация научных исследований и инновационной деятельности;

- обеспечение единства образовательного процесса;

- тесная интеграция науки, образования и промышленности².

Функции непрерывного образования:

1. Компенсаторная, позволяет заполнить пробелы, наверстать упущенное в предыдущей системе образования;

¹ Там же.

² Карпов С. Реализация концепции непрерывного обучения в отраслевой системе образования Росатома / С. Карпов // *Alma mater. Вестник высшей школы*. — 2005. - № 11. С. 19-24.

2. Адаптирующая, помогает человеку приспособиться к быстроменяющемуся миру;

3. Развивающая, направлена на непрерывное обогащение творческого потенциала личности¹.

4. Основные принципы и задачи непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

В основе функционирования непрерывного образования лежат следующие принципы, определяющие его специфику: гуманизма, демократизма, мобильности, опережения, открытости, непрерывности.

Принцип гуманизма свидетельствует об обращенности образования к человеку, о свободе выбора личностью форм, сроков, видов обучения, повышения квалификации, самообразования. Этот принцип реализуется через создание благоприятных возможностей для развития творческой индивидуальности каждого человека. Человек рассматривается как цель общественного прогресса.

Принцип демократизма предполагает доступность образования в любом возрасте благодаря многообразию форм обучения, в соответствии с интересами, возможностями и потребностями. Он обеспечивает свободу перехода из одного учебного заведения в другое, ускоренное завершение обучения и повышения квалификации; означает равные права всех граждан, независимо от сословно-классовой принадлежности, национальных особенностей, состояния здоровья, на образование и развитие. Данный принцип предполагает демократизацию всех сторон жизнедеятельности образовательных учреждений, равноправные отношения субъектов педагогического процесса.

¹ Жуковская, З.Д. О концепции непрерывного образования / З.Д. Жуковская, Л.В. Квасова, В.Н. Фролов // Высшее образование сегодня. — 2007. - № 8. — С. 12-17.

Принцип свободы выбора основных параметров процесса обучения: времени, места, продолжительности, стоимости, вида и форм, целей, организации, методов, источников и средств, последовательности, содержания, оценки, программы обучения, выбора консультантов, наставников, преподавателей, учебных заведений, уровня документов образования¹;

Принцип мобильности выражается в многообразии средств, способов, организационных форм системы непрерывного образования, их гибкости и готовности к быстрой перестройке в соответствии с изменяющимися потребностями производства, общества, человека. Он ориентирует на использование разных продуктивных методических систем и технологий.

Принцип индивидуализации, требующий учета различий в интеллектуальной, эмоциональной, потребностно-волевой сферах личности, особенностей физического состояния, уровня психического развития каждого учащегося, возможностей его включения в групповые и коллективные формы учебно-познавательной и трудовой деятельности, в систему межличностных отношений;

Принцип дифференциации, ориентированный на создание необходимых условий для наиболее полного проявления способностей каждого учащегося и обеспечивающий возможность и свободу выбора индивидуального пути развития каждой личности с учетом ее интересов, привычек, желаний, мотивов, ценностных установок;

Принцип опережения, опираясь на научное прогнозирование, требует более быстрого и гибкого развития, перестройки учебных заведений и учреждений системы непрерывного образования по отношению к нуждам общественной практики, мобильного обновления их деятельности. Этот принцип ориентирует на широкое и активное использование новых форм, методов, средств

¹ Кивва, Н. Социально-экономические проблемы непрерывного образования / Н. Кивва // Учитель. — 2006. - № 4. — С. 74-76.

обучения и переподготовки специалистов, на включение новаторских подходов к этому процессу.

Принцип открытости системы непрерывного образования требует от учебных заведений расширения деятельности путем привлечения к обучению и повышению квалификации нетрадиционной аудитории, вольнослушателей. При этом возникает необходимость работать с разными возрастными слоями и группами населения, которые отличаются уровнем образования и профессиональной подготовки, отношением к образованию, жизненными устремлениями, что требует создания дополнительных факультетов, институтов, отделений, курсов по повышению образования и квалификации, проведения семинаров, клубных занятий выходного дня не только в учебном заведении, но и за его пределами, а также организации телевизионных и видеопрограмм. Открытость учебных заведений и образовательных систем обеспечивается наличием разнообразных по уровню, содержанию, направленности образовательно-воспитательных программ.

Принцип ступенчатости предполагает плавный переход от низших ступеней образования к высшим, что позволяет обеспечить непрерывный качественный подъем образовательной деятельности в целом — от дошкольной ступени до послевузовской¹;

Принцип непрерывности образования является систематизирующим. Учебные заведения, работники образования и повышения квалификации, науки и производства должны пересмотреть взгляд на роль и место образования в жизни человека и общества. Необходимо преодолеть ориентацию на поверхностную «энциклопедичность» содержания, перегрузку информационным и фактологическим материалом. В содержании образования должны получить отражение проблемы развития общества, производства, науки, культуры. Обра-

¹ Карпов, С. Реализация концепции непрерывного обучения в отраслевой системе образования Росатома / С. Карпов // *Alma mater. Вестник высшей школы.* — 2005. - № 11. — С. 19-24.

зование должно быть устремлено в будущее. Прежний девиз «Знания на всю жизнь» уступает место новому — «Знания через всю жизнь» (Long-life Learning).

Принцип сочетания непрерывности и дискретности, то есть сочетания периодов самообразовательной деятельности человека с периодами обучения в образовательных институтах, при этом они могут проходить одновременно, между ними не существует четко установленных границ;

Принцип системности. Все компоненты системы непрерывного образования находятся в настолько тесной взаимосвязи между собой, что любое изменение одного из них вызывает изменение другого, а нередко и системы в целом. Такое взаимодействие служит основанием того, что во взаимодействии со средой система всегда выступает как нечто единое, обладающее качественной определенностью.

Сетевой принцип организации системы непрерывного профессионального образования базируется на следующем положении: организация внутрисетевого взаимодействия сети учреждений профессионального образования различного уровня.

Формы подготовки специалистов высшей квалификации должны также соответствовать и следующим **принципам непрерывного образования**:

а) *интеграции образования, науки и производства* как единой коллективной системы получения и использования новых научных знаний и технологий в образовании, экономике и социальной сфере;

б) *создания единой информационной среды* для образовательной, научной и инновационной деятельности;

в) *создания единой системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации научно-педагогических кадров и специалистов* для организаций различных форм собственности и видов деятельности;

г) *учета структуры инновационной деятельности* на основе разработки рекомендации для решения актуальных проблем социально-экономического, технологического и культурного развития России, взаимодействия с региональными органами власти, учреждениями, предприятиями и организациями реального сектора экономики и социальной сферы;

д) *построения кооперационных межреспубликанских и межрегиональных связей* при решении проблем в области образования, науки, производственной и инновационной деятельности.

Таким образом, все звенья системы непрерывного образования находятся во взаимосвязи и взаимодействии друг с другом и это объективно способствует целостности системы, ее единству, что, однако, не означает единообразия в работе учебных заведений. Целостность образовательной системы означает, что в ее структуре нет более или менее важных звеньев. Все они вносят свой вклад в решение общих задач обучения и образования. Исключительно большое значение имеет понимание того, что речь идет не просто о конгломерате различных видов и форм образовательных учреждений, а именно об единой системе, в рамках которой их функционирование теснейшим образом взаимообусловлено и подчинено общим для всей системы целям и задачам. Именно системность непрерывного образования резко расширяет его возможности, повышает уровень приспособляемости к окружающим общественным условиям, дает возможность гибко и оперативно откликаться на изменение потребностей общества, социальных групп и отдельных индивидов.

Предложенная система принципов непрерывного образования не является исчерпывающей, со временем она будет дополнена с учетом потребностей, новых поворотов в развитии образования.

Таким образом, **непрерывное образование** — процесс роста образовательного (профессионального и общего) потенциала личности в течение всей жизни на основе использования системы государственных и общественных ин-

ституты и в соответствии с потребностями личности и общества. А **система непрерывного образования** — совокупность образовательных программ, государственных и общественных воспитательно-образовательных учреждений и информационно-коммуникационных сетей, обеспечивающих организационное и содержательное единство, преемственность и взаимосвязь всех элементов, совместно решающих задачи воспитания, образовательной и профессиональной подготовки каждого человека с учетом актуальных и перспективных общественных потребностей, удовлетворяющих его стремление к самообразованию и саморазвитию на протяжении всей жизни. Так же рассмотрели структуру и основные компоненты системы, выделили цели, задачи, функции и принципы непрерывного образования,

5. Концепция системы непрерывного образования

Концепция непрерывного образования была выдвинута ЮНЕСКО в докладе «Учиться быть» еще в 1972 году. В ней заложена идея соединения в той или иной форме профессионального образования и повышения квалификации с общим образованием на разных уровнях.

Преобразование индустриального общества в глобальное постиндустриальное информационное общество, основанное не только на знаниях, но и на компетентности специалистов, значительно актуализировало проблему инновационных подходов к организации образовательных процессов во всех видах непрерывного образования в концепции современной человекоцентристской образовательной парадигмы. Новая образовательная парадигма заставляет по-новому осмыслить те социально-экономические условия, которые объективно меняют как институализированную систему образования и формы взаимодействия ее компонентов, так и социальные позиции ее непосредственных субъектов.

Формирование глобального мышления и информационной культуры, гибкая ориентация в системе разнообразных человеческих отношений составляют ядро нового содержания и новой организации социально-профессионального развития и роста компетентности специалиста в системе непрерывного образования. Исходя из этого, требуется создание на основе концепции деятельностного подхода гибкой организационно-дидактической компетентностной образовательной модели, учитывающей быстро изменяющиеся кадровые запросы предприятий, адаптацию специалистов к потребностям рынка труда, а также создание условий для успешной самореализации личности.

Для достижения требуемого качественного уровня эффективности деятельности системы непрерывного образования необходимо, чтобы она обладала концептуальностью, управляемостью и эффективностью, а образовательные программы ее реализации — гибкостью, открытостью, доступностью, вариативностью, многоуровневостью, информативностью, креативностью.

Организация непрерывного образования должна ориентироваться на социально-экономические изменения в государстве. Специалисты, работающие в различных отраслях, должны адаптироваться к этим условиям, неустанно совершенствовать свои навыки и пополнять профессиональные знания с учетом научно-технического прогресса и запросов общества. А для этого должна функционировать постоянно действующая система повышения квалификации.

Новое время определяет новые требования к повышению квалификации специалистов. Это не должно быть общее повышение квалификации по заранее разработанным образовательным программам «для всех». Каждый специалист должен получать специфические знания, необходимые ему для выполнения конкретной работы. Это может быть формирование как теоретических, так и практических компетенций. Поэтому содержание учебных программ может быть составлено или пересмотрено в соответствии с потребностями и пожела-

ниями самих обучающихся. Главное, чтобы у слушателей было четкое представление о целях изучения того или иного учебного курса. В соответствии с этими требованиями и с учетом практически полного отсутствия государственной системы повышения квалификации и управления в этой области в современных условиях особенно актуальное значение приобрели проблемы создания и функционирования внутрифирменных функционально-ориентированных систем повышения квалификации специалистов — систем оперативного реагирования на запросы предприятия и профессиональные запросы специалистов.

Для решения этих проблем требуются новые гибкие образовательные структуры, ориентированные на максимальный учет уникальных корпоративных условий каждого учреждения и индивидуальных особенностей, профессиональных затруднений и образовательных потребностей каждого сотрудника. Сегодня особенно актуальна проблема организации повышения квалификации специалистов непосредственно на предприятии, то есть на внутрифирменном уровне. Но такое повышение квалификации осложняется практически полным отсутствием (за очень редким исключением) теоретических разработок, научно-исследовательских работ и диссертационных исследований. Налицо противоречие между необходимостью развития профессиональной компетентности специалистов в процессе повышения их квалификации на внутрифирменном уровне и отсутствием необходимого теоретико-методологического и научно-методического обеспечения этого процесса.

Постоянное повышение квалификации, изменения содержания труда и профессиональной структуры занятий требуют нового определения основного квалификационного признака, такого как способность учиться, усваивать новые знания, принимать нетрадиционные решения. И эта профессиональная способность к адаптации становится основным элементом квалификации значительной части работников. При этом главным направлением повышения эф-

фективности всех этих процессов является активное использование компьютерных технологий обучения.

В основе новой образовательной системы — современные компьютерные и телекоммуникационные технологии. Их использование в образовательном процессе позволяет вовлечь в него одновременно большое число участников. Работник, обнаруживший недостаток знаний или навыков, самостоятельно или по рекомендации специалистов по обучению выбирает учебные элементы и строит из них образовательную программу с помощью автоматизированных средств анализа и интерактивного проектирования. При этом ограничения на связи между элементами отслеживаются автоматически. Основание учебных элементов осуществляется преимущественно по технологии дистанционного обучения.

Очевидно, что индивид должен продолжать свое обучение не только в своей профессиональной области, но и реализовывать сугубо личную «образовательную траекторию», непрерывно расширяя диапазон своих знаний. Под образовательной траекторией понимается планомерное или стихийное движение обучающегося в зависимости от склонностей, способностей или требований карьеры в образовательном пространстве (по ступеням и уровням). Образовательная траектория может проходить через весь жизненный цикл человека (с раннего детства до пенсионного возраста), включая формальное, неформальное и скрытое обучение. Таким образом, с одной стороны, можно говорить о непрерывном профессиональном образовании как условии успешной профессиональной деятельности, а с другой — о непрерывном образовании членов общества, которое позволяет не только реализовать гносеологические аспекты основ гражданского общества, но и придать некоторую философскую широту профессиональной деятельности граждан, внести в жизнь человека более высокий, нежели только карьерный, смысл.

Чтобы непрерывно учиться в течение всей жизни, каждому человеку, во-первых, необходим позитивный опыт приобретения знаний в молодом возрасте, во-вторых, сильные моральные или материальные стимулы и, в-третьих, практические возможности для учебы — свободное время, деньги и учреждения, в которых предоставляют образовательные услуги. Таким образом, личная мотивация к учению и разнообразие образовательных ресурсов являются ключевыми факторами непрерывного образования. Для организаторов образования из этого следует, что необходимо развивать как предложение образовательных услуг, соответствующих спросу на рынке труда, так и спрос на них, особенно среди тех, кто до сих пор не был активно вовлечен в процесс обучения или по какой-либо причине не может использовать знания, накопленные ранее.

Исходя из всего вышесказанного, **концептуальными при формировании системы непрерывного образования можно считать следующие положения.**

1. Современная образовательная политика России базируется на идее непрерывности образовательных процессов для каждого человека в течение всей его жизни, которая закладывается в сознание индивида на самых ранних стадиях получения общего образования, постоянно поддерживается и считается одним из его основных положительных качеств.

2. необходимость формирования системы непрерывного образования определяется процессами реформирования различных сторон российской жизни, в том числе изменениями кадровой политики на рынке труда, активизацией участников рынка образовательных услуг, глобальными процессами в мире, желанием России стать на инновационный путь развития, стремлением к построению гражданского общества и т.д.

3. Должны быть разработаны новые образовательные стандарты для всех уровней образования, обеспечивающие не только соответствующее запросам общества содержание, но и модульность изложения изучаемых дисциплин или

областей знания; должна быть введена система зачетных единиц для оценки знаний с целью наращивания образовательного уровня, его учета при осуществлении личной «образовательной траектории».

4. Методы разработки образовательных программ должны быть изменены, исходя из необходимости рассмотрения целостных процессов в открытой образовательной системе: образовательное учреждение — предприятие (работодатель). В такой системе должна быть оформлена положительная обратная связь, что позволит разрабатывать «опережающие» образовательные программы (программы, стратегически соответствующие запросам рынка труда, запросам общества, мировым стандартам) и обеспечит реализацию на практике «спирально-кольцевого» принципа формирования обучающих программ.

5. Управление в системе непрерывного образования предполагает распределение ответственности между участниками процесса, когда общество формирует спрос на образовательные услуги, поставщик определяет их размер, качество и цену, а государство контролирует и частично определяет процессы в системе, являясь равноправным участником рынка.

6. На уровне государства создаются и поддерживаются условия для формирования социального партнерства в обществе.

7. Критерии качества образования определяются рынком образовательных услуг и обладают единством, прозрачностью, понятны и доступны для всех участников рынка.

8. Законодательная и нормативная правовая база, поддерживающая образовательный менталитет общества, реформируется.

9. Разрабатываются новые государственные экономические механизмы для многоканального финансирования системы образования, поощряются тенденции в обществе по участию в финансировании образования.

10. Государство должно проводить широкое информационное сопровождение образовательных процессов в обществе с использованием современных информационных, телекоммуникационных и PR-технологий.

Основной проблемой при реализации концепции системы непрерывного образования может стать решение финансового обеспечения. Внебюджетное финансирование образовательных учреждений давно стало нормой во всех странах мира. Современное образование, базирующееся на новейших технологиях, дорого — нужны не только компьютеры, но и спутники, и интегрированные коммуникационные сети, и многое другое. Очень дорогими оказываются и учитель, и новое учебно-методическое обеспечение образовательного процесса, в котором преподаватель перестает занимать центральное место.

Еще одной проблемой является обеспечение синергетического действия формального и неформального образования. Новые условия требуют иного подхода к неформальному образованию. До сих пор при разработке политики в области образования учитывалось лишь формальное образование, а остальным категориям не уделялось практически никакого внимания. Предполагается также, что для работодателя определенное значение будут иметь дипломы, аттестаты и сертификаты не просто государственного образца, но подтверждающие квалификацию. Необходимо разработать новую систему оценки и аккредитации результатов неформального образования, способную отражать все полученные индивидом знания и быть общепризнанной работодателями.

К основным **нормативным правовым проблемам**, возникающим при реализации концепции системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий, можно отнести следующие:

- расширение перечня организаций, осуществляющих дополнительные профессиональные программы;

- расширение и уточнение определенных законом видов дополнительных образовательных программ, что связано с динамичными изменениями на рынке образовательных услуг, необходимостью в постоянной актуализации образовательных программ и услуг в целом;

- изменение порядка лицензирования, аттестации программ и аккредитации организаций, реализующих образовательные программы в области организации антитеррористической деятельности.

§6. Структура системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

В структуре непрерывного образования можно выделить две подсистемы: основное и дополнительное образование. В свою очередь, основное и дополнительное образование может быть общим и профессиональным. Следовательно, получается четыре подсистемы образования: основное общее, основное профессиональное, дополнительное общее, дополнительное профессиональное.

Отношения между элементами подсистемы основного образования строятся по принципу иерархии, каждое последующее звено дает образование более высокого уровня. В подсистеме дополнительного образования звенья самостоятельны и независимы, существуют параллельно друг другу. Дополнительное образование не является образованием более высокого уровня по сравнению с основным. В каждой из подсистем имеются основные и дополнительные, основные и параллельные, государственные и негосударственные учебные заведения и повышения квалификации, учреждения культуры, спорта, туризма и т.д.

7. Непрерывное образование в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных

служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

Говоря о проблеме непрерывного образования, необходимо остановиться на таком важнейшей проблеме, как непрерывное образование в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

Непрерывное образование в области организации антитеррористической деятельности — это социально-педагогическая система взаимосвязанных форм, этапов, средств, способов подготовки специалиста в области антитеррора, повышения его профессионального мастерства, развития личностных качеств и способностей в течение всей жизни.

В рамках непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий выдвигаются и рассматриваются три этапа (звена) профессионального становления специалиста в области антитеррора, которые функционируют в органическом единстве, образуя следующую систему:

I этап — допрофессиональная подготовка;

II этап — профессиональное образование;

III этап — послевузовское образование.

8. Модель сетевого взаимодействия в структуре непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

При создании структуры непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности, необходимо создать модель сетевого вза-

имодействия, которая способствует формированию знаний в области информационных технологий.

Сетевые сообщества или виртуальные методические объединения — это новая форма организации профессиональной деятельности учителей школ, преподавателей вузов в сети. Участие в профессиональных сетевых сообществах позволяет людям, живущим в разных уголках одной страны и за рубежом, общаться друг с другом, решать профессиональные вопросы, реализовать себя и повышать свой профессиональный уровень. Интенсивное развитие информационных технологий меняет современный мир, меняются формы общения людей. Электронная почта, факсимильная и сотовая связь позволяют в считанные секунды получить или отправить информацию с любой точки земного шара. Люди становятся ближе друг к другу, характер взаимоотношений меняется: ускоряется процесс обсуждения и принятия решений по многим вопросам, расширяется круг заинтересованных лиц. Люди из разных регионов страны и зарубежья объединяются в группы по интересам. В сети создаются профессиональные сообщества, то есть группы людей, общающихся между собой при помощи сети Интернет.

Одним из элементов сетевой структуры непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности организация методической работы, в частности, создание специализированной модели методического учреждения. Основное направление его деятельности — методическая работа по формированию информационной культуры педагогов, ведущих курсы по антитеррору и сопровождение педагогических процессов в системе образования.

В сетевой организации методической работы методическое учреждение выполняет первостепенную функцию по повышению уровня профессиональной компетентности педагогов: увеличивается круг взаимодействия участников, наблюдаются опосредованные связи, а следовательно, результаты работы педагогов становятся более продуктивными.

Одна из основных целей информатизации — обеспечение эффективной информационной поддержки образования. Это не только решение текущих образовательных задач, но и развитие образовательного потенциала района (города), решение проблем своевременной доставки оперативной информации всем участникам образовательного процесса — педагогу, ученику, родителю, специалисту системы образования. Такая деятельность методического учреждения способствует:

совершенствованию механизмов управления методической работой и системой образования в целом на основе использования банков данных научно-педагогической информации, информационно-методических материалов, а также коммуникационных сетей;

совершенствованию методологии и стратегии отбора содержания, методов и организационных форм обучения и воспитания, соответствующих задачам развития личности обучаемого в современных условиях информатизации общества;

созданию методических структур обучения, ориентированных на развитие интеллектуального потенциала обучаемого, на формирование умений самостоятельно приобретать знания, выстраивать учебную, экспериментально-исследовательскую деятельность;

формированию сетевого информационного пространства в системе непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности;

созданию и использованию компьютерных тестирующих, диагностирующих методик контроля и оценки уровня знаний обучаемых.

Деятельность методических учреждений так или иначе направлена на формирование сетевого взаимодействия между всеми участниками образовательного процесса.

Объединение образовательных ресурсов нескольких муниципалитетов в одну организационную структуру — образовательный округ — способствовал бы

открытию в них территориальных методических *ресурсных образовательных центров*, которые обеспечивают потребности сети муниципальных образовательных учреждений в структуре непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности в повышении квалификации кадров, сервисной поддержке, организации всех видов услуг, содействующих эффективному развитию системы образования.

Может быть использована *модель системы повышения квалификации и методической поддержки педагогов* в рамках проекта «Структура непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности». Для реализации проекта нужно создавать новые методические службы: регионально-координационный центр, межшкольный и межвузовский методические центры. Деятельность этих методических центров должна быть направлена на организацию регулярной методической поддержки работников непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности, информационных и коммуникационных технологий, поддержки инновационной деятельности педагогов и учебной деятельности учащихся, студентов, что качественно изменяет и организацию деятельности методической службы. Распределяются компетенции между всеми организационными уровнями методической службы и органами управления непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности, что закрепляется в трехсторонних договорах, в соответствующих уставных документах, где четко прописываются основы взаимодействия.

Можно реализовать *модель инновационной поддержки* непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности, которая ориентирована на построение практики развивающего и развивающегося образования педагогов. Внутри такой модели решаются такие задачи, как управление информационными потоками в единой образовательной сети; непрерывное повышение квалификации работников образования с элементами дистанционного обучения; совершенствование работы сети методической службы на основе ин-

формационно-коммуникационных технологий; оказание практической помощи работникам сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности непосредственно в образовательных учреждениях (поддержка инновационных процессов, стажерских площадок, опытно-экспериментальных площадок и др.); повышение мотивации работников системы сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности к использованию инновационных педагогических технологий. Такая модель имеет свои преимущества: экономические (уменьшаются затраты на повышение квалификации); педагогические (обучение становится более мотивированным, технологичным и индивидуализированным); эргономические (педагоги и модераторы имеют возможность распределять время занятий по удобному для себя графику, гибкий график занятий позволяет без отрыва от работы повышать квалификацию); информационные (возрастает доступность современных программных средств, новых образовательных технологий); коммуникационные (возрастает число участников сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности, с которыми возможно взаимодействие).

В сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности *педагог* всегда *проявляет себя в нескольких аспектах*. Это *интерес* (устойчивое внимание к предмету удовлетворения потребностей), *возможности, идея* (как будет достигать своего интереса в рамках сетевых возможностей), *деятельность* (самообразование, повышение уровня профессиональной компетентности на базе общеобразовательного учреждения — несетевая деятельность), *взаимодействие* (организация совместной деятельности — сетевое взаимодействие, где определяется содержание работы и место каждого в ее осуществлении). В результате начинает выстраиваться модель сетевого взаимодействия по решению конкретной проблемы.

Основой сетевого взаимодействия при непрерывном образовании в области организации антитеррористической деятельности становится свободный вход

в сетевое пространство. Сетевая организация объединяет профессиональные группы или другие объединения в иной конфигурации, чем традиционная структура, высвобождая, тем самым, новые ресурсы.

Говоря о *сетевом взаимодействии*, важно отметить, что оно *возможно при определенных условиях*: возможность совместной деятельности участников сети; общее информационное пространство; механизмы, создающие условия для взаимодействия. Такими *механизмами* становятся Совет сетевой организации, система экспертной деятельности, программы повышения квалификации педагогических кадров и другое. *Основными элементами механизма сетевого взаимодействия* при непрерывном образовании в области организации антитеррористической деятельности в выстраивании методической работы на можно считать информационный обмен, сетевую экспертизу, сетевые образовательные программы и открытый характер предъявления своей деятельности.

Методическая служба в сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности не может оставаться неизменной, она должна постоянно совершенствоваться в зависимости от развития и требований, предъявляемых обществом к современному образованию. Методическая службы при сетевой организации непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности создает благоприятные условия для развития кадров, повышения потенциала образовательных учреждений за счет разработки и реализации программ их поддержки, что обеспечивает полноту действий, необходимых для достижения поставленных целей, согласованность связей между всеми субъектами сетевого взаимодействия.

Разработка и реализация концепции сетевой организации непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий требует **решения следующих задач**:

Создание кадрового потенциала образовательных учреждений и сервисной отрасли региона, отвечающего запросам современного рынка труда;

Формирование рынка образовательных услуг через маркетинг потребностей отрасли;

Формирование осознанного выбора профессии (специальности) с учетом перспективных тенденций развития рынка труда отрасли;

Организация научно-методической и консультационной поддержки образовательных учреждений в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий;

Содействие эффективному использованию и модернизации материальной базы образовательных учреждений силами социальных партнеров для осуществления качественной подготовки специалистов в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий;

Развитие спектра основных и дополнительных образовательных услуг в рамках профессиональной направленности в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий;

Создание и реализация эффективных механизмов управления качеством профессионального образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий;

Развитие механизма многоканального финансирования системы сети в области организации антитеррористической деятельности работников образова-

тельной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий;

Пропаганда достижений образовательных учреждений системы сети в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

Для реализации поставленных задач система сети в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий следует развивать следующие **виды деятельности:**

- общественно-политическую;
- информационно-аналитическую;
- маркетинговую;
- организационно-методическую;
- профориентационную;
- экспертно-консультационную;
- образовательную.

Основной целью обучения при сетевой организации непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий является подготовка высококвалифицированного специалиста в области антитеррора, обучение практическому овладению специальностью. Задача преподавателя состоит в том, чтобы создать условия практического овладения специалистом по антитеррористической деятельности для каждого учащегося, студента, выбрать такие методы обучения, которые позволили бы каждому ученику, студенту проявить свою активность, умения, творчество. Наряду с традиционными техническими

средствами обучения, современный преподаватель может использовать, где позволяют условия, компьютер с его возможностями. Компьютерные технологии на занятиях при сетевой организации непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности — это использование компьютерных обучающих программ и интернет ресурсов. Мультимедийные обучающие программы позволяют организовать самостоятельные действия каждого обучающегося. Красочность, увлекательность программ вызывает огромный интерес у учащихся, студентов, повышает эффективность занятий.

Что представляет собой профессиональная деятельность при сетевой организации непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности в сети Интернет? Это, прежде всего, деятельность, направленная на обучающихся, на развитие интереса к предмету, на развитие их мышления, творчества, коллективизма. Другое направление — это деятельность, направленная на самих преподавателей, на самообразование, деятельность, связанная с повышением квалификации. Информационные и коммуникационные технологии позволяют изменить профессиональную деятельность преподавателей в целом, так как именно ИКТ становятся основой модернизации системы образования в XXI веке. Если мы говорим о профессиональном сетевом сообществе для преподавателей в области антитеррора, то надо учитывать тот факт, что его деятельность должна отвечать интересам профессионализма в области образования. Необходимо учитывать опыт профессиональных отечественных и зарубежных сообществ, которые тоже имеют много общего и в некоторых случаях могут проводить совместную деятельность (тематические теле- и видеоконференции, форумы, сетевые проекты, дискуссии, конкурсы и т.д.).

Профессиональное сетевое сообщество для преподавателей сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, препода-

вателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий должно содержать необходимую и полезную информацию для преподавателей. Это и основные документы зарубежного и отечественного законодательства в области антитеррора, Министерства образования РФ, и методические разработки, учебный материал, ссылки на образовательные отечественные и зарубежные ресурсы в области антитеррора. Каждый преподаватель может поделиться своим опытом и позаимствовать опыт своих коллег. Обязательным разделом должен быть раздел консультаций со специалистами и отдельный форум для них. В сетевом сообществе должна быть предусмотрена возможность для общения друг с другом по профессиональным вопросам — это форум и чат. Руководители (организаторы, модераторы, консультанты, координаторы) профессионального сетевого сообщества в области антитеррора должны планировать регулярное проведение теле- и видео конференций. Лучшие работы преподавателей (разработки занятий, проекты, статьи и др.) могут помещаться в банк знаний для пополнения методической копилки. Очень важным является проблемный совет, где можно обсудить и найти решение в проблемных, конфликтных ситуациях. Внутри сетевого сообщества могут формироваться группы по интересам, например, участники, увлекающиеся искусством или музыкой и т.д.

9. Повышение квалификации и профессиональной переподготовки педагогических, административных и инженерно-технических кадров сетевой системы организации непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

Одной из задач, стоявшей при реализации сетевой системы организации непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, пре-

подавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий должна быть задача повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогических, административных и инженерно-технических кадров. В целях организации повышения квалификации педагогических, административных и инженерно-технических кадров должны быть сформированы программы обучения различных категорий работников в области новых информационных и телекоммуникационных технологий, в том числе: административно-управленческого персонала, включающего руководителей и специалистов местных (муниципальных) органов управления образованием, руководителей методических служб, руководителей образовательных учреждений; учителей, преподавательского состава и инженерно-технического персонала общеобразовательных и образовательных учреждений;

Организация и проведение повышения квалификации различных категорий работников в области антитеррора осуществляется в высших учебных заведениях, образовательных учреждениях дополнительного профессионального образования и региональных базовых и межшкольных компьютерных центрах, отобранных с учетом имеющегося опыта работы по повышению квалификации в области новых информационных технологий и состояния материально-технической базы образовательных учреждений, а также их территориального расположения.

Для выполнения программы повышения квалификации работников образования предполагается подготовка преподавателей-мультипликаторов (тьюторов) и отбор для этих целей базовых образовательных учреждений.

Повышение квалификации, профессиональная переподготовка преподавателей должны включать не только обучение работе с компьютером, но и освоение новых методов работы в преподавании учебных дисциплин по антитеррору. Они должны носить практический характер, направленный на использование опыта практического применения информационных и телекоммуника-

ционных технологий, а также проектирования информационной образовательной среды учреждений или типов (видов) учреждений.

Особое значение имеет подготовка координаторов программ повышения квалификации в области информационных технологий, обеспечение формирования структуры управления процессом обучения и методической поддержки педагогических кадров в области антитеррора.

Для реализации задачи повышения квалификации педагогов в области антитеррора можно создать сеть Региональных Центров дистанционного обучения (РЦДО). Основная цель создания РЦДО — обеспечение образовательных услуг системы повышения квалификации региона в области антитеррористической деятельности, в том числе с использованием дистанционных форм обучения:

- обучение педагогических кадров региона;
- реализация возможностей дистанционного консультационного взаимодействия с работниками образования по вопросам использования ИКТ в образовательном процессе;
- методическая поддержка педагогических кадров региона с интеграцией в региональную систему повышения квалификации.

10. Ассоциативный подход в организации совместных образовательных программ на основе сетевого взаимодействия в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

В условиях модернизации системы российского образования одной из важных задач образовательных учреждений становится развитие сетевого взаимодействия, организация совместных образовательных программ в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заве-

дений и служителей различных конфессий для различных уровней образования. Решение этой задачи, связанной с созданием условий для развития академической мобильности, системы непрерывного образования сопряжено с рядом проблем, вызванных, прежде всего, отсутствием нормативно-правовой и организационной основы для совместной образовательной деятельности и развития дистанционного обучения, конкуренцией среди образовательных учреждений, отсутствием опыта подобной деятельности у большинства образовательных учреждений.

Вместе с тем, существует реальный опыт сетевого взаимодействия образовательных учреждений различных уровней, который не только подтверждает необходимость осуществления совместных образовательных программ, но и доказывает, что их осуществление возможно только в рамках ассоциативной деятельности. Примером такой деятельности может служить ассоциация образовательных и научных учреждений «Сибирский открытый университет» (АСОУ), объединяющая 40 учреждений общего, начального, среднего и высшего профессионального образования, академические институты Российской Федерации и Республики Казахстан.

С момента своего создания в 1998-м году деятельность Совета ассоциации, методических советов по технологиям обучения и электронным образовательным ресурсам была направлена на организацию совместных образовательных программ.

В 2002 году были обоснованы принципы и механизмы совместной научно-образовательной деятельности вузов в системе открытого и дистанционного образования, предложено создание межрегиональных университетских комплексов, основанных на ассоциативной модели образовательного учреждения.

Суть модели должна состоять в попытке организовать совместные программы вузов в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей

религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий на базе каждого из участников ассоциации, где будут открыты как филиал ассоциации, так и филиалы самих этих вузов. При этом все вузы вступают в договорные отношения с ассоциацией, которая через свой филиал координирует учебные программы всех вузов в области организации антитеррористической деятельности — участников такого «филиального объединения», совмещая общие курсы для различных вузов и специальностей, подбирая преподавателей из различных вузов, участвующих в этой деятельности. В результате студенты, участвующие в эксперименте, могли бы получить возможность слушать лучших преподавателей в любом из договорившихся вузов, а вузы — привлекать профессорско-преподавательский состав самой высокой квалификации.

В то же время идея создания межрегиональных университетских комплексов в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий столкнется с проблемой отсутствия законодательной базы для совместной образовательной деятельности на основе дистанционных технологий, и, вместе с тем, с опасением ряда вузов на фоне роста коммерческой самостоятельности получить сильных конкурентов в своем регионе в лице ассоциативных партнеров. Отсутствие закона, регламентирующего статус, принципы и технологии дистанционного обучения, еще более затрудняет решение этой задачи.

С 2004 года в России начался новый этап в организации совместных образовательных программ АСОУ, который связан с организацией совместных дистанционных учебных курсов в рамках собственных образовательных программ вузов, но с привлечением кадрового потенциала других участников ассоциации. На сегодня это — реальная попытка обмена программами в области организации антитеррористической деятельности, преподавателями и студентами.

К настоящему времени в АСОУ накоплен опыт участия наиболее активных вузов в совместных дистанционных образовательных программах и проектах, позволяющих решать образовательные задачи в режиме реального времени. Среди наиболее активных участников таких программ — Томский государственный университет (ТГУ), Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ), Горно-Алтайский государственный университет (ГАГУ), Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КрасГПУ), Новосибирский государственный технический университет (НГТУ), Алтайский государственный университет (АГУ), гимназия № 56 г. Томска и другие образовательные учреждения. В рамках инновационной образовательной программы 23 вуза России вступили в сетевое взаимодействие с ТГУ и АСОУ.

Сегодня накоплен такой потенциал, что можно реализовать различные совместные образовательные программы в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий:

совместные программы высшего профессионального образования в области организации антитеррористической деятельности как элективные курсы для студентов различных специальностей;

совместные программы дополнительного профессионального образования в области организации антитеррористической деятельности;

«профессорские часы» в области организации антитеррористической деятельности, которые проводят известные ученые вузов АСОУ;

циклы видеосеминаров в области организации антитеррористической деятельности для магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов — участников ассоциации.

Реальной формой реализации совместных образовательных программ может стать обучение различных категорий обучающихся по программам в области организации антитеррористической деятельности вузов-партнеров с привлечением высококвалифицированных преподавателей одного и более вузов. В перспективе — апробация таких образовательных технологий, как лекция-диалог, проектная деятельность в области организации антитеррористической деятельности и т.д. на основе дистанционных образовательных технологий.

Основу дистанционных занятий по совместным образовательным программам могут составлять видеолекции в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий с применением технологий спутникового вещания и формы активной работы с обучающимися на основе видеоконференцсвязи. Могут применяться и комбинированные технологии, обеспечивающие проведение IP-вещания с обратной связью в режиме видеоконференции. Обучение в области организации антитеррористической деятельности может осуществляться с использованием автоматизированной системы дистанционного обучения «Электронный университет», разработанной в Институте дистанционного образования ТГУ. Система позволяет организовать доступ к информационному и учебно-методическому обеспечению программ (специализированным базам данных, электронным учебным пособиям, аудио- и видеоматериалам, тестирующим системам в области организации антитеррористической деятельности), опосредованное коммуникационное пространство для обеспечения непрерывной Интернет-поддержки учебного процесса.

Мониторинговые исследования, сопровождающие совместные образовательные программы в области организации антитеррористической деятельности, позволяют сделать выводы не только о высоком качестве занятий, о соответствии программ в области организации антитеррористической деятельности

поставленным целям обучения и т.д., но и об эффективности дистанционных образовательных технологий, о высокой мотивации участников совместных образовательных программ.

Создание ассоциаций типа «Сибирский открытый университет» по осуществлению совместных образовательных программ в области организации антитеррористической деятельности по организации совместной деятельности вузов — это наиболее эффективная форма получения качественного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

11. Университетские комплексы в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

Особую значимость в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий имеет создание **университетских комплексов в России**. Университетские учебные комплексы позволяют не только четко и продуктивно координировать деятельность учебных заведений, входящих в Комплекс, независимо от их ведомственной принадлежности, но и способствуют достижению нового качества образования, обеспечивая приближение общеобразовательных и образовательно-профессиональных программ в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий к потребностям личности, общества, региона.

Концепции создания регионального университетского комплекса, объединяющего все учебные заведения региона по вертикали (от дошкольного учреждения до вуза) и по горизонтали (в масштабах региона), отражены в исследованиях Г.З. Алибекова, П.А. Жильцова, Ю.Г. Круглова, Л.А. Артемьевой и др.

Определяя теоретические и организационно-педагогические условия эффективного функционирования университетского комплекса, мы руководствуемся личностно-гуманитарной парадигмой образования (Н.А. Алексеев, Б. Блум, Е.В. Бондаревская, В.В. Сериков и др.), принципами интеграции обучения (П.Н. Груздев, М.А. Данилов, Б.Г. Есипов, И.Д. Зверев, П.Г. Кулагин, В.Н. Максимова и др.), организационными принципами (Г.М. Борликов, В.А. Тыхеев, Л.П. Кураков и др.), теоретическими принципами непрерывного образования (В.А. Ермоленко, Н.Ф. Григорьев, Н.М. Мельник), методическими принципами (В.С. Леднев, Н.Н. Нечаев, О.В. Попова и др.).

Основными принципами создания университетского комплекса в регионе в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий являются:

- 1) принцип создания открытой профессиональной среды, в которой каждый человек может реализовывать свои способности, потребности и возможности;
- 2) принцип обеспечения многоступенчатости профессионального образования;
- 3) принцип оптимального распределения функций между учебными заведениями, предприятиями и организациями, входящими в образовательный комплекс;
- 4) принцип создания служб сопровождения процесса непрерывного профессионального образования (адаптационных, диагностических, научно-исследовательских, психологических, методических центров).

К основным направлениям деятельности университетского комплекса в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий относятся учебно-методическая, научно-исследовательская деятельность, формирование кадрового потенциала, экономическое и международное сотрудничество.

На становление модели регионального университетского комплекса в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий влияют: окружающая среда, организационная система объединения образовательных учреждений, а также система преподавания. В университетских комплексах многоуровневая профессиональная подготовка должна сочетаться с преемственностью образовательных структур.

В региональной системе непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий главным звеном являются учреждения высшего профессионального образования, обеспечивающие расширенное воспроизводство общественного интеллекта, подготовку и переподготовку кадров, развитие инфраструктуры непрерывного образования.

12. Комплекс целевых программных мероприятий в области внедрения системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

Комплекс осуществляемых целевых программных мероприятий в области внедрения системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий осуществляется по **следующим направлениям**:

1. Концептуальное, научно-методическое обеспечение внедрения принципов непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных слу-

жащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий.

2. Нормативно-правовое обеспечение внедрения принципов непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий.

3. Мониторинг и управление процессами, обеспечивающими внедрение непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий.

4. Повышение квалификации различных категорий работников в области непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий.

5. Информационное сопровождение внедрения принципов непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий.

6. Оснащение, обслуживающих общеобразовательных учреждений системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий современной компьютерной техникой и программным обеспечением.

Их реализация потребует проведения следующих **организационно-внедренческих мероприятий:**

1. Научно-методические разработки технологий перехода образовательных учреждений на систему непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

2. Повышение квалификации руководителей и специалистов образовательных учреждений системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

3. Издание методических пособий и материалов.

4. Инструктивные семинары и совещания.

5. Информационное обеспечение и сопровождение перехода образовательных учреждений системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

6. Мониторинг процесса перехода и практики работы образовательных учреждений в системе непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

Требуется комплекс мероприятий по реализации данного направления

13. Финансово-экономическое обоснование организационно-внедренческих мероприятий системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

1. Создание инфраструктуры региональной системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

2. Разработка моделей функционирования региональной системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

3. Институализация региональной системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

4. Объективизация и стандартизация системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

5. Упорядочение информационных потоков в системе непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

6. Развитие материально-технической базы региональной системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

7. Материально-техническая база на муниципальном уровне.

8. Материально-техническая база на региональном уровне.

Реализация комплекса мероприятий по развитию региональной системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий потребует определенного финансирования. В объем такого финансирования входит развитие инфраструктуры и материально-техническое обеспечение создаваемой структуры.

Решение этих вопросов следует осуществлять за счет средств бюджетов всех уровней: федерального, регионального, муниципальных.

В результате реализации мероприятий данного направления будет обеспечено:

- создание региональной концепции системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий;

- развитие инфраструктуры региональной системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий;

- создание системы многоуровневого мониторинга системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий;

- создание и поддержка информационной системы, позволяющей проводить мониторинг сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и слу-

жителей различных конфессий по различным направлениям и с различными целями;

- создание стандартизированных средств оценки учебных достижений;
- проведение аттестации педагогических работников и оценки деятельности образовательных учреждений системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий;
- при образовательных учреждениях будут созданы Комиссии по совершенствованию образовательной деятельности в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий (изучение, систематизация и распространение лучшего опыта применения новых образовательных и педагогических технологий в учебном процессе; внедрение в учебный процесс современных инновационных технологий обучения с использованием электронных и информационно-методических материалов, в том числе технологий дистанционного обучения, разработка и внедрение новых методик их применения в преподавании конкретных дисциплин);
- развитие системы подготовки и повышения квалификации профессиональных экспертов сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий по качеству образования (по оценке результатов, условий организации образовательного процесса, технологий проведения занятий и др.).

14. План-график реализации мероприятий по развитию региональной сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных

служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий

№ п/п	Мероприятие	Сроки реализации	Дальнейшее использование результатов
1.	Создание региональной нормативно-правовой базы, принятие межведомственных соглашений, обеспечивающих развитие сети образовательных учреждений региона	Февраль 2010— январь 2010	Регламентация деятельности по реструктуризации сети образовательных учреждений, оптимизация взаимодействия ведомств, участвующих в реализации проекта
2.	Разработка нормативно-правовой базы и инструктивно-методических материалов, регулирующих вопросы сетевого взаимодействия образовательных учреждений	Август 2010— май 2010	Формирование структуры и регламента сетевого взаимодействия
3.	Подготовка методических рекомендаций для муниципальных органов управления образованием в сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий	Февраль 2010	Обеспечение доступности и качества образования для в системе образования региона
4.	Разработка показателей и критериев экспертизы муниципальных программ реструктуризации	Май—июнь 2010	Определяет порядок проведения экспертизы муниципальных программ
5.	Проведение фестиваля-конкурса для образовательных учреждений «Информационно-коммуникационные технологии в системе образования непре-	Май—ноябрь 2010	Популяризация использования ИКТ в образовании, активизация включения образовательных учреждений в разработку и поддержку сай-

№ п/п	Мероприятие	Сроки реализации	Дальнейшее использование результатов
	<p>рывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий» (ИКТО-2010)</p>		<p>тов, мастер-классов(обмен опытом)</p>
6.	<p>Подготовка методических рекомендаций по использованию информационно-коммуникационных технологий в педагогической деятельности. Создание тематических электронных коллекций в сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий</p>	<p>Январь— февраль 2010</p>	<p>Методическая и ресурсная поддержка педагогов, использующих информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе в сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий</p>
7.	<p>Разработка финансово-экономических принципов и механизмов деятельности территориальных образовательных сетей. Разработка методик финансово-экономического расчета обеспечения деятельности муниципальных образовательных сетей</p>	<p>Ноябрь 2010</p>	<p>Использование методик финансово-экономического расчета обеспечения в деятельности муниципальных образовательных сетей</p>
8.	<p>Анализ действующих сетей образовательных учреждений в муниципальных образованиях региона, социальных и других рисков, свя-</p>	<p>Январь 2010</p>	<p>Проектирование и программирование развития муниципальных образовательных сетей</p>

№ п/п	Мероприятие	Сроки реализации	Дальнейшее использование результатов
	занных с их реструктуризацией		
9.	Разработка и утверждение в пилотных районах проектов программ по реструктуризации сети образовательных учреждений	Август 2010	Проектирование и программирование развития муниципальных образовательных сетей
10.	Общественное обсуждение проектов программ по реструктуризации сети образовательных учреждений	Октябрь 2010	Проектирование и программирования развития муниципальных образовательных сетей с учетом мнения социальных партнеров. Формирование социального заказа для системы образования региона.
11.	Разработка мероприятий по развитию учебной и материально-технической базы образовательных учреждений сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий	Январь 2010	Систематизация ресурсного обеспечения, повышение качественных и количественных характеристик образовательных ресурсов, предоставляемых сетевыми ресурсными центрами (базовыми школами, ссузами, вузами, ресурсными центрами). Создание условий, адекватных современным требованиям к образовательному процессу
12.	Создание новых сетевых единиц (базовых школ, культурно-образовательных комплексов, ресурсных центров и др.)	Июль-сентябрь 2010-2012	Предоставление качественных образовательных услуг с помощью оптимального использования имеющихся ресурсов. Обобщение и распространение ценного для условий региона опыта, подготовка к его распространению на федеральном уровне

№ п/п	Мероприятие	Сроки реализации	Дальнейшее использование результатов
13.	База данных о действующей сети образовательных учреждений региона	Февраль 2010—2011	Использование данных о действующей сети образовательных учреждений для организации мониторинга, принятия управленческих решений
14.	Создание баз данных действующих сайтов образовательных учреждений региона, субъектов инновационной деятельности в регионе	2010—2012	Использование методических, информационных, справочных ресурсов, аккумулированных в базе данных, для принятия обоснованных и адекватных управленческих решений
15.	Целевое повышение квалификации у преподавателей сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий	Апрель 2010— сентябрь 2010	Формирование новых компетенций у преподавателей сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности. Применение опыта при обучении целевых групп всех муниципалитетов региона
16.	Проведение серии семинаров для руководителей органов управления образованием и руководителей образовательных учреждений сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности вопросам реструктуризации сети образовательных учреждений и сетевому взаимодействию	Апрель— сентябрь 2010	Формирование новых компетенций у руководителей муниципальных органов управления образованием, руководителей образовательных учреждений и формирование их управленческой культуры
17.	Целевое повышение квалификации педагогов, тьюторов муниципальных ресурсных центров ди-	Январь— июль 2010	Формирование новых компетенций у тьюторов муниципальных ресурсных центров

№ п/п	Мероприятие	Сроки реализации	Дальнейшее использование результатов
	станционного образования по вопросам сетевого взаимодействия		по вопросам сетевого взаимодействия
18.	Создание нормативно-правовых, организационных, учебно-методических условий дистанционного обучения	Август 2010—август 2011	Обеспечение образовательного процесса с использованием ИКТ вне зависимости от места жительства обучающихся
19.	Организация работы со СМИ по информированию общественности о необходимости развития сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности ОУ в части осуществления реструктуризации	В течение года (еже- дельно)	Формирование положительного общественного мнения

Также требуется **финансово-экономическое обоснование следующих организационно-внедренческих мероприятий:**

1. Проведение научно-методических и экспериментальных работ в части обеспечения функционирования и развития территориальных образовательных сетей непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий;

2. Повышение квалификации педагогических работников образовательной сети: подготовка педагогов-тьюторов, сетевых организаторов, экспертных групп, руководителей и специалистов муниципальных органов управления образованием, руководителей образовательных учреждений

3. Капитальный ремонт образовательных учреждений (по мере необходимости);

4. Организация системы мониторинга функционирования и управления развитием образовательной сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий региона;

5. Модернизация материально-технической базы учреждений сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий;

6. Информационное обеспечение развития территориальных образовательных сетей, в том числе, в средствах массовой информации

Объективно при реализации данного направления проекта модернизации возможны следующие **риски**:

формальный подход к организации сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий;

- отсутствие постоянных источников финансовой поддержки сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий на всех уровнях;

- недоработки и неточности в регулирующем данный аспект законодательстве.

Средством минимизации данных рисков могут служить:

- проведение курсов повышения квалификации целевых групп, участвующих в реализации сети непрерывного образования в области организации

антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий;

— организация работы диалоговых площадок, создание рабочих групп;

— создание системы грантовой поддержки общественных инициатив для создания и функционирования сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий.

15. Опыт органов государственной и муниципальной власти Республики Дагестан по идеологическому противодействию религиозному и политическому экстремизму, терроризму

Органы государственной и муниципальной власти Республики Дагестан проводят определенную работу по идеологическому противодействию религиозному и политическому экстремизму, терроризму.

Вопросы противодействия религиозно-политическому экстремизму в Республике Дагестан остается одним из важных направлений деятельности всех органов государственной власти и местного самоуправления республики. В этом процессе активное участие принимают республиканские средства массовой информации и образовательные учреждения, общественные и религиозные объединения, другие институты гражданского общества.

Несмотря на это проводимая в республике работа явно недостаточна. Об этом свидетельствуют последние резонансные преступления экстремистской направленности против руководителей и сотрудников правоохранительных органов, а также представителей духовенства. Экстремизм и терроризм сегодня остаются одной из основных проблем, дестабилизирующих общественно-политическую ситуацию и устойчивое развитие экономики республики.

В связи с этим в 2009 году в Республике Дагестан находился президент Российской Федерации Д. Медведев, который провел расширенное оперативное совещание Совета Безопасности РФ по вопросу «О мерах по устранению угроз национальной безопасности Российской Федерации на территории Южного федерального округа».

Президент подчеркнул, что ситуация остается непростой, несмотря на реальные достижения последнего периода, в том числе отмену режима контртеррористической операции в Чеченской Республике. Было отмечена необходимость продолжения работы по наведению порядка, по уничтожению террористического подполья на всех территориях Южного федерального округа. Президент отметил внутренние и внешние факторы распространения религиозно-политического экстремизма и терроризма в нашей стране. В частности, он подчеркнул — это и сохраняющаяся относительная бедность населения, очень высокий уровень безработицы, огромные масштабы коррупции, системные деформации в государственном управлении на региональном уровне, а также продолжающееся влияние внешних экстремистских центров на ситуацию в регионе.

Президент обозначил задачу о необходимости принятия конкретных, абсолютно взвешенных мер как организационного, так и законодательного порядка.

Экстремизм и терроризм относятся к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений современности.

Заметное усиление активности экстремистских бандгрупп в последнее время в Республике Дагестан связано с отменой режима КТО в соседней Чеченской Республике. В этих условиях проблема противодействия идеологии религиозно-политического экстремизма приобретает для нас важнейшее значение.

Постановлением Правительства РД №18 от 30.01.2009 г. принята Комплексная программа по противодействию религиозно-политическому экстремизму в Республике Дагестан на 2009-2011 годы.

Министерством по национальной политике, информации и внешним связям РД заметно активизирована работа республиканских и муниципальных электронных и печатных СМИ, в которых активно освещается деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, правоохранительных органов, общественных и религиозных организаций республики по противодействию политическому и религиозному экстремизму, обеспечению безопасности граждан. Информационно-пропагандистская работа стала более конкретной.

В частности, с начала 2009 г. только на страницах «Дагестанской правды» опубликовано более 280 информационно-аналитических материалов на указанную тему.

Материалы, посвященные противодействию религиозно-политическому экстремизму размещались на страницах национальных газет (их было более 250).

Активно освещали проблему противодействия религиозно-политическому экстремизму дагестанские радио-телекомпании. В настоящее время в РГВК «Дагестан» рассматривается в формате еженедельных программ «круглый стол» создание специальных программ «Большие дела» и «Круглый стол».

В РГВК «Дагестан» проводится работа по созданию постоянно действующего телевизионного дискуссионного молодежного клуба, а также цикла тематических передач на телевидении, направленных на информирование населения о безопасном поведении в экстремальных ситуациях.

Учреждены гранты Президента РД, объявлены конкурсы на гранты. Количество грантов — 13 грантов в общей сумме 2 млн. 50 тыс. рублей (3 гранта

по 200 тыс. рублей на поддержку проектов и программ, направленных на противодействие религиозно-политическому экстремизму; 3 гранта по 100 тыс. рублей на поддержку деятельности по укреплению межнационального согласия; 3 гранта по 100 тыс. рублей на поддержку деятельности по распространению в обществе идей патриотизма и гражданственности; 1 грант в сумме 250 тыс. рублей на реализацию мер по созданию условий для развития гражданского общества и повышения социальной активности населения Республики Дагестан; 3 гранта по 200 тыс. рублей на поддержку деятельности, направленной на воспитание молодежи в духе национальной и религиозной терпимости, неприятия идеологии религиозно-политического экстремизма.

Работники Министерства по национальной политике самостоятельно или в рамках лекторских групп, созданных Министерством по делам молодежи РД совместно с представителями министерств, ведомств, правоохранительных органов, образовательных учреждений, религиозных и общественных организаций республики выезжали в города и районы республики для встречи с молодежью и местным населением, 38 раз выступали перед ними по проблемам противодействия религиозно политическому экстремизму.

В целях оказания информационного, методического и консультативного содействия администрациям муниципальных образований РД по противодействию экстремистской деятельности на территории РД Миннацем РД практикуются проведение кустовых совещаний с выездом работников Министерства в города и районы республики (с начала 2009г. таких поездок было 5).

Вопрос противодействия религиозно-политическому экстремизму обсуждался в ходе участия работников Министерства в научно-практических конференциях и семинарах, а также встреч со студенческой молодежью Дагестана, в частности, ДГМА, ДГПУ, ДГТУ, ИИАЭИ ДНЦ РАН, дагестанских филиалов УРАО, МИРЭА, в гг. Махачкала, Дербент, Избербаш, Хасавюрт, Буйнакск и др.

Проводилась работа по проведению республиканского ежегодного конкурса на лучший сценарий документального фильма, посвященного противодействию экстремизму. Завершается работа по созданию на конкурсной основе документального фильма под названием «Отрицание отрицательного» (автор А. Михеев).

19.05.2009 г. проведена Республиканская научно-практическая конференция на тему «Роль органов государственной власти и институтов гражданского общества в профилактике религиозно-политического экстремизма в Республике Дагестан». Конференция была организована Миннацем РД совместно с Комитетом Правительства РД по делам религий и Общественной палатой РД. В его работе приняли участие более 120 представителей органов государственной власти, местного самоуправления, ученые, общественные и религиозные деятели. Продолжается работа по сбору и обобщению материалов научно-практической конференции для издания их отдельной книгой.

20-30.04.09 г. Совет безопасности РД провел двухнедельный семинар-совещание с заместителями глав администраций муниципальных образований по обеспечению безопасности муниципальных районов и городских округов республики по программе «Участие органов местного самоуправления в комплексном обеспечении безопасности территорий от угроз терроризма».

Ученые из ДГУ и ДГПУ написали учебник для учащихся 8-9 классов «История религий». Подготовлен учебник и программа спецкурса «Религиозно-политический экстремизм» для вузов республики. Уже принято решение о его внедрении в учебный процесс в ДГУ и ДГПУ. Однако, из-за отсутствия средств учебник, программа и учебное пособие по спецкурсу не опубликованы.

Кадровый состав представителей органов **местного самоуправления** — **52** муниципальных районов и городских округов, **706** поселений — составляет более **2875** чел.

В республике продолжается процесс формирования **институтов гражд-**

данского общества. Зарегистрировано **1015** общественных объединений и **14** региональных отделений политических партий. Достаточно активно функционируют Общественная палата РД и Уполномоченный по правам человека в РД.

Особое внимание уделяется информационной открытости власти. Действуют Интернет-сайты Президента и Правительства республики, Народного Собрания РД и ряда министерств. Открыли электронные Интернет-страницы и некоторые муниципальные образования.

В республике созданы все необходимые условия для полноценного функционирования средств массовой информации. В Дагестане зарегистрировано **180** печатных изданий и около **100** электронных СМИ. При непосредственной государственной поддержке осуществляется выпуск печатных изданий на **14** языках народов Дагестана.

Вместе с тем положение дел в данной сфере, как и уровень информационно-пропагандистского противодействия экстремизму и терроризму, не вполне соответствует требованиям дня, а качество и оперативность выступлений и публикаций оставляют желать лучшего. Можно сказать, огромный информационный ресурс пока используется неэффективно.

Сегодня очевидно, что в этой работе необходимы скоординированные совместные усилия не только органов государственной власти и местного самоуправления, но и политических партий, общественных объединений и религиозных организаций. Основная, возможно, и самая ответственная часть разъяснительной работы среди населения ложится на глав муниципальных образований и муниципальных поселений. Они с привлечением педагогических коллективов, сельской интеллигенции, молодежных организаций, средств массовой информации и представителей духовенства должны формировать в обществе нетерпимость к экстремистским идеям. Необходимо придать последовательный и системный характер проводимой работе и повысить ее эффективность.

К сожалению, остается невысокой отдача от выступлений местной прессы. В муниципальных образованиях, особенно там, где наблюдаются экстремистские проявления, недостаточно используется потенциал местной интеллигенции, ветеранов, авторитетных представителей духовенства, руководителей правоохранительных органов. Материалы газет не всегда отличаются оперативностью и информационно-идеологической насыщенностью.

Формирование общественного неприятия и осуждения экстремизма и терроризма возможна лишь при решительности глав администраций и их четкой и ясной позиции. Совершенно новое качество должна приобрести деятельность заместителей глав муниципальных образований по вопросам общественной безопасности. Именно они должны координировать работу на местах. В том числе и местных средств массовой информации. В этой связи думаю, что главы муниципальных образований должны уделять серьезное внимание разоблачению экстремистских взглядов и объяснению их пагубности для будущего республики.

Вопросы борьбы с терроризмом и религиозным экстремизмом также должны постоянно находиться и в центре внимания редакций негосударственных или коммерческих СМИ. В целом в них присутствует понимание реальной опасности экстремизма, однако, преобладают материалы, содержащие критику действий правоохранительных органов. Вызывают обеспокоенные вопросы определенная тенденциозность в освещении спецопераций, проводимых правоохранительными органами, отсутствие морального осуждения преступного жизненного выбора экстремистов, террористов.

В 2009 году республика будет отмечать 10 лет со дня победы над бандами международных экстремистов и террористов, вторгшихся в республику в августе 1999 года, и эта, безусловно, историческая дата должна дала серьезный импульс для активизации работы СМИ по идеологическому противодействию экстремизму и терроризму.

Большую работу по идеологическому противодействию экстремизму и терроризму проводят представители различных конфессий Республики Дагестан. По сведениям Комитета Правительства Республики Дагестан на 01.08.2009 г. в Республике Дагестан функционируют: **всего — 2236 религиозных объединений**, из них: — **исламских — 2187** (ДУМД — 1, суннитских — **2167** (1076 джума-мечети, 634 квартальные мечети, 248 молитвенных домов, 13 ВУЗов, 2 филиала, 104 мадраса, 87 мактаба, 2 культурно просветительских центра, 1 союз исламской молодежи), **шиитских — 19 объединений** (9 центральных мечетей, 10 квартальных мечетей); — **христианских — 44** (16 православных, 25 протестантских, 2 армянских, 1 старообрядцы); **иудейских — 5** объединений.

Сведения об исламских ВУЗах Республики Дагестан:

Наименование вуза	Наличие лицензии	Регистрация в МЮ РД и ГУ ФРС по РД	Кол-во студентов в вузе	Кол-во филиалов	Число обучающихся в филиалах
Дагестанский исламский университет им. М. Арипа. г. Махачкала, ул. Дахадаева, 136. Ректор — Маматханов Хабиб	24.10.07 24.10.12	+	490	-	-
Исламский университет им. имама Шафии. г. Махачкала, ул. Р. Гамзатова, 14. Ректор — Карачаев Муртазали Абдулманапович Филиал — 1 (г. Хасавюрт)	№24-0392 14.05.01. 14.05.08.	+	123	1	90
Исламский университет им Сайфулы Кади.	27.04.04. 27.04.09.	+	344		

г. Буйнакск. Ректор — Гамзатов Арсланали Гамзатович.

Исламский университет им. имама Ашъари.	№7891	+	180		
г. Хасавюрт, ул.Буйнакского, 115.	21.11.06.				
	21.11.11.				

Ректор Омаргаджиев Магомед-Дибир.

Исламский институт им. С.-М. Абубакарова.	24.01.02.	+	58	-	-
г. Хасавюрт, ул. Победы, 116, завод «Эльтав».	24.01.07.				

Ректор — Абумуслимов Рамазан.

Исламский институт им. имама Шамиля	03.06.03.	+	114	-	-
г. Кизилюрт, ул. Гагарина, 10	03.06.08.				

Ректор Шамсутдинов Абдурахман

Исламский институт «Нурул Иршад» им. Саида-апанди.	07.07.03.	+	229		
с. Чиркей Буйнакского района.	07.07.08.				

Ректор — Даудгаджиев Даудгаджи

Исламский институт им. Хасана Афанди.	20.01.04.	+	50	-	-
с. Гергебиль.	20.01.09.				

Ректор — Сидиков Али Сидикович.

Исламский институт им. Саадухаджиясуль Мухаммада-афанди.	04.05. 05.	+	44	-	-
с. Н. Батлук Шамильского р-на.	04.05.10				

Ректор Гамзатов Магомед Гаджиевич.

Исламский институт им. Абдурахмана Ассабского.	18.06.03.	+	120	-	-
с. Ассаб Шамильского района.	18.06.08.				

Ректор — Магомедов Хасан-хильми Магомедович.

Исламский университет им. шейха Шарафудина аль-Кикунни.	11.09.06. 11.09.11.	+	130	-	-
г. Махачкала, ул. Малыгина, 60.					
Ректор — шейх Исрафилов Идрис.					
Исламский университет им. шейха Абдулла Эфенди.	05.07.07. 30.08.11.	+	210	1	90
г. Дербент, ул.Гагарина, 42.					
Ректор Саидов Ариф.					
Филиал — 1, с. Хурик, Табасаранский р-он					
Исламский университет им. Саидбека Даитова.		+	+	180	-
г. Хасавюрт, ул.Буйнакского 115а.					
Ректор Исаев Ахмед.					
ИТОГО			2272	2	180

Всего обучаются исламу **7660 чел.:** из них исламских **ВУЗов** — **13**, в том числе: в ВУЗах — **2272чел.**, филиалов исламских вузов — **2**, в филиалах ВУЗов — **180 чел.**, **мадраса** — **104**, в мадраса — **3716 чел.**, примечетских школ (**мактабов**) — **87**, в нач. школах — **1492 чел.**

Христианских объединений — **44**, в том числе:

- **русские православные** — **16**, (в т.ч. 1 — монастырь на территории старого русского кладбища в здании бывшей Никольской церкви в г. Кизляре);

- **старообрядцы** — **1**;

— **армянское рел. движение** — **2**;

— **протестанты:**

- **адвентисты 7-го дня** — **6**;

- **христиане веры евангельской (пятидесятники)** — **5**;

- **евангельские христиане баптисты, относящиеся к Союзу евангельских христиан баптистов России** — **3**;

— объединение церквей евангельских христиан баптистов, относящихся к Совету церквей евангельских христиан баптистов России — **5**;

- евангельские христиане «Благая весть» (входят в централизованную религиозную организацию Ассоциация церквей евангельских христиан, зарегистрированной на территории РФ) — **1** ;

- свидетели Иеговы — **5**.

Иудейских организаций — 5.

Всего в Республике Дагестан действуют **служителей мусульманского культа** — более **2000** чел., **преподавателей исламских учебных заведений** — более **300** чел, **христианского культа: православия** — более **45** чел, **протестантизма** — около **100** чел., иудаизма — **8** чел. Всего служителей культа и преподавателей религиозных учебных заведений республики — более **2450** чел.

Одним из приоритетных направлений деятельности **Министерства образования и науки РД** является информационно-просветительская работа, направленная на профилактику религиозно-политического экстремизма, терроризма, преступности, наркомании¹.

В Республике Дагестан действуют около 1664 общеобразовательных учреждений, в ней задействованы 248 учреждений дополнительного образования детей.

Большой опыт воспитания детей и молодежи в духе ненасилия, мира и уважения к другим народам и религиям накоплен в образовательных учреждениях Республики Дагестан. При этом традиционно используется идеи народной педагогики: единство, дружба народов Дагестана, миротворческое разрешение всех возникающих спорных проблем, взаимопомощь и сотрудничество людей

¹ Справка об информационно-просветительской работе Министерства образования науки и молодежной политики РД, направленная на профилактику религиозно-политического экстремизма, терроризма, преступности, наркомании в 2007 г. // Текущий архив Министерства образования науки и молодежной политики РД.

разных национальностей и религий, уважительное, добрососедское отношение к другим народам, религиозная терпимость и открытость к достижению мировой цивилизации, общечеловеческих нравственных ценностей.

Основными средствами педагогической профилактики выступают воспитание и образование, осуществляемые в трех основных средах: в учебном процессе, во внеклассной и внешкольной работе, в сфере реальной общественной практики.

Цель воспитательно-образовательной профилактики: содействовать развитию активного неприятия экстремизма и терроризма учащимися. Это позволит сформировать у школьников представления о порочности экстремизма как способа решения политических задач и форм отношений между людьми; о несостоятельности терроризма как средства достижения политических и идеологических целей. Соответствующие сегменты, включенные в учебный процесс и систему внеклассной внешкольной работы, эффективно способствуют выработке у школьников иммунитета к попыткам экстремистских кругов влиять на сознание граждан, к психологической устойчивости перед угрозами терактов, могут предупреждать развитие элементов экстремистских воззрений.

Выполняя решения Республиканского совещания с главами муниципальных образований и руководителями администраций городов и районов (08.09.2005 г.) «О мерах, принимаемых главами муниципальных образований, администрациями городов и районов республики по организации борьбы с преступностью, терроризмом и экстремизмом, а также идеологическому воспитанию населения» Минобрнауки РД был разработан План мероприятий по реализации решения Республиканского совещания от 8 сентября 2005 года, согласно которому ежегодно проводятся республиканские зональные совещания (южная, горная, северная зона) по инициативе Минобрнауки РД с участием представителей МВД, Министерства здравоохранения, Министерства труда и социального развития, Управление Федеральной службы наркоконтроля РФ по

РД «О совместной работе Управлений образования, соцзащиты, органов внутренних дел и здравоохранения, УФСКН РФ по РД, комитетов по делам молодежи по профилактике безнадзорности, беспризорности, наркомании, по организации борьбы с преступностью, терроризмом и экстремизмом, по идеологическому воспитанию молодежи». Каждому участнику семинара-совещания вручается методический материал, схемы, таблицы, в том числе памятка руководителя по организации безопасности образовательного процесса.

В образовательных учреждениях проводится информационно-просветительская работа, направленная на идеологическое воспитание учащихся и родителей, профилактику преступлений, создание атмосферы всеобщего осуждения и нетерпимости к идеологии терроризма и экстремизма. Каждый год проходят серии открытых уроков-лекций и классных часов «Когда мы едины — мы непобедимы», «Патриотизм и мужество народов Дагестана в борьбе с терроризмом», «Нет плохих народов, есть плохие люди», «Терроризм — угроза обществу», «Преступление — что это?», «Мы против терроризма», «Расстрелянное детство», «Трагедия в Нальчике» и др.

В целях предупреждения безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, выявление причин и условий, способствующих противоправному поведению подростков, на заседаниях оперативного штаба, совещаниях при первом заместителе министра обсуждаются отчеты всех руководителей райгорУО о работе по вовлечению в учебный процесс детей, не посещающих по различным причинам школу. По результатам этих совещаний обновляется банк данных на подростков с девиантным поведением, семей «группы риска», обобщается материал по республике.

В многонациональной, многоконфессиональной республике важнейшей целью воспитания является формирование у граждан патриотизма, дружбы народов, толерантности, определенная государственной проблемой «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2007-2010 годы». Наиболее важными це-

лями данной программы являются: воспитание российского патриотизма, в котором общероссийское чувство гражданина сочетается с его любовью к родной республике, области, краю; формирование общечеловеческих ценностей; воспитание чувств миролюбия и толерантности, дружеских отношений и уважения к представителям других народов и конфессий; формирование непримиримого отношения ко всем формам проявления национализма, шовинизма, расизма.

В этих целях во всех школах города Махачкалы Министерством образования, науки и молодежной политики РД, совместно с Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ) запущен проект по обучению учащихся толерантности. Уроки толерантности проводятся также в отдельных школах других городов и районов республики. В дальнейшем уроки толерантности предполагается ввести по всему Дагестану.

Сложившаяся в республике система патриотического воспитания охватывает учащихся всех 1664 общеобразовательных учреждений, в ней задействованы 248 учреждений дополнительного образования детей.

Министерством образования, науки и молодежной политики РД придается первостепенное значение воспитанию гражданственности и патриотизма в процессе обучения.

В школах Дагестана традиционно проходят уроки мужества, торжественные мероприятия у обелисков славы, встречи с ветеранами войны и воинами Российской армии, военно-спортивные игры и соревнования по военно-техническим видам спорта. С каждым годом все больший интерес вызывают зональные и республиканская военно-спортивные игры «Зарница», «Орленок», «Победа».

Многие школы имеют крепкие связи с пограничниками, военными, моряками из воинских подразделений, дислоцированных на территории республики. В последние годы многие новые школы, улицы городов и районов республики названы в честь героев, погибших во время Великой Отечественной

войны, афганских событий и событий августа-сентября 1999 года на территории Дагестана.

Наряду с названными традиционными формами работы в республике накоплен и свой, уникальный опыт военно-патриотического воспитания школьников. В Дагестане более 30 лет действует единственный в России телевизионный отряд краеведов-следопытов (ТОКС). В ТОКСе более 60 отрядов-поисковиков, представляющих различные города и районы республики. За время деятельности ими собран бесценный материал о более чем 15 тысячах дагестанцах — участниках Великой Отечественной войны. На мемориальные доски и обелиски занесено более 200 новых имен, собраны сведения о 300 воинах, считавшихся погибшими. Ими создан при Республиканском центре детско-юношеского туризма и краеведения специальный музей ТОКСа, который является и своеобразным методическим центром по организации мероприятий патриотического воспитания. Ежегодно ТОКСовские отряды накануне Дня Победы подводят итоги работы за год. Этот общереспубликанский слет в полном объеме транслируется по республиканскому телевидению.

Исходя из специфики Республики Дагестан организация сети непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий может быть выглядеть следующим образом.

16. Примерная структура сетевой системы непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служащих различных конфессий (на примере Республики Дагестан)

В рамках непрерывного образования в области организации антитеррористической деятельности работников образовательной сферы, муниципаль-

ных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий создаются три этапа (звена) профессионального становления специалиста в области антитеррора, которые функционируют в органическом единстве, образуя следующую систему:

I этап — профессиональное образование — училища, колледжи, институты, университеты, академии.

II этап — послевузовское образование — аспирантура, докторантура, ИПК, ФПК, курсовая сеть.

На I этапе на основе существующих педагогических училищ, колледжей в гг. Дербент, Хасавюрт и Буйнакск, Дагестанского государственного университета (ДГУ), Дагестанского государственного педагогического университета (ДГПУ) и Дагестанского государственного политехнического университета (ДГТУ) в г. Махачкала будут подготовлены кадры — специалисты по антитеррористической деятельности из работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий. На этом этапе проходят подготовку примерно 1000 чел (350 муниципальных служащих, 350 работников образовательной сферы и 300 преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий)

На II этапе на базе аспирантуры, докторантуры, ИПК, ФПК, курсовой сети ДГУ, ДГПУ, ДГТУ и Дагестанского Института повышения квалификации педагогических кадров (ДИПКПК) будет организовано послевузовское образование для специалистов по антитеррористической деятельности из работников образовательной сферы, муниципальных служащих, преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий. На II этапе проходят подготовку примерно 500 чел (150 муниципальных служащих, 150 работников образовательной сферы и 200 преподавателей религиозных учебных заведений и служителей различных конфессий).

БИБЛИОГРАФИЯ

Документы и нормативные материалы

1. Конституция Российской Федерации. 1993.
2. Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Сборник документов. М., 2001.
3. Документы истории Великой французской революции. Т. 2. / Отв. ред. А.В. Адо. М., 1990.
4. Закон РФ «О безопасности» от 5.03.1992 г. № 2446-1 (с изм. и доп., внесенными Законом РФ от 25.12.92 № 4235-1.
5. Закон РФ «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 года № 130-ФЗ.
6. Закон РФ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.
7. Закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.
8. Закон РФ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии террористической деятельности» № 112-ФЗ.
9. Закон РФ «О внесении изменений в статьи 1 и 15 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 14 июля 2006 г.
10. Закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ.
11. Закон РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ.
12. Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом: Сборник документов

- и материалов. М., Издательство Государственной Думы, 2003.
13. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 17 дек. 1997 г. (в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г.) // Российская газета 2000. 18 января.
 14. Концепция социального государства Российской Федерации. АТиСО. М., 2004.
 15. Медведев Д.А. Вступительное слово на совещании по проблемам противодействия коррупции. Москва, Кремль. 19 мая 2008 // Официальный сайт Президента РФ // http://www.kremlin.ru/appears/2008/05/19/1331_type63374type63378type82634_200940.shtml.
 16. Национальный план противодействия коррупции // Официальный сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204857.shtml>.
 17. Положение о координационном совете по реализации федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)»: приказ № 3400 МО РФ от 18.10.2001 г. // Бюл. Мин-ва образования РФ. 2002. № 1.
 18. Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года». 8 февраля 2008 года // Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>.
 19. Резолюция по СМИ и терроризму (Resolution on Media and Terrorism), принятая на конференции ЮНЕСКО «Терроризм и СМИ» проводившейся в Маниле 3 мая 2002 г.
 20. Указ Президента РФ «О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской Федерации». от 2 марта 1992 года. № 210.
 21. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе(2001-2005 годы)». Утв. постановлением Правительства РФ от 25.08.2001, № 629 // Об-

разование в документах. 2001. № 30 (окт.).

Справочная литература

1. Барсенков А.С. и др. Политическая Россия сегодня. Справочник. М., 1993.
2. Биологический энциклопедический словарь. М., 1995.
3. Большая Советская Энциклопедия.
4. Большой энциклопедический словарь. М.-СПб., 1997.
5. Географический справочник: новые цифры, факты, названия. М., 1992.
6. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
7. Латино-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий. М., 2000.
8. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2002.
9. Новый философский словарь. Минск. 1998.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.
11. Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. М., Академический проект, 2002.
12. Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993.
13. Политология: словарь справочник / М.А. Василик, М.С. Вершинин и др. М., 2001.
14. Популярная экономическая энциклопедия / Гл. ред. А.Д. Некипелов. М., 2001.
15. Религии и религиозные организации в Дагестане: Справочник / Составитель К.М. Ханбабаев. Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001.
16. Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., Академический Проект, 2006.
17. Религиозный экстремизм и фундаментализм: справочное издание. М., 2008.
18. Российский энциклопедический словарь. М., 2001.
19. Современные США. Энциклопедический справочник. М., 1988.

20. Страны и регионы мира: экономико-политический справочник. М., 2006.
21. Философский энциклопедический словарь. М., 1989.

Монографии и учебные пособия на русском языке.

1. Абдуллахи Ахмед ан-Наим. На пути к исламской реформации. М., 1999.
2. Агафонов Ю.А., Визнер С.В., Самыгин С.И., Шило С.И., Щербакова Л.И. Основы политологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
3. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978.
4. Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Щукин Б.П. Психогении в экстремальных условиях. М., 1991.
5. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство // Русский народ и государство. М., 1998.
6. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2000.
7. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., Наука, 2007.
8. Алимь и ученые против ваххабизма. Махачкала: ГУП «Даг. кн. изд-во», 2001.
9. Американские просветители: Избранные произведения. М., 1969.
10. Андреева Г.М. Социальная психология. 5-е изд. М., Аспект Пресс, 2002.
11. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М., Аспект Пресс, 2001.
12. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., Щит-М, 1998.
13. Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы,

- решения. М., 2004.
14. Анурин В.Ф. Динамическая социология. М., 2003.
 15. Арестов В.Н. Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления. Харьков. 1987.
 16. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения. В 4-х т. Т. 4. М., 1983.
 17. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М., 1983.
 18. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
 19. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
 20. Арухов З.С. Ваххабизм и духовенство в политической структуре саудовского общества. Проблемы взаимоотношений власти и оппозиции. Махачкала: Новый день, 2002.
 21. Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Очерки теории и практики. Махачкала, 1999.
 22. Аслаханов А.А. Особенности российской коррупции. М., 1998.
 23. Бабич И.Л., Ярлыкапов А.А. Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003.
 24. Бабкин С.Э. Религиозный экстремизм в Алжире (1992-2000 гг.). М., Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока, 2001.
 25. Бажан Т.А., Старков О.В. Религиоведение для юристов. СПб., Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007.
 26. Баранов В.М. Теневое право. Н. Новгород, 2002.
 27. Барис В.В. Геополитические контуры России. М., 2002.
 28. Барис В.В. Политология. Актуальные Теоретико-прикладные проблемы. М., 2000.
 29. Бачевский В.И., Бачевский В.В. Терроризм — проблема безопасности человечества. Н. Новгород, 2006.
 30. Баширов Л.А. Ислам и этнополитические процессы в современной России. М., РАГС, 2000.

31. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.
32. Бергер И. Крушение поколения: Воспоминания / пер. с англ. Я. Бергер. Edizioni Aurora. Firenze, 1973.
33. Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003.
34. Березин И.С. Краткая история экономического развития. М., 1998.
35. Бобков А.Н., Пронский Л.М. История западной идеологии. М., 2004.
36. Богданов И.Я., Калинин А.П. Коррупция в России: Социально-экономические и правовые аспекты. М., 2001.
37. Богущ Г.И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. МГУ. (На правах рукописи). М., 2004.
38. Боровиков Е.В. Исламский экстремизм в России: Оценка специфики распространения экстремистских форм ислама в некоторых мусульманских регионах России. М., ЦПИ, 2004.
39. Бродель Ф. Структуры повседневности. М., Прогресс, 1986.
40. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
41. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
42. Брусницын Ю.А., Вакула И.М., Мидова В.Н., Москаленко С.Г., Новиков Д.В. Политический терроризм и религиозный экстремизм в современной России. Северный Кавказ. Учебное пособие в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2002.
43. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. Идеология, этика, психология (вторая половина XIX-начало XX вв.). М., 2000.
44. Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М., Институт правовых и сравнительных исследований, 2005.

45. Буртный К.П. Современный политический терроризм. М., 2003.
46. Вагабов М.В., Исмаилов А.Ш., Ханбабаев К.М., Вагабов Н.М. Религиоведение. Учебник для студентов вузов. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007.
47. Вагабов Н.М. Ислам и глобализация. Махачкала: Полиграф-сервис, 2005.
48. Ванцев В.А. Коррупционная преступность. М., 2002.
49. Василенко В.И. Терроризм как социально-политический феномен. М. 2002.
50. Васильев А.А. История Византийской империи: Время до Крестовых походов (до 1081 г.). СПб., 1998.
51. Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудитов в Аравии (1744/45-1818). М., Наука, 1967.
52. Васильев Л.С. История Востока: В 2-х т. М., 1994.
53. Васильев Л.С. История религий Востока: учеб. пособие для вузов. М., 2000.
54. Василюк Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
55. Вассоевич А.Л. Духовный мир народов классического Востока: (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). СПб., 1998.
56. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М., 1990.
57. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940.
58. Витюк В.В., Эфилов С.А. Левый терроризм на Западе: История и современность. М., 1987.
59. Вишняков Я.Д., Бондаренко Г.А., Васин С.Г., Грацианский Е.В. Основы противодействия терроризму: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / под ред. Я.Д. Вишнякова. М., Изд. центр «Академия», 2006.
60. Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика: (учеб.-метод. пособие). М., Изд-во РАГС, 2003.

61. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М., 2000.
62. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., Международные отношения, 2001.
63. Гаджиев Р.Г. Ваххабитский фактор в кавказской геополитике. Грозный: ГУ «Книжное издательство», 2004.
64. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006.
65. Гегель Г.В.Ф. Философия истории // Сочинения. т. VIII. М.-Л., 1935.
66. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
67. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х т. М., 1977.
68. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. В 4-х т. М., 1968.
69. Геллерт Г. Мафия. М., 1983.
70. Гельвеций К.А. Об уме. Сочинения в 2-х т. М., 1973. Т. 1.
71. Герасимов В. Терроризм: религиозно-политический аспект. СПб., 2002.
72. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
73. Гладковская Е.С. Журналистский дискурс терроризма (сравнительный анализ публикаций в качественной прессе России и США). Дисс. на соискание уч. ст. канд. филологич. наук. Екатеринбург, УГУ, 2006.
74. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года. Екатеринбург, 2002.
75. Гоббс Т. Левиафан ... // Сочинения. В 2-х тт. М., 1991. Т. 2.
76. Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
77. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002.
78. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии: Учеб. пособие для вузов. 5-е изд., испр. М., Университет, 2001.
79. Грачев А.С. Политический терроризм: Корни проблемы. М., 1982.

80. Григулевич И.Р. История инквизиции (XIII-XX вв.). М., 1970.
81. Гринин Л.Е. Философия, социология и теория истории. Волгоград, 2000.
82. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.
83. Гурба В.Н. Терроризм в контексте социальных процессов современности. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. соц. н. Новочеркасск, 2002.
84. Гуров А.И. Красная мафия М., 1995.
85. Гуров А.И. Организованная преступность в России. М., 2002.
86. Гусейнов А.Г. Социальные конфликты Северного Кавказа: состояние и пути урегулирования. М., Наука, 2007.
87. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1989.
88. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
89. Данилов С.Ю. Правовые демократические государства: очерки истории. М., 1999.
90. Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.
91. Дершовиц А. Почему терроризм действует: осознать угрозу и ответить на вызов. М., РОССПЭН, 2005.
92. Дибиров А.-Н. З. Теория политической легитимности: Курс лекций для вузов. М., 2007.
93. Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» // Дидро Д. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1991.
94. Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. СПб., 2006.
95. Дикарев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). СПб., Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
96. Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М., ЦКИ РАН, 1993.

97. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М., РОССПЭН, 2000.
98. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов-на-Дону, изд-во СКНЦ ВШ, 2003.
99. Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России: сущность, эволюция, опыт противодействия. Ростов-на-Дону: Росиздат, 2005.
100. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология. В 3-х тт. М., 2000.
101. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003.
102. Древние цивилизации / Под ред. В.П. Будановой. М., 2005.
103. Дюрانت В. Цезарь и Христос. М., 1995.
104. Дюркгейм Э. Общественное разделение труда. Метод социологии. М., 1991.
105. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
106. Емельянов В. П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. СПб., Юридический центр Пресс, 2002.
107. Емельянова Н.М. Мусульмане Кабарды. М., «Граница», 1999.
108. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. Монография. М., ИВРАН-РИК, 2003.
109. Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990.
110. Еремян В.В. Муниципальная история России (от Киевской Руси до начала XX века). М., 2003.
111. Ермаков И., Микульский Д. Ислам в России и Средней Азии. М., 1993.
112. Жаккар Р. Именем Усамы бен Ладена. Секретное досье на террориста, которого разыскивает весь мир. М., ОЛМА ПРЕСС, 2002.
113. Жаринов К.В. Терроризм и террористы. Исторический справочник. Минск, 1999.

114. Залимханов З.М., Ханбабаев К.М. Политизация ислама на Северном Кавказе (на примере Дагестана и Чечни). Махачкала. 2000.
115. Замалеев А.Ф. Учебник русской политологии. СПб. 2002.
116. Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом. М., 2002.
117. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997.
118. Зотова З.М. Власть и общество: проблемы взаимодействия. М., 2001.
119. Иванников И.Л. Проблемы государства и права России начала XXI века. Ростов н/Д, 2003.
120. Игнатенко А.А. InterТеррор в России. Улики. М., Издательство «Европа»; Институт религии и политики, 2005.
121. Игнатенко А.А. Ислам и политика. Сборник статей. М., Институт религии и политики, 2004.
122. Иловайский Д.И. История России. Становление Руси. (Периоды Киевский и Владимирский). М., 1996.
123. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2008.
124. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг. В 2-х т. М., 1992.
125. Ислам и исламский терроризм. М., Центр стратегической безопасности. 2003.
126. Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М., Институт востоковедения РАН. «Крафт+», 2001.
127. Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке. М., 2001.
128. Исламоведение: Пособие для преподавателя. М., Изд-во Моск. исламского ун-та, 2008.
129. Исмаилов А.Ш., Ханбабаев К.М., Рагимов А.А. Религии в Дагестане: история и современное состояние. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2007.

130. История политических и правовых учений. Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М., 2000.
131. История России от древнейших времен до начала XX в. / Под ред. И.Я. Фроянова. Пособие для абитуриентов. СПб., 1992.
132. История средневековой философии. Хрестоматия. В 2-х ч. Ч. 1. Патристика. Мн. 2002.
133. Итс Р.Ф. Введение в этнографию: Учебное пособие. Л., 1991.
134. Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии. М., 1994.
135. Как не стать жертвой террора. Ростов-на-Дону: Изд-во «Папирус», 2004.
136. Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. М., 2001.
137. Кант И. Логика. Пособие к лекциям 1800 // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
138. Карбонье Ж. Юридическая социология: Пер. с франц. / Пер. и вступ. ст. В.А. Туманова. М. 1986.
139. Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992.
140. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. В 2-х т. Т. 2. М., 1993.
141. Келли Д. Теория личности. Психология личных конструктов. СПб., Речь, 2000.
142. Кепель Жиль. Джихад: Экспансия и закат исламизма. М., Ладомир, 2004.
143. Классический французский либерализм. М., 2000.
144. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993.
145. Ключников Б.Ф. Исламизм, США и Европа. Война объявлена! М., Эксмо: Алгоритм, 2003.
146. Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М., 2000.

147. Кожушко Е. Современный терроризм (Анализ основных направлений). Минск, 2000.
148. Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936.
149. Констан Б. Принципы политики // Классический французский либерализм. М., 2000.
150. Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М., 1990.
151. Коргунюк Ю.Г., Заславский С.Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., 1996.
152. Коровиков А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М., Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
153. Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействий. СПб., Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
154. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3-х кн. М., 2005.
155. Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России. М., 1992.
156. Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2004.
157. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2008.
158. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Социальная психология малой группы. 2-е изд. М., Аспект Пресс, 2001.
159. Кропоткин П.А. Анархия. М., 2002.
160. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.-Л., 1933.
161. Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Наумов А.В. Организованная преступность и коррупция в России (1997-1999) М., 2000.
162. Кураев А.В. Основы православной культуры как лекарство от экстремизма: Очень личное размышления. М., Рус. правосл. церковь, 2003.
163. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-

- Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). Ростов н/Дону, 2006.
164. Ламбет Э. Приверженность журналистскому долгу. Об этическом подходе в журналистской профессии. М., 1998.
 165. Ландабасо А.И., Коновалов А.М. Терроризм и этнополитические конфликты. В 2-х кн. М., Огни, 2004.
 166. Латышева М. Женщины-террористки. М., Эксмо, 2003.
 167. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
 168. Лебедев В. И. Экстремальная психология. Психическая деятельность в технически и экологически замкнутых системах. М., 2001.
 169. Лебедев С.Я. Традиции, обычаи и преступность: опыт криминологического анализа. М., 1995.
 170. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001.
 171. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 22.
 172. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 11.
 173. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 39.
 174. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 9.
 175. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 9.
 176. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 38.
 177. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 12.
 178. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 16.
 179. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 36.
 180. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 34.
 181. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. М., 1979. Т. 10.
 182. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997.
 183. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., Политиздат, 1975.
 184. Леонтьев К.Н. Избранное. М., 1993.

185. Литвинов Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность (политико-правовой анализ). М., 1999.
186. Лихачев В. Нацизм в России. М., Панорама, 2002.
187. Личко А. Типы акцентуаций характера и психопатий у подростков. М., ЭКСМО, 1999.
188. Локк Дж. Два трактата о правлении ... // Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. Т. 3. М., 1988.
189. Лотман М.Ю. Проблема византийского влияния на русскую культуру // Избр. статьи: В 3-х т. Таллинн, 1992.
190. Лунеев В.В. Криминальная мотивация. М., 1986.
191. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировой криминологический анализ. М., 1997.
192. Маевская Л.В. Осторожно: экстремизм. Киев, 2002.
193. Макаров Д. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., Центр стратегических и политических исследований. М., 2000.
194. Макиавелли Н. Государь. М., 1998.
195. Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб. 2007.
196. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М., 2000.
197. Максуд Р. Ислам. М., ФАИР-ПРЕСС, 2003.
198. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. Моск. Центр Карнеги, Гендальф, 2001.
199. Малашенко А.В. Мусульмане в начале века: надежды и угрозы. Издание Московского фонда Карнеги. М., 2002.
200. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., Юрист, 1994.
201. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М., 1969.
202. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 3.
203. Маркс К. Фридрих Э. Манифест Коммунистической партии // Соч. 2 изд.

Т. 4.

204. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1948.
205. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. М., 1986.
206. Марсден П. Талибан. Война и религия в Афганистане. М., 2002.
207. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2006.
208. Масионис Дж. Социология. СПб. 2004.
209. Мельников В.М., Ямпольский Л.Г. Введение в экспериментальную психологию личности. М., Просвещение, 1985.
210. Меркушин В.В. Борьба с транснациональной организованной преступностью. Минск, 2003.
211. Мизес Л. Запланированный хаос // Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. М., 1993.
212. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., РОСПЭН, 1998.
213. Михайловский К.М. Сочинения. М., 1906. Т. 4.
214. Моисеев С.В. Философия права. Новосибирск, 2003.
215. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.
216. Мухаметшин Р.М. Ислам в Татарстане. М., Логос, 2007.
217. Мухаммад Хасан. Источник террора: идеология ваххабизма-салафизма / Пер. с англ. М.В. Роговой. М., 2005.
218. Мухин А.А. Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений. М., 2003.
219. Назаретян А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. СПб., 2003.
220. Назаркин М.В. Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма. М., 1998.
221. Некрестьянов И.С. Тематико-ориентированные методы информационного поиска. Диссертация. СПбУ СПб, 2000.

222. Никитин А.Н. Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России. М., 1994.
223. Нилов А. Цеховики. Рождение теневой экономики. СПб. 2006.
224. Нозиков В.Н., Печерская Е.А., Печерский А.В., Грузин Д.П. Антитеррористическая безопасность: учебное пособие / под ред. А.Я. Гришина. Пенза, 2006.
225. Общая психология / Петровский А.В., Брушлинский А.В. и др. М., 1986.
226. Овчинникова Г.В. Терроризм. СПб. Юридический институт Генеральной прокуратуры, 1998.
227. Овчинский В.С. Стратегия борьбы с мафией. М., 2000.
228. Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. М., 2001.
229. Одесский М.П. Поэтика террора и новая административная ментальность: очерки истории формирования: пособ. по спецкурсу. М., РГГУ, 1997.
230. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М., 2003.
231. Палама Г. Триады в защиту священо-безмолвствующих // История средневековой философии. Хрестоматия. В 2-х ч. Ч. 1. Патристика. Мн. 2002.
232. Панова В.Ф., Вахтин Ю.Б. Жизнь Мухаммеда. М., Политиздат. 1991.
233. Паренти М. Демократия для немногих / Пер. с англ., М., 1990.
234. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 2001.
235. Петрищев В.Е. Заметки о терроризме. М., 2001.
236. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология. М., 1998.
237. Петрухинцев Н.Н. XX лекций по истории мировой культуры. М., 2001.
238. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907.

239. Пиджаков А.Ю. Борьба с политическим терроризмом и экстремизмом: международные и национально-правовые проблемы. СПб., Нестор, 2003.
240. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. М., 1992.
241. Пластун В.Н. Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002.
242. Плутарх. О судьбе и доблести Александра // Плутарх. Сочинения. М., 1983.
243. Повесть временных лет // Древнерусская литература. М., 1997.
244. Политическая психология / Под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. М., Академический проект, 2001.
245. Политический и религиозный экстремизм. М., 2005.
246. Политология в вопросах и ответах / Под ред. Ю.Г. Волкова. М., 2001.
247. Политология. Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А.С. Тургаев, А.Е. Хренов. СПб. 2006.
248. Поляков К.И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М., 2001.
249. Празаускас А.. Этнос и политика. М., 2000.
250. Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М., 2002.
251. Противодействие терроризму: Учебно-методическое пособие. Ижевск, Изд-во «Удмуртия», 2004.
252. Психология террористов и серийных убийц: Хрестоматия. Минск, 2004.
253. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М., 2000.
254. Пуховский Н.Н. Психотравматические последствия чрезвычайных ситуаций. М., Академический проект, 2000.
255. Рассел Б. История западной философии. В 2-х тт. М., 1993. Т. 2.
256. Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991.
257. Религиоведение. Учебное пособие. 4-е издание, испр. и доп. / Научный

- редактор А.В. Солдатов. СПб. 2003.
258. Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века. М. 2000.
259. Россия у критической черты: возрождение или катастрофа. М., 1997.
260. Ротарь И. Ислам и война. М., АИРО-XX, 1999.
261. Ротарь И. Под зеленым знаменем ислама. Исламские радикалы в России и СНГ. М., 2001.
262. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М., 2003.
263. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты М., 1998.
264. Рябченко Е.В. Религиозный экстремизм и особенности противодействия ему на Северном Кавказе: Учебно-методическое пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2007.
265. Сайгитов У.Т., Исмаилов А.Г., Демиров К.К., Курбанмагомедов А.А. Религиозный экстремизм и террористическая деятельность в Дагестане: проблемы противодействия. Махачкала. 2004.
266. Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1990.
267. Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Выпуск 2. История первобытного общества. Учебное пособие / МФТИ. М., 1998.
268. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003.
269. Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту / Состав., пер., вступ. ст. М.Б. Певзнера. СПб., 2003.
270. Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет. М., Ин-т востоковедения; Крафт+, 2004.
271. Силантьев Р. Новейшая история исламского сообщества России / ИИПК «Ихтиос». М., 2005.
272. Синелина Ю.Ю. Секуляризация в социальной истории России. М., 2004.

273. Смирнов И.Ю. А чем Россия не Нигерия? М., 2006.
274. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., Смысл, 1998.
275. Соловьев А.И. Политология. Политическая теория и политические технологии. М., 2000.
276. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2003.
277. Спиридонова В.И. Бюрократия и реформа (анализ концепции М. Крозье). М., 1997.
278. Сталин И.В. XIV съезд ВКП(б). Сочинения. М., 1953. Т. 7.
279. Сталин И.В. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Сочинения. М., 1953. Т. 13.
280. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. Сочинения. М., 1953. Т. 2.
281. Сталин И.В. Необходимое замечание (О Рафаиле). Сочинения. М., 1953. Т. 5.
282. Сталин И.В. О задачах хозяйственников (Речь на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности. 4 февраля 1931 г.). Сочинения. М., 1953. Т. 13.
283. Сталин И.В. Об итогах XIII съезда РКП(б). Сочинения. М., 1953. Т. 6.
284. Сталин И.В. Об оппозиционном блоке в ВКП(б). Сочинения. М., 1953. Т. 8.
285. Сталин И.В. Октябрьский переворот. Сочинения. М., 1953. Т. 4.
286. Сталин И.В. Ответ товарищам свердловцам. Сочинения. М., 1953. Т. 12.
287. Старков О.В., Башкатов Л.Д. Криминология: религиозная преступность. СПб., 2004.
288. Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. Т. 3. М.-Л., 1927.
289. Талейран. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Ре-

- ставрация. М., 1959.
290. Терроризм: История и современность / Б.И. Кофман и др. Казань, 2002.
291. Тертуллиан. Апология. М., 2004.
292. Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция: Очерки теории М., 2000.
293. Типитака // Антология мировой философии: В 4 т. М., 1969. Т. 1, ч. 1.
294. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998.
295. Тихонравов Ю.В. Судебное религиоведение. М., ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез»», 1998.
296. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М, 2001.
297. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
298. Тишков В.А. Политическая антропология. М.-Омск. 2001.
299. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003 .
300. Тодуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. М., Ин-Октаво, 2006.
301. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991.
302. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986.
303. Томалинцев В.Н. Введение в социальную экстремологию: учеб. пособие. СПб., Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.
304. Требин М.П. Терроризм в XXI в. Минск, 2004.
305. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. М., 1996.
306. Тузов В.А. Семантический анализ текстов на русском языке. Вестник СПбГУ, 1998. № 1 (45-50).
307. Туроу Л.К. Будущее капитализма. Новосибирск, 1999.
308. Уледов А.К. Духовная жизнь общества М., Мысль, 1980.
309. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002.

310. Федоров Ю.Е. Миротворческие операции в СНГ: международно-правовые, политические, организационные аспекты. М., 1998.
311. Ферри Э. Уголовная социология. М., 1908.
312. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989.
313. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2007.
314. Фукидид. История. М., 1999.
315. Хазанов А.М. Терроризм — угроза человечеству в XXI в. М., 2003.
316. Ханбабаев К.М. Религиозный фактор в процессах миротворчества и народной дипломатии на Северном Кавказе. Махачкала: «Деловой мир». 2003.
317. Ханбабаев К.М., Якубов М.Г. Религиозно-политический экстремизм в мире, России: сущность и опыт противодействия. Махачкала, 2008.
318. Хоффман Б. Терроризм — взгляд изнутри. М., 2003.
319. Хрестоматия по Всеобщей истории государства и права. Учебное пособие / под ред. З.М. Черниловского, сост. В.Н. Садиков. М., 1994.
320. Хрестоматия по Истории государства и права зарубежных стран / Сост. В.Н. Садиков. М., 2006.
321. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1966.
322. Цыганов В.В. Медиа-терроризм: Терроризм и средства массовой информации, 2004.
323. Чанышев А.А. История политических учений. М., 2007.
324. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991.
325. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М., 1981.
326. Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. М., 2001.
327. Чиркин В.Е. Государственное управление. Элементарный курс. М., 2002.
328. Шейх Юсуф Кардави. Дозволенное и запретное в исламе. М., 2004.
329. Шереги Ф.Э. Социология права: прикладные исследования. СПб., 2002.

330. Широкогоров С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток, 1922 .
331. Шишкина М.А. Паблик рилейшнз в системе социального управления. СПб., 1999.
332. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992.
333. Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М., Academia, 2007.
334. Шопенгауэр А. О четвероюм корне ... Мир как воля и представление. В 2-х тт. М., 1993.
335. Шулевский Н. Б. Метафизика России и терроризм, 2004.
336. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.
337. Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991.
338. Эфиоров С.А. Политический радикализм: возможность реставрации и его предотвращения. М., 1998.
339. Юзик Ю. Невесты Аллаха. М, 2003.
340. Якубов О. По следам Бен Ладена. Террорист № 1: известный и неизвестный. М, 2001.

Сборники статей и периодические издания на русском языке

1. Авдеев Ю.И. О некоторых современных тенденциях этнонационального экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
2. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление // Совре-

- менный терроризм: состояние и перспективы / Под. ред. Е.И. Степанова. М., 2000.
3. Авшалумова Л.Х. Национальный экстремизм и его проявления // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
 4. Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. Махачкала: Издательство «Лотос», 2008.
 5. Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: Изд-во «Лотос», 2007.
 6. Алиев Х. Борьба с преступлениями террористической направленности // Законность, 2002. № 4.
 7. Анисимов В.М. Социальное государство в России — выбор времени. Основные проблемы социального развития России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2004. № 15 (235).
 8. Антикоррупционная политика (Anti-corruption policy): Материалы для парламентских слушаний в Гос. Думе Федер. Собр. РФ (21 дек. 2001 г.) / Науч. ред. Максимов С.В. М., 2001.
 9. Антитеррор. Практикум для горожанина / сост., Редакция сайта «Анти-террор.Ру». М., Издательство «Европа», 2005.
 10. Антонов В.Н. Современный терроризм: теория и реальность // Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право, 2002. № 2.
 11. Арухов З.С. Характер и формы внешнего влияния на исламский радикализм в Дагестане // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и

- пути их преодоления. Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 6. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.
12. Арухов З.С., Ханбабаев К.М., Амирбеков А.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе // Взаимодействие государства и религиозных объединений состояние и перспективы. Материалы Северокавказской научно-практической конференции (15 октября 2003 г.). Составитель К.М. Ханбабаев. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2004.
 13. Аршба О.И. Современный правый экстремизм в Европе // Вест. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2002. № 4.
 14. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / Под ред. академика Г.Г. Матишова. Ростов-на-Дону, 2006.
 15. Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма // Соц.-гум. знания. 2002. № 1.
 16. Ашавский Б. Организация Объединенных Наций против коррупции // Чистые руки. 1999. № 1.
 17. Баглиев М. Уроки борьбы с экстремистским исламизмом // Азия и Африка сегодня. 2002. № 12.
 18. Баглиев М.А. Египет. Глубокие корни исламского экстремизма // Азия и Африка сегодня. 2002. № 10.
 19. Баратова К.М. Социально-экономические проблемы молодежи как фактор роста экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
 20. Батиев Л.В. Системный анализ предпосылок экстремизма На Северном Кавказе // Актуальные проблемы противодействия национальному и по-

- литическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
21. Батушенко А. Годовой баланс мировой коррупции // Эксперт. 1997. № 48.
 22. Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Бедность в современной России: масштабы и территориальная дифференциация // ЭКО. 2004. № 11.
 23. Борьба с терроризмом / Науч. ред. В.Н. Кудрявцев; Сост. Л.В. Брятова. М., 2004.
 24. Борьба с терроризмом / Науч. ред. Н.В. Кудрявцев; сост. Р.Б. Рыбаков. М., 2003.
 25. Борьба с терроризмом: актуальные проблемы законодательного обеспечения. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, РЮИ МВД России, 2003.
 26. Будницкий О.В. (автор-составитель) История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996.
 27. Ванцев В.А. Проблема легального определения понятия коррупции // Коррупция в России. Информационные и аналитические материалы. Вып. 3. М., 2001.
 28. Вебер М. Основные понятия стратификации // Кравченко А.И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М., 1997.
 29. Вебер М. Политические работы (1895-1919). М., 2003.
 30. Взаимодействие государства и религиозных объединений: современное состояние и перспективы. Материалы Северокавказской научно-практической конференции (15 октября 2003 г.). Составитель К.М. Ханбабаев. Махачкала: Изд-во «Юпитер», 2004.
 31. Взаимодействие органов внутренних дел, образовательных учреждений и общественных организаций в деле формирования установок толерантно-

- сти и борьбы с экстремизмом в российском обществе: Материалы науч.-практ. конф. 21 мая 2002 г. / Предисл. и науч. ред. С. Боронбекова. Рязань, 2002.
32. Война на поражение: каких монстров породил терроризм после 11 сентября // Новое время. 2006. № 36.
 33. Войнов В.В. Борьба с организованной преступностью: реальны ли показатели? // Проблемы борьбы с транснациональной организованной преступностью. Сборник научных трудов / под редакцией Т.С. Волчецкой. Калининград. Изд-во КГУ. 2002.
 34. Волженкин Б.В. Коррупция как социальное явление // Чистые руки. 1999. № 1.
 35. Географическое открытие сельской России продолжается (Татьяна Нефедова, Джудит Пэллот: неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова?) // Отечественные записки. 2007. № 3.
 36. Гончаров С. Актуальные проблемы борьбы с терроризмом // Мировое общество против глобализации преступности и терроризма. М., 2002.
 37. Горовая С.В. Роль массовой культуры в преодолении экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
 38. Григорьева И. Модели социальной политики в современном обществе: одна, две или больше? // Управленческое консультирование. 1998. № 1.
 39. Гриценко Н.Н. Социальное государство. Концепция // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. Академия труда и социальных отношений. М., 2002.
 40. Дегтярь В.С. Российская пенсионная реформа в контексте мирового опы-

- та // Проблемы прогнозирования. 2002. № 6.
41. Добренков В.И. Российское общество: современная ситуация и перспективы // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». В 3-х т. М., 2003. Т. 1.
 42. Доклад Генерального директора Международного бюро труда Х. Сомавиа «Труд как средство борьбы с нищетой» на Международной конференции труда, 91 сессия, 2003 год. Бюро Международной организации труда в Москве // Человек и труд. № 3. 2003.
 43. Долгова А.И. Организованная преступность // Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2008.
 44. Должность — министр, оперативная категория — авторитет // Совершенно секретно. 1999. № 4.
 45. Дубовцев В.А., Розов Н.С. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции // Полис. 2001. № 4.
 46. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М., 1966.
 47. Евразийский проект: кавказский вектор / Под редакцией И.П. Добаева, А.Г. Дугина / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 30. Ростов-на-Дону, 2005.
 48. Журавлев В. История жизни бомжа // Судьбы людей: Россия XX век (биографии семей как объект социологического исследования). М., 1996.
 49. Журавлев М.П., Журавлева Е.М. О принципах государственной политики борьбы с преступностью // Журнал российского права. 2003. № 4 (76).
 50. Законодательное регулирование противодействия религиозному экстремизму: российский и зарубежный опыт. Аналитический вестник аппарата Государственной Думы. Выпуск 15. М., 2004.
 51. Ильин Е.П. Предисловие научного редактора к книге Д. Макклелланда //

- Макклелланд Д. Мотивация человека. СПб., 2007.
52. Ильин И.А. Когда Россия была республикой? // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг. В 2-х т. Т. 1. М., 1992.
 53. Ильин И.А. Собр. соч., В 2-х т. М., 1993.
 54. Информационная и психологическая безопасность в СМИ: в 2-х т. / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, Л. В. Матвеевой, А. И. Подольского. М., Аспект Пресс, 2002.
 55. Искандарян А. Экстремисты // Родина. 2000. № 1/2.
 56. Ислам и политика на Северном Кавказе: история и современность / Материалы всероссийской научной конференции. Карачаевск: КЧГУ, 2007.
 57. Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри / Под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. М., Арт-Бизнес-Центр, 2001.
 58. Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Науч. ред. А.К.Алиев. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006.
 59. Ислам против терроризма. Сборник статей М., 2003.
 60. Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке: (Сб. ст.) / Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока, Акад. геополитики и безопасности, [Сост. М. Р. Арунова]. М., Ин-т изучения Израиля и Ближ. Востока, 2001.
 61. Исследование об уровне коррупции в различных странах // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати). Ежемесячный информационный бюллетень ВИНТИ. 2001. № 9.
 62. Кавтарадзе С.Д. Развитие этнополитического конфликта. Психологические особенности принятия решения в процессе конфронтационной динамики // 2-я конференция по экологической психологии. Тезисы. М., 2000.

63. Кавтарадзе С.Д. Роль масс-медиа в формировании общественного мнения в условиях урегулирования этнополитического кризиса // Сборник докладов к конференции «Актуальные проблемы теории и практики управления». М., 2002.
64. Карпухин О.Н. Молодежь России: Особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3.
65. Клейменов ИМ. «Криминальное государство»: проблемы определения и исследования // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон / Под ред. А.И. Долговой. М., 2001.
66. Клейн Л.С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4.
67. Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4.
68. Колпаков Е.М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5.
69. Коммунистическая партия Советского Союза // Большая Советская Энциклопедия.
70. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы / Под ред. В.В. Лунеева. М., 2001.
71. Костюковский Я. История российской организованной преступности // Девиантность и социальный контроль в России (XIX-XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб., 2000.
72. Коэн А. Отклоняющееся поведение и контроль за ним // Американская социология. М., 1972.
73. Краснов М.А. Онтология разнообразия: (к осмыслению статьи 13 Конституции РФ) / М.А. Краснов // ОНС. 2006. № 3.
74. Креншо М. Терроризм и международное сотрудничество: Реферат

ИНИОН АН СССР. М., 1990.

75. Кропоткин П.А. Нравственные начала анархизма // Кропоткин П.А. Анархия. М., 2002.
76. Кудрявцев В.Н. Нравы общества переходного периода // Вестник российской академии наук. Том 72, № 3 (2002).
77. Кудрявцев В.Н. Социальные причины организованной преступности и коррупции // Чиновник. 2000. № 1(7).
78. Кузьмин С. Перспективы России в развитии современных мирохозяйственных Тенденций // Экономист. 2002. № 1.
79. Кулиев В.Д. Проявление политического и этнического экстремизма в исламе: корни существования и условия развития // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
80. Лазурский А.Ф. Классификация личности // Тайна порока. Харьков, 1995.
81. Лайкам К.Э. Социальные модели общества в период перехода к социально-ориентированной рыночной экономике (к вопросу о разработке социальной модели России XXI века) // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 24(112).
82. Липкин А.И. Российская самодержавная система правления // Полис. 2007. № 3.
83. Литвинов В.А. Правда о вкусной и здоровой пище: показатели потребления в России за 100 лет // Человек. 2006. № 2.
84. Лунеев В.В. Коррупция, учтенная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8.
85. Лунеев В.В. Опыт борьбы с организованной и коррупционной преступностью в Италии // Организованная преступность, терроризм и корруп-

- ция: Криминологический ежеквартальный альманах. Вып. 1, 2003.
86. Лунеев В.В. Организованная преступность в России: осознание, истоки, тенденции // Государство и право. 1996. № 4.
 87. Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. 1999. № 5.
 88. Лунеев В.В. Тенденции терроризма и уголовно-правовая борьба с ним // Государство и право, 2002. № 6.
 89. Макаров Н.Е. Системная государственная политика противодействия политическому и религиозному экстремизму — глобальная проблема уже сегодняшнего дня // Сиб. огни. 2005. № 10.
 90. Макеенко М.И. Борьба с терроризмом и свобода слова: USA PATRIOT Act — 5 лет в эфире // Медиальманах. 2006, № 3.
 91. Максимов В.К. Понятие коррупции в международном и российском праве // Право и безопасность. 2002. № 2-3 (3-4).
 92. Материалы Международного научно-практического семинара «Сравнительный анализ опыта различных стран по противодействию идеологии терроризма и разработка рекомендаций по использованию этого опыта в России: научно-методические аспекты». М., 2008.
 93. Материалы международной научно-практической конференции ВНИИ МВД России. 27 апреля 2004. М., 2004.
 94. Материалы Третьей международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. МГУ, им. М.В.Ломоносова. 25-27 октября 2007 г. М., МЦНМО, 2008.
 95. Материалы: «Медиаобразование в XXI веке». Международная научно-практическая конференция. Факультет журналистики МГУ, Бюро ЮНЕСКО в Москве. 24-27 сентября 2003.
 96. Международный терроризм и право. Реферативный сборник. Отв. редактор Ю.С. Пивоваров. М., 2003.

97. Международный терроризм: Борьба за геополитическое господство / Под общ. ред. А.В.Возженникова. М., Изд-во РАГС, 2005.
98. Международный терроризм: Истоки и противодействие: Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2001.
99. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966.
100. Милецкий В.П. Социальное государство: эволюция идей, сущность и перспективы становления в современной России // Политические процессы в России в сравнительном измерении. СПб., 1997.
101. Мирский Г.И. Возврат в Средневековье? // Россия в глобальной политике. 2006. № 5.
102. Мирский Г.И. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире // МЭиМО. 2004. № 6.
103. Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана. Материалы международной научной конференции. Москва, 25-27 мая 2004 г. / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 2005.
104. Можно ли накормить весь мир? // Население и общество. 2002. № 77-78.
105. Молодежь России перед лицом глобальных вызовов на рубеже веков: (как противостоять агрессивному экстремизму, ксенофобии и насилию среди молодежи): материалы Междунар. конф., 18-19 нояб. 2000 г., Москва / под науч. и общ. ред. И.М. Ильинского М., Социум, 2001.
106. Молозов И.Л. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии // Полис. 998.-№ 3.
107. Мониторинг общественного мнения, М., 2000. № 3 (47).
108. Мороз Р.И. Международный терроризм: организация структура и коммуникативная стратегия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. 2004. № 5.
109. Муслимов С.Ш., Нурилова А.З. Мировоззренческая толерантность как

- фактор преодоления религиозно-политического экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
110. Муслимова М.Ш. Экстремизм в системе мировоззренческих ориентиров студентов Дагестанского государственного университета // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
111. Национальная и глобальная безопасность. Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности / Под общей редакцией В.З. Дворкина. М., Издательство «Права человека», 2002.
112. Национальная и региональная безопасность на Юге России: новые вызовы / Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 14. Ростов-на-Дону, 2003.
113. Некляев С.И. СМИ как субъект информационно-психологической безопасности // Медиаальманах. 2003. № 1.
114. Нелль-Бройнинг О. фон. Насколько социальной является «социальная рыночная экономика»? // Politeconom. Российско-германский журнал по экономической теории и практике. 2000. № 2 (13).
115. Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал.А. Религиозно-политический экстремизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер., Политология. 2003. № 4.
116. Овчарова Л.Н., Ищенко М.А. Стратегия сокращения бедности // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 20 (213).

117. Ольшанский А. Террористические акты в Лондоне 7 июля 2005 года // Меди@льманах, 2006, № 3.
118. Орешкин Д. Антинародный климат // Большая политика. 2006. № 1-2.
119. Осипова Ю. Заключение перевели на усиленный режим питания // Коммерсант. 13.04.2005.
120. Основные направления и приоритетные проблемы научных исследований в области профилактики терроризма. Проект. М., МГУ, 2008.
121. Основы противодействия коррупции (системы общегосударственной этики поведения) / Науч. ред. С.В. Максимов и др. М., 2000.
122. Паин Э. А. Динамика национального самосознания россиян (к этнополитическим итогам прошедшего десятилетия) // Этнопанорама. 2002. № 2.
123. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4.
124. Панфилова В., Тодуа З. «Халифат идет!». Исламисты наступают на Центральную Азию // НГ-религия. 2005. 19 октября.
125. Переосмысливая современность: Материалы международной конференции (II) // Полис. 2003. № 3.
126. Петров Ю.П. Основания экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
127. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.
128. Попов Г. Молодежь в сфере криминогенного влияния // Социологические исследования. 1998. № 5.
129. Правовое регулирование борьбы с организованной преступностью. Проект федерального закона и комментарий. М., 1994.

130. Практикум по диагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г. У. Солдатовой М., 2003.
131. Преступность в разных ее проявлениях и организованная преступность / Под ред. А.И. Долговой. М., 2004.
132. Преступность и власть / Редкол., Долгова А.И. и др. М., 2000.
133. Приоритеты законодательного обеспечения государственной социальной политики России в 2007 году // Аналитический Вестник Совета Федерации ФС РФ. 2008. № 3 (348).
134. Природа этнорелигиозного терроризма / Ю.М. Антонян, Г. И. Белокуров, А.К. Боковиков и др. Под ред. Ю.М. Антоняна. М: Аспект Пресс, 2008.
135. Проблемы безопасности и противодействия терроризму. Материалы конференции в МГУ 25-26 октября 2006 г. М., МЦМНО, 2007.
136. Проблемы медиапсихологии / Сост. Е.Е. Пронина. М., изд-во «РИП-холдинг». 2002.
137. Проблемы свободы совести, веротерпимости и преодоления религиозного и этноконфессионального экстремизма: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., (Курган, 11-12 окт. 2000 г.) / Редкол., Шалютин С.М. (отв. ред.) и др. Курган: Кург. гос. ун-т, 2000.
138. Пронин Е.И. «Не утай!» и «Не навреди!» (Проблемы медиаэтики и ресурсы медиапсихологии) // Проблемы медиапсихологии-2. М., РИП-холдинг, 2003.
139. Пронин Е.И., Пронина Е.Е. Архетипы тотальной войны в локальном конфликте // Государственная служба. 2001. № 4.
140. Пронина Е.Е. Гражданское общество и СМИ: к единству в борьбе против терроризма // Медиаальманах. 2006. № 3.
141. Противодействие экстремизму: правоприменительная практика / Под ред. Г.Л. Бардиер. СПб., Норма, 2003.
142. Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. Т.

- 16., 1995, № 4.
143. Психологические проблемы профилактики экстремизма в российском обществе: Всерос. науч.-практ. конф., дек. 2002 г., Сб. материалов / под ред. Л.М. Дубового. Пенза, 2002.
144. Результаты выборов депутатов Госдумы // Российская газета. Федеральный выпуск № 3363 от 9 декабря 2003.
145. Рекомендации по применению гражданских технологий противодействия терроризму. Краснодар, 2006.
146. Роик В.Д. Пенсионная реформа: стартовые коллизии и необходимость концептуальной корректировки // Российский экономический журнал. 2003. № 11-12.
147. Ромов Р. РНЕ и «нация рабов». Новые вариации на тему старого мифа // Свободная мысль. 2000. № 6.
148. Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. XI ежегодный доклад. Материалы круглого стола / Под ред. академика РАН Н.М. Римашевской. М., 2002.
149. Рубинштейн Р.Е. Алхимики революции: Терроризм в современном мире. Реферат ИНИОН АН СССР. М., 1990.
150. Русанова, О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 2005. № 2.
151. Сазерленд Эдвин Х. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности. М., 1966.
152. Сериков А.В. Профилактика политического экстремизма молодежи // Соц.-гум. знания. 2005. № 4.
153. Сетевые стратегии Запада на Юге России. Южнороссийское обозрение ЦСРИ и ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 34 / Под ред. И.П. Добаева. Ростов н/Д., Изд-во СКНЦ ВШ, 2006.

154. Система социальной защиты в зарубежных странах // Отечественные записки. 2003. № 3 (12).
155. Соболев В. Противодействовать идеологии терроризма // ИТАР-ТАСС. 24.06.2009.
156. Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения / С.А. Афонин и др. Под ред. В.В. Ященко. М., МЦНМО, 2007.
157. Современный терроризм: состояние и перспективы / Под ред. А.И. Степанова. М., 2000.
158. Социальные и психологические проблемы борьбы с международным терроризмом. М., 2002.
159. Социология коррупции. Материалы научно-практической конференции. М., 2003.
160. Сочнев Д.В. Этнорелигиозные корни современного терроризма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
161. Стивенсон С.А. О феномене бездомности // Социологические исследования. 1996.
162. Сундиев И.Ю. Трансформация роли политического и религиозного экстремизма в условиях развертывания глобального кризиса // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
163. Сурков В.Ю. Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43(537).
164. Тадидинова Т.Т. Организованная преступность и молодежь // Социологические исследования. 2000. № 1.

165. Тарасов А. Н. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды. Новая фашистская молодежная субкультура в России // Свободная мысль-XXI. 2000. № 4-5.
166. Тарасов А.Н. Меняющиеся субкультуры. Опыт наблюдения за скинхедами // Свободная мысль. 2006. № 5.
167. Тарасов А.Н. Экстремисты по вызову // Свободная мысль. 2003. № 7.
168. Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». В 3-х т. М., 2003.
169. Терроризм — угроза человечеству в XXI веке / Отв. ред. Р.Б. Рыбаков. М., 2003.
170. Терроризм в России и проблемы системного реагирования / Под ред. А.И.Долговой. М., 2004.
171. Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «Круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6.
172. Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / Отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. М., 2003.
173. Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов / Отв. ред. А.А. Шаравин, С.М. Маркедонов. М., 2002.
174. Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. М., 2002.
175. Терроризм и религия / науч. ред. В.Н. Кудрявцев; сост. Л.В. Брятова; Общест.-консультативный совет по проблема борьбы с международным терроризмом РАН. М., Наука, 2005.
176. Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями. Научные статьи / Отв. ред. и рук. Авт. Коллектива И.Л.Трунов. М., Изд-во Эксмо, 2005.
177. Терроризм. Правовые аспекты противодействия / Под ред. И.Л. Трунова

- и Ю.С. Горбунова. М., «Эксмо», 2007.
178. Терроризм: новый вызов нового века / Под общ. ред. А.В. Федорова. М., 2002.
 179. Тертуллиан. Об отводе дела против еретиков // Тертуллиан. Апология. М., 2004.
 180. Тишков В.А. О нации и национализме. Полемические заметки // Свободная мысль. 1996. № 2.
 181. Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое Обозрение. 1992. № 1.
 182. Тишков В.А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1-2.
 183. Токарев С.А., Мелетинский Е.М. Мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. Минск-Смоленск. 1994. Т. 1.
 184. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. Владивосток, 2001.
 185. Трубицына Л.В. Средства массовой информации и психологическая травма // Проблемы медиапсихологии. М., РИП-холдинг, 2002.
 186. Турбина К.Е. Правовые аспекты страхования на случай терроризма // Страхование право. 2004. № 4.
 187. Туронок С.Г. Информационно-коммуникационная революция и новый спектр военно-политических конфликтов // Полис. 2003. № 1.
 188. Туроу Л.К. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует день завтрашний // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
 189. Тхостов А.Ш., Зинченко Ю.П. Патопсихологические аспекты посттравматического стрессового расстройства // Информационно-аналитический бюллетень, Психологи о мигрантах и миграции в России. 2001. № 3.
 190. Угроза ислама или угроза исламу? М., 2001.

191. Умланд, А. Концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультранационализма // Вопросы философии. 2006. № 12.
192. Устинов В.С. К вопросу о концепции причин преступного поведения // Криминология: Вчера, Сегодня, Завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 2 (3).
193. Федотовская Т.А. Социальные аспекты проблемы бедности в современной России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2003. № 20 (213).
194. Федулова А.В. Социокультурные составляющие девиантного поведения несовершеннолетних // Россия и социальные изменения в современном мире. Сборник научных докладов в 2-х т. Т. 1. М., 2004.
195. Феномен экстремизма / А.А. Козлов, В.Н. Томалинцев, Р.А. Зобов, Л.И. Сугакова; под ред. А.А. Козлов. СПб., 2000.
196. Филиппов В. Этнические процессы в столичном мегаполисе // Свободная мысль. 2004. № 9.
197. Фогель И. Европейский welfare mix Перераспределение общественного продукта в странах ЕС и Швеции: эволюция и перспективы // Politeconom. Российско-германский журнал по экономической теории и практике. 2000. № 2 (13).
198. Формирование климата доверия и толерантного сознания как основы предупреждения экстремизма: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 17-18 дек. 2003 г.) / под общ. ред. С. Боронбекова. Рязань: Ряз. фил. Моск. ун-та МВД РФ, 2004.
199. Фридкин Н. Налоговая нагрузка: надежда на лучшее // Экономическая газета. 2007. 20 марта.
200. Ханбабаев К.М. Ваххабизм в Дагестане: история и уроки // Проблема терроризма в современном обществе: Материалы республиканской науч-

- но-практической конференции (5 апреля 2006 г.). Дербент, 2006.
201. Ханбабаев К.М. Ислам и проблемы обеспечения национальной безопасности в Южном федеральном округе // Евразийский проект: кавказский вектор / Под редакцией И.П. Добаева, А.Г. Дугина / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 30. Ростов н/Д., 2005.
 202. Ханбабаев К.М. Исламский радикализм на Северном Кавказе. Идеология, цели, пути финансирования // Свободная мысль. 2007. № 3 (1574).
 203. Ханбабаев К.М. Механизмы преодоления религиозно-политического экстремизма и терроризма // Вестник Центра исследований проблем терроризма. № 4 (10). Ставрополь, 2006.
 204. Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в полиэтноконфессиональном обществе (на примере Северного Кавказа) // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: изд-во Лотос, 2007.
 205. Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм: социальный состав, способы, методы и тактика действия // Противодействие терроризму и обеспечение гражданского мира и согласия в регионе конфликта: Сборник материалов научно-практической конференции, 12 мая 2006. Ставрополь: СФ КУ МВД РФ. 2006. Ч. I.
 206. Ханбабаев К.М. Финансовая база религиозно-политического экстремизма и терроризма // Вестник центра исследований проблем терроризма. Научно-практическое и информационное издание. № 1 (7). 2006. Ставрополь, 2006.
 207. Ханбабаев К.М. Этапы и трансформация идеологии религиозно-политического экстремизма в постсоветском Дагестане // Вестник Центра исследований проблем терроризма. № 2 (8). Ставрополь, 2006.

208. Ханбабаев К.М. Этноконфессиональная толерантность в постсоветской России: проблемы методологии и практики // Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона. Сборник научных статей. Махачкала: Издательство типографии и ДНЦ РАН, 2008.
209. Хейл Г. Президентский режим, революция, демократия // Pro et Contra. 2008. № 1.
210. Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Полис. 2009. № 2.
211. Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект / Отв. ред. И.П.Добаев. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008.
212. Чистка мундиров. Рашид Нургалиев: Неприкасаемых чиновников-коррупционеров больше не будет // Российская газета. № 4771. 14 октября 2008.
213. Чистяков Д.И. Этнический национализм и проблемы нациестроительства в контексте предотвращения экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
214. Шнирельман В.А. Движение скинхедов — эскалация молодежного насилия // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.
215. Этнополитические отношения как фактор общественной жизни народов Северного Кавказа. Региональная научно-методическая конференция.

- Махачкала 14-15 мая 2002 года. Махачкала, 2002.
216. Юрганов А.Л. У истоков деспотизма // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX — начала XX вв. М., 1991.
 217. Юрьев М.З. Крепость Россия // Новая газета. 2004. 15-17 марта.
 218. Юсупова Г.И. Роль идеологического фактора в противодействии религиозно-политическому и этническому экстремизму // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. — Махачкала: Издательство «Лотос», 2008. Т. 1.

Литература, опубликованная в Интернете

1. Аналитическая записка Счетной палаты РФ // Официальный сайт Счетной палаты РФ: <http://www.ach.gov.ru/activity/npravlenia/openishev>.
2. Батанов Г. Россия идет в русле мирового опыта пенсионных реформ. Материалы от 21.02.2005. // <http://www.mypensia.ru>.
3. Бек У. Прекрасный новый мир труда. Проект всемирного гражданского общества // <http://www.academy-go.ru/Site/GrObsh/Publications/Beck1.htm>.
4. Бережной С.Е. Суннитский фундаментализм в политических реалиях Юга России // <http://www.southru.info/>.
5. Браун А. Как Москва покончила с коммунизмом // The Guardian, Великобритания. 26 мая 2009 // Русский перевод на ИНОСМИ.РУ: <http://www.inosmi.ru/translation/249416.html>.
6. Бунин И. Начало нового политического цикла: основные тенденции российской политики // Центр Политических технологий. 15.05.2008 // <http://www.politcom.ru/6173.html>.
7. Вебер М. Хозяйство и общество. Часть 1. «Экономика, общественное

- устройство и власть», глава III. «Типы господства и их отношение к экономике». Сокращенный и адаптированный перевод с нем. Е. Ляпуновой / под ред. Н. Головина. // http://www.soc.pu.ru:8101/persons/golovin/r_weber2.html.
8. Вернадский Г.В. Киевская Русь // <http://www.gumilevica.kulichki.net/VGV/index.html>1948.
 9. Выступление министра внутренних дел Р. Нургалиева на расширенном заседании Коллегии МВД Российской Федерации 16 февраля 2005 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ // <http://www.mvd.ru>.
 10. Гелен А. Социология власти. Перевод Н.А. Головина // http://www.soc.pu.ru:8101/persons/golovin/reader/gehlen/r_gehlen1.html.
 11. Глазьев С.Ю. В госрезерве — избыток алмазов? // <http://preobrazhenie.narod.ru/glazev.html>.
 12. Гусейнов А.А. Мораль и разум. Доклад на симпозиуме «Научные и внеаучные формы мышления» (Москва, 4-9 апреля 1995 г.) // <http://www.philosophy.ru/iphras/library/ruspaper/>.
 13. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2004 году (Извлечение) // <http://www.rusoir.ru/news/28-04-2005-16-31-20.html>.
 14. Материалы Всероссийского опроса городского и сельского населения. ФОМ. 11 сентября 1999 года. 1500 респондентов (См. http://bd.fom.ru/report/cat/policy/political_party/of19994005).
 15. Медведев В.А. Современные тенденции в социальной сфере и российские реалии. Материалы конференции по итогам российско-канадского проекта по публичной политике Университет Калгари. 2 февраля 2005 // http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=23991&rubr_id=451&page=1.
 16. Мисихина С. Бедность — это прежде всего вопрос статистики // Семинар Е. Ясина в Фонде «Либеральная миссия» // <http://www.liberal.ru/>

- sitan_print.asp?Rel=95.
17. Морозов А. Ответы на вопросы Политу.Ру: Политическая система России после путинских реформ // http://www.polit.ru/research/2005/01/27/polit_system.html.
 18. Наматов Н. Религиозный экстремизм в Центральной Азии // CA&CC Press®AB (Central Asia & Central Caucasus Press AB/) // <http://www.ca-c.org/datarus/namatov.shtml>.
 19. Насколько сильна Россия? // Time, США. 1950. 27 ноября. (Русский перевод на ИноСМИ.ру: <http://www.inosmi.ru/stories/05/07/29/3449/232344.html>).
 20. Никольский А. Отзыв на книгу А.П. Паршева «Почему Россия не Америка» // <http://scd.plus.centro.ru/parshev.htm>.
 21. Ниязи А.Ш. Афганистану навязываются пережитки глобализма // <http://afghanistan.ru/doc/15268.html>.
 22. Откровения либерала // Washington ProFile (Независимая информация и аналитика из США) // <http://www.washprofile.org/ru/node/7439>.
 23. Петрова А.С. Понятие «Экстремизм» // http://bd.fom.ru/report/map/special/416_15405/
 24. Проваторов В.В. Трансформация земельного фонда России за последние 10 лет. М., 2001. // <http://geopub.narod.ru/student/pravotorov/author.htm>
 25. Рассел Б. Терпимость и фанатизм // <http://books.atheism.ru/atheism/>.
 26. Революция Wal-Mart // Washington ProFile (Независимая информация и аналитика из США) // <http://www.washprofile.org/ru/node/5675>.
 27. Репецкая А.Л. Организованная преступность в сфере экономики и финансов и проблемы борьбы с ней // Официальный сайт Иркутского центра по изучению организованной преступности и коррупции // <http://irkcenter.isea.ru/issledovan/orgpresrus/1.htm>.
 28. Ржаницына Л. Социальная тактика на современном этапе //

<http://www.vscs.ac.ru>.

29. Романович Н.А. Концепция «разделение властей» через призму концепции «симфония властей» (Доклад на IV Всероссийском конгрессе политологов «Демократия, безопасность, управление: новые вызовы политической науки», Октябрь 20-22, 2006 г.) // <http://www.qualitas.ru/media/pub/2006/Doklad.doc>.
30. Российские правоохранители: Уровень коррупции в России зашкаливает, раскрываемость — низкая, до суда доходит лишь мелочь. 24 сентября 2008 // <http://www.newsru.com/russia/24sep2008/korruptz.html>.
31. Санников С.В. Общая история христианства // Официальный сайт Одесской Богословской семинарии // <http://www.odessasem.com/>.
32. Скинхедов из банды А. Рыно признали виновными в 20 убийствах // Бизнес-газета РБК-Daily. 02 декабря 2008 // <http://top.rbc.ru/society/02/12/2008/265057.shtml>.
33. Соловьев Э.А. Реформация и становление новоевропейской цивилизации // Библиотека Якова Кротова: <http://www.krotov.info/history/16/soloviov.html>.
34. Соловьев Э.Ю. Основные паттерны новоевропейской цивилизации: «трудоголик», «профессионал», «предприниматель», «правозащитник» // http://ethicscenter.ru/biblio/solov_1.html.
35. Тихомиров Л.А. К вопросу о терпимости // <http://www.philosophy.ru/library/vehi/terpimost.htm>.
36. Фурман Д. Ответы на вопрос Политу.Ру: Политическая система России после путинских реформ // http://www.polit.ru/research/2005/01/27/polit_system.html.

Литература на иностранных языках.

1. Abadinsky H. Organized crime. Fourth edition. Nelson-Hall. Chicago. 1994.

2. Alexander D., Alexander Y. *Terrorism and Business. The Impact of September 11, 2001.* Transnational Publishers, Inc., 2002.
3. Anderson E. *Streetwise: Race, Class and Change in an Urban Community.* Chicago: University of Chicago Press., 1990.
4. Anomic and Deviant Behaviour. N.-Y.-L., 1966; Cohen A. *Delinquent Boys.* New York: Free Press., 1995.
5. Arndt J., Greenberg J., Pyszczynski T., Simon L. Suppression, accessibility of death-related thoughts, and cultural worldview defense: Exploring the psychodynamics of terror management // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1997, 73, pp. 5-18.
6. Bekker H. *A outsiders.* N.Y., Free Press of Glencoe, 1963.
7. Ben-Dor G. The Uniqueness of Islamic Fundamentalism // *Religious Radicalism in the Greater Middle East*, eds. Bruce Maddy-Weitzman and Efraim Inbar. London and Portland, Oregon: Frank Cass, 1997.
8. Bolz F., Dudonis K. J., Schulz D. P. *The counterterrorism handbook. Tactics, procedures, and techniques.* — 2nd Ed. Boca Raton, Florida: CRC Press, 2002.
9. Brauner C, Galey G. *Terrorism Risks in Property Insurance and Their Insurability after 11 September 2001.* Zurich: Swiss Reinsurance Company. 2003.
10. Cassesse A. *Terrorism, Politics and Law.* Cambridge: Polity Press, 1989.
11. Chaplin S. *The psychology of time and death.* Ashland, OH: Sonnet Press, 2000.
12. Chomsky N. *Media Control. The Spectacular Achievements of Propaganda.* — N.-Y. 2002.
13. Cicchetti D., Toth S. *Developmental perspective on trauma: Theory, research, and intervention.* Rochester, NY: University of Rochester Press, 1997.
14. Cralley, William E, Garfield, Andrew and Echeverria, Carlos. *Understanding Terrorism Lessons of the Past — Indicators for the Future.* IDA, Virginia, 2004.
15. Crayton, John W. *Terrorism and the Psychology of the Self* // Pages 33-41 in

- Lawrence Zelic Freedman and Yonah Alexander, eds., *Perspectives on Terrorism*. Wilmington, Delaware: Scholarly Resources, 1983.
16. Crenshaw, Martha. An Organization Approach to the Analysis of Political Terrorism // *Orbis*, 29, 1985, 465-89.
 17. Crenshaw, Martha. Current Research on Terrorism: The Academic Perspective // *Studies in Conflict and Terrorism*, 15, 1992, 1-11.
 18. Crenshaw, Martha. The Psychology of Political Terrorism // Pages 379-413 in Margaret Hermann, ed., *Handbook of Political Psychology*. San Francisco: Jossey-Bass, 1985.
 19. Crenshaw, Martha. Theories of Terrorism: Instrumental and Organizational Approaches // Pages 13-31 in David Rapoport, ed., *Inside Terrorist Organizations*. New York: Columbia University Press, 1988.
 20. Cubert, Harold M. *The PFLP's Changing Role in the Middle East*. London and Portland, Oregon: Frank Cass, 1997.
 21. Dechesne M., Greenberg J., Arndt J., Schimel J. Terror management and the vicissitudes of sport fan affiliation: The effects of mortality salience on optimism and fan identification // *European Journal of Social Psychology*, 2000, 30, pp. 813-835.
 22. Dechesne M., Janssen J., van Knippenberg A. Derogation and distancing as terror management strategies: The moderating role of need for closure and permeability of group boundaries // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, 79, pp. 923-932.
 23. Dekmejian R.H. *Islamic Revolution: Fundamentalism in the Arab World*. Syracuse, New York: Syracuse University Press, 1995.
 24. Desk Study on the Environment in the Occupied Palestinian Territories. United Nations Environment Programme. — Switzerland., 2003.
 25. Drake, C.J.M. The Role of Ideology in Terrorist's Target Selection. Pages 53-85 in *Terrorism and Political Violence*. Vol.10 N2., Frank Kass, London, 1998.

26. Esping-Andersen G. *The three worlds of welfare capitalism*. Cambridge, 1990.
27. Ferracuti, Franco. *A Psychiatric Comparative-Analysis of Left and Right Terrorism in Italy* // In *World Congress of Psychiatry, Psychiatry: The State of the Art*, 6. New York: Plenum, 1985.
28. Ferracuti, Franco. *A Sociopsychiatric Interpretation of Terrorism* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 463, September 1982, 129-41.
29. Ferracuti, Franco. *Ideology and Repentance: Terrorism in Italy* // Pages 59-64 in Walter Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1990.
30. Finer C, Nellis M. (Eds.) *Crime and Social Exclusion*. Blackwell Publishers, Ltd., 1998.
31. Florian V., Kravitz S. *Fear of personal death: Attribution, structure, and relation to religious belief* // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1983, 44, pp. 600-607.
32. Florian V., Mikulincer M. *Fear of death and the judgment of social transgression: A multidimensional test of terror management theory* // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1997, 73, pp. 369-380.
33. Florian V., Mikulincer M. *Symbolic immortality and the management of the terror of death: The moderating role of attachment style* // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, 74(3), pp. 725-734.
34. Friedrich Carl J. *Corruption Concepts in Historical Perspective / Political corruption. – A handbook*. Edited by A.J. Heidenmeier, V.T. LeVine. New Brunswick, N.J. , Oxford., 1989.
35. *Fundamentalisms Comprehended, The Fundamentalism Project, Vol. 5*, eds. Martin Many and R. Scott Appleby. Chicago and London: University of Chicago Press, 1995.
36. Galvin, Deborah M. *The Female Terrorist: A Socio-Psychological Perspective* //

- Behavioral Science and the Law, 1, 1983, 19-32.
37. Goldenberg J. L., McCoy S. K., Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S. The body as a source of self-esteem: The effects of mortality salience on identification with one's body, interest in sex, and appearance monitoring // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, 79, pp. 118-130.
 38. Goldenberg J. L., Pyszczynski T., McCoy S. K., Greenberg J., Solomon S. Death, sex, love and neuroticism: Why is sex such a problem? // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, 77, pp. 1173-1187.
 39. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. The causes and consequences of a need for self-esteem: A terror management theory. In R. F. Baumeister (Ed.), *Public self and private self*. New York: Springer-Verlag, 1986, pp. 189-212.
 40. Herbert D.L, Tritt H. *Corporations of Corruption. A Systematic Study of Organized Crime*. Springfield, 1984; Joseph L. Albin. *The American Mafia. Genesis of a Legend*. Irvington Publishers Ins. N.Y., 1971.
 41. Hess H. Terrorismus und Weltstaat // *Kriminologische Journal*, 2002, №34. H. 2. S.143-150.
 42. Jacobs J., Potter K. *Hate Crimes: Criminal Law and Identity Politics*. Oxford University Press, 1998.
 43. Jenkins, Brian M. *High Technology Terrorism and Surrogate Warfare: The Impact of New Technology on Low-Level Violence*. Santa Monica, California: Rand, 1975.
 44. Jenkins, Brian M. *International Terrorism: A New Mode of Conflict* // In David Carlton and Carolo Schaerf, eds., *International Terrorism and World Security*. London: Croom Helm, 1975.
 45. Jenkins, Brian M., ed. *Terrorism and Beyond: An International Conference on Terrorism and Low-Level Conflict*. Santa Monica, California: Rand, 1982.
 46. Kellen, Konrad. *Terrorists-What Are They Like? How Some Terrorists Describe Their World and Actions* // Pages 125-73 in Brian M. Jenkins, ed., *Ter-*

- rorism and Beyond: An International Conference on Terrorism and Low-Level Conflict. Santa Monica, California: Rand, 1980.
47. Kelman H. Group processes in the resolution of international conflicts: Experiences from the Israel-Palestinian case // *American Psychologist*, 1997, 52, pp. 212-220.
 48. Kerry J.F. Organized crime goes global while the USA stays home // *The Washington Post*. 1997. 11 of May.
 49. Knutson, Jeanne N. The Terrorists' Dilemmas: Some Implicit Rules of the Game // *Terrorism*, 4, 1980, 195-222.
 50. Knutson, Jeanne N. Toward a United States Policy on Terrorism // *Political Psychology*, 5, No. 2, June 1984, 287-94.
 51. Kustmer H.W. *Encyclopedia of Terrorism*. Thousand Oaks, California: Sage Publications, 2003.
 52. Leeman, R., *The Rhetoric of Terrorism and Counterterrorism*, Greenwood Press, New York, 1991.
 53. Lewis, Bernard. License to Kill: Usama bin Ladin's Declaration of Jihad // *Foreign Affairs*, 77, No. 6, November/December 1998, 14-19.
 54. Linguct N. *Theorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la societe*. T. 2. London, 1767.
 55. Margolin, Joseph. Psychological Perspectives in Terrorism // Pages 273-74 in Yonah Alexander and Seymour Maxwell Finger, eds., *Terrorism: Interdisciplinary Perspectives*. New York: John Jay, 1977.
 56. McCauley, C.R., and M.E. Segal. Social Psychology of Terrorist Groups // In C. Hendrick, ed., *Group Processes and Intergroup Relations*, Vol. 9 of *Annual Review of Social and Personality Psychology*. Beverly Hills: Sage, 1987.
 57. McGregor H., Lieberman J., Greenberg J., Solomon S., Arndt J. Simon L. et al. Terror management and aggression: Evidence that mortality salience promotes aggression toward worldview-threatening individuals // *Journal of Personality*

- and *Social Psychology*, 1998, 74, pp. 590-605.
58. Mikulincer M., Florian V. Exploring individual differences in reactions to mortality salience — Does attachment style regulate terror management mechanisms? // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000-, 79, pp. 260-273.
 59. Miller A. (ed.) *Terror, the Media and the Law*, Dobbs Ferry, NY: Transaction 1982.
 60. Nacos, B., *Terrorism and the Media*, Columbia University Press, New York, 1994.
 61. Oots, Kent Layne, and Thomas C. Wiegale. Terrorist and Victim: Psychiatric and Physiological Approaches from a Social Science Perspective // *Terrorism: An International Journal*, 8, No. 1, 1985, 1-32.
 62. Organised crime has become Russia's fastest growth industry // *Europe 2000*. Quarterly newsletter. Brussels. March. 1996.
 63. Organised crime in Baltic region // *Collected articles*. Criminological research centre./ Riga. November. 1997.
 64. *Organized Crime*. Report of the Task Force on Organized Crime. National Advisory Committee on Criminal Justice. Standards and Goals. Washington, 1976.
 65. Paletz, D., Schmid, A., (ed.) *Terrorism and the Media*, Sage Publications, London, 1992.
 66. Piscatori J. Accounting for Islamic Fundamentalisms // *Accounting for Fundamentalisms*, The Fundamentalism Project, Vol. 4, eds. Martin Marty and R. Scott Appleby. Chicago and London; University of Chicago Press, 1994.
 67. Post, Jerrold M. Individual and Group Dynamics of Terrorist Behavior // *In World Congress of Psychiatry, Psychiatry: The State of the Art*, 6. New York: Plenum, 1985.
 68. Post, Jerrold M. Notes on a Psychodynamic Theory of Terrorist Behavior // *Terrorism: An International Journal*, 7, No. 3, 1984, 242-256.
 69. Post, Jerrold M. Rewarding Fire with Fire? Effects of Retaliation on Terrorist

- Group Dynamics // Pages 103-115 in Anat Kurz, ed., *Contemporary Trends in World Terrorism*. New York: Praeger, 1987.
70. Post, Jerrold M. *Terrorist Psycho-Logic: Terrorist Behavior as a Product of Psychological Forces* // Pages 25-40 in Walter Reich, ed., *Origins of Terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1990.
 71. Post, Jerrold. *Current Understanding of Terrorist Motivation and Psychology: Implications for a Differentiated Antiterrorist Policy* // *Terrorism*, 13, No. 1. 1990, 65-71.
 72. Pozen B. *The Security Dilemma and Ethnic Conflict* // *Ethnic Conflict and International Security*/ Ed. b M.Brown. — Princeton, NJ., 1993.
 73. Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S. A dual process model of defense - against conscious and unconscious death-related thoughts: An extension of terror management theory // *Psychological Review*, 1999, 106, pp. 835-845.
 74. Pyszczynski T., Greenberg J., Solomon S., Hamilton J. A terror management analysis of self-awareness and anxiety: The hierarchy of terror // *Anxiety Research*, 1990, 2, pp. 177-195.
 75. *Russian organized crime and corruption: Putin's challenge*. Washington, 2000.
 76. Salton G., McGill M. J. *Introduction to modern Information Retrieval*. McGraw-Hill Computer Science Series. McGraw-Hill, New York, 1983.
 77. Sandbach F. *Environment, Ideology and Policy*. New Jersey, 1980.
 78. Schaad W. *Terrorism — Dealing with the New Spectre*. Zurich: Swiss.
 79. Schimel J., Simon L., Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S., Waxmonsky J. et al. Stereotypes and terror management: Evident that mortality salience enhances stereotypic thinking and preferences // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, 77, pp. 05-926.
 80. Schivao G. *The Truth About the Mafia and Organized Crime in America*. New York: Vigo Press, 1962.

81. Strentz, Thomas. A Terrorist Psychosocial Profile: Past and Present // *Law Enforcement Bulletin*, 57, No. 4, 1988, 11-18.
82. Sutherland E.H., and Cressy D.R. *Criminology*. Philadelphia: Lippincott. 1978.
83. Taylor, Maxwell, and Ethel Quayle. *Terrorist Lives*. London and Washington: Brassey's, 1994.
84. Taylor, Maxwell, and Helen Ryan. Fanaticism, Political Suicide and Terrorism // *Terrorism*, 11, No. 2, 1988, 91-111.
85. *Terrorism and International Law* / Ed. By Higgins R., Flory M. — L.; N.Y, 1997.
86. United Nations, 2002. *Global Programme Against Trafficking in Human Beings*. New York. Office for Drug Control and Crime Prevention.
87. Van Rijsbergen C.J. *Information Retrieval*. Butterworth, London, second edition, 1979.
88. Wilkinson, Paul. Hamas-An Assessment // *Jane's Intelligence eview*, 5, No. 7, July 1993, 31-32.
89. Wilkinson, Paul. *Terrorism: International Dimensions* // Pages 29-56 in *Contemporary Terrorism*. New York: Facts on File, 1986.
90. Wilson A. *Sociobiology: a New Approach to Understanding the Basis of Human Nature* // *New Scientist*. 1976. Vol. 70, № 1000.
91. Wong W., Fu A.W. *Incremental Document Clustering for Web Page Classification*. Department of Computer Science and engineering. The Chinese University of Hong Kong, 2000.
92. Young J. *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. N.Y., 1999.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Баранов М.В. – кандидат политических наук

Барис В.В. — доктор политических наук, профессор, зам. зав. каф. философии и политологии АТиСО.

Барис Е.В. – кандидат политических наук

Билалов Билал Аругович - доктор физико-математических наук,
профессор

Бобков Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор

Дибиров Абдул-Насир Зирарович - доктор политических наук, профессор,
ректор Дагестанского институт экономики и
политики.

Дибиров Зирар Абдул-Насирович - аспирант юридического факультета
Дагестанского государственного университета.

Еремин Б. - кандидат политических наук

Моисеенко Т.В. – кандидат политических наук

Народницкий Ю.О. – кандидат политических наук

Пронский Леонид Михайлович – старший преподаватель Дагестанского
института экономики и политики

Саидов Ахмедхан Аминович - кандидат политических наук, доцент,
проректор Дагестанского института эконо
мики и политики

Сафаралиев Гаджимет Керимович – член корреспондент РАН, депутат Госу
дарственной Думы РФ

Федоров В.В. – кандидат политических наук

Ханбабаев Каflan Муслимович - кандидат философских наук, доцент, зам.
министра по национальной политике, информации и
внешним связям РД, старший научный сотрудник

Регионального центра этнополитических исследований
ДНЦ РАН

Шаряпов Ринат Абдулберович – кандидат политических наук, начальник отдела
дела ИПИБ МГУ им. М.В.Ломоносова.

Шнирельман В.А. - доктор исторических наук, гл. н. с. ИЭиА РАН.

Яхьяев Мухтар Яхьяевич - доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Дагестанского государственного университета